

Календарные
обычаи и обряды
в странах
зарубежной Европы
весенние праздники
Календарные обычаи и обряды
весенние праздники

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы

конец XIX—начало XX в.

весенние праздники

Книга представляет собой монографическое исследование, посвященное подробному описанию и разбору традиционных народных обрядов — праздников, которые проводятся в странах зарубежной Европы. Авторами показывается история возникновения обрядности и ее классовая сущность, прослеживается формирование обрядов с древнейших времен до первых десятилетий XX в., выявляются конкретные черты для каждого народа и общие для всего населения европейского материка или религиозных групп. В монографии дается научное обоснование возникновения и распространения обрядности среди народов зарубежной Европы.

К $\frac{10602\text{-}305}{042(02)\text{-}76}$ 111-76

ВВЕДЕНИЕ

* * * * * * * * * * *

И. Н. Гроздова, С. А. Токарев

Настоящая книга является продолжением издания «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники» * и посвящена описанию весенних календарных обычаев и обрядов в странах зарубежной Европы.

Весенний цикл праздников не менее богат обычаями, чем зимний период. Да это и понятно: ведь первоначальная основа всех народных календарных обрядов — труд древнего земледельца, а весна — самый важный период для сельских жителей. Именно весной совершались главные работы земледельца — вспашка поля, посев, выгон скота, высадка рассады, от которых зависело благополучие всей жизни общины в течение года. Поэтому в весенний период люди еще более тщательно, чем зимой, наблюдали за явлениями окружавшей их природы, старались приспособиться к ним, чтобы сделать свой труд более успешным. Чувствуя свою зависимость от природной среды, крестьянин стремился всеми доступными ему мерами обезопасить себя и свой труд от неожиданных стихийных бедствий, полагаясь и на магические действия.

По своему содержанию, по смыслу многие обычаи и обряды весеннего цикла во многом перекликаются с зимней обрядностью, которая по существу была подготовкой к весеннему началу нового сельскохозяйственного года.

* Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., «Наука», 1973.

Весенние народные праздники уже давно привлекают к себе внимание ученых — этнографов, фольклористов, историков. Конечно, народные календарные традиции изучаются обычно все вместе, но именно весенний цикл праздников возбуждает нередко особый интерес. При этом к интересу научному зачастую примешиваются романтические мотивы, выражающиеся порой в поэтической форме: «Улыбкой ласковой природа сквозь сон встречает утро года...» (А. С. Пушкин). На фоне весеннего оживления природы выступает и весеннее приподнятое настроение людей, отразившееся в фольклоре, плясках, обрядах весеннего цикла. Тема «Снегурочки» Островского и Римского-Корсакова — не досужий поэтический вымысел, а художественная стилизация образов народной фантазии, уложенной в традиционную мифологическую схему: весна прогоняет зиму.

Именно эта схема легла и в основу первой, самой ранней научной концепции весеннего ритуала — мифологической концепции, господствовавшей в европейской науке до середины XIX в., а частью сохранявшейся и позже. Защитники этой концепции — в Западной Европе Якоб Гримм, Адальберт Кун, Вильгельм Шварц, Макс Мюллер, Анджело де Губернатис и др., а в России Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня и др. — видели и в весенней народной обрядности, и в обрядовой весенней поэзии следы древней

мифологии, а в этой мифологии — лишь отражение природных, даже космических явлений: круговорот сезонов, смена зимы весной, а позже летом. Они видели в каждом обряде символику космических или атмосферных явлений: например, обрядовое хлестание скота прутьями перед весенним выгоном — это символическое подражание небесному огню, разгоняющему тучи; различные обряды и поверья, связанные с огнем, — это (по Куну) отзвук представлений о небесном огне — молнии; народная весенняя игра-песня, где парни и девушки поочередно пробегают в «ворота» (через поднятые вверх и соединенные руки играющих), — это символ (по Потебне) небесных ворот, через которые восходят и заходят светила небесные.

Подобное понимание корней народной обрядности и народной поэзии, искусственное и натянутое, уже тогда многих не удовлетворяло. Сами «мифологи» иной раз видели — и не могли не видеть — подлинную земную основу тех же мифологических представлений. Ад. Кун писал в конце своей книги о «Нисхождении огня и божественного напитка», что «зерно древнейших и важнейших мифов о богах у индогерманцев основывается на мировоззрении, которое было лишь зеркалом собственной жизни народа» [1]. Афанасьев — один из самых крайних последователей мифологической школы — соглашался с этим и совершенно правильно писал: «Олицетворяя грозовые тучи быками, коровами, овцами и козами, первобытное племя ариев усматривало на небе, в царстве бессмертных богов, черты своего собственного пастушеского быта: ясное солнце и могучий громовик, как боги, приводящие весну с ее дождевыми облаками, представлялись пастырями мифических стад» [2]. «В то древнее время, — отмечал он, — когда над всем строем жизни владычествовали патриархальные, кровные связи, человек находил знакомые ему отношения и во всех естественных явлениях; боги становились добрыми семьянинами, были отцы, супруги, дети, родичи. Олицетворяя божественные силы природы в человеческих образах, он перенес на них и свои бытовые формы» [3].

Решительный шаг к разрыву с узкой и натянутой схемой мифологической школы, видевшей повсюду следы небесных богов, сумел сделать Вильгельм Маннгардт, немецкий этнограф, сам бывший последователь этой школы. В ряде своих работ, начиная с 1865 г. («Ржаной волк и ржаная собака», «Хлебные демоны», «Лесные и полевые культы» и др.) [4], Маннгардт раскрыл множество поразительно живучих в народе поверий и обычаев, связанных с земледельческим хозяйством, — то, что потом получило общее название «аграрных культов».

Народные верования, относящиеся к сельскому хозяйству, переполнены олицетворенными образами, зооморфными и антропоморфными: это «ржаная собака», «ржаной заяц», «ржаной волк», «ржаная свинья», «кабан», «дикая свинья», разные демоны в виде козла, оленя, коровы, медведя, гуся, мыши, лебедя, жабы и пр.; а также «хлебная матушка», «хлебная девушка», «пшеничный человек», «старик», «хлебный ребенок» и пр. Маннгардт решительно отказывался видеть в этих мифологических существах символы или атрибуты великих небесных богов (как это делала мифологическая школа); напротив, он считал, что под ними кроется дух растительности, олицетворение посеянного и вырастающего хлеба. Недаром существует много немецких поговорок: «Волк сидит в хлебах»; «Волк гонит овец через хлеба» (когда нива колышется от ветра); «Не ходите в хлебное поле, там большая собака» (так пугают детей).

В работах Маннгардта наметился, таким образом, резкий поворот интереса: от туманных сомнительных образов не-

бесных божеств («высшая мифология») к живым народным верованиям («низшая мифология»). Эта перемена интереса привела и к обнаружению очень важного факта: в то время как образы древних германских, кельтских, славянских богов давно уже исчезли из памяти народной (об этом позаботилась могущественная христианская церковь), а если и сохранились, то под именами христианских святых, образы низшей мифологии, ближе связанные с хозяйством и со всем бытом народа, сохранились почти целиком, в древнем своем виде, не затронутые церковными примесями: церковь их как бы не заметила.

По стопам Маннгардта пошли другие исследователи, тщательно изучая аграрные культы европейских народов. Английский ученый Джемс Фрэзер в работе «Золотая ветвь» сумел показать, что вера в «духа растительности», умирающего при посеве и воскресающего в растущем хлебе, лежит в основе и народных религий Древнего Востока и Средиземноморья и многих народных поверий и обрядов в странах современной Европы; этот аграрный культ был вначале чисто магическим, а позже породил множество образов земледельческих божеств и духов [5].

Вильгельм Вундт в своих исследованиях по этнопсихологии обратил внимание на видную роль «демонов плодородия» в религиях всех народов [6]. Французский фольклорист Гастон Парис и его русский продолжатель и ученик Евгений Аничков исследовали ту же древнюю земледельческую обрядность как корень не только народной обрядовой поэзии, но и всей богатейшей средневековой книжной поэзии [7].

В трудах названных авторов было, между прочим, обращено особое внимание на неразрывную связь между верованиями и ритуалом, между мифом и обрядом. Впервые на эту связь указал английский историк религии Робертсон Смит; он же впервые высказал ту мысль, что именно ритуальные действия лежат в основе мифа (верования), а не наоборот. «Можно утверждать с уверенностью, — писал он, — что почти во всех случаях миф вырос из ритуала, а не ритуал из мифа» [8]. Миф есть, как правило, нечто придуманное для объяснения ритуала, подлинное происхождение которого люди сами уже давно забыли. И так как ритуал несравненно более устойчив, чем миф, то начинать изучение древних религий надо именно с их обрядовой стороны, с ритуала.

Эту мысль развивали и по-разному обосновывали многие ученые. Применительно к европейскому материалу ее особенно подробно развил и подкрепил Аничков. Но его интересовали не столько религиозные верования, связанные с древними ритуалами (ибо он скептически относился к возможности реконструировать древнеславянский или древнегерманский пантеон), сколько народная обрядовая поэзия. Последняя, по его мнению, гораздо лучше сохраняет свой архаический облик и потому дает нам более верное представление о древнем мировоззрении. Эта архаичность поддерживается именно ее связью с ритуалом, с обычаем и обрядом. «Обряд придает песне особую устойчивость, под его прикрытием может сохраняться песня многие столетия» [9]. Вначале народная песня составляла неотделимую часть того или иного обряда, и лишь впоследствии она стала выполнять и эстетическую функцию [10]. Этот вопрос Аничков разработал на материале весенней обрядовой песни, связанной с весенними календарными обычаями и праздниками.

В советской науке прочно укрепилось понятие о народных календарных обычаях и верованиях, как о едином комплексе, о динамической системе взаимосвязанных частей: древних ритуалов и поверий, позднейших религиозных и нерелигиозных наслоений. Но первоначальной основой и корнем для всего

этого комплекса советские этнографы считают трудовую практику древнего земледельца, стихийный опыт народа в наблюдениях примет погоды и других природных явлений. В отношении зимних календарных обычаев это было хорошо показано советским этнографом В. И. Чичеровым [11], как и в отношении охотничьих обычаев и поверий — еще раньше Д. К. Зелениным [12].

Отдельные стороны сложного комплекса календарных обычаев остаются и сейчас недостаточно изученными. Неясна, например, связь аграрных обрядов с погребально-поминальным культом, с культом предков, пережитки которого отчетливо видны в этих обрядах. Советский фольклорист В. Я. Пропп склонен был даже видеть именно в погребальных и поминальных обычаях самую существенную, если не первичную часть аграрных поверий и обрядов. Явно преувеличивая значение этого элемента, Пропп считал собственно аграрные магические обряды производными от погребально-поминальных. «Мы можем предположить, — писал он, — что... обряды заупокойного культа имели целью воздействовать на урожай» [13]. Святочная трапеза представляла собой, по его мнению, «поминальный стол», и именно с нее надо поэтому начинать изучение всей аграрной обрядности [14].

Несмотря на некоторые преувеличения, мысль В. Я. Проппа о тесной связи аграрных обрядов также и с погребальным культом заслуживает внимания. Здесь перед нами одна из не решенных еще проблем.

В весеннем цикле обычаев и верований обнаруживается и еще ряд проблем, частью очень сложных. К их числу принадлежит такое сложное и оригинальное явление, как обычай справлять карнавал (масленицу). Этот обычай знаком всем народам Европы, но формы его различны, как различны и его сроки и его длительность: от однодневного или трехдневного карнавала за один-три дня до начала так называемого великого поста до многонедельного карнавального периода — с 6 января и до великого поста. Особенно яркие формы принял карнавал в романоязычных католических странах. Как бы ни истолковывать смысл и происхождение обычая карнавала (об этом будет сказано в «Заключении»), но бесспорна тесная связь веселья и разгула, свойственного этому празднику, со сменяющим его периодом строгого воздержания — поста: связь не только по времени (одно сразу за другим), но и по резкому контрасту. Интересна попытка включить обычаи веселого карнавала в широкую традицию народной «смеховой культуры», как своего рода стихийной оппозиции официальному классово-государственному социальному строю (Бахтин) [15], в традицию, зарождение которой относится к эпохе Возрождения.

По своему характеру масленица, или карнавал, — народный праздник, не связанный ни с какими церковными обрядами, и только время его определяется по церковному календарю — отсчитывается от пасхи.

Особая трудность изучения весеннего цикла календарных обычаев (сравнительно с зимним и летним циклами) порождена двумя обстоятельствами. Во-первых, здесь налицо гораздо большее разнообразие сроков и дат, чем это обнаруживается в зимних и летних праздниках. Ведь середина зимы и середина лета — зимнее и летнее солнцестояние — наступают в одно и то же время во всех странах, независимо от географического положения и от климата. Напротив, весна наступает в разных географических широтах, где раньше, где позже; при этом определить «на глаз», без приборов момент весеннего (как и осеннего) равноденствия гораздо труднее, чем момент зимнего или летнего солнцестояния.

Во-вторых, введение церковного христианского календаря еще больше уве-

личило пестроту отмечаемых праздничных дат. Церковный календарь содержит в себе два ряда праздников — «непереходящие» и «переходящие»: первые твердо закреплены за определенными числами месяца, вторые же каждый год меняют свое место в гражданском календаре. «Переходящие» праздники всегда приходятся на весенний сезон и связаны с важнейшим христианским праздником — пасхой, время наступления которой, как известно, определяется не по солнечному, а по лунному календарю.

Дата христианской пасхи была установлена в 525 г. Для верующих — это праздник воскресения Христа. В действительности же корни праздника пасхи гораздо глубже и связаны с древним культом умирающих и воскресающих божеств растительности, ведущим свое происхождение еще с Древнего Востока.

Пасха — есть в сущности перелицованный на церковный лад древний весенний, в основе своей народный праздник в честь умирающего и воскресающего бога, а первоначально — чисто земледельческий ритуал погибшего и ожившего духа хлебного поля. На европейской почве этот праздник слился с местными (славянскими, германскими, кельтскими) ритуалами и поверьями. Так что сейчас очень трудно пытаться разделить, что в том же пасхальном ритуале (а также карнавальном, майско-троицком) принадлежит наследию древневосточных культов, что принесено собственно христианством, а что сложилось на местной почве.

Сроки праздников вознесения и троицы зависят от празднования пасхи. Все они передвигаются или вперед или назад в пределах месяца, а в соответствии с этим неподвижные и переходящие праздники каждый год по-разному сочетаются друг с другом.

Более заметно церковное влияние на обычаях, связанных с «великим» постом; начало его в большинстве западных стран приходится на среду, следующую за последним днем карнавала — «жирным вторником». Само название «пепельная среда» происходит от церковного обряда отпущения верующим грехов и как символ этого — посыпания склоненных голов прихожан пеплом — в знак бренности их земного существования.

Сходен повсюду по своим церковным ритуалам день вербного воскресенья (начало страстной недели). Центральный обряд дня — освящение веток вербы, пальмы или других растений, которым затем приписывалось магическое значение. Весенний цикл заканчивается праздником троицы, или пятидесятницы, т. е. 50-й день после пасхи.

Такова схема церковных памятных дат, падающих на весенний сезон. Даты эти, как видим, довольно запутаны, и постоянной последовательности в них нет.

Сложность усугубляется неодинаковостью названий одних и тех же праздничных дней в разных странах. Например, 2 февраля для православных — это сретение, у католиков и протестантов — очищение Марии, Мария со свечами, праздник свечи и т. п. Церковный праздник пятидесятницы называется в одних странах словом, происходящим от греческого ἡ Πεντηκοστή (франц. pentecôte, голл. pinkater, немецк. Pfingsttag, сканд. pingst, pinse); в других странах словом, равнозначным русской троице (серб. тројице, болг. троиц, греч. ἡ Ἁγία Τριάς); в некоторых районах совсем иначе: зеленые святки — у поляков и лужичан; Whitsuntide (день белого солнца) — у англичан; Heiliggeisttag (духов день) — у немцев и австрийцев. Троицей же немцы и австрийцы называют воскресенье, спустя неделю после пятидесятницы, а духовым днем (день св. духа) русская православная церковь называет, как известно, понедельник после пятидесятницы.

Но если от названий праздников и их календарного места перейти к самому содержанию праздников, к связанным с ними обычаям, обрядам, поверьям, то нетрудно убедиться в том, что содержание это весьма далеко от христианского вероучения. Во многих странах от церковности праздников осталось только прикрепление их к какому-то месту в церковном календаре. Правда, это не везде так: в странах, где католическая церковь оказала более глубокое влияние на быт и психологию населения (например в Испании, Португалии, Италии), и в самих праздниках больше заметно религиозных христианских мотивов. В странах, где преобладал протестантизм или православие, их гораздо меньше.

Помимо христианских наслоений, в весенних верованиях и обрядах народов Европы сказались отчасти, как и в зимнем цикле, прямые пережитки античных традиций. Ведь как раз на весенние месяцы приходились шумные праздники бога Диониса (праздники антестерий и великих дионисий), элафоболии и таргелии у греков и римские земледельческие праздники луперкалий, либералий, цереалий, робигалий, флоралий (последний был особенно густо насыщен эротическими элементами). Но античные традиции слабо сохранились в обрядности современных европейских народов в своем непосредственном виде. Надо только не забывать, что и само христианство сложилось и развилось в значительной мере в атмосфере тех же античных и древневосточных традиций.

Следует отметить особое место в народном календаре большого народного праздника 1 мая, справлявшегося и справляющегося очень ярко и весело во всех странах Европы. Это настоящий праздник весны, совершенно светский по своему характеру, отмечаемый в самый триумфальный период шествия весны по земле, в момент пышного цветения растительности. Известно, что и в дореволюционной России местами существовал обычай устраивать в этот день маевки — встречу весны с загородными прогулками.

По-видимому, первомайский праздник был так популярен, что церкви не удалось ввести его в рамки своего календаря, хотя попытки к этому и делались.

С конца XIX в. день 1 Мая стал общественно-политическим праздником трудящихся всего мира. Решение о праздновании 1 Мая — Дня солидарности рабочих — было принято в июле 1889 г. Парижским конгрессом II Интернационала в память о выступлении рабочих Чикаго, организовавших 1 мая 1886 г. забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня, а также демонстрацию, закончившуюся кровопролитным столкновением с полицией. В 1890 г. день 1 Мая впервые был отмечен как международный праздник в ряде европейских стран. А в следующем году Брюссельский конгресс II Интернационала предоставил секциям Интернационала право устанавливать дату празднования Дня международной солидарности трудящихся и в другие майские дни, если условия не позволяли провести его 1 мая. Поэтому в некоторых странах (Великобритания и др.) этот праздник отмечается в первое воскресенье мая.

С этих пор день 1 мая стал иметь большое политическое значение. Рабочие всех стран устраивают в этот день стачки, демонстрации. Новый смысл получили, например, загородные прогулки — маевки русских рабочих. Маевками стали называться нелегальные революционные сходки рабочих, проводившиеся обычно под видом загородных прогулок. Такие же загородные сходки имели место и в странах зарубежной Европы (Австро-Венгрия и др.). С начала XX в. разрозненные нелегальные сходки стали все более заменяться открытыми манифестациями в городах, и теперь демонстрации трудящихся — ос-

новная черта первомайского праздника во всех странах.

В празднование 1 Мая вплелись органически лучшие традиции старого народного праздника весны, что придает первомайским демонстрациям красочные, специфические для каждой страны черты.

[1] *Kuhn Adalbert.* Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Berlin, 1859, S. 259.
[2] *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 690.
[3] Там же, с. 89.
[4] *Mannhardt W.* Roggenwolf und Roggenhund. Danzig, 1865; *он же.* Die Korndämonen. Berlin, 1868; *он же.* Wald und Feldkulte, Bd. 1—2. Berlin, 1904.
[5] *Фрэзер Джемс.* Золотая ветвь, вып. I—IV. М., 1928.
[6] *Вундт В.* Миф и религия. СПб. (б. г.).
[7] *Аничков Е. В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. 1—2. М., 1903—1905.
[8] *Smith W. Robertson.* Lectures on the religion of the Semites. New edition. London, 1907, p. 18.
[9] *Аничков Е. В.* Указ. соч., ч. 1, с. 22.
[10] Там же, с. 27.
[11] *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., 1957.
[12] *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — Сб. МАЭ, т. VIII, 1929.
[13] *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 18.
[14] Там же, с. 14—15.
[15] *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М., 1965.

ИТАЛЬЯНЦЫ

* * * * * * * * * * * *

Н. А. Красновская

Итальянцы — прямые преемники и наследники древнеримской культуры. Многие элементы античности пронизывали традиции итальянского народа на протяжении всей его истории. Отдельные отголоски обычаев населения древнего Рима можно проследить в быту итальянцев вплоть до настоящего времени. Это особенно касается календарных обрядов, многие из которых уходят корнями в древний, еще языческий Рим. Конечно, эти обряды с веками трансформировались, впитав в себя новые элементы итальянской народной культуры. Большое влияние на их окончательное формирование оказала христианская католическая церковь, занявшая с первых веков своего существования важное место в жизни населения Апеннинского полуострова. Правда, во многих случаях христианство задело античные календарные праздники лишь внешне, ловко заполнив их своим идейным содержанием. Сочетание древних народных календарных обрядов, основанных на годовом цикле сельскохозяйственных работ, с отдельными элементами празднеств древнего Рима и с католической обрядностью составляет характерную особенность итальянских народных, в частности весенних, праздников.

Италия — одна из самых южных стран Европы, расположенная в центре Средиземноморья. Климатические условия на Апеннинском полуострове и особенно на островах Сицилии и Сардинии довольно мягкие, и весна сюда приходит несколько раньше, чем во многие другие европейские страны.

Как и во всех других странах, весна — важное время года для сельских жителей Италии, когда начинаются основные земледельческие работы; поэтому с большим вниманием итальянские крестьяне наблюдали за появлением первых признаков наступления весны. В стране бытует много пословиц, из которых видно, что в это время года народ жаждет солнечного тепла и отмечает для себя, как постепенно удлиняются дни. Например, в пьемонтской пословице говорится о прибавлении дня таким образом:

A l'Epifania l'pas d'la furmia,
A S. Antoni l'pè del Demoni,
A S. Bastian l'pas d'un can,
A la Candlera l'pas dla pölera.

На Эпифанию — шаг муравья,
На святого Антония — прыжок черта,
На святого Бастиана — шаг собаки,
На Канделору — шаг курицы.

В сельском хозяйстве Италии издавна большую роль играло скотоводство. Много старых обрядов, связанных с ним, было приурочено ко дню св. Антония (17 января), которого итальянские крестьяне почитают прежде всего как покровителя животных. Поэтому народные картинки, изображающие святого, чаще всего можно встретить в хлевах. Главный момент праздника — благословение домашних животных. Этот акт имеет

место и в наши дни во всей Италии. Хозяева приводят к церквам лошадей, ослов, мулов, овец, коз, собак, кошек и даже обезьян и попугаев, и священник благословляет их. Получив плату за свое действо, он затем раздает фигурки святого и так называемые «хлебцы святого Антония» («panini di San Antonio»), которые хранят в доме весь год, используя их для лечения заболевших животных [1].

В Риме на церемонии благословения животных раньше обычно присутствовали празднично разукрашенные парные упряжки. В некоторых местах, например в Пинероло, и в наши дни в заключение праздника устраивается нечто вроде скачек берберских коней.

В иконографии святого Антония часто изображали борющимся с чертями. Последних обычно рисовали в виде свиней. Это и породило обычай (засвидетельствованный уже средневековыми статутами) выращивать на средства общины поросенка. Животное могло свободно бегать по улицам, входить во дворы и дома, потому что оно «держалось» всеми понемногу [2]. Через год, в день св. Антония, поросенка закалывали. Этот обычай еще сохраняется в некоторых деревнях Карнии, Абруцци и Базиликаты.

Второй традиционный момент праздника — это большие костры, зажигаемые накануне или в день праздника на перекрестках улиц или на церковных площадях (так называемые «огни св. Антония» — «fuochi di San Antonio»); хворост или камыш для них собирали всем «миром». Огонь считался очистительным средством. Деревенские парни прыгали через пламя или через угли, когда огонь угасал. Затем каждый брал от костра потухшую головню и приносил ее домой, чтобы потом использовать как «защиту от молнии». На острове Сардиния существует обряд ходить вокруг костра с животными, якобы для того, чтобы сделать их невосприимчивыми к болезням. В деревнях многих областей группы молодых людей ходят из дома в дом, чтобы «славить святого Антония» и получать за это пожертвования [3]. В этот день разыгрывают также религиозные представления.

Двадцатые числа января в Италии — это по существу уже последние дни зимы. По народному календарю концом зимы считается 2 февраля — день Канделоры (итальянск. Candelora, в православной церкви — сретение). Это отразилось во многих итальянских пословицах. Например, по всей стране говорят:

Per la Candelora
dall'inverno siamo fora.

На Канделору
Мы уже за пределами зимы.

Как это обычно бывает на рубеже двух сезонов, в день Канделоры делают прогнозы погоды. Так, в тосканской пословице говорится:

Per la Santa Candelora
Se nevica o se plora,
dell'inverno semo fora.
Se è sole o solicello,
Quaranta giorni d'invernicello,
Ed alfine avremo il bello.

Если на святую Канделору
Идет снег или дождь, —
Зима кончилась.
Если же хоть немного светит солнышко,
У нас будет еще сорок дней зимушки,
И только после этого прекрасная погода.

В Италии, как и в других европейских странах, было распространено поверье, что в день Канделоры медведь вылезает из своей берлоги посмотреть, какая погода. Если облачно, он возвещает тремя прыжками, что зима окончена. Если же погода ясная, он возвращается в берлогу, как бы говоря, что еще сорок дней будет холодно. Некоторые этнографы

видят в этом поверье отголоски доисторического культа медведя как животного-тотема [4].

Канделора — один из примеров того, как «отцы церкви» официальным актом создавали новые христианские праздники с целью искоренить языческие. Известно, что в феврале в античном Риме отмечали два праздника — луперкалии и амбуралии. Февраль был последним месяцем древнеиталийского календаря. Римляне считали февраль месяцем очищения и искупления грехов. Само имя этого месяца возникло от dies februatus (день очищения) [5]. Очистительный характер носил и пастушеский праздник луперкалий, отмечавшийся в середине февраля в волчьей пещере (lupercal) на одном из склонов Палатинского холма. Жрецы (луперки) выполняли обряды, якобы вызывающие увеличение стад (пуком шерсти, обмоченном в молоке, стирали со своего лба кровь жертвенного животного); совершали также ритуалы, будто бы способствующие плодовитости женщин (стегали ремнями, вырезанными из шкуры принесенного в жертву барана, женщин, желающих иметь детей) [6]. Этот важный для жизни италийского крестьянина обычай практиковался много веков и сохранялся и после распространения на Апеннинском полуострове христианства. Вытеснить луперкалии церковь смогла, только найдя для них замену. На 14 февраля в официальной церковной литургии был назначен праздник — очищение Марии. Позднее, когда для рождества была принята дата 25 декабря, этот праздник был соответственно перенесен на 2 февраля.

Кульминационный момент Канделоры состоит в благословении свечей, откуда и его название. Оно происходит от латинского «festum candelarum» (праздник свечей) [7].

В Риме благословение свечей в этот день было введено в самом конце V в. папой Геласием I, по всей вероятности, для того, чтобы окончательно уничтожить луперкалии [8]. Процессии со свечами как бы продолжали традицию еще живых в памяти народа факельных шествий близкого по времени праздника амбуралий [9].

Свечам, освященным в день Канделоры, в Италии, как и в других странах, народ приписывал силу, отводящую всякие чары и болезни. Итальянские крестьяне обычно сохраняют эти свечи у изголовья и зажигают лишь в случае крайней необходимости, например, если болен кто-либо из членов семьи или домашних животных [10].

В конце февраля и начале марта повсюду выполнялись определенные обряды, знаменующие проводы зимы и встречу возвратившегося весеннего солнца [11]. Но уже в начале XIX в. из этих обрядов сохранились лишь немногие. По документальным записям 1811 г. известно, что в провинциях области Венето с конца февраля начинались молодежные гуляния. Деревенские парни ходили с восклицаниями: «Fora febràro che marso xè qua!» («Февраль кончился, на пороге март!») [12]. На севере Италии (так же, как и в соседних романских кантонах Швейцарии) раньше было принято в последнюю ночь февраля зажигать на холмах костры [13].

Во многих местах страны из мартовских обрядов дольше всего сохранялся шуточный обряд сватовства. Молодые люди с криками, песнями, под шум жестяных и деревянных предметов ходили по деревне, останавливаясь перед домами девушек на выданье. Один из парней держал речь о том, что на пороге уже март и настала пора влюбленных; в заключение он советовал девушке присмотреть себе как можно скорее подходящего парня. Свою речь он кончал вопросом: «И кого же мы должны ей дать?» Тут выходил кто-либо из группы и предлагал в качестве жениха какого-нибудь местного чудака или животное, особенно, когда дело касалось старой

девы. А если девушка была молодой, часто называли имя ее избранника. Ответ невесты выслушивался со свистом и улюлюканием. Затем все пели куплеты, славящие приход первого весеннего месяца марта, и часто инсценировали предстоящие свадьбы.

В некоторых местах Апулии приход весны отмечали так: деревенская молодежь во все пятницы марта устраивала длинные шествия, сопровождаемые шумом и звоном маленьких колокольчиков. При этом все участники его кричали: «È venutu marzu!» («Пришел март!»)[14].

Отдельные сохранившиеся мартовские обряды, по-видимому, относились (вместе с теми обрядами, которые уже исчезли) к празднику, знаменующему приход весны и носящему название «встреча с мартом» («incontro a marzo»). Этот праздник когда-то бытовал как чисто народный и не получил отражения в официальной церковной литургии. По всей вероятности, его следует считать отголоском мартовских культов древнего Рима.

Многие элементы и персонажи этих культов, пройдя через века, сохранились в итальянской народной календарной обрядности. Не влившись компактно в какой-либо определенный праздник, они оказались как бы вкрапленными в той или иной форме в различные обряды, связанные с окончанием зимы и приходом весны.

Чтобы понять происхождение некоторых обрядов и персонажей итальянских весенних праздников, необходимо коротко остановиться на древнеримских мартовских культах и празднествах. Полное их описание невозможно дать по той причине, что у античных авторов имеются о них лишь отрывочные сведения, другими же данными по этому вопросу историческая наука пока не располагает.

Март в античном Риме, пожалуй, был насыщен праздниками как ни один другой весенний месяц. Это вполне понятно: ведь 1 марта у древних римлян начинался год, и таким образом начало весны и начало года в древности совпадали. Только по календарю Юлия Цезаря год стал начинаться 1 января. Все празднества, отмечавшиеся древними римлянами в марте, и носили, с одной стороны, новогодний характер, с другой — выражали ожидание наступления весны.

Март, первый месяц древнего римского календаря, был посвящен одному из главных италийских божеств (так называемых индигетов) — богу Марсу, от которого он и получил свое название[15]. Марс почитался римлянами вначале как бог весны и весенней растительности, а также как бог годового благоденствия (латинск. annona). Позднее как божество, рождающееся для борьбы с холодом и мертвыми силами природы, Марс получил атрибуты бога войны. К Марсу были обращены обряды коллегии жрецов, известных под именем Арвальских братьев. Весной, когда начинались важные сельскохозяйственные работы, они молили его удалить с зерновых ржу.

14 марта в Риме проходила церемония, которую называли мамуралиа (латинск. mamuralia). Она заключалась в том, что из города изгоняли ударами палки человека, одетого в шкуры; имя его звучало как Мамуриус Ветуриус (Mamurius Veturius), и обычно оно интерпретируется как «старый Марс»[16]. В мамуралии явно символизировалось изгнание зимы и старого года.

На следующий день, 15 марта, т. е. в день мартовских ид, древние римляне отмечали так называемые Ферие Анне Перенне (Feriae Annae Perennae). Это был чисто народный праздник, проходивший на берегу Тибра на Фламиниевой дороге на лоне природы в миле от города[17]. О самом персонаже Анны Перенны уже в древности не было единого мнения, что породило противоречивые толкования этого образа и историками

нового времени [18]. Среди последних заслуживают внимания два. Сторонники первого толкования видят в имени Анны Перенны указание на то, что она была богиней вечно текущей воды (латинск. perennis — постоянно текущий). Отстаивающие вторую точку зрения считают Анну Перенну богиней Луны. Но, кажется, и те, и другие единодушны в том, что Анна Перенна была у римлян богиней года [19], на что, бесспорно, указывает первая часть ее имени (от латинск. annus — год, annare — проводить год). Не случайно, по-видимому, и то, что Ферие Анне Перенне отмечались именно в марте, первом месяце года, и приходились на следующий день после мамуралиа, когда символически изгоняли старый год. Здесь очевидна связь этой богини с богом годового благоденствия Марсом.

Ферие Анне Перенне носили характер веселого и разнузданного новогоднего праздника [20]. Красочное описание этого праздника римского плебса нам оставил Овидий. В третьей книге его фаст читаем: «В иды мы празднуем день торжественный Анны Перенны недалеко от твоих, Тибр-чужеземец, брегов. Толпы народа идут и здесь, растянувшись на травке, пьет и в обнимку лежит каждый с подружкой своей. Многие — прямо под небом, немногие — ставят палатки, иль из зеленых ветвей строят себе шалаши, иль вместо твердых столбов тростники они в землю втыкают и покрывают потом сверху одеждами их. Солнцем они и вином разогретые пьют за здоровье, стольких желая годов, сколько кто чаш осушил. Здесь ты найдешь и таких, кто выпьет и Нестора годы, женщин найдешь, что годы даже Сивилл перепьют. Песенки также поют, каким научились в театрах, сопровождая слова вольным движением рук, и хороводы ведут неуклюжие, выпив, подружки, и распустив волоса, пляшут в нарядах своих. Возвращаясь, идут, спотыкаясь, толпе на потеху, и называет толпа встречных счастливцами их. Видел недавно я там (ну как про такое не вспомнить!): пьяная бабка брела, пьяного мужа вела. Но так как много идет о богине сей вздорных сказаний, то никаких не хочу басен о ней я скрывать» [21].

Указание на то, что Анна Перенна с глубокой древности (может быть, с этрусских времен) почиталась как богиня прошедшего года, кажется, можно видеть и в обрядах, при которых ее изображение выбрасывали в реку [22]. При сопоставлении персонажей древнеримских мартовских церемоний и итальянских народных образов напрашивается вывод, что Анну Перенну и Мамуриуса Ветуриуса следует рассматривать как «прототипы» действующих лиц карнавала — праздника, в котором проводы и встреча весны нашли свое наиболее яркое выражение. Происхождение этого праздника довольно сложное, и даже о его названии существуют разные точки зрения. Наиболее убедительной из них представляется следующая. В древнем Вавилоне отмечали праздник обручения покровителя города с богиней весны. Этот праздник падал на первый день нового года, который одновременно являлся и первым днем наступившей весны. Бог Мардук из храма Иштари возвращался в город для вхождения в храм Эсагилла на судне с колесами, богато украшенном драгоценностями. От вавилонского названия этого судна-повозки произошло латинское «carrus-navalis» (буквально — колесница-корабль) [23]. С первых веков нашей эры начали появляться и разные варианты народной этимологии термина карнавал. В корне «car» стали видеть указание не на повозку (carrus), а на мясо (латинск. caro, итальянск. carne). Но и в этом случае возникло множество толкований: «carnem levare» (оставить мясо); «carnevale» (мясоед); «carne-vale!» (да здравствует плоть!) [24].

В различных районах Италии карнавальный период начинается в разное



Гигантская карнавальная маска. Виареджо. (Италия)

время, чаще всего, однако, в день Эпифании (6 января). Но во многих областях, например в Апулии и Абруцци, подготовка к карнавалу идет лишь со дня Антония (17 января).

В карнавале слились многие праздники и обряды античного, еще языческого мира. Сюда переместился, например, бурный праздник сатурналий, который в древнем Риме отмечали в дни зимнего солнцестояния. На это, может быть, указывает персонификация карнавала. Подобно тому, как царь сатурналий в конце праздника приносился в жертву, персонаж Карнавал, приняв участие во всех манифестациях веселья и пиршества, отдается под суд, получает приговор и сжигается. Это — один из обрядов устранения зла, а, может быть, также обряд продуцирования плодородия и изобилия [25].

Пережитки сатурналий можно наблюдать в карнавальных обрядах отдельных итальянских областей. Например, как открытие сатурналий в древнем Риме, так и начало карнавального периода на острове Сардиния отмечаются закалыванием борова [26].

В сардских карнавальных обрядах сохранился еще один пережиток сатурналий: обмен дарами, в наши дни исключительно сладостями, в последние дни карнавала. Чаще всего это специально выпеченные фигурки из теста и миндаля. Этот обряд — явный отголосок «праздника фигурок» (латинск. sigillaria) [27], проходившего в последние дни сатурналий и засвидетельствованного Макробием. В эти дни было принято обмениваться подарками в виде фигурок (латинск. sigillaricia) из воска, гипса и глины.

Карнавал в Италии, как и всюду в Европе, предшествует посту — периоду покаяния и голодания. Прежде чем наступала эта полоса лишений, народ пользовался случаем, чтобы устроить пиршество и вдоволь повеселиться. В Италии с давних времен карнавал праздновали шумно и бурно. В средние века целые города превращались в арену праздника.

Многие ученые, вероятно не без основания, считают, что веселье, которое больше всего характеризует карнавал, — это также обряд, выполняемый для того, чтобы обеспечить благополучие всех участников карнавала в наступившем году. Песни, танцы, шутки, гулянье в масках, банкеты и фривольное поведение первоначально имели ритуальный характер. С веками это, конечно, исчезло из сознания участников карнавала [28].

Непременная принадлежность карнавала — маски. Многие из них одни и те же для всей страны. Чаще всего — это Арлекин, Пульчинелла и доктор. Некоторые местности и города Италии имеют и свои, встречающиеся лишь там маски. В провинции Лукка-Боррачча его имя происходит от походной фляги (borraccia), которую он носит с собой. Это пьяница, одетый в короткие штаны, в пиджак наизнанку и пестрые чулки [29]. В горной области Карнии (северо-восточная Италия) — это карикатурные лица, сделанные из дерева; они достигают в длину 50 см и раскрашены в яркие цвета [30]. Очень интересны зооморфные устрашающие маски острова Сардинии — боэс, боэтонес, мердулес и мамутонес, явно идущие от языческих времен [31]. Когда-то подобные карнавальные персонажи бытовали и в континентальной Италии. Сохранились определенные указания на то, что в IV в. н. э. практиковались маскарады «дикие» и «животные маски» («mascherate ferine e maschere animalesche») [32].

Каково происхождение слова «маска» и самих карнавальных масок? Итальянский этнограф Паоло Тоски полагает, что слово «маска» (итальянск. maschera) происходит от «masca», что означает «душа мертвого» [33]. Он считает также, что карнавал уже много веков назад стал главным праздником начала года

и что в этот день на земле, по народным представлениям, вновь появлялись существа загробного мира, т. е. демоны. Следовательно, пишет П. Тоски, первые маски были определенно демоническими. Дополнительное доказательство того, что карнавальные маски имели связь с преисподней, можно видеть, по мнению этнографа, в том, что демонические маски преобладали в тех деревнях, где лучше сохранилась традиция, а также в том, что в диалектах Пьемонта слово «masca» означает также «ведьма»[34].

В период карнавала особенно празднично отмечают некоторые дни, например четыре последних четверга карнавала. В Сицилии, например, первый из этих четвергов называется «четвергом кумовьев» («jovi di li cummari»). В этот день собираются кумовья. Следующий четверг носит название «четверга родственников» («joviri di li parenti»). В этот день за праздничным столом собираются близкие родственники. Последний четверг перед карнавалом, как и в других европейских странах, называется в Италии «жирный четверг», или «сальный четверг» (общеитальянское название — «giovedì grasso», или «giovedì del lardo»). Последнее название объясняется тем, что в этот день при приготовлении некоторых блюд часто используется свиное сало. Раньше в эти дни убивали специально выращенную свинью. В южной Сицилии в «сальный четверг» устраивалась общая трапеза для братьев и сестер, на которой присутствовали также их дети. Этот день считался здесь праздником примирения, когда все семейные распри должны были быть забыты. В Тоскане «жирный четверг» часто именуют также *берлингаччо* (berlingaccio). Это название впервые появилось в документах XIII в. Оно восходит к староитальянскому «berlengo» (шуточное — стол для еды)[35].

Уже в 30-е годы нашего столетия в Италии сохранялось мало традиционного в этих четвергах. В некоторых областях важное значение придавалось лишь двум последним четвергам, а кое-где лишь последнему четвергу перед карнавалом. Так, в провинции Лечче на берлингаччо устраивался праздничный стол для кумушек (la sciuvadia de le cummari), за которым встречались лишь женщины, и отдельно стол для кумовьев (la sciuvadia de li cumpari), за которым собирались одни мужчины[36].

Карнавальное веселье достигает кульминации в последние дни перед постом. На улицах и площадях итальянских городов, местечек и деревень, как правило, устраиваются театрализованные представления. Сюжеты их иногда взяты из истории или легенд данной местности. Так, например, в Венеции первые игры и представления были учреждены в X в. в память об освобождении похищенных далматинскими пиратами венецианских девушек-невест[37].

Эти драматические представления при всем их многообразии можно свести к нескольким основным сюжетам. Среди них наибольшее распространение в стране имели два, а именно: маскарад календаря и «завещание».

В маскараде календаря участвовало тринадцать персонажей. Один человек изображал Год, остальные — двенадцать месяцев. Год всюду выступал в образе старика с седой бородой, со скипетром в руке, чаще всего в костюме Арлекина. Он представлял зрителям каждый месяц и указывал, чем он должен заниматься. Исходя из специфики местности и из характерных черт персонажа, он сопровождал свои речи шутливыми замечаниями и жестами. Чаще всего маскарад календаря проходил в очень простой форме. Год спрашивал у каждого месяца: «Кто ты такой? и «Что ты умеешь делать?» А месяц тут же отвечал и перечислял свои заслуги. В крупных населенных пунктах в представлении участвовали не только месяцы, но и праздники. Так, в свите у января было



«Мамутонес». Устрашающие маски Сардинии



шесть праздников, у февраля — три праздника, и т. д. За счет этих праздников число участников представлений многократно увеличивалось и подчас доходило до семидесяти человек [38]. В некоторых местностях, например в Терра ди Лаворо, наряду с двенадцатью месяцами выступали также Новый год и Пульчинелла.

Самые веселые три дня, предшествующие «пепельной среде», в Сицилии называются *здирри* (sdirri), т. е. последние [39]. Они тоже уже давно утратили многое от своего первоначального характера. В наши дни здирри — это просто дни танцев и масок. Сравнительно долго держался лишь обычай выпрашивания подачек.

Во многих районах в конце XIX—начале XX в. бытовал карнавальный спектакль «завещание», доживший кое-где до наших дней. Этот обряд, по-видимому, символизировал изгнание зимы, устранение всякого зла. Истоки его, как сказано выше, можно видеть в древнеримском празднике сатурналии. Главное действующее лицо обряда — король карнавала (re del carnavale) или просто Карнавал. В различных областях Италии его изображают по-разному. В области Молизе — это румяная кукла в короне [40], в Апулии — старик, в Кампанье и Абруццо — чучело, сделанное из мешка и соломы [41].

Сцена «завещания» также в разных районах и городах страны развертывается по-разному. Но смысл ее повсюду один и тот же. Во время этой сцены король карнавала (или Карнавал) сначала подвергает суровой критике дела и поступки своих сограждан, а потом его самого осуждают и уничтожают.

Наиболее простая форма погребения Карнавала встречается в Кампанье, Абруцци и во Флоренции. Куклу из соломы погружают на повозку или на носилки, несут с шутливыми и комическими возгласами к главной площади и там сжигают.

В некоторых местах области Молизе эта сцена развертывается следующим образом. Румяная кукла, изображающая короля, в окружении масок, под звуки песен и колокольчиков и при страшном шуме толпы едет по деревенским улицам на повозке. Затем повозка останавливается у источника, и тут от имени «короля» читают «завещание», в котором он разоблачает все плохие дела деревни. Особенным нападкам подвергаются обманутые мужья, непорядочные люди, пьяницы и мастера, неспособные к своей профессии. После этого король карнавала приговаривается к смерти.

В области Фриули куклу из соломы и тряпок в конце карнавала топят в реке [42].

Кое-где в Тоскане (например, в местечке Барга провинции Лукка) компания ряженых несет по улицам носилки с распростертым на них человеком в роли умирающего Карнавала. В конце концов носилки с ним ставят возле его дома, и он делает вид, что испускает последний вздох [43].

В Венеции в «жирный вторник» по улицам ходят компании крестьян в масках или с зачерненными сажей лицами. Они тащат за собой ослика, на котором сидит, притворяясь пьяным, ряженый в шляпе, обвитой сорной травой и стеблями сухого чеснока [44].

В одной из деревень Калабрии (Четрано в провинции Козенца) Карнавал сидит на стуле, окруженный толпой девушек в странных одеяниях с распущенными по плечам волосами. Они танцуют вокруг Карнавала до тех пор, пока он не «очнется» и не даст «нотариусу» свое «завещание».

В ряде мест Апулии Карнавал изображал ряженый «старик», которого клали на носилки и тащили мальчишки. Они корчили рожи и зло насмехались над ним [45]. В некоторых областях главным действующим лицом карнавала было какое-либо животное: индюк, свинья или осел [46]. В Пьемонте молодые люди откармливали индюка и в последнее воскресенье везли его на площадь на повозке, которую тянули три лучшие пары волов деревни. На площади индюка привязывали за голову к жерди и по сигналу бросались на него с дубинками, били по шее несчастное животное до тех пор, пока его голова не отскакивала. Затем один из молодых людей, одетый нотариусом, читал «завещание индюка», в котором в форме предосторожностей и советов разоблачались все недостатки и недобрые дела крестьян. «Завещание» — это по существу публичная исповедь в грехах. Она необходима, по мнению народа, потому, что люди идут навстречу новому году и должны его начать ничем незапятнанными.

Два века назад в последние дни карнавала выбирали так называемого монарха шутов (monarca dei matti). Его чествовали с большой роскошью речами, приемами, праздничной едой и пр. Сейчас этот персонаж совсем забыт [47].

Как и во всех других европейских странах, в Италии самый большой праздник весеннего цикла — пасха. Ему предшествует довольно длинный период поста (guaresima — буквально «сорокодневье»).

Как и Карнавал, Кварезима персонифицируется итальянским народом. Ее обычно изображают в виде старухи. В конце карнавального периода во многих областях Италии в прошлом разыгрывались драматические представления, смысл которых сводился к тому, что Карнавал умер, а в живых осталась Кварезима. В Кампанье излюбленной была игра, называемая «Смерть в Сорренто». В ней встречались две куклы — Карнавал и Кварезима. Карнавал — круглый и красный с громадным жирным брюхом, Кварезима — очень худая старуха в траурном одеянии. Каждую куклу везли на повозке: Карнавал из центра города, а Кварезиму из-за города,

к Гражданским воротам. Там их ждал третий персонаж. Это был человек, изображавший смерть. Он подходил к повозке с Карнавалом и резал его косой. Затем Кварезима радостно входила в город, а Карнавал погребался окружившими его шутами [48].

В северной Апулии разыгрывался другой спектакль. Там по городу или селению провозили повозку, украшенную знаменами и ветками оливы. Во главе шествия шли трубачи и ехали многочисленные всадники. В повозке вначале находилось три персонажа — Пульчинелла, Карнавал и Кварезима. Их изображали живые люди. Кварезима склонялась над Карнавалом, лежащим на дне повозки, и, по всей видимости, страдающим тяжелой болезнью. В то время как Кварезима горько плакала, Пульчинелла отпускал шутки. Наконец, повозка прибывала на середину главной площади. Здесь появлялся четвертый персонаж спектакля — доктор, привлекающий внимание толпы звуками барабана. Затем доктор давал понять, что он врач мировой известности, прибыл издалека и находится здесь только для того, чтобы лечить больного. Карнавал кричал и метался, а Кварезима обливалась слезами. Доктор обследовал лежащего на дне повозки Карнавала и и даже «оперировал» его, затем неожиданно прерывал свои действия, вставал и сообщал толпе, что, к сожалению, не может вылечить несчастного. Последние слова терялись в воплях толпы; шумом и криками отмечали смерть Карнавала [49].

В других областях Италии бытуют иные формы этих представлений. Но смысл их повсюду один и тот же — показать, что Карнавал погребен и теперь царствует Кварезима.

Во время поста принято мастерить из лоскутов старуху, которую также иногда называют Кварезима (Quaresima), Старуха (Vecchia), Сороковка (Quaranta), Каремма (Caremma). Желая символически показать, что пост продолжается семь недель, к ногам куклы прикрепляют семь куриных перьев. Потом каждый понедельник обрывают по одному перу, и таким образом к празднику пасхи кукла оказывается лишенной всех перьев. Ее вывешивают в окнах домов. В некоторых местах южной Италии через улицу протягивают шнур, к которому подвешивают сорок куколок. Каждый день одну из них убирают, и таким образом гирлянда из остальных кукол служит чем-то вроде своеобразного календаря, по которому любой может видеть, сколько еще дней осталось до конца поста. В некоторых районах вывешивают семь куколок, каждая из которых обозначает одну из семи недель поста.

Чтобы облегчить мучительный период покаяния и воздержания от мясной пищи, в середине поста устраивают праздничное гуляние и пиршество. Итальянцы называют этот день праздником середины поста (festa di mezza quaresima) или просто середина поста (mezza quaresima).

Важный обряд этого дня — «распиливание старухи» (segatura della vecchia). В Романье по этому обряду и сам праздник середины поста называется «праздником распиливания старухи» (festa della segavecchia).

В каждой области Италии бытуют свои варианты этого обряда. В главном городе Сицилии Палермо в повозке, запряженной волами, «старуху» везут к эшафоту, где ее ждет «палач» и два «монаха» с сушеной треской на голове (треска — обычная еда поста). Палач отрубает «старухе» голову; при этом сицилийцы — любители ярких зрелищ — делают так, что из куклы течет много «крови».

В апулийском местечке Черниола существовал обычай в третье воскресенье поста срывать со шнура одну из кукол, нести ее с громкими криками в церковь капуцинов и там разрезать на части.



Праздничная крестьянская повозка в Сардинии

Время поста — это обычно период, когда в Италии в большом количестве едят сухие фрукты. Поэтому повсюду на улицах много торговцев-лоточников, продающих это лакомство. И нередко в середине ящиков и корзин с фруктами возвышается большая кукла, изображающая старуху. Наряд ее сделан из сушеного инжира, каштанов и других плодов этого сезона. Иногда кукла-старуха, руки, шея и уши которой делались из сухих фруктов, публично разрезалась, фрукты рассыпались по земле, и на них набрасывались дети.

Во многих местностях Эмилии большую куклу набивали орехами и сушеным инжиром, тащили на высокую лестницу, а потом распарывали ей брюхо [50].

Образ старухи, фигурирующей в современных праздниках, по всей вероятности, ведет свое происхождение от древнеримской богини старого года — Анны Перенны.

19 марта пост в Италии обычно прерывают веселым праздником сан-Джузеппе (святой Иосиф). Во многих местах в этот день вновь зажигают мартовские костры [51]. Кое-где еще принято перепрыгивать через них [52]. Святой считается покровителем бедных и сирот. Поэтому с давних времен состоятельные итальянцы стараются проявить в этот день заботу о бедняках. Принято приглашать в дом старика, бедную женщину и ребенка. Надев соответствующий наряд, они изображают святое семейство.

Сан-Джузеппе в Италии очень популярен. Кроме бедняков и сирот, он покровительствует также столярам и девушкам на выданье, которым он якобы помогает найти мужа. По сей день подопечными Джузеппе считаются также крендельщики, и 19 марта они выходят на улицы и площади многих итальянских городов и тут же под открытым небом жарят традиционные для этого дня *дзеппеле*, или *дзепполе* (zeppele, zeppole) — нечто вроде кольцеобразных пончиков [53].

Шестое воскресенье поста в Италии официально называется «пальмовым воскресеньем» (domenica delle palme). В народе этот день, однако, чаще называют «днем олив» (giorno delle ulive). Объясняется это той большой ролью, которую ветки оливы играют в обрядности этого дня. Уже в древнем Риме ветки оливкового дерева служили амулетами, «помогая» от многих бед и опасностей. Такое представление о магической силе оливковых веток сохраняется в Италии (как и в других странах Средиземноморья) до наших дней. Как и в древности, они сейчас «служат» для защиты от дурного влияния и прежде всего от дурного глаза. В Калабрии тот, кто чувствует, что подвергся действию дурного глаза, сжигает веточку оливы и считает себя вне опасности. В Неаполе новорожденным на шею вешают мешочек, в который кладут три камешка с морского побережья, три кристаллика

соли, три монетки и три кусочка оливковой ветки, освященной в вербное воскресенье. Этот мешочек тоже служит «против дурного глаза». Во многих местах Италии известен также обычай касаться или слегка ударять ветками оливы друзей и знакомых. Некоторые этнографы считают, что это символический знак приобщения человека к весеннему возрождению природы[54].

После освящения в церкви принято дарить ветки оливы друзьям и знакомым в знак дружбы и любви. Вручают их и тем, с кем были в ссоре, а теперь хотят помириться, потому что ветвь оливы считается также знаком мира и милосердия. Во многих местах эти ветки даже называются la pace (мир). В «пальмовое воскресенье» итальянцы прикрепляют зеленые ветки оливы к домам, вагонам, повозкам и лодкам.

С течением времени слово palme стало в Италии обозначать те традиционные подарки, которыми обмениваются после «пальмового (вербного) воскресенья». Крестьяне обычно дарят друг другу «пальмы», состоящие из апельсинов и лимонов.

В некоторых областях страны ветками оливы пользуются для гадания. Так, в Абруццо в «пальмовое воскресенье» после полудня крестьяне собираются около очага, срывают по одному листку с оливковой ветви и кладут их на горящие угли. Если лист двигается и трещит, человек, положивший его, проживет еще долго. В противном случае его ждет скорая смерть.

В этот день принято также делать прогнозы погоды. В каждой области существуют свои приметы. В Абруцци считают, например, что можно ждать урожайного года, если в первой половине дня светит солнце. В других облас-

Участники праздничной процессии



тях по погоде на «пальмовое воскресенье» угадывают погоду на пасху. Пословицы говорят:

Quando si bagnano le palme,
Si bagnano anche l'ova.

Когда мокнут пальмы,
Мокнут также и яйца.

Или же наоборот:

Se non piove sull'ulivo,
Piove sull'ova.

Если не идет дождь на оливу,
Он идет на яйца [55].

Этими пословицами хотят сказать, что погода в день, когда благословляют ветви оливы, определяют погоду дня, когда в церкви освящают яйца, т. е. на пасху.

Благословленные в церкви ветви оливы итальянцы бережно хранят, прикрепляя их за какой-нибудь картиной, у изголовья постели или у распятья. Впоследствии в случае непогоды достают часть из них и сжигают на пороге дома или на одном из окон. Ветки оливы выносят также на поля, иногда против непогоды, иногда против вредителей полей.

С «пальмового воскресенья» наступает седьмая и последняя неделя поста. Ее в Италии называют святой неделей (settimana santa). Эта неделя богата обрядами как народными, так и церковными. Вся она посвящена приготовлениям к празднику пасхи. В понедельник украшают церкви и устанавливают в них плащаницы (santo sepolcro). В некоторых местах в ночь со среды на четверг устраивается вечерняя трапеза (инсценировка «тайной вечери»).

В Калабрии крестьяне в страстной четверг приносят в церковь букетики цветов и колоски, чтобы освятить их и попросить у господа хороший урожай [56].

С четверга и до полудня субботы церковь предписывает не звонить в колокола. Вместо них раздается шум маленьких деревянных трещоток.

Самым торжественным моментом предпасхальных ритуалов можно считать страстную пятницу. В этот день, как и в следующую за ним субботу, повсюду в Италии проходят многолюдные процессии. Нередко они начинаются в пятницу, а кончаются лишь утром в субботу. Изнуренный долгим постом народ радостно предвкушает праздничное угощение. В пятницу мясных блюд еще не подают, но итальянцы уже лакомятся традиционными для этого дня блинами и некоторыми другими жареными мучными изделиями с различными пряностями и изюмом. На прилавках магазинов уже лежат искусно приготовленные мясные блюда, а главная тема распеваемых в это время итальянским народом песен — это пища (в основном колбаса) [57].

Ранним утром в субботу в церквах освящают огонь и воду. По старым предписаниям огонь должен высекаться кремнем. Им зажигают пасхальные свечи. Воск, капающий с пасхальной свечи, очень высоко ценится и заботливо хранится. Его носят в кармане «против дурных сил», особенно против колдуний. Сверхъестественную силу приписывают и пасхальной воде: верят, что она может улучшить зрение. Абруццские крестьяне добавляют эту воду во все пасхальные кушанья, а остатком ее окропляют дом [58].

В полдень страстной субботы развязывают колокола, и их звон возвещает о том, что в церквах начинается глория. По народным поверьям, во время глории многие магические обряды должны иметь эффективные последствия. Так, во многих местах Италии матери считают, что это лучший момент заставить детей сделать первые шаги.

Есть поверье, что в страстную субботу можно изгонять заклинаниями насекомых.

Помимо благословения огня в церкви, в некоторых областях Италии, например в Романье, зажигают также ритуальные костры (falò) на полях. В долинах Альто Адидже на поля и в сады выносят огонь, освященный в церкви. Крестьяне здесь считают, что он имеет силу защищать деревья от вредителей [59].

Вечером в страстную субботу во всех церквах служат всенощную, во время которой на алтарях постепенно гасят свечи. Когда в церкви воцаряется полная темнота, народ начинает стучать трещотками, бить палками и чурками, а главным образом оливковыми ветками по лавкам, лестницам и полу, создавая таким образом невообразимый шум.

В некоторых городах обряды страстной субботы имеют своеобразную форму. Так, широкую известность получил флорентийский обряд, называемый «взрыв повозки» (scoppio del carro). Когда-то во Флоренции, как и в других местах, существовал обычай накануне праздника пасхи приносить огонь в каждый дом. Этот огонь разжигали в церкви, а оттуда с помощью факела его разносили по домам. С XV в. при выполнении этого обряда используется «техника». На центральную площадь пригоняют огромную повозку (почти в 10 м высотой), запряженную парой быков в роскошной сбруе. На повозке бесчисленное количество деталей фейерверка, соединенных друг с другом фитилем, который в свою очередь связан с алтарем. Во время глории с помощью ракеты к разукрашенной повозке «подлетает» искусственный голубь, после чего все части фейерверка загораются один за другим на радость собравшейся публике [60].

В течение всей пасхальной недели и особенно в конце ее итальянцы устраивают народные представления (rappresentazioni) религиозного характера.

Среди традиционной пасхальной пищи в первую очередь следует отметить крутые яйца. Во многих областях их с давних времен было принято освящать в церкви на страстную субботу. В наши дни благословение яиц чаще всего происходит в домах вместе с другой пасхальной пищей. Повсюду в Италии распространен обычай красить яйца. Итальянцы предпочитают красный цвет, так как приписывают ему силу разрушать всякое дурное влияние.

Яйцо присутствует в народных традициях итальянской пасхи не только само по себе, но и как украшение и составная часть лакомств. Наиболее известно кондитерское изделие, называемое «голубка» (colombina). Это нечто вроде кекса, выпеченного в форме голубя, голова которого сделана из раскрашенного яйца.

По всей стране на пасху распространены различные игры в яйца [61]. Яйцо издавна служит ответным подарком девушек своим возлюбленным, которые преподнесли им ветки оливы [62]. Яйца часто преподносят друг другу также друзья и знакомые [63]. Раньше их дарили также покупателям, клиентам, подчиненным, бедным и больным.

Традиционное блюдо пасхальной трапезы — жаркое из ягненка.

В понедельник и во вторник после праздника пасхи итальянские горожане тянутся за город, в маленькие местечки к крестьянским святыням. Прослушав мессу, они устраивают на природе пикники. Такие выезды на природу продолжаются затем и в течение всего апреля и мая.

Если пасха поздняя, вскоре после нее приходит праздник сан-Джорджо (святой Георгий, 23 апреля). Раньше этот день считался в Италии праздником пастухов. В наши дни от его обычного ритуала осталось немногое.

С давних времен этот день был важным событием в жизни пастухов. С него начинается время выгона. Наиболее ранний документ, где день сан-Джорджо

назван днем начала выгона, относится к 1276 г.[64]

На севере Италии день Георгия из праздника пастухов превратился в праздник молочников. Так, в Милане еще в конце прошлого столетия к окнам и дверям молочных лавок 23 апреля прикрепляли ветки тополя и других деревьев. Для всех, кто торгует молочными продуктами, 24 апреля начинается новый торговый год. Миланские молочники в этот день заключали со своими клиентами новые договоры и продлевали старые.

С днем сан-Джорджо были связаны некоторые народные суеверия. Так, крестьяне верили, что в этот день оживлялась деятельность ведьм. А так как злые силы, по народным поверьям, могут гнездиться в утвари, имеющей отношение к очагу (цепи, крюк и пр.), принято было выносить все эти предметы наружу, «чтобы ведьмы в них не проникли»[65].

Когда-то очень богат народными обрядами был месяц май. К настоящему времени сохранились лишь немногие из них. Они различны для разных областей Италии и не дают связной картины того, как же именно итальянский народ встречает главный весенний месяц — май. Несколько десятилетий назад в некоторых деревнях парни и девушки 30 апреля шли в лес на ночную прогулку. Они вырывали с корнем какое-либо дерево (буковое, сосну или ель) и устанавливали его на деревенской площади. К вершине дерева затем подвешивали подарки в виде ветчины, сосисок, сладостей, домашней птицы и пр. Молодежь веселилась вокруг дерева, и праздник завершался соревнованием — кто из парней первым влезет на вершину дерева. Победителя избирали королем мая. Выбирали и майскую королеву[66].

В разных областях Италии еще сегодня распространены и другие майские обычаи. В последний вечер апреля или 1 мая веселые компании деревенских парней ходят от дома к дому. Они носят зеленую ветвь, украшенную пестрыми лентами, свежими цветами и лимонами, поют песню, в которой возвещают о приходе весны, и просят подношений. Эта зеленая ветвь называется majo, или maggio[67]. В начале прошлого века в некоторых деревнях области Венето в первые три майских вечера молодые люди носили зажженные ветки[68].

Кое-где распространен такой обычай. В один из майских вечеров молодой человек кладет зеленую ветвь у входа в дом своей возлюбленной. Это является символической формой предложения. Если девушка согласна выйти за него замуж, она берет эту ветвь в дом. В противном случае выбрасывает ее на дорогу. Раньше этот обряд выполнялся несколько иначе. Парень вручал ветвь девице после исполнения песни, которая называлась majo, или maggio. А она выносила ему дары: яйца, орехи, сладости[69].

В некоторых местах, например в деревнях области Абруццо, maggio — это также шест, к которому прикрепляют гирлянды из маленьких букетов цветов и свежей зелени. Его несет человек впереди шествия. Перед каждым домом участники шествия поют куплеты с пожеланиями счастья и дарят хозяевам букетики, а те одаривают их маслом, пшеницей, овощами и медом. В тех же районах (Палена в области Абруцци) известно изображение мая в виде куклы, которую сажают на осла и возят по улицам[70].

В некоторых деревнях Абруцци молодежь поднимается на вершину горы: они идут навстречу маю. Криками радости и торжественным ликованием встречают они первые лучи солнца[71].

В Сицилии все от мала до велика 1 мая идут на луга. Там они собирают желтые ромашки и делают из них букеты, венки и гирлянды. Затем направляются к часовням, где высказывают

свои заветные желания. По сицилийским поверьям, эти ромашки должны принести счастье и здоровье. Поэтому люди украшают себя ими и сохраняют их в доме. Девушки одаривают цветами своих возлюбленных [72].

Чтобы лишить майские календы языческого духа, церковь ввела так называемые святые маи (maggi sacri). С этой целью она посвятила месяц май деве Марии, а на языческие праздники майских календ и ид назначила праздники нескольких святых. Таково происхождение праздника святого Эфизия (1 мая), который отмечают в Кальяри большой процессией верующих, праздника свечей в Губбио в честь святого Убальда и некоторых других.

В конце прошлого века в Италии, как и в других европейских странах, 1 мая стали отмечать как День международной солидарности трудящихся.

Последний большой праздник весеннего цикла — вознесение (ascensione). Это подвижный праздник, который отмечают через сорок дней после пасхи, т. е. в случае ранней пасхи он приходится на начало мая, а в случае поздней — на конец мая или на самое начало июня.

Как и во многих других праздниках, в вознесении слились черты христианства и язычества. Многие обряды, выполняемые в этот день, ведут свое происхождение от языческих обычаев древних римлян. Некоторые этнографы полагают, что в христианский праздник вознесения включились кое-какие обряды пастушеского праздника палилий или парилий (латинск. parilia), отмечавшегося в древнем Риме 21 апреля. Связь между этими праздниками, пожалуй, можно проследить в некоторых деталях. Например, известно, что парилии сопровождались жертвоприношением молока и виноградного сусла. В наши дни в день вознесения в Апулии, Калабрии, Абруццо и в некоторых других областях также принято делать подношения молочных продуктов. В недавнем прошлом итальянские помещики в этот день не ставили молоко на сыр, а раздавали его своим батракам, а также соседям-беднякам [73]. В некоторых областях молоко составляет ритуальную пищу этого дня [74].

Вторым важным моментом праздника парилий был очистительный огонь. Пастухи зажигали костры из сена и соломы, а в знак очищения и освящения прогоняли через них скот, сами же прыгали через огонь. В наши дни в день вознесения также часто зажигают костры.

Третий момент связи этих двух праздников, может быть, состоит в обрядах уборки. Во время парилий было принято очищать хлевы. Современный обычай требует накануне праздника вознесения убирать весь дом.

Наряду с языческими очистительными обрядами в день вознесения выполняют и обряды очищения, возникшие явно из христианских представлений. Итальянские пастухи верили, что соленая морская вода в этот день становится пресной и освященной, и стремились получить через нее очищение и благословение для себя и своих стад. Подобные верования держатся и среди крестьян. Во многих деревнях девушки ставят на вознесение воду перед окном, чтобы потом умыться ею и тем самым предохранить себя от всяких болезней [75]. Во многих сельских местностях раньше существовал обряд, называемый «прохождение через воду». Выполняющие его должны были пересечь воду какой-либо реки или источника семь раз [76].

С очищением через воду связан один красочный обряд, выполнявшийся в день вознесения в Венецианской республике. Он назывался «обручение Венеции с морем». Дож поднимался на позолоченный корабль — *бучинторо*, которым управляли три венецианских адмирала. Бучинторо плыл по каналу от собора святого Марка до острова Лидо. За ним следовало множество галер, пеот и гон-

дол. Звонили все колокола города. Через короткие интервалы гремели пушечные выстрелы. Вдоль острова Лидо были выстроены суда венецианского флота и торговые корабли, ярко расцвеченные флагами. Дож бросал в волны Адриатики золотое кольцо и торжественно произносил: «О море наше, с тобой обручаемся в знак истинного и постоянного владычества!» [77]

К христианским моментам праздника вознесения относятся и процессии верующих к вершинам холмов и гор [78].

Вознесение, пожалуй, можно считать в Италии последним народным весенним праздником, так как следующий за ним праздник троицы не получил никакого отражения в итальянских народных обрядах, оставшись лишь чисто церковным праздником.

1 *Toschi P.* Invito al folklore italiano. Roma, 1963, p. 266; *Maturanzo S.* Tradizioni di Napoli. Napoli, 1956, p. 21, 22.
2 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 264.
3 Il Folklore. Tradizioni, vita e arti popolari. Milano, 1967, p. 30, 31.
4 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 276; *Corso R.* L'orso dell'Candelora. Helsinki, 1955.
5 *Herrmann F.* Beiträge zur italienischen Volkskunde. Heidelberg, 1938, S. 18; *Vaccai G.* Le feste di Roma antica. Milano, 1938, p. 30.
6 *Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. München, 1902, S. 172.
7 Il Folklore..., p. 31; *Maturanzo S.* Op. cit., p. 29.
8 *Tagliavini C.* Storia di parole pagane e cristiane attraverso i tempi. Brescia, 1963, p. 199.
9 *Herrmann F.* Op. cit., p. 18.
10 *Maturanzo S.* Op. cit., p. 31.
11 *Tassoni G.* Tradizioni popolari del Mantovano. Firenze, 1964, p. 181, 182.
12 *Riva F.* Tradizioni popolari venete secondo i documenti dell' inchiesta del Regno Italico (1911). Venezia, 1966.
13 *Herrmann F.* Op. cit., p. 13.
14 Ibid., p. 13, 27.
15 *Wissowa G.* Op. cit., p. 129; *Tagliavini C.* Op. cit., p. 129.
16 *Giannelli G.* Marte. Enciclopedia Italiana, vol. XXII. Roma, 1934, p. 428, 429.
17 *Vaccai G.* Op. cit., p. 35; *Wissowa G.* Op. cit., p. 194.
18 Anna (Perenna). Dizionario Epigrafico di antichità romane di Ettore de Ruggiero, vol. I, A—B. Roma, 1895, p. 473.
19 *Wissowa G.* Op. cit., p. 194.
20 Ibidem.
21 *Овидий.* Элегии и малые поэмы. М., Изд-во «Художественная литература», 1973, с. 292—293.
22 *Herrmann F.* Op. cit., p. 11.
23 *Пизани В.* Этимология. История — проблемы — метод. М., 1956, с. 117; *Herrmann F.* Op. cit., p. 21.
24 *Пизани В.* Указ. соч., с. 117; *Дживелегов А. К.* Итальянская народная комедия. М., 1954, с. 37; Il Folklore..., p. 31; *Tagliavini C.* Op. cit., p. 211.
25 Il Folklore..., p. 32.
26 *Alziator F.* Il folklore sardo. Bologna, 1957, p. 76.
27 Ibidem.
28 Il Folklore..., p. 34.
29 *Herrmann F.* Op. cit., p. 28.
30 *Aronco G. D.* Il Friuli. Aspetti etnografici. Udine, 1965, p. 93.
31 *Mori A.* Sardegna. Torino, 1966, p. 328.
32 *Alziator F.* Op. cit., p. 76, 77.
33 *Toschi P.* Tradizioni popolari italiane. Torino, 1967, p. 91.
34 Ibid., p. 91, 92.
35 *Tagliavini C.* Op. cit., p. 214.
36 *Herrmann F.* Op. cit., p. 22, 23.
37 *Дживелегов А. К.* Указ. соч., с. 37.
38 *Herrmann F.* Op. cit., p. 29, 30.
39 *Tagliavini C.* Op. cit., p. 212.
40 Il Folklore..., p. 32.
41 *Herrmann F.* Op. cit., p. 25.
42 *Aronco G. D'.* Op. cit., p. 95.
43 *Giannini G., Parducci A.* Il popolo toscano. Milano, 1926, p. 23.
44 *Toschi P.* Le origini..., p. 129.
45 Ibidem.
46 *Pagano A.* Folklore di Sicilia. Acireale, 1965, p. 105—107.
47 *Herrmann F.* Op. cit., p. 31.
48 Ibid., p. 25.
49 Ibid., p. 26.
50 Ibid., p. 33, 34.
51 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 286.
52 *Herrmann F.* Op. cit., p. 35.
53 *Maturanzo S.* Op. cit., p. 19—27; *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 286; *Herrmann F.* Op. cit., p. 35, 36.
54 *Herrmann F.* Op. cit., p. 38.
55 *Giusti G., Capponi G.* Dizionario dei proverbi italiani. Milano, 1956, p. 195.
56 *Берто Дж.* Разбойник. М., 1955, с. 40.
57 *Herrmann F.* Op. cit., p. 42.
58 *Toschi P.* Tradizioni popolazi italiane, c. 95.
59 *Toschi P.* Tradizioni popolazi italiane; Il Folklore..., p. 37.

60 *Herrmann F.* Op. cit., p. 43; *Toschi P.* Tradizioni popolari italiane, p. 95—96.
61 *Galanti B. M.* Tradizioni gastronomiche d'Italia: uova e dolci pasquali. — «Lares», fasc. 1—2, 1958, p. 18, 25.
62 *Herrmann F.* Op. cit., p. 46.
63 *Galanti B. M.* Op. cit., p. 32.
64 *Herrmann F.* Op. cit., p. 49.
65 Ibid., p. 48—49.
66 Il Folklore. . ., p. 37.
67 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 312.
68 *Riva F.* Op. cit., p. 31.
69 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 314.
70 *Herrmann F.* Op. cit., p. 51.
71 Ibid., p. 52.
72 Ibid., p. 53.
73 Ibid., p. 56, 57.
74 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 323; *Lancellotti A.* Feste tradizionali, v. 1. Milano, 1950—51, p. 136—137.
75 *Herrmann F.* Op. cit., p. 57, 58.
76 *Toschi P.* Invito al folklore italiano, p. 322.
77 *Gmelin H.* Italien. — In: Kultur der romanischen Völker. Potsdam, 1934, S. 173.
78 Il Folklore. . ., p. 39.

НАРОДЫ ФРАНЦИИ

* * * * * * * * * * * *

Л. В. Покровская

Первые весенние обряды, связанные с пробуждением природы и началом сельскохозяйственных работ, совершались в феврале. И земледелец, и виноградарь, и скотовод единодушны в оценке этого месяца:

Février, entre tous les mois,
Le plus court et moins courtois.
Среди всех месяцев февраль
Самый короткий и менее других учтивый.

И действительно, это самый своенравный месяц. Если он и начинается мирно, ему нельзя довериться, так как тепло вдруг сменяется холодом, изморозью, снегом. Наоборот, на смену сильным холодам в начале месяца приходят неожиданно очень теплые дни, которые могут оказаться гибельными для преждевременно распустившихся побегов. От погоды февраля немало зависит будущий урожай. В народе говорят:

Janvier et février—
Comblent ou vident les greniers.
Январь и февраль
Наполняют или оставляют пустыми амбары [1].

В наблюдениях за погодой, в частности в приурочении этих наблюдений к определенным датам церковного календаря, как и во всех народных календарных обрядах французов, ярко проявляется религиозный синкретизм, отмечаемый и у других европейских народов.

В католической Франции важной датой для наблюдения за погодой считался первый весенний церковный праздник — день очищения (Jour de la Purification) или день свечей (Jour de la Chandeleur), в православном календаре известный как сретение. Как и в других странах Европы, во Франции по случаю обряда очищения устраивались процессии верующих: со свечами в руках они медленно проходили по улицам и площадям селений. Особенно торжественны эти процессии бывали в средние века. Постепенно они прекратились — сначала в городах, затем и в деревнях. Только в отдельных местностях Бретани крестьяне устраивали шествие со свечами, но несколько иного рода: в полном молчании они торжественно обходили поля и огороды, надеясь, что этот акт принесет им благополучие.

По всей Франции в деревнях долгое время сохранялись обычаи, сложившиеся из представлений о том, что свеча, освященная в день *шанделёр* в церкви, обладает многими апотропеическими свойствами: она может предохранить людей, скот, добро от несчастья, болезней, эпидемий, защитить от молнии и града.

Обычно освященные в день шанделёр свечи бережно хранили весь год. Такими свечами ставили иногда знак креста на окнах и дверях для оберега или благословляли новобрачных.

Французский крестьянин почитал день свечей как один из самых значительных, потому что именно этот праздник, по народным представлениям, от-

крывал весну. Во многих областях Франции с этой даты начинались земледельческие работы:

A la Chandeleur
A la charrue, laboureur.
На шанделёр
Берись за плуг, пахарь[2].

С этого дня было принято приступать к работам в поле, в саду, на виноградниках. Именно к празднику свечей приурочено множество примет и поговорок. Во многих французских провинциях считали, что хорошая погода в день шанделёр — признак того, что зима будет продолжаться еще сорок дней; плохая погода в этот день — радуйся: зиме конец. Как и во многих других европейских странах, крестьяне наблюдали в этот день за поведением животных: медведя, козы, волка. Чаще всего во французских поговорках фигурирует медведь. В народе говорили, что в день шанделёр медведь выходит из своей берлоги и не возвращается в неё, если стоит пасмурная погода, если же светит солнце, он забирается в берлогу еще на сорок дней[3].

Много примет, пословиц и поговорок приурочено и ко дню св. Блеза, 3 февраля. Считалось, что к этому дню прекращаются зимние холода, если же они держатся, не жди ранней весны. В некоторых деревнях Бургундии св. Блез считался покровителем виноградарей, в других — покровителем землепашцев. В честь него устраивались традиционные процессии: по улицам деревни провозили повозку с плугом, запряженную четырьмя волами. В более позднее время обряд изменился, плуг уже не возили, но разыгрывали сцены, имитирующие пахоту: мужчины волокли за руки упирающегося человека. В некоторых местах в этот день было принято освящать семена[4].

Окончание холодного сезона связывали и с днем св. Агаты. В Провансе в день св. Агаты устраивали маскарады, разыгрывали сцены изгнания «старухи», символизировавшей холодное время. По улицам города верхом на осле с пустым мешком в руках проезжала «старуха». Она останавливалась у каждой двери, прося милостыню. Мальчишки бегали за ней, били ее палками, осыпали бранью. «Старуха» была живучей, и эта церемония повторялась в конце февраля, иногда в конце марта и даже в мае[5].

В Провансе св. Агату наделяли властью заклинать стихийные бедствия. В Бургундии она считалась покровительницей матерей.

Три последних дня февраля и три первых дня марта (в некоторых областях три последних дня марта и три первых апреля) считались несчастливыми днями, «днями старухи» (Jours de la Vieille), «одолженными днями» (Jours d'Emprunt), которые часто бывают ненастными. В разных областях Франции можно слышать варианты легенды об этих днях. В Провансе рассказывают, как одна старуха в конце февраля, считая, что холода миновали, подтрунивала над февралем. И тогда разгневанный февраль занял три дня у своего брата марта и нагнал такого холода, что все стадо овец старухи погибло. Старуха утешилась, она купила коров и решила, что теперь ей ничто не грозит. Но история повторилась. Март, которого она стала дразнить, занял три дня у апреля и погубил ее стадо[6].

В марте у крестьянина много забот. И как бывает в деревенском быту, сроки работ рассчитываются по датам церковного календаря. Землепашец в марте должен провести весеннюю пахоту, боронование, сев. Виноградарь — подрезать лозу, расставить жерди для подвязывания кустов, сделать прививку. Эти дела он стремится приурочить ко дню св. Григория — 12 марта. Садовод заканчивает посадки, делает прививки. В марте выгоняют на пастбище скот.

Стрижку овец начинают с 1 марта (день св. Обена) или же 12 марта — (день св. Григория).

Неустойчивость мартовской погоды, зависимость от нее результатов полевых работ заставляла земледельца внимательно следить за погодой. Из этих наблюдений, а также из суеверного страха за успех урожая рождались легенды, множество примет о погоде и поговорок.

Особенно нежелателен для земледельца мартовский дождь; он ворчит:

Plui de mars
Ne profite pas.

Мартовский дождь
Пользы не приносит.

Виноградарь же радуется дождю — после него распускаются почки, и заморозка больше не будет. Он восклицает:

En mars s'il tonne,
Apprete cuves et tonnes.

Если в марте гром гремит,
Соберешь много вина.

А если заморозки ударяют в день благовещения (Annonciation) — 25 марта, то не жди ни зерна, ни вина [7].

Начало сельскохозяйственных работ предполагало окончание посиделок, обычая сельской молодежи, повсеместно бытовавшего в XIX в., проводить вместе долгие зимние вечера за пряжей и рукоделием, в атмосфере шуток и веселья. В одних местах днем окончания посиделок считался шанделёр, именно в этот день «насаживали свечу на гвоздь» (on mettait la chandelle au clou), т. е. убирали светильник, вокруг которого собирались рукодельницы. В других районах таким днем называли 5 февраля — день св. Агаты. О том, что посиделки кончились, говорит пословица: «На св. Агату не прясть, не сучить» («A la Saint Agathe ni filin ni filatte»). В третьих местах посиделки заканчивались на благовещение. В этот день устраивали даже праздник «потопления посиделок». К реке несли зажженные челноки ткацких станков, чтобы их унесло течением. Иногда пускали по реке выдолбленные из дерева башмаки — *сабо*, внутри которых укрепляли горящие свечи, или ореховую скорлупу с горящей смолой [8].

Наиболее выразительные формы весенняя обрядность принимает в цикле пасхальных праздников.

Начальный, притом самый яркий и красочный период этого цикла — карнавал. Радость, безудержное веселье, полная свобода поведения и выражения чувств — это то, что определяет характер праздника, пронизывает всю его обрядность. Все обряды карнавала внерелигиозны, а некоторые из них были пародией на церковный культ.

В карнавале явно проступают черты древних языческих празднеств аграрного типа. В период средневековья, с его духом аскетизма, эти традиции получили наиболее полное развитие и выражение в народной культуре. На основе синтеза древних обрядов был выработан богатый язык карнавальных форм и символов. Карнавал завершает зиму и начинает весну. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления, составляющие суть этого переломного периода в жизни природы и человеческого труда, создавали праздничное мироощущение.

В карнавальных символах все и всё представлялось в смешном виде. Особую атмосферу карнавала создавали фривольный характер поведения, смех и веселье, игры и танцы, имеющие эротический смысл, т. е. действия, которым издревле приписывалось свойство магическим образом вызывать плодородие.

В жизни средневековой Франции карнавал занимал огромное место. Он был как бы второй реальной формой самой жизни. Всенародность, полная свобода поведения и выражения чувств,

равенство, изобилие отличали эту временную утопическую жизнь, которая разыгрывалась как пародия на обычную.

Живое представление о средневековой карнавальной культуре дает роман великого французского гуманиста Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль». Карнавальное мировоззрение определило стиль и форму этого произведения, а народно-праздничные образы средневекового карнавала вылились в гротескные образы его героев [9].

Во второй половине XVII в. характер карнавальных празднеств изменился. С изменением эстетических концепций эпохи карнавал утратил свою всенародность. Народно-праздничная традиция с этого времени развивается по двум линиям. В придворных кругах народная традиция утрачивает свое внутреннее содержание, хотя сохраняет старую форму в стилизованном виде. Празднества с маскарадами, шествиями, аллегориями, фейерверками лишь внешне копируют стиль карнавала [10]. В народе же, особенно во французской деревне, карнавальная обрядность, с ее очевидной аграрной направленностью, сохранялась до конца XIX в., а местами до первой мировой войны, хотя смысл отдельных обрядов постепенно утрачивался, и в карнавале, дожившем до наших дней, сохраняется лишь его игровая сторона.

Карнавальная обрядность, во многом перекликающаяся с новогодней, включает ряжение, хождение по домам с добрыми пожеланиями и сбор подарков, церемонии с персонажем, олицетворяющим праздник, обряды, связанные с ритуальными огнями, различные спортивные и шуточные игры.

Обряды располагаются один рядом с другим, не обнаруживая непременной последовательности.

Строго определен лишь срок окончания карнавала: с наступлением поста за 40 дней до пасхи. А начинались карнавальные празднества в различных областях Франции в разные праздничные дни. На рождество — в Беарне, в день королей — в некоторых местностях Шампани, Ангумуа, в Нижних Пиренеях; в день шанделёр — в отдельных местностях Вогез, в департаменте Сена и Уаза, в Каталонии [11].

Многочисленные церковные и правительственные ордонансы, запрещавшие карнавальные представления под предлогом устранения беспорядков, привели к тому, что продолжительность праздников значительно сократилась. В XIX в. карнавальные обряды совершались в течение трех или пяти дней, предшествующих посту, называемому во Франции Carême (от латинского Quadragesima — сороковой; название поста указывает на срок его отсчета от празднования пасхи, т. е. сорок дней). Кроме общеизвестного, но не имеющего единого толкования названия carnaval, празднество называется также carême entrant, carême prenant, т. е. наступающий пост. В диалектах последнее название модифицировалось в caramantran, carmantran, camtran. Праздничными «жирными» днями карнавала считаются воскресенье, понедельник и вторник (mardi gras), в некоторых местах также и предшествующие этой неделе четверг и суббота. Период карнавальных гуляний заканчивался ночью со вторника на среду, называемой «пепельной» (le mercredi des Cendres).

В некоторых районах Франции наблюдалось стремление очертить границы карнавала обрядом начала и обрядом его окончания. Так, в департаменте Йонна было в обычае «объявлять» или «будить» карнавал. Для этого группа ряженых во главе с музыкантами обходила деревню, останавливаясь перед домами, объявляя о начале карнавала. В некоторых местностях на Роне период открывался в «жирное воскресенье» жертвой ягненка, которого закалывали на площади. В Беарне карнавал начина-

ется с закалывания свиньи. В Арденнах открытие проходило под звуки барабана, призывавшего молодежь на площадь перед мерией, где их встречала музыка: все должны были прийти в масках, тот, кто не отзывался на призыв, расплачивался восемью кувшинами пива[12].

Атмосферу веселья создавали ряженые (masques, mascarades), с песнями и шутками обходившие дома, где они собирали яйца, сало, ветчину, вино, употреблявшиеся для грандиозной общей пирушки. Иногда процессия ряженых разыгрывала пародию на деревенскую свадьбу.

В отдельных местностях разыгрывалась пантомима, в которой представлены были двенадцать месяцев года. Каждый месяц исполнял свою песню.

Самый простой и наиболее распространенный во Франции прием ряжения, создающий комический эффект, — это переодевание мужчин в женское платье, а женщин в мужские брюки и куртки, вывернутые наизнанку. Парни щеголяли в чепчиках, девушки — в каскетках, фетровых шляпах. Лица обмазывали ваксой, сажей, мукой. Некоторые авторы считают, что этот прием ряжения дает наибольшую возможность выразить чувства человека, вернее то, что живет в нем подсознательно, не испытывая стыда или публичного посрамления. Один пол берет временный реванш над другим, может позволить себе по отношению к лицу другого пола вольности, даже непристойности, дать выход обычно подавляемым эротическим склонностям[13].

Вероятно, мужское ряжение возникло раньше, чем женское, и главенствующая роль мужчин, особенно молодых людей, в празднестве, сохранявшаяся в отдельных областях Франции, не что иное, как отголосок обрядности более ранних эпох. В южных провинциях Франции женщины не принимали активного участия в карнавальных танцах, они были лишь страдающей стороной, против них были направлены мужские проказы, их обливали водой, пачкали грязью, сажей[14].

Рядились также медведем или иным животным. Иногда из дома в дом водили «лошадку» (bidoche): несколько человек накрывались одной попоной, изображая лошадь. Такие «лошадки» — излюбленный персонаж в Нормандии[15].

В южных провинциях Франции — в Провансе, Лангедоке, в Баскской области одним из карнавальных развлечений были игры и танцы с «лошадками», «всадниками на лошади». Но в целом в стране не было широко принято ряжение животными. Драматические сцены с животными масками характерны лишь для области Пиренеев[16]. В XIX в. вошли в обиход картонные крашеные маски фабричного изготовления.

Среди карнавальных шуток, от которых ждали благотворного эффекта, здоровья, богатства и пр., излюбленными были: обливание водой, грязью, обсыпание мукой, сажей, золой, а в городах в XIX в. — драже или конфетти[17].

В конце XIX в. обычай ряжения стал постепенно исчезать, его оставило вначале старшее поколение, а затем и молодежь. После 1920 г. маскарады сохранялись лишь как детская забава[18].

Особое место в карнавальной обрядности занимали персонажи, олицетворяющие цикл в целом или отдельные его периоды. «Жирный период» олицетворял персонаж, носящий, так же как и праздник, имя Карнавал, Кармантран. Нередко его наделяли и пародийным именем (Pansard, Crapazi), содержащим намек на обжорство, которому все предавались в дни карнавала, — Пузан. Эта черта карнавала подчеркивалась нередко и обликом персонажа: его изображали с огромным пузом[19].

Центральную фигуру карнавала изображал человек, чучело, маска какого-нибудь животного, например медведя. В Пиренеях, например, инсценировались драматические сцены охоты на медведя. Иногда главным персонажем была «ло-

шадь», «жирный бык» или «старый бык», которого, украшенного лентами, цветами или разноцветной кокардой, водили или даже, в знак особого почитания, возили по городу. Церемония с быком — это обряд по преимуществу городской. Его совершали в «жирные» вторник или среду, редко в день середины поста[20].

Человек в роли Карнавала во французской обрядности встречается довольно редко. Если это бывало, то роль Карнавала обычно доставалась бедняку. Иногда эта роль рассматривалась как наказание за провинности: за супружескую неверность, дурное поведение. Человека закутывали соломой или сеном, перевязывали веревками и на повозке или верхом на осле, под улюлюкание ряженых возили по деревне, останавливаясь у каждого дома, и в конечном итоге, накануне «пепельной среды» или утром этого дня, вершили над ним суд. Лишь в конце шуточного суда человека заменяли чучелом, которое и подвергали экзекуции: его расстреливали, топили, вешали, закапывали в землю.

Чаще всего Карнавалом было соломенное чучело, нередко оно изображало голого человека с весьма очевидными атрибутами его пола.

Организация кортежа, процедуры «суда над Карнавалом» входили в прерогативы молодежных организаций, так называемых Аббатств молодежи. Суд над Карнавалом проходил обычно очень бурно, на его голову сыпались проклятия, его обвиняли во всех несчастьях, случившихся в течение минувшего года. В разных областях процессы «суда» и «казни» Карнавала проходили различно, все зависело от изобретательности исполнителей[21].

В средние века нередко разыгрывались и откровенные пародии на церковные обряды. Так, в XVI в. в городе Шалон-на-Соне в «пепельную среду» каноники в церкви служили торжественную заупокойную мессу «фантому огромного размера, сделанному из соломы и одетому в жалкие одежды». Позже службы эти были запрещены, и чучело бросали в реку без церковного благословения.

Карнавал — период, когда все дозволено, давал большие возможности для выражения общественного мнения. В самых многообразных приемах осмеяния находила свое выражение природная склонность французов к шутке и иронии. Холостяки, мужья, обманутые и обманывающие, супружеские пары, не умеющие жить в ладу, девицы, осмелившиеся иметь ребенка, — все они должны были нести публичное наказание, не пытаясь уклониться от него. А уж какое это было наказание, зависело от фантазии «судей».

Одним из карнавальных наказаний было катание на осле задом наперед. В дни карнавала обнародовались и тайные связи. Шутники рассыпали солому так, чтобы наметить тропинку от супружеского дома к дому любовника или любовницы.

Доставалось и холостякам. В сценах, разыгрываемых участниками, холостяку подбирали самую смешную пару, иногда перечисляли все его физические и нравственные недостатки, представляли в смешном свете все его поступки. В департаменте Изер фарсы, высмеивающие холостяков и старых дев, устраивались еще перед второй мировой войной. Чучело, сделанное с большой степенью сходства, ряженые таскали по улицам деревни и накануне поста, в «жирный вторник», прибивали его к окну или ставили перед дверью дома холостяка. Снимали чучело лишь в первое воскресенье поста, чтобы сжечь его. Лица, подвергавшиеся осмеянию, не решались сами прикоснуться к чучелу, убрать его, иначе им устроили бы «кошачий концерт» — шаривари.

Эротическая окраска многих карнавальных обрядов диктовалась их направленностью на плодородие не только



Праздник карнавала в современной Франции. Чучело карнавала, установленное на машине

земли, но и человека. Так, в Верхней Савойе женщина, в конце первого года замужества остававшаяся бездетной, должна была пройти особый обряд: ее обсыпали орехами, миндалем (символы размножения, произрастания). Эротический смысл скрывался во многих проделках молодых людей [22]. В эти дни устраивались различные состязания, в которых особая роль отводилась молодоженам.

Среди карнавальных развлечений бывали игры, участники которых должны были проявить силу, ловкость, изобретательность.

В некоторых северных провинциях до второй мировой войны продолжали устраивать петушиные бои; они происходили чаще всего в «жирный четверг». Тот, кому принадлежал петух-победитель, именовался «королем». Вечером он угощал всех участников игры доброхотными дарами, собранными утром этого дня с односельчан. В некоторых областях игра заключалась в обезглавливании петуха или гуся [23].

В каждой области были свои карнавальные развлечения. Большое место в них отводилось шутке и различного рода проделкам. Во многих из них проступают черты магии плодородия. На Корсике, например, подвешивали к потолку горшок, наполненный драже, миндалем, орехами, и девушки поочередно подходили с завязанными глазами к месту, где он висел, и должны были постараться разбить его палкой.

Танцы, исполнявшиеся во время карнавала, носили либо шуточный, часто эротический характер, либо представляли собой ритуальное действо, направленное на получение урожая.

Магического воздействия ждали от хороводов, устраивавшихся вокруг костра. Чем оживленней был танец, тем большие надежды возлагались на будущий урожай; чем выше подпрыгивали танцоры, «тем выше будет расти конопля». Танцы устраивались также во дворах ферм, в амбарах, чтобы лучше росла конопля, «чтобы уродилась репа» [24].

Среди карнавальных обрядов наиболее древние корни имеют, по-видимому, ритуальные огни: зажигание костров, шествие с зажженными факелами, окуривание деревьев. Костры зажигали в различные дни карнавала, но чаще всего — в «жирный вторник» или в первое воскресенье поста. Обычно раскладывали один большой костер в каждой деревне. Все жители села принимали участие в этом действии, каждая семья должна была выделить топливо для общего костра. Костер должен был гореть ярко и высоко. Место для него выбирали чаще всего на холме, чтобы далеко было видно пламя.

Вокруг костра устраивались танцы с подпрыгиванием, хороводы. В хоро-

воде должны были принимать участие все, независимо от возраста. Карнавальные хороводные песни, впоследствии перешедшие в детский фольклор, походили на заклинания: «Костер, костер, столько фруктов, сколько листьев»[25].

В некоторых областях вместо большого общего костра разжигали небольшие костры перед домами молодоженов, вступивших в брак после прошлого карнавала. Иногда каждая молодая пара разжигала свой костер на холме. Иногда же молодежь собирала топливо и раскладывала на холме столько костров, сколько пар поженились за время от прошлого карнавала. По-видимому, в устройстве семейных костров можно усмотреть следы древнего культа огня, древних представлений о связи огня с семейно-родовым коллективом, а позже — с домашним очагом. В действиях молодоженов, разжигавших костры и танцевавших вокруг них, первоначально предполагался магический смысл — усилить и обновить «любовный огонь», отогнать злые силы и уберечь себя от бесплодия.

Магический смысл заключал и обряд перепрыгивания через угасающий костер. Молодые люди друг за другом, или парами — девушка, держа за руку своего суженого, либо одни парни, начинали перепрыгивать через раскаленное кострище. Одни говорили, что прыгают через костер, чтобы пожениться в этом году; женатые и замужние, чтобы не остаться бездетными; другие, чтобы избавиться от болезни, и т. д. Ритуальное значение этого обряда, так же как и хороводов, почти забыто, для современной молодежи прыгание через костер — это лишь развлечение и забавный, почти неопасный вид спорта.

В Эльзасе и Лотарингии среди обрядов карнавала, связанных с огнем, сле-

Сжигание карнавала



дует упомянуть катание или бросание горящего колеса или диска. Этот обряд, широко распространенный в германских странах, в других областях Франции не встречается [26].

Ради будущего урожая, защиты его от вредителей устраивались шествия с зажженными факелами и окуривание полей и деревьев.

В этнографической литературе ритуальные огни, будь то костры или горящие факелы, часто называются одним именем brandons, failles и т. д. При огромном разнообразии диалектных названий общее название для горящих факелов, наиболее часто употребляемое, — brandon — факел. Первое воскресенье поста во многих французских провинциях так и называлось «воскресенье факелов» (Dimanche des brandons).

В этот день, на холме перед деревней дети размахивали длинными шестами, с горящими на их концах пучками соломы или сухой виноградной лозой. Зрелище множества движущихся огней на холме, венчающем деревню, было очень красочным. Затем дети бежали с горящими факелами в деревню, к фруктовым деревьям, ударяли факелами по стволам и ветвям деревьев, приговаривая: «Больше фруктов, чем листьев» («Plus de fruits, que de feuilles»).

Этот акт, согласно привычному представлению, сулил изобилие. Первоначально смысл этого обряда заключался в окуривании деревьев с целью уничтожения личинок вредителей. Реальный эффект окуривания сочетался с представлениями о его магическом воздействии. Окуривание еще в античной обрядности считалось актом магического воздействия, сила которого умножалась, если оно было приурочено к определенному дню, почитаемому как священный.

К обрядам с горящими факелами прибегали с целью уничтожения сорняков, а также грызунов, вредителей полей. Так, например, в Солони, Турени в первое воскресенье поста молодежь собиралась на поля, чтобы уничтожить головню. Пока на полях горели укрепленные в разных местах факелы, молодежь выкрикивала заклинания: «Подожжем головню, головню и чертополох, подожжем головню», вырывала пораженные головней колосья и несла хозяевам поля. Хозяйки, которые к этому случаю пекли блины или оладьи, одаривали ими всех участников. В области Солонь еще в 1944 г. во многих деревнях выкуривали вредителей, заклиная: «Полевая мышь, выходи из своей норы, а не то я тебе подожгу четыре лапы».

В целом в стране эти обряды с явной аграрной магической направленностью исчезли раньше других. Описания их относятся главным образом к XVIII и первой половине XIX в.[27]

Интересно празднование карнавала на юге Франции. Там в эту пору уже расцветают цветы, и они становятся важным атрибутом празднества. Особенно ярко и шумно справляется карнавал в Ницце, где по традиции устраиваются «битвы цветов» («bataille de fleurs»): гуляющая и катающаяся в экипажах публика перебрасывается букетами цветов — настоящее шуточное сражение. Экипажи, лошади, автомобили, одежда гуляющих — все украшено цветами.

В дни карнавала, особенно в «жирный вторник», прибегали к самым разнообразным магическим приемам, которым приписывалось свойство обеспечивать изобилие, плодородие, уничтожать зло.

Особое значение в дни карнавала придавалось ритуальной еде. В некоторых областях «жирный вторник» или первое воскресенье поста носили название главного церемониального блюда, например «день блинов» (Jour des Crêpes) или «воскресенье оладьев» (Dimanche des Beignets) и т. д. Карнавальная трапеза отличалась изобилием различно приготовленных мясных блюд, особенно из свинины.

Праздничная еда была не только обильной и изысканной; считалось, что многие ее блюда обладают магической силой. Этими свойствами наделяли свиную лопатку, жирный бульон. В некоторых областях в «жирный вторник» было принято обходить вокруг жилья, курятника, помещений для скота, опрыскивая жирным бульоном двери и стены, а также навоз, лежащий в стойлах и разбросанный на полях. Заботились и об урожае фруктов: под каждое дерево лили немного бульона, приговаривая: «Ты вспомнишь жирный бульон «жирного» вторника»[28].

Ритуальным карнавальным кушаньем были и мучные блюда различных видов: блины (crêpes), оладьи (bognets или bugnes), вафли (gaufres), а также макаронные изделия. Их пекли в «жирный вторник» или же в другой, утвержденный традицией день карнавала. Приготовленные из главных продуктов крестьянского хозяйства — муки, молока и яиц — эти кулинарные изделия должны были обеспечить изобилие не только этих припасов, но и всего крестьянского хозяйства. Иногда первый блин давали курам, чтобы они неслись круглый год.

Блины были обязательным ритуальным кушаньем не во всей Франции, а лишь в ее северной части. В зоне, расположенной южнее, охватывающей центральную, восточную и западную области Франции, ритуальным кушаньем считались оладьи[29]. В наши дни блины и оладьи пекут лишь по давно установившейся традиции как лакомство, ритуальное же их значение забыто.

Обычно блины и оладьи семья ест во время вечерней трапезы, но в некоторых областях дожил до наших дней обычай: утром в «пепельную среду» все отправляются на площадь, чтобы там жарить и есть блины. Устраиваются своеобразные игры: молодые люди поочередно должны показать свое умение и ловкость, перевернуть блин, подкинув его на сковороде. Зрители поздравляют удачников, гикание и смех раздаются в случае неудачи.

Подобные сцены, главными участниками которых являются дети, можно видеть в дни карнавала или в «пепельную среду» и на парижских улицах.

В южных провинциях Франции, где в хозяйстве роль зерновых культур незначительна, не было традиции готовить мучные блюда для карнавальной трапезы. Соус же или «масло» из чеснока, особенно ценимого здесь как апотропейное средство, были непременной принадлежностью праздничного стола.

Обязательными для праздничного стола были также различного рода омлеты, приготовленные из яиц, считавшихся символом плодородия и изобилия.

Кроме отмеченных основных ритуальных блюд, в некоторых областях предпочитали особые местные изделия: пироги, торты, вафли, гренки, карнавальные галеты. В настоящее время многие из этих изделий продают в дни карнавала в кондитерских и булочных магазинах.

В некоторых областях Франции, в частности в областях, пограничных с Швейцарией, в Дофине, Франш-Конте, местами в Лотарингии, особую роль в обрядности играл жареный горошек. Первое воскресенье поста здесь так и называли «воскресенье жареного горошка» (Dimanche des Pois frits или Dimanche du Picone). Здесь было в обычае, чтобы молодожены первого года угощали в этот день ряженых и всех гостей, приходивших к ним с визитом, сваренным в подсоленной воде, а затем обжаренным на сале горошком[30].

Обильная трапеза в «жирный вторник» завершала карнавал.

В отдельных областях Франции завершение карнавала старались отметить особым обрядом. Так, в Провансе около полусотни деревенских парней прибывали в город с наступлением ночи верхом на лошадях или мулах. С музыкой

и песнями они следовали по городу при свете факелов, устраивали серенады для знатных людей города и девушек, отличившихся на балах. В некоторых местах в «жирный вторник» самый старый холостяк в деревне с фонарем обходил улицы, чтобы убедиться, что карнавал ушел[31]. Конец карнавала означал начало поста. В отдельных местностях Шампани было принято выбрасывать в воду все оставшиеся куски мяса, а в Арденнах мясо подвешивали на крюке и коптили в камине, где оно висело до пасхи.

Первый день поста, «пепельная среда», начинался нередко с окончания трапезы «жирного вторника», затянувшегося до утра, когда король празднества раздавал всем золу в знак завершения праздника. Однако во многих местах «пепельная среда» считалась еще праздничным днем. Иногда только в «пепельную среду» сжигали чучело Карнавала. Пепел был одним из важных элементов как церковной, так и народной обрядности этого дня. Вырядившись трубочистами, с мешочками золы прохаживалась по улицам ряженая молодежь, обсыпая прохожих золой. Иногда мокрой золой кидали в прохожих из окон. Многие карнавальные шутки продолжались и в этот день.

После «пепельной среды» карнавальное веселье утихало. Оно вспыхивало снова лишь на короткий срок: в первое воскресенье поста, называемое также «воскресенье факелов» (Dimanche des brandons) и в день середины поста (Mi-Carême), за двадцать дней до пасхи. В Эльзасе карнавальные гуляния допускались и в разгар поста: «жирное воскресенье» было днем праздника хозяев дома, первое воскресенье поста — праздником молодых людей, второе — праздником девушек. В других провинциях даты праздничных дней также могли варьировать[32].

Особенно богат обрядами день «середины поста». В некоторых городах юга в этот день устраивались праздничные кортежи, зажигали костры[33].

Главная роль в церемониях «середины поста» принадлежала «старухе», персонажу, во многом сходному с образом Карнавала. «Старуха» олицетворяла период поста, ее образ появлялся в самых различных вариантах: в одних местах сжигали чучело «старухи», в других устраивали символическую свадьбу «старика» и «старухи».

Но самым характерным был обряд «распиливания старухи». В некоторых областях центра Франции праздновать «середину поста» означало «расщеплять старуху» (fendre la Vieille). Вот один из примеров этого обряда. В день «середины поста» одни молодые люди одевались пильщиками, другие кающимися грешниками. На деревянный чурбан напяливали женскую одежду и даже головной убор в виде чепчика. После того как «старуху» провезут по улицам деревни, ее приговаривали к казни через распиливание. Казнь совершалась публично. Пильщики распиливали «старуху» вдоль, кающиеся оплакивали ее, с рыданиями в голосе они восклицали: «Прощай бедная матушка! Ты умираешь расщепленная. Какое горе!». Пильщики возражали: «Тем лучше, она была колдуньей, она заслужила смерть».

В провинции Берри во время поста устраивали ярмарки, которые назывались «ярмарки на старуху». Детям говорили, что на этих ярмарках они увидят, как распиливают надвое «старуху середины поста» (La Vieille de la Mi-Carême).

Детское воображение не всегда могло создать такой абстрактный образ, поэтому нередко страдать приходилось старикам. В некоторых городах провинции Берри в день «середины поста» дети бегали по улицам с деревянными саблями, преследовали старых женщин и старались даже проникнуть в дома, где жили старухи. Иногда дети лепили из глины фигурки старухи, разрубали ее

саблей вдоль, а части ее бросали в реку[34].

Общепринятого толкования образа старухи нет. В ней видели воспоминание или даже пережиток культа Анны Перенны, персонификацию старого года. Некоторые исследователи считают, что этот образ вобрал в себя многие черты: это и старый год, и зима, и дух растительности. Связывали эту фигуру и с образом изгонявшегося с наступлением нового года Мамуриуса Ветуриуса или Старого марта и сравнивали его изгнание со славянским обрядом «выноса смерти». Старый март рассматривали не только как бога растительности, но и как «козла отпущения», на которого перекладывали грехи людей[35].

Последняя, предшествующая пасхе неделя поста, называемая «святой» (Semaine Sainte), по характеру обрядности связана непосредственно с празднованием пасхи. И хотя пасхальная обрядность включается в общий круг весенней обрядности, она более, чем другие весенние циклы, отмечена печатью христианской религии. Многие дохристианские обряды, связанные с весенним пробуждением природы, в пасхальной обрядности приобретают новое осмысление.

Первый праздник пасхального цикла — вербное, или «пальмовое воскресенье» (Dimanche des Rameaux), предшествующее пасхальному. Во многих областях Франции этот праздник называется также «цветущая пасха» (Paques fleuries), в Пикардии «пасха с самшитом» (Paques à buis, Fête des buis), в Провансе — «воскресенье осанны» (Dimanche d'Hosanna). В этот день во Франции принято освящать зеленые или цветущие ветви самшита, пальмы, розмарина, лавра. Освященные веточки прикрепляют дома к изголовью кровати, возле камина, в стойлах, во время грозы или болезни их используют в качестве кропила. В Бретани празднование «пальмового воскресенья тесно связано с культом умерших. В отдельных местностях Бретани традиционное освящение веточек самшита происходит на кладбище или у монументов погибшим в двух войнах. После мессы каждый направляется к семейным могилам, чтобы положить там освященную веточку самшита.

В недалеком прошлом крестьяне втыкали освященные веточки, связанные иногда ввиде креста, на поля в надежде предотвратить любое бедствие и заручиться хорошим урожаем. В настоящее время, особенно после второй мировой войны, этот обычай исчез, но отдельные семьи продолжают его придерживаться[36].

Во Франции можно выделить несколько крупных областей, где принято было освящать не маленькие веточки и стебельки, а большие ветви или даже маленькие деревца, увешанные лентами, бумажными игрушками, яблоками, другими фруктами, сладостями, предназначенными детям. В Провансе крестные обычно дарили своим крестникам такие ветви. Обычай декорировать пальмовые ветви был принят в некоторых местах средиземноморской области[37].

Процессии с освященными ветвями почти не совершаются с начала XX в.

Четверг, пятница и суббота считаются самыми печальными днями предпасхальной недели, особенно пятница. Атмосфера печали и траура в церкви, многочисленные запреты и предписания определяют поведение и быт в эти дни. С четверга до субботы молчат церковные колокола. Церковный запрет звонить в эти дни в колокола в знак траура получил народное осмысление. В народном представлении колокола — это одухотворенные существа. Молва гласит, что колокола отправились в Рим. Различные шумовые инструменты, чаще всего деревянные, используются в эти дни для того, чтобы заменить колокола. Вооружившись трещотками, дети обходят деревню, созывая прихожан

к мессе. Этот обычай сохраняется в некоторых местах и в наши дни [38].

В предпасхальную субботу принято освящать воду, хлеб, огонь. Обычно хозяйки дома идут в этот день в церковь за «святой» водой. В некоторых местах считали, что вода, вытекающая из источника в момент, когда «возвращаются колокола», — священна, она исцеляет больных, предохраняет от болезни. Женщины стремились успеть набрать ее или умыться ею в тот момент, когда звонили колокола.

В Лотарингии, Эльзасе и других рейнских областях соблюдался обычай высекать в субботу новый огонь [39]. В других французских областях этот обряд не играл большой роли.

В пасхальный цикл обрядов входят и чисто религиозные церемонии: паломничества и различного рода процессии, драматические представления страстей, родственные средневековым мистериям. Для современной Франции, однако, эти церемонии не характерны [40].

В один из дней предпасхальной недели, чаще это было в субботу или утром в пасхальное воскресенье, молодежь или дети, часто служки, обходили деревню, исполняя песни, иногда религиозные, но во многих случаях подобные рождественским колядкам, и собирали дары: яйца, колбасу, сало. В тех областях, где этот обряд соблюдался, он имел особое название, общее и для обряда и для самих даров. От названия праздника произошло название pocage в Пикардии, paqueret в Бос и Нормандии. Наиболее широко распространенное его название roulée, от rouler — «катиться, вертеться» [41]. Последнее название отражает, по-видимому, ту роль, которую играют в пасхальной обрядности яйца. Среди пасхальных игр одна из наиболее характерных, называемая также roulée, заключается в катании яиц по наклонной плоскости. Тот, кому удается бросить яйцо так, чтобы оно столкнулось с яйцом, скатившимся ранее, выигрывал его. Игры с яйцами были самыми разнообразными: это и кидание друг в друга крутыми яйцами, и состязания пар игроков: кому первому удается разбить яйцом, зажатым в кулаке, другое яйцо, которое держит в кулаке соперник, тот победитель, и множество других [42]. Красное яйцо — обязательный пасхальный подарок. Расписывать яйца во Франции не принято. Крестные дарили яйца своим крестникам. Члены семьи дарят детям крашеные яйца.

Крутые яйца, яичница и омлет — в числе важнейших пасхальных ритуальных блюд. Омлет сопровождается одним или несколькими мясными блюдами, предпочитают при этом свинину. Для праздничного стола характерны хлеб из муки мелкого помола и другие мучные изделия особой выпечки [43].

Празднование пасхи приходится по большей части на апрель и совпадает с началом весны. Среди пасхальных развлечений горожан одно из излюбленных — выезд на природу, устройство пикников [44].

Апрель свое название получил от латинского — aperire — «открывать» — и назывался в Риме aprilis. Это месяц, когда земля «открывается», чтобы могли появиться ростки, почки открываются, давая жизнь листьям и цветам. В этом месяце у земледельца много забот: боронить землю, пропалывать культуры, сеять ячмень, свеклу, капусту, прививать деревья и т. д. В это же время заканчивается посадка и подрезка виноградников; наблюдения за погодой вылились во множество поговорок и примет. Считается, что прохладная погода в апреле более благоприятна для будущего урожая. Плохо, когда апрель теплый, так как при дальнейшем похолодании могут погибнуть цветы фруктовых деревьев.

Quand avril est froid et pluvieux,
Les moissons n'en vont que mieux.
Когда апрель холодный и дождливый,
Жатва удается лучше всего.

Погода апреля и мая имеет значение для всего будущего урожая

Avril et mai de l'année
Font tout seuls la destinée.

Апрель и май одни в году
Определяют судьбу.

Очень полезны для будущего урожая апрельские дожди.

Pluie d'avril
Remplit grange et fenil.

Дождь в апреле наполняет
Амбар и сенник.

Начинается апрель со дня шуточных обманов. Обычай первоапрельской шутки называется во Франции «апрельская рыба» (poisson d'avril) и является преимущественно городским. Происхождение этого обычая объясняют по-разному. Иногда связывают его со временем Карла IX, который в 1564 г. издал ордонанс, предписывавший перенести начало года с 1 апреля на 1 января. На следующий год 1 апреля многие подданные короля в знак протеста послали своим друзьям новогодние поздравления и подарки. Предполагают также, что название «апрельская рыба» появилось потому, что солнце в это время находилось в созвездии Рыбы [45].

Праздничных дней в апреле у французских крестьян было немного. На апрель приходится день св. Георгия (23 апреля), но в отличие от стран, где св. Георгий почитался как покровитель скота, во Франции его день не отмечался никакими обрядами. О св. Георгии рассказывали только легенды как о воине — победителе дракона.

Май — разгар весны. В мае темп полевых работ ослабевает. Теперь уже не столько от труда земледельца, сколько от сил природы зависит будущий урожай, земледелец лишь помогает его росту и созреванию. В мае заканчивают посадку свеклы, окучивают картофель, сеют фасоль, лен, начинают косить клевер. Виноградарь вторично обрабатывает виноградники и делает прививку. Садовод окуривает деревья, обрезает ветки. В этом месяце сажают в открытый грунт капусту, лук, помидоры, лук-порей. Многое зависит от погоды в мае. В народе говорят:

C'est le mois de mai —
Qui fait le bon blé!

Это май месяц дает хороший
Урожай!

В весенней обрядности французские этнографы выделяют майскую обрядность в особый цикл [46]. В майской обрядности главное место, определяющее характер цикла в целом, занимают аграрные обряды. Даже церковные праздники под христианской оболочкой до сих пор сохраняют аграрные черты.

В майских обрядах немало и эротических моментов. Любовное содержание отличает майские песни. Это месяц, когда чаще всего устраивается сватовство и помолвки. Правда, брак в мае старались не заключать, «чтобы не накликать смерть». Даже в поговорках отмечается, что хорошая девушка в мае замуж не выйдет. Общепринятого объяснения этому запрету нет. Нам кажутся убедительными предположения французского этнографа Ф. Бенуа, полагающего, что этот запрет родился из представлений народов Средиземноморья о том, что май — месяц умерших, месяц блуждающих душ [47].

Поверья о нечистой силе, о ее разгуле в ночь с 30 апреля на 1 мая, получившей название Вальпургиевой ночи, во Франции не столь ярко выражены и разнообразны, как в Германии. Лишь в Эльзасе бытовали представления, очень сходные с рассказами о шабаше ведьм на горе Брокен. В других французских

провинциях эти представления сводились к вере в особую вредоносную активность всякой нечисти, направленную главным образом на урожай и скот. Чтобы защитить себя от напасти нечистой силы, в провинции Мэн бросали горсти соли на поля, в Анжу разбрасывали соль в стойлах, обсыпали ею коров, сыпали соль вокруг дома и на полях, в других же местах предпочитали окроплять поля и жилье святой водой[48].

В Бретани молодежь «защищала» деревню, бегая с ветками освященного самшита по ней, ударяя этими ветками по кустам и деревьям, чтобы изгнать оттуда колдуний и фей. В области Морван (Центральный массив) в этот день чертили мелом кресты на дверях стойл и т. п.[49]

Очень широко бытовали во Франции представления о том, что именно 1 мая многие растения и предметы приобретают благотворные магические свойства. Роса, собранная 1 мая до восхода солнца, особо ценилась, считалось, что она смягчает кожу, отвращает кожные болезни, делает лицо свежим; походить по такой росе босыми ногами — значит, не знать усталости при больших переходах; этой росой омывали вымя коров и коз, чтобы они лучше доились и чтобы молоко было жирным. Полагали, что молоко, надоенное 1 мая, и масло, сбитое из этого молока, обладают особыми целебными свойствами. Апотропейные свойства приобретали 1 мая ветки деревьев, навоз. Если хотели навредить соседу, лишить его урожая, то старались утащить с его двора немного навоза и разбросать его на своем поле.

Магическая сила дня 1 мая распространялась и на скот. Пастухи старались выгнать скот на пастбище на рассвете 1 мая, даже несмотря на плохую погоду, — это страховало от падежа в течение месяца.

Считалось, что целебные и магические свойства многих растений, собранных на рассвете 1 мая, многократно усиливались; полагали, что боярышник, сорванный на рассвете, предохранял от молнии, клевер с четырьмя лепестками обладал особыми целебными свойствами и т. д.

В западных провинциях Франции особенно верили в целительную силу чеснока.

Не случайно именно к 1 мая приурочен праздник ландыша, отмечаемый в стране почти повсеместно. В этот день повсюду продают ландыши, дарят их друг другу, хранят их, так как считается, что цветок ландыша, полученный 1 мая, приносит счастье. И деревенские жители и горожане устраивают в этот день прогулки в лес за ландышами. В некоторых провинциях организуют фольклорные праздники, во время которых выбирают «королеву»[50].

Празднование Международного дня трудящихся 1 Мая, отмечаемое во Франции и особенно в Париже массовыми манифестациями, приобретает особую окрашенность благодаря совпадению этой даты с праздником ландышей. Париж, улицы которого заполняют колонны демонстрантов, кажется заснеженным от обилия ландышей. Букетики ландышей в руках у демонстрантов, выступающих с требованиями улучшения условий жизни и труда, видятся как залог надежды на лучшее будущее.

Во Франции были известны несколько разновидностей майских обрядов. Одни из них выполнялись молодежью, другие — детьми.

Один из основных майских обрядов, в котором проявлялось коллективное символическое воздействие на растительность, с тем чтобы приспособить ее на общую пользу, было устройство коллективного мая. В ночь на 1 мая молодые мужчины деревни отправлялись в лес за деревом, которое на рассвете устанавливали в центре деревни или на рыночной площади. Чаще всего таким деревом была береза, ель или итальянский то-

поль. Иногда его украшали цветами, лентами, гирляндами самшита. Вокруг дерева устраивались танцы. В некоторых провинциях дерево оставалось на площади в течение всего месяца. В конце месяца молодежь его продавала сабо-тье — мастеру, изготовляющему деревянную обувь, — сабо, а вырученные деньги использовали для коллективного пиршества. Этот обряд особенно широко бытовал в Эльзасе, Шампани, Бургундии, бывшем графстве Ницца и почти, за исключением отдельных деревень, не встречался в Бретани, Провансе, Дофине и Савойе[51].

Зеленые деревья, ветви и букеты фигурировали также и в обрядах, связанных с ухаживанием, будущим вступлением в брак. Молодые люди обращались к зелени, чтобы публично выразить симпатию или общественное осуждение девушке. Перед домом девушки, вызывающей симпатию, сажали дерево, привязывали к ее двери или прикрепляли на коньке крыши зеленые букеты. Для выражения общественного осуждения прибегали к растениям или предметам, заключающим в себе, по мнению крестьян, оскорбительный смысл.

И дерево, и ветви деревьев, и букеты назывались одним словом — «май». Почти повсюду во Франции молодежь применяла слово «май», используя его двойное значение: «май» — как выражение почитания, и «май» — как выражение осуждения. В каждой области Франции были свои представления о том, какой смысл заключает веточка того или иного дерева. В знак дружбы, любви, уважения чаще дарили боярышник, дуб, тополь; остролист получали девушки с плохим характером, ветка бузины предназначалась лентяйке и т. д. Чтобы унизить и выразить пренебрежение, к двери прикрепляли череп лошади, на подоконник клали кости. Девушкам, отличавшимся легким нравом, к двери дома привязывали пучок сена.

Обычай дарить «май» был отмечен во многих областях Франции и лишь в Бретани, Беарне и на Корсике его, по-видимому, не знали. Описания этого обычая относятся преимущественно к XVIII—XIX вв. В XX в. он почти исчез, хотя в некоторых областях его выполняли еще в 30—40-е годы. В некоторых местах он встречался уже в измененной форме: «май» дарили муниципальным властям, сажали его перед домом мэрии[52].

Название «май» сохранялось за символами в самых разнообразных обрядах, не обязательно относящихся к маю: в церемониях обручения так называли дерево, которое сажали в знак совершения помолвки; в свадебной церемонии так называлось украшенное дерево или большой букет, который несли впереди свадебного кортежа; «маем» называли и шест, вокруг которого раскладывали карнавальный костер.

Другая группа майских обрядов выполнялась детьми. Основными персонажами их были майская королева (la Reine de mai) и майская невеста (l'Epouse de mai), красавица мая (Belle de Mai), или просто май. Эти персонажи всегда изображали маленькие девочки. Реже появлялся персонаж, замаскированный ветвями и листвой (le Feuillu). Лишь в некоторых местах, главным образом в Эльзасе и восточных провинциях Франции, один из майских дней олицетворял «соломенный человек» (Homme de Paille) или какое-нибудь животное, чаще медведь.

В каждом квартале города или на каждой улице деревни воздвигали постамент, увитый зеленью и цветами. На нем восседала королева, увенчанная короной цветов, в белом длинном одеянии. Гирлянды цветов украшали ее наряд. Группа девочек, составлявших окружение королевы, бегала по улицам, требуя у прохожих даров для красавицы мая. Собранные дары, главным образом сладости, употребляли для коллективного угощения[53].

Общепринятого объяснения этого обычая, засвидетельствованного с XVI в., но восходящего, возможно, к более раннему времени, нет. Сидящая королева, напоминающая статую, может ассоциироваться с римской богиней Флорой или с галльской богиней — матерью земли, почитавшейся в Галлии как «подательница» изобилия. Есть также мнение, что королева мая изображает христианскую деву Марию [54]. Возможно, что в XVIII в., когда церковь объявила деву Марию покровительницей месяца мая, этот обряд получил второе рождение.

В ряде областей Франции королева мая выполняла другие функции. Французский этнограф А. Ван Геннеп называет их «бродячими королевами» (reines mobiles). Девочки, которых называли «маем» или «майскими невестами», в белых платьях с лентами, с корзинками цветов бегали от дома к дому, раздавая цветы в обмен на подарки. В некоторых деревнях Бургундии и Савойи детские процессии устраивались в первое воскресенье мая. Возглавляла процессию обычно 4—5-летняя девочка — «майская невеста» — в белом наряде, украшенная цветами яблони и боярышника, с букетом маргариток и роз. У порога каждого дома дети пели песни с пожеланиями доброго здоровья и благополучия, выпрашивая подарки. Их одаривали монетами, яйцами и пр., а потом в доме родителей «невесты» устраивали угощение.

Различные варианты церемонии с майскими королевами наблюдались во Франции не повсеместно, каждый из них был распространен лишь в ограниченной местности. Описания этих обрядов относятся главным образом к концу XVIII, началу или середине XIX в.[55]

Иногда в майских церемониях фигурировали замаскированные листвой или мхом мальчик, очень редко девочка (le Feuillu), руководившие сбором подарков. Этот персонаж, символизировавший возрождающуюся растительность, занимал значительное место в народной обрядности лишь в Эльзасе и Ниверне, в остальных областях Франции он встречается очень редко [56].

Майский цикл содержит как народные, так и церковные праздники, в которых церковные обряды тесно связаны с народной обрядностью.

Первый значительный церковный праздник мая — обретение св. креста (3 мая), установленный церковью в память нахождения «подлинного креста». В средние века во всех христианских странах праздник этот был особо почитаем. В XIX—XX вв. сохранялись лишь отдельные обряды, главным образом связанные с магическими поверьями, с представлениями о «чудотворных» средствах воздействия на природу, от которых зависело благополучие крестьянского хозяйства. Подобно тому, как это делалось в «пальмовое воскресенье» и позже в дни молений, три дня, предшествующие вознесению, в некоторых областях 3 мая было принято освящать в церкви маленькие крестики, сделанные из веточек боярышника или орешника. После освящения их несли процессией на поля, где втыкали в разных концах поля, чтобы предохранить посевы от града и молнии. В других местах вместо крестиков освящали ветки самшита, которые прикрепляли к двери дома, стойла, втыкали в землю на полях, прикрепляли на ульях. Иногда «освящали» овес и сено, которыми потом кормили заболевшую скотину.

На тридцать шестой день после пасхального воскресенья, который приходится часто на май месяц, начинаются моления (Rogations, от латинского rogare — «просить»). Три дня церковь посвящает торжественным молениям, обращению к богу с просьбой благословить плоды земли. В первый день были моления о сенокосе, во второй — о жатве, в третий — об озимом севе или уборке винограда. В прошлом эти религиозные

церемонии сопровождались процессиями верующих, обходом полей. В некоторых местах в первый день молений «освящали» колодцы и источники. Дорогу, по которой следовала процессия, крестьяне усыпали ветками и цветами. В других местах одновременно с колодцами «освящали» и ульи, посыпали их солью, как очистительным средством. Моления были введены во Франции в 470 г. Они сохраняются в некоторых районах до сих пор, например в Шампани и в Лотарингии. Но процессии, которые их сопровождали, не совершаются с 1905 г., времени отделения церкви от государства [57].

На сороковой день после пасхи отмечается праздник вознесения (Ascension). В некоторых местностях (Перигор) его называли малой пасхой, так как пожилые люди причащались в этот день. Считается, что в это время кончаются весенние холода:

A l'Ascension —
Le dernier frisson.

На вознесенье —
Последний озноб.

Плохой признак, если в этот день идет дождь [58].

Обрядность троицы (Pentecôte), отмечаемой на пятидесятый день после пасхи, богаче, особенно в Эльзасе и Лотарингии. Многие обряды, связанные с майским циклом, приурочены в этих областях ко дню троицы. В средние века троица считалась одним из самых значительных церковных и народных праздников. Постепенно размах праздника уменьшился. Днями отдыха, увеселений, выезда в поле остались лишь воскресенье и понедельник троицы. В отдельных местностях Франции на троицу повторяются пасхальные обряды: в Лимузене крестьяне выходили в поле «катать яйца», ели пасхальное кушанье — омлет (paschada). В Эльзасе дети водили хороводы и обменивались при этом подарками: девочкам дарили ленты, получали в обмен крашеные пасхальные яйца. Воде, «освященной» на троицу, приписывали то же благотворное свойство, что и пасхальной. Ею окропляли поля, виноградники.

Ко дню троицы в Тарасконе и некоторых других городах Прованса были приурочены церемонии с Тараской.

В фольклоре Прованса очень большое место занимали легенды о страшном чудовище — Тараске, пожиравшем скот и пастухов и державшем в страхе всех жителей этих мест. Заслугу избавления Прованса от Тараски легенда приписывала «святой» Марте и в память о «чудесном» избавлении в середине XV в. в Провансе был учрежден праздник Тараски. Церемония с Тараской состояла в том, что огромное чучело дракона — Тараски — с головой быка-льва, с широко открытой пастью, с когтистыми лапами и чешуйчатым изогнутым хвостом носили по улицам, а оно выбрасывало огонь из ноздрей, придавалось неистовым скачкам, опрокидывало людей, обжигало их огнем.

Некогда церемонии с Тараской имели ритуальный смысл, они сопровождались шуточными играми, обливанием друг друга водой, обсыпанием мукой и сажей, в чем можно усмотреть сходство с карнавальными обрядами, связанными с магией плодородия.

Возобновленная в конце XIX в. церемония с Тараской утратила ритуальное значение. В наши дни процессии с Тараской, организуемые в Тарасконе, — это веселое зрелище, привлекающее не только местных жителей, но и туристов, отдыхающих [59].

Обрядами праздника троицы во Франции завершался весенний цикл календарных праздников.

1 *Bidault de l'Isle G.* Vieux dictons de nos campagnes. Paris, t. I, p. 88—90.

2 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 97—134; *Mauron M.* Les lampions des fêtes. Paris, 1967, p. 84—86; *Buffet H. Fr.* En Bretagne morbihannaise. Paris, 1947, p. 138.

3 *Benoit F.* La Provence et le Comtat Venaissin. Paris, 1949, p. 236.

4 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 134—135.

5 *Benoit F.* Op. cit., p. 238.

6 *Van Gennep A.* Manuel de folklore français contemporain, t. I. Paris, 1947, part 3, p. 950 — 1955.

7 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 230—239, 246.

8 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 126; *Varagnac A.* La civilisation traditionnelle et mode de vie. Paris, 1947, p. 96; *Benoit F.* Op. cit., p. 274.

9 *Бахтин М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.

10 Там же, с. 114.

11 *Van Gennep A.* Op. cit., p. 870—871.

12 Ibid., p. 870.

13 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 933; *Nelly R.* Le Languedoc et Comté de Foix. Le Roussillon. Paris, p. 210

14 *Nelly R.* Op. cit., p. 211—212.

15 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 902

16 Ibid., p. 892.

17 *Varagnac A.* Op. cit., p. 88—91.

18 *Van Genner A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 933.

19 Ibid., p. 876, 902, 908—917.

20 Ibid., p. 956—957.

21 *Nelly R.* Op. cit., p. 210.

22 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1079, 1080.

23 Ibid., p. 1102—1104.

24 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1054—1059; 1111—1116; *Nelly A.* Op. cit., p. 210—211, 248—249.

25 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1005—1026.

26 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1027—1030; *Mauron M.* Les lampions des fêtes. Paris, 1967.

27 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part. 3, p. 1034—1049.

28 Ibid., p. 1127—1128.

29 Ibid., p. 1129—1130.

30 Ibid., p. 1141—1142.

31 Ibid., p. 878—879.

32 *Varagnac A.* Op. cit., p. 92—93.

33 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1050—1064; p. 870.

34 Ibid., p. 948—950.

35 Ibid., p. 943—946.

36 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1198; *Pelras Ch.* Goulien. Commune rurale du Cap Sizun (Finistere). Etude d'ethnologie globale. Paris, 1966, p. 430—431; «Cahiers du Centre de Recherches anthropologiques». Paris, 1966, Cahier, № 6.

37 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 3, p. 1182.

38 Ibid., p. 1210—1216.

39 Ibid., p. 1249—1251, 1257—1258.

40 Ibid., p. 1244, 1265.

41 Ibid., p. 1290.

42 Ibid., p. 1290, 1340—1355.

43 Ibid., p. 1395—1407.

44 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 252—253, 258—259.

45 Ibid., p. 254.

46 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1422.

47 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1429—1432; *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 328; *Nelly R.* Op. cit., p. 214; *Benoit F.* Op. cit., p. 244.

48 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1434—1435.

49 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 349.

50 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1437—1444.

51 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1532—1538; *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I.

52 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1535—1575.

53 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1453—1467; *Nelly R.* Op. cit., p. 214; *Seignolle Cl.* Le folklore de la Provence. Paris, 1967.

54 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1463.

55 Ibid., p. 1451—1481.

56 Ibid., p. 1501.

57 *Bidault de l'Isle G.* Op. cit., t. I, p. 335—339.

58 Ibid., p. 343—344.

59 *Van Gennep A.* Op. cit., t. I, part 4, p. 1656, 1674; *Seignolle Cl.* Op. cit., p. 213—214.

НАРОДЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

* * * * * * * * * * * *

С. Я. Серов

Весенний цикл праздников начинается на Иберийском полуострове с первых месяцев нового года: в некоторых районах новый год открывает карнавальный период.

С подготовкой к полевым работам, с начинающимися в марте—апреле пахотой и севом связаны различные приметы и пословицы. Важность удачного сева в апреле отмечает португальская поговорка: «Между апрелем и маем — помол на весь год» («Entre Abril e Maio — moenda pra todo o ano»). Необходимость весенних дождей видна из пословицы каталонских крестьян: «В апреле каждая капля стоит тысячи» («Pe'l Abril cada gota n'val mil»)[1].

С первых же веков господства христианской церкви религиозные даты стали для крестьян не только временем обязательного посещения богослужений, но и вехами в распределении сельскохозяйственных работ. Католические праздники ассоциировались с древними земледельческими обрядами языческого календаря.

Праздник богоявления (Epifanía — в январе) стоит на границе зимнего и весеннего циклов. В этот день соблюдаются многие обряды, характерные для зимнего периода, но в них проявляются и элементы весенней обрядности. Например, в Наварре крестьяне разводят в поле костры, «согревая землю», и произносят заклинания, которые должны обеспечить плодородие земель; «что раньше было травой, пусть станет пшеницей»[2]. Священники благословляют поля, чтобы те дали бо́льший урожай.

Праздник сретения (Candelaria — 2 февраля) сводится исключительно к церковному обряду. Освященные в этот день в храме свечи, по народному поверью, обладают силой отгонять непогоду; они хранятся в домах весь год и зажигаются во время грозы.

5 февраля отмечается праздник св. Агеды (Santa Agueda) — покровительницы женщин. Собственно, кроме церковной службы, этот праздник не имеет никакой христианской обрядности. В нем сохранились отголоски древних женских союзов, сейчас проявляющихся как чисто светская организация. В этот день в городах и поселках Испании (теперь уже в очень немногих) правят не алькальды, а алькальдессы, иногда выбранные, а иногда — жены алькальдов.

Все общественные должности исполняются женщинами, с каждого приезжего при входе в поселок берут налог. Кое-где в этот день устраивались петушиные бои (corridas de gallos). Но настоящее веселье разыгрывалось к вечеру, когда женщины на собранные за день деньги устраивали пирушку, доступ на которую мужчинам был воспрещен. Свидетелю начала XX в., наблюдавшему такую вечеринку в Саламанке, она напоминала дионисийские оргии[3]. На следующий день эта пирушка повторялась, на нее допускались уже девушки и холостые мужчины.

Самый главный, самый знаменитый из весенних народных праздников на Пиренейском полуострове — карнавал. Происхождение этого названия до сих пор не определено достаточно отчетливо. Существует два основных толкования. Первое — по связи с кораблем (carrus navalis): во многих поселках Испании и Португалии в разгар карнавала возили по улицам лодку или модель корабля на колесах. Обычай этот объясняется, вероятно, не столько прямой связью с морем, сколько семантическим единством «корабля», «плуга» и «повозки». Действительно, нередко в Каталонии, в Леоне, в Наварре вместо шествия с кораблем по улицам протаскивали плуг, запряженный волами, либо двумя людьми, замаскированными под волов; чучело, символизирующее карнавал, везут обычно в тележке. Сторонники второго толкования слова «карнавал» обращают внимание на наличие в названии праздника слова «carne» (плоть, мясо) и связывают термин с плотским характером карнавала, с обильным употреблением в этот период мяса. В Кастилии карнавал называется carnestolendas, в Каталонии — carnistoltes, что означает «воздержание от мяса», либо иронически «навыворот», что характерно для карнавальности, либо в напоминание о приближающемся посте[4].

Время наступления карнавала отсчитывается в зависимости от пасхи — каждый год различно. Как уже говорилось, кое-где карнавал начинается с нового года, но все-таки главные дни его — ближе к посту. В большинстве районов Испании и Португалии карнавал не ограничивается тремя днями непосредственно перед постом: в три предшествующих посту четверга карнавальные правила вступают уже в полную силу. Первый из этих дней называется «четверг кумовьев» («Jueves de compadres»), второй — «четверг кумушек» («Jueves de comadres») и третий — «жирный четверг» («Jueves gordo», «Jueves lardero»).

В четверги кумовьев и кумушек, по старому обычаю, покумившиеся ходили в гости друг к другу и обменивались подарками. Некровная связь через кумовство (крестное отцовство и материнство) широко распространена во всех районах Испании и Португалии и считается столь же крепкой, сколь и кровное родство[5]. Кумовья и крестники должны оказывать друг другу помощь, к старшим выказывается подчеркнутое уважение. В эти дни, по карнавальному принципу «все наоборот», обязательны подшучивания кумовьев и кумушек друг над другом; впрочем, на шутки обижаться не принято.

В Галисии, например, подарки, которыми обмениваются кумовья, как правило, хлебцы разных видов, готовящиеся только в карнавальный период (filloas, orellas, frores, petotes). В некоторые хлебцы запекают кусочек ткани; если человек им подавится, то это дает повод к многочисленным шуткам.

В ряде галисийских районов (Луге, Оренсе) кумовья в ночь на «четверг кумушек» вешают на дереве перед домом кумы самодельную куклу. Молодежь же иногда в насмешку помещает такую куклу перед домом какой-нибудь старой девы, потерявшей надежду выйти замуж. В эти четверги, как и вообще в карнавал, куклы и чучела участвуют повсеместно. С ними разыгрывается шуточная «война полов»: в первый четверг девушки делают из тряпок и бумаги чучело кума и хотят его сжечь, а парни стремятся помешать им. В «четверг кумушек» изображение кумы делают юноши, а девушки не дают им его сжечь. Во время шуточных боев за куклу обливают друг друга водой, осыпают мукой или сажей; на огне же, на котором сжигают чучела кума или кумы, готовят ужин для общей трапезы.

В деревне Карбаллал (Галисия) девушки делают из соломы кукол, одевают в женские платья и усаживают их

на балконах (обычно в двухэтажных сельских домах второй этаж имеет балкон); парни должны похитить этих madamas и сжечь на площади. Девушки же в свою очередь захватывают изготовленное парнями мужское чучело, сжигают его. Веселье обязательно заканчивается общей трапезой и танцами[6].

В Португалии эти обычаи сходны с галисийскими. В Бейра-Алта женщины также делают изображение кума (compai), а мужчины кумы (comãe) и вывешивают их за окном. В Эштремош в «четверг кумовьев» парни выходят на улицы одетыми в праздничные костюмы, украшенные лентами и цветами, несут шелковые флаги. Девушки же выходят навстречу им в запачканных платьях, несут кухонную утварь, их знамя рваное; вся их процессия пародирует мужскую. В «четверг кумушек» роли меняются. В эти четверги происходят шуточные перебранки, схватки между процессиями.

Традиция таких игровых перебрасываний шутками (иногда золой, нечистотами), взаимного обливания водой идет из глубокой древности. Аттическая комедия конца V—начала IV в. до н. э. возникла из такого же ритуального «агона» — спора двух полухорий, мужского и женского. «В основании комедии лежит не один хор, а переменная песня, шумная перебранка двух полухорий, столкновенье двух маскированных ватаг веселой и праздничной молодежи, ведущей «фаллические хороводы», веселый спор»[7]. Обрядовый характер этих ритуальных действий в наши дни участниками уже не осознается — остался лишь игровой элемент.

Близость между кровными и крестными родителями в эти дни подчеркивается. В Андалузии в один из кумовских четвергов или в «жирный четверг» участники празднества тянут билетики и по жребию составляют пары «матерей» (madres) и «кумовьев» (compadres). Во все карнавальные дни они публично разыгрывают влюбленных. Происходит как бы праздничное сгущение обыденной ситуации, при которой кум помогает главе семьи. Бывало, что карнавальные кум и кума становились женихом и невестой, а затем женились. Незамужних женщин поэтому шутливо утешали весной в Андалузии:

Ya viene el Carnavalito,
El festival de mujere's
Ella que no le caiga novio,
Qu' espera el año que viene.

Вот наступит карнавал,
Праздник женщин,
Кому не достанется жениха,
Пусть подождет следующего года[8].

В Басконии и Наварре кумовские четверги имеют некоторые отличия от других районов Испании и Португалии. Здесь после «четверга кумовьев» (Yzekunde), когда женщины приносят подарки мужчинам, и «четверга кумушек» (Emacunde), когда женщины получают подарки, третий четверг (Oracunde), соответствующий «жирному» у испанцев, также имеет преимущественно кумовской характер.

По мнению таких испанских фольклористов, как Гомес-Табанера и Каро Бароха, обычай кумовских четвергов происходит от древнеримского праздника матроналий[9]. Баскский термин «emacunde» Х. Каро Бароха и переводит на латынь как «matronalia»: «emacume» у басков, как и «matrona» в древнем Риме, — это женщина, имеющая законнорожденных детей. В баскской провинции Гипускоа, по сведениям Каро Бароха, в конце кумовских праздников устраиваются специальные танцы супругов, а иногда и сольные танцы замужних женщин.

Общий для всех покумившихся четверг (Oracunde), в котором принимает участие вся семья, Х. Каро Бароха связывает с римскими патерналиями, празд-

никами поминовения предков. Существуют и другие толкования смысла и происхождения этих празднеств: Висенте Риско предпочитает объяснять их как пережитки первобытных мужских и женских союзов, а Родней Гэллоп видит здесь пережиток магии плодородия, имитации брачного единения в природе.

Четверг, непосредственно предшествующий карнавальному воскресенью, недаром называется «жирным» (gordo) или «сальным» (lardero): именно в эти дни объедение достигает своей кульминации. Еда в эти дни непременно должна быть, как и в последние три дня карнавала, мясной — ведь и само название праздника в Испании и Португалии часто употребляется в сокращенной и более прямой форме — *карналь* (carnal — букв. мясной, плотский). Обычно для трапезы готовятся колбасы (chorrizos), блюда из жареной свинины, ветчина; в этот же день едят много лепешек, булочек и печений с медом или сахаром.

Наиболее знаменитая игра, которая устраивается в «жирный четверг», — это «петушиный король». В XX в. она стала детской, но в прежние века была игрой взрослых, а еще раньше — серьезным обрядовым действием. В поселке Вьяна дель Больо (район Оренсе, Галисия) дети выбирают петушиных короля и королеву на год, затем в течение «жирного четверга» все вместе гоняют петухов на ярмарочном поле. Вечером перед домом «королевы» торжественно зарубают саблей петухов, подвешенных на веревке, под декламацию шуточных стихов. Последнего петуха зарывают по горло в землю, и мальчики с завязанными глазами бросают в него саблю, стараясь отрубить голову.

Еще в начале XIX в. в Мадриде петушиные корриды проводились следующим образом: петуха привязывали к веревке, натянутой поперек улицы, а юноши и девушки с завязанными глазами пытались деревянным мечом отрубить ему голову; кому удавалось это сделать, тот получал петуха. В кастильских деревнях петуха старались обезглавить всадники на скаку. Такой же обычай существовал еще в 1960-е годы в Саморе (Леон) [10].

В Сории (Старая Кастилия) петуху, подвешенному за ноги на веревке, протянутой поперек улицы, мальчишки с завязанными глазами старались срубить голову серпом. Потом с петушиной головой они ходили по домам, собирали дань и пели хором:

¡Viva el Rey!
¡Muera el gallo!

Да здравствует король!
Да умрет петух! [11]

У басков «жирный четверг» нередко называется «петушиным четвергом». В Гордехуэле (пров. Бискайя) дети в этот день носят в корзине петуха, заходят с песнями в дома и собирают подаяния. В Басконии также распространен обычай убивать «мартовского петуха», и здесь это пытаются делать дети с повязкой на глазах.

«Мартовский петух», по баскским поверьям, защищает людей от дьявола. Такое верование распространено среди многих народов Европы: петух своим пением прогоняет ночь, когда хозяйничает нечистая сила, и призывает зарю. В пос. Меньяна (Бискайя) считается, что пение петуха с вечера до двух часов ночи — к смерти, но после этого часа злые силы, заслышав петуха, должны бежать.

Игры с петухом происходят, как увидим дальше, и в другие дни карнавала.

Последние три дня перед постом — от воскресенья до вторника — это так называемый полный карнавал (pleno carnaval). Карнавал персонифицируется в толстого огромного человека, любителя еды, вина и женщин — дона Карнавала, или дона Карналя. Его тряпичные изображения, с подчеркнутыми мужски-

ми признаками, возят все три дня в разукрашенной тележке — el carro de Antroido (повозка Карнавала) от дома к дому, от села к селу в сопровождении многочисленной свиты, а во вторник под пародийную проповедь погребают или сжигают. В Кастилии, как уже говорилось, персонаж Карнавал называется также Carnestolendas, в Каталонии — Carnistoltes, Pau-Pi, Peirote, в Галисии и на севере Португалии он зовется Entroido, Antroido или Entruido, в центральной и южной Португалии — Bacalhau, Entrudo, от латинского introitus — вход, т. е. начало. В Касересе (Эстремадура) и в некоторых других местностях на него было перенесено имя паяца Пелеле, не обязательно связанное с этим праздником. У басков, кроме того, есть и местные названия: в пос. Ланс (Наварра) чучело гиганта зовется Мьел-Очин, по имени некогда знаменитого в местных горах разбойника; в Устарросе его зовут Айтанди-чарко (легендарный персонаж). Кое-где по-португальски (например в Риу-Тинту) он зовется Жуан, а в Кастилии и Андалусии — Хуан. Этот персонаж связывается с оформившимся литературно образом дона Хуана Тенорио (Дон-Жуана), жизнелюба и весельчака. Как ни парадоксально, этот антропоморфизированный герой праздника, олицетворяющий разгул плоти, отрицание всех общественных норм приличия и порядка, с давних времен называется «святым»: в Испании он еще с XVII в. почитался как св. Антруэхо, в Португалии и в наше время известен св. Энтруду. Есть и местные святые такого рода: в Басконии — Сампансар (искаженное Saint Pansard), в Мадриде — св. Трагонтон (обжора) [12].

Основной принцип карнавала, соблюдение которого обязательно для всех участников, — это полная свобода от всех правил, которым следуют в остальные дни года. В основном карнавальные правила построены по принципу полярности нормам обыденной жизни: почтение к старшим заменяется насмешками, мистифицированием; чинность в общении с женщинами и соблюдение супружеских прав — бесстыдными выходками; уважение прав соседей — обязанностью совершить шутливую кражу, залезть исподтишка в дом; необходимость связной и ясной речи — провозглашением «истин наизнанку», и т. п. Поведение участников карнавала не регламентируется слишком строго, каждый может импровизировать текст своей роли. Маски участников карнавала, делая их неузнаваемыми, позволяют людям на несколько дней отказаться от «маски» в юнгианском понимании термина — от комплекса социальных приличий, соблюдение которых дает человеку место в обществе. Но сами роли, нормы поведения заранее предписаны, они строятся, как было сказано, по принципу обязательной противоположности повседневной морали. Свобода, царящая на карнавале, — это свобода от правил поведения, приличных в остальные дни года; но существует карнавальная этика, столь же обязательная, и нарушить ее так же непристойно, как в иное время нормальную.

Обжорство, непременное во время карнавала (первый день «полного карнавала» и называется «жирное воскресенье» — Domingo gordo), как бы ставит этот праздник на границе между голодным крестьянским концом зимы и наступающим сорокадневным постом. Еда готовится жирная, и главный компонент в ней — свинина. В Галисии в полдень «жирного воскресенья» выставляется в каждом поселке обильный обед (xantar), где главное блюдо — густой суп из колбас и свинины, с жирным наваром. В этот день галисийская пословица говорит:

Alegria, alegrote,
Que hoxe anda o rabo do porco no pote.

Радость, радость многая,
Сегодня свиной хвост идет в горшок [13].

Все запивается большим количеством вина и заедается пирожками со свининой, пончиками, лепешками. Тот же хапtar повторяется и в последний день карнавала — во вторник. Вообще символика еды, особенно жирной и мучной, очевидна в карнавальные дни[14].

С той же темой изобилия связан и другой обычай — обсыпания встречных мукой или орехами. Первое карнавальное воскресенье в Галисии и называется «мучное воскресенье» (Domingo fareleiro); с этого дня позволяется бить прохожих мешочками с мукой (или золой). Уже в XIX в. в городах муку заменяет пудра, а орехи, жареный миндаль сменяются бумажными или сахарными конфетти.

Жирная мясная еда, кроме прямого своего значения — прощания с прежним годом и наступлением поста, сохранила также смысл совместной ритуальной трапезы, причастной как раз к карнавальному действу. В Галисии специальное карнавальное блюдо — фаршированный желудок — называют *педронерос*, по имени карнавального персонажа, а карнавальные колбаски — *педро* или *педроло*. В Андалузии существует обычай *кандилеко*: за несколько дней до карнавального воскресенья девушки делают из сладостей или колбасы «младенца», которого носят в разукрашенной корзине — колыбели, собирая для него подарки. В «жирное воскресенье» собранную еду и «младенца» торжественно поедают. Общие трапезы вообще типичны для карнавала, причем в верхних Пиренеях, например, долго сохранялся обычай выбирать *алькальда Карнестолендас*, который выставлял за свой счет несколько котлов с мясом для жителей своей и соседних деревень, а священник благословлял пищу.

Почти всегда «мясо» в карнавал обозначает свинину. Главным лакомством этих дней в Галисии считались копченая свиная голова, хвост и лопатка, которые заготовляли заранее и хранили до карнавала. Традиционные острые копченые колбасы (chorrizos), ветчина, свинина с добавлением говядины или баранины, картофель, бобы и зелень составляют основные компоненты праздничной еды. В Каталонии в «жирный четверг» едят bufarros — копченые свиные ножки. В Галисии, когда карнавал совпадает с убоем скота, в традиционные пирожки со свининой и сардинкой (filloas) добавляют свиной крови. Пончики «уши» (orellas), названные так потому, что по своей форме они похожи на человеческое ухо, и печенья самой причудливой формы пекут не только в кумовские четверги, но и в карнавальные дни. В это же время делают и фаршированный сладким тестом свиной желудок, который, отварив и остудив, нарезают ломтиками, как колбасу.

В провинции Уэльва делают карнавальный суп со свиным языком и салом. В «жирный четверг» ряженые с песнями собирают по домам яйца, сало, колбасы. В Баскони и Астурии они поют:

Angeles somos,
Del cielo venimos,
A pedir chorrizos,
Tocino y huevos.

Ангелы мы,
С неба пришли,
Попросить колбас,
Сала и яиц.

Еще в предшествующие карнавалу четверги кумовьев и кумушек подчеркивалось разъятие «круга сестер и братий» в «станы двух враждебных ратей» (Макс. Волошин).

В разгар карнавала стираются общественные различия, но усиливается противопоставление полов. Причем в соответствии с правилом «перевертывания действительности» в карнавальные дни мужчины стараются нередко носить женскую одежду, женщины же — мужскую, как символ перемены пола. Л. Карре так

описывает обмен визитами между крестьянами сел Сергуде и Табеайо (Галисия): «Многие мужчины надевают женские панталоны, щедро украшенные кружевами; на груди повязаны большие цветастые платки, на головах — шляпы или шапки, покрытые бумажными цветами и петушиными перьями; некоторые вешают на пояс колокольчики и бубенчики. Женщины надевают кричащие платья, древние, сохранившиеся от бабушек одежды... или мужские брюки, или старые мундиры, дошедшие от давних времен...»[15]

Травестия женщин и мужчин (пережиток древнейшего обряда, существовавшего не только в Средиземноморье, но и по всему миру), конечно, давно потеряла свое магическое осмысление.

Так же обстоит дело и с маскарадом — обязательной частью карнавала. Участники карнавальных шествий стараются перещеголять друг друга в изготовлении масок и костюмов, в которых они выходят на улицу. Но при всем разнообразии в раскраске, величине, отделке масок они сводятся к нескольким обязательным традиционным типам. В этом отношении у многих участников карнавального действа также нет полной свободы, которая якобы присуща карнавалу. У каждого есть своя роль; смысл ее, даже при варьировании текста, не должен меняться.

Основные типы карнавальных масок следующие: 1) «старики» — пережиток изображения предков, которые при карнавальной кончине старого мира и зарождении нового возвращались на эти три дня к живущим. Сейчас «старики» исполняют главным образом функцию комических надзирателей за порядком на улице и в домах, по которым они ходят со свитой; 2) «нежить» — дьявол, черти, гномы, домовые — они, как и 3) животные — лисы, кони, медведи, быки, заняты мистификациями, нарушением приличий и т. д.; 4) группа масок, связанная с сюжетом праздника: сам Карнавал под различными именами, его помощники и родственники; 5) «власти»: «судья», «солдаты», «алькальд» и пр. — актеры в пародийных сценках, различных по сюжету, в зависимости от местности.

Кроме того, в каждом районе есть свои традиционные маски, изображающие жителей соседних деревень или городов, торговцев, цыган, комедиантов, легендарных и исторических персонажей. В долине Ильяву (Португалия), например, особенной популярностью пользовались личины, изображающие чесальщиков шерсти, бродящих по улицам с гребнем в руке и «чешущих шерсть» с каждого встречного или с хозяина дома, куда являлась карнавальная процессия.

Во многих деревнях Испании и Португалии сейчас просто мажут лицо сажей, мукой или краской, нацепляют усы и бороду, а то и закрывают лицо тряпицей. В Португалии в провинциях Траз-уж-Монтиш и Бейра-Алта делались до недавнего времени грубые маски из дерева, не связанные ни с каким конкретным персонажем и имевшие только игровую функцию[16].

На севере Испании, особенно у басков, часты «животные» маски. Раньше надевались звериные шкуры, во время карнавала изображались шествия с медведем или охота на лису. Сейчас этот ритуал свелся к тому, что большинство юношей, участвующих в процессии, покрывают спину или опоясываются шкурой коровы, овцы, реже — косули.

Как в Испании (пос. Ланс, Эстелья, Валенсия), так и во Франции непременный персонаж шествия у басков — «лошадка» (*сальдико* — xaldico, zaldico). Один из парней закрепляет у себя на поясе деревянную раму с подвешенным сзади конским хвостом; спереди, в зависимости от умения или возможностей, на раме крепится вырезанная из дерева конская морда, либо просто выгнутая

аркой проволока, на которую, как и на плечи актера, набрасывается полотнище. В пос. Ланс (пров. Наварра), например, когда на второй и третий день карнавала процессия выходит на улицы, сальдико во все время обхода поселка ведет себя как дикая лошадь: ржет, скачет, лягается. Дважды на пути все ловят «лошадку», а сопровождающие процессию «профессиональные» маски, представляющиеся кузнецами, которые несут горн, клещи, меха и молотки, должны подковать ее.

Кроме того, на сальдико лежит обязанность как можно чаще сбивать с ног другую традиционную маску — *сирипот* (ziripot — кургузый). Этот персонаж — один из видов «шута горохового», комик, получающий побои. На нем штаны, сшитые из цельных мешков. Штаны и широченная рубашка набиты сеном, так что эта нелепая фигура с трудом передвигается, опираясь на палку. На лице у сирипота обязательно маска. Каждый из участников шествия стремится сбить его с ног, но право первенства остается за сальдико: он лягается или бьет сирипота мордой лошадки; при падении сирипот как можно старательнее кувыркается, высоко задирая ноги [17].

Х. Ирибаррен связывает сальдико, как и аналогичную маску французской Басконии — *самальсаин* (zamalzain), с пережитком древнего земледельческого культа. Лошадь, особенно белая, у басков была олицетворением зерна. Английская исследовательница В. Олфорд, также видящая в сальдико рецидив какого-то древнего божества, считает его божеством плодородия, участником всеобщего весеннего ритуала.

Но, разумеется, центральная фигура в празднике — это сам Карнавал, или дон Карнаваль. Он изображается почти везде огромной куклой, чучелом, набитым соломой, с гениталиями из палки или большого корнеплода.

Как в Испании, так и в Португалии карнавальным шествиям нередко предшествовала пантомима «рождения Карнавала». Она разыгрывалась в разные дни, в зависимости от местных традиций — или перед кумовскими праздниками, или в «жирное воскресенье». В Сан-Педру-ду-Сул (провинция Бейра-Алта) в 20-х годах разыгрывалось «рождение Карнавала» с участием «матери», «акушерки», «врача», «ассистенток» и пр.; все исполнители были мужчинами, переодетыми, если роль требовала, в женское платье. Они шествовали по поселку под звуки музыки; «мать» прилаживала на животе под платьем большой горшок. Через неделю, в «жирное воскресенье» маскарад повторялся, но «мать» внутри горшка несла куклу или кота. В последнем случае она время от времени тянула кота за хвост, заставляя его мяукать. В намеченное сценарием время «мать» принималась стонать, тогда подбегала «акушерка» и делала вид, что пытается помочь, но «мать» издавала трубный звук, и сконфуженная «акушерка» бежала прочь. Тогда в дело вступал «врач» с «ассистентками», сбегался народ, до того глазевший издали. После более или менее длительной — в зависимости от способностей актеров — пантомимы, разворачивавшейся под остроты и шуточки окружающих, горшок разбивали и извлекали на свет куклу или кота.

Карнавал родился.

Другой вариант такого действа видел в 1932 г. Р. Гэллоп. Бродячие комедианты показывали португальским крестьянам в канун «жирного воскресенья», как к врачу приходит крестьянин с женой и просит вылечить его жену. Сцена исполняется наполовину в стихах речитативом под музыку маленького оркестра, наполовину прозой. «Доктор», расспросив больную, извлекает у нее из-под юбки куклу. Зрители, активно комментировавшие ход спектакля, радостно кричат, что родился Карнавал [18]. Но в виде куколки Карнавал изображается только при рождении. В три дня «пол-

ного карнавала» герой праздника — это огромное гротескное чучело.

Сам обряд шествия с чучелом един, и варьируются только детали. Первые два дня Карнавал безраздельно правит в своем «царстве навыворот». Ряженые ходят с чучелом, распевая песни, танцуя, выпрашивая подаяние и кончая день общей трапезой.

Писатель П. де Аларкон в 1861 г. вспоминал о карнавальном понедельнике (lunes de Carnestolendas), когда «Мадрид был адом более или менее скабрезных либо пристойных маскарадов, веселых студенческих компаний, неотвязных попрошаек, ряженых, танцовщиц, возвышенных аллегорий, размещенных на красочных повозках, горделивых частных экипажей с кучерами, одетыми в домино, изящных женщин, переодетых мужчинами, и юношей из высшего общества, переодетых женщинами; все это с трех с половиной часов пополудни ... толпилось на улицах».

В Кастилии и Эстремадуре к карнавальным дням приурочивались особенно торжественные корриды быков. Но одновременно, с не меньшей популярностью, устраивались и шуточные бои быков.

Английский путешественник описывает виденную им на мадридской площади во время карнавала корриду, где все участники были в масках, не исключая быков и лошадей. Бандерильеро были наряжены чертями, а пикадоры, восседавшие на ослах, — старухами в смешных одеждах. На одну из лошадей натянули широкие брюки и куртку

Карнавальное гулянье в Севилье



и вырядили ее слоном, на котором восседала пара комических фигур [19].

В провинции бой быков, как правило, заменялся более доступной народу корридой — петушиной. В Галисии «correr o galo» — значит, пытаться с завязанными глазами убить палкой петуха, подвешенного на веревке (игра, аналогичная той, которая происходит в «жирный четверг»). Чаще, однако, в воскресенье и понедельник разыгрывается другая петушиная коррида: петуха окружают несколько людей с повязками на глазах и наугад молотят палками, стараясь попасть по птице; неизбежные инциденты дают повод для шуток.

В эти же дни играют в «горшок» (ola) и в «сардинку» (tixola). Первая игра, видимо, происходит из петушиной корриды: к ветке дерева или между двумя шестами подвешивается большой горшок с водой; кому-нибудь из жителей завязывают глаза и подводят на десять шагов к горшку. Человек должен подойти и с трех ударов разбить горшок — тогда его ждет награда; но и сам он рискует промокнуть с ног до головы. Очистительная символика такого обливания уже не осознается, все только смеются над незадачливым победителем.

Другая игра с горшком состоит в перекидывании его из рук в руки вставшими в круг поселянами. Если кто-нибудь уронит и разобьет горшок, то должен в виде штрафа возместить его стоимость. В этой игре можно, как в играх кумовских праздников, видеть, с одной стороны, пережиток древнего средиземноморского агона, шуточного поединка между мужчинами и женщинами. С другой стороны, то, что в некоторых местностях в игре участвуют только женщины, позволяет отнести ее к пережиткам какой-либо разновидности женского союза, что подчеркивается самой символикой горшка.

Игра в «сардинку» заключается в том, что к подвешенной на веревке большой, обильно промасленной сардине снизу прилепляется монета, и человек со связанными за спиной руками должен подобраться на коленях к сардине и зубами схватить монету. Чаще всего единственное, что ему удается, — это перепачкаться маслом [20].

В карнавал позволяются такие развлечения, которые непростительны в другие дни. Например, ряженые могут приставать к встречным женщинам и девушкам, задирать им юбки, говорить в лицо непристойности. В Бланесе (Каталония) ряженые ходили еще в конце прошлого века из дома в дом, рассказывая скабрезные истории. Особенно приняты разоблачения неверности супругов. В Эспариж (Португалия) парни, забравшись на холмы вокруг поселка, выкрикивают ночью через самодельные рупоры оскорбления рогоносцам и обманутым женам [21].

Танцы, веселье, шутки, мистификация — непременные свойства карнавальных воскресенья и понедельника. Преступления против отдельных лиц и против властей, неоднократно совершавшиеся ряжеными, забота о «чистоте нравов», боязнь нарушения социальной иерархии — все это заставляло испанских королей не раз запрещать карнавальные гулянья. Но запретность делала праздник еще притягательнее, и маскарады собирались либо на окраинах, либо (в высшем мадридском обществе) в частных домах.

Но при всем воскресном и понедельничном веселье главный день карнавала — это вторник. Чучело гиганта еще раз проносят на плечах или провозят на разукрашенной повозке по всем улицам, в сопровождении возможно более богатого кортежа. Ему сопутствуют другие гигантские фигуры, изображающие животных, исторических деятелей, аллегории добродетелей и грехов, и т. д. В Мурсии еще в 1950-годах на многочисленных повозках размещались огромные изображения сирен, рыб, лангуст и прочих обитателей моря в знак

того, что приближается пост и мясоеду наступает конец [22].

Когда подходит вечер, торжественно совершается «погребение Карнавала» (entierro del Carnaval, enterro do Entrudo). Чучело в последний раз проносят или провозят по улицам, у многих в свите лица вымазаны в саже. В последний путь Карнавал сопровождают «родственницы» (иногда только «вдовы»), роли которых исполняют переодетые в женские платья мужчины: они рыдают и читают заупокойные молитвы. Во многих местностях в процессии принимают участие также ряженые священниками или «кающимися». Во французской Басконии, по сообщению С. Арругета, в 30-е годы спутники Карнавала несли похоронные венцы, сделанные из связок чеснока, четки из ракушек, луковиц порея, сардин и других символов наступающего поста [23]. Когда кортеж доходил до центральной площади, начинался суд, пародирующий настоящее судопроизводство. «Судья» зачитывал список преступлений Карнавала, «адвокат» произносил проникновенную речь в защиту обвиняемого, «жандармы» стерегли его, «писец» вел протокол и т. д. Наконец, Карнавал приговаривался к смерти. «Адвокат», стеная, в последний раз обнимал его, «родственницы» плакали, всеобщее отчаяние достигало предела. Чучело бросали в костер, в некоторых поселках (Дурро, Ланс) предварительно расстреляв. Когда пламя охватывало гиганта, вся толпа начинала плясать вокруг костра; иногда внутри горящей куклы взрывались петарды. Золу и головни, как правило, торжественно сбрасывали

Процессия великанов в Барселоне



в реку или погребали. Во многих местностях для костра, на котором сжигали чучело, сносили из всех домов сломанную за весь год утварь, особенно старые метлы.

Особую роль в обряде казни играют так называемые завещания Карнавала, входящие в широкий круг «шутовских завещаний», знаменитых в средневековье, но доживших и до наших дней, — сюда же входят «завещание осла», «завещание пса», «завещание старухи» и т. п.

В этих сатирических «завещаниях» дается полная свобода насмешки надо всем, что как-нибудь неугодно обществу: не только над плохими соседями, обманутыми мужьями и женами, но и над торговцами, администрацией и даже над правительством. Поэтому «завещания» запрещались властями даже чаще, чем карнавальные шествия. В современной Испании также пытаются бороться с «завещаниями Карнавала», но безуспешно.

С «погребением Карнавала» связан и другой знаменитый испанский обычай — вернее, тот же самый обряд, но в другой форме. Это — «погребение сардинки». Сардинка здесь выступает заменителем гиганта Антройдо, но подвергается тем же процедурам. В ночь с «жирного вторника» на первый день поста — «пепельную среду» — гроб с сардиной в сопровождении множества «плакальщиков», «священников», «кающихся», «факельщиков» несут на площадь. Некоторые держат в руках удочки с сардинкой, другие — штандарты с карнавальными изображениями, кресты, свернутые из бумаги, куда вместо навершия вставлена сардина. Похоронную процессию возглавлял «епископ» в бумажной митре и с метлой вместо посоха. Под погребальный звон колоколов участники процессии печально пели:

El Carnaval se ha muerto,
Lo llevan a enterrar;
Llorad, hermosas niñas,
Llorad, llorad, llorad.

Карнавал умер,
Его несут хоронить;
Плачьте, прекрасные девушки,
Плачьте, плачьте, плачьте [24].

Затем произносилось надгробное слово, полное сатирических намеков, и зачитывалось «завещание сардины», составленное так же, как «завещание Карнавала». Вся сцена представляет собой, по формулировке Н. Глендиннинга, «псевдорелигиозную церемонию», «религиозный бурлеск» [25].

Смысл замены «мясного» Карнавала сардиной непонятен. Возможно, это — последний «выворот мира наизнанку», который устраивает Карнавал под конец: если положено прощаться с мясом и переходить на рыбу, то хороните рыбу вместо мяса. Не исключено, что сардина попала в обряд по чисто внешнему созвучию: прежде в первый день поста действительно хоронили тушу свиньи (cerdo), иронически называя ее сардинкой [26].

Но, будь то чучело или сардинка, — Карнавал должен умереть или быть изгнанным, что в сущности психологически одно и то же: уйти из жизни здешних поселян. Равнозначность этих понятий отразилась и в испанском законодательстве: в Испании и ее колониях одним из самых распространенных наказаний за бунты была (наравне со смертной казнью) высылка. Оставить у себя какой-либо символ Карнавала — значит, остаться с бедами прошлого года, значит, не родиться для жизни в новом году. Без смерти нет воскресения.

Разумеется, сейчас этот древний магический смысл не осознается; Карнавала убивают, потому что таков ритуал, казнь Карнавала — непременное условие игры. Но попытка подкинуть соседям *антройдо* в том или ином его образе, как это делается в Астурии,

встречает ожесточенное сопротивление жителей того селения, с которым пытаются проделать такую шутку. В астурийских деревнях изгоняют Карнавал следующим образом: вечером «жирного вторника» парни ходят после общей трапезы по улицам и кричат сидящим в домах: «Имярек, ты покарнавалился (antroxaste)? Если нет, покарнавалься (antroxa)». При этом в дверь дома они бросают горшок, приговаривая иногда: «Карнавал, долой (antroxu fuera)!».

На западе Астурии «подкидывают свинью» соседним деревням: спускают в поселок с горы корзину (goxu) с горящим сеном или большой горшок с горящим сеном и засаженным внутрь котом (пос. Коронденью, Систерна). При этом приговаривают: «Умри и изыди, селение такое-то». Жители же страдающего поселка стараются подкараулить злоумышленников и задать им взбучку. А. Льяно де Роса, сообщающий об этом обычае, считает, что оба варианта означают «подкинуть пелеле» — паяца, набитого соломой и символизирующего Карнавал [27].

Ход карнавала, наступление, а затем и конец поста — одно из самых популярных в Испании описаний борьбы толстого, веселого и наглого дона Карналя против длинной, тощей и безрадостной доньи Куаресмы (Cuaresma — пост) дал в «Книге благой любви» архиепископ города Иты Хуан Руис (XIV в.). Он рассказывает, как донья Куаресма вызвала дона Карналя на битву, и описывает сражение двух войск. Передовой отряд дона Карналя составляют куры, куропатки, гуси, зайцы с тарелками вместо щитов, с жаровнями и вертелами; за ними следуют копчености, бараньи бока, свиные окорока, ветчины; в кавалерии — коровы, поросята, козлята, щитоносцами служат сыры. В гвардии у дона Карналя — фазаны и павлины, едущие в начищенных медных кастрюлях; на помощь прибыли союзники — лани, олени, горные козлы, особо ценный отряд возглавил дон Тосино (шпик). На стороне доньи Куаресмы собралась вся постная сила: порей, первым ранивший дона Карналя, а также сардина, тунец, мерлуза и другие рыбы.

Сражение, ход которого излагается автором с поистине карнавальной серьезностью и с детальностью летописца, заканчивается, естественно, победой доньи Куаресмы. Дон Карналь посажен в темницу, на постную пищу, и должен нести покаяние. Однако он исхитряется в конце концов все же удрать из тюрьмы и скрывается у скотоводов, откуда направляет вызов донье Куаресме. Та, видя, что ее дни сочтены, облачается в одежду пилигрима и отправляется на паломничество в Иерусалим. Торжественно празднуется вход в город дона Карналя и Амора — последний у автора символизирует не только христианскую, но и чувственную любовь [28].

С похоронами Карнавала кончается всеобщий разгул, веселье, пляски. Донья Куаресма сажает дона Карналя в темницу (семантически — та же могила) поститься, каяться и молиться. Первый день поста называется «пепельная среда» (Miércoles de ceniza). От древнеримского обряда посыпания головы золой в знак траура осталась только часть церковного ритуала: после мессы священник рисует золой на лбу каждого прихожанина крест.

В знак того, что с наступлением поста покончено с жирной пищей, хозяйки должны встретить «пепельную среду» с начисто вымытой посудой и идеальным порядком в доме. Все сорок дней поста люди заняты соблюдением католической обрядности, но с двумя исключениями. В первое же воскресенье поста совершался (правда, дома и между членами семьи или соседями) обряд, похожий на петушиные корриды или «игры в горшок». В это воскресенье, так и называемое горшечное (Domingo de piñata), в доме к потолку подвешивался глиняный горшок, наполненный леден-

цами (иногда в него же сажали живых птиц); собравшимся по очереди завязывали глаза, и они старались палкой разбить горшок. Когда это удавалось, птицы вылетали на свободу, и все присутствовавшие нарасхват подбирали леденцы. В наши дни этот обычай уже не соблюдается. Дж. Фостер приписывает ему итальянское происхождение, исходя из того, что название глиняного горшка — pignatta — более присуще итальянскому, нежели испанскому языку [29].

Второе вторжение народного обычая в католическую обрядность происходит ровно посреди поста. В Барко-де-Авила (провинция Авила) в этот день даже отмечался несправленный до карнавала «четверг кумушек», но по всем остальным селениям полуострова дело ограничивалось «распиливанием старухи». «Старуха» — это та же донья Куаресма, аллегорически изображавшаяся из картона или из досок в виде длинной, унылой женщины, одетой в серое. Ее чучело торжественно распиливали пополам в знак того, что половина безотрадного поста миновала. В Андалузии ребята кричали: «Распилить старуху, шкуру-потаскуху!» («¡ Aserrar la vieja, la picara pelleja!») [30].

На одном из офортов «Caprichos» Гойя с присущим этой серии «черным юмором» изобразил распиливание живой старухи. Прием Гойи в сущности прост и груб — ритуальному действию придать реальность, перенести его с аллегорического изображения (чучела Куаресмы) на живого человека. Прием этот, однако, соответствует народной психологии: в этот день считается допустимым выказывать неуважение к старым. В Монтижу, недалеко от Лиссабона, еще в 20-е годы нашего века дети бегали по поселку с кастрюлями и горшками и, встречая старика или старуху, поднимали невообразимый треск и гам. Все это называлось «пилить старуху» (serrar a velha). Бедняги старались в этот день не выходить из дому, но вечером их ждала другая пытка. Парни компанией подходили к дому старухи и кричали или пели, что ей пора умереть, так что пусть она поскорее исповедуется; затем один доставал пилу и принимался пилить принесенный кусок дерева. В Серра-ди-Монфураду (Португалия) при этом напевали:

Há que tempo 'stou a serrar,
E não vejo serradura;
Ou a serra não presta,
Ou a pele da velha é dura.

Сколько времени пилю,
А опилок не вижу;
Иль пила не годится,
Иль кожа у старухи крепкая.

В пос. Бланес (Каталония) парни ходили по-трое, нося с собой пилу, полено и корзину. У облюбованных домов они пилили полено и пели:

Serra la vella,
Que fá de bon serrá;
Trés de pá,
Trés de ví,
Trés de carn de bou
Donéunos la paga,
Que ja hem serrat prou.

Пили старуху,
Ее стоит распилить;
Хлебом,
Вином,
Говядиной
Откупитесь,
А то уже скоро распилим [31].

Во многих селениях Португалии чучело старухи выносили в поле и там торжественно распиливали, зачитав перед этим ее «завещание», аналогичное «завещанию Карнавала». Иногда сам акт оглашения «завещания» назывался «serrar a velha», даже если никакого чучела при этом не было.

В Валье Гордо (провинция Леон) ночью, в среду середины поста, дети жгут в поле чучело старухи (quema de la vieja), нарекая его именем самой старой женщины в поселке; если еще жива та, которую «сжигали» в прошлом году, то чучело получает имя следующей по возрасту старухи [32]. Кое-где дети вырезали из картона изображение тощей старухи с семью ногами и с рыбной корзинкой в руках; каждую неделю ей отрезали по ноге, ведя таким образом счет времени поста.

Из мартовских праздников выделяется день св. Иосифа (San José — 19 марта). В ночь на этот праздник в поселке Санта-Колома-де-Фарнес (провинция Жерона) совершался обряд «сжигания сосен (quema de pinos): жители бегали ночью по улицам с горящими сосновыми ветками, «отгоняя зло огнем».

В Валенсии, покровителем которой считается св. Иосиф, этот ритуал соблюдается особенно тщательно. Здесь он получил и дальнейшее развитие: центральное место в ходе праздника занимает сожжение огромных тряпичных кукол, которые изображают нелюбимых государственных деятелей, либо символизируют те или иные факты современной жизни [33].

Страстная неделя открывает новый цикл весенних празднеств. Первый день страстной, или святой недели (Semana Santa), — «пальмовое воскресенье» (Domingo de Ramos). В этот день все стремятся освятить в церкви ветку пальмы, оливы или лавра. В Каталонии в этот день с утра открываются специальные «веточные рынки» (mercats del ram), где люди покупают ветви, а дети несут их священнику благословить. Нередко ветки украшаются конфетами и другими сладостями. Сухие ветви хранятся в доме как амулеты. В Гарровильяс (провинция Касерес) ветви олив прибивают к дверям, считая, что их присутствие оберегает дом от дьявола. Пальмовые и масличные ветви считаются также надежным оберегом от молнии: в сильную грозу их понемногу жгут, чтобы уберечь дом. В «пальмовое воскресенье», по обычаю, крестные отцы и матери дарят своим крестным детям крендели (roscones) или печатные пряники с изображением воскресения Христа (tortell) [34].

Из не католических обрядов страстной недели, вошедших в церковную обрядность, можно упомянуть о существующем в Каталонии благословении домов водой и солью (salpás). В среду, реже в понедельник или вторник, священник в сопровождении причетника или двух ходит по деревне и окропляет двери соленой водой или отдельно водой и солью. Хозяйки ставят на стол, застеленный чистой скатертью, кастрюлю с солью и кувшин с водой, откуда священник и берет ее для благословения дома. Соль из этой кастрюли хозяева потом в течение года дают понемногу скоту, чтобы не болел, а воду пьют во время болезни сами [35].

Каждый день недели заполнен процессиями, основное содержание которых — представление на религиозный сюжет. Особенно торжественно отмечается страстной, или святой четверг (Jueves de la Pasión, Jueves Santo). Организацией процессий ведают особые религиозные братства (cofradías). Каждая кофрадия соревнуется с другой в наилучшем исполнении пантомимы на тему евангельских событий, в изготовлении так называемых pasos — скульптурных групп на ту же тему, и т. д. В страстной четверг многие участники процессий, давшие обет, несут на плечах крест, в шествии также участвуют ряженые — «римские солдаты», «евреи», «ангелы», «дьяволы» и пр. В Севилье, где особенно пышны такие процессии, знамениты специальные песнопения — saetas. *Саэты* поются хором, каждая кофрадия имеет свой текст, но все они, разумеется, посвящены теме дня (особенно часто — это переклад Stabat Mater) [36].

В Каталонии до начала XX в. сохранился старинный обычай представлять в инсценировке крестного пути «пляску Смерти». Один из участников, одетый в черную облегающую одежду, на которой белой краской нарисован скелет, в маске-черепе, плясал, размахивал косой и изображал торжество Смерти. В других процессиях участвовало до пяти «скелетов», которые плясали под барабан, из них один был с огромной косой, а другой с часами [37].

В этот же день можно наблюдать отголосок карнавального обычая «выносить сор из избы», очищаться от грехов перед концом света публичным покаянием и разоблачением других. Процессию в городе Брага (Португалия) возглавляют ряженые кающимися или римскими солдатами, которые выкрикивают секреты, касающиеся местных жителей — скрываемые пороки, измены мужей и жен, обман торговцев и пр. (как в карнавальные дни) [38].

В субботу славы, перед пасхальным воскресеньем, в деревнях в начале века пекли куличики, украшенные сверху яйцами и миндалем. Даже в последние десятилетия этот обычай был обязателен для юношей, собирающихся жениться — куличики они должны были дарить своим невестам (пос. Маратилья-де-лос-Мелерос, Гуадалахара) [39].

После пасхальной службы в воскресенье ребята обходят дома с песнями и поздравлениями. Певцов одаривают разнообразной едой. В Каталонии такие песни называются «радости» (goigs). Заканчиваются песни обычно куплетом:

Poseu ous a la cistella
Que els set goigs s'han acabat,
Algun tall de cansalada,
Lleganisses a grapats

Положите яиц в корзину,
Ибо «семь радостей» окончены,
И кусочек сала,
И свиной колбасы нарядно.

Если же хозяева дают мало, то им могут спеть:

A aquela Santa casa
No hi desitjo res de mal;
Tres dies de mal de ventre
I cinc de mal de queixal.

Этому благословенному дому
Не желаю зла;
Три дня болеть животам
И пять дней — зубам [40].

В Каталонии же подобные песни называются *карамелас* (caramellas), вероятно, по названию пастушеской свирели (caramillo), в сопровождении которой поются goigs.

Третий, после карнавального и пасхального, большой этап весенних праздников — майские. Если основной смысл карнавала — смерть для будущего обновления и воскресения (смерть старого года, духа зерна, бурной жизни и т. п.), а пасхальные действия представляют смерть и воскресение, то майские праздники — это уже расцвет новой жизни, нового аграрного года.

На первый день мая приходится праздник Зеленого Сантьяго (Santiago el Verde), напоминающий чествование Георгия Зеленого у славян, хотя в Испании этот праздник не настолько связан с водным культом. Здесь Зеленый Сантьяго превратился в праздник влюбленных, праздник цветов. Девушки ходят увенчанные розами и гвоздиками, в сопровождении воспевающих их влюбленных [41].

Два непременных элемента майских праздников — майское дерево (arbol de mayo) и «король» или «королева», символизирующие всевластное торжество природы. Майское дерево в некоторых районах Испании и Португалии — это настоящее дерево. Утром праздничного дня сажают в свежевыкопанную на площади яму срубленное дерево или несколько надставленных друг на друга

деревьев, обвесив их ветви сладостями, цветными лентами, а вечером пляшут вокруг.

В подтверждение окончательного перехода от старого аграрного года к новому на площади сжигали (сейчас так делают в немногих местах, например в поселке Альдеасека-де-ла-Фронтера, провинция Саламанка) сломавшиеся за прошлый год (от мая до мая) сельскохозяйственные орудия [42].

Во многих поселках майское дерево — это просто высокий гладкий шест. В каталонском селении Корнела, например, на центральной площади вкапывают такой шест, также называемый майское дерево (l'arbre maig), и на самой его вершине привязывают рога умерших за этот год быков. Парни по очереди стараются забраться на шест и сорвать рог.

Почти везде на Иберийском полуострове майское дерево — это шест с привязанным наверху призом. При водружении шеста девушки поют песни, эротическое содержание которых достаточно прозрачно и входит в общий смысл празднества, — усиление природных сил плодородия.

Антропоморфизированные образцы юного мая — «король» (Rey de mayo) и «королева» (Reina de mayo) — иногда просто называются «май» в мужском и соответственно женском роде (mayo, maio; maya, maia). Их торжественно избирают из жителей поселка, убирают цветами и зеленью, проводят по улицам и сажают на трон на центральной площади. Иногда избирается не пара, а только *майо* или *майя*. Их «подданные» собирают по домам и на улицах дань едой (особенно принято откупаться яйцами, орехами, каштанами) либо деньгами. Песни при этом поются самые разнообразные: приветствия, восхваления мая, куплеты из народных романсов.

В Кастилии повсеместна стихотворная просьба:

Un cuartito para la maya,
Que no tiene manto ni saya.
Дайте монетку майе,
У которой нет ни накидки, ни юбки.

Вечером девушки, собиравшие дань, сходятся в дом одной из них и совместно пируют [43].

В поселке Молинас-де-Окон (провинция Логроньо) ребята ходят по домам с плетеными из травы и цветов корзинами и поют:

¡ O Mayo hermoso,
Que tarde has venido,
Por poco nos helamos
Todos de frío!

Ya viene el Mayo
Con sus habas verdes,
Pa'que se engorden los niños
Y también las mujeres.

О прекрасный май,
Как поздно пришел ты!
Чуть мы все не замерзли
От холода!

Вот идет май
Со своими зелеными бобами,
Чтоб растолстели дети,
А также и женщины [44].

И *майо* и *майя* обычно одеты в яркие, нарядные костюмы (именно от них происходит название мадридских щеголей и щеголих — majo и maja). Но в их одежде какая-нибудь деталь всегда напоминает о первоначальном значении этих символических царей природы: или венок из цветов, или убор из листьев. В Галисии до сих пор сохранился обычай закрывать избранного *майо* с ног до головы листьями; иногда *майо* полностью покрыт стеблями укропа, а на голове у него — корона из цветов. На юге Галисии (Понтеведра, Кальдас-де-Рейес; Оренсе, Кастро-Кальделас) этот обычай несколько видоизменился: майское дерево и *майо* слились в один об-

раз. Пирамидальный каркас, сбитый из палок, убирают цветами и листьями, и скрывшийся внутри человек носит это сооружение (также называемое mayo) по поселку в сопровождении свиты из юношей. Время от времени они останавливаются, и скрытый внутри майо поет куплет (о событиях истекшего года, обычно сатирического содержания), повторяемый всем хором. По окончании праздника пирамиды-майо сбрасываются с моста в реку [45].

Короны майо прежде украшались яйцами, предпочтительно диких птиц. В этом празднестве, как и в пасхальные дни, яйцо как символ воскресения играет важную роль. В наше время навершие короны майо обязательно заканчивается распятием, которое в христианской символике имеет то же самое значение.

Так как в большинстве районов Испании майские дни отмечаются в первых числах месяца, то частью этих языческих празднеств стал и христианский праздник — обретение креста господня (3 мая). Общий смысл майского дерева и древа креста как проявление архетипа «мирового древа» общеизвестен, и христианская легенда только дополняет и преобразует древний ритуал. В провинции Саламанка два майских дерева сажают по обе стороны церковного портала немедленно после праздничной мессы, сопровождая этот обряд танцами и песнями [46]. Как перед воцарением «короля» или «королевы», выбранных заранее, их ищут по дворам и домам (зная, где они живут, но не подавая виду), так в различных местностях разыгрывается действо поисков императрицей Еленой (в сопровождении многочисленной свиты, обряженной византийцами, евреями, ангелами и т. д.) креста (который находится в заранее намеченном доме), а затем при всеобщем ликовании, напоминающем чествование *майо*, обретенный крест, увитый бумажными цветами, торжественно приносят в церковь или в отведенный для него дом. Особенно знамениты эти процессии в Барселоне и во многих поселках и городах Эстремадуры [47].

Майский ритуал не обязательно соблюдается только в первые дни мая: в Корнела (Каталония) майский шест водружается уже на второй день после пасхи, в Сантьяго-де-ла-Пуэбла (провинция Саламанка) праздники начинаются 30 апреля, а в поселке Альдеасека-де-ла-Фронтера (провинция Саламанка) майские торжества перенесены на 15 мая, сливаясь тем самым с днем св. Исидора. В этот день и в других селениях [48], особенно в Мадриде, покровителем которого объявлен св. Исидор-землепашец (San Isidor Labrador), отмечают, правда исключительно с соблюдением церковной обрядности, праздник этого святого. 15 мая на окраине Мадрида, где, по преданию, жил Исидор, у часовни с источником собираются горожане, приходит множество паломников, которые так и зовутся isidros. Именно здесь праздник принимает вид весеннего гулянья, в отличие от пышных процессий в городе [49].

Последний из праздников весеннего цикла, в некоторых странах Европы сохранивший часть дохристианского ритуала, — троицын день в Испании и Португалии отмечается только как церковный праздник, с соблюдением лишь католической обрядности.

*

Рассмотрев праздники весеннего цикла в Испании и Португалии, мы можем заметить некоторые элементы, повторяющиеся в каждом обряде, связывающие праздничные даты в единую цепь.

1. Разжигание огня с двумя магическими целями: а) согревание земли, подготовка ее к новому аграрному году (так трактуют смысл костров, разводимых в полях с крещенья — еще предвесенний праздник — до иванова дня —

уже послевесенний, летний праздник); б) на праздничном огне сжигают куклу, олицетворяющую беды прошлого года. Кульминационный момент этого ритуала — в третий день карнавала, но сам акт «изгнания прошлогоднего зла» распределяется, как показано, по ряду праздников — и до и после карнавала. Зло, сжигаемое in effigie, получает разные имена, вплоть до имен современных политических деятелей, но это все тот же «козел отпущения», древний фармак, на которого взваливали все грехи поселка, города или народа, а затем убивали.

2. С магией огня семантически неразрывна магия воды; здесь также можно выделить два этапа: а) окропление полей, имеющее целью призвать влагу на поля и обеспечить урожай; б) обливание друг друга во время праздников, имевшее первоначально не только очистительный, но и фертильный смысл, как и сохранившееся кое-где до сих пор благословение и окропление домашнего скота. Позднее этот ритуал получил только очистительное осмысление, сочетающееся в наши дни со взглядом на освященную воду как на оберег. В этом плане характерен ритуал *сальпас* в Каталонии; горшок с освященной водой, зарытый в поле (Валькарлос, Наварра), чтобы уберечь кукурузу от болезней, и т. д.

3. Элемент очищения от старых грехов обязателен для весенних праздников. Оно совершается как через уничтожение прошлого огнем или водой («вынесение сора из избы»; сжигание старой утвари; утопление майо и т. д.), так и через заклятие словами, через публичное оглашение чужих или своих грехов, покаяние через бичевание словами, а иногда и фактическое. Каждый конец года — это своего рода «конец света», прежней жизни и начало новой, а перед смертью очиститься необходимо.

4. Совместная трапеза по окончании каждого празднества характерна не только для весеннего цикла. Она служит подтверждением спаянности общества, круговой поруки и единства.

Но резкая контрастность постного периода сорокаднева с обрамлением, с одной стороны, мясоедом кумовских и карнавальных дней, а с другой — пасхальным разговлением подчеркивает специфическое значение символики весеннего цикла: буйство, смерть и воскресение плоти, земной жизни.

Эта символика соответствует в хозяйственной деятельности подготовке к новому аграрному году, встрече его и включению в работы. Существенная черта цикла в том, что не существует абсолютного соответствия, например, между этапами хозяйственных работ и праздничной символикой: черты карнавальной обрядности заметны и перед карнавалом, и в майские дни, и они даже вплетаются в ритуал поста.

До 1567 г. во многих странах Европы, в том числе и на Иберийском полуострове, продержался обычай начинать новый год с пасхи. Но в народном сознании старый год не уходит, а новый не приходит сразу, одновременно. Любая временная граница условна — будь то 1 января, будь то пасха. Для архаичного мышления смена нового старым, переход от одного состояния к другому — это процесс, растянутый во времени; ведь и мы обозначаем этот процесс доставшимися нам по наследству терминами «цикл», «период», выражающими движение, протяженность.

Но находиться несколько месяцев в состоянии прощания с прежней жизнью, в напряженном ожидании и подготовке к «смерти» и «возрождению» невозможно просто физически. Это было понятно и в языческие времена, и при христианстве. Поэтому праздничное состояние распределяется по праздничным дням, идущим, как красочный пунктир, по бледному фону пяти месяцев. В эти дни сгущается и проявляется сущность весеннего периода,

здесь символически представляется то, чем житейски заняты люди в будни. Повседневная подготовка полей, починка инвентаря, пахота, начало новых забот и забвение старых — все находит себе отражение в ритуальных играх.

«Пунктир праздников», однако, не равномерен. В начале цикла они коротки, в них нет такой напряженности; постепенно в них все больше становятся заметны те черты, которые составят сущность карнавального действа. Через преддверие кумовских дней входит карнавал: самый долгий и яркий праздник; элементы, розданные им по предшественникам, остались, однако, при нем. Христианский эквивалент не только карнавала, но и всего весеннего цикла, сжатого до семи дней, — страстная неделя — отделена от своего языческого прообраза строгими сорока днями поста; пост, как мы видели, составляет также неотъемлемую часть цикла.

Последний высокий всплеск праздничности — май, когда становится ясно, что природа вновь расцвела после зимы. И затем — опять ослабление праздников.

В Испании и Португалии это замирание праздников проявилось не просто в бóльшей будничности. Католический ритуал в этих странах за много веков так тесно переплелся с народной обрядностью, что многие христианские праздники стали народными, слившись к тому же с древними местными календарными датами. Но дело не сводится к синкретизму: языческие и христианские компоненты до сих пор находятся в борьбе. В дни карнавала или в майские праздники, например, церковная обрядность почти не заметна, но начальные и конечные дни весеннего цикла, где, как отмечалось, языческая праздничность ослаблена, стали в сущности католическими датами; только отдельные (иногда чисто функциональные) элементы напоминают о народной, языческой, трудовой основе этих дат. Богоявление, сретение, св. Блас, св. Агеда — до карнавала; св. Исидор, вознесение, троица — после; во всех этих праздниках победила католическая обрядность, основным их содержанием стала христианская легенда, вобравшая в себя некоторые народные сюжеты.

Карнавал был непобедим, но христианство, не сумев уничтожить карнавал, поставило рядом страстную неделю, имеющую сходную с карнавалом структуру. Они просуществовали совместно много веков, и если сейчас все с меньшей пышностью отмечается карнавал, то такая же участь постигает и праздник христианской церкви; отмирают они оба, побежденные новым мировоззрением.

[1] *Leite de Vasconcellos J.* Ensaios etnográphicos, vol. IV. Lisboa, 1910, p. 25; *Cortils y Vela J.* Etnologia de Blanes. Barcelona, 1886, p. 179.

[2] *Satrústegui J. M.* Etnografía navarra. Solsticios de invierno. Pamplona, 1974, p. 168—170.

[3] *Foster G. M.* Culture and Conquest. America's Spanish Heritage. New York, 1960, p. 172.

[4] Ibid., p. 172—173.

[5] *Mintz S. W., Wolf E. R.* An Analysis of ritual Co-Parenthood (Compadrazgo). — «Southwestern Journal of Anthropology», 1950, № 4, p. 358.

[6] *Carré L.* Costumbres del Carnaval en Galicia. — «Estudos e ensaios folclóricos em homenagem a Renato Almeida». Rio de Janeiro, 1960, p. 224—225.

[7] *Пиотровский А.* Комедия-хоровод. — В кн.: Аристофан. Лисистрата. Пг., 1923, с. 10.

[8] *Pitt-Rivers J. A.* The People of the Sierra. Chicago—London, 1961, p. 176.

[9] *Caro Baroja J.* El Carnaval. Madrid, 1965, p. 383—384.

[10] *de Castellanos B. S.* Costumbres españolas. De la fiesta y prácticas del Carnaval y del burlesco y el entierro de sardina. — En: Museo de las Familias, v. V. Madrid, 1925, p. 599; *Caro Baroja J.* Op. cit., p. 73.

[11] *Gómez-Tabanera J. M.* Fiestas populares y festejos tradicionales. — «El Folklore español». Madrid, 1968, p. 171.

[12] *Caro Baroja J.* Op. cit., p. 105—106; *de Melo F. M.* Relegios falantes. Lisboa, 1942, p. 68.

[13] *Carré L.* Op. cit., p. 226.

[14] Семантическое единство понятий «объедения», «мучной похлебки», «колбасы», «фарса», «насмешки», «умирания и воскресения» блестяще показано, в частности, О. Фрейденберг (*Фрейденберг О.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 171—177).

[15] *Carré L.* Op. cit., p. 227.

[16] *Pereira B.* Máscaras portuguesas. Lisboa, 1973, p. 130.

[17] *Iribarren J. M.* Historias y costumbres. Pamplona, 1956, p. 177—180, 184—185. Этот обряд показан также в этнографическом фильме, снятом Пио Каро Бароха и Хулио Каро Бароха («Revista de Dialectología y Tradiciones Populares», 1974, cuad. 1—2, p. 245—260) (далее: RDTP).

[18] *Pereira B.* Op. cit., p. 126—129; *Gallop R.* Portugal. A Book of Folk-Ways. Cambridge, 1961, p. 108.

[19] Spain and Portugal, v. I. London (S. a), p. 160—161.

[20] *Carré L.* Op. cit., p. 236—237.

[21] *Cortils y Vela J.* Op. cit., p. 41; *Gallop R.* Op. cit., p.107.

[22] *García de Diego P.* Censura popular. — RDTP, 1960, caud. 3—4, p. 315.

[23] *Iribarren J. M.* Op. cit., p. 180—182; *Gutiérrez Macías V.* Fiestas cacereñas. — RDTP, 1960, cuad. 3—4, ps. 355—356; Fernández *González A.* El habla y la cultura popular de Oseja de Sajambre. Oviedo, 1959, p. 158.

[24] *Caro Baroja J.* Op. cit., p. 351.

[25] *Glendinning N.* Some Versions of Carnival: Goya and Alas. In: Studies in Modern Spanish Literature and Art, presented to Helen F. Grant. London, 1972, p. 68.

[26] *García de Diego P.* Op. cit., p. 315; *Kany Ch. E.* Life and Manners in Madrid, 1750—1800. New York, 1932, p. 368.

[27] *Llano Rosa de Ampudia A.* Del Folklore Asturiano. Mitos. Supersticiones. Costumbres. Oviedo, 1972, p. 217—219.

[28] *Ruiz J. (Arcipreste de Hita).* Libro de Buen Amor, t. II. Madrid, 1913, p. 76—170.

[29] *Foster G. M.* Op. cit., p. 176—177.

[30] *Gómez-Tabanera J. M.* Op. cit., p. 171.

[31] *Gallop R.* Op. cit., p. 119; *Cortils y Vela J.* Op. cit., p. 42.

[32] *Rubio F.* Algunas manifestaciones folklóricas del Valle Gordo (León). — RDTP, 1958, cuad. 3—4, p. 359.

[33] *García de Diego P.* Op. cit., p. 317; *Plá Cargol J.* Tradiciones, santuarios y tipismo de las comarcas gerundenses. Gerona—Madrid, 1957, p. 292.

[34] Semana Santa. — RDTP, 1959, cuad. 1—2, p. 155; *Plá Cargol J.* Op. cit., p. 277; *Foster G. M.* Op. cit., p. 178.

[35] *Plá Cargol J.* Op. cit., p. 277; 285.

[36] Folklore y costumbres de España, t. III. Barcelona, 1934, p. 515—518.

[37] *Bosch de la Trinxería D. C.* Costums que s'perden. — In: Miscelánea folk-lórica. Barcelona, 1887, p. 3—4; *Plá Cargol J.* Op. cit., p. 316.

[38] *Gallop R.* Op. cit., p. 107.

[39] Semana Santa, p. 161.

[40] *Plá Cargol J.* Op. cit., p. 279, 282—283.

[41] *Gómez-Tabanera J. M.* Op. cit., p. 176.

[42] *Andújar Espino M.* Fiestas y costumbres tradicionales de Peñaranda de Bracamonte. — RDTP, 1960, cuad. 3—4, p. 358.

[43] *Plá Cargol J.* Op. cit., p. 287.

[44] *García de Diego P.* Op. cit., p. 331.

[45] Ibid., p. 327—328.

[46] *Andújar Espino M.* Op. cit., p. 358.

[47] Folklore y costumbres de España, t. III, p. 548; *Brugarola M.* La «Entrega de la Cruz» en Corte de Pelea. — RDTP, 1959, cuad. 1—2, p. 176—182.

[48] *Gómez-Tabanera J. M.* Op. cit., p. 182—183.

[49] *Kany Ch. E.* Op. cit., p. 364—367.

НАРОДЫ БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДОВ

* * * * * * * * * * * * *

М. И. Решина

Большинство населения двух небольших стран, Нидерландов и Бельгии, сходно между собой и по происхождению, и по языку. Голландцы, населяющие северные, центральные и восточные области Нидерладов, небольшая народность фризы, живущая в двух нидерландских провинциях — Фрисландии и Гронингене, а также на Западно-Фризских островах, и фламандцы Бельгии (ее северные провинции: Западная и Восточная Фландрия, Антверпен и Лимбург), которые по культуре и этнографическим особенностям почти ничем не отличаются от жителей южных провинций Нидерландов (Северн. Брабанта, Лимбурга), — все они принадлежат к западной группе германских языков. Эти причины обусловливают большое сходство во многих народных традициях, в частности в обрядах этих трех народов. Некоторые существенные различия в календарных обычаях вызваны разными религиозными вероисповеданиями: бóльшая часть голландцев и фризов принадлежит к протестантской церкви (кальвинисты), а жители южных областей Нидерландов и фламандцы Бельгии — католики. К католической же церкви принадлежат и населяющие южные провинции Бельгии (Эно, Намюр, Льеж, Люксембург) валлоны, по языку и по культуре близкородственные французам.

Таким образом, рассматриваемый в этой главе материал по календарной обрядности интересен в двух аспектах: прежде всего народные обряды обнаруживают большое сходство с обрядами других германских народов, что указывает в какой-то степени на общность их происхождения; и, кроме этого, на землях Бельгии проходит граница между обрядами народов германской и романской языковой группы одинакового (католического) вероисповедания.

Как и у многих других народов Европы, весенний цикл праздников в Нидерландах и Бельгии начинается 2 февраля, на сретение (Maria Lichtmis — по-голландски).

Свое название праздник получил от распространенного в этот день ритуала освящения свечей в католической церкви; потом эти свечи зажигали, и дети шествовали с ними по улицам (например, в Ордегеме — Бельгия, провинция Вост. Фландрия). А фламандские крестьяне (бельгийские провинции Зап. и Вост. Фландрии), заботясь о будущем урожае, использовали освященные свечи и оплывший с них воск, которые (по их представлению) содействовали наиболее благоприятным условиям сева, а значит, и получению богатого урожая.

Мария Лихтмис фигурирует в различных изречениях о погоде, так как день 2 февраля — день первых признаков весны — играл особую роль в народных предсказаниях погоды. Сретение считалось также благоприятным временем для перехода на другое место работы.

В Нидерландах и в Бельгии (Зап. и Вост. Фландрии) этот праздник сопровождался необузданным весельем, переступавшим иногда границы дозволенного. Отсюда сохранившееся в современном голландском языке слово «lichtmis», что значит «развратник», «кутила». До наших дней в Зап. Фландрии сохранился также обычай есть в этот день блины, оладьи — pannekoeken (голландск.) [1].

Самый большой праздник начала весны и у германских, и у романских народов Нидерландов и Бельгии — это масленица, или карнавал. Голландцы и фламандцы обеих стран называют его *вастенавонд* (Vastenavond) (голландск.), буквально «канун поста» от голландского vasten — «поститься», «пост». Наряду с этим у фламандцев обеих стран и валлонов Бельгии бытует также другое название этого праздничного периода: карнавал (carnaval — голландск. и французское) или праздник карнавала.

Многие обряды весеннего цикла соединяются с празднованием масленицы. Праздник продолжается три дня: воскресенье, понедельник и вторник, которые предшествуют 40-дневному посту. Еще в дохристианское время германские народы отмечали большой праздник возрождения солнца жертвенными огнями и пиршеством. Подобный праздник был известен и римлянам. В результате контактов двух культур создался определенный комплекс масленичных обрядов; причем римлянами был заимствован праздник шутов — *наренфест* (narrenfeest) с характерным для него переодеванием, а германцами — необузданность римских сатурналий. В обрядах масленичного цикла XIX в. сохранился ряд моментов предшествующей эпохи. Например, роль огня, которому в народных верованиях придавалось большое очистительное и защитное воздействие, была необычайно велика: верили, что огонь устраняет злых духов и вредные влияния и, наоборот, вызывает добрые силы плодородия и благополучия [2].

В настоящее время на протестантском севере *вастенавонд* или совсем исчез или же отмечают его гораздо скромнее, чем это делает католическое население Бельгии и южных провинций Нидерландов (на севере нельзя увидеть ярких процессий и театрализованных представлений).

Широкой известностью пользуется карнавал в Бельгии и в нидерландской провинции Сев. Брабант: здесь в масленичных торжествах участвуют представители всех слоев общества. Это праздник веселья, забав, шуток перед долгим постом. На три карнавальных дня выбирают принца карнавала, который пользуется всей полнотой власти в городе. Неотъемлемая часть праздника, его кульминация — парад масок, причем многие из них — выражение острой политической сатиры [3]. Традиционными персонажами славился еще в 30-е годы XX в. карнавал в г. Мальмеди (валлоны Бельгии, провинция Льеж). Здесь были Арлекин и «трубочист», «пекарь» и целая серия устрашающих масок [4].

Приготовления к праздничному карнавалу начинаются задолго — с одиннадцатого числа одиннадцатого месяца (т. е. с ноября). В ряде городов Брабанта и Лимбурга на 11 ноября назначается заседание Совета одиннадцати (Raad van Elf), который ведает подготовкой к карнавалу [5].

Вот как проходит карнавал в старинном бельгийском (валлонском) городе Бенше (провинция Эно), за которым традиция закрепила проведение этого праздника. Согласно легенде, карнавал впервые справляли в Бенше еще в 1594 г. (и с тех пор Бенш называют «городом карнавала»), однако самое раннее упоминание о *жилях* (gilles — шуты, клоуны) — участниках этого ежегодного празднества — в архивах города относится лишь к 1795 г. С тех пор и до

настоящего времени дело чести каждого взрослого человека хотя бы один раз побывать в костюме жиля. Обычно костюм этот горохового цвета с черными и красными львами, на поясе у каждого жиля колокольчики. длинные брюки тоже заканчиваются колокольчиками, на ногах — тяжелые деревянные башмаки. Подложенная на спину под куртку солома делает фигуру горбатой; горб прикрыт кружевным воротником, скрепленным на груди белым бантом. Но самая яркая часть костюма жиля — огромная шляпа (вес ее около 12 кг); это цилиндр, обтянутый белым атласом, с восемью—десятью белыми страусовыми перьями и ниспадающими лентами. Спереди он расшит цветной шерстью. В правой руке у жиля пучок прутьев или апельсин, который он достает из корзинки, висящей на левой руке.

Бенш — «город карнавала, город жилей»



Карнавал длится три дня, и все это время жили — самые активные его участники. Своего апогея карнавал достигает в последний день (Mardi Gras): танцуют неутомимые жили, а с ними и все зрители. К полудню площадь перед зданием мэрии пустеет: наступает час обеда, а после него празднество возобновляется с новой силой. И вновь к центральной площади города стекаются толпы ряженых, которые разбрасывают апельсины (окна на этот случай специально защищены частой металлической сеткой). Удар апельсином считается добрым предзнаменованием будущего благополучия. Если и днем карнавал очень красив и своеобразен, то ночью он еще таинственнее, необычнее в лучах прожекторов. На карнавал в Бенш стекаются тысячи людей из соседних городов, деревень и многочисленные туристы. По утверждению самих бельгийцев, «это дни безрассудств, шалостей» («ce sont les jours de folies»), и «ничего нет более прекрасного, чем праздник в Бенше». Костюмы жилей, их ритуальные танцы бережно сохраняются и передаются из поколения в поколение [6].

До наших дней дожили и карнавалы, проводимые в других городах. Так, в 1952 г. состоялся традиционный карнавал в Маастрихте (Нидерланды, провинция Лимбург); в Хертогенбосе (Нидерланды, провинция Сев. Брабант) в том же году был избран принц карнавала. Уникальным карнавальным праздником можно считать kindercarnaval (голландск.) — детский карнавал, который проводился также в Маастрихте, в понедельник [7].

Интересен старый масленичный обычай, сохранившийся до наших дней у фермеров о-ва Схаувен (Нидерланды, провинция Зеландия). Днем после полудня фермеры собирают за деревней необъезженных лошадей, которых тщательно чистят, в гривы и хвосты вплетают им яркие бумажные цветы. Затем участники праздника садятся на лошадей и скачут верхом к морскому берегу, причем лошадь должна обязательно замочить ноги. Во главе этой яркой процессии вожак, трубящий в горн. Когда всадники возвращаются в деревню, бургомистр угощает их, и остаток вечера они проводят в танцах и забавах.

Другая характерная черта масленицы — изобилие еды и питья. Поэтому масленичные дни называются также «жирными» (vette dagen) [8]. Употребляют много мучных изделий: тортов, оладий, блинов, вафель и т. п. (особенно примечателен этим последний день перед началом поста — «вторник покаяния»). В провинциях Лимбург и Брабант традиционная пища в канун поста — pannekoeken — оладьи, блины, spekkoeken — блины со шпиком и oliebollen — пончики, кексы. Брабант специализировался также на выпечке хлеба, формой похожего на каравай, с начинкой из колбасы. В былые времена в Нидерландах (ряд районов) по улицам носили колбасы, связанные вместе и насаженные на длинные деревянные вилы; колбаса — составная часть меню на масленицу. Капусте также отводилась особая роль: валлонские фермеры верили, что капуста, съеденная на «вторник покаяния», может помешать гусеницам и прочим вредителям съесть ее летом на огороде [9].

В Бельгии дети ходили по домам, пели песни и получали за это орехи, яблоки, куски свинины; затем все дары собирали вместе, свинину жарили и наедались ею перед великим постом. В Нидерландах дети из бедных семей выпрашивали под пение песен блины.

Разнообразны масленичные забавы. В Нидерландах известен обычай создавать шум (отпугивая нечистую силу) при помощи глиняного горшка, наполовину заполненного водой и обтянутого сверху свиным пузырем. В середине горшка укреплена палочка, которая вращается двумя пальцами или всей ру-



Шествие жилей

кой, и таким образом издаются звуки. Этот инструмент бытует под различными названиями (foekepot, rompot). Им пользуются и на пасху.

К масленичным развлечениям и играм относится также обычай, который был известен и в Нидерландах и у фламандцев Бельгии. Заранее откормленного гуся подвешивали между двумя столбами на веревке вниз головой, а всадники, скакавшие рысью под птицей, старались оторвать ей голову. В Сев. Брабанте (Нидерланды) подобные игры поддерживаются до сих пор: тот, кто обезглавит гуся, становится «королем» или «королевой» (девушки тоже принимают участие), идет от дома к дому и просит яйца, сало, колбасу. Однако в большинстве мест этот обычай (расправа с гусем) уже не соблюдается [10].

Жители бельгийского города Остенде (Зап. Фландрия) продлевают масленичное веселье и в первую субботу поста устраивают причудливый праздник — «бал дохлой крысы» (Bal du Rat Mort), который ежегодно привлекает до 3—4 тыс. участников. Происхождение этого необычного бала случайно: в 1896 г. группа молодых интеллигентов, побывав на Монмартре (Париж) в кабаре «Дохлая крыса», решила перенести это название на балы в родном городе [11]. И с тех пор праздник пользуется большой популярностью.

Как видно, христианской церкви не удалось навязать народу свое представление о сорока предпасхальных днях, как о времени покаяния, лишенном каких-либо радостей и развлечений. Голландский исследователь Й. Х. Крёизинг считает, что эти яркие, шумные праздничные дни (второе воскресенье поста и его середина), вклинивающиеся в «постное время» (magere tijd, голландск.), можно рассматривать как отголосок языческих праздников далеких предков [12].

Масленица заканчивается на «пепельную среду» — Aswoensdag (иначе: Kruisnensdag, от kruis — крест). Главное блюдо, которое подается в этот день в Нидерландах, — селедка с белыми бобами [13].

После «пепельной среды» наступает великий пост — *вастен* (Vasten, голландск.). Первое воскресенье 40-дневного поста — «факельное воскресенье» (Fakkelzondag) имеет различные названия: в Вост. Фландрии (г. Алст) — это «дымное воскресенье» (Walmenzondag, от walm — дым, чад), в Южн. Лимбурге — также «факельное воскресенье». В Арденнах его называли «воскресенье больших огней», так как в это время зажигались многочисленные костры на холмах и вершинах гор. За сутки до «факельного воскресенья» дети ходили от дома к дому, выпрашивая дрова для костров: тем же, кто не давал дров, лицо вымазывали сажей. Собирая топливо,

молодежь пела песни с пожеланиями хорошего урожая [14].

Вокруг костров исполняли народные танцы, пели песни и опять-таки желали хорошего урожая, здоровья. Верили, что семь огней великого поста, видимые в эту ночь с холма, защищают от ведьм. Родители рассказывали детям, что у них будет столько яиц на пасху, сколько огней они насчитают в первое воскресенье поста. У бельгийских крестьян существовало поверье: если не зажечь большого огня, это может повлечь за собой наказание: дом нерадивого хозяина обязательно сгорит от пожара [15].

В третье воскресенье поста совершался обряд, восходящий своими корнями в дохристианскую эпоху: «сожжение зимы» (смерти, масленицы и т. п.) в образе одетой в платье соломенной куклы. Траурные проводы масленицы завершались процессией, в первом ряду которой шли одетые в карнавальные костюмы мальчики, затем следовали взрослые в костюмах гренадеров и всадники во главе с квартирмейстером, наряженным шутом. Музыканты исполняли траурную музыку. Некоторые исследователи считают, что проводы зимы — не что иное, как поздняя модификация похорон зимнего демона (духа). Иногда «зиму» не сжигали, а сбрасывали в воду или погребали в земле [16].

Середина поста (Halfvasten) приходилась на его четвертое воскресенье. В Бельгии в этот день как бы оживало масленичное празднество: маскарадное шествие двигалось по улицам; дети, особенно любившие этот праздник (провинции Брабант и Антверпен), ставили под камином ботинок для лошади «графа середины поста» (Graaf van Halfvasten) (голландск.), который «ездит ночью на своем коне и награждает хороших детей лакомствами, а плохих — розгами». В провинции Лимбург дети устраивали в этот день шествия с факелами [17].



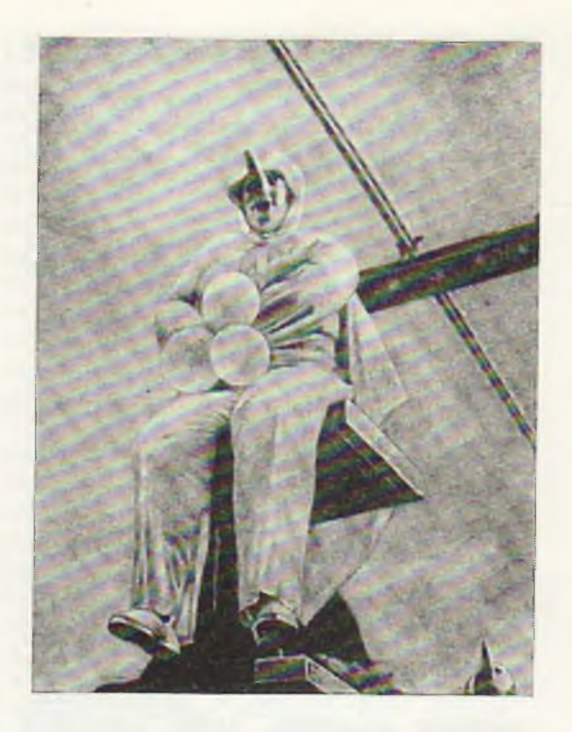
Участники карнавала

День 22 февраля считался в старину началом весны. Своеобразное приветствие ее находим мы у фризов: накануне, вечером на холмах зажигались огни (поджигали солому), которые были видны далеко в Северном море. Лампы в домах зажигать уже не полагалось и ужинали засветло. К 22 февраля церковь приурочила христианский праздник св. Питера Зимнего, и постепенно к нему перешла та роль в народном предсказании погоды, которая отводилась раньше этому первому весеннему дню. Верили, что за морозом в ночь перед праздником св. Питера последуют холода в течение 40 дней, а за мягкой погодой — отсутствие заморозков в мае [18].

Большой школьный праздник, отмечавшийся прежде в бельгийских провинциях Брабант, Западная и Восточная Фландрия и Антверпен, приходился на 12 марта — день св. Григория (назван

так в память о священнике VI в.) — покровителя учащихся и преподавателей. Для детей праздник начинался ранним утром. «Маленькие солдаты св. Григория», как их называли, несли корзины для подарков в торжественной процессии: «св. Григорий» был одет в яркий костюм, на голове — золотая бумажная корона. Его сопровождали разряженные знаменосцы и группа «ангелов», которых изображали маленькие девочки. Процессия двигалась по улицам; дети останавливались у дверей домов, исполняя при этом старинную песню о св. Григории [19].

Один из весенних праздников (17 марта) связан с женским персонажем, в котором обнаруживаются некоторые черты германской богини смерти. В христианском календаре — это св. Гертруда (Sint Geertrui). Согласно легенде, она воспрепятствовала когда-то нашествию мышей; народ чтит ее и просит помощи в борьбе с мышами. Св. Гертруду изображали часто вместе с этим животным, подчеркивая, возможно, двоякую функцию святой: более позднюю — охранительную (от грызунов) и первоначальную (богиня смерти), так как в народном воображении душа нередко принимала образ мыши [20].



Праздник середины поста



Вторая среда марта в протестантских областях провинции Дренте (Нидерланды) известна как день молитвы (biddag) (от bidden, голландск., — молиться) за урожай и нелегкий крестьянский труд [21].

День 25 марта — благовещение — Annonciation (французск.) у валлонов Бельгии, голландцы называют его днем богородицы (Onze Lieve Vrouwedag). Бельгийские крестьяне верили, что в этот день можно предсказать погоду: если погода 25 марта хорошая, то год будет урожайным [22].

Вербное воскресенье (Palmzondag, Groene Zondag of Blommenpasen) празднуется за неделю до пасхи. Хождение с «пальмовыми ветками» (paasjes) было характерно для Нидерландов, во фламандских районах Бельгии обычай этот

не зарегистрирован[23]. Возглавлял процессию человек, изображавший Христа верхом на осле. Но иногда живые персонажи спектакля заменялись их художественным изображением, выполненным на дереве. В средневековье такая процессия была необычайно красочной и по костюмам ее участников и по тем дарам, которые вывешивались на «пальмовых» ветвях: фрукты, всевозможные кондитерские изделия[24].

В Нидерландах вербное воскресенье (в некоторых районах праздник устраивали в субботу) ожидалось с большим нетерпением, особенно молодежью. Дети, одетые в праздничные костюмы, шли от фермы к ферме с традиционной пасхальной «пальмой» (palmpaasch, palmpaschen, palmpaaschtan, palmpaaschton, palmtan)[25].

Различаются два основных типа пасхальных «пальм»: первый — фризский тип (Фрисландия, Сев. и Юж. Голландия, Утрехт) — это длинная палка, на которой нанизаны различные лакомства; венчает такое сооружение выпеченная из теста свинья; второй — саксонский тип — плетеный обруч, колесо, круг (krakeling, rad, wiel). Его покрывают самшитом, украшают цветными бумажными флажками, яичной скорлупой, сахарными кольцами, апельсинами, кексами и прикрепляют к палке. На вершине такого сооружения — фигурки лебедей или петухов[26]; жители о-ва Схаувен насаживают выпеченного из хлебного теста всадника на лошади. В Девентере (провинция Оверэйссел) изображения лебедей украшают одежды девушек, идущих в процессии, в то время как сопровождающие их мальчики должны были подражать пению птиц.

Пасхальная «пальма» с лакомствами и плодами — несомненный символ плодородия, богатства, изобилия. Она изображает приход весны и пробуждение от зимнего сна (смерти). Такое же символическое значение имел весенний обычай, распространенный в Бельгии и Нидерландах: «пальмовые» (вербные) ветки помещали за стропила жилых домов, хлевов; втыкали в землю на полях.

В Бельгии и в нидерландских провинциях Сев. Брабант и Лимбург вербные ветки втыкали на четырех углах поля для повышения плодородия земли. Был распространен обычай (особенно в католических местностях) сохранять освященную пасхальную «пальму», потому что она, по народным представлениям, защищала от молнии и язвы в гортани в течение всего будущего года[27]. В этот же день в некоторых нидерландских провинциях дети и молодежь ходили по деревенским улицам с корзинами для сбора яиц, распевая соответствующие песни. Один из вариантов подобных песен (общины Отмарсум и Денекамп в провинции Оверэйссел) напоминает, что пасхальные яйца нужны для старинной народной игры — битья яиц — eiertikken (голландск.), tippen (у фризов):

Pallem-pallem, Poaske
De hoonder goat hen roaske
Ei koerei, ei koerei,
As 't nò nog eenmoal Zondag is
Dan krieg wi' j'n lekker tik-ei[28].

(Вербное воскресенье, куры начинают кудахтать. К следующему воскресенью мы хотим иметь хорошие яйца для игры.)

Эта забава для детей всех возрастов и молодежи в середине XX в. вновь приобрела былую популярность. Приготовленные для игры яйца окрашены чаще в зеленый, желтый и красный цвета. Как и раньше, соревнование происходит на лугу, где участники выстраиваются парами. Раздается сигнал, и состязание начинается: противники сходятся, держа в руках яйца, и каждый старается нанести удар так, чтобы разбить скорлупу яйца игрока другой команды. Победивший забирает яйцо. Игроки, набравшие бóльшее количество яиц, провозглашаются чемпионами[29].

Пасхальное яйцо — символ плодородия, возрождающейся жизни, поэтому

нередки случаи, когда яйца находили при вскрытии каменных гробниц. Но яйцо имеет еще и особое значение в христианстве как символ воскресения, отсюда освящение яиц, которое существовало уже в IV в.[30]

Нужно особо подчеркнуть, что предпасхальный период и пасха отмечены всевозможными играми и забавами с яйцами, употреблением их в большем количестве в пищу, различными поверьями, связанными с ними. Так, верили, что яйца, снесенные на страстную пятницу, обладают защитной силой против молнии.

В ряде мест именно на страстную субботу дети начинали «охоту за яйцами» (eierrapen). На некоторых яйцах рисовались либо яркие цветы, либо птицы; другие не имели рисунка — краска накладывалась сплошь. Взрослые прятали их для детей среди кустов и деревьев, и каждый сад был буквально переполнен такими подарками. Дети наполняли ими маленькие корзиночки и, опустошив собственный сад, торопились к родственникам и знакомым[31].

В некоторых районах пасхальные игры с яичками перенесены с вербного воскресенья и страстной субботы на пасхальный понедельник.

Разнообразные обычаи, связанные с пасхальными яйцами, были раньше широко распространены в Нидерландах, сегодня эта традиция господствует еще на юге страны, в других же местах встречается гораздо реже. В ряде областей Фрисландии и теперь еще употребляют на пасху сваренные вкрутую яйца: предпочитают раскрашивать их в желтый, оранжевый, красный и фиолетовый цвета[32]. В Лимбурге приносили в церковь для освящения несколько яиц, чтобы затем раздать их в подарок. В Бельгии и в нидерландских провинциях Лимбург и Сев. Брабант в деревнях собирают яйца для священника (раньше это делали и для учителя).

После вербного воскресенья следует страстная неделя, продолжающаяся до пасхи. Названия ее различны: Goede Week, Heilige Week (голландск.) — святая неделя; в протестантских районах — Stille Week (голландск.) — тихая неделя. По народным поверьям, погода на страстную неделю бывает чаще всего плохая[33].

Каждый день этой недели имеет свое название и играет особую роль как в народном, так и в церковном календаре. Например, в четверг (его называли еще белым или зеленым) в провинции Лимбург (Нидерланды) полагалось есть суп с двенадцатью видами зелени, который был известен здесь как «апостольский суп». Под влиянием протестантской религии и в католических районах Нидерландов бо́льшее значение начали придавать страстной пятнице. Существовала целая система запретов в этот день: нельзя было работать плотникам и кузнецам; рыбаки не выходили в море, так как «рыбная ловля в этот день не даст успеха». Своеобразно воспринималось воздействие страстной пятницы на цветы и растения: считали, что если фруктовые деревья полить именно в этот день, то «они принесут большой урожай»[34].

В народе говорили, что ночью перед пасхой (на страстную или тихую субботу) «возвращаются колокола, сбежавшие в Рим в среду, и приносят с собой пасхальные яйца». У фламандцев за пасхальными яйцами отправлялся даже вместе с колоколами один из старейших мужчин деревни. Субботняя служба отмечена колокольным звоном, и дети верили, что колокола «сеют крашеные яйца в садах». В кондитерских магазинах бельгийских городов выставлялось множество колокольчиков из сахара, шоколада и марципана, украшенных искусственными цветами и лентами.

Любопытно отметить, что в некоторых районах Сев. Брабанта (Нидерланды) батраки открывали в этот день

двери и окна и «отпугивали» длинной метлой постное время (Vastentijd, голландск.), «приглашая» пасху[35].

Пасха (Pasen — голландск., Pâques — французск.), или пасхальное воскресенье (Pasen Zondag — голландск.), отмечается с древнейших времен. Считалось, что этот день несет большую радость человеку (как частице природы). Это истинное начало весны, когда пробуждается вся природа («танцует солнце от радости»).

В различных районах Нидерландов и Бельгии праздничные торжества проводились весьма своеобразно с сохранением местного колорита. При этом кое-где удерживались старые обычаи и обряды, уходящие своими корнями в язычество. Таковы, например, обряды, связанные с водой и огнем. По народным представлениям, вода в это время имеет особую целительную силу: если ее зачерпнуть в пасхальное утро, то она долго не портится. Выпитая утром холодная вода дает человеку здоровье.

Другая существенная черта пасхального праздника — многочисленные огни и костры. Люди верили, что весенние огни способствуют плодородию[36]. Эта вера связана с древним народным представлением об оплодотворяющей способности огня, о его влиянии на будущий урожай. Почти в каждой нидерландской деревушке в провинциях Фрисландия, Гронинген (южная часть), Оверэйссел, Дренте, Гелдерланд (восточные районы), Лимбург (север) (т. е. на северо-востоке и юго-востоке Нидерландов) на пасху загорались огни костров, разложенных, как правило, на холмах за деревней. Собирать топливо часто начинали за неделю до пасхи: каждый житель деревни жертвовал свою долю, происходило своего рода соревнование между соседними общинами, чей костёр будет больше (размер костра должен был также сказаться на величине будущего урожая). Когда пламя разгоралось, люди, взявшись за руки, начинали общий танец вокруг костра, распевая при этом старинные пасхальные гимны. Зарево огней освещало небо, и воздух наполнялся ароматом лесного дыма[37].

Каждая деревня устраивала свои костры, а деревенские жители исполняли по пасхальному обычаю песни, известные зачастую лишь на местном диалекте. Например, в Денекампе (провинция Оверэйссел) происходило единственное в своем роде театрализованное представление, и о нем следует рассказать более подробно. Двое молодых людей изображали в комическом виде Иуду и Искариота (здесь произошло раздвоение персонажа, который в Евангелии представлен одним лицом). В народе говорили, что Иуда — это ловкий человек, поэтому он распорядитель на церемонии, а Искариот (Karioter — на диалекте Денекампа) — глупый и тупой, безмозглый клоун. Иуда осмысливается как христианская персонификация языческой фигуры зимы или смерти. Обязанности этих персонажей — подготовить пасхальный костер, прислуживать при нем, поставить пасхальный шест (столб). В качестве последнего используется специально для этого случая срубленная высокая ель. Начиная с вербного воскресенья, Иуда и его помощники ходят с корзинами от фермы к ферме, поют пасхальные гимны и выпрашивают деньги и яйца.

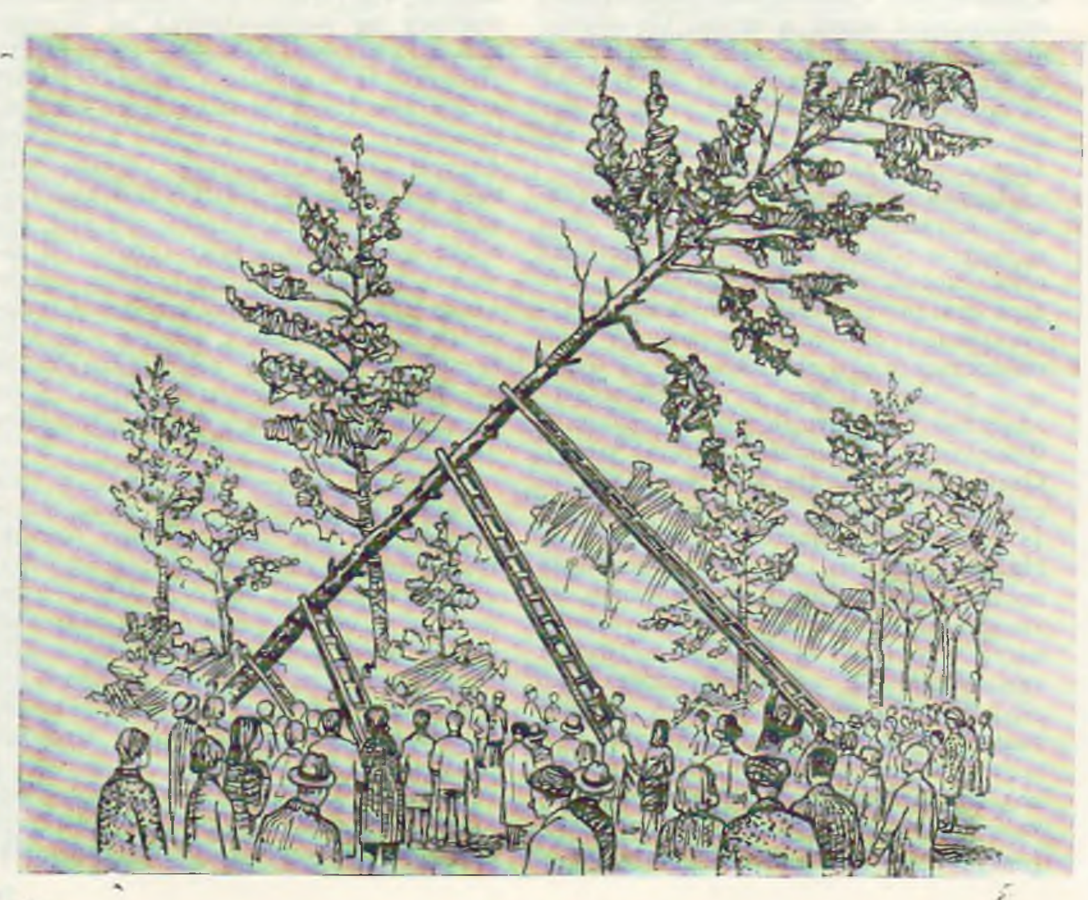
В конце XIX—начале XX в. вся церемония проходила при непосредственном участии полицейского инспектора, который указывал на дерево, предназначенное для костра. Затем мужчина и мальчики приносят пасхальный столб (возможно, чтобы заменить майский столб, оставшийся с прошлого года) на пасхальную горку. Иуда взбирается по лестнице на дерево и оттуда развлекает собравшихся шутками и остротами. Толпа внизу шумит и улюлюкает. Наконец, Иуда объявляет, что огонь должен гореть и освещать окрест-

ности в течение восьми ночных часов. Только тогда народ начинает расходиться по домам, где на ужин приготовлены пасхальные яйца и другие припасы. Позже, когда большой костер догорал, в Денекампе начинались танцы, продолжавшиеся до глубокой ночи [38].

Одна из традиционных специфических черт праздника — приготовление вкусного, душистого кулича с изюмом и смородиной (paaschbrood). И. Схрейнен отмечал, что в начале XX в. в Бельгии такие куличи почти вышли из употребления, зато в Нидерландах они хорошо известны до сих пор (особенно на севере) [39].

Установка пасхального шеста

Интересен приходящийся на пасхальное воскресенье и понедельник древний обычай, который сохранился практически только на востоке Нидерландов, в провинции Оверэйссел (деревня Отмарсум). Действие происходило следующим образом. Крестьяне шли длинной цепочкой по тесным булыжным улочкам деревни: каждый держал правую руку за спиной, а левой рукой обнимал идущего впереди. Таким образом люди медленно продвигались вперед в ритме неоднократно повторяющейся мелодии, произнося слова старого пасхального гимна. Затем процессия входила в переднюю дверь магазина, мастерской, постоялого двора, фермы; амбара и т. п. и выходила через заднюю, как бы освящая эти по-



стройки и призывая благополучие на их владельцев. Медленный ритуальный танец, исполняющийся при этом, видимо, до некоторой степени пережиток древнего обряда вызывания плодородия, церковь же привнесла в этот обычай пасхальные гимны, исполнявшиеся во время религиозных процессий. В наши дни мало кто знает текст наизусть и поэтому у каждого танцора он прикреплен на спине [40].

Первого апреля (фламандское название Verzenderkensdag) каждый старается подшутить над знакомыми, придумать какую-нибудь необыкновенную новость. В Эйндховене (Нидерланды, провинция Сев. Брабант) даже газеты принимают участие в подобных розыгрышах: на их страницах появляются в этот день сообщения о каких-либо невероятных экспериментах в области атома, о прибытии в город вымышленных лиц и т. п.[41]

Последнюю неделю апреля и первую неделю мая жители Нидерландов посвящают цветам, принесшим их родине всемирную славу. В эти дни (когда цветы особенно красивы) проходит Фестиваль тюльпанов, а воскресенье между двумя неделями объявлено Луковичным воскресеньем. Праздник отмечается во всех городах и сельских местностях: скупается огромное количество цветов; здания, улицы буквально завалены тюльпанами; устраиваются специальные автопробеги, посвященные им. Особенно красочны представления в Хиллегоме, Лиссе, Сассенхейме (общинах провинции Южная Голландия) [42].

Накануне 1 мая в нидерландской провинции Оверэйссел (селение Отмарсум) дети приветствовали весну свистульками из горной рябины. Ветки дерева рубили на части и погружали в воду, отделяя сердцевину, а кору снимали острым ножом. Изготовление свистулек сопровождалось исполнением традиционной ритмической песенки [43].

Вечером 30 апреля (существует специальное название этого вечера — Meiavond, по-голландски — майский вечер) или 1 мая зажигаются майские огни [44].

1 мая по старому обычаю во многих селениях Нидерландов ставили майское дерево: в одних случаях — это простая жердь, украшенная лентами, блестками и мишурой, в других (например, в провинции Лимбург) — настоящее дерево, высокое и красивое (во втором примере мы имеем дело с более древней формой, так как первоначально было именно живое зеленое дерево). Молодежь подыскивала его в лесу; срубленное дерево украшали пестрой бумагой и ввозили в деревню (кстати, очень часто старое майское дерево, которое служило в течение двенадцати месяцев, увозят во вторую субботу после пасхи) [45].

Кое-где и сейчас сохранился обычай в первый день мая украшать дома майскими ветками: на юге Нидерландов этот символ наступившей весны и возрождения природы помещают перед дверью дома или на крыше. К одежде людей, возвращающихся с церковной службы, также прикалывали зеленые веточки.

На острове Амеланд (Нидерланды) дети делали раньше венки в виде обруча или кольца, увитого маргаритками, такое сооружение называлось здесь майский букетик — meibloempjes (голландск.). В провинциях Зап. и Вост. Фландрии (Бельгия) накануне 1 мая дети ходили с майскими ветками от дома к дому. Сами они тоже были украшены зеленью, цветами и разноцветными лентами. Взрослые дарили им яйца и сладости в ответ на нехитрые майские песенки.

В народе сохранились поверья, связанные с этим днем: считали, что целебные свойства проточной воды усиливаются 1 мая, поэтому в некоторых районах существовал обычай купаться в это время в проточной воде. Животных тоже старались прогнать по воде [46].

1 мая или же в первое майское воскресенье во многих нидерландских дерев-



Майское дерево

них молодых людей распределяли парами (девушка и парень); списки составленных пар приклеивали на майское дерево, а затем молодежь угощали в трактире.

В провинции Оверайссел 1 или 2 мая дети ходили с лестницей, украшенной зеленью и лентами, на которой сидели мальчик и девочка с флажками в руках для приветствия весны; шествие сопровождалось песнями [47].

С конца XIX в. 1 мая стало Днем международной солидарности трудящихся. И народный праздник, отмечавшийся в этот день, сохранив свою красочность и многие старые обычаи, трансформировался, приобретя новые современные черты. 1 мая в рабочих районах проводятся митинги и манифестации, в которых рабочий класс демонстрирует высокую сознательность и активность в борьбе за жизненные права.

В первый понедельник после второго мая в городе Брюгге (Бельгия, провинция Зап. Фландрия) ежегодно устраивалась «процессия святой крови» — «Processie van het Heilig Bloed» (голландск.), считавшаяся в Бельгии самой пышной. Церемония проводится с 1150 г., когда было объявлено, что один из рыцарей привез в сосуде каплю христовой крови. Священную реликвию поместили на золотую подставку и перенесли в кафедральный собор. К XX в. праздник утратил всякую религиозность и превратился в своего рода театральное представление. Само действо включает различные сюжеты, имеющие исторический и зрелищный интерес. Все участники процессии одеты в соответствующие костюмы и выглядят достаточно правдоподобно. Пешие и всадники сопровождают паломников, членов церковных общин и религиозных орденов, ремесленников и представителей «братства священной крови». Каждая группа несет свои знамена и регалии. Замыкают шествие представители высшего духовенства, одетые в праздничные одежды. Вокруг полная тишина, зрители опускаются на колени. А спустя несколько минут улица вновь оживает: звонят колокола, играют музыканты, и весь Брюгге погружается в атмосферу веселья и развлечений [48].

Спустя сорок дней после пасхи праздновали вознесение.

Особую роль в народном календаре играли три дня накануне праздника. Еще в V в. отмечалось хождение по полям для предохранения посевов от вреда. В XIX—XX вв. подобная церемония устраивалась в нидерландской провинции Оверэйссел (местность Мекельхорст). Здесь в последний понедельник перед вознесением уходили в поля для получения «божьего благословения» на все растущее. Сперва люди шли вдоль пашен на поклонение к старому дубу (впереди — девушки и женщины), возле которого произносились молитвы

с просьбой о богатом урожае плодов и злаков, затем процессия сворачивала в поле, где вторично молились о хорошем урожае [49]. В этом обряде отчетливо проступают следы языческих верований: поклонение дубу как священному дереву.

В празднике вознесения (Hemelvaartsdag, по-голландски и Ascension — французское название) на передний план выступают народные обычаи, сохранявшиеся в течение многих веков. В прошлом столетии крестьяне выходили на поля полюбоваться ранним майским утром, а затем встречались с друзьями в харчевне на веселом завтраке в 6 часов утра; пережитки этого обычая частично переходили на троицу и сохранялись в более позднее время. Городские жители также поднимались на заре и вместе с детьми отправлялись за город; молодежь шла по росе, собирая ранние весенние цветы, а дети пели: пусть дождь сделает меня высоким. Эта древняя детская присказка восходит к ранним религиозным представлениям о том, что роса или дождь на вознесение делают тело упругим и здоровым, а хождение по росе или окропление ею очищает. Ведь недаром в Нидерландах существовало и другое название этого дня — dauwtrappen или dauwtreden (от dauw — «роса», trappen, treden — «ступать»).

Интересен обычай, соблюдаемый до сих пор в общине Хенгело провинции Оверэйссел (Вост. Нидерланды), который имеет целью принести изобилие в семью. На вознесение здесь выпекались огромные хлебы. По преданию, много веков назад местные крестьяне пользовались неограниченным правом добывать торф, чтобы приготовить хлеб для всех бедняков церковного прихода. Высмеивался крестьянин, чей каравай весил меньше 25 фунтов, а обладатель самого большого хлеба получал в награду бутылку белого вина и распивал ее вместе с друзьями. Проводилось также соревнование между женщинами на лучший хлеб (тесто должно было быть хорошо вымешано и сдобрено черносливом). Хлеб распределялся по приютам для бедняков и престарелых [50].

Примечательна суббота накануне троицы, когда устраивался так называемый Kallemooi — приветствие фризских рыбаков весне (о-в Схирмонниког). Происхождение названия неясно, имеется несколько версий на этот счет: по одной из них, оно произошло из английского названия мая — «calling the May»; согласно другой версии, предлагаемой большинством исследователей, «kalemei» — дерево без ветвей, голое дерево.

Действие происходит так. Устанавливается высокий шест с поперечной перекладиной наверху, к ней подвешивается плетеная корзина с петухом. Молодежь обычно занимает его на этот случай у какого-нибудь деревенского жителя. С каждой стороны перекладины свисает по пустой бутылке, а все сооружение украшено голландским флагом, свежей майской зеленью (символ весны) и плакатом с надписью «kallemooi». Три дня и три ночи заполнены весельем, шутками, играми. В местных гостиницах приготавливается напиток «kallemooi bitters». По прошествии трех суток сооружение разбирается, а петух возвращается хозяину [51].

Другой, не менее интересный обычай накануне троицы — *лёйлак* (Luilakfeest) — праздник молодежи в Зеландии, Сев. Голландии. Известен он в Амстердаме и других городах на западе страны, где сопровождается всевозможными шутками, проделками [52]. В четыре часа утра в субботу перед троицей толпы молодых людей били посуду, свистели, звонили в двери домов, нарушая сон их обитателей. Все присоединялись к ним, иначе, как полагали, весь год в доме не будет веселья. А лёйлак — это лентяй, бездельник, который продолжает валяться в постели.

Некоторые исследователи обнаруживают в празднике лёйлак сходство с про-

цессией на голубой барке или сравнивают с «судном дураков» (Narrenschiff), которое было известно в древней Германии и воспринималось духовенством как одна из черт языческого весеннего культа. В начале XX в. «корабль дураков» приобрел чисто игровой смысл [53].

В Харлеме (провинция Сев. Голландия), на центральной площади города, открывался большой цветочный базар. Сюда с ночи и до 8 часов утра спешили хозяйки, чтобы запастись цветами на всю троицу. В городе звонили колокола, играл орган, звучала танцевальная музыка, и молодежь танцевала на площади. К услугам участников праздника — ряды с провизией, сладостями, напитками. Во многих городах и сельских местностях Нидерландов выпекали так называемое luilakbollen (голланд.) — дрожжевое печенье в виде сдвоенной булочки, которое подавали с горячим сиропом [54].

На 50-й день после пасхи праздновали троицу (троицын день) — Pinkster (голландск.), la Trinité (французск.). В Нидерландах троицкие обычаи во многом совпадали с майскими. В Девентере провинции Оверэйссел на троицу делали *пинкстеркрон* (Pinksterkroon) — троицкую корону, венец. Совместное изготовление ее имеет давнюю традицию в этом городе. За некоторое время до праздника члены специального комитета ходили по домам и собирали деньги для троицкой короны. Так как на каждой улице надеялись, что именно их изделие будет самым оригинальным и красивым, то люди старались держать свои приготовления в секрете.

По традиции пинкстеркрон имеет форму колокола (колокольчика); проволочный каркас его держится по меньшей мере на пяти высоких ножках, а изнутри выложен пятью или шестью проволочными обручами. Вершина этого сооружения украшена короной или двумя пересекающимися обручами. Остов обматывается узкой полоской цветной бумаги и украшается блестящими цепочками, фонариками, бахромой, вымпелами и небольшими флажками. Троицкая корона в Нидерландах, подобно майскому столбу, — символ наступившей весны.

Троицкая корона помещается среди зелени или в центре деревни, вокруг нее танцуют и поют под аккомпанемент аккордеона; в последнее время праздник сопровождается музыкой из громкоговорителя, установленного в центре селения. По вечерам возле пинкстеркрон веселятся взрослые. Иногда ее поджигали и бросали в реку. До первой мировой войны в Девентере на троицу ставили от 20 до 30 корон, в 50-е годы XX в. число их значительно увеличилось.

Со вторым днем троицы (Tweede Pinksterdag — голландск.; Le second jour ou le lundi de la Pentecôte — французск.) связаны некоторые народные представления о природе. Утром в понедельник пастухи старались прогнать коров по росе. Тот, кто позднее других появлялся со своими коровами на дороге, ведущей к пастбищам, назывался nustekook (nusselen — голландск. — «медлить»). В общине Куворден (Нидерланды, провинция Дренте) дети собирались у пастбища и отмечали, какое животное придет туда последним. Затем его украшали цветущими ежевичными ветками или другой зеленью и под всеобщий хохот, ликование и песни вводили в город. В песенке дети называли такую корову также «троицкой невестой» [55].

В Зеландии и Сев. Брабанте (Нидерланды) в этот день устраивались обходы с лошадьми. Первоначально всадники объезжали три раза вокруг церкви на украшенных зеленью лошадях, потом, спешившись, обходили трижды вокруг главного алтаря. Верили, что тем самым троицкий всадник (pinkstruiter) способствует плодородию полей.

В этот же день отмечался праздник стрелковых гильдий (Pinkstergilder), которые обнаруживают некоторые черты древнегерманских братств. В старину их

обязанностью было устраивать поминики по умершим; позднее это нашло отражение в обычае собираться на праздничные пиры в честь святого, патрона гильдии.

Стрелковые гильдии процветали в Бельгии и в нидерландских провинциях: Лимбург, Гелдерланд, Сев. Брабант, Зеландия. Бо́льшая часть северных Нидерландов не принимала участия в этом празднике, так как стрелковые гильдии не были там распространены. В настоящее время существуют стрелковые клубы (их в Нидерландах около 450), зачастую это прямые наследники старых традиций. Например, в Лимбурге клуб (бывшая гильдия) св. Себастьяна отметил свое 450-летие, другому клубу в 1951 г. исполнилось 600 лет.

В Бельгии (провинции Зап. и Вост. Фландрия) второй день троицы — «день паломничества» (bedevaartsdag, голланд.). При этом во многих местностях происходят годовые ярмарки.

Фрисландия отмечает этот день ежегодным спортивным состязанием, которое устраивают различные клубы (объединения — kaatsverenigingen) по игре в мяч [56].

Большую популярность приобрели в Бельгии грандиозные процессии и театральные представления, происходящие в первый день троицы [57].

В частности, в г. Монсе (валлонская провинция Эно) в этот день (Dimanche de la Trinité) на центральной площади устраивается спектакль, участники которого воспроизводят сцены из жизни св. Георгия (saint Georges). Архивы Монса свидетельствуют о том, что подобного рода мистерия разыгрывалась еще в 1439 г., а первое упоминание о единоборстве святого с драконом (т. е. мотив св. Георгия-змееборца) относится к 1524 г. Современное представление привлекает огромное число зрителей, следящих за тем, как Георгий, сидя верхом на коне, вступает в борьбу с драконом и побеждает его [58]. Там же, в провинции Эно, понедельник троицы известен под названием «супружеский полдник» (Goûter Matrimonial), который устраивают молодые холостяки. В 9 часов утра все неженатые молодые люди собираются в городской ратуше и записывают свои имена в официальной гостевой книге. Затем поступают приветствия от местных властей, от красивых девушек. После этого совершаются увеселительные прогулки по городу. В 3 часа дня объявляется «годовой чай». Присутствующих на сей раз приветствуют от имени «своих сестер» — старых дев — молодые женщины. За угощением, состоящим из кофе, пива и сладостей местного производства, следуют народные танцы на улицах и веселье до глубокой ночи [59].

Во вторник троицы во многих общинах провинции Оверэйссел (Нидерланды) устраивается шествие девушек во главе с «троицкой невестой» (Pinkster Bruid). Раньше девушки — участницы процессии — появлялись в одежде, символизировавшей утро: невеста, или королева (самая красивая девушка деревни) была одета в белое платье, на голове у нее — венок из цветов. Очень часто девушек сопровождали маленькие мальчики — сироты, которые несли в руках палку, обвитую цветами. Дети, украшенные зеленью, шли от дома к дому, пели песни, получая за это деньги и яйца.

Обычай этот существовал в Нидерландах еще в XVII в. Тогда он был распространен в провинциях Голландия (Амстердам), Утрехт, Гелдерланд (Арнем), Оверэйссел (Девентер). А в двух других нидерландских провинциях — Лимбурге и Сев. Брабанте, и в некоторых районах Зап. и Вост. Фландрии (Бельгия) имел место так называемый «троицкий цветок» — Pinksterbloem (голландск.), функции которого совпадали с «троицкой невестой». Высказывается мнение, что обычай «троицкой невесты» или «троицкого цветка» берет свое на-

чало еще в язычестве, а девушка, которая изображает этот персонаж, олицетворяет пробуждающуюся весну или возвращающееся лето[60].

Так заканчивается весенний цикл народных праздников в Бельгии и Нидерландах.

[1] *Fehrle E.* Deutsche Feste und Volksbräuche, 2-te Auflage. Leipzig und Berlin, 1920, S. 32; *Kruizinga J. H.* Levende folklore in Nederland en Vlaanderen. Assen, 1953, blz. 57—58; *Schrijnen J.* Nederlandsche Volkskunde, dl. I. Zutphen, 1900, blz. 152—154.

[2] *Fehrle E.* Op. cit., p. 33—36; Kruizinga J. H. Op. cit., p. 64—65.

[3] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 64; *Balicki J.* Holandia. — Seria — Kraje. Warszawa, 1969, s. 164; *Czekańska M.* Holandia. Warszawa, 1975, s. 146.

[4] *Marinus A.* Le folklore Belge. Bruxelles, t. III, 1937, p. 174—206.

[5] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 65.

[6] *Ickis M.* The Book of Festivals and Holidays the World Over. New York, 1970, p. 34; *Лебедева З.* Карнавал в Бенше. — «Огонек», 1956, № 19, с. 24; *Marinus A.* Op. cit., t. I, p. 271—290; *Peeters E.* Le folklore en Belgique, v. I. Bruxelles, 1950, p. 1—2; *Spicer D. G.* Festivals of Western Europe. New York, 1958, p. 6—7; *Goffin J.* Belgique, folklore et regions pittoresques. Bruxelles, 1900.

[7] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 65—66, 70.

[8] *Van der Molen S. J.* Levend Volksleven. Een eigentijdse volkskunde van Nederland. Assen, 1961, blz. 53—62.

[9] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 7, 124; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 156—157; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 70.

[10] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 7; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 157—158, 163; «Ons Volksleven» (Brecht), 1892, N 9, blz. 173; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 70.

[11] *Яснев Ю. Н.* Бельгия: мрачные будни за карнавальным фасадом. — «За рубежом», 1974, 26 июля — 1 августа, с. 12; *Goffin J.* Op. cit.

[12] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 65.

[13] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 166; *Spamer A.* Deutsche Fastnachtsbräuche. Jena, 1936, S. 56; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 63—64.

[14] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 166—168; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 74; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 63; *Spicer D. G.* Op cit., p. 8.

[15] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 8.

[16] *Spamer A.* Op. cit., p. 58, 60; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 168—169.

[17] *Van der Molen S. J.* Op. cit, p. 64—65; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 79; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 169—170.

[18] *Fehrle E.* Op. cit., p. 33; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 170—171.

[19] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 5; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 172.

[20] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 82; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 172.

[21] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 82.

[22] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 6.

[23] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 89.

[24] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 6; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 174—175.

[25] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 177; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 125; *Fehrle E.* Op. cit., p. 53—55; *Van der Molen J. S.* Op. cit., p. 65—67.

[26] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 177—178; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 125; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 83—86.

[27] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 126.

[28] *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 86—88.

[29] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 130—131; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 181—182; «Friesland» (Leeuwarden), 1940, blz. 208.

[30] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 182—183.

[31] Ibid., p. 180; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 9; «Ons Volksleven», (Brecht) 1892, N 1, blz. 6; *Harris E. H.* The literature of Friesland. Assen, 1956, p. 25.

[32] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 181.

[33] *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 67—68; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 179—180; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 89; «Ons Volksleven» (Brecht), 1892, N 1, blz. 6; *Havertz H.* Flandern. Karlsbad und Leipzig, 1941, S. 108.

[34] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 180; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 8; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 92—93.

[35] *Spicer D. G.* Op. cit., p. 8—9; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 180; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 69; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 93—94.

[36] Deutsche Volksfeste im neunzehnten Jahrhundert. Geschichte ihrer Entstehung und Beschreibung ihrer Feier. Weimar, 1839, S. 37; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 95.

[37] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 183—185. *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 97; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 69—70; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 127; Deutsche Volksfeste im neunzehnten Jahrhundert. . ., S. 37.

[38] *Spicer D. G. Op. cit.*, p. 127—129; Kruizinga *J. H.* Op. cit., p. 99—101.

[39] *Schrijnen J.* Op. cit., p. 185; *Spicer D. G.* Op. cit, p. 126.

[40] *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 70—72;

Kruizinga J. H. Op. cit., p. 99; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 186; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 130—131.

41 *Schrijnen J.* Op. cit., p. 187—188; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 104—105.

42 *Ickis M.* Op. cit., p. 90—91.

43 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 131—132.

44 *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 106—108; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 72—75; «Friesland» (Leeuwarden), 1940, blz. 205.

45 *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 102; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 79; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 188.

46 *Schrijnen J.* Op. cit., p. 188—193.

47 *Schrijnen J.* Op. cit., p. 193.

48 *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 113; *Peeters E.* Op. cit., p. 3—4; *Spicer D. G.* Op. cit., p. 10—11; *Clément.* Histoire des fêtes civiles et religieuses des usages anciens et modernes de la Belgique meridionale, v. 2, Avesnes, 1846, p. 255—266.

49 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 132; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 117—118.

50 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 133; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 193; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 117—118, 134—136; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 82.

51 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 134; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 122—123; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 85—86; «Friesland» blz. 205.

52 *Schrijnen J.* Op. cit., p. 194; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 118—119; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 82.

53 *Spamer A.* Op. cit., p. 52.

54 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 134—136; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 195; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 79—82.

55 *Schrijnen J.* Op. cit., p. 197—198.

56 *Schrijnen J.* Op. cit., p. 200—201; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 127—130.

57 *Marinus A.* Op. cit., t. III, p. 109.

58 Ibid., t. I, p. 54—69; t. III. p. 346.

59 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 12—13; *Goffin J.* Op. cit.; *Marinus A.* Op. cit., t. III, p. 87—100.

60 *Spicer D. G.* Op. cit., p. 136—139; *Schrijnen J.* Op. cit., p. 195—200; *Van der Molen S. J.* Op. cit., p. 82—86; *Kruizinga J. H.* Op. cit., p. 124—126; *Marinus A.* Op. cit., t. III, p. 109.

НАРОДЫ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

* * * * * * * * * * * *

И. Н. Гроздова

Как и в других странах Европы, на Британских островах весенний цикл праздников был не менее богат обычаями и обрядами, чем зимний период. По существу смысловое значение весенних обрядов остается таким же, что и в зимнем цикле: в них проявляется стремление предугадать будущее, закрепить благополучие своей семьи, обеспечить хороший урожай в поле, в саду, защитить от болезней, действий нечистой силы домашних животных. Вот почему часто к весенним праздникам бывают приурочены те же обряды, что и к рождественскому циклу. Основные из них, бытующие среди народов Британских островов, очень сходны с обрядами других европейских народов, особенно с обычаями родственных англичанам народов германской языковой группы. Но в то же время у народов Британских островов на протяжении ряда веков выработались и свои специфические черты в проведении тех или иных праздников, обусловленные прежде всего многими сохранившимися пережитками языческих верований древних кельтов, оставивших глубокий след в этнической истории всех народов Британских островов, а также своеобразиями географической среды, климата и особенностями экономического развития.

Большое влияние на судьбу многих праздников и сопровождающей их обрядности оказало сильное распространение протестантства, особенно пуританства, с необыкновенным фанатизмом и жестокостью искоренявшего не только пережитки языческих культов, но и самые невинные праздничные народные развлечения и игры. Но настолько стойкой и серьезной была приверженность народа к своим старым, традиционным ритуалам, что, несмотря на преследования, многие из старых обычаев сохранились вплоть до настоящего времени.

Началом весны кельтские народы Британии считали 1 февраля — день св. Бригиты. Весеннее значение этого дня хорошо отражено в старых легендах шотландцев-хайлендеров, или гэлов. Св. Бригита в церковном календаре заменила древнее божество кельтской мифологии, богиню огня и плодородия — Бригиту. Христианская святая не только унаследовала имя древней богини, но приняла на себя и все ее функции: ей молятся о ниспослании урожая, просят защиты от пожара, она же считается доброй покровительницей браков, очага, помогает женщинам при родах.

По народным приметам ирландцев, со дня св. Бригиты море становится теплее, потому что она опускает туда руку.

В кельтских легендах о Бригите ясно прослеживается тема умирающей и вновь возрождающейся весной природы, а также дается поэтическая картина борьбы зимы и лета, добра и зла. Вот, например, как рассказывается о весеннем приходе Бригиты в одной шотландской легенде: в течение трех зимних месяцев — с 1 ноября по 1 февраля — на земле господствует злая одноглазая бо-

гиня Кайлеах (Caiylleach), что в переводе с гальского языка значит «старая женщина». Она проносится всюду по воздуху с магическим жезлом в руках, от прикосновения которого погибает все живое. Когда ее начинают побеждать объединенные силы солнца, росы и дождя, она не сдается без боя: поднимает бури, губит появившуюся траву.

Кайлеах держит Бригиту в плену на своем острове до тех пор, пока за ней не приезжает рыцарь Энгус Вечноюный на своем белом коне, который, несмотря на все происки старой ведьмы, освобождает ее, и в день Бригиты, 1 февраля, они вступают в брак [1].

Другая же легенда изображает Бригиту и Кайлеах не как враждующие силы, а как одно и то же лицо. В канун дня св. Бригиты Кайлеах отправляется на остров Юности, где в лесу находится чудесный источник молодости. Там, при первом блеске рассвета она вновь обретает молодость, становится юной богиней весны — Бригитой, от одного прикосновения которой сухой прут зеленеет и покрывается белыми и желтыми цветами весны [2].

Праздник в честь св. Бригиты отмечают только шотландцы и ирландцы. В этот день в Ирландии девушки старались умыть свое лицо росой или снегом, «чтобы быть красивыми» [3].

В каждом селении Хайланда еще недавно в канун дня св. Бригиты девушки устраивали праздничную процессию. Они несли сноп, одетый в женское платье и украшенный блестящими раковинами, первоцветом, подснежниками и другой весенней зеленью. К груди фигуры прикреплялось стеклышко или особая яркая раковина (это считалось — «сердцем» куклы). Такую сделанную из снопа фигуру называют Бригитой. Девушки, одетые в белые платья и с распущенными волосами, посещали каждый дом, где Бригите преподносили подарки: девушки дарили раковину, ленту, цветок или зеленую ветку, а женщины — лепешку, сыр или кусок масла. Обойдя все селение, девушки устраивали праздник в честь Бригиты. Фигуру Бригиты помещали на самое почетное место, с которого она могла бы «видеть» их танцы и «слышать» их пение [4].

Женщины постарше в канун дня св. Бригиты совершали другой обряд со снопом овса, одетым в женское платье. Они клали его в продолговатую корзину, разукрашенную яркими лентами и цветами, потом открывали дверь и говорили в темноту: «Постель Бригиты готова! Пусть Бригита войдет!» Перед тем, как лечь спать, женщина выравнивала золу в очаге. Если утром находили в золе какой-то след, это значит, что Бригита приходила ночью и благосклонна к ним и что будет хороший урожай и приплод скота [5].

Д. Фрэзер в книге «Золотая ветвь» указывает на этот обряд как на обычай, в котором очень ярко проявлялось возрождение растительности весной [6].

Несомненно, следы старых весенних народных обрядов сохраняются и в большом церковном празднике 2 февраля, называемом «днем свечей» (candlemass day), так как с давних пор в этот день прихожанам раздавали освященные зажженные свечи. Огарки таких свечей тщательно сохранялись, потому что, по народным верованиям, они предохраняли дом от ведьм и от всякой нечисти [7].

Хотя протестантские проповедники и запрещали свечи вместе с другими «папистскими» обрядами, они не могли искоренить этот обычай. И сейчас еще во многих церквах Англии и Шотландии, даже протестантских, молящиеся стоят во время церковной службы 2 февраля с зажженными свечами в руках [8].

В Уэльсе не только церковь, но и дома украшались в этот день зажженными свечами, с ними связано также много примет, гаданий. Вечером часто устраивались шествия с факелами или толстыми свечами [9].

Повсеместно был также распространен обычай с утра в «день свечей» зажигать остатки рождественского полена. На заходе солнца пламя в очаге гасилось, а зола тщательно собиралась и сохранялась до следующего года, так как считалось, что она обладала магической силой: помогала от многих болезней, при разных стихийных бедствиях. В этом же очаге должны были быть сожжены и оставшиеся от рождества зеленые украшения дома [10].

«День свечей» был важной вехой как в церковном, так и в народном календаре, поэтому с ним было связано много примет о погоде. Считали, например, что, если 2 февраля будет светлым и солнечным днем, то зима еще вернется; если же в этот день будет дождь и ветер, то зима ушла совсем, и холодов больше не будет [11].

Наиболее популярным праздничным днем февраля в Англии издавна считался день св. Валентина (14 февраля), праздник любви и влюбленных. В этот день молодые люди собирались для того, чтобы по жребию определить свою временную возлюбленную на год. Избранная девушка получала от своего «Валентина» подарок [12]. В Шотландии часто юноши вытаскивали имена из одного ящика, а девушки — из другого, так что каждый имел в течение года двух «Валентинов». Однако парень считал более близкой возлюбленной ту девушку, имя которой вытянул он сам [13]. В некоторых областях Шотландии жребия не тянули, но первое лицо противоположного пола, которое встречали утром в этот день, считалось «Валентином» на весь год [14].

Из этого старого обычая в дальнейшем развился обычай обмена любовными посланиями между влюбленными, который к XVIII в. становится широко распространенным. В XIX в. появились первые специально напечатанные к этому дню поздравительные открытки, обрамленные бумажными кружевами, с красочными рисунками и сентиментальными стихами. Они были так популярны еще в начале нашего века, что их ежегодно рассылалось почти такое же количество, как и рождественских открыток.

Ко дню св. Валентина, когда, по народным верованиям, птицы выбирают себе подругу, было приурочено много гаданий о браке. Так, девушки выходили ночью на церковный двор «сеять коноплю», которую должен подобрать будущий муж [15]. Или же, ложась спать, булавками прикалывали листья лавра к углам подушки и в центре ее, чтобы приснился жених [16].

Множество весенних обычаев и обрядов у народов Британских островов было приурочено к подвижным религиозным праздникам, особенно к пасхе, отчасти к вознесению и троице. С датами переходных праздников непосредственно связан и наиболее популярный народный праздник у всех европейских народов — масленица, или карнавал.

В этот период празднуется прежде всего начало весны, с появления первых ее признаков до полного возрождения всей природы после зимнего холода. К марту—апрелю относится в Англии и начало наиболее важных сельскохозяйственных работ, прежде всего весеннего сева. Для земледельца особенно важно было замечать погоду в такие дни, чтобы узнать, насколько благоприятна будет она для произрастания первых всходов, для будущего урожая. Поэтому к основным дням весенних праздников было приурочено много разнообразных примет о погоде и различных обрядов, стремящихся магическими действиями повлиять на климатические условия, создать наиболее благоприятную обстановку для роста хлебных злаков. Так, например, гром в первый вторник поста предвещал изобилие фруктов; если в вербное воскресенье ясно, светит солнце, будет хороший урожай [17].

Как известно, масленица и связанный с нею карнавал отмечается пышно и красочно почти во всех европейских

странах, в Великобритании же, однако, этот народный праздник был менее популярен. Правда, в период средневековья — в XIV—XVI вв. — он был распространен повсеместно в Англии и отмечался обычно шумным весельем, различного рода состязаниями и традиционным масленичным блюдом — блинами — в течение всей масленичной недели. Но постепенно сужались сроки его празднования, связанные с ним обычаи были перенесены на другие народные праздники, и с XIX в. по существу празднование масленицы ограничивается лишь одним днем, хотя этот день и сейчас остается одним из любимых народных праздников. Праздник масленицы приходится теперь на вторник первой недели великого поста, который носит название «исповедальный вторник» (Shrove Tuesday). Его называют также «блинный день» (Bannocks day), а в Шотландии и Ирландии «канун поста» (Fester E'en).

Религиозное значение дня как дня всеобщей исповеди после Реформации было почти совсем забыто, и исповедальный колокол, звон которого собирал всех прихожан прихода на мессу и исповедь, теперь своим звоном в 11 часов утра извещает о начале выпечки блинов. После боя колокола прекращается работа в магазинах, предприятиях, учреждениях, у детей заканчиваются занятия в школе, и все спешат домой, к праздничному столу.

В этот день приготавливают особые кушанья. Так, шотландцы раньше делали своеобразные лепешки, которые называли «постными» (Festy). Их приготовляли так: в сложенные вместе ладони насыпали горсть овсяной муки, затем ее крепко сжимали в ладонях и погружали в холодную воду, а полученный шар выпекали в очаге прямо в горячей золе[18]. Почти всюду ели также в середине дня обязательно мясное блюдо; по народным поверьям, это влияло на лучший приплод скота. Такие мясные кушанья чаще приготовляли накануне, в так называемый мясной понедельник (Meat monday)[19].

Центральным же и, по-видимому, в прошлом ритуальным блюдом дня были блины. Раньше их пекли из овсяной муки с добавлением яиц, молока, мясного бульона, теперь же на их приготовление идет пшеничная мука, яйца и сахар.

Выпечка блинов считалась важным актом во многих сельских местностях Шотландии, в котором старались принять участие все члены семьи: один смазывал маслом сковороду, другой лил на нее тесто, третий переворачивал блин, и т. д.

Последний испеченный блин предназначался для гадания; его часто называли «сонный блин» (Dreaming bannocks), потому что, положив кусок такого блина под подушку, можно было увидеть вещий сон; или же «немой блин» (Dumb-cake), так как тот, кто его выпекал, должен был сохранять во время всего процесса выпечки молчание и не смеяться (все члены компании пытались всячески спровоцировать его на разговор и на смех), иначе блин мог потерять свою магическую силу. Если удавалось рассмешить выпекающего, блин начинал печь другой. Последний блин был больше по размеру, чем обычные блины, в нем запекали различные символические предметы. Готовый блин разрезали на куски и распределяли между присутствующими; по символу, найденному в каждом куске, судили о занятии будущего мужа (жены). Пуговица — останется холостяком, наперсток — старой девой, солома — муж будет фермером, обрывок нитки — портным, и т. п. Самым счастливым предзнаменованием считалось кольцо[20].

Очень распространены были среди всех народов Британских островов в первый вторник поста различного вида состязания, борьба. Часто такие состязания были связаны с выпечкой блинов.

Так, например, в местечке Олнее (Букингемшир) очень популярны и собирают много зрителей ежегодные соревнования в беге женщин с блинами. По историческим данным, начало этого обычая датируется 1450 г. Состязания начинались по звону блинного колокола в 11 час. 55 мин. утра. Каждая женщина бежала с горячей сковородкой и блином на ней. Выработаны были и особые правила таких состязаний: 1) участницы их должны быть не моложе 18 лет; 2) каждая женщина должна надеть фартук, а голову покрыть косынкой; 3) во время бега необходимо было подбросить и поймать блин на сковороде не менее трех раз — на старте, во время бега и у финиша. Первая из женщин, которая передавала свой блин стоящему у церковной двери звонарю и получала от него традиционный поцелуй, считалась чемпионкой блинных гонок на данный год[21].

В Вестминстерской школе в Лондоне издавна существовал обычай «бросания блинов». В полдень исповедального вторника школьный повар в торжественной процессии направлялся в большой холл, неся в руках сковороду с большим, только что испеченным блином. Этот блин он бросал со сковороды в толпу собравшихся в холле учеников, которые начинали борьбу за то, чтобы отломить от него кусок. Мальчик, которому удавалось заполучить самый большой кусок блина, считался победителем и получал награду (обычно деньги)[22].

Помимо таких соревнований, непосредствено связанных с блинами, к этому дню в Великобритании приурочено и много других спортивных игр и развлечений, главной общей чертой которых являлось обязательное присутствие в той или другой мере элементов борьбы, драки. Сходные обычаи можно встретить во время масленицы и у других, различных по своему происхождению народов; вспомним хотя бы русские кулачные бои или взятие снежного городка в Сибири и пр. Может быть, в давнее время такие игры носили ритуальный характер, как воспроизведение происходившей весной борьбы зимы и лета, но с течением времени стали иметь чисто развлекательный смысл. У народов Британских островов можно было встретить несколько видов таких игр. Иногда это была просто вольная борьба или кулачная потасовка. В Бристоле, к примеру, в исповедальный вторник по улицам шли процессии различных профессий — кузнецов, плотников, бондарей и моряков. Когда две процессии встречались на каком-нибудь перекрестке,

Соревнование в беге женщин с блинами



между ними начиналась вольная борьба, кулачные поединки [23].

Распространен был также обычай перетягивания каната. В Шропшире это состязание происходило так. Веревку длиной свыше 3 м и 5—7 см в диаметре подвешивали под окном верхних этажей мэрии; рано утром во вторник первой недели поста мэр и его помощники отпускали ее, и она падала вниз, на собравшуюся на площади толпу. Сотни рук подхватывали брошенный канат, и прихожане двух приходов начинали тянуть его в разные стороны [24].

Но самой распространенной и популярной игрой в этот день повсюду на Британских островах был футбол. Обычай играть в футбол, правда, с течением времени присоединился в некоторых областях и к другим праздникам — к рождеству, сретению, пасхе, но все же, по всем данным, он был издавна приурочен прежде всего к масленичному периоду. Можно предположить, что первоначально футбол был не простым развлечением, а каким-то важным ритуалом. Об этом свидетельствует серьезное отношение к нему во времена средневековья как к обряду, а не как к развлечению. «В средние века, — свидетельствует запись одного летописца XVI в. из пограничной области между Шотландией и Англией, — считалось религиозным долгом каждого играть в футбол в определенные праздничные дни, и духовенство принимало участие в игре, иногда даже внутри священных зданий» [25].

В Шотландии вплоть до конца XVIII в. существовало особое предписание, по которому каждый мужчина в приходе обязан был играть в футбол за свою сторону, иначе его штрафовали [26].

Команды для игры в футбол составлялись разные: одна часть селения против другой, жители двух селений или двух приходов, женатые мужчины против холостяков, представители двух профессий, и т. п. В некоторых местностях мяч украшали яркими лентами. В Шотландии последовательно употребляли три мяча: позолоченный, серебряный и пестрый [27].

В Беркшире перед игрой команды строем проходили по городу под музыку барабана и скрипок, у каждого дома останавливались и танцевали с живущими там женщинами, получая за это что-либо из съестного или деньги для проведения после матча праздника [28].

Игра проходила на всех улицах, на базарной площади, во дворе церкви и не подчинялась никаким правилам. По существу это была свободная борьба за мяч, которая продолжалась иногда целый день, так как ворота подчас находились на расстоянии 3—5 км друг от друга и достигать их приходилось, преодолевая различные препятствия: дома, заборы, ручьи, канавы и пр. Выигравшей считалась та команда, которой первой удавалось забросить мяч в ворота противника [29].

В некоторых селениях Шотландии в традиционной игре участвовали и женские команды. Так, в местечке Массельбург ежегодно совершался матч между замужними и незамужними женщинами [30].

В Уэльсе из масленичных развлечений наиболее популярными были петушиные бои довольно жестокие по своей сущности игры, называемые «битьем курицы» и «петух в горшке». Смысл их состоял в том, чтобы с завязанными глазами ударить палкой по голове курицу, закопанную по самую голову в землю, или разбить палкой глиняный горшок, под которым находился живой петух [31].

В вечер вторника во многих местах еще и в наше время практикуют разные шутки над прохожими, обитателями домов. Женщины, например, прикасаются покрытыми сажей руками к лицам всех встречных; мальчики бьют палками в двери, разбивают вдребезги глиняные

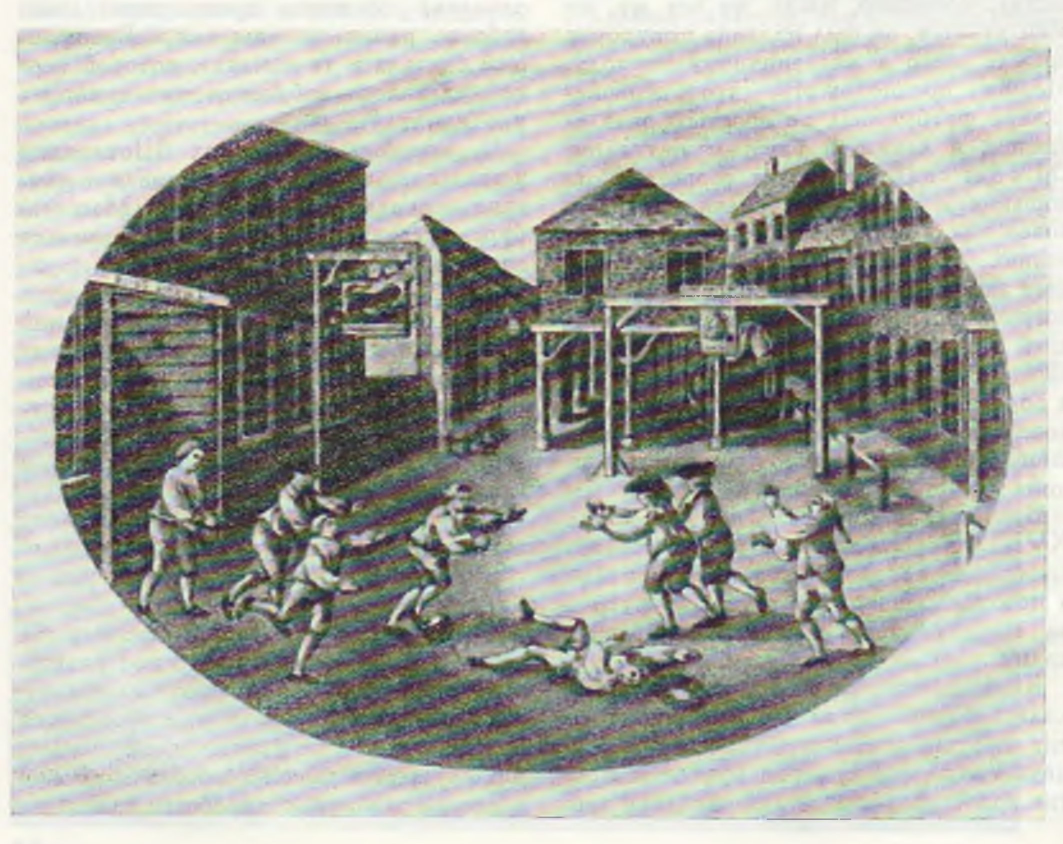
горшки или обливают прохожих водой и пр. Возможно, в прошлом эти шутки были какими-то обрядовыми действиями, имеющими очистительное или защитное значение, теперь это уже позабыто. Хозяин дома, возле которого дети разбивали глиняную посуду, выносил им в благодарность блины [32].

Все праздничные игры и развлечения исповедального вторника прекращаются вечером, после звона церковного колокола, извещающего о начале великого поста.

Первый день поста в Великобритании называется «пепельной средой» (Ash Wednesday). До Реформации это был торжественный траурный день. Люди надевали черное платье и шли в церковь, где священник во время службы посыпал головы прихожан пеплом — в напоминание о том, что все люди должны принести покаяние за свои грехи [33].

В прошлом в Англии с «пепельной средой» был связан интересный обычай, хорошо известный и другим народам Европы. Соломенное чучело, одетое в лохмотья и называемое Джек-пост (Jack-o-Lent), проносили по всем улицам селения, а затем укрепляли на шесте в каком-нибудь людном месте, где каждый желающий мог бросать в него камни, палки, грязь в течение всего поста. В конце же поста, обычно в понедельник вербной недели, чучело выносили за пределы селения и там сжигали или топили [34]. Вероятно, это один

Футбол на улицах Барнета на масленицу (1760 г.)



из вариантов общеизвестного в Европе обычая «сожжения зимы» или «выноса смерти».

Во время поста не допускались никакие развлечения, игры, вечера, но все же отмечалось несколько праздничных дней.

Так, воскресенье четвертой недели поста носит название «материнского воскресенья» (Mothering Sunday), потому что по издревле существующему обычаю в этот день дети, живущие вне дома, посещали своих матерей и привозили им подарки. Подарок чаще всего состоял из букета цветов и особого вида торта, называемого Simnel. Обычно всем семейством присутствовали на службе в церкви, а по возвращении домой садились за праздничный обед. Даже у католиков в это воскресенье пост прерывался, и главное блюдо обеда готовилось из телятины или баранины. Кроме уже упомянутого торта, сделанного из пшеничной муки с коринкой, цукатами и специями, приготовляли также в этот день традиционное блюдо — *фроменти* (Frumenty) — зерна пшеницы, сваренные в сладком молоке со специями. Во время обеда мать называли «королевой пира» и делали все возможное, чтобы услужить и развлечь ее [35].

Вербное воскресенье (Palmsunday) сохранило свой церковный характер почти до настоящего времени, хотя после Реформации многие пышные обряды его, в частности красочная процессия, изображавшая въезд Христа в Иерусалим, были упразднены. Но даже и у протестантов сохраняется еще и в наше время обычай идти в этот день в церковь с ветками вербы в руках; вербой же украшаются и церковь и дома.

С днем страстной пятницы (Good Friday) было связано много различных поверий и примет. В этот день запрещались всякие виды мужских и женских работ. Верили, что стирка белья может принести несчастье всей семье. По народным верованиям англичан, если вывесить сушить в этот день белье, то оно покроется кровяными пятнами [36]. В Уэльсе в прошлом люди шли в церковь босиком, чтобы «не поранить землю» [37].

Повсеместным обычаем страстной пятницы по всей Великобритании было приготовление особых круглых булочек из сдобного пресного теста с крестом на корке (Hot-cross buns). Их едят горячими во время завтрака. В настоящее время такие булочки уже не выпекают дома, а покупают в булочных. В прошлом, кроме булочек, пекли также специальный каравай хлеба, который сохранялся в течение всего года как средство против различных болезней. Магическую силу, по поверьям, имели также и булочки: они предохраняли дом от огня, от нечистой силы. В Уэльсе, Шотландии такие булочки обычно подвешивали к потолку кухни как предохраняющее от всякого зла средство [38].

Почти ежегодно частично или полностью великий пост захватывает месяц март, так что отмечаемый в этот месяц большой церковный праздник — день св. Марии (Our Lady day), 25 марта, приходится почти всегда на время поста. Изредка случалось, что первый день пасхи приходился как раз на 25 марта, и такое совпадение считалось у англичан плохим предзнаменованием. «Если день господа совпадает с днем св. Марии, Англию ожидает большое несчастье», — говорится в одной народной примете («If Our Lord falls in Our Lady's lap England will meet with a great mishap») [39].

В средние века праздник этот считался одним из наиболее важных праздников церковного календаря. Он отмечался религиозными процессиями, но наряду с ними часто устраивались шествия ряженых [40].

Как и в других странах Западной Европы, в Англии своеобразными обычаями отмечается день 1 апреля, называемый «днем всех дураков» (All fool's day). С полуночи до 12 час. дня 1 ап-

реля каждый мог подшутить над своими друзьями, знакомыми, обмануть их. Того, кто попадался на первоапрельскую шутку, встречали веселым смехом и криками: «Апрельский дурак!». Раньше иногда обманы были очень изощренными, в сети иных шутников попадались десятки, сотни людей. Так, например, один из самых больших обманов 1 апреля, о котором долго потом вспоминали все газеты и журналы, произошел в Лондоне в 1860 г., когда несколько сотен людей получили отпечатанные в типографии приглашения прибыть «...на ежегодную торжественную церемонию умывания белых львов, которая состоится в Тауэре в 11 часов утра 1 апреля». В назначенный час большие толпы людей осаждали ворота Тауэра, и лишь спустя некоторое время, они поняли, что их всех сделали «апрельскими дураками» [41].

Небольшие шутки, обманы разыгрываются еще в этот день и в наше время. Сейчас они практикуются главным образом детьми и молодыми людьми.

«День обманов» издавна существовал не только в европейских, но и в азиатских странах — в Индии, Китае, Японии. Возможно, что в Европе обычаи такого рода были заимствованы с Востока, но трудно дать какое-то истолкование этим обычаям.

В одном первоапрельском стихотворении, опубликованном в 1760 г. в альманахе «Бедный Робин» («Poor Robin's Almanac), сказано:

The first of April, some do say
Is set apart for all Fool's Day,
But why the people call it so —
— Nor I nor they themselves do know.

(Первое апреля, как некоторые говорят, установлен как «день всех дураков», но почему люди так называют его, ни я, ни они сами не знают) [42].

Часто на период поста приходится день памяти одного из наиболее популярных святых христианской церкви — св. Георгия (23 апреля). В Восточной Европе к этому дню приурочено множество скотоводческих, пастушеских обрядов, и сам св. Георгий там считается покровителем домашнего скота.

Но в Англии, хотя почитание св. Георга было распространено с отдаленного времени, он не был связан со скотоводством, а более известен как воин. В средние века св. Георг стал святым патроном Англии, а его крест — символом Англии и англиканской церкви. В отдаленные времена знамена с изображением св. Георга носили в битвах перед королем Англии, его имя было боевым кличем для английских воинов [43]. Его день, 23 апреля, был объявлен общественным праздником Оксфордским советом в 1222 г.[44] и с этого года вплоть до XIX в. 23 апреля всюду развевались флаги св. Георгия, устраивались процессии в его честь, участники которых носили изображения святого. В шествиях принимали участие власти города и солдаты. Часто на площадях, улицах городов и селений разыгрывались в этот же день представления о св. Георге и прекрасной принцессе, которую он освободил от дракона [45].

Местами такие представления даются еще и в наши дни, но от торжественных процессий в честь святого не сохранилось никаких следов. Только в соборе св. Павла в Лондоне устраивается еще 23 апреля торжественная служба для рыцарей ордена св. Михаила и св. Георга, представляющая собой красочное зрелище: все рыцари приходят в церковь в длинных ярко-синих мантиях на алой подкладке, а на их черных широкополых шляпах развеваются белые перья [46].

Большинство разнообразных обычаев и обрядов, связанных с весенним обновлением природы, со встречей весны, на Британских островах вобрали в себя два самых больших весенних праздника: пасха и 1 мая.

Английское название пасхи — Easter — большинство исследователей производит от имени богини утренней зари и весны Eostre, почитаемой англосаксами[47]. По сообщению английского летописца Беды, в честь этой богини весь апрель назывался когда-то Eostermonath[48].

В Шотландии и Ирландии пасха называлась обычно Pasch, или Pesse, возможно, от названия пасхальной литургии Pasche[49].

Как и в другие большие праздники, перед пасхой имеют место различные по форме обряды поздравления с праздником и сбора за эти поздравления подарков.

Из обрядов подобного рода наиболее распространен так называемый Pace-egging (вероятнее всего, искаженное слово от Pasch Egg — пасхальное яйцо). В канун пасхи компании из мальчиков или молодых мужчин ходили от дома к дому, исполняя простые драматические сценки. За это их награждали яйцами, деньгами. Этот обычай был особенно распространен раньше в Ланкашире, Камберленде, Йоркшире и Чешире.

В Чешире обычай сохраняется еще и в наше время. Главный сюжет исполняемых мальчиками драматических игр здесь — борьба св. Георга с Черным принцем, Дерзким Гектором и другими персонажами. Мальчики-актеры носили яркого цвета туники, украшенные розетками, лентами, широкополые шляпы, у пояса — деревянные мечи. Непременный реквизит группы — большая кукла. В заключение представления они обычно поздравляли всех обитателей дома с наступающим праздником и желали им всяческого благополучия[50].

В Уэльсе дети выходили собирать праздничные яйца к пасхе в последний понедельник поста. Они были вооружены деревянными трещотками, производящими сильный шум[51]. По-видимому, старая цель этого обычая — изгнание всякого зла, недоброжелательных для человека сил из селения.

К пасхе готовились долго и старательно: обычно производили тщательную уборку всего дома, а также убирали церковь в приходе, украшали ее зелеными ветками и цветами.

Повсеместно распространен обычай обязательно надевать на пасху новое платье или, если это невозможно, хотя бы какую-нибудь новую часть одежды; чаще всего перчатки[52].

Приготовляли к пасхе и особые традиционные кушанья. В прошлом у англичан на пасху надо было обязательно подавать на стол яйца и зелень или вообще что-либо из растительной пищи; возможно, поэтому позднее одним из главных пасхальных блюд стал рябиновый торт или рябиновый пудинг, в некоторых местах — шпинатный торт. Были на пасхальном столе и молочные блюда — особенно часто густой варенец, сыр и сырный торт. Из мясных блюд приготовляли обязательно запеченный окорок, жареную телятину[53]. Но, конечно, непременным атрибутом пасхи, как и у всех других европейских народов, были яйца. По обычаю уэльсцев, например, яйца должны были входить в состав каждого блюда, приготовляемого для пасхального обеда[54].

Яйцо издавна играло большую роль в весенних обрядах у многих древних народов — древних египтян, римлян, персов, греков, галлов. В языческий период его считали символом весны, источником жизни. Такое его значение в учении христианской церкви приняло форму символа таинства воскресения. В средние века оно поэтому употреблялось в церковных церемониях; его освящали и считали святым подарком[55]. Отчеты по ведению дворцового хозяйства английского короля Эдуарда I за 1290 г. включали статью о 450 яйцах, которые были окрашены и розданы на пасху в церкви[56]. Но после Реформации яйца перестали употреблять в цер-

ковной службе, они стали предметом подарка и пасхальных игр.

Яйцо обычно к пасхе варили вкрутую и ярко раскрашивали или разрисовывали. Основные цвета — красный, зеленый и желтый, наиболее распространенные краски весны.

И в наши дни еще в сельских местностях сохраняется обычай дарить друг другу яйца на пасху [57]. В пасхальное воскресение корзиночки с крашеными яйцами украшают буфет и стол каждого сельского жителя. Часто крашеные яйца выставляют также в витринах магазинов. Однако все больше входит в моду замена обычных яиц шоколадными или же сделанными из яркораскрашенного картона или дерева со вложенными в них сладостями или небольшими подарками. Такие яйца дарят теперь обычно детям на пасху [58].

Как и в других европейских странах, в прошлом в Великобритании было распространено много разнообразных игр с пасхальными яйцами. Часто, например, родители прятали яйца на грядках, клумбах, в кустах, в саду или где-нибудь дома, а дети искали их, соревнуясь, кто больше соберет [59]. Популярной пасхальной игрой было также катание яиц по склону холма. Иногда жители селения собирались на лужайке и катали крашеные яйца по траве до тех пор, пока они не разбивались. После этого их съедали [60]. В наши дни такими играми занимаются преимущественно дети, хотя нередко и взрослые охотно принимают в них участие.

Интересно, что в Уэльсе не практиковалось никаких игр с яйцами, но один обычай несколько напоминает такие игры. С давних времен все замужние женщины Уэльса, не имевшие детей, должны были в понедельник пасхи приносить к церкви две дюжины теннисных мячей, половина из которых была покрыта белой, а половина черной кожей. Женщины старались перекинуть их через церковь, по другую сторону которой стояла толпа, боровшаяся за каждый мяч. От исполнения этого традиционного ритуала вплоть до XVIII в. не избавляли женщину ни ее возраст, ни положение в обществе, и только лишь после рождения ребенка она освобождалась от выполнения этого обряда [61]. Возможно, что в данном обряде теннисные мячи заменили яйца, которые всюду употреблялись в обрядах, стремившихся обеспечить плодородие.

Раньше существенный круг обрядовых действий на пасху составляли обряды, связанные с огнем. Такие обряды проникли даже в церковные ритуалы. Так, утром в страстную субботу гасили все освещение и отопление в церкви, выгребали золу и разводили новый огонь. От этого огня прихожане зажигали свечи и куски дерева, чтобы разжечь новый огонь в своем домашнем очаге. Огарки таких свечей и головешки дерева сохраняли, так как, по поверьям, они служили защитой от всяких стихийных бедствий [62]. Такой обычай был свойствен не только католической, но и англиканской церкви. В период средневековья в день пасхи во многих местах Великобритании зажигали огромные костры, на которых торжественно сжигали куклу, изображавшую зиму. Такое же смысловое значение — изгнание зимы — имели и некоторые другие формы обрядов, уже не связанные с огнем. Так, в центральных графствах Англии в пасхальный понедельник по улицам селений проезжал верхом на осле человек, одетый в лохмотья, а собравшийся народ забрасывал его со всех сторон комками грязи, испорченными яйцами. Обычно за выступление в этой довольно неприятной роли исполнителю платили какую-то сумму денег [63].

В небольшом городке Аштон-андер-Лейн в этот день на лошадь сажали сделанную из соломы фигуру человека в черном наряде (его называли Черный рыцарь) и проводили его по всему городу, а когда вывозили за пределы го-

рода, то в чучело стреляли из винтовок, бросали в него камни, грязь под одобрительные крики толпы[64]. Позднее процессии Черного рыцаря, представлявшей, по-видимому, вариант обычая изгнания зимы, было дано другое, более реальное толкование: процессия якобы совершается в память о злодеяниях и жестокости жившего здесь в XVI в. лорда Ральфа, который раз в год совершал объезды земель своих арендаторов, наблюдая, хорошо ли они обрабатывают его землю, и жестоко наказывая их за нерадивость[65].

Наконец, следует упомянуть еще один оригинальный обычай пасхального периода, распространенный по всей Великобритании, так называемый Lifting (поднимание). В пасхальный понедельник группы мужчин обходили дома и, схватив какую-нибудь не успевшую от них укрыться женщину, сажали ее на стул или на свои скрещенные руки и энергично поднимали и опускали до тех пор, пока она не соглашалась всех их поцеловать или заплатить выкуп за свое освобождение. А на другой день женщины проделывали тоже самое с мужчинами[66]. Видимо, по своему смыслу обряд этот близок к широко бытовавшему во многих странах ритуальному качанию на качелях как магическому заклинанию роста хлебных злаков.

Кульминационным пунктом всех многочисленных и разнообразных обрядов весеннего календарного цикла у народов Британских островов было 1 мая. Этот древний праздник полного расцвета обновленной весенней природы вобрал в себя много различных ритуалов, обычаев, связанных как с хозяйственной деятельностью сельских жителей, так и с эстетическим восприятием народом наступления весны.

Интересно, что 1 мая, один из основных праздников весеннего народного календаря, совсем не связан с религией, церковью. Его дохристианская основа осталась почти без всяких изменений, и хотя по церковному календарю 1 мая отмечается день памяти двух святых — Филиппа и Якова, они не имеют никакой связи с приуроченными к этому дню обрядами и церемониями.

Различия между двумя комплексами обрядов — кельтским и английским — особенно отчетливо проявлялись в праздновании 1 мая. Они обусловлены не только разными этническими традициями, но и в известной степени различием в основном направлении сельского хозяйства. У кельтских народов Британских островов день 1 мая был связан прежде всего со скотоводством, занимавшим существенное место в хозяйстве гэлов Хайланда, валлийцев и ирландцев.

Отмечаемый 1 мая праздник Белтана и был одним из двух самых важных праздников кельтского календарного года, который делился на два равных периода, открывавшихся большими праздниками — *самхейном* 1 ноября[67] и Белтаном — 1 мая. Эти даты были связаны с важнейшими вехами скотоводческого календаря — выгоном скота на летние пастбища в первые числа мая и возвращение его в стойла на зимний период — к 1 ноября.

С древности обряды, приуроченные к этим двум праздничным дням, имели большое сходство между собой, так как по существу смысловое значение их совпадало: обрядовыми действиями люди стремились обеспечить благополучие своей семьи, всей общины, сохранить основу их благосостояния — скот и посевы. Как и на самхейн, центральным ритуалом праздника Белтана было разжигание больших костров на вершинах гор или расположенных вблизи селения высоких холмов.

По своему происхождению этот обряд, судя по отдельным сохранившимся фрагментам и по описанию его в исторических источниках, связан с культом солнца, составлявшим важную часть языческих верований древних кельтов. Вот как описывался этот ритуал в сред-

невековых источниках: в течение нескольких дней перед 1 мая жители общины собирали топливо для костров Белтана. Только определенные породы деревьев можно было класть в такой, считавшийся священным огонь. На вершине горы приготовляли место и топливо для двух костров, между которыми оставляли узкий проход, а вокруг обоих костров вырывался круглый ров, достаточно просторный, чтобы вместить всех собравшихся.

В канун дня Белтана во всех домах селения гасили все огни. Задолго до рассвета жители выходили из домов и начинали подниматься вверх, по склону горы, гоня перед собой весь свой домашний скот. Процессию возглавляли друиды, облаченные в белые плащи. Достигнув подготовленного для костра места, все становились в ров вокруг костра и молча ждали рассвета. Когда восток начинал алеть, особо уважаемые в селении люди добывали огонь для костра (путем трения друг о друга двух кусков сухого дерева). Костер зажигался с появлением первых лучей солнца. Пели торжественный гимн солнцу, после чего собравшиеся трижды обходили по рву костер, три раза также прогоняли через огонь скот (по узкому проходу между кострами), с зажженными факелами в руках обходили животных, вокруг своих земельных участков и домов. Этими же факелами зажигали и новый огонь в очаге [68].

Цель церемоний с огнем была двоякая: более древняя — умилостивление и почитание сил природы, и прежде всего бога солнца, направленное на то, чтобы сохранить невредимыми стада, получить хороший приплод скота, урожай на полях. На Шетландских островах белтанские костры горели обычно три дня, и в эти дни ранним утром каждый житель селения должен был приветствовать солнце, сказав ему: «Доброе утро!» («Gude morneen!») [69].

Но огню костра придавалось и очистительное значение: уничтожение всех пагубных влияний и защита общины от всех бедствий, которые могут угрожать людям в течение этого времени года, — гром и молния, град, болезни, злые чары волшебников и колдунов.

В древности, по-видимому, возле белтанских костров совершались и человеческие жертвоприношения. Хотя прямых свидетельств о человеческих жертвах не сохранилось, следы таких обрядов можно было видеть в распространенных еще не так давно среди молодежи Хайланда играх вокруг первомайских костров. Так, в одном селении графства Перт парни выпекали в костре большую овсяную лепешку и разделяли ее на куски по числу присутствующих. Один кусок чернили углем. Каждый затем вынимал из шапки по куску. Считали, что тот, кому доставался черный кусок, «посвящен», и он обязан был три раза перепрыгнуть через костер [70].

В другом селении того же графства тот, кто вынимал отмеченный кусок, на весь год получал обидную кличку Cailleach bealtine — Beltan (труднопереводимое слово, примерно соответствующее русскому слову «мужик», «деревенщина» в пренебрежительном смысле). Как только черный кусок был вынут, парни сейчас же набрасывались на своего несчастливого товарища и делали вид, что бросают его в костер. Или же (в других местах) его клали на землю и якобы разрезали на четыре части, а затем закидывали его яичной скорлупой [71].

Позднее, в период средневековья, человеческие жертвы были заменены животными. И еще совсем недавно (в конце XIX в.) в качестве жертвы огню бросали в костер пирог или освященный в церкви хлеб [72].

Как ни странно, но в весенний праздник Белтана растительность, зеленые ветки играли меньшую роль, чем в праздниках зимнего цикла. Особое значение придавалось лишь в этот праздник веткам рябины, которые упо-

требляли в качестве оберега от всех нечистых, темных сил. Ветки рябины подвешивались поэтому над входом во двор, в дом, а в некоторых областях небольшие веточки рябины привязывались красной шерстяной ниткой к хвостам коров перед выгоном их на летние пастбища[73].

Значительное место в приуроченных к Белтану обычаях занимала вода. Магическая сила приписывалась в этот день росе: ею обрызгивали животных, девушки старались в этот день на рассвете умыться майской росой, чтобы быть здоровыми и красивыми[74].

Многие в этот день посещали «святые» источники. Особенно распространено было паломничество к так называемому источнику желания, расположенному в той долине, где в 1746 г. состоялась последняя битва между англичанами и шотландцами.

Каждый поломник бросал в источник мелкую монету, пил из него глоток воды, высказывал свое желание и после этого привязывал кусочек тряпки к ветке стоящего возле источника дерева. Верили, что именно в этот день высказанное у источника желание обязательно исполнится[75].

Уже в конце XIX и начале XX в. день Белтана стал преимущественно праздником пастухов. В Перте, например, еще в конце XIX в. пастухи обходили все дома селения, собирая продовольствие (яйца, муку, крупу, молоко) для совместного угощения возле белтанского костра. Вечером, собравшись вокруг зажженных костров, они выпекали из собранных продуктов специальные белтанские лепешки — пресные, плоские, круглой или треугольной формы, покрытые заварным кремом. Кусок такой лепешки каждый пастух бросал через плечо как жертву волкам, лисицам, орлам, стихийным силам. Лепешки эти употреблялись и для гадания: каждый пускал свою лепешку катиться вниз по холму. И если она разваливалась или падала отмеченной стороной (крест) наверх — это предвещало несчастье для ее владельца[76]. Белтанские лепешки выпекают и сейчас на фермах Хайланда, но не на кострах, и связанные с ними обычаи уже давно забыты.

Особым праздничным белтанским блюдом был вид драчены — из молока, яиц, овсяной муки, а также специальный овечий сыр. Кусок этого сыра, положенный на лепешку, должен был съесть обязательно каждый член семьи[77].

Во многих европейских странах первый выгон скота на летние пастбища был приурочен ко дню св. Георга, 23 апреля; гэлы же Хайланда и принадлежащих Шотландии островов связывали первый выгон скота с древним кельтским праздником — Белтаном. Еще в начале нашего века на Гебридских островах 1 мая все, кто жил в одном поселке и на ближайших к нему фермах, собирали весь свой скот вместе (такое смешанное стадо называлось Triall) и перегоняли его на горные пастбища. Впереди гнали овец, за ними — крупный рогатый скот, затем коз и замыкали стадо лошади. За стадом шли все жители поселка: мужчины несли лопаты, гвозди, веревки и другие вещи, необходимые для ремонта летних хижин, а женщины — постельные принадлежности, домашнюю утварь и пр. Прибыв на пастбища, сразу же принимались за работу: ремонтировали и оборудовали на лето хижины, приготовляли пищу. Затем каждый владелец отделял своих животных от общего стада и по счету передавал его главному пастуху. После этого начинался праздник: ели зажаренного на костре целиком ягненка, пили домашний эль, танцевали, пели песни[78].

Иной характер носит празднование 1 мая в большинстве областей Великобритании, включая и южную Шотландию. В течение XIX в. постепенно характерные для всей Англии первомайские обряды стали распространяться и

в Хайланде, вначале среди городского населения, а затем и в сельских местностях, тесно переплетаясь там с бытующими с древности друидскими ритуалами.

По своему характеру день 1 мая в Англии — это прежде всего праздник пышного весеннего расцвета всей растительности — праздник цветов. Как и повсюду в Европе, праздник 1 мая знаменовал собой начало лета. Ни один календарный праздник года не имел такой эмоциональной окраски, как 1 мая. Майский день — это прежде всего непосредственное выражение радостного настроения людей в начале лета, эстетическое восприятие красот весны. Однако и в этот день совершались магические обряды, направленные на повышение плодородия, роста хлебных злаков. Так, Д. Фрэзер объясняет большую роль зелени и цветов в этот праздник как заклинание весеннего расцвета природы. Украшение жилища и всего селения цветами, по его мнению, практиковалось для того, чтобы обеспечить и ускорить рост хлебных злаков [79].

И вплоть до настоящего времени зелень всегда оставалась характерной чертой майского праздника. Накануне праздника молодежь обычно отправлялась в лес «собирать май» (to go a maying) и возвращалась в город под музыку, с песнями, неся целые охапки зеленых веток и цветов. Самое раннее свидетельство о соблюдении этого обряда находится в одном из кентерберийских рассказов Чосера (XIV в.). Еще чаще встречаются упоминания об этом обряде в XVI—XVII вв. Пуританский

Ритуальный танец в майский день



писатель XVI в. Филипп Стейбс рассказывал, например, о нем так: «Ко времени мая жители каждого прихода или деревни собираются все вместе, мужчины, женщины, дети, старые и молодые, все без разбора; они идут всей гурьбой или отдельными кучками одни в леса и рощи, другие — в горы и холмы, одни — в одно место, другие — в другое, проводят всю ночь в развлечениях и утром возвращаются, неся с собой березки и ветки деревьев, чтобы украсить ими свои собрания... Я слышал, как мне передавали из достоверного источника и от людей серьезных, заслуживающих доверия и вполне установленной репутацией, что на 40 или 60 или 100 девушек, которые ночью ходят в лес, едва ли третья часть возвращается домой, не потеряв невинности»[80].

Дома, заборы и ворота всюду украшали гирляндами зелени, которые иногда имели форму простых крестов, иногда же — сложных венков и букетов или двойных обручей, украшенных цветами и лентами. Группа молодых людей разносили зеленые ветки по домам селения. Чаще всего это были ветки боярышника, или березы. В Чешире же выбирали те растения, названия которых рифмовались с внешним видом или характером каждого жителя дома. Красивый человек (fair) получал ветку грушевого дерева (pear); угрюмый, хмурый (glum) — ветку сливового дерева (plum), и т. д.[81] Такие шествия по своему характеру и смыслу очень напоминают обряд колядования в новогодний цикл праздников. Участники весенних поздравительных обходов пели старые майские песни, в которых поздравляли обитателей дома с приходом весны и желали всей семье всякого благополучия.

Вот, например, одна из таких песен:

All in this pleasant evening.
Together come are we
For the summer springs so fresh, green and gay.
We tell you of the blossom and bunds on every tree
Drawing to the merry month of May.
God bless this house and harbour
Your riches and your store
For the summer springs so fresh, green and gay.
We hope the Lord will prosper you
Both now and evermore
Drawing hear to the merry month of May.
And now we're going to leave you
In piece and plenty here.
For the summer springs so fresh, green and gay
We shall not sing you May again
Until another year
To draw you cold winter away.

(Мы пришли все вместе в этот приятный вечер, потому что летние ветки такие свежие, зеленые и цветущие. Мы расскажем вам о цветах и о почках на каждом дереве, распускающихся в веселый месяц май. Пусть бог благословит этот дом, убежище, все ваше богатство и ваши запасы, потому что летние ветки такие свежие, зеленые и цветущие. Мы надеемся, что бог всегда будет помогать вам — и теперь, и в будущем. А теперь мы оставляем вас в мире и достатке, потому что летние ветки такие свежие, зеленые и цветущие. Мы не будем вам больше петь о мае до следующего года, когда надо будет прогнать прочь холодную зиму)[82].

Разновидностью обрядов, связанных с зеленью, является установка майского дерева, или майского столба — символа расцвета природы и плодородия.

В прошлом дома сел и городов, улицы украшались к первомайскому празднику молодыми деревцами, привезенными из леса. Их ставили возле каждого дома, а одно — большее по размерам, воздвигалось в середине площади или главной улицы. Со временем майское дерево выбиралось все более и более высоким, ветки на нем отрубались, лишь вершина оставалась зеленой, а сам ствол раскрашивался яркими красками, украшался лентами, цветами, мишурой. В Корнуолле высокий вяз привозился в деревню и ставился в центре площади 30 апреля.

В некоторых частях Уэльса ставили березы. Наконец, поздней трансформацией майских деревьев стал майский столб, обычно очень высокий и довольно толстый ствол дерева[83]. Украшенный майский столб продолжал оставаться центром майского празднества вплоть до последнего времени.

Пуританские проповедники XVII в. гневно обрушивали свои суровые обличения на обычай, считая его проявлением идолопоклонства. Вот как пуританин Стейбс описывает этот обычай: «Берется 20 или 40 пар волов с букетами цветов на рогах, и эти волы тащат домой майское дерево (или скорее вонючий идол), все покрытое цветами и травами, сверху до конца обвязанное кругом веревками и иногда раскрашенное различными красками. Двести или триста мужчин, женщин и детей следуют за ним с большим благоговением»[84].

В 1644 г. под влиянием пуритан майские деревья были запрещены Долгим парламентом, хотя пуританские проповедники старались искоренить этот обычай еще раньше этого постановления. В 1634 г. одна антипуританская поэма оплакивала их исчезновение:

Happy the age and harmless were the days
For then true love and amity was found
When every village did a Maypole raise
Alas, poore May-poles! What should be the cause
That you were almost banish't from the earth?
Who never were rebellious to the lawes?

Участники карнавального праздника



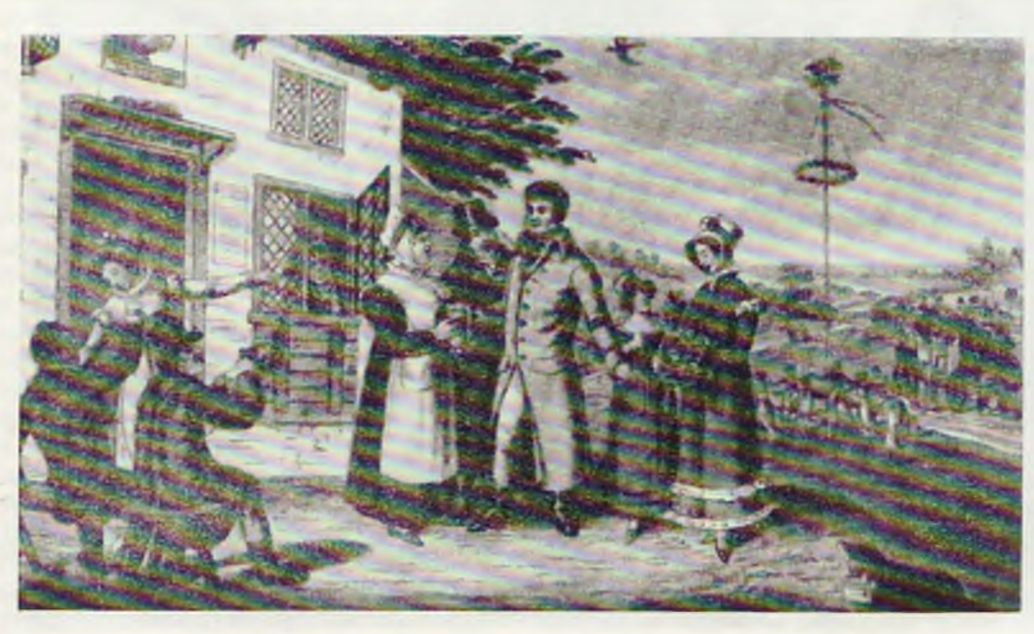
(Счастливо было то время и невинные были дни, потому что тогда были и настоящая любовь, и настоящая дружба, когда каждое село воздвигало майское дерево. Увы... бедные майские деревья! Из-за чего вы почти изгнаны с лица земли? Вы, которые никогда не восставали против законов!)[85].

Но уже в XVIII в. обычай был возрожден вновь, и майское дерево стало, как и прежде, главным центром праздника не только в сельской местности, но и в больших городах. Однако его уже не ввозили торжественно в село накануне 1 мая, а очень высокий майский столб обычно стоял на площади в течение многих лет и обновлялся лишь тогда, когда приходил в негодность. Одна лондонская церковь получила свое название от такого столба: «Св. Андрей под столбом» (St. Andrew under shaft), так как рядом с ней стоял майский столб, который был выше, чем церковный шпиль.

Кое-где майские столбы сохраняются и в наши дни. Так, в одной из деревень Йоркшира еще в 1958 г. стоял на площади 25-метровый майский столб. Это был четвертый столб за последние 100 лет[86].

В местечке Барвин-ин-Эльмет в центре Англии 24-метровый майский столб снимается каждые три года и вновь устанавливается под наблюдением трех человек, избранных деревенскими жителями[87]. В майские дни (начиная с 1 мая и обычно до троицы) вокруг этого столба вечерами играет и танцует местная молодежь.

Во многих сельских районах Англии и Шотландии главным событием праздника являлось избрание «королевы мая», роль которой исполняла обычно самая красивая девушка в селе, и торжественная «коронация» ее возле майского столба. Празднество сопровождалось пышными процессиями по улицам селения или города, участники которых — молодые девушки — несли гирлянды и букеты цветов. После «коронации» королева мая открывала танцы вокруг



Майский праздник в XIX в.

майского столба. Позднее церемонию избрания королевы стали совершать дети, и на эту роль выбиралась маленькая девочка своими сверстницами по школе и сопровождалась избранными же флейлинами [88].

Часто свита королевы мая состояла из ряженых. Так, в графстве Чешир королеву сопровождала свита в костюмах XVIII в., Робин Гуд со своими зелеными охотниками и другие легендарные лица. Иногда во время таких шествий устраивалась борьба между свитой майской королевы и встречающих их где-нибудь на перекрестке свитой короля зимы. Эта борьба явно имитировала победу весенних сил природы над мрачной зимой, приверженцы которой неизбежно бывали побеждены и выгонялись за пределы прихода [89]. На острове Мэн участники группы, выступавшей на стороне короля зимы, были одеты в солому и шкуры, а свита королевы мая — в зелень и листья [90].

В дни майских праздников во всех областях Британских островов устраивалось много других процессий самого разнообразного характера. Из них наиболее популярны и известны две: шествие с игрушечной лошадкой (Hobby-horse) и процессия Джека в зелени (Jack-in-the Green). Обе процессии по целям и смысловому значению сходны с зимними обрядами колядования.

Лошадку представлял человек, скрытый под натянутой на два обруча шкурой, воспроизводящий контур лошади с гротескной лошадиной головой, укрепленной на палке спереди и с коровьим хвостом, пришитым на шкуре, сзади. Эту лошадку обычно сопровождало не-

Участники процессии Джека в зелени



сколько человек с зачерненными сажей лицами и один парень, переодетый в женское платье. Такая группа начинала обход домов в селении в полночь 30 апреля. Они останавливались перед каждым домом, танцевали и пели традиционную песню, в которой перечисляли имена всех обитателей дома и высказывали каждому свои пожелания, а в заключение просили денег и продовольствия [91].

Центральной фигурой второго шествия был Джек в зелени: на плечи одного из парней устанавливался каркас из планок, увитый цветами, побегами плюща и другой зеленью так, что лицо парня было совершенно не видно из-за громоздкого сооружения. Сопровождавшие его люди были одеты в фантастические наряды, украшенные яркими лоскутками, лентами. Они пели и танцевали перед каждым домом под звуки скрипок [92].

Очень оригинальными были старые ритуальные шествия — танцы, когда-то бытовавшие во многих местностях Англии. Большинство их символизировало, по-видимому, возрождение природы весной и особыми ритуалами стремилось приобщить каждый дом в общине к вновь возрождающейся жизни. Такие танцы исполняли обычно в первые дни мая.

В Хелстоне (Корнуолл) и в других городах и графствах в раннее утро одного из майских дней еще в XIX в. собирались нарядные пары возле ратуши и отсюда начинали двигаться в медленном спокойном танце по всем улицам города под звуки сопровождавшего их оркестра. Все двери домов были открыты для них, и танцоры входили в каждый дом через переднюю дверь и через заднюю дверь, сад или двор вновь выходили на улицу [93]. Этот танец продолжался часто весь день, до вечера. Когда какая-нибудь пара уставала, она на некоторое время прекращала свой танец, отдыхала, подкреплялась пищей и вновь присоединялась к процессии [94].

С XIV—XV вв. с празднованием 1 мая стали связывать народную драматическую игру — «Робин Гуд и его зеленые охотники» [95]. Такое приурочение, возможно, произошло потому, что по легендам и балладам зеленые охотники жили в густых лесах, носили зеленые платья, и это ассоциировалось в народном сознании с весенней зеленью, новым лиственным нарядом деревьев.

Почти все многочисленные обряды и церемонии, связанные с празднованием 1 мая, давно уже перестали исполняться, их смысл и значение постепенно забывались народом. Однако в последнее время многие старые обычаи (такие, например, как майское дерево, игры Робин Гуда) упорно стараются воскресить любители старины.

В настоящее время для большинства английских трудящихся день 1 мая получил иное значение: его повсеместно отмечают как День международной солидарности трудящихся всех стран. Даже в календарях туристических справочников записано, что 1 мая — это День труда, процессий к Гайд-парку. Его отмечают теперь обычно в первое воскресенье мая большими торжественными демонстрациями, с алыми знаменами, под звуки оркестров, направляющимися к Гайд-парку, где устраиваются первомайские митинги [96]. Но и сейчас еще можно видеть в проведении первомайских демонстраций многие яркие черты старого весеннего праздника: обилие цветов, зеленых веток, живописные, украшенные зеленью и цветами повозки, которые сопровождают демонстрации.

Шотландские рабочие отмечают одновременно День международного братства рабочих всех стран и традиционный праздник горняков 3 мая. В Эдинбург съезжается много горняков вместе со своими семьями. Устраивается красочная демонстрация, впереди которой идет оркестр волынщиков. Многие участники ее одеты в народные костюмы,

все держат в руках зеленые ветки или букетики цветов. После митинга начинается большой народный праздник с танцами, песнями, спортивными соревнованиями. Возможно, под влиянием старых весенних обычаев, на главной трибуне происходит веселая церемония выбора угольной королевы, самой красивой девушки из дочерей горняков и молодых работниц, и ее «коронование».

В обрядах, приуроченных к следующему за пасхой подвижному празднику вознесения (Ascension), прежде всего проявляется забота о сохранении посевов в наступающем периоде роста всходов. В эти дни раньше сельские жители устраивали крестные ходы вокруг своих полей, молебствия на нивах. Вероятно, подобные обычаи ведут свое начало от римского праздника в честь бога Terminus, бога полей и межевых знаков. Еще со времен средневековья в Англии возник на этой основе обычай «бить границы»: народ в эти дни устраивал процессии во главе со священником вокруг границ прихода, указывая младшим членам общины — мальчикам — различные приметы их: ручьи, камни, деревья. Для того чтобы прочнее закрепить эти пограничные знаки в памяти мальчиков, на наиболее важных местах детей ударяли палкой или кнутом. После окончания церемонии ребят в утешение одаривали деньгами, сладостями. С течением времени обряд изменился: участвующие в процессии дети стали брать в руки длинные прутья и каждый из них должен был ударять ими по межевым знакам [97]. Во время таких шествий молились также о хорошем урожае, благословляли поля, источники [98].

Большую роль в ритуалах, приуроченных к церковному празднику вознесения, играла вода. С незапамятных времен в Оксфордшире, например, сохранялась вера в целебные свойства дождевой воды, собранной в этот день [99]. К вознесению расположенные близ селения источники старались украсить. Часто над источниками устанавливали большие, художественно выполненные панно на библейские темы. Такие деревянные панно покрывали глиной, смоченной соленой водой, и различной зеленью — листьями, цветами, ягодами, корой, рисовали на ней картины (еловыми шишками, почками лиственницы, мхом изображали разные оттенки зелени, лепестками цветов выкладывали лица, волосы и платья людей, зернами риса, овсяной мукой и лишаем делали облака и тени и пр.) [100]. Сюжеты картин менялись каждый год. Днем к таким украшенным источникам направлялись процессии.

Наконец, большой народный праздник расцвета весны и начала лета был связан с одним из главных праздников церковного календаря — троицей (Whitsun day). На Британских островах по существу обряды, приуроченные к этому дню, во многом сходны с первомайскими ритуалами. Как и в дни мая, дома, улицы украшались ветками березы и других деревьев, гирляндами цветов, продолжались танцы, игры вокруг майского столба [101].

В некоторых местах еще в XIX в. сохранялись обычаи выбора «короля» и «королевы» троицы. Обычно молодые люди выбирали королеву, а девушки — короля. Король и королева, украшенные цветами, с венками-коронами на головах, возглавляли веселую праздничную процессию, проходившую по улицам селения к площади, где стояло майское дерево, и открывали танцы [102].

Праздник троицы по смыслу приуроченных к нему народных календарных обрядов занимает промежуточное положение между весенним и летним циклами, в нем сочетаются элементы и весенней, и летней обрядности, и им в сущности заканчивался весенний цикл народных календарных праздников на Британских островах.

[1] *McNeill F.* The silver bough. v. 2. Glasgou, 1959, p. 19.
[2] Ibid., p. 20
[3] Ibid., p. 21.
[4] *Hovard A.* Endless cavalcade. London, 1967, p. 28.
[5] *McNeill F.* Op. cit., p. 25—26.
[6] *Фрэзер Д.* Золотая ветвь, вып. I—IV. М., 1929, вып. III, с. 160.
[7] *Hovard A.* Op. cit., p. 29.
[8] *Wright A. British calendar customs.* London, 1936, p. 24; *Owen T.* Welsh folk customs. Cardiff, 1959, p. 67.
[9] *Hole Ch.* English customs. London, 1949, p. 32.
[10] Chaunder Ch. A year book of folklore. London, 1959, p. 33.
[11] *Bloom Y. H.* Folk-lore, old customs and superstitions in Shakespeare land. London. 1957, p. 113.
[12] *Hovard A.* Op. cit., p. 31.
[13] *Banks M.* British calendar customs. Scotland. London, 1937, p. 17.
[14] *McNeill F.* Op. cit., p. 36.
[15] *Hole Ch.* Op. cit., p. 34.
[16] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 43.
[17] *Hovard A.* Op. cit., p. 52.
[18] *McNeill F.* Op. cit., p. 43.
[19] *Wright A.* Op. cit., p. 26.
[20] *McNeill F.* Op. cit., p. 41.
[21] *Hovard A.* Op. cit., p. 52—53.
[22] *Wright A.* Op. cit., p. 27.
[23] Ibid., p. 30.
[24] Ibidem.
[25] Ibid., p. 106.
[26] *McNeill F.* Op. cit., p. 54.
[27] *Grant J.* Highland folk ways. Edinburgh, 1957, p. 351.
[28] *Hovard A.* Op. cit., p. 54.
[29] *Hole Ch.* Op. cit., p. 37.
[30] Ibidem.
[31] *Owen M.* Op. cit., p. 70.
[32] *Wright A.* Op. cit., p. 14.
[33] *Hole Ch.* Op. cit., p. 41.
[34] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 40.
[35] *Wright A.* Op. cit., p. 45.
[36] Ibid., p. 81.
[37] *Owen T.* Op. cit., p. 77.
[38] *Hovard A.* Op. cit., p. 85.
[39] *Hole Ch.* Op. cit., p. 44.
[40] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 56.
[41] Ibid., p. 61.
[42] *Hovard A.* Op. cit., p. 74.
[43] *Chamber E.* The English folk-plays. London, 1951, p. 72.
[44] *Hovard A.* Op. cit., p. 89.
[45] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 74.
[46] *Hovard A.* Op. cit., p. 89.
[47] *Wright A.* Op. cit., p. 89.
[48] *Hole Ch.* Op. cit., p. 48.
[49] *McNeill F.* Op. cit., p. 47.
[50] *Hovard A.* Op. cit., p. 87.
[51] *Owen T.* Op. cit., p. 86.
[52] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 67.
[53] *Wright A.* Op. cit., p. 92.
[54] *Owen T.* Op. cit., p. 86.
[55] *Wright A.* Op. cit., p. 90.
[56] *Hole Ch.* Op. cit., p. 48.
[57] *Hovard A.* Op. cit., p. 87.
[58] *Wright. A.* Op. cit., p. 90.
[59] *Hovard A.* Op. cit., p. 87.
[60] *Wright. A.* Op. cit., p. 91.
[61] *Owen T.* Op. cit., p. 85.
[62] *Wright A.* Op. cit., p. 87.
[63] *Hole Ch.* Op. cit., p. 51.
[64] Ibidem.
[65] Ibidem.
[66] Ibid., p. 53.
[67] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., «Наука», 1973, с. 80.
[68] *McNeill F.* Op. cit., p. 57; *Grant J.* Op. cit., p. 66.
[69] *Grant J.* Op. cit., p. 66.
[70] *McNeill F.* Op. cit., p. 49.
[71] Ibid., p. 50.
[72] Ibid., p. 51.
[73] *Grant J.* Op. cit., p. 67.
[74] *McNeill F.* Op. cit., p. 63.
[75] *Hovard A.* Op. cit., p. 101.
[76] *Grant J.* Op. cit., p. 66.
[77] Ibid., p. 67.
[78] *McNeill F.* Op. cit., p. 69—71.
[79] *Фрезер Д.* Указ соч., с. 171.
[80] *Аничков Е.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, т. I, с. 32.
[81] *Hole Ch.* Op. cit., p. 68.
[82] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 77.
[83] *Hole Ch.* Op. cit., p. 73.
[84] *Bloom Y. H.* Op. cit., p. 117.
[85] *Аничков Е.* Указ. соч., с. 133.
[86] *Hovard A.* Op. cit., p. 102.
[87] *Hole Ch.* Op. cit., p. 72.
[88] *Hovard A.* Op. cit., p. 72.
[89] *Hole Ch.* Op. cit., p. 51.
[90] *Chamber E.* Op. cit., p. 197.
[91] *Hole Ch.* Op. cit., p. 75.
[92] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 83.
[93] *Hovard A.* Op. cit., p. 83.
[94] *Chaunder Ch.* Op. cit., p. 86.
[95] *Hole Ch.* English folk-plays. London, 1964, p. 25.
[96] *Некрасов В.* Традиции и жизнь. — «Новое время», 1959, № 18, с. 12.
[97] *Hole Ch.* English folk-plays, p. 57.
[98] *Wright A.* Op. cit., p. 137.
[99] Ibid., p. 141.
[100] *Hole Ch.* English folk-plays, p. 61.
[101] *Wright A.* Op. cit., p. 174.
[102] *Hole Ch.* English folk-plays, p. 63.

СКАНДИНАВСКИЕ НАРОДЫ

* * * * * * * * * * * * *

М. Н. Морозова

Во всех скандинавских странах, как и во многих странах Европы, началом весны в народе считается день 2 февраля, в который отмечали по церковному календарю большой праздник сретения (на швед., норв., датск. языках kyndells messe). В прошлом, по-видимому, этот праздник каким-то образом был связан с почитанием огней: еще в XIX в., а в некоторых областях и сейчас зажженные свечи являются главной чертой праздника и играют большую роль даже в церковных ритуалах. На мессе в церкви благословляются свечи, которым потом приписывают магическую силу: они якобы могли защитить от всякого зла и болезней; такие свечи ставили у постели больного, у гроба покойника [1].

Но февраль в трех наиболее северных странах Европы — Швеции, Норвегии, Дании — еще очень далек от весны: лишь первые, трудно уловимые признаки можно проследить здесь с начала февраля, а погода весной очень изменчива, непостоянна, особенно здесь. Вот почему с большим вниманием наблюдали сельские жители Скандинавии приметы весенней погоды, сулившие или благоприятное или неблагоприятное начало сельскохозяйственного года. Во всех трех странах, протестантских по своему вероисповеданию, культ святых уже давно, со времен Реформации, был упразднен церковью, но в народе дни памяти святых как важные вехи народного календаря, по которым предугадывали погоду, судили о будущем урожае, сохранились вплоть до наших дней. И ко дню *кюндельсмессе*, и к последующим дням февраля, отмечаемых в церковных календарях, как дни памяти таких святых, было приурочено много народных примет.

Считали, что если 2 февраля будет сухой снег или небольшой снегопад, то можно ожидать хорошей погоды. Ясная же погода в этот день — признак неурожайного года. Дождь в кюндельсмессе тоже нежелателен [2].

В некоторых местностях Скандинавии верили, что погода 2 февраля влияет на погоду последующих семи недель. А в северных деревнях Скандинавии кюндельсмессе считают последним днем зимы [3]. В праздник кюндельсмессе во многих странах Скандинавии устраивались весенние ярмарки.

В этот день было принято съедать еду, оставшуюся от рождества (мясо, пряники, печенье, булки, колбасы). В некоторых областях пьют остатки рождественского пива, а кое-где накануне 2 февраля или после этого дня ходят к дереву, чаще всего к ели, и вершину ее обливают пивом.

Во многих деревнях приход весны связывали со следующим после кюндельсмессе днем — 3 февраля, который в народной этимологии назывался *блосмессе* (blåsmess, blaestmesse), по-видимому, от глагола дуть (å blåsa — швед., bla se — норв., дат.); отсюда и название праздника — ветреная месса — Blåsmess.

В прошлом 3 февраля церковь отмечала день св. Блазиуса, который, очевидно, перестал играть какую-то роль в приуроченных к этому дню обрядах после Реформации. С этим днем опять-таки связано много примет, предсказаний погоды.

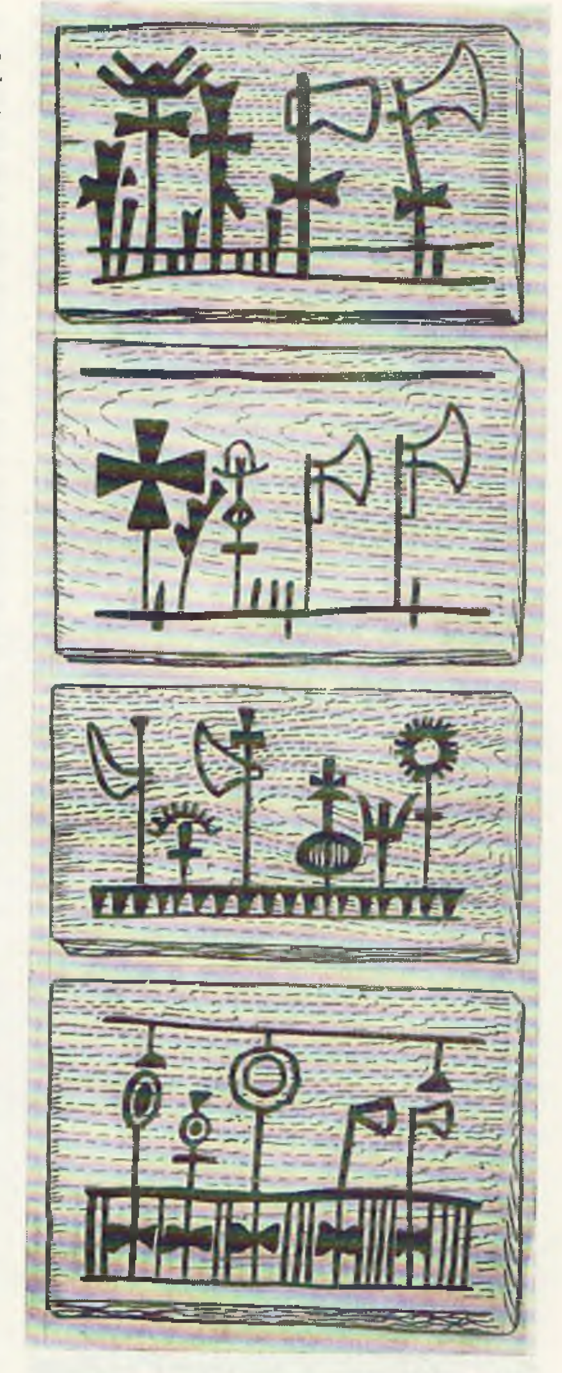
К 3 февраля во многих местах Скандинавии был приурочен интересный обряд подготовки полей к весеннему севу — очищение их от вредителей. Он совершался так: двое мужчин выходили на поле с большими палками и ставили их прочно в землю; затем они пятились назад, переставляя палку, и первый задавал второму вопрос: «Что ты делаешь?» — Второй отвечал: «Я создаю шум, я создаю шум», — «А для чего ты создаешь шум?» — «Я создаю шум для кротов и крыс». С этими словами они обходили вокруг все поле, в результате «все кроты и крысы должны были исчезнуть на целый год» [4].

Если 3 февраля дул сильный ветер, то жители побережий и рыбаки старались в этот день не произносить слова блосмессе (ветреная месса), иначе мог начаться сильный шторм. Если же ветер стихал, то сжигали метлы и веники, «чтобы отвратить шторм на весь год» [5].

С приходом блосмессе менялось направление ветра «на весну»; в народе верили, что ветер с этого дня «вдыхает жизнь во все существа, находящиеся в зимней спячке», и что оживает жизнь в природе.

В блосмессе запрещались некоторые работы, например, прядение, плетение сетей; девушкам нельзя было расчесывать волосы (в противном случае «скот будет хромать, а ветер раздует лен, когда его осенью будут расстилать на поле»).

Однако в некоторых деревнях Скандинавии первым весенним праздником считалось 22 февраля, по церковному календарю день св. Петра. В народе этот день называли образно «Петр с теплым камнем» («Per varmesten») или «Петр



Народные деревянные календари

с горячим камнем» («Per heitstein»), так как в преданиях говорилось, что в этот день св. Петр бросает горячие камни в воду, чтобы реки и озера стали теплыми. Если 22 февраля тепло и солнечно весь день, то это предвещало теплое лето и хорошие урожаи и сенокосы: «Если солнце в этот день ясное и капает с крыши, так что курица может напиться из лужи, то будет хороший год»[6].

Все перечисленные выше праздники не отличались почти никакими обрядами, они служили только памятными вехами народного календаря.

Настоящий же праздник начала весны, к которому приурочено много народных обрядов и который справляют пышно и весело во всех скандинавских странах, — это масленица (fastlag — швед., fastelavn — норв. и дат.)[7].

Масленица длилась у скандинавских народов, как, впрочем, и у соседних с ними англичан, голландцев, всего три дня: воскресенье и первые два дня великого поста — понедельник и вторник. О весеннем характере этого народного праздника говорит один характерный для всех народов Скандинавии обычай наряжать зеленые ветки березы и других деревьев, как символ пришедшей весны.

Еще задолго до масленицы, когда деревья стоят обледенелые и земля покрыта снегом, шведы, норвежцы, датчане срезали березовые ветки и украшали их яркими бумажными цветами, блестящей мишурой, разноцветными бумажными гирляндами, цыплячьими и петушиными перьями, окрашенными в оранжевый, красный, желтый, зеленый, пурпурный цвета. Иногда к вершине веток привязывали маленькую куколку в жесткой пышной юбке. К празднику уже на ветках появлялись зеленые почки. Необычной декорацией из зеленых веток, пестро окрашенных перьев и ярких цветков были украшены к масленице подоконники в деревенских домах[8].

В Швеции предприимчивые люди в деревнях за неделю до праздника изготовляли масленичные прутья (fastlagsris) для продажи. Их делали не только из березовых ветвей, но и из стальной проволоки, обернутой матерчатыми лентами, украшенными живыми или бумажными цветами. Эти необычные прутья (ris) покупали в подарок детям, для украшения полок и шкафов в домах. Обычные, неукрашенные прутья связывали накануне масленицы в субботу в метлы и веники.

Березовые ветки играли большую роль и в других приуроченных к масленице обычаях. Так, в масленичный понедельник был обычай во всех скандинавских странах хлестания друг друга березовыми ветками. Рано утром парни и девушки шли с прутьями к своим знакомым и слегка ударяли по кровати спящих, получая за это теплые булочки. В некоторых местностях Скандинавии, по старому обычаю, человек, проснувшийся первым в доме в масленичный понедельник, щелкал кнутом, чтобы все проснулись и встали с постелей. По всей вероятности, хлестание ветками было в прошлом обрядом весеннего очищения; очевидно, поэтому же хлестали березовыми ветками непослушных детей.

В настоящее время этот обряд сохраняется как шуточная игра.

Традиции масленичного карнавала уже давно исчезли в Скандинавии, возможно, под влиянием суровой протестантской религии. Еще в «Истории» Олауса Магнуса (XVI в.) упоминалось ряжение — звериные маски и проч. — в масленичные дни. Некоторые следы ряжения еще сохранялись и в XIX в., а местами существуют и в наши дни в маскарадных детских процессиях. Так, в Дании на масленицу как в городах, так и в деревнях дети наряжались в фантастические костюмы и маски, ходили по улицам селений, деревень, посещали соседей и распевали:

Булочек, булочек,
булочек пожевать,
если не дашь,
то отхлопаю [9].

При этом размахивали коробками или корзинками для булочек и для монеток.

В школах на масленицу устраиваются и теперь театральные представления, пляски, танцы. Школьники обмениваются знаками дружбы, передают своим друзьям через знакомых шуточные письма без указания обратного адреса. Если мальчик получит такое письмо от девочки и отгадает ее имя, то на пасху она подарит ему шоколад.

В Швеции, Дании в масленичный понедельник устраивались различные праздничные игры. Довольно распространенным было состязание в беге между парнями и девушками. Другая игра состояла в том, что подвешивали булочку на веревке и раскачивали ее. Кто сумел при этом откусить от нее кусок, тот получал в награду целую булочку.

В Дании и южной Швеции в прошлом была популярна старинная игра «в кошку» [10]. В старое время живую кошку сажали в бочку, подвешенную на веревке, на перекладине между двумя столбами (позже вместо кошки в бочку стали помещать кошачью шкуру или флягу с вином). Снаружи бочку украшали бумажными цветами и изображениями кошек. Молодые парни должны были верхом на лошади проскакать через ворота и при этом сильно ударить палкой по бочке. Кто выгонял кошку из бочки или разбивал бочку, тот выбирал королеву бала, который начинался после игр.

На характер игр имели влияние как климатические условия, так и занятия жителей. Например, в Норланде (сев. Швеция) было очень распространено катание на санях, состязания на лыжах.

В некоторых датских портах на масленицу устраивались процессии, связанные, по-видимому, с мореходством и рыболовством. На телегу ставили большую лодку, в которой располагалась полная команда — 12 моряков, и возили ее по улицам портового города. Рядом с кучером сидел горнист, а за телегой шли члены гильдии моряков. Время от времени процессия останавливалась, и участники ее устраивали различные игры и танцы.

Характерной чертой празднования масленицы у всех народов Скандинавии были обильные пиршества и изготовление особых масленичных мучных изделий — булочек, кренделей, лепешек и пр.

По обычаю, в понедельник масленицы хозяйки поднимались очень рано и делали первую выпечку булочек. Их вынимали из печки, надрезали посредине, намазывали маслом (Норвегия) или медом (Дания) и подавали в постель членам своей семьи. В некоторых областях Скандинавии такие булки начинают есть в воскресенье.

В Швеции в настоящее время в крупных городах производится специальная выпечка традиционных булочек на продажу. Крестообразной формы шафранового цвета булочки (fetisdagbullur) начиняют пастой из измельченного изюма, конфет, сахара и крема. Они обычно подаются на стол в глубоких тарелках, облитые горячим молоком.

И в наши дни по старой традиции в понедельник шведские дети поднимаются на рассвете, вооружаются украшенными березовыми ветками, входят в комнаты родителей, бабушек и дедушек, будят их, хлопая ветками по постели. При этом кричат: «Булочек, булочек!» Взрослые достают традиционные булочки, иногда леденцы и награждают детей.

Масленичный вторник называют в народе «жирный» («feittirsdag»). В этот день на стол подавалась особенно обильная еда — жирная свинина, каша на сливках и национальное крестьянское блюдо *мелье* (molje) из кусочков

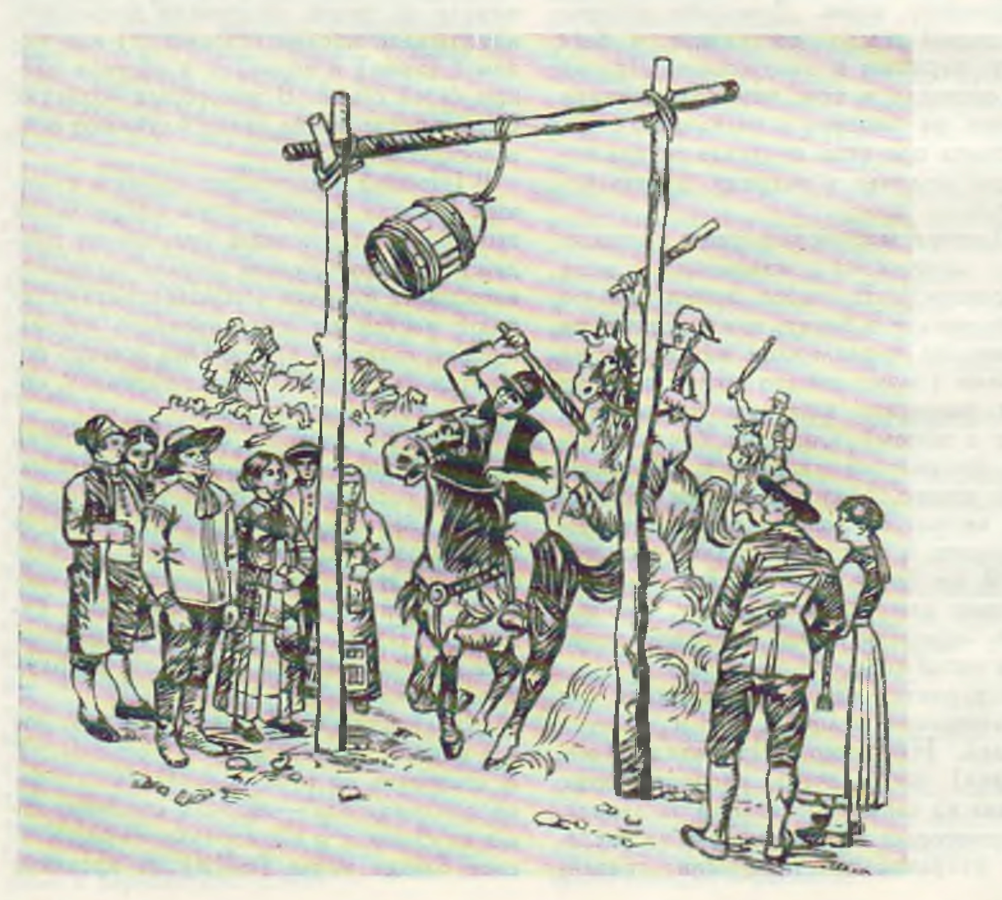
пресных лепешек, подогретых в жире. Во время трапезы выражали пожелания благополучия домашнему скоту, желали хорошего урожая. Например, брали большой бутерброд, ели его большими кусками и говорили при этом: «Дай бог такой кусок, какой я ем», или «дай бог мне такой же удачи в работе, как и в еде».

В Швеции во вторник (vitatisdag) пекли блины из белой муки тонкого помола на дрожжах. Их пекли на сковороде, смазанной свиным салом или маслом, и ели без всяких приправ. Во вторник объедались в полную меру, так как после этого начинался длинный пост до самой пасхи.

С «пепельной среды» (oskeonsdag) начинался пост. В этот день женщины добавляли в котел с кашей щепотку золы [11]. В некоторых областях Норвегии устраивали генеральную стирку и чистку одежды.

В марте, перед началом сельскохозяйственных работ, старались предугадать по разным приметам погоду на будущее: оттепель в день Грегора предсказывала хороший сенокос (Норвегия). Морозный день 12 марта обещал раннюю весну. Повсеместно считали, что весеннее равноденствие приходится на 12 марта (день св. Грегора — Gregors-

Игра на масленицу — «выбивание» кошки из бочки



messe) по старому церковному календарю. И у шведов, и у норвежцев, и у датчан есть поговорка: «В день Грегора ночь и день равны» («Gregors tid natt og dag like vid»[12] норвеж.).

По народному поверью, в этот день с побережья во внутренние районы Швеции и Норвегии прилетает ворона, которая предвещает весну. Поэтому в старых календарях этот день помечен фигурой птицы. Повсюду 12 марта выставляли чучела ворон. Произносили пословицы, стихи и поговорки про ворон.

В марте еще часты штормы и непогоды. Ненастные дни в народе называли «гертрудовой пятницей» (день Гертруды 17 марта)[13]. Хотя большинство жителей Скандинавии днем весеннего равноденствия, как уже говорилось, считали 12 марта, в некоторых районах он приходился на 21 марта. Эту дату так и называли «равенство суток» (jamvär). В старом церковном календаре 21 марта был посвящен св. Бенедикту. О большом сельскохозяйственном значении этого дня в народном календаре говорит его название: «черноземный день» (åttid, швед.). Такое название объясняется тем, что в этот день разбрасывают по пашне поверх снега перегной, который успевает перегореть до начала пахоты. Этот день называют также «пробой свиней» (bent provesin), так как обычно 21 марта ударяли палкой свинью, и если она от удара не падала, то, значит, хорошо откормлена за зиму[14].

Много обрядов, примет о погоде было приурочено и к церковному празднику благовещения — 25 марта, называемого в скандинавских странах днем весенней богоматери, или весенняя месса Марии (vårfrudagen, vårfrumesse, vårsmesse, Mariemesse våren, Marie bebådelsedag; норв., дат., швед.)[15].

Считалось, что в этот день должны прилетать журавли, которые «приносят свет», и можно выполнять вечером работы, не зажигая огня. Следили за погодой в этот день и накануне. Если накануне благовещенья долго шумят ручьи, то после этого дня снег будет долго таять или простоят долго заморозки, так считали в народе.

В шведских деревнях сохранился обычай хождения ряженых вечером накануне 25 марта. Наряжались девушки. Они надевали на себя вывернутые мехом вверх овчины, страшные маски какого-нибудь животного, чаще козы, привязывали сзади коровий хвост.

В XIX в. в этот вечер бытовал также обычай обливать друг друга холодной водой во дворе. Двор тоже обливали водой[16]. Накануне вечером (vårfruafton) и вечером 25 марта запрещались некоторые работы, особенно женские: например, нельзя было шить и прясть.

После *маримессе* особое значение, по народной традиции, придавали последней перед пасхой страстной неделе (dymmelveckan), которая начинается с «пальмового» воскресенья (palmesondag). В некоторых районах Скандинавии в этот день освящали вербные ветки, до 2 метров длиной. Такой вербной веткой впервые выгоняли скот на пастбище. Все дни страстной недели имеют специальные названия: «голубой понедельник», «белый вторник», «черная (пепельная) среда», «великий (чистый) четверг», «длинная (страстная) пятница», «веселая суббота», «красное (великое) воскресенье»[17].

В каждый из упомянутых дней едят определенную пищу. Например, во вторник обязательны блины, в четверг — капуста, в пятницу — хлеб из муки грубого помола.

Особенно много народных поверий, примет о погоде, обрядов было связано с великим четвергом (skärtorsdag — швед.; skjaertorsdag — норвеж.).

По народным поверьям, великий четверг и страстная пятница — время разгула нечистой силы, когда она особенно опасна для человека. Шведские крестьяне верили, что в этот день ведьмы и тролли собираются на свой шабаш на

гору Блокула, черти летают над деревнями и отрезают шерсть у овец. Чтобы предохранить дома и амбары от нечистой силы, фермеры рисовали кресты над дверями. Плуги, метлы обязательно убирали под замок, чтобы ими не могли воспользоваться ведьмы. Зажигали также костры, стреляли из ружей в воздух, чтобы отпугнуть нечистую силу. Теперь эти суеверные обряды стали лишь забавой для детей. Они надевают в этот день страшные маски, изображающие ведьм и чертей, украшают комнаты бумажными черными силуэтами ведьм на метле, кошек, чертей, чашек с кофе, в которых якобы ведьмы хранят свое зелье.

В средние века в Норвегии существовал обычай купания в чистый четверг, так как верили, что в этот день вода имеет целебную и очистительную силу. И сейчас обрызгивание водой — любимое развлечение этого дня. Интересный обычай существовал во всех странах Скандинавии: в великий четверг «крестить» ягнят, телят и козлят. При этом животным давали кличку и говорили добрые пожелания. Со временем обычай принял шутливый характер [18].

По всей Скандинавии в страстную пятницу соблюдался строжайший пост, а норвежские женщины надевали в этот день черную траурную одежду. Люди выполняли наиболее тяжелые и грубые работы: вывозили дрова или сено из леса, при этом в сапоги специально клали какие-нибудь жесткие вещи или песок, чтобы стереть ноги до крови [19].

В Стокгольме, Осло, Копенгагене и в других крупных городах и в наше время в этот день театры и большинство ресторанов закрыты, газеты не выходят.

Пятницу часто называют «днем прутьев» (risets dag), потому что в прошлом в этот день устраивали наказание прутьями за провинность и непослушание. В настоящее время такое наказание сохранилось в шутливой форме. Вечером в страстную пятницу собираются группы мальчиков с березовыми прутьями и с шумом и криками отправляются «наказывать непослушных». Ударяют обычно по кроватям, где спят провинившиеся [20].

У рыбаков Скандинавии, живущих на берегах моря, озер и рек, существует много примет, связанных с этим днем. Западный ветер и морской бриз предвещают такую же погоду на лето и хороший лов сельди в фиордах. Северный ветер в страстную пятницу — к хорошему улову лососевой рыбы летом; южный ветер — к удачному лову сайды [21].

Суббота перед пасхой — день очень оживленный: люди стараются быстро ходить, бегать и прыгать, чтобы показать свою готовность к празднику. Поэтому день называют skitta lördag sprengelaurdag (skitta, sprenge — швед., норвеж., датск. «прыгать», «бегать»). Около дома землю посыпают золой и солью, «чтобы предохранить коров и коровье молоко от дурного глаза злого человека и от чертей» [22].

Вечером накануне пасхи в прошлом столетии был распространен обычай купания в холодной воде, в лохани, «чтобы из человека вышли плохие мысли». Позже этот обряд трансформировался в шуточное обрызгивание водой друг друга [23].

Самым большим праздником начала весны, вобравшим в себя много народных обычаев и обрядов, является пасха (påskedag — швед., норвеж., дат.) [24]. Пасху, подобно рождеству, празднуют два дня и в наше время; все учреждения закрыты в эти дни. К празднику готовились за полторы — две недели: убирали и украшали жилье, стряпали угощение, пекли праздничные сдобы, а за несколько дней до пасхального воскресенья красили в разные яркие цвета яйца. В качестве красителей использовали растение серпуху, сено, листья капусты и репейника, можжевельник и другую зелень. Сырые яйца украшали рисунками (колосом, листьями, цветами,

всевозможными фигурами) и стихами, а затем опускали в кипящую воду, чтобы закрепить узор.

Красят яйца в синий, зеленый, красный, оранжевые цвета. В некоторых деревнях их искусно размещают среди веток роз или другой зелени, которыми украшают к празднику жилище. Существует много разнообразных вариантов игр с пасхальными яйцами.

Пасха — большое развлечение для детей. За неделю до праздника дети начинают собирать яйца и яичную скорлупу. Они сверлят отверстие в сыром яйце и выдувают содержимое или разрезают вареное яйцо на две половинки. Часто пустую скорлупу наполняют маленькими леденцами и затем заклеивают отверстие бумажной ленточкой. Дети украшают наполненные леденцами яйца веселыми бумажными вырезками или цветными рисунками. Пасхальное утро — это время «охоты за яйцами». Окрашенные или декорированные яйца прячут в цветочных горшках, в детских кроватях и других местах.

В Южной Ютландии (Дания) дети рано утром отправляются в сады искать «заячьи гнезда». Нередко они находят там не только крашеные куриные яйца, но также шоколадные и сахарные. Среди детей и взрослых популярна веселая игра — катание яиц с горок. У кого яйцо укатится дальше, не разбившись, тот выигрывает яйцо соперника, оставляя за собой и свое.

В пасхальное утро вставали рано и шли на возвышенные места смотреть, как «танцует» солнце. В некоторых деревнях в ночь перед пасхой спали на гумне, «чтобы не прозевать пляску солнца»[25].

Первый день пасхи в сельских местностях празднуют дома, пригласив к себе родственников. На стол подают обильное угощение. «В день пасхи люди отъедаются после изнурительного поста, едят по нескольку раз в день»[26].

Второй день пасхи (annandagspåsk) праздновали не менее весело, чем первый. Обильно ели, танцевали, пели песни, ходили в гости к соседям и знакомым. В этот день обязательно пили традиционный пасхальный напиток (äggtådde), приготовленный из яичного желтка, сахара, наливки и горячей воды.



Барабанщик в праздничный день

В настоящее время среди городских жителей все популярнее на пасху становятся экскурсии в горы, где еще в это время лежит снег и можно заниматься любимыми у всех скандинавских народов видами спорта. Тысячи людей целыми семьями из Стокгольма, Осло и других южных городов Скандинавии на специальных экскурсионных поездах отправляются на север в эти праздничные дни. От великого четверга до пасхального понедельника горные отели и гостиницы полны людьми с лыжами, коньками, санками. На льду устраиваются карнавалы, спортивные соревнования,



Празднование мая. Майский столб

Праздничные костры



танцы, концерты и всякие развлечения и игры, популярные в этот праздник.

На третий день пасхи было принято начинать весенние полевые работы.

В апреле отмечают праздники, большинство которых связано с крестьянским хозяйством. Так, например, чисто сельскохозяйственный характер носит отмечаемый всеми народами скандинавских стран день 14 апреля (sommarmål, sommardag — летний день). В этот день запрещено выполнять некоторые виды работ, нельзя, например, было шить, в противном случае якобы прилетит много мошкары.

Особое внимание уделяли 14 апреля скоту. Коровам и овцам давали ломтики поджаренной на сале булки, «чтобы лето было для них благополучным». Домашним животным, в первую очередь коровам и овцам, подвешивали на шею колокольчики, начиненные хлебом и солью. Думали, что это средство поможет удержать домашних животных летом в стаде. В этот день хозяйки обязательно мыли молочную посуду — лохани, чаны, ведра и маслобойки. Сыр тщательно закрывали, чтобы он оказался хорошим ко дню выгона скота на пастбища [27]. Запрещалось есть мясо, в противном случае на скот летом нападут болезни [28].

Традиционное блюдо в деревнях 14 апреля — летняя каша на сливках (sommargrauten, romgraut, rommergraut). В южных районах Скандинавии 14 апреля — первый день весеннего сева.

По старому обычаю впервые выгоняли скот из стойла на луга, как и во многих странах Европы, в день св. Георга — 23 апреля, но большого значения в народном календаре скандинавских народов этот день не имел. Здесь св. Георг был известен больше как воин, покровитель всадников.

Большое значение в народе придают третьей после пасхальной неделе, так называемой bededagsveka. Самой ранней она бывает между 12 и 18 апреля,

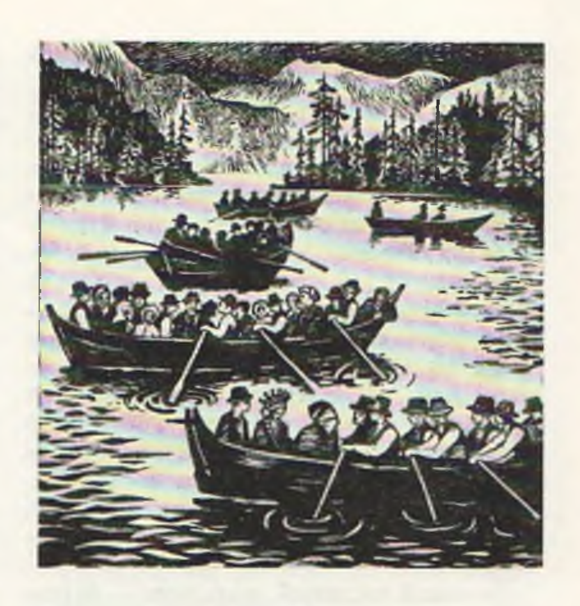
а наиболее поздней — между 16 и 22 мая. Заморозки в третью неделю предсказывают хорошую весну и лето. Четвертая пятница после пасхи (bededag, или store bededag) — праздничный день. Запрещены охота и рыболовство. Накануне постятся [29].

Широко отмечался во всех скандинавских странах народный праздник — 1 мая. Он совсем не связан с церковным календарем, никаких религиозных ритуалов не совершается в этот день. Главная черта этого праздника у скандинавских народов — зажжение майских костров в ночь на 1 мая, так называемая Вальпургиева ночь.

Обычно молодежь заготовляла заранее к этой ночи топливо для костров — кустарник, сухой лес, смоляные бочки. Вечером 30 апреля на возвышенном месте ставили высокий шест с перекладиной сверху (majstång), а вокруг него укладывали дрова и с наступлением темноты их поджигали. У каждой деревни и хутора был свой костер. Вокруг костра плясали, водили хороводы, играли музыканты, мужчины стреляли из ружей, пистолетов, ударяли железными крышками и вообще создавали как можно больше шума, «чтобы отпугнуть троллей» перед выгоном скота на пастбища. Здесь же около костра устраивали трапезы.

В Швеции в Вальпургиеву ночь и сейчас на вершинах гор пылают костры. Студенты университетов Упсалы, Лунда, Стокгольма устраивают в этот вечер шествия по улицам городов к зажженным в окрестностях городов кострам, распевая народные весенние песни. Огромный костер зажигают в наши дни в эту ночь в Скансене — шведском этнографическом музее на открытом воздухе, на вершине Оленьей горы. Пламя костра видно за много километров. Вокруг него собираются тысячи стокгольмцев.

По датским и шведским народным поверьям ведьмы и демоны в эту ночь летят на свои сборища, а огни костров препятствуют им сделать остановки на горах и вредить людям.



Весенние праздничные гулянья

День 1 мая называют «днем кукушки» (gaukdagen, gauksmesse). На деревянных календарях день имеет пометку в виде птицы. По народным приметам в начале мая прилетает кукушка. С ее прилетом связаны различные предсказания: прилет кукушки с востока предвещает удачный год без несчастных случаев.

В некоторых местах Норвегии 1 мая, как и 25 апреля, вокруг лугов и пашен движутся процессии с зажженными факелами.

Майские празднования в разных областях могут передвигаться ближе к середине мая или непосредственно предшествовать троице [30]. В южных районах, где рано начинается весна, дома и церкви украшают цветами и зеленой листвой.

В Швеции обычай «нести май» в деревню (göra maj i by) бытует в южных провинциях в большинстве областей

страны, в то же время майское дерево характерно и для иванова дня.

В мае во многих крестьянских хозяйствах кончается корм для скота, и животных выгоняют на подножный корм. Это важная веха скотоводческого хозяйства не имеет определенной даты в скандинавских странах. Выгон скота совершается в различных областях в разные дни, но повсюду сопровождается обрядами. Например, в Швеции чаще выгон скота приходится на середину мая. В каждом дворе накануне праздника приготовляют березовые ветви, цветы, зеленую листву, которыми украшают животных в день выгона. Длинное шествие празднично одетых людей тянется на летние пастбища [31].

Большой весенний праздник — вознесение (himmelfärd, kristi himmelfartsdag). Он отмечается через 40 дней после пасхи. Старинное народное название праздника — helgetorsdag (светлый четверг). В церквах его отмечают особой службой. Ко дню вознесения приурочено много народных суеверий. Считают, что в этот день улов рыбы больше, чем в какое-нибудь другое время в году. Существует поверье, что «дракон, стерегущий сокровища, открывает их в этот день» [32].

Троица (pingst, pinse, pinsedag) — последний из больших весенних праздников, отмечаемый на пятидесятый день после пасхи. За неделю до нее убирают помещения, приводят в порядок весь двор. Перед троицей много работы у портных, так как в этот день надевают обязательно новую летнюю одежду. В городе и деревне накануне троицы дома украшают зелеными ветками в знак приветствия возвращающемуся лету. Оглобли повозок украшают зелеными венками [33].

В прошлом в троицу воздвигали майский шест и зажигали костры. Специально разводили большой дым (так называемый pinstiroyk) «против злых духов», которые «разгуливают в ночь перед праздником», так же как перед рождеством и пасхой [34].

В 1741 г. священник одной шведской деревни жаловался в своем донесении, что молодежь перед троицей и в день св. Ганса зажигала костер, который все время поддерживался, танцевала, пьянствовала, дралась, допускала и непристойности.

Широко распространенным обычаем на троицу были выборы «троицких жениха и невесты». Во время шуточной процессии, в которой их сопровождали музыканты и «свадебная свита», они собирали подарки, состоявшие главным образом из яиц, свинины, сладкого хлеба, пива и денег.

В настоящее время троица — веселый праздник молодежи, собирающейся на гулянье на гумне или в «чистом жилом помещении» (storstuga).

По старому обычаю для проведения этого праздника в Швеции девушка выбирала себе возлюбленного или жениха. Много обрядов, совершавшихся на троицу, было связано с культом воды, источников. Часто происходили паломничества к «святым родникам», из которых обязательно каждый должен был выпить по глотку воды. Освященную воду приносили домой и сохраняли [35].

Троицей завершается весенний цикл праздников в Скандинавии. Начинается лето.

[1] *Norlind T.* Svenska allmogens liv. Stockholm, 1925, s. 430—431.
[2] *Brynjulf A.* Dag og Merke. Oslo—Bergen, 1970, s. 100—103.
[3] Ibid., p. 102.
[4] Ibid., p. 103.
[5] *Norlind T.* Op. cit., p. 431; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 102, 103; Norsk folkeminnelag XII. Oslo, 1925, s. 65
[6] *Brynjulf A.* Op. cit., p. 104, 105; *Norlind T.* Op. cit., p. 431; Norsk Folkeminnelag XII. 1925, s. 66.
[7] *Brynjulf A.* Op. cit., p. 154, 155; Norsk folkeminnelag XII. Oslo, 1925, s. 78; *Visted K.*

og Stigum H. Vår gamle bondekultur, Bd. II. Oslo, s. 137—170; *Berg G. och Svensson S.* Svensk bondekultur. Stockholm, 1934, s. 208—245; *Söderbäck P.* Skrock, sed och sägen i en Smålandssocken. Stockholm, 1921.

[8] *Spicer D.* Festivals of Western Europe. New York, 1958, p. 23, 151, 152, 211.

[9] Ibid., p. 151, 152.

[10] *Norlind T.* Op. cit., p. 432, 433; Meddelanden från Nordiska Museet 1897. Stockholm, 1898, s. 163, 164.

[11] *Brynjulf A.* Op. cit., p. 155, 156.

[12] Ibid., p. 108.

[13] Ibid., p. 110; *Norlind T.* Op. cit., p. 434; *Helg och Socken.* Bilder ur svenska folkets liv. Stockholm, 1973.

[14] Norsk folkeminnelag XII, 1925, s. 66; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 111, 112; *Helg och Socken.* Op. cit.

[15] *Brynjulf A.* Op. cit., s. 112; Norsk folkeminnelag, XII, s. 66.

[16] *Norlind T.* Op. cit., p. 435; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 112. 113.

[17] *Norlind T.* Op. cit., p. 435, 436; *Visted K. og Stigum H.* Op. cit., p. 137—170; *Spicer D.* Op. cit., p. 152.

[18] *Helg och Socken.* Op. cit.; *Spicer D.* Op. cit., p. 152; *Norlind T.* Op. cit., p. 436.

[19] *Spicer D.* Op cit., p. 26, 212; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 160.

[20] *Norlind T.* Op. cit., p. 435; *Spicer D.* Op. cit., p. 212; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 160.

[21] *Norlind T.* Op. cit., p. 435, 436; *Spicer D.* Op. cit., p. 212.

[22] *Brynjulf A.* Op. cit., p. 161.

[23] *Norlind T.* Op. cit., p. 436.

[24] *Brynjulf A.* Op. cit., p. 161; *Norlind T.* Op. cit., p. 435—439; Norsk folkeminnelag XV. Oslo, 1927, s. 18; Norsk folkeminnelag XVI. Oslo, 1927, s. 66; *Gilde og Gjestebod av Landsverk H.* Det Norske samlaget. Oslo, 1967, s. 102—111.

[25] *Norlind T.* Op. cit., p. 437; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 162; *Visted K. og Stigum H.* Op. cit., p. 137—170; Norsk folkeminnelag XVI, s. 66; Norsk folkeminnelag XII, s. 79.

[26] *Norlind T.* Op. cit., p. 435—439.

[27] Norsk folkeminnelag XVI, s. 67; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 116, 117.

[28] Norsk folkeminnelag XVI, s. 67.

[29] Ibid., s. 66; *Helg och Socken.* Op. cit.

[30] *Norlind T.* Op. cit., p. 438—440.

[31] Ibid., p. 442; *Brynjulf A.* Op. cit., p. 135; *Spicer D.* Op. cit., p. 215.

[32] *Norlind T.* Op. cit., p. 435, 436; *Spicer D.* Op. cit., p. 215.

[33] Brynjulf A. Op. cit., p. 164.

[34] Ibid., p. 164, 165; Norsk folkeminnelag XVI, s. 66; *Visted K.* og *Stigum H.* Op. cit., p. 137—170; *Gilde og Gjestebod, av Landsverk H.* Det Norske samlaget, s. 110, 111.

[35] Ibidem.

ФИННЫ

* * * * * * * * * * * *

Н. В. Шлыгина

Рождественские праздники у финнов заканчивались не позже 13 января [1] и наступал длительный период будней и тяжелых повседневных работ в условиях долгой и суровой северной зимы [2]. Течение зимы подразделялось на отдельные этапы различными датами календаря. Так, 13—14 января считались «полюсом», «центром» зимы (talvennapa), «гребнем» или «хребтом» ее (talvenselka, talvenharja), а недели после крещения назывались «хребтовыми». На деревянных жезлообразных календарях до 1708 г. на месте дня 14 января изображался лук, изгиб которого толковался как символ наибольшего подъема зимы [3].

На западе Финляндии были широко распространены поговорки о том, что после крещения наступают «хребтовые недели и сухие хлебы» или «будние недели и сухие хлебы» [4]. На эти недели приходился и день перелома зимы. Вследствие большой протяженности Финляндии с севера на юг перелом зимы в разных местностях отмечался в разные дни, но традиции, связанные с днем перелома, были везде аналогичными. К этому дню, в частности, приурочивалась обязательная проверка зимних припасов еды для людей и кормов для скота: должно было остаться не меньше двух третей хлеба и половины кормов, чтобы их хватило до нового урожая. Весь этот период крестьяне внимательно следили за погодой, чтобы по приметам определить, какой будет весна и лето. Первая оттепель в земледельческих районах Финляндии наступала довольно рано — в феврале. От нее отсчитывались различные важные сроки: через девять недель после этого вскрываются реки, через десять — можно начинать пахать, через двенадцать — сеять ячмень, а через 200 дней начинается уборка ржи и т. д.

Церковные праздники этого периода практически не отмечались финскими крестьянами. День Тюни (св. Антона) 17 января не был связан с какими-либо прочными традициями, хотя Антон и считался покровителем свиней [5]. Финская церковь особо отмечала день Хейкки (св. Генрих) 19 января в память епископа, проводившего в середине XII в. христианизацию страны и убитого крестьянином Лалли на льду оз. Кеюле. Но у крестьян этот день не был праздничным, исключая те местности, где этот день считался переломом зимы.

Наступления весны начинали ожидать со сретения — 2 февраля. Праздник сретения носил у финнов, как и у других европейских народов, название «свечного дня» (kynttilänpäivä) [6]. Он не относился к числу больших праздников, но в этот день было принято готовить определенные блюда. В северной Финляндии — это была крупяная похлебка с бараньими, свиными или коровьими ножками, которые заготовляли с осени впрок.

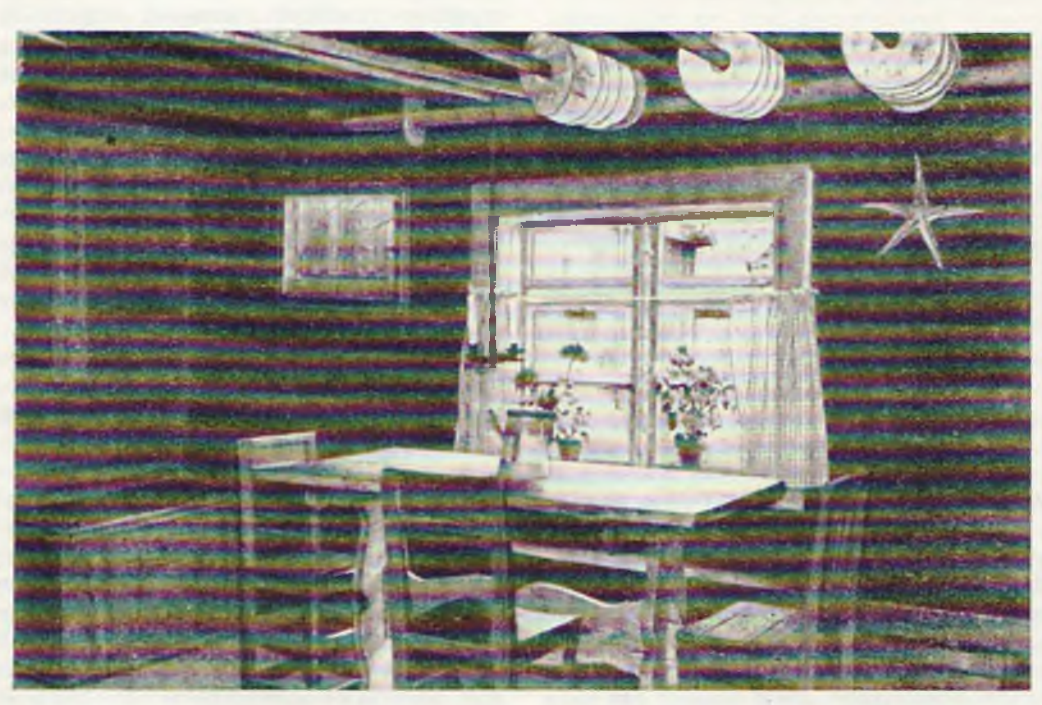
В центральной Финляндии варили «свечную кашу» — ячменную

кашу на крепком бульоне. В Сатакунта пекли кислые ячменные лепешки (rievakakko), сменявшие «сухие хлебы», и варили кашу, в последнее время уже рисовую [7]. Интересно, что в Эстонии ячменная каша была также традиционным блюдом этого дня; в западной Эстонии сретение в народе даже называли «кашным днем» (pudrupäev) [8].

Середина февраля (пятнадцатое число) было важным днем для предсказания весенней погоды. Теплая погода обещала раннюю весну. В этот день определяли также, насколько удачной будет подсека в этом году, в южных частях страны выпускали кур и свиней на открытый двор. В отличие от Швеции, где св. Зигфрид почитался как апостол (фин. Сипи), в Финляндии его день (15 февраля) народом никак не отмечался.

Интерьер крестьянской избы в западной Финляндии

24 февраля было днем Матти (Матфея). В народе с этим святым не было связано никаких традиций, но, видимо, до Реформации во времена католической церкви с ее многочисленными ограничениями в пище и работах на этот день падало множество запретов, которые сохранились в памяти народа: нельзя было чесать лен, шить, молоть или сеять муку, расчесывать волосы, ложиться отдыхать днем, пить молоко, есть репу и т. д. В отличие от осеннего дня Матти 24 февраля называли «зимним Матти» (talvi-Matti) или «телячим Матти» (vasikka-Matti) — в это время начинался отел коров. 24 февраля интересно еще и тем, что в старину именно на этот день приходились дополнительные сутки високосного года. Этот день считался как бы пустым в календаре, все дни, включая день Матти, передвигались на сутки вперед. Дополнительный же день назывался «днем прыжка» (karkauspäivä). К. Вилкуна считает, что этот тер-





Выпечка сухих хлебов



Сухие хлебы

мин связан с деревянным календарем в форме доски с отверстиями, в котором очередной день отмечался палочкой. В дополнительный день високосного года палочка только вынималась и вставлялась обратно в то же гнездо, как бы «прыгала» на месте. Этот день считался, кроме того, днем старых дев[9].

Как правило, на февраль приходилась масленица, так как ее границами были 8 февраля и 7 марта. Называется масленица по-фински *ласкиайнен* (laskiainen) — буквально «опускание» (в пост)[10-11]. Это название сохранилось от времен католической церкви, так как со времен Реформации посты перестали соблюдаться.

Масленичные традиции у финнов разнообразны, но празднуется масленица скромно и только один день — вторник седьмой недели перед пасхой. Одной из основных черт масленицы было то, что этот праздник был как бы женским, в противоположность рождеству, которое считалось мужским. Если на рождество стремились различными магическими действиями обеспечить благополучие в земледелии и для рабочего скота, то масленичные обряды должны были принести удачу в льноводстве, посевах бобовых и репы, успех в молочном животноводстве, овцеводстве, словом, в тех отраслях хозяйства, которые лежали на плечах женщин.

Во вторник работы заканчивались рано, и все еще днем мылись в бане, чтобы сесть за праздничный ужин засветло. Женщины много раз в день расчесывали волосы, «чтобы лен был мягким», надевали не только чистые рубахи, но по возможности и белую верхнюю одежду, «чтобы льняное поле было чистым». С этой же целью многократно подметали пол в доме.

После ужина начиналось традиционное катанье. Молодежь каталась на санях и салазках и на круговых санях (vipukelkka) по льду. При этом выкрикивали различные пожелания для своего дома: «долгого льна», «репы с тарелку», «брюквы с угол дома» и т. д. Считалось, что чьи сани скатывались дальше всех, у тех будет и самый длинный лен. Девочки катались с гор, распустив волосы. В некоторых местностях хозяйки дворов ходили на гору с молочным супом, которым кормили свою молодежь, —

это также должно было принести благополучие дому.

Масленица отличалась обилием пищи. Это был второй (наряду с рождеством) день, когда еда оставалась на столе в течение всего дня. Все готовили особенно жирным. Так как лютеранская церковь постов не соблюдает, на столе было и мясо. Варили гороховый суп со свиными ножками, жарили кровяные колбасы, ели заготовленный летом сыр и т. д.

В различных частях страны были свои традиционные для этого дня блюда: на севере — «лопарская похлебка» — суп из оленьих ног и кровяные блины с оленьим жиром. На северо-востоке приготовлялась кровяная каша (verimämmi), которая считается одним из древнейших традиционных блюд у финнов и приготовление которой сохранилось только в окраинных районах. На северо-западе и в центре страны обязательными были плоские пресные лепешки из ячменной муки со шпиком (rieska) [12]. В южной Финляндии, на западе и в некоторых местностях Карьяла традиционными были жирные кровяные колбасы. Изобилие пищи на масленицу должно было обеспечить достаток еды и на следующий год. При еде нельзя было облизывать жирные пальцы, тем более мыть их. Следовало вытереть их об какой-либо рабочий инструмент, схватиться за кудель — это сулило удачу в делах и хозяйстве.

Масленичный праздник у финнов заканчивался сразу — в среду («пепельную среду» — tuhkakeskiviiko) от праздника не оставалось и следа. Характерна финская поговорка: «Широка и коротка как масленица» («Lyhyt ja leveä kuin laskiainen»).

Масленичные традиции финнов были во многом сходны с таковыми у соседей. У русских, эстонцев, води в этот день катались с гор и на лошадях, причем это также считалось действиями, обеспечивающими хорошие урожаи льна. Аналогична и традиция обильной еды в этот день. У эстонцев и финнов были и одинаковые традиционные блюда — ячменная каша, пресные ячменные лепешки. У православной води пища на масленицу была ближе к русской — мяса уже с воскресенья (с мясопуста) не ели.

Несомненно, в масленичных обрядах можно выделить несколько разновременных пластов. Такие формы, как катание на лошадях с гор, были в Финляндии относительно новыми и, по мнению некоторых исследователей, отражающими западноевропейскую карнавальную обрядность [13]. Ритуальное обжорство, вероятно, связано преимущественно с тем обстоятельством, что некогда в марте начинался новый год. Так трактует это В. Пропп в связи с русской масленицей [14]. Есть в финской масленице и некоторые другие признаки обрядности первого дня года и характерной для такового магии. Но наряду с этим в масленичной обрядности отмечаются и более древние элементы, указывающие на земледельческие культы. По-видимому, известным ключом к раскрытию смысла древнейшего праздника, легшего в основу масленицы, является старинное название его у води — *чихлаго* (tšihlago), в основе которого лежит общий прибалтийско-финский корень kihl, означающий «залог», «договор». Вероятно, старинный смысл праздника — заключение договора с духами земли при помощи различных магических обрядов [15].

Март в Финляндии еще достаточно холодный, хотя на юге страны в это время бывали оттепели настолько длительные, что появлялись проталины. Возможно, поэтому месяц назывался «земляным» — (maaliskuu). Существовала и поговорка о том, что «март землю открывает, а апрель ее моет». В центральных и северных районах в марте бушевали метели и обычно стояли холода. В целом же в марте начинало ощущаться приближение тепла даже на севере. В это время заготавли-

вали березовую древесину для лыж — ее следовало рубить, когда в дереве начинал двигаться сок, — это позволяло правильно выделывать доски.

Малые церковные праздники марта — день св. Филимона, сорок мучеников и другие в народе популярности не получили. Исключение представляет день св. Христофора (Risto) 15 марта, который в местных условиях стал патроном, опекающим плотогонов, и покровителем стремнин и водопадов.

Благовещение (Marian ilmestyspäivä), имеющее твердую дату — 25 марта, в Финляндии переносят, если оно совпадает с пасхой, на ближайшее следующее воскресенье [16]. Народ для выделения благовещения из числа других четырех дней, посвященных деве Марии, называет его «весенней Марией», в некоторых местах было в ходу название «rekiheitto Maria», т. е. «Мария-бросай сани», — в это время кончался санный путь. В южной Финляндии уже прилетали журавли, начиналось токование тетеревов. По народному календарю в этот день начинался нерест щуки.

В прошлом во многих местностях страны с благовещения переставали работать при лучине. Рабочий день удлинялся настолько, что прибавлялась еще одна трапеза — маленький завтрак — утром сразу после пробуждения, так называемый вороний кусок (variksenpala). В наши дни это обычно просто чашка кофе. После обеда разрешался небольшой отдых, которого зимой не было.

Пасха, как известно, является подвижным праздником, она чаще приходится на апрель. Финское название пасхи — пяясиэйнен (pääsiäinen) означает «выход» из поста и, так сказать, противостоит названию масленицы (см. выше) [17]. Цикл праздников, связанных с пасхой, начинался за неделю до нее. Воскресенье, предшествующее пасхальному, называлось пальмовым, или вербным (palmu~, virpasunnuntai). Второе (virpa — от русск. верба) название распространено было в восточной Финляндии и заимствовано у русских [18]. Православное население Карьяла отмечало и вербную субботу, при этом ветки вербы освящались в церкви.

Вербное воскресенье праздновалось по всей стране одинаково. Дети рано поутру обходили деревню. Они несли пучки вербы, украшенные пестрыми ленточками, бумажными цветами. Заходя во двор, дети ударяли вербой хозяйку, желая ей при этом хорошего, здорового года. В некоторых местах ударяли вербой всех обитателей дома по очереди, произнося при этом различные пожела-

Круговые сани



ния. Дочке хозяина, например, желали быть здоровой и стать самостоятельной хозяйкой в большом дворе с пятью батрачками. Пожелания высказывались в установившейся традиционной форме. В каждом доме дети оставляли пучок вербы. Хозяйки хлестали этим пучком свой скот и прятали вербу под крышу хлева, а в день выгона скота отдавали ее пастуху. Через неделю, на пасху, дети приходили за подарком. Хозяйки специально припасали к пасхе угощение для тех детей, которые приносили во двор вербу или «пальмы».

Наступавшая после вербного воскресенья страстная неделя (piina~, tymintäviiko) имела разнообразные традиции. Всю неделю следовало вести себя серьезно и тихо. Нельзя было смеяться, свистеть; не производили таких работ, при которых неизбежен был шум и при которых требовался режущий инструмент. Каждый день страстной недели имел свое название. Наиболее интересен из них четверг, который назывался *кииракторстай* (kiirastorstai от ст. швед. skirslapoorsdagher — очистительный, чистый четверг). Во многих местностях Финляндии — в Саво, северной Карьяла, в центральной и северной Похъанмаа и др. в этот день проводилось изгнание злых сил со двора. Для этого зажигали огонь в коробе из-под дегтя или в смоляной бочке, ставили ее на сани и везли вокруг двора. В огонь бросали старые башмаки, куски кожи, тряпки. Один тянул сани, а другой шел сзади, бил прутом или палкой в разные стороны, приговаривая: «Прочь, киира, в лес!» Верили, что это охраняло двор летом от нашествия змей, ящериц и всякой нечисти.

Но в большинстве сведений говорится, что двор охранялся от злых сил вообще. Ясного представления о том, что за дух был киира, не существовало. Финские исследователи предполагают, что произошло своеобразное явление. Церковный праздник этого дня, день тайной вечери, был днем покаяния, очищения от грехов. Народ добавил к этому также очищение двора от злых сил, которые получили свое имя киира от названия дня — кииракторстай, которое, происходя из шведского языка, не было понятно финским крестьянам[19].

В чистый четверг в старину придерживались различных запретов: нельзя было молоть муку, прясть, в Карьяла запрещалось печь пироги, поздно ходить в баню. Традиции больших уборок в этот день долго сохранялись у православного населения Карьяла.

Страстная пятница — кульминационный период страстной недели и всего поста. В лютеранской Финляндии считалось подобающим в этот день после посещения церкви оставаться дома, читать библию и предаваться благочестивым размышлениям. В этот день не варили горячей еды, часто вообще не разжигали огня. Даже пищу, сваренную накануне, следовало есть только после захода солнца.

Пятница и суббота считались также опасными днями, когда злые силы могли действовать на просторе[20]. Особенно опасными становились накануне пасхи ведьмы. Пасхальные ведьмы на западе страны были известны под названием трулли или рулли (trulli, rulli — от старошведского trull), на востоке — под обычным финским термином *нойда* (noita), на севере наряду с термином трулли их называли и «пасхальными старухами» (pääsiäisämmä). Накануне пасхи можно было прибегать к различным магическим действиям, чтобы повлиять на успех в животноводстве, рыболовстве, вообще на увеличение своего благосостояния.

В Финляндии, причем именно на западе страны, до 1930-х годов встречались люди, которые занимались колдовством. Как правило, это были старые и необразованные люди. Они прибегали к магии, которая должна была «перенести в собственный двор удачу от сосе-

дей» или просто навредить последним. Магические действия производились прежде всего над животными. Враждебные магические действия колдуний обнаруживались хозяевами скота по следам их манипуляций: по выжженным или вырезанным кусочкам кожи у коровы на крестце, на передней ноге, на ухе. Выстригали шерсть также у овец. Вырезанный кусочек кожи следовало прибить к дну своей маслобойки, чтобы перенять чужую удачу. Встречались даже маслобойки с двойным дном, в которых между днищами прятались добытые от чужих коров кусочки кожи [21].

Чтобы уберечь дом и хозяйство от ведьм, которые, по представлениям, в эти дни летали на шабаш, крестьяне выкладывали под дверью из соломинок или палочек знак креста, звезду или рисовали крест на дверях, произносили заклятия, вешали в качестве оберега убитых сов, хвостовые перья глухаря и т. д. Дом и хлева обходили с факелом, потому что огонь всегда считался надежной охраной от злых сил. Характерно, что в Похъанмаа, где более всего была распространена вера в ведьм, было принято именно в предпасхальную ночь зажигать костры (pääsiäiskokko,~ valkeā). Они соответствовали характерным для других местностей страны кострам на иванову ночь и в канун вознесения. В этнографической литературе сохранились красочные описания этого обычая. Костры зажигались в каждом крестьянском дворе, и все обитатели его поздно вечером, после бани, одевшись потеплее, шли к костру, шевелили горящие ветки, подбрасывали туда бересту, сучья, солому. Ночью молодежь отправлялась к общедеревенскому костру. В огонь бросали пахучие ветви можжевельника, зажигали установленную на дереве смоляную бочку и т. д. Вероятно, это было связано со стремлением отогнать злые силы, пасхальных ведьм, труллей. Интересно, что в огонь обязательно бросали солому. Это говорит о древности традиции и связи этих обрядовых костров с культом плодородия.

В Финляндии долго сохранялся обычай на пасху встречать восход солнца. В холмистых местностях люди шли на возвышенности, чтобы лучше видеть этот момент. Широко было распространено поверье, что солнце на пасху восходит «танцуя». Некоторые старики еще недавно убежденно рассказывали, как солнце поднимается по небу скачками, двигается вверх-вниз.

В канун пасхи можно было гадать о своем будущем. Это указывает на то, что наряду с христианским значением праздника пасха имела значение поворотного дня в течение года — с нее наступал летний период крестьянского календаря. Такие дни всегда связаны с большим количеством примет о погоде. Погода первого пасхального дня предвещала, каким будет лето: ясная и теплая — обещала хорошее лето и урожай, плохая — наоборот. За погодой внимательно следили всю пасхальную неделю.

На пасху готовили праздничные блюда, тем более что в старину при католицизме это был конец поста. Но в это тяжелое время года запасы кончались, а свежих съестных продуктов еще не было. Специальных пасхальных блюд у финнов почти неизвестно, за исключением своеобразного блюда *мямми* (mämmi) — род густой каши, приготовленной из солодовой муки. Обычно ее запекали в печи в берестяных формах в виде хлебцев, ели и в виде каши. В прошлом это блюдо было характерно для юго-западной Финляндии [22].

Сейчас оно распространено гораздо шире, и мямми, запеченная в пекарнях, продается в магазинах. Характер блюда заставляет предполагать, что оно очень древнего происхождения. Кроме как у финнов, мямми известна в качестве пасхального или свадебного угощения и у эстонцев, под тем же названием знали солодовую кашу финноязычные группы населения в Ленинградской

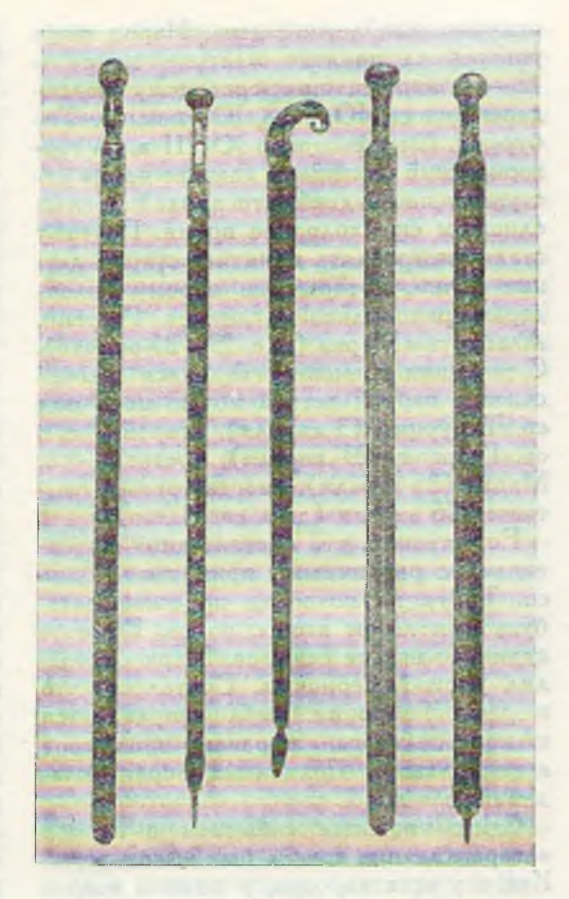
области, причем там мямми часто приготовлялась с ягодами. Солодовая каша с ягодами известна и русским (кулага).

На пасху в Финляндии было принято также готовить телячий студень, телятину, баранину, кровяные колбасы, пресные ячменные лепешки, яичное молоко, сыр, жареный сыр и т. д. Крашеные яйца на столе крестьян появились лишь в XX в. как городское влияние. Пасхальное воскресенье молодежь заканчивала различными играми и танцами. В юго-западной Финляндии для этого служила площадка перед хлевами, приготовленная для навоза и застеленная свежей хвоей. В этом районе к пасхе ставились качели.

Апрель был в Финляндии весенним месяцем. Название апреля — *хухтикуу* (huhtikuu) [23] — немало анализировалось специалистами. Вероятно, правильна точка зрения, связывающая это название с подсекой в хвойном лесу (huhta) в отличие от подсеки в лиственном лесу (kasket). Подсеку действительно подготавливали в апреле, вырубая лес, с этим связана поговорка: «Апрель с топором приходит».

Наряду с работой на подсечных участках в апреле подвозили сено с дальних сенокосов, начинали готовить семенной картофель. В это время шла ловля рыбы — щуки, карпа, корюшки ставными ловушками (мережами и др.).

В настоящее время апрель начинается с дня шуточных обманов: этот обычай недавнего, притом городского и поместного происхождения, распространившийся среди крестьян. Но в характере самих шуток у крестьян много самобытного. Они связаны со старым деревенским обычаем во время больших работ — обмолота, чистки хлевов или убоя скота — давать детям шуточные поручения. Их отправляли в соседний двор за каким-либо несуществующим, будто бы крайне необходимым инструментом: ножом для отрезания хвостов, стеклянными ножницами, мякинным плугом, угломером для навозной кучи и т. п. Соседи в свою очередь «вспоминали», что отдали уже этот предмет другим, и ребенок отправлялся в следующий двор. Таким образом отчасти стремились отослать детей со двора, чтобы они не мешали, отчасти преследовали воспитательные цели: дети должны были внимательнее следить, как ведется работа, какие инструменты требуются, и т. д.



Деревянные жезлообразные календари

Народный календарь в апреле отмечает «летний день» или «летние ночи», знаменующие начало лета, подобно тому как «зимний день» — 14 октября — был раньше началом зимы. На деревянных жезлообразных календарях 14 апреля

отмечено как летний день. Народ чаще употреблял понятие «летние ночи» — 12—14 апреля, по церковному календарю дни св. Юлиана, Юстиниана, Тибурция. С переходом в XVIII в. на григорианский календарь «летние ночи» отступили на 11 дней, что приходилось на слишком еще холодное время. Поэтому стали употреблять понятие «старые летние ночи», которые по новому календарю приходились на дни св. Георгия, Альберта и Марка (т. е. 23—25 апреля). С течением времени утвердился обычай считать первой летней ночью ночь под св. Тибурция (3 апреля), второй — под св. Георгия (23 апреля), третьей — св. Марка (25 апреля), иногда третьей считается 26 апреля (день св. Клета).

Естественно, что «летние дни» связывались с различными приметами. День св. Тибурция позволял предсказывать, будут ли летом ягоды, по св. Георгию судили о накосе сена, св. Марк определял урожай зерновых. Считалось, что в день Тибурция рыба направляется к нерестилищам, журавли прилетают в центральную Похъанмаа, ворона кладет первое яйцо.

Самым важным событием в период «старых летних ночей» был выгон скота. Как и у всех народов, у финнов вокруг этого события сложилось множество традиций и примет.

Естественно, что на севере страны возможность выпаса появлялась много позже и в разных местностях утвердились различные дни первого выгона. В одних местностях это был день св. Георгия, в других — вальпургиев день (1 мая), в третьих — день обретения креста (3 мая). Можно говорить, что день св. Георгия более характерен для востока, тогда как для Саво и Хямэ — день обретения креста. На севере выгоняли скот гораздо позже. Но и на юге капризная весенняя погода не всегда позволяла выгнать скот в традиционный день. В таких случаях выгон обозначался символически: коров выпускали на некоторое время во двор, затем возвращали в хлев еще на две недели. Последующий выгон производился в тот же день недели, на который приходился традиционный день. С развитием товарного молочного хозяйства, увеличением запасов кормов и улучшением условий стойлового содержания скота выгон в стадо стал производиться вообще позже, иногда даже на св. Густава (Кустаа) — 6 июня.

Летом у крестьян отпадала забота о каждодневном корме для скота, но возникала новая — о сохранности стада, в первую очередь о том, как уберечь его от медведей и волков. В связи с этим совершались различные магические действия.

В юго-западной Финляндии, в Варсинайс-Суоми и Сатакунта, уже в день св. Тибурция пастухи ранним утром шли на вершины окрестных холмов и возвышенностей и там играли на берестяных трубах и рогах, обращаясь во все стороны света. Это называлось «заигрывать пасть волку». В Саво такой обряд совершался дважды — на Тибурция и в день св. Георгия. В некоторых местностях «заигрывали пасть волка» на вальпургиев день или на пасху — соответственно дню выгона стада.

С просьбой уберечь скотину, удержать волков обращались к св. Георгию (Yrjo, Jurki) или к лешему. Традиционной формулой было: «Георгий, привяжи твоих собак»; «Георгий, Георгий, посади их на цепь!»; в Карьяла кричали: «Георгий, кормилец, привяжи твоих собак». Св. Георгий считался патроном волков, которых называли его собаками.

В прошлом выгон стада обставлялся разнообразными церемониями. Есть сведения о том, что во дворе ставились предназначенные для этого обряда тарелки с жертвенной пищей — хлебом, маслом, пивом. Прогон для скота освещался факелами. В Карьяла зафиксированы различные песни-заклятия при

выгоне скота. В этот день готовили праздничную пищу: съедали «скотный пирог» (karjakakko) — ритуальный хлеб, который выпекался из первого зерна или в числе рождественских хлебов. И в том, и в другом случае он лежал на рождественском столе, но его не ели, а убирали в закрома. При выгоне скота его делили между всеми обитателями двора и кусочки давали скоту. Пастухов и подпасков обливали водой, брызгали водой и друг на друга — это должно было способствовать хорошим удоям.

Время «летних ночей» было и началом земледельческих работ. В южной Финляндии, в основном земледельческом районе страны, существовала поговорка: «Георгий выносит плуг на поле». На деревянных календарях знак плуга изображался на дне св. Марка (25 апреля). В день Георгия должны были появиться ростки озимых, тогда новый хлеб созревал ко дню Якова, что считалось нормальным сроком. В целом земледельческие работы приходились уже на май.

Май (toukukuu) буквально значит «месяц посевов». В некоторых местностях Финляндии на первый день мая приходился выгон скота, в этом случае проводились и связанные с этим обряды. Считалось, что теплая погода в этот день предвещала хорошие удои. В южной Финляндии к 1 мая полагалось закончить посев бобовых. На 1 мая приходится по церковному календарю св. Вальпургия (Vappu), но эта святая популярности в Финляндии не имела, и имя ее в народе почти неизвестно, исключая южную Финляндию, где ее часто упоминают в различных поговорках и приметах [24].

В прошлом в мае начинался сбор съедобных трав (борщевик, крапива), березового сока и яиц диких птиц (в первую очередь водоплавающих — гоголя, нырка). До введения ограничительных сроков охоты в это время били перелетных птиц, в первую очередь рано возвращающихся лебедей. 3 мая был день обретения креста (ristin päivä — день креста). По традиции охотники должны были в этот день выйти в лес, даже если погода не благоприятствовала промыслу, чтобы не «потерять удачу». Отправлялись и рыбаки к полыньям, также боясь утратить свое рыбацкое счастье.

Следует заметить, что у финнов не было специальных дней начала пахоты или сева: ни постоянной, ни подвижной даты. Разумеется, день начала сева не мог быть точной датой, так как слишком зависел от погоды. Тем не менее водь, календарные праздники которой во многом близки к финским, имела специальный «посевной день» (tšülvü-päivä), который определялся каждый год соответственно погоде [25]. У финнов же с пахотой и севом были связаны только такие обряды, которые относятся к группе рабочих или трудовых магических действий и не связаны с определенными днями [26].

Из числа подвижных праздников, отсчитываемых от пасхи, на май приходится, как правило, вознесение, границами которого служат 1 мая—4 июня. Вознесение называлось по-фински *хелаторстай* (helatorstai), т. е. святой четверг, а пятидесятница — *хеллунтай* (helluntai), т. е. святой день. Оба названия — производные от ст. шведского — haelghi — святой. Вознесение считалось самым большим церковным праздником. В мире должна была царить тишина и покой («не растет трава на земле, лист на дереве, и не вращаются королевские мельницы»).

На значительной части юго-западной Финляндии — в Хэмэ, Сатакунта, части Варсинайс-Суоми и у финноязычного населения Усимаа в этот день зажигались костры — «святые огни» (helavalkea). Часто они зажигались и второй раз — на пятидесятницу. В отличие от дневного времени, когда должна была царить тишина, вечером у костра пели, плясали, играли. Костер обычно раскла-

дывался на возвышенности, и его было видно издалека. Иногда костер зажигали несколько вечеров подряд.

Интересные традиции сложились и долго сохранялись в Ритвала — одной из деревень в западной Хямэ. Начиная с вознесения и по иванов день по воскресеньям к вечеру девушки собирались в центре деревни, на перекрестке, пели песни и затем с песней расходились группами на все четыре стороны. Некоторое время девушки ходили по дорогам, возвращаясь к перекрестку, а затем все вместе шли на «вознесенскую гору» и там, стоя кругом, допевали песни до конца. Песни исполнялись старинные, в размере «Калевалы», рефрен повторялся хором. Вступительная и заключительная песни были религиозного содержания. Остальные были старинные эпические песни. В прошлом существовало поверье, что эти шествия с песнями приносят плодородие полям. Шествия как таковые, по мнению финских исследователей, связаны с церковными традициями католической церкви, которая проводила под звон колоколов крестные ходы с иконами к полям и молебны о будущем урожае.

Костры на вознесение и шествия с песнями разновременны, таким образом, по своему происхождению. Традиция зажигания костров восходит к дохристианским обрядам и связана с культом плодородия [27].

Пятидесятый день после пасхи в лютеранской церкви в отличие от православной не совпадал с днем троицы. Пятидесятница приходилась обычно на конец мая—начало июня, когда природа уже была в стадии расцвета. В традиционную баню накануне пятидесятницы шли уже со свежим березовым веником. Веник, которым парились, как бы приобретал связь с теплом человека, он был обычным предметом для «выяснения судьбы». Бросая его на крышу бани, загадывали: девушки — выйдут ли они в этом году замуж, старики — долго ли проживут, батраки — останутся ли в этом дворе, и т. д.

День троицы (trinitatis, фин. — kolminaissuuden sunnuntai), который согласно Арльскому собору 1260 г. приходился на следующее воскресенье после пятидесятницы, был заметным церковным праздником только в юго-западных частях страны и в Хямэ. Народных традиций, связанных с этим днем, нет.

*

Календарные праздники весеннего цикла, так же как и традиции других времен года, представляют собой сложное сплетение представлений и обычаев, различных по времени и происхождению. От того периода, когда крестьяне делили год лишь на две части — летнюю и зимнюю — сохранились так называемые «летний день» и «летние ночи». К тому же времени относится представление о «полюсе» или «хребте» зимы. Последнее еще раз показывает, что крестьянин в своих наблюдениях над природой был очень точен: современные многолетние метеорологические наблюдения подтверждают, что кульминационный период холодов определялся совершенно правильно для различных местностей страны. При этом (как вообще это характерно для аграрных календарей) моментам, когда происходят изменения в погоде, придавалось большее значение, чем дням солнцеворота и солнцестояния, которые, хотя и были известны, но столь большой роли в хозяйственной деятельности не играли.

Большое различие в климатических условиях разных частей страны, определявшееся протяженностью ее с севера на юг и степенью удаленности от моря, вело к значительным расхождениям в датах одних и тех же сельскохозяйственных и животноводческих праздников. Кроме того, из-за неустойчивости погоды в весенний период даты некоторых традиционных дней практически менялись соответственно погоде данного

года. Так, день выгона стада, и без того различный в южных и северных частях страны, мог переноситься в случае неблагоприятной погоды на одну-три недели вперед.

Календарных праздников, связанных с пахотой и севом, у финнов вообще не сложилось. Вследствие этого на первый взгляд в весенний период в календарных обрядах животноводческие традиции преобладают над земледельческими. Но это чисто внешнее впечатление рассеивается при анализе главных весенних праздников. В сущности для правильного анализа аграрных праздников следует рассматривать таковые в течение всего годового цикла, как это убедительно показано в советской литературе[23]. Как правило, все аграрные праздники имеют у народа общие черты и элементы во всем годовом цикле, что позволяет лучше выделить их и проанализировать для выяснения их давно забытого смысла.

Одной из характерных черт в финских календарных праздниках, имеющих дохристианское происхождение, было зажигание костров. Эта традиция зафиксирована как остаточное явление в разных частях Финляндии, в связи с различными праздниками. Существен перечень этих праздников. В осенне-зимний период это был праздник кекри, знаменовавший окончание земледельческого года. В весенний период костры зажигали на пасху, вознесение, пятидесятницу и летом — на иванов день. В некоторых случаях эта традиция соединилась с церковными праздниками — пасхой, вознесением, пятидесятницей. Но зажигание костров и сжигание в них обмолоченных снопов или соломы говорят о старых земледельческих культах.

Как правило, в этих праздниках и другие элементы подтверждают их древность. Иногда об этом свидетельствует обрядовая пища или форма организации трапезы. Подобно тому, как у русских старейшими формами обрядовых блюд были кутья и блины, так у финнов были ячменная каша и пресные ячменные лепешки. То, что эти же кушанья характерны и для эстонских ритуальных трапез, подтверждает их древность.

В некоторых случаях смысл праздника раскрывается при анализе связанной с ним терминологии и сопоставлении ее с терминологией этих праздников у родственных народов. Примером тому может служить масленица: возможно, ключом к ее пониманию служит старинное название ее у води (чихлаго); языческая масленица символизировала соглашение с духами земли о новом урожае.

Привлекает к себе внимание и праздник вознесения, который финские крестьяне считали самым святым днем в году. Зажигание костров в этот день и некоторые другие действа показывают, что этот день связан с «обеспечением» плодородия полей. Можно полагать, что древнее название этого праздника у води и ижоры, значившее «отдых земли», и раскрывает смысл этого дня. Видимо, такой же языческий праздник был известен в прошлом и у финнов.

Сопоставление финских материалов с данными о соответствующих праздниках у соседних народов (не только родственных) вполне оправдано, так как на сходных этапах развития хозяйственной и общественной жизни складывались и аналогичные воззрения и традиции. Это в значительной мере касается аграрных календарей народов, живущих в сходных условиях.

В народном календаре можно видеть и те элементы, которые вошли в него под влиянием соседних народов. При этом на западе и юго-западе страны было ощутимо скандинавское и центральноевропейское влияние, восточное — в северной и восточной Финляндии, что характерно и для других элементов народной культуры финнов.

[1] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973, с. 134.

[2] У соседних народов окончание праздничного периода не было столь резким: у эстонцев, например, до сретения (2 февраля), у русских — до масленицы молодежи разрешалось веселиться, собираться на посиделки, ходить на гулянья в соседние деревни. То же можно сказать об обычаях у води.

[3] *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto. Keuruu, 1973, s. 38—39.

[4] В рационе крестьян в это время большую роль играл сухой кислый хлеб (reikaleipä läpileipä), выпекавшийся осенью в форме тонких круглых лепешек с дыркой в середине. Их нанизывали на специальные жерди и хранили под потолком жилища. В январе—феврале, когда шли работы в лесу по заготовке поделочного, строительного леса и дров, с собой брали в поездки этот сухой хлеб.

[5] В этом, в частности, финский народный календарь отличался от эстонского, где день Антона — Тыниса был большим праздником и серединой зимы (*Lätt S.* Eesti rahvakalender. Tallinn, 1970, lk. 17—41). Как известно, в России в некоторых местах на антоны перезимние также отмечалась середина зимы (*Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. — «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», XI, с. 17).

[6] *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto, s. 41—42; *Lätt S.* Op. cit., p. 49.

[7] Satakuntalainen keittokirja. Helsinki, 1969, s. 18.

[8] В Эстонии сретение было также и последним днем рождественских праздников, поэтому в этот день съедали один из рождественских хлебов и допивали пиво. Подробнее см.: *Lätt S.* Op. cit., 56—82.

[9] *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto, s. 49—54.

[10-11] Ibid., p. 56—62. Об этимологии см. также: *Toivonen Y.* Laskiainen. — «Virittäjä». Helsinki, 1932, s. 368—371. Аналогично финскому термину старое название масленицы у эстонцев — lihaheitepäev, т. е. день «оставления мяса».

[12] *Vilkuna K.* Finnisches Brauchtum im Jahreslauf. — «Folklore Fellows Communications». Helsinki, 1963, N 206, S. 65.

[13] *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto, s. 60.

[14] *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 26.

В. Пропп считает, что блины у русских — не символ солнца, а просто древняя пища из муки, т. е. пресная лепешка. Именно в качестве таковой блин стал обрядовой пищей (*Пропп В. Я.* Указ. соч., с. 16—17). В этом отношении блин, может быть, не без оснований сопоставлен с пресными ячменными лепешками у финнов и эстонцев.

[15] *Ariste P.* Vadja rahvakalender, lk. 21 jj.

[16] *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto, s. 69.

[17] У эстонцев название пасхи также самобытно — «lihavõte» — и означает «взятие мяса», — т. е. восходит к тому времени, когда соблюдали посты. У води пасха называется *энипяйвя* (*enipäivä*), что является переводом старого русского названия этого праздника «велик день» (*Ariste P.* Op. cit., p. 41 pass).

[18] В эстонском и водском языках названия вербного дня заимствованы также из русского языка (urbepäev, urppäivä) (*Ariste P.* Op. cit., p. 36).

[19] *Vilkuna K.* Vuotuinen ajantieto, s. 78.

[20] Другие народы считали также это время опасным и принимали различные меры оберега от ведьм (*Ariste P.* Op. cit., p. 42).

[21] *Vilkuna K.* Finnisches Brauchtum im Jahreslauf, s. 95—101.

[22] В Сатакунта мямми выпекали в чистый четверг и ели в страстную пятницу — это была постная еда (Satakuntalainen keittokirja, s. 18).

[23] В старину были распространены также названия sulamakuu или suvikuu, определяющие апрель как месяц таяния или оттепели (suvi в восточной и северной Финляндии означает оттепель).

[24] «Вальпургия выносит на поле севалку» («Vappu vakan pellolle kantaa»). «На Вальпургию горох в борозде» («Vappuna papu vaol»).

[25] *Ariste P.* Op. cit., p. 65.

[26] *Vilkuna K.* Volkstümliche Arbeitsfeste in Finnland. — «Folklore Fellows Communications», N 191, Helsinki, 1963, s. 48—54; *Rantassalo A. V.* Der Ackerbau im Volksaberglauben der Finnen und Esten mit entsprechenden Gebrauch der Germanen verglichen, I. Sortavala, 1919.

[27] У води вознесение (vaznessenia) имело более старое название — mäentšäüz — «отдых земли». Аналогично значение и ижорского mähenkääz. По представлениям этих народов, в день вознесения родилась земля, и она была табу — pyhä. Можно думать, что в прошлом у финнов на это время приходился некий аналогичный языческий праздник.

[28] *Пропп В. Я.* Указ. соч., с. 16 и сл.

СКАНДИНАВСКИЕ И ФИНСКИЕ ЛОПАРИ

* * * * * * * * * * * *

Т. В. Лукьянченко, М. Н. Морозова

Весенние праздники начинаются у лопарей, как и у всех скандинавских народов, с февраля.

2 февраля лопари отмечают день Марии. Эта дата и считается началом весны. В церквах освящают свечи. Их хранят дома как защитную силу против всякого зла [1].

В этот день во всех крупных населенных пунктах проходит традиционная весенняя ярмарка.

Следующим значительным весенним праздником, особенно у прибрежных лопарей, является день Петра, 22 февраля. По поверью св. Петр в этот день бросает горячий камень в воду, после этого реки, озера и моря становятся теплыми. С днем Петра связано много примет о погоде. В зависимости от того, какая стоит погода в этот день, такая же погода может продержаться в течение всей весны.

Жители морского побережья, приозерных и приречных местностей полагают, что неудачный лов рыбы в день Петра предсказывает плохой улов в течение всего года [2].

В феврале за сорок дней до пасхи начинается масленица. Она охватывает три дня: воскресенье, понедельник и вторник.

На масленицу обязательно едят особые булки и лепешки с морошкой, брусникой, черникой или вареньем. По обычаю, в понедельник хозяйки поднимаются очень рано и пекут булки и лепешки. Затем их горячими сразу же едят, часто лежа в постели: обычай, вероятно, заимствованный от скандинавов.

На масленицу, по старому обычаю, стегают прутьями друг друга. Этим в основном занимаются дети.

Устраиваются различные праздничные игры — состязание в беге на оленьих упряжках, различные виды борьбы [3].

Во вторник на масленице на стол подаются разнообразные сытные блюда — сырое и вареное оленье мясо, жареная, вареная и запеченая в тесте рыба, пироги и булки, испеченные на сале и начиненные ягодами [4]. Во время трапезы выражают пожелания об увеличении стада оленей, о его сохранении.

Во вторник наедаются в полную меру, так как после этого (с «пепельной среды») начинается длительный пост.

С «пепельной средой» связаны некоторые приметы. Верят, что, если съесть кусок мяса в этот день, то летом будут гибнуть олени. Сильный ветер предсказывает частые штормы и ураганы в течение года на море и озерах. В «пепельную среду» опасаются выходить на лодке, потому что часто бывает буря [5].

12 марта — день св. Григория. По народной примете в этот день с побережья внутрь страны прилетает первая птица, которая считается предвестницей весны. В народе говорят, что со дня Григория начинается весеннее равенство суток, и в этот день не зажигают вечером огня. Морозный день 12 марта обещает раннюю весну, а сырая погода — затяжную.

Южный ветер предсказывает благополучие в оленьих стадах.

25 марта — большой весенний праздник — благовещение. Говорят, что в этот день или накануне прилетают журавли, они «приносят свет», с этого дня можно выполнять вечерние работы и ужинать, не зажигая огня. Благовещение — самый последний из значительных дней, по которому определяют погоду на весну и лето. Если ночь на 25 марта — морозная, то летом будет сорок морозных ночей. Ясная погода 25 марта предвещает хороший урожай[6]. Накануне вечером запрещается шить, чинить упряжь, плести сети и выполнять другие работы.

Особое значение после благовещения придают, по народной традиции, последней перед пасхой страстной неделе, с которой связано много обычаев, поверий и запретов. Некоторые поверья и обряды с церемониями, предписанными христианской церковью (у лопарей лютеранское вероисповедание), переплетаются с языческими культами. Лопари продолжают, хотя и скрытно, почитать сейды, священные камни, поклонение которым связано с культом предков. На пасху многие лопари стараются незаметно посетить сейды и оставить там подарок[7].

Считают, что в ночь под пасху гуляют души покойных, а также нечистая сила, поэтому зажигают большие костры, «чтобы отпугнуть злые силы». На страстной неделе нельзя шуметь, так как шум может привлечь нечистую силу. Строго следят за тем, чтобы олений волос или шкура не попали в огонь — в противном случае это принесет несчастье в стадо[8].

Весенний праздник оленеводов



С различными днями страстной недели связаны приметы о погоде. Например, если в воскресенье, за неделю до пасхи, стоит хорошая погода, то она предвещает хороший урожай. Верят, что вода в четверг на страстной неделе содержит защитную силу. В четверг обрызгивают водой животных, чтобы предохранить их от болезней. Теплая погода в четверг предсказывает урожайный год.

Большое значение придают страстной пятнице. В этот день соблюдают строжайший пост. Лопари, как и их скандинавские соседи, одеваются в худшую одежду и выполняют наиболее тяжелые и грубые работы. По пятнице примечают погоду. Морозная ночь предвещает холодное лето. Снегопад — к обилию оводов в оленьих стадах. На побережьях по направлению ветра определяют улов рыбы летом [9].

Страстная неделя завершает длинный пост, после которого празднуют пасху — наиболее значительный из весенних праздников. К нему готовятся за несколько дней: убирают жилье, готовят угощение, пекут пироги, красят яйца и украшают их разными рисунками.

Веселье длится два дня. В пасхальное утро нельзя зажигать огня и курить, «чтобы не навлечь болезней на оленей». Первый день семья обычно остается дома. Устраивают разнообразные игры с крашеными яйцами. На второй день ходят в гости.

К пасхе часто приурочивают старинный лопарский праздник, связанный с возвращением весеннего солнца. Его обычно празднуют в конце марта или в апреле. Лопари собираются в центрах своих общин, а также в музее Скансен (музей под открытым небом в Стокгольме). По этому случаю надевают традиционные лопарские костюмы. Праздник начинается с «проводов зимы». Зиму провожают с веселыми песнями. После проводов в честь «приезда весны» устраивают танцы, игры, гонки на оленьих упряжках, состязания по разным видам вольной борьбы. Победители в играх получают подарки [10].

14 апреля — «праздник летнего дня» — занимает важное место в народной традиции. Утром обязательно надо накормить оленей освященным хлебом. Это обеспечит их благополучие в течение лета. Запрещается есть мясо, так как в противном случае будет падеж оленей летом. Отел оленей 14 апреля считается хорошей приметой.

В конце апреля начинается подготовка к майским праздникам. В праздник разводят костры, вокруг них танцуют, водят хороводы, создают шум с помощью разных предметов, «чтобы отпугнуть злые силы» перед перегоном оленьих стад на летние пастбища. Перегон оленей происходит обычно в середине мая. В день выгона стад оленей украшают ветками, лентами, цветами. Оленеводы надевают праздничную одежду.

Последний из больших весенних праздников — троица. К этому дню жилье украшают зелеными ветками в честь возвратившейся весны. Троица особенно веселый праздник для молодежи. В настоящее время к троице часто стали приурочивать традиционный весенний праздник Заполярных районов Скандинавии — праздник *калот*. На празднование в какой-нибудь из крупных северных городов съезжаются лопари всей Скандинавии. Выступают хоровые и танцевальные ансамбли народной лопарской самодеятельности. В 1968 г. такой праздник весны состоялся в июле в г. Тромсе в Норвегии. На праздник был приглашен и Ловозерский народный хор (Ловозеро — это современный центр Кольской Лапландии) [11].

Праздником калот завершается цикл весенней календарной обрядности у скандинавских и финских лопарей.

1 *Turi Y.* Das Buch des Lappen. Frankfurt, 1913, S. 48—51; *Norlind T.* Svenska allmogens liv. Stockholm, 1925, s. 430—431.

2 *Brynjulf A.* Dag og Merke. Oslo—Bergen, 1970, s. 106.

3 *Norlind T.* Op. cit., p. 432, 433; *Rehnberg M.* The Nordiska museet and Skansen. Stockholm, 1957, p. 125; Fataburen. Nordiska museets och Skansens årsbok. Stockholm, 1964, s. 7—29.

4 *Brynjulf A.* Op. cit., p. 155.

5 Ibid., p. 157.

6 Ibid., p. 112; Norsk folkeminnelag XII. Oslo, 1925, s. 66.

7 *Bernatzik H.* Lappland. Leipzig, 1935, S. 45.

8 *Norlind T.* Op. cit., p. 435, 436.

9 *Brynjulf A.* Op. cit., p. 160.

10 *Rehnberg M.* Op. cit., p. 124, 125; Fataburen. Op. cit., p. 7—32.

11 *Лукьянченко Т. В.* Современное хозяйство, быт и культура саамов Кольского полуострова. М., 1971, с. 227, 228.

НЕМЦЫ

* * * * * * * * * * * * *

Т. Д. Филимонова

По современному календарю весна у немцев считается со дня равноденствия — 22 марта. Однако народные представления отклоняются от официальных календарей. В далеком прошлом год у древних германцев делился на два периода — зиму и лето, и в некоторых немецких землях (например, в Бадене) по народному календарю вплоть до нашего времени день св. Гертруды (17 марта) считают днем завершения зимы и начала лета. В Вестфалии, Тюрингии и южной Германии концом зимы называют 22 февраля — день св. Петра (Petri Stuhlfeier), а в Шварцвальде начало весны отсчитывают от дня св. Григория (12 марта)[1].

Однако первые признаки весны появляются уже на сретение — *лихтмесс* (Mariä Lichtmess), 2 февраля. В этот день говорят, что зиму скоро забудут[2]. Считают, что день удлинился к новому году на петушиный шаг, ко дню трех святых королей — еще на прыжок, а к лихтмесс — на час[3]. Теперь крестьянин заканчивает все работы и ужинает при дневном свете; говорят, что «Мария гасит свет, Михаил (29 сентября) вновь зажигает»[4]. Крестьяне начинают готовиться к весенним полевым работам.

О том, что лихтмесс уже считается началом весны, свидетельствуют бытующие в эти дни обычаи, призванные обеспечить плодородие полей и хорошую погоду. Особенно было много обычаев, направленных на плодородие льна[5]. Так, в Шлезвиг-Гольштейне в этот день дети устраивали шествия с освященными свечами, при этом танцевали на улице вокруг костра и восклицали «Lang Flass!» (длинный лен), в Мекленбурге и Бранденбурге с этой же целью плясали на улице под лучами солнца взрослые женщины. В Гессене в этот день ели густую пшенную кашу и длинную жареную колбасу, чтобы лен вырос густым и длинным. В Брауншвейге в этот день ели белые булки и пили молоко, чтобы лен был белым.

Погоду в этот день предпочитали холодную. Считали, что лучше увидеть волка, чем солнце в этот день: «Сретение в клевере, пасха на снегу» (Lichtmess im Klee, Ostern im Schnee»)[6]. По народным приметам «на сретение коровы телятся, и куры начинают нестись» (Lichtmessen kalwet de kau un legget de häuner»)[7].

В некоторых областях вплоть до 1930-х годов слуги меняли в этот день место работы. В Баварии они прежде, чем устроиться на новое место, веселились несколько дней. В Вестфалии в этот день расплачивались с долгами[8].

В церквах на сретение святят свечи (лихтмесс — месса света). По мнению некоторых исследователей, этот обычай связан с дохристианским римским культом очищения и покаяния, а церковь посвятила эту дату (40-й день после рождества) памяти очищения Марии и принесения Христа в храм, поэтому она и получила особое значение у женщин, главным образом у рожениц. Детей, ро-

дившихся в этот день, считали ясновидцами[9]. Освященным свечам придавалось большое значение. Их сохраняли в течение всего года, ибо, по поверью, они охраняли от грозы и града, болезней и смерти, от злых духов и ведьм и вообще от всех несчастий. Восковые крестики прикрепляли над воротами и дверьми жилища, к комнатной балке и на деревья, на земледельческие орудия (в частности, на плуг) и даже на шляпы. На сретение девушки гадали о суженом. Делали всякие предсказания по тому, как горит свеча.

В Вестфалии и некоторых других областях, как уже говорилось, началом весны считали 22 февраля (день св. Петра), который церковь приурочила ко времени римских луперкалий[10].

Auf St. Peters Fest
Sucht der Storch sein Nest[11].
На праздник св. Петра
Аист ищет свое гнездо.

Хотя в этот день еще холодно, все указывает на приближение весны:

St. Petri Stuhl den Frühling winkt
St. Peter stösst den Brand in die Erde[12].

Престол св. Петра подает знак весне,
Св. Петр гонит тепло в землю.

Некоторые обычаи этого дня напоминают сретенские: работы ведутся только при дневном свете, слуги и пастухи могут наниматься к новым хозяевам, молодежь гадает, и т. д. С этого времени начинались первые работы на дворе и в саду. В Вестфалии, Ганновере, Гольштейне, а местами и в южнонемецких областях еще и в XX в.[13] в этот день собирали сухостой для топки печи, срезали сухие ветки у плодовых деревьев, в виноградарских районах шли работать на виноградник, готовили гнезда для высиживания цыплят и гусят. Полевые работы еще почти не начинались. Однако в магических целях в ряде мест устраивались шествия с плугом. Так, в Бишофсхейме в области Рён мальчики носили модель маленького деревянного плуга от дома к дому и приговаривали:

Steuer, Steuer Pflug!
Hat weder Sech noch Schar.
Wir woll'n lassen beschlag,
Und bald naus in Acker fahr[14].

Направь, направь плуг!
Он не имеет ни резца, ни лемеха.
Мы должны его подковать,
Ведь скоро в поле ехать.

Если в день св. Петра погода стояла хорошая, ясная, то сеяли горох и сажали капусту. Считали, что капуста, посаженная в этот день, не пострадает от гусениц[15].

В городах в этот день горожане собирались обсуждать общинные дела, в некоторых местах проходили выборы в магистрат и гильдии, распределялись общинные должности. По этому случаю варили крепкое пиво (Petribier), а также пекли пирог с медом (Peterskuchen). В Дортмунде этот обычай сохранялся еще и в XX в.[16]

Широко был распространен в день св. Петра обычай изгнания из дома всякой нечисти, которую представляли в виде драконов, змей и пр. (Sonnenvogel, Schwellenvogel, Sunnewurm, Summerfiugel)[17]. Повсеместно рано утром или же накануне вечером дети ходили от дома к дому с деревянным молотком, которым пользовались лишь в этот день и сохраняли из года в год, и стучали им в двери, стены и косяки, в угол ворот, чтобы изгнать нечистую силу. Это должны были делать обязательно дети. Поэтому люди, у которых не было детей, заранее договаривались с соседскими детьми, за что вознаграждали их деньгами или яйцами. В Падерборне изгнанием нечисти занимались ночные сторожа, а в некоторых местах — па-

стухи, что давало им дополнительный заработок. В Оденвальде у Аморбаха накануне вечером мальчики с лейками и цепями окружали все постройки крестьянского двора, гремели ими и говорили:

Morge, morge is Peterstag!
Da muss man die Schlange und
Krotte verjagt!
Naus die birkene Hecke,
Draus solle se verrecke! [18]

Завтра, завтра день Петра,
Нужно выгнать змей и жаб!
За березовую изгородь,
Пусть они там издохнут!

По всей видимости, этот обычай символизирует древнегерманский обычай изгнания зимы, хотя, как подчеркивает немецкий этнограф Ю. Липперт [19], крестьяне полагали, что изгоняют злых духов, принявших облик змей и других тварей.

Одним из наиболее веселых и буйных праздников этого времени года была масленица (Fastnacht, Fasching, Karneval). В прошлом масленица длилась несколько недель — от дня трех королей, а то и от рождества, до начала великого поста — «пепельной среды» (Aschermittwoch). В конце XIX—XX столетий — это обычно последние перед постом понедельник и вторник. Этими двумя днями заканчивалось веселье и наступал строгий 40-дневный пост. Однако нередко и после «пепельной среды» веселье еще продолжалось. В наши дни в Кельне и некоторых других городах различные карнавальные увеселения проводятся периодически, начиная с Нового года до «пепельной среды». Торговцы в городах поощряют это, стремясь извлечь побольше прибыли.

Название Карнавал заимствовано из итальянского языка. В Баварии и Австрии время, предшествующее Fastnacht, обычно называют *фашингом*, а последнюю неделю перед «пепельной средой» — Fastnacht. Собственно название Fastnacht (буквально постная ночь) означает ночь перед постом, ибо древние германцы вели счет не по дням, а по ночам, причисляя ночь к тому дню, которому она предшествовала.

Народ называет масленичную неделю и отдельные ее дни и иначе — «нелепой» или «чертовой неделей», «праздником шутов» и т. д., воскресенье перед постом «господской масленицей», первое постное воскресенье — «крестьянской масленицей», «старой масленицей», а также «воскресеньем искр» (Funkensonntag — Funken — искры), «факельным воскресеньем» (Fackelsonntag) и «воскресеньем костров» (Burgsonndang), очевидно, потому, что в этот именно день, хотя и был уже пост, чаще всего разжигали костры. Понедельник и вторник перед пепельной средой называют Torkeltäge (torkeln — шататься, нетвердо держаться на ногах) и Rastäge (rasten — отдыхать), т. е. дни, в которые не работают, веселятся. Особенно много названий имеется для последнего перед постом четверга. Его называли «жирным четвергом», «женским четвергом», «четвергом хлестания» (Fuedonnerstag — fuen — стегать прутом), «буйным четвергом» [20].

Некоторые исследователи производят диалектные названия масленицы — Fasnacht, Faselnacht, Fasnet, Faschelnacht — от древнегерманского глагола faseln (расти). Поэтому Faselnacht или Fasnacht, по мнению западногерманского исследователя обычаев Ферле, могло означать время, в которое заботятся о произрастании [21]. Однако вряд ли такое объяснение правильно. Глагол faseln означает также «пустословить, молоть вздор», что по смыслу больше подходит к характеру масленицы.

К XX в. масленица в большинстве районов превратилась в увеселительный карнавал с ряжеными, но еще в XVIII—XIX вв., а в некоторых сельских мест-

ностях и в XX в. этот праздник имел иной характер и сохранял ряд обычаев магического свойства, направленных на плодородие полей и благополучие людей. При этом в масленице соединились некоторые святочные обычаи и весенняя обрядность, свойственная и более поздним весенним праздникам.

Мысли крестьянина в это время были заняты предстоящими весенними полевыми работами. Нередко вокруг полей устраивались шествия с плугом, имевшие магический характер. Такие шествия в XV—XVI вв. были и в городах, например в Лейпциге. Здесь в конце XV в. ряженые парни тащили плуг по всем переулкам города. Если они при этом встречали девушку, то заставляли и ее тянуть плуг вместе с ними. И в других местах парни вытаскивали из домов девушек и впрягали их перед плугом. Если ряженые парни тащили плуг вместе с девушками, то этот обычай толковали как штраф с достигших брачного возраста, но еще не вступивших в брак парней и девушек. Однако такое толкование обычая в XIX в. было распространено уже не широко. Обычно считали, что участие молодой девушки в таком шествии полезно для произрастания растений. По возможности выбирали наиболее красивых девушек, которые одевались в свои лучшие праздничные наряды. Полагали, что лен, посеянный невестой, растет лучше. Нередко в таких ритуальных действиях участвовали дети, ибо думали, что это окажет благотворное влияние на рост посеянных растений. Участвовать в таких торжественных действах считалось большой честью.

Рядом с плугом часто шли крестьяне с различными сельскохозяйственными орудиями [22]. Плужный передок во время шествий тянули мужчины и в Берлине в конце XIX в.[23]

В Альгеу ряженые парни на масленицу имитировали полевые работы. Вдруг появлялась «ведьма» и пыталась помешать им. Парни ее отгоняли. Эта сценка как бы показывала, что ничто не может помешать началу полевых работ, и утверждала неизбежную победу лета над зимой [24].

Большое значение в качестве апотропея придавалось воде. В тех местах, где протекал ручей, шествие с плугом обязательно направлялось через него — и плуг, и девушки оказывались в воде; там, где не было ручья, их обливали водой из ведра.

В Медебахе в Зауерланде [25] девушки обливали водой парней в масленичный понедельник, а во вторник — парни девушек. Считали, что облитого водой на масленицу летом не будут кусать мухи и комары и он избежит несчастий. Даже в крупных городах во время карнавалов стараются обрызгать водой стоящих или проходящих около фонтанов.

Большое значение придавалось и свежей зелени.

В Зауерланде и ряде других районов на масленицу трактирные служанки преподносили завсегдатаям кустики бука, украшенные бантиками из цветных лент, за что получали вознаграждение [26]. В некоторых местах (в Юберлингене на Боденском озере, в Мекленбурге) почти до наших дней торжественно устанавливали в масленичный четверг дерево шутов (Narrenbaum) в качестве символа ожидаемой весны [27].

Вплоть до XX в. в Вестфалии был распространен довольно странный обычай: в масленичный понедельник девушки и женщины в Зауерланде стягивали с ног парней и мужчин сапоги и кусали их за большой палец [28]. На следующий день, во вторник, мужчины старались укусить у женщин большой палец на ноге. Считали, что с укусом уходят из организма укушенного все болезни и недуги. Тот, кого укусили, должен отдарить того, кто кусал, так как полагали, что этим ему была оказана честь.

В области Брауншвейга[29] вплоть до начала XX в. сохранялся схожий с предыдущим обычай: парни мыли девушкам ноги. Девушки за это привязывали бант к зеленой ветке, которую приносили с собой юноши, и отдаривали их водкой, колбасой и другим угощением. Этот обычай известен был и в Альтмарке. Иногда он принимал непристойные формы, и власти, начиная с XVIII в., неоднократно запрещали его. В XIX—XX вв. в большинстве районов вместо кусания и мытья ног парни щипали девушек за пятки; мужья натирали колени и икры ног женам пучком соломы или снегом, а жены — мужьям, или же мыли и чистили их башмаки. Дети натирали ноги или мыли башмаки дедушкам и бабушкам и получали за это подарки.

Большое значение для благополучия людей и плодородия полей и скота придавалось огню. На масленицу, чаще же в первое постное воскресенье, зажигали много ритуальных огней.

Наиболее распространено было зажигание костров на возвышенностях. Считали, что чем больше костер, чем большую поверхность он освещает, тем большую площадь полей будет озарять солнце, а поля уберегутся от града и будут плодородны. Поэтому в деревнях старались, чтоб костер был как можно больше. Иногда уже за некоторое время до масленицы дети ходили от дома к дому и выпрашивали топливо для костра. Обычно им в этом никто не отказывал. На масленицу парни приносили на ближайшее от деревни возвышенное место из леса одну большую ель или три поменьше, обрубали у них сучья, а верхушку украшали цветными лентами, вокруг нее складывали собранное топливо и все это зажигали. Во Флерингене (Эйфель) зажечь огонь поручали молодожену. Жители деревни молились и следили за тем, в какую сторону будет идти дым. Если дым направлялся в сторону поля со злаками, то будет хороший урожай. Молодые люди прыгали через костер, считая, что благодаря этому они будут весь год здоровы, а год — плодородным.

Кое-где на Мозеле, в Средней Германии, Верхней Баварии, особенно часто в Оденвальде[30], с горы катили вниз обмотанное соломой и подожженное колесо. В некоторых местах Шварцвальда и Гессена в тот момент, когда колесо зажигали на вершине, в долине трубили в олений рог, а дети поднимали шум. В Герсфельде области Рён, когда горящее колесо катилось вниз с горы, восклицали: «Пусть лен будет длинным!» («Der Flachs soll lang werden!»).

Широко распространено также было бросание горящего диска. Его бросали чаще всего в честь кого-нибудь — родителей, любимой девушки и пр., а также и для благословения полей. Считали, что, если диск не полетит, то «не будет счастья» тому, в честь кого это делали.

Швабские крестьяне верили, что горящий диск прогревает в земле семена, и растения начинают расти.

Поэтому молодежь прыгала по озимому полю и приговаривала:

Same, Same, reg dich,
Same, Same, streck dich.
Семя, семя, шевелись,
Семя, семя, вытягивайся.

Горящее колесо и диск выступают в данном случае в качестве символа солнца. По мнению Ферле[31], бросание диска — чисто германский обычай, романские и славянские народы его не знали и лишь позднее заимствовали у немцев.

В Баварии, где большое значение в хозяйстве имело животноводство, старались в масленичное воскресенье пораньше управиться с кормлением скота, ибо тогда, по поверью, можно будет «еще солнце запереть в хлеву» и благодаря этому весь год хлев будет теплым[32].

Главное в весенних обрядах, в том числе и масленичном, — это стремление пробудить новую жизнь. Все нежизнеспособное следует, по мнению народа, устранить. Отчасти это нашло свое выражение в широко распространенном у немцев на масленице сожжении соломенного чучела в облике старой женщины — символа зимы или смерти. Борьба зимы и лета, уничтожение зимы и смерти представлялось в разных вариантах и происходило в пепельную среду или в первое постное воскресенье, чаще же в четвертое — средопостное воскресенье (Lätare).

Культовый характер, видимо, имели в прошлом некоторые игры, превратившиеся в XIX—начале XX в. в спортивные состязания. Это скачки в Мюнстерланде, Западном Эйфеле и других районах, умерщвление петуха или курицы, голубя или кошки. В Оснабрюке в масленичный понедельник сажали в корзину петуха так, чтобы из корзины торчала только его голова. Нужно было отрубить петуху голову. По жребию парни с завязанными глазами состязались в ловкости до тех пор, пока кому-нибудь не удавалось, наконец, отсечь голову петуху. Возможно, что это следует рассматривать как пережиток жертвоприношений в прошлом какому-то языческому божеству или же умерщвления одряхлевшего старого духа растительности (у древних германцев петух — дух растительности)[33] перед предстоящим оживлением природы. Так или иначе, но смысл обычая забыт и со временем он превратился в довольно грубое развлечение.

Ритуальное значение имела и пища. На масленицу много пекли оладьев, лепешек, блинов, булочек. Последний четверг перед постом потому и назывался в некоторых местах «жирным», что ели много жирной и состоящей из многих блюд пищи, обычно семь—девять блюд. Как и на рождество, большое значение придавалось кушаньям, несущим в себе зародыш новой жизни (например, горох, просо, рыба и др.). Часть мучных изделий жертвовали хорькам, куницам и ястребам, чтобы умилостивить их, чтобы они не трогали кур. Считали, что если три лепешки, испеченные первыми, положить потом в первый сноп, злаковым не повредят мыши[34]. Даже на севере, в протестантских районах, где мало осталось от долютерского масленичного веселья, пекари выносили перед самым постом для продажи сдобные булочки с изюмом (Hedwigs)[35].

Главное же содержание масленицы в новейшее время составляют различные шествия ряженых, сопровождаемые танцами, шутками, шумом. В масленичных процессиях можно встретить самые разнообразные маски. Если в другие праздники маски со временем стали выходить из употребления, то на масленицу они сохранились во всех слоях общества. Уже в период средневековья сложились свои традиции празднования масленицы в отдельных городах и у отдельных ремесленных цехов и купеческих гильдий. Ферле[36] видит смысл ряжения в стремлении человека избавиться от повседневности, маска позволяет ему чувствовать себя свободнее, он может себе позволить бóльшее. Это правильно по отношению к современному городскому жителю. Однако смысл ряжения в прошлом, а в сельской местности почти вплоть и до XX в., очевидно, был и иным: устрашающего вида масками стремились отогнать злых духов, все опасное для человека.

Среди городских карнавалов наибольшую известность получили кельнский, майнцский и мюнхенский. По свидетельству немецкого этнографа А. Шпамера, кельнский карнавал в 1934 г. праздновал свое 700-летие. Подготовкой карнавала занимались специальные общества: уже в середине прошлого века их было в Кельне более тридцати[37]. По обычаю, подготовка к карнавалу начиналась в 11 минут 11-го часа пополудни

11-го числа 11-го месяца (т. е. 11 ноября). На заседаниях избирали карнавальные власти: короля или принца карнавала, который появился лишь в начале прошлого века, а в последнее время и принцессу, совет шутов, ораторов.

Уже в XVI в. кельнские патриции устраивали у себя в домах масленичные банкеты с ряжеными [38], в уличных же шествиях они не участвовали, считая это ниже своего достоинства. Зажиточные кельнские горожане рядились в наряд птицеловов. Шапки членов шутовских советов, собиравшихся на заседания, были украшены в первой половине XX в. большими фазаньими перьями, а в прошлом, видимо, петушиными. В ходу были и головные уборы, изображающие голову петуха с коротким острым клювом. Шпамер [39] указывает на сходство этого убора с комическим петушиным образом из итальянских комедий, продолжающим жить в маске Пульчинеллы (Петрушки). Хотя кельнский карнавал сохранил ряд старых черт, старинные демонические маски в нем отсутствуют.

Своей кульминации карнавал достигал в воскресенье, понедельник и вторник перед «пепельной средой». В Кельне и некоторых других местах до сих пор особо отмечается понедельник (Rosenmontag). Прежде он назывался Rasenmontag («бешеный понедельник») [40]. В этот день устраивались процессии из пышно разукрашенных машин, телег, повозок в виде корабликов, групп ряженых пешеходов и всадников. Процессию танцоров возглавлял Арлекин, за ним следовали одетые в местные костюмы «святые кнехты и служанки» — прежде их изображали 11 брачных пар, имевших добрую репутацию, которым город давал приданое. Бросали много конфетти, заменившего горох (символ плодородия), которым обсыпали друг друга и в XIX в. В Кельне еще в XX в. сжигали куклу — символ зимы. Ближе к вечеру ряженые с улиц расходились по ресторанчикам и общественным залам, отведенным специально для карнавальных балов. Разыгрывались драматические представления. В эти дни все могло осмеиваться.

На кельнский карнавал были похожи равные с ним по масштабам карнавалы в Майнце и Мюнхене. Интересно впечатление, которое произвел немецкий карнавал на В. И. Ленина. В письме к матери из Мюнхена Владимир Ильич писал 20 (7) февраля 1901 г.: «На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей — процессии ряженых на улице, повальное дурачество, тучи конфетти, бросаемых в лицо, бумажные змейки и пр. пр. Умеют здесь публично на улицах веселиться!» [41]

Своеобразны масленичные карнавалы в небольших южнонемецких городках — в Юберлингене, Констанце и других местах на Боденском озере.

Неотъемлемой частью карнавалов были танцы. Так, популярны юберлингские танцы с мечами. Известно, что и у древних германцев танцы с оружием были распространены. Смысл их в прошлом — магическая защита общины. Со временем первоначальный смысл тех или иных действий был забыт. Так, в начале XX в. в Юберлингене считали, что право танца с мечами было пожаловано им когда-то кайзером за особое отличие в войне. Танцоры проходили под скрещенными мечами и перепрыгивали через мечи. В сельских местностях очень широко бытовали на масленицу подскоки в танцах; местами еще помнят их первоначальный смысл — чтобы полевые культуры выросли высокими. Широко по всей Германии с конца средневековья были распространены танцы с обручами (танцы бондарей, бочаров).

Старые формы масленичных культовых обычаев сохранились в обычае Metzgersprung (буквально — прыжок мясника).

В масленичный понедельник в фонтане на Мариенплатц перед Мюнхенской ратушей после мессы происходило торжественное крещение учеников мясников и производство их в подмастерьев. Ученики были одеты в овечий мех, обшитый телячьими хвостами. Они старались обрызгать водой из фонтана всех стоящих вокруг, бросали яблоки и орехи. Прежний смысл этих действий, видимо, опять-таки заключался в магии плодородия.

Участие женщин в карнавалах, особенно в сельской местности, не поощрялось, но женщины праздновали свою женскую масленицу (Weiberfastnacht, Jungferfasnet), которая в виде пережитка сохранилась в ряде городов почти до наших дней. В XX в. она состояла в том, что в полдник женщины собирались в ресторанчиках или кафе и трапезничали без мужчин; присутствовали лишь общинные власти. Мужчинам разрешалось появляться только к вечеру на танцы, их угощали водкой. В Ирмельсхаузене (Франкония) в этот день принимали в женское сообщество молодых женщин, вышедших замуж после предыдущей масленицы. Они должны были принести кофе, пиво, водку и обслуживать более зрелых женщин. В Пфальце и других местах этот праздник называют Spurkel (от латинского spurcalia, spurcus — грязный, свинский), ибо на женскую масленицу нередко случалось так, что участницы празднества напивались и вели себя непристойно.

В Швабии и на Мозеле женщины имели право каждый год на масленицу вырубить в общинном лесу дерево и затем продать его, а деньги прокутить. В Кельне на старом открытом рынке праздновали свою масленицу торговки-перекупщицы. В Верхнем Эйфеле на женскую масленицу мужчины должны были во всем слушаться женщин. Особая роль отводилась самой младшей из замужних женщин. Одетая в объемистую юбку на обручах, в фиолетовый камзол и вязаную шапку, шла она с корзиной по деревне, сопровождаемая женщинами, которые, шумя и распевая, требовали шпик, яйца, водку. После обхода деревни устраивали пирушку [42].

Если в городах подготовкой к карнавалам занимались специальные общества или *буршеншафты*, то в сельской местности этим занимались люди, живущие по-соседству, или парни, собиравшиеся вместе на посиделки. В масленичных масках соединились и персонажи времен жатвы (Erbsenbär) и зимних святочных обрядов. Часто довольствовались простым переодеванием и вымазыванием лица сажей (отсюда: russiger Freitag — закоптелая пятница в Баварии, Швабии).

В Бранденбурге, как и на рождество, шествовали по улицам Schimmelreiter, фрау Харке [43] и ряженые в масках вола, аиста, козла, пастуха, а также цыгана с медведем и т. д. В слуховых окнах во вторник обычно выставляли соломенные чучела. Парни собирали по домам угощение. Этот сбор в Бранденбурге называли zampern, zempern. Отсюда, по мнению некоторых исследователей, и название масленицы Zimberstag [44].

Среди масленичных ряженых нередко встречались и образы «диких людей», которых немецкий исследователь германской мифологии и обрядности прошлого века Вильгельм Маннхардт рассматривал как сплав лесных духов и духов ветра [45]. Другие исследователи считают, что «дикий человек» — это персонификация демона зимы. В новейшее время на место «дикого человека» нередко заступает медведь [46].

В некоторых местностях прежде дети или парни шли в лес искать «дикого мужчину». Изображающий «дикого человека» был одет в мех, кору или листву и держал в руке деревце. В одних случаях его вели от дома к дому и получали подношения, в других, — найдя его в лесу, в него «стреляли», затем, однако, он «воскресал» и уже в каче-

стве ожившего его водили от дома к дому.

К середине XX в. ряженых в сельских местностях было уже мало; парни устраивали за свой счет пирушку с танцами [47], а мужчины пользовались случаем, чтобы лишний раз собраться поиграть в карты. Кузнецы, пекари, пастухи и т. д. обычно обходили своих клиентов и собирали подношения.

Большое значение на масленицу имели и обряды очищения: перетряхивали одежду, проветривали шкафы, наводили порядок в подвалах и на гумне. Мусор старались перекинуть на участок соседа. В «пепельную среду» очищали курятник и посыпали его золой или песком, посыпали золой и хлев, и скот. Считали, что таким образом отгоняли все злое. В народе, особенно в южных предальпийских районах, считали, что на масленицу разгуливают разные духи, проносится по воздуху «дикое войско», появляется фрау Харке или Берхта, поэтому надо было быть особенно осторожными. И хотя время фашинга (масленицы в широком смысле) считалось временем свадеб, в собственно *фастнахт* (вторник перед «пепельной средой») свадьбу устраивать было нельзя [48]. Магический характер имели некоторые другие действия крестьян — в масленичные дни, обычно во вторник, в Вестрихе (Пфальц) крестьянин клал во дворе обруч, внутри него крошили остатки масленичных булок или оладьев, квашеную капусту и кусочки мяса и выпускал во двор кур. Считали, что куры, которые будут клевать внутри обруча, хорошо будут нестись, и все яйца будут класть в гнезде [49]. В некоторых местах закапывали на пашне петуха, думая, что растения будут лучше расти.

Борьба против неплодородия выражалась и в том, что в масленичные дни особым насмешкам подвергались взрослые незамужние девушки.

В конце масленицы — во вторник, а часто и в «пепельную среду» или даже в первое постное воскресенье, во многих местах был распространен в различных вариантах обычай «похорон масленицы». Так, в Пфальце (в Вестрихе) во вторник закапывали соломенное чучело — масленицу в землю. В графстве Марк [50] в «пепельную среду» клали на носилки чучело парня, набитое соломой или стружкой (здесь его называли Бахусом), и несли по городу или через деревню. За носилками шли соседи и пели соответствующие песни, а, дойдя до городской ямы с отходами, выбрасывали его туда. Случалось, что вели в качестве Бахуса живого человека, завернутого в солому; в конце шествия солому сжигали, а Бахус — молодой парень — быстро из нее выскакивал [51]. В некоторых местах (например, в Аттельне, Вестфалия) несли по деревне ящик, в котором была спрятана молодая девушка, одетая в костюм старой женщины. В определенный момент с нее снимали старые одежды, и она представала взорам окружающих вновь молодой. Часто над чучелом Бахуса предварительно устраивали суд, его обвиняли в тяжких грехах [52].

Много примет у немцев было связано на масленицу с погодой. Чем длиннее сосульки, тем длиннее будет лен. Мороз на масленицу — хорошо. Зеленая масленица — белая пасха (т. е. снег на пасху). Сырая и темная масленичная неделя предвещает во время уборки хлебов сырую погоду [53].

«Пепельная среда» считалась несчастливым днем, ибо, по поверью, в этот день Люцифер был низвергнут с небес. Нельзя было в этот день ни выгонять, ни загонять в хлев скот, нельзя было мести избу, ходить в лес. С «пепельной среды» начинался великий пост.

Хотя похороны масленицы и означали конец зимы, тем не менее собственно символическое изгнание и встреча лета происходили во многих районах на четвертое воскресенье поста (Lätare, Sommertag), в которое в ряде областей,

по мнению народа, начинается весна. Четвертое воскресенье поста называют у немцев еще «черным воскресеньем», потому что в этот день «изгоняли смерть».

По данным А. Беккера[54], обычай изгнания смерти был известен по всей Франконии, несмотря на многократные запреты. Почти вплоть до наших дней театрализованные представления борьбы зимы и лета сохранились и в городах ГДР — Лейпциге, Дрездене, Эйзенахе и др.

В Гейдельберге (ФРГ) в шествиях этого дня, возродившихся вновь в конце XIX в., участвовали сотни детей. Каждый нес в руке Sommertagsstecken — очищенный прутик с пучком зелени (еловых или буковых веточек) или фиалкой на макушке, украшенный кренделем и яйцом или яблоком. Несколько мальчиков, закутанных в солому (символ зимы), боролись со своими сверстниками, одетыми в еловые ветки (символ лета). Соединение вечной зелени, яйца (символ плодородия) или яблока и кренделя (очевидно, символ солнца) ясно указывает на смысл этих шествий в прошлом, пока они не превратились в детские развлечения, — стремление пробудить новую жизнь, вызвать плодородие.

В Пфальце борьба зимы и лета выросла в крупные драматические представления. Далеко не все весенние песни, которые пели во время процессий, сохранились полностью. В тех куплетах, которые пели еще в середине XIX в., обычно обращались к лету:

Wir woll'n hinaus in den Garten
Den Sommer zu erwarten,
Wir wollen hinter die Hecken
Den Sommer zu erwecken.
Die Veilen und die Blumen
Die bringen uns den Sommer[55].

Мы хотим в сад
Лето ожидать,
Мы хотим за изгородь
Лето пробудить.
Фиалки и цветы,
Принесите нам лето.

Зима и лето противопоставляются в борьбе и споре. Шум, который при этом производит молодежь, по поверью, отпугивал все злое. В этой игре часто смешиваются разные компоненты — часть масленичных шуток и игр, более поздние добавления и персонажи из литературы. Под влиянием христианства стали понимать это как борьбу доброго и злого, Христа и Иуды, в реформатское время — сторонников протестантизма и папства. В некоторых шварцвальдских городках в это воскресенье разыгрывались сценки на исторические сюжеты: борьба французов и австрийцев за обладание Шварцвальдом.

Во многих областях в средопостное воскресенье был распространен обычай «выноса смерти», известный со средневековья. В Эйзенахе[56] он разросся в праздничное шествие, смотреть которое съезжались накануне второй мировой войны тысячи людей. В XVIII в. жители Эйзенаха выходили в этот день за ворота, выгоняя зиму, и добывали себе там «лето» — зеленое деревце, украшенное цветными лентами, пряниками и картинками библейского содержания. «Лето» приносили в город. В XX в. приготовления к добыванию «лета» начинались задолго до праздника. Украшали дома (флагами и зеленью), деревья и самих людей. В пятницу устанавливали большую ель, украшенную гирляндами из яичных скорлуп, кренделями, фигурками петуха и цветными лентами. Для развлечений горожан устраивали карусели, качели, балаганы с канатоходцами и т. д. Праздничное шествие начиналось в воскресенье. Впереди везли огромный крендель, яйцо и петуха, за ними двигались ледяной король со свитой, мальчики и девочки с санями и на коньках, снежные вели-

каны (соломенные чучела). На повозке из-под угля везли плененного, закованного в цепи снежного великана. Телегу сопровождали ряженые — спутники весеннего короля: подснежники, фиалки и бабочки. На роскошной повозке везли госпожу Лето, далее шествовали другие символы весны — от майского жука до пасхального зайца, огромная саламандра, аист с маленькими детьми и детской коляской, ягнята, козлята, телята, поросята и т. д. На праздничной площади происходила борьба зимы и лета. Гигантскую куклу, изображающую зиму, сжигали, а вокруг нее танцевала молодежь — спутники весны. Лето приветствовали песней «Nun sei gegrüsst vieltausendmal holder, holder Frühling» («Много тысяч раз приветствуем тебя, милая весна»). Этот обычай изгнания зимы и встречи лета бытует в Эйзенахе (ГДР) и в наши дни [57].

Во франконской части Бадена (в Хеттингене и Риншгейме) в средопостное воскресенье в полдень выносили «смерть» — соломенное чучело, называемое здесь tote Degen (мертвая сабля), сопровождаемое молодежью с деревянными саблями. Время от времени процессия останавливалась, и парни били чучело деревянными саблями. Так доходили до границы общины и там бросали «убитое» чучело в воду. За оказанное всей общине благодеяние молодежь получала дары и затем пировала. Старики тщательно следили за тем, чтобы молодежь не забыла обычая. Бытует поверье, что однажды не вынесли tote Degen и напал ужасный мор, который прекратился только тогда, когда его вынесли. Обычай изгнания смерти

Шествие детей в средопостное воскресенье





Деревце, украшенное расписной яичной скорлупой

в той форме, как он был известен у немцев в XVIII—XIX вв., по мнению этнографа из ГДР Ф. Зибера, возник в Чехии в XIV в., когда там свирепствовала чума, и оттуда распространился и в Германии [58], хотя отдельные его элементы восходят к глубокой древности.

Еще в начале XX в. сохранялись кое-какие остатки чествования прилетевших птиц и первой фиалки в качестве вестников весны. В XVIII в. во Франкфурте-на-Майне сторож с городской башни трубным звуком извещал о прилете первого аиста и получал за это вознаграждение. В Гессене вестником весны считали ласточку. Вестфальский крестьянин широко раскрывал ворота к моменту прилета ласточек и был очень доволен, когда ласточка вила гнездо в сарае, хлеву или в доме: «Где гнездится ласточка, там не будет несчастья» («Wo die Schwalbe nistet da kein Unglück fristet»). По поверью, ласточка защищает дом, где поселилась, от пожара, и главным образом от молнии. При виде первой ласточки девушки умывались росой, чтобы избавиться от веснушек [59].

В день равноденствия в Гессене был распространен обычай устанавливать на соломенной крыше дома модель деревянного плуга, запряженного пятеркой лошадей, и чучело пахаря. Эта группа оставалась на крыше дней сорок. В области Рен примерно в это же время мальчики ходили от дома к дому с моделью маленького плуга на доске [60]. Все эти обычаи имели магический смысл.

Последнее воскресенье перед пасхой называется «пальмовым» (Palmsonntag). В странах Ближнего Востока считали, что пальмовые или оливковые ветки после освящения их в храме защищают человека от злых сил. Освящение «пальм» в церкви у немцев известно с первых веков христианства. Вместо пальм пользуются чаще всего ветками вербы, бука, орешника, падуба, можжевельника и других деревьев и кустарников. В католических районах ветки украшаются. В некоторых областях уже задолго до вербного воскресенья приносили из леса тонкую ель или сосну, очищали ее совсем или частично от коры (чтобы под ней не прятались ведьмы и другие вредные существа), затем дерево украшали. На западе вешали много съестного — фигурные пряники, яблоки, позднее — апельсины, финики и т. д., а также ленты, крестики, «сердца». В воскресенье эти украшенные деревца или пучки веток несли в церковь для освящения, а потом деревца ставили в доме или чаще всего в саду. Ветки прятали в сундук, а часть из них прибивали к двери хлева, у распятия, в спальне, к коньку крыши. Во время непогоды кусочек освященной «пальмовой» ветки бросали в огонь, для защиты от молнии. После молебна или в полдень крестьяне шли в поле и там втыкали ветки вербы в четыре угла засеянной

пашни, чтобы уберечь посев от града. По поверью, эти ветки спасают людей и скот от болезни, защищают от ведьм и леших, «дикого охотника» и водяного. Лютер боролся против обычаев вербного воскресенья, но они частично все же сохранились и у протестантов.

К XX в. этот день стал до известной степени детским праздником. В некоторых районах украшенное дерево к вербному воскресенью прятали где-то в доме, а дети разыскивали его и затем радостные шагали по деревне, получая подарки. Для детей специально пекли из белой муки булочки в виде птиц, чаще всего наседку с цыпленком [61].

Шествия, которые инсценировали христианскую легенду о въезде Христа в Иерусалим, в XX в. сохранились лишь местами на католическом юге.

С понедельника после вербного воскресенья начинается страстная неделя (Karwoche). Народ имеет для каждого дня этой недели свое собственное название. Так, понедельник называют синим, потому что в этот день католики покрывают алтарь синим сукном; среду — днем Вотана или неправедной (krummen Mittwoch от krumm — нечестный, непрямой), ибо по легенде в среду был осужден Христос. Почти повсеместно четверг называется зеленым (Gründonnerstag), видимо, потому, что в этот день появляется на столе много блюд, приготовленных из свежей зелени. Пятницу называли тихой (Stillen Freitag), днем печали. Субботу — пасхальным вечером (Poschovend) [62].

Наиболее значительным днем страстной недели был четверг. В этот день, а в некоторых местах и в понедельник священник и кюстер делали обход деревни и кропили святой водой хлеб и соль, поставленные на стол, очаг, дом и хлев, а заодно и собирали яйца и свиные головы. Четверг — день очищения: чистили дом, проветривали одежду, изгоняли насекомых. Зеленый четверг предпочитался для пахоты, сева и по-



Встреча лета («госпожи Солнца») в Эйзенахе

садки огородных культур, так как считали, что в этот день пробуждалась вся природа; но не рекомендовалось в этот день прясть, шить, стирать, печь, забивать гвозди, разжигать большой огонь для варки или стирки. С четверга в церкви колокола не звонили — считалось, что они улетели в Рим на исповедь [63]. До субботнего вечера созывали верующих к мессе трещотками. Обычно с трещотками ходили мальчики, местами это делали ночные сторожа, за что потом получали вознаграждение от прихожан яйцами и деньгами.

На страстную неделю уже вырастали свежие травы (крапива и др.) и овощи — лук-порей, шпинат и др. Поэтому в зеленый четверг ели суп приготовленный из зелени (из 7, 9 или 12 видов), много шпината, а также мед и различные булочки, крендели и пи-

роги. Думали, что употребление в этот день зелени и овощей принесет здоровье. Много поверий связано с яйцами, снесенными в четверг или на страстную пятницу: считалось, что они не портятся и из них высиживаются хорошие цыплята. Их клали для защиты от молний и колдовства на балку в доме, а также в первый сноп. «Для усиления плодородия» яичную скорлупу с налитой в нее святой водой приделывали к веткам вербы, воткнутым на пашне в вербное воскресенье. Яйца, снесенные в пятницу, по поверью, помогают роженицам. Если хотят, чтобы родился мальчик, нужно съесть такое яйцо. Выпускали сырое яйцо в воду и по образовавшейся фигуре судили об урожайности отдельных видов плодов. Также считали, что и хлеб, освященный в эти дни, целебный, он не гниет [64].

В страстную пятницу прекращали все работы, особенно нельзя было брать в руки молоток и гвозди — орудия страданий Христа. Нельзя было убивать в этот день никаких животных, нельзя пить, огораживать поле колючей изгородью. Но, как и в четверг, работы в поле и огороде, посадки и сев лука, бобов, клевера, цветов поощрялись. Перед восходом солнца батраки выгребали навоз из хлева, ибо, по поверью, в земле, удобренной навозом этого дня, не будет вредителей.

Верили, что в эту ночь, как и в двенадцатидневье, разгуливают духи, пролетает дикое войско и нечистая сила. Считали, что, если в этот день шел дождь, то весь год будет очень сухим. Пополудни в страстную пятницу посещали могилы родственников и умерших возлюбленных. В некоторых местах это делали в пальмовое воскресенье (например, в Эйфеле окропляли могилу святой водой и ставили сосуд с нею и освященными вербами на могилу), в других — в зеленый четверг или пасхальное воскресенье [65].

Во время великого поста и особенно на страстной неделе кое-где разыгрывались драмы на религиозные сюжеты. Особенно широко подобные драмы исполнялись на сценах при монастырях и в деревнях южной Баварии. Постепенно и в эти чисто религиозные мистерии проникли неприличные шутовские сценки, так что власти со временем стали их запрещать. В 1770 г. подобные представления были запрещены по всей Баварии, однако время от времени они снова кое-где возобновлялись. Наибольшую популярность со временем приобрели мистерии в дер. Обераммергау (Верхняя Бавария), где вокруг много монастырей, и крестьяне издавна изготовляли культовые предметы. Согласно летописи, хранящейся в деревне, причиной, вызвавшей эти представления, была чума, поразившая жителей в 1633 г. Жители Обераммергау дали обет, что, если бог спасет их от болезни, то они каждый год будут представлять историю страданий и смерти Христа. Уже в конце XIX в. на эти представления съезжались тысячи зрителей со всей Германии и из-за рубежа. В представлениях участвовала значительная часть населения деревни. В настоящее время эти представления устраиваются раз в десять лет. По-прежнему они привлекают массу зрителей, особенно зарубежных туристов. Мистерии в Обераммергау оказали большое влияние и на подобные представления в австрийских землях [66].

В страстную субботу обновляли огонь. На дворе перед церковью или на церковном кладбище священник высекал кремнем новый огонь. Предварительно сюда мальчики стаскивали чурки и их поджигали. Все брали кусочек тлеющего дерева или уголек и шли домой разжигать новый огонь. Угольком на дверях дома и хлева чертили кресты, чтобы охранить дом от несчастий. С этой же целью клали под порог двери в хлев полученный в церкви кусочек освященной свечи. Несли в церковь свя-

тить хлеб, воду, соль, яйца. В освященной пасхальной воде крестили детей, но внебрачных детей крестить в этой воде запрещалось. Суббота также была днем очищения. В Кельне большую уборку в домах перед пасхой называли «den Judas ausfegen» (выметать Иуду).

В отдельных местах Зауерланда [67] вечером в школе собирались школьники, которые ходили затем с трещотками, чтобы «Judas zu jagen» (прогнать Иуду). В 12 час. ночи они поднимали страшный шум — топали ногами, стучали по скамьям, трещали трещотками. Поднимался шум и на улице. В некоторых местах с 12 до 3 час. ночи шли по улице ночные сторожа и будили всех к мессе, хотя в субботу колокола уже и «вернулись из Рима». Во время колокольного звона «Слава» старались перебросить мусор из избы к соседу на двор, так как думали, что таким образом можно избавиться от паразитов. После звона к мессе мальчики ходили по домам и собирали вознаграждение за свою работу в те дни, когда колокола «улетали». В субботу красили яйца, а вечером зажигали пасхальные костры.

Пасха (Ostern; на нижненемецком диалекте Pâsken) [68] считается одним из наиболее радостных праздников. И это объясняется не столько влиянием церкви, сколько временем, на которое она приходится: день уже заметно прибавился, весна входит в полную силу, зеленеют деревья и поля. Отзвуком недавней борьбы зимы и лета является обычай в некоторых местах (например, в Госсензассе) идти в церковь в пасхальное утро в зимней одежде, а после обеда — в летней [69]. Дети после пасхи могут уже бегать босиком, так как земля, по поверью, «приняла освящение». Как и в другие весенние праздники, на пасху большую роль играли обычаи, направленные на плодородие. Наибольшее значение придается яйцам — символу плодородия, зародышу новой жизни. Считают, что они также предохраняют от ведьм и колдовства. При первом выезде в поле пахарь должен был съесть яйцо, клали яйцо и под колеса плуга. Скорлупу от яиц примешивали в семена яровых и льна. В Верхней Баварии у Моосбурга на пасху крестьяне со своими работниками шли в поле, ставили по четырем углам кресты из свежих веток, тут же клали скорлупу, а в центре пашни зарывали яйцо [70].

Археологические находки свидетельствуют, что предки немцев клали яйца в гроб умерших. Р. Андрее сообщает, что в детской могиле у Вормса нашли крашеные яйца рядом с монетами, отчеканенными в 320 г.[71] Первоначально яйца красили в красный цвет, так как считали, что этот цвет обладает защитной и волшебной силой. Церковь отождествляла красный цвет с пролитой кровью Христа. Однако окрашивание яиц известно было и в древнем Египте, и в Китае. Люксембургский ученый А. Якоби считал, что окрашивание яиц в красный цвет распространилось из Египта [72]. К XVIII—XIX вв. техника разрисовки яиц достигла высокого уровня и разнообразия. Прежде яйца дарили в вербное воскресенье или в зеленый четверг, чтобы каждый имел в доме к празднику достаточно яиц. Позднее же яйца стали дарить на пасху. Яйцо и ягненок (в виде жаркого или печенья) — лучшие подарки.

По представлениям детей, пасхальные яйца им приносит обычно заяц, иногда и другие животные (петух — в Верхней Баварии и Шлезвиг-Гольштейне, аист — во франконской Тюрингии, лиса — в Ганновере, Вестфалии и Саксонии, а также кукушка, журавль, глухарь и т. д.). Поэтому взрослые прятали яйца в огородах, садах, лесах, в доме, а дети искали их. О прятании яиц есть сообщения, относящиеся еще к 1682 г.[73] При этом имело значение, какого цвета яйцо найдешь: красное — к счастью, синее — к несчастью. И в наши дни и в ФРГ,

и в ГДР на пасху для детей прячут яйца, а витрины магазинов украшают пушистые зайцы.

Издавна были распространены различные игры с яйцами. В настоящее время — это игры детей, а в недалеком еще прошлом и игры взрослых. Яйца катали, били яйцо об яйцо острым, а затем тупым концом. Разбившееся яйцо становилось собственностью противника. Одной из любимейших игр взрослых парней начиная с XVI в. была игра, называемая «Eierlesen»[74]. 100—200 яиц раскладывали на определенном расстоянии друг от друга в два ряда. Их нужно было собрать в корзину. Кто раньше соберет, тот победитель. Девушки дарили яйца парням, которые под новый год им пели серенады. Число подаренных яиц и его интерпретация различны по областям. В Кирхвайлере у Дауна, например, два яйца означало — никаких почестей, три — признание, четыре — почет, пять — любовь, шесть — согласие на брак[75]. На яичной скорлупе девушки гадали: выбрасывали ее через порог на тропинку, кто по ней пройдет, тот станет мужем. В XX в. во многих играх яйца заменены апельсинами.

На пасху готовили из пшеницы, молока и яиц Osterbrei (пасхальную кашу), хлеб пекли из пресного теста, обычно круглой формы. Много ели мяса, сыра. Любимым пасхальным блюдом в меню больших городов было жаркое из ягненка. В северных районах ели суп, приготовленный из девяти кореньев. По поверью, эти девять кореньев обладают властью против девяти злых духов, девяти ядов и девяти болезней[76]. На печеных изделиях изображали символы плодородия (фаллический, в виде зайца, петуха, ягненка и других животных). В хлеб в форме пасхальных человечков запекали яйцо. Пасхальную еду, как правило, прежде святили.

Большое значение придавалось очистительным и целебным свойствам воды, зачерпнутой в пасхальную ночь из проточного источника. Воду надо было черпать против течения и обязательно молча. Ею умывались, а прежде и купались, мыли тяжелобольных, поили скот. Пасхальную воду хранили весь год в закупоренных бутылках. По поверью, она помогала от некоторых болезней. Кроме того, считали, что после умывания пасхальной водой весь год не будет веснушек, бородавок, чесотки и т. д. В пасхальный понедельник парни обливали водой девушек, а во вторник — девушки парней. Девушки верили, что при доставании пасхальной воды можно в ручье увидеть лицо своего суженого. В Клайн-Шеппенштедте пасхальную воду ставили на огонь и клали в нее наперстянку, золу, кусочек хлеба и зерна ячменя и кипятили. Верили, что если первой всплывала наперстянка — к радости, если зола — то к смерти, хлеб — к свадьбе, а зерна ячменя — к плодородию полей[77]. Обычай доставания пасхальной воды в реке или ручье сохранялся в северных областях вплоть до второй мировой войны.

Как и на масленицу, на пасху жгли костры на возвышенностях. По данным немецкого этнографического атласа, основные районы распространения пасхальных огней в XX в. — северные области Германии; в XIX в. костры жгли и на юге[78]. Случалось, что в середине костра сжигали соломенное чучело — Иуду. В некоторых местах (Гарце, Золингене) прежде катили с гор горящее колесо. Обугленные остатки дерева уносили с собой, ибо, по поверью, они охранят дом от несчастий. Пепел рассеивали по пашне — от потравы хлебов мышами, добавляли в питье скоту — против болезней.

Видимо, как остатки старого культа деревьев следует рассматривать пасхальные шествия к старым дубам. В конце XVIII в. в графстве Равенсберг на первый день пасхи шли на близлежащие холмы к старым деревьям. В княжестве Минден молодые люди во-

дили хороводы под громкие крики вокруг старых дубов. Местами шествия к старым деревьям на пасху сохранялись еще в XX в.[79] Как в некоторые другие праздники, было распространено стегание «прутом жизни». Украшенные зеленеющие побеги березы дарили друг другу. От молодых посевов отщипывали побеги и клали их в матрацы, а также давали есть скоту, считая, что это принесет благополучие. На второй день пасхи все стремились в поля и леса.

Земледельцы совершали объезды или обходы полей с магическими целями, чтобы обеспечить их плодородие. С обходом полей во многих местах связаны конные состязания[80]. В Оснабрюке на пасху участвовали в бегах молодые девушки. Судьями были парни. Самые быстроногие разыгрывались с «аукциона». Кто больше всех предлагал, тот получал себе в партнерши для танцев лучшую бегунью.

Некоторые исследователи в качестве символа солнца, встречи весны рассматривали игры в мяч, которые до начала XX в. были довольно широко распространены на севере Германии. Мячи готовили зимой. Более крупные мячи шили портные из лоскутов, набивая их опилками. В округе Беккум вместо мяча играли с деревянной шайбой. Игры в мяч имели самые разнообразные названия.

С народными верованиями в обновление природы, очевидно, был связан и обычай на пасху надевать новое платье. Все в природе обновляется, должен и человек надеть новое. Еще в середине XX в. дети, надев новое платье на пасху, шли к крестным родителям, к дедушкам и бабушкам и получали в подарок монету, по возможности новую[81].

Как видим, и пасхальные обычаи, несмотря на то, что это был большой церковный праздник и духовенство всячески старалось придать ему христианский характер, представляют собой сплав обычаев различных времен и разного происхождения.

Первое воскресенье после пасхи называлось «белым воскресеньем», потому что в этот день происходила конфирмация, девушки в первый раз надевали белые длинные платья.

Первое апреля у немцев считается несчастливым днем: по преданию, в этот день родился Иуда. Взрослые и дети обманывают друг друга, посылают in den April (в апрель) к купцам и аптекарям с невыполнимыми поручениями: например, купить в аптеке комариный жир[82] и т. д.

День св. Георгия, приуроченный в одних районах к 23 апреля, а в других к 24 апреля, — покровителя лошадей и мелкого скота, в XX в. немцы уже не праздновали. В старину он считался временем хороводов, с него начинались майские обычаи. К этой дате засеянные поля огораживались и прогон скота или проезд по полю карались штрафом. В некоторых местах, особенно в предальпийских, в этот день устраивались скачки, благословляли лошадей. Сохранялось еще и в XIX в. поверье, что вода в георгиеву ночь целебна и вообще после этого дня можно купаться[83].

С 1 мая и духовым днем, который в некоторых северных областях (например, в Брауншвейге) считается уже началом лета, у немцев связано много сходных между собой весенних обычаев. Кое-где на протестантском севере еще помнят о старом мае — с него начинают сев льна. 1 мая предшествует Вальпургиева ночь, ставшая широко известной благодаря «Фаусту» Гете и Гуно. Свое название она получила по святой Вальпургии (день которой приходится на 1 мая). По поверью, — это ночь разгула ведьм, когда они слетаются на метлах и вилах на шабаш на гору, называемую Блоксберг (в качестве таковой наиболее известна гора Броккен в Гарце), и пытаются помешать весне (в Бранденбурге считали опасной не только Вальпургиеву

ночь, но и девять ночей до нее и девять после). В эту ночь всюду принимали меры предосторожности: двери хлева запирали и рисовали на них кресты, перед ними ставили также вверх зубьями борону. В восточном Пригнитце ходили вокруг деревни с бороной. В доме около детской кроватки клали накрест детские чулки, «чтобы ведьма не повредила ребенку». Во двор приносили оберегающие от несчастья травы, метлу клали поперек дороги. В ряде мест, напротив, метлы убирали, «чтобы ведьмы их не нашли». Крестьяне в этот день никуда не ездили, не пахали.

Местами в Вальпургиеву ночь жгли костры на полях или в селеньях; на них сжигали все старые метлы или же зажигали их и бегали с ними, как с факелами. Часто со старыми вещами сжигали соломенное чучело — ведьму. В окрестностях Детмольда (Вестфалия) парни скакали вечером вокруг костра верхом на рукоятках метел, в бумажных колпаках. Ряженые парни и девушки прыгали через огонь, бросали горящие колеса.

В начале XX в. мало что сохранилось от майских огней. Как и огни на другие календарные праздники, они должны были содействовать плодородию и здоровью людей и скота, но в майскую ночь, по поверью, они были и средством изгнания ведьм. Наряду с огнем ведьмы изгонялись хлопаньем кнута. Поэтому с заходом солнца парни бегали по полям и вокруг домов, щелкая кнутами [84].

В Эйфеле прежде в Вальпургиеву и последующие ночи в церквах звонили в колокола, «чтобы отогнать ведьм».

Одним из главных майских обычаев было установление майского дерева (Maibaum). Этот обычай к XX в. в северных областях уже вымер, но в 1930-е годы большое майское дерево снова ставили во всех городах и селах; обычай сохранился до наших дней. Кроме общинного дерева, почти повсеместно был обычай ставить маленькое деревце или куст под окнами любимых девушек или учителей, священников и других почитаемых в селении лиц. Девушкам, нелюбимым за что-то или порочного поведения, вместо деревца втыкали перед домом пучок хвороста или ветки разных кустов, каждая из которых имела определенный смысл. Так, терновник ставили сварливым, тополь — сплетницам, черемуху — ленивым, ветки вишни — легкомысленным и т. д.[85] Самым постыдным было, когда ставили перед домом соломенное чучело с фаллическими атрибутами или на кол насаживали свиной навоз, а от дома до хлева рассеивали мякину. «Ленивого соломенного парня» ставили и женщине, огород которой к 1 мая был еще не в порядке. Посадка майского дерева является пережитком языческих верований. По мнению Дж. Фрэзера, его сажали и украшали с целью испросить у духа дерева благодеяний как для всего села, так и для отдельных людей [86].

Накануне 1 мая вечером парни ходили по улицам с колядками и получали за добрые пожелания яйца, шпик, колбасу, деньги. Затем они отправлялись в лес за деревом. В некоторых местах ставились условия — парни должны были до захода солнца доставить дерево на праздничную площадь, не пользуясь телегой и лошадью. На ночь около дерева оставляли охрану, чтобы его не украли парни из соседней деревни, с восходом солнца, и когда дерево было украшено, его нельзя уже было красть. Устанавливаемое дерево очищали от коры, оставляя зеленой только макушку. Это делали для того, «чтобы под корой не прятались вместе с насекомыми и злые духи». На самой макушке укрепляли флажок или «петуха». Дерево украшали лентами, венком, кое-где яичной скорлупой, в южной Баварии на нем укрепляли профессиональные знаки, модели различных видов транспорта и другие фигурки. Вокруг майского дерева молодежь водила хороводы и пела песни.

К XX в. и обычай майского дерева во многих местах превратился в детский праздник. В майский день дети шествовали по селу с зелеными ветками, а затем обливали друг друга водой. Обливание водой на май и духов день, видимо, было связано с обычаем вызывания дождя. В то же время дождь 1 мая означает, по наблюдениям народа, что лето будет сухим.

Вплоть до наших дней местами (например, в Эйфеле, в окрестных деревнях и предместьях Кельна и Бонна) сохранился другой широко распространенный обычай — «продажа» девушек с аукциона (Mailehen, Mädchenlehen). Адам Вреде[87] считает его собственно франконским обычаем, хотя он хорошо известен и за пределами Франконии. По сведениям западногерманского этнографа М. Цендера[88], наиболее старые доказательства Lehnausrufen (т. е. — объявление о передаче девушек в ленное владение) восходят к концу XIV в. Этот обычай был широко распространен по всему Рейнланду, но вплоть до конца XVIII в. происходило простое распределение девушек, аукциона еще не было. Сведения об аукционе появляются в конце XVIII в. В XVI—XVIII вв. обычай связан был чаще всего с масленицей (вернее с первым постным воскресеньем) и лишь позднее перешел на 1 мая, а затем кое-где и на пасху. По мнению Цендера, впервые обычай стал исполняться 1 мая в Пфальце, Хунсрюке и в части Гессена.

Разыгрывали девушек в возрасте от 16 до 26—28 лет. Для проведения аукциона выбирали правление с «нотариусом», «оценщиком» и т. д., как на настоящем аукционе. Девушка присуждалась тому парню, который больше всего за нее дал, и становилась его партнершей по танцам на весь год или до храмового праздника, а на весь май уже обязательно. Парень должен был оберегать честь девушки и заботиться о ней. Майской королевой обычно становилась девушка, за которую больше всего дали на аукционе, она приносила «присягу». Парень, которому она досталась, становился майским королем. По мнению некоторых исследователей, этот обычай восходит к древнегерманскому обычаю выбора невест в мае.

1 мая в определенное время парень посещал свою девушку, посещал ее и в последующие дни, иногда дело заканчивалось сватовством. Если парень девушке не нравился, она подносила ему при следующем посещении цветок «толстого боба», что означало отказ. В Индене (округ Юлих) девушка подносила жениху, который ей люб, букет овсяных метелок с розой, неприятному — без розы.

Коллективный майский праздник оканчивался шествием майского короля и королевы или графа и графини. Во многие селения Эйфеля на 1 мая съезжались, как и на храмовый праздник, их уроженцы даже из отдаленных мест[89].

В это же время обычно выгоняли скот на пастбища и, чтобы ему ничто не повредило, стегали его в день первого выгона веткой рябины, срезанной на рассвете с дерева, на которое упал первый солнечный луч. В Вестфалии и Мекленбурге ударяли только молодую нетелившуюся еще корову. Затем хозяйка приглашала пастуха в дом и одаривала его, чтоб он лучше смотрел за ее коровой[90]. Хвастаясь друг перед другом, пастухи иногда украшали дерево рябины полученными дарами.

1 мая чистили колодцы, а девушки украшали их цветами, за что получали яйца[91]. Майская роса считалась целебной. В Ангальте, а также и в других местах рано утром девушки шли в поле, умывались росой и говорили при этом «доброе утро, Вальпургия, я принесла тебе свои веснушки. Они должны к тебе перейти, а у меня пропасть». В баварском Оберпфальце обязательно ели 1 мая жирный омлет, а парни жарили в лесу яичницу. В Вестервальде на

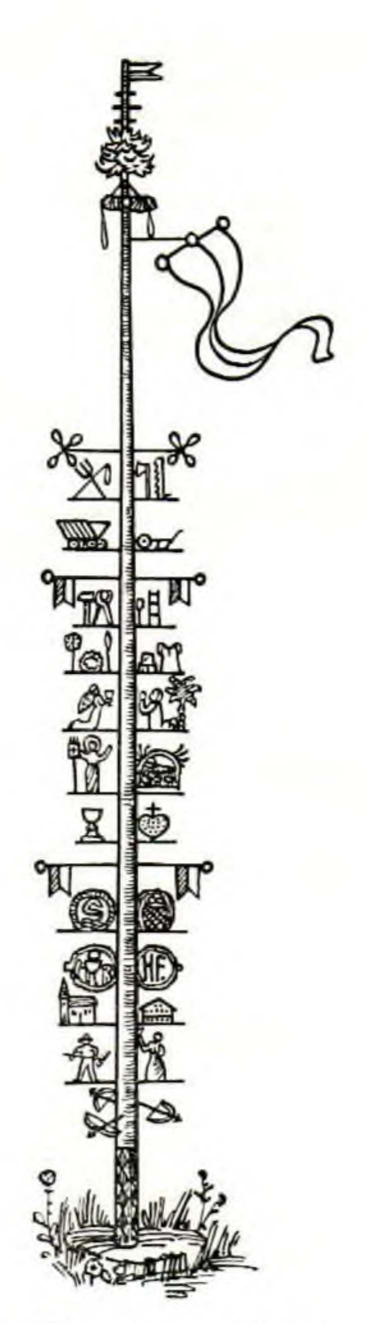
1 мая обманывали друг друга, как это делали в других местах 1 апреля.

Некоторые элементы традиционной майской обрядности вошли и в празднование совершенно иного по своему происхождению и своей сущности праздника — Дня борьбы трудящихся всего мира — 1 Мая. Так, в ГДР украшают к 1 Мая дома не только флагами и полотнищами с лозунгами, но и цветами, ветками зелени; на площадях устраивают майское дерево, украшенное венками и лентами; разноцветные ленты развеваются на шестах и столбах; во второй половине дня широко распространены различные спортивные состязания, народные гуляния [92].

За три дня до праздника вознесения (Christi Himmelfahrt) на Рейне в прошлом устраивали процессии вокруг полей и молились о хорошей погоде. В католических церквах в вентиляционное отверстие спускали изображение Христа, который во время молебна «возносился». Считали, что куда Христос при вознесении «взглянул», оттуда придет в следующем году непогода. Распространено поверье, что в этот день следует бояться грозы: он приходится всегда на четверг — Donnerstag, день бога грозы Доннара. В этот день стараются из мясного есть только птицу. В Алльгеу пекли хлеб в виде птицы [93].

Много сходных с майскими обычаями вобрал в себя праздник пятидесятницы (в воскресенье) и духова дня (в понедельник) на 50—51-й дни после пасхи (Pfingsttag). Немцы особенно чествуют духов день. В некоторых местах (например в Брауншвейге) его считают началом лета. Это был праздник полного торжества весны.

Как и на 1 мая, ставили майское дерево, если оно не сохранилось от 1 мая, украшали березовыми ветками дома не только снаружи, но и внутри, украшали школы и церкви. Так же, как и на май, устраивали шествия майской невесты, называемой теперь Pfingstbraut. В Рейн-

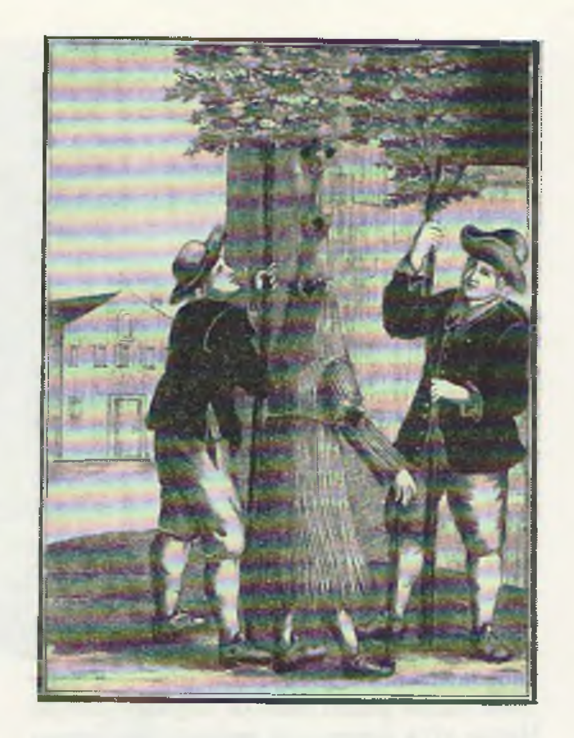


Майское дерево из Баварии

ланде и Пфальце майская невеста на духов день ходила одетая в белое, вместе с двумя спутницами. В Саксонии прежде майские жених и невеста прятались в лесу, их искали и торжественно, с музыкой вели по деревне. На юге Баварии разыгрывали полную свадебную церемонию. Около Мюнхена такой обряд называли Sandrigl. При этом иногда пели:

Der liebe Maie zieht ein
Mit Lied und Sonnenschein,
Es bringt Blümelein rot und weiss;
Wir fegen die Brunnen ihm rein.
Im Mai, im Mai, Juchhei!
Der Mai bringt Vogelein jung und alt.
Im grünen, grünen Wald[94].

Наступает любимый май
С песней и солнечным сиянием,
Он приносит красные и белые цветочки;
Мы для него очищаем источники.
В мае, в мае, юхай!
Май приносит молодых и старых птичек,
В зеленый, зеленый лес.



Обряд хождения с водяной птицей в южной Германии (XVIII в.)

Кое-где выбирали мальчика и девочку в качестве Pfingstbraut. В Тюрингии в лесу прятались парни, одетые в наряд из мха, их искали, «стреляли» в них, затем «вылечивали» и вели по деревне. Это называлось «дикого человека гнать из кустов» (den wilden Mann aus dem Busche jagen). В Нижней Баварии и в Майнингене молодые парни ехали в духов день верхом по селу и вели с собой соломенное чучело Пфингстля. Закончив объезд, чучело бросали в колодец. На Нижнем Рейне мальчиков, которые ходили с поздравлениями с зелеными ветками, обливали из окна, а около Эйзенаха и в Нассау мальчики сами обливали соломенное чучело, которое водили с собой.

В Верхней Баварии и в Бадене обряд был более торжественным: в понедельник водили по селу маску водяной птицы или носили чучело, обычно лебедя, туловище которого делали из зелени и болотных цветов. Птицу старательно обливали водой. Кое-где происходило это несколько иначе: девушки на берегу ручья обмывали «водяную птицу». Первоначальный смысл этих обливаний — чтобы было достаточно осадков летом. Позднее обычай с обливанием приобрел спортивно-развлекательный характер. Так, на гибком шесте подвешивали ведро с водой, к ведру была прикреплена дощечка, которую всадники должны были сбить. Неловкие парни задевали ведро и обливались водой[95].

На духов день в XIX в. были широко распространены объезды полей с молебнами о плодородии. Объезд начинался обычно до восхода солнца. Кони украшались лентами и другим убранством. У южных немцев, в католических районах, в процессии участвовал священник, также верхом. Участники процессии

останавливались по углам полей и читали Евангелие. На острове Рюгене (на Балтийском море) при обходе полей несли факелы. Местами на духов день жгли костры.

В целях оберега посевов рано утром до восхода солнца парни стреляли над полями боевыми патронами [96]. На Нижнем Рейне и в других местностях в духов день устраивалась стрельба по птицам. В честь наиболее удачливого охотника ставили на сельской площади ель или же шест с изображением птицы [97].

Прежде подмастерья различных цехов организовывали в духов день собственные шествия, возглавляемые майским графом и графиней. В 1920-е годы лишь подмастерья пекарей и пивоваров праздновали свой «добрый понедельник» со стрельбой, шествиями, танцами [98].

Ряд обычаев был связан с первым выгоном скота на пастбища. Обычно скот выгоняли до духова дня, а в этот день лишь разыгрывали первый выгон. Часть луга оставляли неиспользованным до этого дня. В одних местах первую пригнанную корову украшали венками, в других — последнюю. Каждый пастух старался первым пригнать сюда свою скотину. Над опоздавшим насмехались. В первый выгон устраивали на пастбище бой быков — старого и молодого, и победившего пускали в стадо. В некоторых местах пастух бросал под ноги коровам яйца, чтобы они их раздавили, и вследствие магического значения яйца «вся скверна осталась бы на месте и не попала с коровами на пастбище». С разделом общинных пастбищ эти обычаи постепенно утратились.

До середины XIX в. широко были распространены соревнования-скачки или бега. В Брауншвейге при большом скоплении народа ежегодно на духов день еще и в конце XIX в. устраивались конные состязания. В них участвовали только неженатые парни. Парней и девушек, имевших внебрачных детей, не принимали в игру. К соревнованиям начинали готовиться задолго до этого дня. Каждый делал определенный взнос, избирали главных действующих лиц — «офицера» и «знаменосца», которые руководили состязанием и говорили много речей и разных присказок. За четыре недели до духова дня каждый участник состязаний подбирал себе партнершу. В день праздника собирались всадники перед трактиром на нарядных, вычищенных до блеска лошадях. На шее лошади «знаменосца» был венок, а туловище обмотано шарфом. После речей и появления «офицера» процессия направлялась к дому, где собрались девушки. Девушки ехали на площадь на украшенной телеге, на которой везли знамя — приз победителю. После соответствующих церемоний начинались состязания. Каждый участник должен был проскакать под специально построенными воротами и сбить хлыстом подвешенный на них венок. Вечером устраивались танцы. На следующий день победитель получал приз — «знамя» (деревянный флюгер с маленькой деревянной лошадью) и прибивал его на дверь своего дома, а товарищей приглашал на угощение.

В этот же день девушки состязались в беге, участвовали в своеобразной игре: под глиняный горшок сажали петуха, и девушки с завязанными глазами должны были цепом разбить горшок. Игры завершались веселыми танцами [99].

В Пфальце, на то место, где на масленицу катили горящее колесо и «сжигали зиму», на духов день в торжественном шествии приносили из леса чучело из сучьев, называемое Pfingstquacks, закутанное в цветущий дрок. Оно изображало вновь омоложенного растительного духа. Иногда вместо чучела водили парня, закутанного в зелень [100].

Следующее за духовым днем воскресенье — троица (Dreifaltigkeit) на Рейне у сельских жителей особо свято. В Эйфеле его называют «тихое», «благочестивое» (Frommsonntag): все работы



Шуддиги — карнавальные персонажи из Шварцвальда



Пульчинелла — карнавальный персонаж из Рейнланда



Устрашающая карнавальная маска (Швейцария)

должны быть прекращены, иначе падет на работающих божье проклятие.

Рассмотренные весенние обычаи и обряды свидетельствуют о том, что, несмотря на многовековые наслоения, они тесно связаны с трудовой деятельностью человека, в них сохранились обычаи, направленные на благополучие людей и скота и плодородие полей. Обычаи обливания связаны с вызыванием необходимого для роста растений дождя, украшение цветами, очевидно, должно было содействовать лучшему цветению хлебов.

1 *Fehrle E.* Feste und Volksbräuche im Jahreslauf europäischer Völker. Kassel, 1955, S. 70, 71; *Sartori P.* Westfälische Volkskunde. Leipzig, 1922, S. 143; Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens, Bd. VI. Berlin—Leipzig, 1934/1935, Sp. 1532; *Lippert Ju.* Deutsche Festbräuche. Praga, 1884, S. 44.
2 *Fehrle E.* Op. cit., p. 69.
3 *Gute H.* Von Neujahr bis Silvester. Rudolstadt, 1959, S. 27.
4 Wörterbuch der deutschen Volkskunde von Oswald A. Erich und Richard Beitl. Leipzig, 1936, S. 458.
5 *Fehrle E.* Op. cit., p. 69; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 458; Landeskunde der Provinz Brandenburg, Bd. III. Berlin, 1912, S. 242; *Andree R. Braunschweiger* Volkskunde. Braunschweig, 1901, S. 330.
6 *Gute H.* Op. cit., p. 70.
7 *Andree R.* Op. cit., p. 330.
8 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 459.
9 Ibid., p. 458.
10 *Lippert Ju.* Op. cit., p. 4.
11 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 573.
12 *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. I Всенародный месяцеслов. СПб., 1901, с. 91.
13 *Gute H.* Op. cit., p. 67.
14 *Fehrle E.* Op. cit., p. 71.
15 *Ермолов А.* Указ. соч., с. 92.
16 *Prümer K.* Unsere westfälische Heimat. Leipzig, 1909, S. 455.
17 *Аничков Е.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. I. От обряда к песне. СПб., 1903, с. 271.
18 *Fehrle E.* Op. cit., p. 71.
19 *Lippert Ju.* Op. cit., p. 44.
20 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 179—180; *Spamer A.* Deutsche Fastnachtsbräuche. Jena, 1936, S. 21, 47.
21 *Fehrle E.* Op. cit., p. 72.
22 *Spamer A.* Deutsche Fastnachtsbräuche, p. 50; *Fehrle E.* Op. cit., p. 97.
23 Landeskunde der Provinz Brandenburg, S. 242.
24 *Fehrle E.* Op. cit., p. 90.
25 *Sartori P.* Op. cit., p. 148—149.
26 *Prümer K.* Op cit., p. 259.
27 *Fehrle E* Op. cit, p. 105.
28 *Prümer K.* Op. cit., p. 259; *Sartori P.* Op. cit., p. 148.
29 *Andree R.* Op. cit., p. 333—335.
30 *Fehrle E.* Op. cit., p. 76.
31 Ibid., p. 78.
32 *Fehrle E.* Op. cit., p. 105.
33 *Prümer K.* Op. cit., p. 68.
34 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 183.
35 *Andree R.* Op. cit., p. 330; *Meyer E. H. W.* Niedersächsische Dorf am Ende des 19. Jahrhunderts. Bielefeld, 1927, S. 22.
36 *Fehrle E.* Op. cit., p. 82, 87.
37 *Spamer A.* Deutsche Fastnachtsbräuche, S. 7.
38 *Spamer A.* Die deutsche Volkskunde, Bd. II. Leipzig, 1935, S. 94.
39 Ibid., p. 94.
40 *Fehrle E.* Op. cit., p. 96.
41 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 203.
42 *Wrede A.* Rheinische Volkskunde. Leipzig, 1922, S. 245—246.
43 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973, с. 143, 145, 154, 159.
44 Landeskunde der Provinz Brandenburg, S. 243.
45 *Mannhardt W.* Baum- und Feldkulte. Erster Teil. Berlin, 1877, S. 146.
46 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 840.
47 *Berkenbrink G.* Wandlungsprozesse einer dörflichen Kultur. Göttingen, 1974, S. 95.
48 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 181.
49 *Becker A.* Pfälzer Volkskunde. Bonn und Leipzig, 1925, S. 302.
50 *Prümer K.* Op. cit., p. 456.
51 *Zender M.* Mummereien im Rheinland. In: Sonderschriften des Vereines für Volkskunde in Wien, Bd. 2. Wien, 1972, S. 265.
52 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 182.
53 *Ермолов А.* Указ. соч., с. 61—63.
54 *Becker A.* Op. cit., p. 303.
55 *Аничков Е.* Указ. соч., с. 102, 183.
56 *Spamer A.* Die deutsche Volkskunde, S. 105; *Аничков Е.* Указ. соч., с. 136; *Fehrle E.* Op. cit., p. 116.
57 «Neues Deutschland» (Berlin) 6. April 1974, S. 9.
58 *Sieber Fr.* Deutsch-westslawische Beziehungen in Frühlingsbräuchen. Berlin, 1968, S. 2.
59 *Аничков Е.* Указ. соч., с. 102; *Fehrle E.* Op. cit., p. 115.
60 *Аничков Е.* Указ. соч., с. 332.
61 Wörterbuch der deutschen Volkskunde, SS. 563—565; *Spamer A.* Die deutsche Volkskunde, S. 109; *Fehrle E.* Op. cit., p. 122;

Prümer K. Op. cit., p. 68, 197, 456; *Wrede A.* Eifeler Volkskunde, Bonn, 1960, S. 301—302; *он же.* Rheinische Volkskunde, S. 254—255.

[62] *Prümer K.* Op. cit.. p. 457; *Andree R.* Op. cit., p. 336; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 260—261; *Sartori P.* Op. cit., p. 152.

[63] *Spamer A.* Die deutsche Volkskunde, S. 110; *Becker A.* Op. cit., p. 311.

[64] Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 260—261; 372.

[65] *Kück E.* Das alte Bauernleben der Lüneburgen Heide. Leipzig, 1906, S. 38; *Wrede A.* Eifeler Volkskunde, S. 301.

[66] *Водовозова Е. Н.* Жизнь европейских народов, т. III, СПб., 1893, с. 135—137; *Spamer A.* Die deutsche Volkskunde, S. 197; Aiblinger S. Vom echten bayerischen Leben. München, 1975. S. 290—291.

[67] *Sartori P.* Op. cit., p. 153.

[68] *Lippert Ju.* Op. cit., p. 33.

[69] Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 560.

[70] *Аничков Е.* Указ. соч., с. 349—350.

[71] *Andree R.* Op. cit., p. 340; *Fehrle E.* Op. cit., p. 128—129.

[72] *Fehrle E.* Op. cit., p. 128.

[73] Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 558.

[74] *Spamer A.* Op. cit., p. 114.

[75] *Wrede A.* Rheinische Volkskunde, S. 260.

[76] *Andree R.* Op. cit., p. 342.

[77] Ibid., p. 338.

[78] *Sartori A.* Op. cit., p. 154—155; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 558.

[79] *Sartori P.* Op. cit., p. 154.

[80] Ibid., p. 154—155; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 558.

[81] *Fehrle E.* Op. cit., p. 134.

[82] *Ермолов А.* Указ. соч., с. 211.

[83] *Аничков Е.* Указ. соч., с. 56—57.

[84] Landeskunde der Provinz Brandenburg, S. 245; *Wrede A.* Eifeler Volkskunde, S. 311; *Sartori P.* Op. cit., p. 160—161; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 802.

[85] *Wrede A.* Eifeler Volkskunde, S. 314.

[86] *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1928, вып. 1, с. 147.

[87] *Wrede A.* Rheinische Volkskunde, S. 263.

[88] *Zender M.* Das kölnische «Niederland» in Gestalt und Sonderart seines Volkslebens. In: Rheinische Vierteljahrsblätter. Jahrgang 36 (Heft 1/4). Bonn, 1972, S. 249, 252.

[89] *Wrede A.* Eifeler Volkskunde, S. 314.

[90] Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 458.

[91] *Аничков Е.* Указ. соч., с. 265.

[92] *Woeller W.* Deutsche Frühlingsbräuche: Vom Frühling und Mittsommer. In: Deutsch als Fremdsprache. 3/1967. 4. Jahrgang. Leipzig, S. 172—176.

[93] *Wrede A.* Rheinische Volkskunde, S. 266; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 310.

[94] *Аничков Е.* Указ. соч., с. 188.

[95] Ibid., p. 193; *Spamer A.* Op. cit., p. 118; Wörterbuch der deutschen Volkskunde, S. 579.

[96] *Fehrle E.* Op. cit., p. 138.

[97] *Wrede A.* Rheinische Volkskunde, S. 270—271.

[98] *Sartori P.* Op. cit., p. 160—161.

[99] *Andree R.* Op. cit., p. 351—355.

[100] *Becker A.* Op. cit., p. 315—318.

АВСТРИЙЦЫ

* * * * * * * * * * * *

Н. М. Листова

В народном календаре австрийцев весна, как и другие времена года, не имела четких границ. Календарь отмечал главным образом ее приближение. В Австрии эти сроки соединялись со знаменательными датами католической религии, прежде всего с днями многочисленных святых. Так, говорили, что в январе «Фабиан и Себастьян гонят сок в деревья» («An Fabian und Sebastian soll der Saft in die Bäume gehen») (20 января), а в Верхней Австрии — что после дня св. Винченца (25 января) недалеко время птичьих свадеб. Однако во многих областях Австрии 25 января считалось серединой зимы: «Половина зимы туда, половина зимы сюда» («Halbwinter hinum, Halbwinter herum») [1].

Одной из поворотных дат народного календаря было 2 февраля; в XIX в. большой церковный праздник у католиков — месса Марии со светом (Maria Lichtmess). Народные поговорки отмечают к этому времени уже значительный поворот к теплу: «до *лихтмесс* холод на земле, после лихтмессе холод поднимается в горы», а также прибавление дня: «С рождества до нового года — на зевок мухи, с нового года до дня трех королей — на шаг петуха, а до лихтмесс — на прыжок оленя» [2].

Подобное значение приписывалось и следующему дню — дню св. Блазиуса: «Святой Блазиус кончает зиму» («Der heilige Blasius den Winter aus») [3].

В некоторых районах Австрии начало весны соединялось с 22 февраля — днем восшествия св. Петра на папский престол (Petristuhlfeier). «День святого Петра кивает весне» («St. Petristuhl dem Frühling winkt»), — говорили в народе; плохая погода считалась не к добру. В Винчгау дети ходили с колокольчиками, с криком и шумом «будить весну» (Langaswecken). В Бургенланде, Нижн. Австрии и Штирии стучали в улья, приговаривая: «Вставайте пчелы, время пришло» [4]. Однако во многих местах Австрии февраль еще месяц зимних холодов. По народным приметам, тепло в это время предвещает позднюю весну: «Если февраль теплый, пасха холодная»; или: «св. Матиас ломает лед, если не найдет, то сделает его снова» (24 февраля). Начало месяца отмечено сильными ветрами и бурями: «Идет Херндль (февраль) с ревом и свистом» (Верх. Австрия).

3 февраля «кормили» ветер мукой, хлебом, колосьями и солью (т. е. приносили ему жертвы), и при этом прибавляли: «Ветер, ветер, уходи, убирайся к своему ребенку». Связь этого обычая именно с 3 февраля объясняется, вероятно, народной этимологией имени святого Блазиуса (blasen — дуть). Опасения частых в это время снежных лавин и обвалов нашли отражение в почитании св. Агаты (5 февраля) как защитницы от стихийных бедствий [5].

Народные обычаи, в прошлом приходившиеся на начало февраля, возможно, были связаны с почитанием огня (света). Так, в горном Тироле, где в этот день

солнце впервые начинает освещать склоны глубоких долин, был известен обычай ставить на окна блюдца с молоком или сливками, «чтоб напилось солнце». В этом отношении интересна традиция ходить 2 февраля с фонарями, сохранившаяся в Эйзенкаппеле (Каринтия). Из картона, бумаги и лучинок дети и взрослые мастерили фонари, придавая им вид церквей. Вечером ходили по улицам, пускали фонарики плыть по реке, их огоньки еще долго отражались в воде. В народе говорили, что огни отсылаются вдаль, так как день прибавился и работают уже при дневном свете.

Подобные обычаи были связаны в Австрии и с другими датами народного календаря.

Отголосок этого, вероятно, виден и в вошедшем в церковный ритуал освящении свечей. Свечи — грозовые, поминальные — различались по цвету и по форме. В течение всего года их зажигали как оберег во время родов, сильных гроз, ставили и в дни поминовения умерших. Так, 2 февраля, вечером, на столе, около печей, у дверей горели ряды свеч, якобы освещавшие путь умершим. Согласно традициям вся семья была в это время в сборе. В старину в этот день варили пшенную кашу, которую относили на могилы, позднее ее стали отдавать бедным [6].

Как конец зимы эти дни были и хозяйственными рубежами — сроками найма новых работников, расчетов и т. д. Ряд примет об урожае, сенокосе, иногда противоположного характера, был соединен с погодой этих дней. Так, в Каринтии считали благоприятной для хозяйства хорошую погоду, но чаще наоборот: «Погода ясная и хорошая, — если имеешь двух коров, продавай одну» («Maria Lichtmess hal und schön, — hast zwa Kūah, verkaf di ein»).

В народном календаре февраль как месяц до начала весенних сельскохозяйственных работ был относительно свободным. В середине февраля заключались помолвки, праздновались свадьбы, днем влюбленных считали 14 февраля, а их покровителем — св. Валентина.

В феврале—начале марта отмечают один из самых больших народных праздников приход весны — *фастнахт* — (Fastnacht), *фашинг* (Fasching). Значение этих слов получило различные толкования. По мнению одних исследователей, — это «ночь перед постом» (Fast — пост), по мнению других, — производное от глагола faseln (дурачиться, безумствовать). Фастнахт — нерелигиозный праздник. Его обрядность представляет собой сложное переплетение обычаев, происхождение которых разновременно. В ее основе лежит дохристианский праздник проводов зимы и встречи лета (первоначально год делился на два сезона) или весны. По своему значению эта обрядность во многом соответствует славянской масленице.

Празднование фастнахт в старину начиналось с 7 января и продолжалось до начала поста. Особо выделялись четверги (они слыли днями появления духов), и последняя неделя до поста (с четверга до среды). Ею, собственно, и ограничивается празднование в настоящее время.

Сохранились отдельные свидетельства о давних запретах некоторых женских работ в дни масленицы. Так, в народе раньше верили, что начиная с четверга в дома будто бы могла проникнуть таинственная призрачная женская фигура — Pfinzdweibel (Pfinzd — четверг, Weibel — женщина), уничтожавшая все, сделанное в эти дни. Согласно легендам ее сопровождали мыши, перегрызавшие спряденные нити [7].

Местами празднование продолжалось и в первую неделю поста — «большую», «старую» или «крестьянскую» масленицу (Grosse Alte Fastnacht, Bauernfastnacht) в отличие от предыдущей «господской» (Herrenfastnacht). Эти различия возникли в XVI в. с введением

грегорианского календаря в Австрии. Воспоминания о «старой масленице» долго сохранялись среди народа [8].

Не только крестьянами, но и горожанами масленица праздновалась очень шумно и весело. Об этом говорят и названия отдельных дней праздника — «безумный четверг» (Unsinniger Donnerstag), «безумная неделя» (Unsinnige Woche), «грязный четверг» (Schmutziger Donnerstag).

В эти дни отчасти потому, что за масленицей следовал пост, ели много жирной, особенно мясной пищи. «Сегодня масленица, сегодня ешь, что можешь», — говорили раньше по всей Австрии. Поэтому дни масленицы назывались «жирными»: «жирный четверг» (Foasta Pfinzda), «жирная неделя» (Fette Woche), «жирная ночь» (Fette Nacht), «обжорный» или «сальный» понедельник (Frassmontag или Schmalzmontag).

Убой скота перед праздником сопровождался рядом обычаев. Так, деревенские парни потихоньку старались выкрасть голову зарезанной свиньи. На другой день они устраивали пир, приглашали гостей, среди которых был и хозяин; в конце концов ему платили штраф, и все кончалось танцами. Блюдо из свиной головы, обязательное также и на новогоднем и на рождественском столе, имело в прошлом, по-видимому, ритуальный характер [9].

Но основными блюдами масленичного праздника были мучные, различающиеся по областям. В кипящем сале жарили пшеничные *крапфен* (Krapfen) с начинкой и без нее и круглые плоские лепешки. Крапфен бросали в огонь очага, зарывали в землю на полях — обычаи, свидетельствующие о древних жертвоприношениях; девушки дарили их ряженым. Возможно, что в старину эти действия имели и магическое значение: должны были привлечь изобилие [10]. Шумный карнавал, устраиваемый в эти дни, вероятно, должен был когда-то изгонять зимних демонов, вызывать и усиливать плодородие земли.

Еще недавно толпы ряженых, вооруженных трещотками и колокольчиками, ходили по деревням, прыгали и хлопали кнутами на полях и на лугах. Чем выше их прыжки, тем лучше будет урожай и выше трава, чем больше ряженых, тем плодороднее год, — считали в старину. Остатки таких шествий представляют зальцбургские *перхты*. Эти ряженые, чьи лица закрывали черные маски с рогами, одетые в овечьи шкуры, появлялись с первых чисел января. Близки к ним и пестроодетые тирольские *худлеры* (Hudel — тряпка).

Обычай рядиться во многих местах был привилегией мужской молодежи. Женщины и дети не только не участвовали в этом, но и старались не попадаться ряженым на глаза, так как их обливали водой, мазали им лица сажей и пеплом, обсыпали зернами злаков (древние символы богатства и плодородия). Вполне вероятно, что эти обычаи в далеком прошлом были связаны с какими-то организациями молодежи. Действующими лицами в уличных шествиях в городах были также мужчины, исполнявшие и женские роли. Однако в некоторых областях рядились и мужчины и женщины, причем переодевания в одежду противоположного пола составляли характерную особенность масленичного карнавала. Со временем эти шествия, сохранившие традиционную форму, превратились в простые развлечения или костюмированные процессии, собирающие множество зрителей.

Таково, например, шествие, которое устраивается ежегодно в небольшом тирольском городке Имсте. Главные его персонажи — шеллер (Scheller) и роллер (Roller), внешне напоминающие зимних «красивых перхт». Свои названия они получили от бубенцов и колокольчиков, укрепленных на их широких поясах. Огромные головные уборы представляют собой сложные сооружения из



Участники карнавала на масленицу. Ряженые шеллер и роллер (г. Имст)

искусственных цветов, блестящей мишуры, колосьев, плодов, а также крыльев, чучел птиц и осколков зеркала. Шеллер как мужской персонаж имеет более грубую маску с усами, в то время как маска роллера, несмотря на мужской костюм (все роли исполняют по традиции мужчины), отличается женственными чертами. В их свиту входят несколько сходных с ними фигур, но с гротескными чертами. Устрашающий вид имеют «мешочница» — женский персонаж с чертами людоеда и с мешком за плечами и «птицелов» с клювом птицы и сеткой в руках. Многочисленны обычные карнавальные маски — «кузнец» с наковальней, «аптекарь» с чудесными мазями, «пекарь», «барабанщик», «трубочист», «цыган», «еврей», «негр», «черт», «ведьма», а также разнообразные маски шутов, появившиеся в австрийском карнавале с XVIII в. Вся эта пестрая толпа двигается по улицам под резкие и ритмичные звуки барабанов и трещоток [11].

Во многих земледельческих областях Австрии, как, например, в Каринтии, в число ряженых включали «крестьянина с плугом», разбрасывающего опилки вместо зерен, другие ряженые имитировали сельские работы — сеянье, молотьбу. Были также маски, обвязанные соломенными жгутами, олицетворяющие, по-видимому, духов поля. Среди них — полуфантастический образ животного с головой козы или осла (Habergeiss), который встречается также в зимней и особенно в осенней обрядности. В этой же связи интересна игра «охота на медведя», устраиваемая в старину в Метництале (Каринтия). «Медведь» — ряженый, закутанный в солому и с маской зверя на лице, скрывался в соломенной хижине. Другие маски — «охотник», «олень», «кучер», «собака», — запряженные в плуг, «убивали» медведя, а хижину сжигали. В конце концов медведь «оживал», и его привязывали к плугу. По мнению Грабера — исследователя Каринтии, медведь олицетворял побежденную зиму [12]. Однако возможно, что эта игра представляла когда-то ритуальное убийство и возрождение духа растительности, зооморфные образы которого типичны для верований германских народов.

В число масленичных ряженых часто входила супружеская пара или жених с невестой, а раньше включались и элементы свадебного обряда. Эти черты были связаны с магией плодородия, характерной для земледельческой обрядности. На масленицу — в праздник обновления и возрождения природы — безбрачие в народе часто воспринималось как порок, который мог повлиять

на плодородие природы. Это отразилось и в одном из масленичных обычаев — Blochziehen (тащить блок), известном в Каринтии, Штирии и Тироле. Холостяки, а главным образом девушки, осыпаемые насмешками, должны были в наказание тащить дерево (Bloch) из леса. Несмотря на шуточный характер обычая, насмешки нередко получали обидный оттенок, чтобы избежать этого, старались заранее откупиться сластями, орехами, деньгами. Однако в Штирии когда-то придавали этому обычаю и иной смысл: тот, кто тащит дерево, скоро выйдет замуж или женится.

Нередко с этим обычаем был соединен и другой, приуроченный к разным весенним праздникам. Молодые люди ночью тайком приносили большую сосну или ель, а утром ее торжественно водружали на площади. Ствол дерева очищали от коры и веток, украшали синими и красными лентами, а верхушку — зеленью, яблоками, печеньем. Днем молодежь состязалась в ловкости, стараясь подняться по гладкому стволу[13]. Подобный обычай особенно характерен для майской обрядности.

В эти дни молодежь или только девушки тащили плуг по полям или вокруг них — обычай, известный и в других европейских странах. Девушек часто обсыпали овсом и обливали водой (магические действия плодородия). Иногда это хождение с плугом превращалось в наказание для холостяков[14].

Одним из главных персонажей масленичного праздника были «зима» и «лето» (или «весна»). В шествиях «лето», как и его свита, появлялось в ярком красочном костюме зеленого, красного, белого цветов, в руках у него была палка с бумажным яблоком на конце. Его спутники несли косы, серпы, грабли. «Зима» в серой или белой одежде, в шапке, больших рукавицах, со свитой, вооруженной лопатами, ухватами, кочергами. Между «летом» и «зимой» начинался поединок в виде стихотворного диалога, кончавшийся поражением «зимы».

В этих поединках сохранились воспоминания о средневековых драматических сценах, фастнахтшпилях. В основе их, по-видимому, лежало древнее представление о борьбе времен года. Главное содержание фастнахтшпилей — суд над зимой с обвинением ее во всех грехах и преступлениях и осуждением ее на смерть. В альпийских областях эти представления были пронизаны народным юмором; в качестве действующих лиц в них часто были включены и местные персонажи.

Городская масленица, особенно в XIX в., была временем танцев, балов, костюмированных вечеров. Уличный карнавал подготовлялся специальным комитетом, программа его каждый год составлялась под новым девизом и объявлялась заранее на городских площадях. Начиная со средневековья карнавальные процессии получили и сатирическую направленность. Ряженые несли карикатурные фигуры, транспаранты с комическими изображениями и стихами, высмеивающими местные происшествия или общественные и политические события.

Особенно бурно праздновали масленицу во вторник и в ночь на среду, с которой начинался пост. Во вторник (в городах) и в среду (в деревнях) погребали или сжигали куклу или чучело зимы или смерти (представление о них часто сливалось воедино). Со всей деревни собирали хворост и хлам для костров. В некоторых местах чучело бросали в реку или лужу, закапывали в землю. В городах эти обычаи превратились в похороны карнавала. Заранее рассылались или развешивались объявления о «печальном» событии, нередко церемония имитировала настоящие похороны. В Верх. Австрии на рассвете шли группы молодежи якобы искать могилу карнавала. Беда, если хозяин дома не заметил их во время и не отправил

к соседям — ряженые разберут порог дома и засыпят его мусором. Молодежь иногда собиралась отдельно, устраивала «погребение» военной службы, а студенты — учебного года, т. е. закапывали бутылку вина. Эти шумные беспорядки нередко вызывали запрещения со стороны местных властей [15].

С «пепельной среды» начинался пост, продолжавшийся до пасхи. В среду верующие посыпали головы пеплом в знак покаяния и печали. В народе пепел бросали и на поля, последнее, возможно, было связано с его прежним значением оберега. С этого времени вступали в силу церковные ограничения в пище, а также прекращались танцы, различные увеселения, не заключались браки и т. д. В народе еще нередко веселье продолжалось не только в среду, но и в первое воскресенье поста, т. е. на «крестьянскую масленицу». На западе Австрии на высоких холмах жгли костры, через которые молодежь прыгала в одиночку и парами, катали с гор горящие колеса, зажигали деревянные шайбы или диски, укрепленные на прутьях. При этом кричали:

Flack us! Flack us!
Über alle Spitz und Berg us!
Schmalz in der Pfanna,
Korn in der Wanna,
Pfluag in der Erda!
Gott alls Grota lot
Zwischat alla Stega und Wega [16].

Гори выше! Гори выше!
Над всеми вершинами и горами!
Пусть сало на сковородке,
Зерно в сеялке,
Плуг в землю!
Бог пошлет удачу
На всех тропинках и дорогах.

В Каринтии парни, бросая шайбу, называли имя любимой девушки, желали ей здоровья и удачи. Эти обычаи отразились в одном из названий этого дня — Funkensonntag (Funken — искра). На кострах часто пекли печенье. В этих народных развлечениях сохранялись, быть может, следы раннего культа солнца, вера в его плодородную и очистительную силу.

Обычаи, описанные выше, — опахивание плугом полей, украшение дерева, наказание холостяков — были приурочены иногда и к дням «крестьянской масленицы».

Народные приметы о погоде и урожае связаны почти с каждым днем марта. Так, первые три дня месяца соответствовали трем временам будущего года — зиме, весне, лету. Если в марте и сушит, и сыро, то амбары и бочки будут полны. «Мартовский снег вредит посевам». Хорошая погода 12 марта — в день равноденствия по юлианскому календарю (в католической церкви день памяти св. Григория) — свидетельствовала о наступлении тепла. В некоторых землях Австрии еще недавно к этому дню были приурочены и шествия школьников с ветками, которыми они хлестали прохожих. Празднования этого дня в школах было связано с событиями из жизни римского папы Григория XIII, известного своей реформаторской деятельностью в области школы, музыки, а также введением нового календаря в XVI в. Отсюда развилось почитание Григория как патрона учеников, учителей, ученых, музыкантов и певцов [17].

В хозяйственной жизни австрийских крестьян большую роль играло 17 марта — день св. Гертруды. К этому времени приурочивали начало работы в поле и в саду. «Св. Гертруда ведет коров на траву, лошадей в упряжь, выпускает пчел из улья» («Gertraud führt die Kuh zum Kraut, das Ross zum Zug, die Bienen zum Flug»), «Св. Гертруда открывает землю» или «зажигает» ее («Gerd steckt den Brand in die Erd»), т. е. оттаивает, согревает.

С началом работ в поле и в саду одновременно прекращались зимние ра-

боты дома. В народном представлении это отразилось в запрещении прясть в этот день, в наказание непослушным Гертруда якобы посылала мышей, рвавших пряжу: «Гертруда и мыши выгоняют прях» («Gertraud mit der Maus treibt die Spinerinnen aus»). Народный образ проник и в иконопись. Обычно Гертруду изображали как аббатису. Ее атрибутами были наряду с книгой прялка и веретено, иногда ее окружали мыши — в христианском представлении животные нечистые. Совершенно очевидно, что в этом канонизированном образе отразились черты какого-то древнего божества, место которого святая заступила. Можно предполагать, что это женское божество, появлявшееся, по-видимому, и в образах — Pfinzdweibel и зимней Перхты, распоряжалось женскими работами, прежде всего прядением, а также покровительствовало душам умерших[18].

С конца марта в народной весенней обрядности все чаще отражалось стремление сохранить урожай, страх перед летними стихийными бедствиями, многочисленны магические обычаи и обряды, направленные против засухи и града. Так, 27 марта, в день св. Руперхта, молодые женщины в белых платьях мыли статую святого (имитативная магия), чтобы вызвать дождь[19].

В весенней обрядности большое значение имеют обычаи, связанные с зеленью, особенно свежей, с верой в ее жизненную силу. Они вошли и в пасхальный цикл, несмотря на его ярко выраженную религиозную окраску. Так, древние корни, вероятно, имели процессии с зелеными ветками — *«пальмами»* (Palmen), устраивавшиеся в вербное, или пальмовое воскресенье. В Австрии, как и в соседних странах, под названием «пальм» известны ветки местных растений — большей частью ивы, вербы, бука, падуба, ореха. Обычно их связывали небольшими пучками. Еще недавно в церковь приносили альпийские Palmstangen — высокие палки в несколько метров высотой, их украшали лентами, блестящей мишурой, позолоченными орехами и кренделями, яблоками, число которых иногда достигало 200 штук, а также весенней зеленью. Раньше каждый парень считал за честь сделать самую высокую и самую красивую «пальму». Со временем их размеры значительно уменьшились, и теперь они не превышают 1 м. Освященные пальмы хранили в углу сада или под крышей дома. В народных обычаях им приписывали роль апотропея против злых сил, болезней, грозы и т. д. В Форарльберге в старину во время сильных гроз их веточки бросали в огонь очага, клали под углы фундамента и под порог строящегося дома. Возможно, что в этих обычаях сохранились следы древних жертвоприношений огню и духу дома. В других местах такую же роль играли сережки вербы.

Новую свежую зелень и овощи было принято употреблять в пищу на страстной (так называемый зеленый) четверг, в том числе — зеленый суп из семи или девяти трав (магические числа, частые в народных верованиях австрийцев). В этот же день в Тироле парни шли на луга шумом «будить траву». В пасхальную ночь выезжали верхом на лошадях на поля, кормили лошадей молодыми всходами, приносили их в дом. Всходами, травой и цветами украшали пасхальный стол[20].

Эти и другие народные обычаи вошли в пасхальный цикл и тесно переплелись с более поздними, связанными с христианством. В религиозном толковании последняя неделя поста — страстная неделя (Karwoche) — время траура, покаяний. В эти дни устраивались театрализованные представления на религиозные сюжеты — иногда в виде пантомим, иногда с пением и декламацией религиозных стихов. Особенную известность получили мистерии страстей господних в Тироле, Штирии и Каринтии. Со



Обрядовое печенье. Пасхальный заяц

среды замолкали колокола, и месса сопровождалась звуками колотушек и трещоток. По предположению австрийского этнографа Бургшталлера, этим шумом когда-то в начале весны изгоняли зимних демонов; вместе с другими народными весенними обычаями и этот обычай влился в церковный ритуал. Со временем эти шумные действия были опять вытеснены за пределы церкви и стали достоянием детей, которые ходили в эти дни по кладбищу или около церкви.

Интересен обычай «обновлять огонь», вошедший в пасхальную обрядность. В субботу перед церковью зажигали костер, для которого собирали хворост, старые кресты, венки и т. д.; в Верх. Австрии костер складывали из деревьев девяти пород. Огонь для костра добывался путем трения дерева об дерево или высекания искры кремнем. Вера в особую действенную силу огня, добытого таким примитивным способом, издавна была распространена и у других народов. В данном случае христианская церковь приложила к этому свою руку, освятив его. От нового «чистого» огня зажигали большую свечу, а в некоторых местах факелы, их разносили по домам, чтобы возобновить огонь очагов. Остатки факелов прятали в амбары или выносили на поля. Иногда на таком костре, зажженном от этого огня, сжигали соломенную куклу — Иуду, заменившего прежнее зимнее чучело. Ночью в Муртале и Лавантале (Штирия) на высоких холмах разводили костры, ждали восхода солнца, веря, что увидят утром, как солнце делает три прыжка[21].

Особое значение в обычаях, приуроченных к пасхе, придавалось обрядовой пище. Рано утром шли в церковь святить яйца, мясо, масло, сыр, обрядовый хлеб, положенный в специальную корзину. В старину, по-видимому, стремились святить как можно больше разной еды, так как верили, что это будет способствовать ее изобилию. В Тироле вместе с этим святили в церкви и живого ягненка, мясо которого съедали также на пасху. В горных районах священник сам обходил дома, освящая все домашние запасы мяса.

Хлеб выпекали из пшеничной и сеяной ржаной муки в форме круглых караваев, кренделей, рогаликов, круглых лепешек с различными украшениями. Распространены и печенья в виде фигурок петуха, ягненка (дарят мальчикам), курицы (дарят девочкам), а в городах — в виде зайцев. После возвращения из церкви вход в дом кропили святой водой или окуривали дымом. По традиции праздничный стол, как на рождество и на масленицу, должен был изобиловать едой. Каждый получал долю от всех освященных блюд; хлеб, как и мясо, раньше не резали, а ломали или рвали на куски. По обычаю освященная еда должна была быть вся съедена. Крошки со стола бросали воде,

огню и ветру, скорлупу от яиц давали скоту и курам, а кости от мяса относили на поля или в лес для лисиц, «чтоб не таскали кур».

Среди обрядовых блюд обязательно присутствовало свиное мясо — солонина или ветчина. В некоторых районах ночью зажигали костры, жарили на них мясо и разрывали его руками на части. Сам характер пищи, связанной со скотоводством, — творог, сыр, мясо, как и приуроченные к этому времени обычаи «будить траву» (корм для скота), скачки на лошадях, возможно, представляли собой следы какого-то древнего скотоводческого праздника, слившегося с пасхой.

Особую роль играли яйца. По-видимому, это было связано с дохристианским значением яйца как символа жизни, а также с доступностью его весной как кушанья. Крашение яиц в страстную пятницу было делом всей семьи; их приготавливали целые горы. Окрашивали преимущественно в красный цвет, иногда в другие цвета или же покрывали яйца узорами. Крашеные яйца преподносили в качестве подарков во время утренних приветствий, дарили родственникам и знакомым; девушки вручали их парням в знак особой склонности. В воскресенье, понедельник и вторник устраивали игры с яйцами, во время которых их множество били; раньше эти игры составляли любимые развлечения молодежи, в последнее время — детей. Маленькие дети искали в траве яйца, якобы снесенные пасхальным зайцем. Возможно, что роль зайца в пасхальных обычаях объяснялась его плодовитостью и была связана также с магией плодородия [22].

1 апреля в Австрии, как и в других странах Европы, считалось днем веселых шуток и обманов. Происхождение этого обычая до сих пор неясно. В народе этот день слыл несчастливым, поэтому в деревнях в прошлом 1 апреля не работали, не начинали новых дел, не



Крашеные яйца на пасху (Тироль)

выпускали скот из стойл; человеку, родившемуся 1 апреля, будто бы не везло в жизни [23].

В апреле выгоняли скот из стойл, это соединяли с днем св. Георга, приуроченным в одних районах к 23, а в других — к 24 апреля. У австрийцев широко распространено представление о Георге, как о покровителе скота, особенно лошадей. В Нижн. Австрии впервые в этот день выгоняли скот на поля, в Каринтии и в Верхн. Австрии благословляли скот, устраивали скачки лошадей. В многочисленных местах паломничеств верующие приносили железные вотивы — фигурки скота, подковы, коровьи рога — свидетельства о прежних жертвоприношениях. Как и в другие весенние праздники, в день Георга ходили с колокольчиками «будить траву», причем закрывали лица масками или чернили их сажей. «Куда вступят «георги» (ряженые), там вырастет хорошая трава и будет урожай хлеба», — говорили в Тироле [24].

В Каринтии в прошлом была распространена игра в «зеленого Георга». Ряженый в зеленой одежде ходил по домам. По преданиям, он беден, не имел

ни рубахи, ни штанов, наружность его некрасива: нос крючком, а ноги — грабли. Игра заключалась в охоте за ним и кончалась его смертью и похоронами. По мнению исследователя Каринтии Г. Грабера, игра представляет умерщвление зимнего демона, однако по ее характеру, названию и цвету одежды «зеленый Георг» может быть и одним из образов аграрной обрядности.

В другой области Каринтии — Розентали деревенские парни ходили по домам, собирая гостинцы, один из них был обвязан жгутами соломы. Стуча в дверь домов, они говорили или пели: «Святой Георг стучится в дверь, зеленой весной он приносит здоровье. Бог да сохранит ваших коров и лошадей, ваших собак, кошек и овец». Если же хозяева были скуповаты, то грозили: «Пусть погибнет ваш скот, ваши коровы, ваши волы, ваши лошади... И пусть умрут ваши девушки, а огонь уничтожит все, что вы имеете». Вечером молодые люди зажигали костры на холмах, пускали огненные диски, хлестали друг друга ветками.

Со скотоводством было связано и 27 апреля — день св. Перегринуса — покровителя скота. Раньше он считался большим праздником, сопровождался рынками, ярмарками, но в последнее время роль этого святого, как и его дня, уменьшилась, а часть обычаев перешла на соседний день Георга [25].

Последняя ночь апреля — Вальпургиева — вошла в народные поверья почти во всех германских странах как праздник ведьм и всякой нечисти. В Австрии известны также многочисленные легенды о «дикой охоте духов». В прежнее время крестьяне старательно запирали двери и окна домов, хлева, убирали вещи со двора, а грабли, лопаты, вилы втыкали в землю острыми концами вверх. На холмах жгли вальпургиевы костры. Для деревенской молодежи, особенно парней, это было временем шумного веселья. Они хозяйничали на чужих дворах, раскидывали мусор, развешивали на деревья, заборы все, что им попадалось под руки, — старую обувь, корыта, колеса и т. д. Особенно доставалось девушкам, которые почему-либо заслужили их гнев: под их окна ставили сухие деревья, трепаные соломенные чучела, сыпали опилки. В Вальпургиеву ночь, как в ночь, полную волшебства, собирали травы, умывались росой: считалось, что трава и роса в эту ночь приобретали особую силу, могли исцелять болезни, придавать красоту и т. д.

В ночь под 1 мая устанавливали майское дерево (Maibaum), которое старались незаметно выкрасть из леса, принадлежащего соседней деревне. В его украшении участвовала вся молодежь. Как и у других обрядовых деревьев, его ствол очищали от коры и веток, а небольшую верхушку украшали искусственными цветами, яблоками, сладостями, на самом верху укрепляли венок и бутылку вина для победителей в состязаниях. Майское дерево представляло гордость всей деревни, ночью около него ставили стражу, чтобы его не украли соседи. Нередко хозяева и похитители вступали в драку. Похищенное дерево старались поскорее вернуть, так как его потеря была не только позором, но и воспринималась как несчастливое предзнаменование.

Около майского дерева на площади молодежь танцевала, веселилась, устраивала различные игры. Из числа девушек и парней выбирали майских «жениха» и «невесту» или «короля» и «королеву», их украшали цветами, свежей зеленью, сажали на почетные места [26].

В конце XIX в. 1 мая стало праздником солидарности трудящихся всех стран. В число украшений, которые носят демонстранты, иногда входит и майское дерево.

Всю первую половину мая в большинстве областей Австрии еще опасались заморозков. Поэтому некоторые католические святые — Бонифациус, Панкрациус, Сервациус, чьи дни приходи-

лись (по церковному календарю) на это время (12, 13 и 14 мая), вошли в народный календарь как «ледяные святые». «Кто стрижет овцу до Серваниуса, тому шерсть дороже, чем овца» («Wer sein Schaf schert vor Servaz, dem ist die Wolle lieber als das Schaf»), — говорит народная пословица. В эти дни в виноградарских районах выставляли на ночь стражу, которая в случае похолодания стрельбой и колокольным звоном созывала народ, чтобы «жечь дымные костры». «Бонифациус, Панкрациус и Серваниус — три настоящих похитителя вина», — считают виноградари. Холода заканчивались 15 мая — днем «холодной» или «мокрой» Софии[27].

Ко всем знаменательным дням мая были также приурочены обряды против засухи, града, несвоевременных дождей. Но особенно часто они соединялись с большим религиозным праздником — вознесением. В этот день, как и в предшествующую ему неделю, идут и едут на лошадях религиозные процессии на поля, чтобы, как верят, таким образом обезопасить посевы, — действия, заменившие, по-видимому, ранние магические шествия. Позднее среди горожан они превратились в загородные прогулки и отдых. Сам день вознесения в народе часто связывали с сильными грозами (вознесение приходится на четверг, а по древнегерманским верованиям это день бога Доннера). В церквах в этот день устраивалось торжественное богослужение, во время которого поднимали к куполу изображение Христа или выдвигали его наружу через окно. По наклону статуи в народе судили о том, с какой стороны надо ждать грозы[28].

Защитником от пожаров в народе служит св. Флориан (4 мая). Поэтому его изображения часто можно видеть около домов, в настенной росписи, с сосудом с водой — как атрибутом. Опасаясь пожаров, в этот день в старину не зажигали огня, ели холодную пищу. В некоторых областях Флориана считали приносящим дождь, молились ему и во время наводнений. Дождь 4 мая был счастливым предзнаменованием. По мнению известного австрийского исследователя Г. Гугитца, культ св. Флориана был первоначально связан с водой. Женщины же часто молились ему о деторождении.

Св. Изидор (15 мая), изображаемый в иконописи простым крестьянином с плугом, косой и цепом, предстает в народных верованиях как защитник против засухи. Напротив, 25 мая в день св. Урбана — римского папы, которого в народе считали покровителем виноградарства (так как в мае цветут виноградные лозы), дождь представляет бедствие для виноградарей. Поэтому крестьяне то приносили в дар святому вотивы — грозди винограда, веря, что так смогут ублажить его, то угрожали ему, часто в бесцеремонной форме: «Св. Урбан, ты будешь в корыте» (в старину, в наказание за плохую погоду, статую святого нередко бросали в воду)[29].

Большими событиями в хозяйственной жизни австрийского крестьянина были начало весеннего сева и выгон скота на луга. Их сроки значительно варьировали в зависимости от естественно-географических условий. Ряд примет и запретов окружал эти дни. Так, в Тироле считали, что нельзя сеять и выгонять скот в среду, или в новолунье (в других местах — в полнолунье).

При начале сева крестьянин читал молитву, кропил «святой» водой лукошко для зерен. На дно его клали полотно, освященное на пасху. В Каринтии полотно должно быть из первой пряжи и обязательно работы самой хозяйки. Зерна смешивали часто с сережками пасхальной вербы, так как считали, что это может уберечь посевы от мышей, от града. В дар кротам и мышам по углам поля зарывали горсти кукурузы. Пасхальные яйца и хлеб клали в первые борозды, проведенные плугом.

Не меньшее значение придавали и выгону скота на горные луга-альпы. Большей частью его связывали с днями патронов скота — св. Георга и св. Григория (первый выгон) и с первыми днями мая, с праздниками пасхи и троицы — на горные майские луга. Перед тем, как вывести коров из стойл, им давали освященные воду, хлеб и соль. Пастухи ударяли коров ветками, сохранившимися со дня св. Мартина, потом ветки втыкали на альпах как оберег от обвалов и лавин. Нередко священник благословлял скот и кропил его святой водой. В горных деревнях все празднично одетое население собиралось, чтобы проводить стадо. Пастухи со своими стадами выстраивались длинными цепочками. Впереди шествовали коровы, украшенные цветами, — победительницы во время коровьев боев, устраиваемых осенью. Ночью на привалах пастухи жгли костры, как бы извещая долины о благополучном прибытии на пастбища [30].

Весенний цикл заканчивался в начале июня. Хотя этот период находится на рубеже лета, для него характерны такие элементы весенней обрядности, как магические обряды вызывания дождя, обычаи, связанные с новой зеленью, остатки скотоводческих празднеств, соединенных с выгоном скота. Все эти древние обычаи слились и с христианской обрядностью и приурочены к католическим знаменательным дням — духову дню (пятидесятница) (Pfingsten), троице (Trinitatis, Dreifaltigkeit), празднику тела господня (Fronleichnamstag).

Во все эти дни устраивались многолюдные процессии верующих на поля с духовенством во главе, молебствия, окропления «святой» водой посевов, заменившие дохристианские магические действия вызывания дождя, против градобития. В прошлом были распространены обливания водой друг друга (имитативная магия). В духов день в Каринтии на поля приносили чучела (или куклы) из соломы и зеленых веток — «водяного» и «водяной птицы». Особое значение приписывалось воде, в том числе реке, как целительной силе при болезнях кожи и глаз. Девушки умывались ею, веря, что она придает здоровье и красоту. Рано утром выгоняли скот, чтоб он ел траву, покрытую росой. Если дождь шел в этот день, то собирали дождевую воду и замешивали на ней тесто. В ряде мест источники украшали зеленью и цветами. Возможно, что все это говорит о прежнем культе воды.

Нередко участники процессий вели с собой и ряженых — «водяного», «жениха» и «невесту» или «короля» и «королеву», украшенных зеленью. В Нижн. Австрии водили одного «зеленого короля» или «короля Петера», последний иногда появлялся с черным от сажи лицом; в конце праздника его погружали в воду, «чтоб он отмылся». Возможно, что этот обычай раньше имел иное значение — жертвоприношения воде, в Швейцарии его связывали с христианизацией демонического существа. По всей Австрии было распространено украшение ветками и деревцами домов и церквей. В ряде мест ставили и майские деревья и устраивали вокруг них танцы и спортивные состязания.

В народе троица воспринималась и как пастушеский праздник. Пастухи как главные действующие лица собирались для совместного пиршества, еду для которого собирали по всей деревне. В Каринтии на троицу водили по деревне украшенного вола, мясо которого съедали в этот же день [31]. В некоторых местах устраивались скачки на лошадях.

[1] *Gugitz G.* Fest- und Brauchtumskalender für Österreich, Süddeutschland und die Schweiz. Wien, 1955, S. 8.

[2] *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich. Salzburg, 1948, S. 55; *Moro O.* Volkskundliches aus dem Kärntner Nockgebiet. Klagenfurt, 1952, S. 87.

[3] *Graber G.* Volksleben in Karnten Graz. Wien, 1949, S. 201—205; Österreichische Volkskunde für Jedermann hrsg. A. Majs. Wien, 1952, S. 24, 66.

[4] Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 20, 66; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens. Bd. VI. Berlin—Leipzig, S. 1532.

[5] *Gugitz G.* Op. cit., p. 14—16, 20; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens. Bd. V, S. 1270, 1869; Bd. VI, S. 99—100.

[6] Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. V, S. 1260—1263; *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich, S. 55—57; *Haider F.* Tiroler Volksbrauch im Jahreslauf. Innsbruck. Wien—München, 1968, S. 30.

[7] *Gugitz G.* Op. cit., p. 15, 18—20.

[8] *Spamer A.* Deutsche Fastnachtsbräuche. Jena, 1936, S. 21, 65.

[9] *Graber G.* Op. cit., p. 215.

[10] Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. IX, S. 531, 536; *Erich O.*, *Beitl R.* Wörterbuch der Deutschen Volkskunde. Leipzig, 1936, S. 183—184; Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 214—215.

[11] Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 21—22; *Fehrle E.* Feste und Volksbräuche im Jahreslauf der europäischen Völker. Kassel, 1955, S. 90; *Haider F.* Op. cit., p. 50, 80.

[12] *Graber G.* Op. cit., p. 217, 221—224; *Erich O.*, *Beitl R.* Op. cit., p. 282.

[13] *Graber G.* Op. cit., p. 217, 219.

[14] *Haider F.* Op. cit., p. 80.

[15] *Schmidt L.* Wiener Volkskunde. Wien, 1940; *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich, S. 59, 63—66.

[16] Österreichische Volkskunde-Atlas. Kommentar. 3 Lieferung. Wien, 1971, S. 7, 61—62; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VII, S. 469—471; *Fehrle E.* Op. cit., p. 76—78; *Freudenthal H.* Das Feuer im Deutschen Glauben und Brauch. Berlin und Leipzig, 1931, S. 240.

[17] Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 24; *Gugitz G.* Op. cit., p. 27.

[18] Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. III, S. 700, 702—704; *Gugitz G.* Op. cit., p. 28—29; *Erich O.*, *Beitl R.* Op. cit., p. 257.

[19] *Gugitz G.* Op. cit., p. 32.

[20] Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VI, 1348, 1353, 1365—1366, 1383; Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 25—26; *Andree-Eysn M.* Volkskundliches aus dem bayrisch-österreichischen Alpengebiet. Braunschweig, 1910, S. 95; *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich, S. 78—80.

[21] Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VI, S. 1337, 1354; Bd. IV, S. 985—987, 1026; Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 410—412; *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich, S. 86.

[22] *Burgstaller E.* Brauchtumsgebäcke und Weihnachtsspeisen. Linz, 1957, S. 54—58, 61; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. V, S. 54; Bd. VI, S. 1322—1325, 1339, 1348, 1353; Bd. IX, S. 533.

[23] *Haider F.* Op. cit., p. 171.

[24] *Fehrle E.* Op. cit., p. 136; *Haberlandt M.* Deutschösterreich. Weimar, 1927, S. 238.

[25] *Graber G.* Op. cit., p. 254, 260; *Andree-Eysn M.* Op. cit., p. 180; *Mannhardt W.* Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme. Berlin, 1875, S. 540; Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 29—30.

[26] *Haberlandt M.* Op. cit., p. 307.

[27] Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. II, S. 109; Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 30—31, 67; *Erich O.*, *Beitl R.* Wörterbuch der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1936, S. 97, 157.

[28] *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich, S. 105.

[29] Österreichische Volkskunde für Jedermann, S. 67; S. 30—31; *Erich O.*, *Beitl R.* Op. cit., p. 157; *Burgstaller E.* Lebendiges Jahresbrauchtum in Oberösterreich, S. 105.

[30] *Graber G.* Op. cit., p. 319; *Gugitz G.* Op. cit., p. 47.

[31] *Graber G.* Op. cit., p. 275—276; *Haberlandt M.* Op. cit., p. 329; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VI, S. 1693; *Fehrle E.* Op. cit., p. 148; *Schmidt L.* Volkskunde von Niederösterreich. Horn, 1972, Bd. II, S. 196.

НАРОДЫ ШВЕЙЦАРИИ

* * * * * * * * * * * *

Н. М. Листова

Начало весны в Швейцарии не имело определенных сроков. В народном календаре поворот к теплу связывали с отдельными днями, большей частью приходившимися на февраль — месяц предвесенних бурь с еще частыми возвратами зимних холодов. В жизни народа эти же дни имели значение и хозяйственного рубежа. Представление об этом было соединено главным образом с днем 2 февраля. По его погоде якобы можно было определить, какими будут наступающая весна и будущий урожай, причем снег и ветер считались добрыми знаками. В XIX—начале XX в. в обычаях этого дня сохранялись следы дохристианского праздника света, оказавшего, по-видимому, влияние и на церковную обрядность этого времени. Так, в праздновании «мессы Марии со светом», или «мессы Марии со свечами» (у католиков германошвейцарцев — Maria Lichtmesse; у италошвейцарцев — Maria Candelora), и «мессы со светом» (у протестантов — Lichtmesse) большое место занимало освящение свечей и воска. Эти свечи сохраняли весь год, зажигая их перед умирающими, в дни поминовений, а также во время сильных гроз. Во многих местах зажженные свечи или фонарики прикрепляли к дощечкам и пускали плыть по воде.

Согласно традициям за этим днем сохранилось отчасти и его прежнее значение, как срока найма на работу, заключения сделок, уплаты различных платежей и т. д. Расчеты производились и в домашнем хозяйстве. Так, считалось, что половина всех запасов должна быть цела к этому дню. Поговорка: «Месса со светом половинит сено», — известна в бо́льшей части Швейцарии.

В некоторых районах восточной Швейцарии подобную роль играл день св. Агаты — 5 февраля, а также 16 февраля (2 февраля по старому стилю). 5 февраля освящали в церкви — муку, хлеб, соль. «Хлебу св. Агаты» приписывали целительную силу, во время пожаров его кусочки бросали в огонь, «чтоб потушить его» [1].

В феврале—начале марта в Швейцарии отмечался один из основных праздников наступающей весны, аналогичный по своей обрядности славянской масленице. В Швейцарии масленица известна под различными названиями — у германошвейцарцев, как и у немцев и австрийцев, — «безумная ночь» или «ночь перед постом» (Fastnacht, Fasnecht), у франкошвейцарцев — «вводящая пост» (carême entrant), у италошвейцарцев — «карнавал» (carnavale) [2]. Под этими названиями подразумевался не один день, а целый период. Начало и продолжительность празднования масленицы варьировали в зависимости от национальной и особенно от религиозной принадлежности швейцарцев.

Несмотря на то, что масленица по своему происхождению и обычаям нехристианский праздник, она постепенно соединилась с церковными датами. Так, у католиков начало праздника было при-

урочено к определенным, хотя и разным датам, — наиболее распространенным сроком было 6 января (день трех королей), в некоторых районах южного Тичино (италошвейцарцы) празднование начиналось еще раньше — с 26 декабря (дня св. Стефана), а в Поскьяво — с 17 января (дня св. Антония). У протестантов масленица была позднее и значительно короче, ограничиваясь одной неделью или несколькими днями. Самое кульминационное время — масленичная неделя — приходилось на разное время: в бо́льшей части страны, особенно среди католиков, за семь недель до пасхи, а в части протестантских кантонов — за шесть недель, т. е. уже во время поста. Эти расхождения появились с введением в Швейцарии григорианского календаря (XVI в.) — часть протестантских кантонов продолжала придерживаться старого счета в знак протеста против католицизма. Это отразилось и в названиях двух масленицу — «господской» (Herrenfastnacht), или «поповской» (Pfaffenfastnacht); «старой» (Alte Fastnacht), или «крестьянской»(Bauernfastnacht).

Само понятие масленицы, особенно в католической части страны, не обозначало единого праздника, а большей частью объединяло ряд праздничных дней. Названия некоторых из них — «безумная неделя» («Unsinnige Woche», «расточительный понедельник» «Gündelmontag»); «грязный вторник» («Schmutziger Diensttag») — говорят о шумном характере праздничного веселья. Особенно веселились в «грязный» («Schmutziger Donnerstag, jeudi gras, mardi gras, gievgia grassa»), или «безумный» четверг («Unsinniger Donnerstag»); четверги предшествующих недель получили названия его «братьев» или «деверей».

В народном календаре масленица приходилась на дни между рождественским и пасхальным постами, поэтому масленичный стол изобиловал мясной и жирной пищей. В старину это изобилие имело и магическое значение — воздействовать на будущее благополучие. Отсюда названия некоторых дней масленицы — «жирные», «обжорные» (fette, giovedie, gievgiat, fress, schmutzig). Эти названия были особенно распространены среди католиков германошвейцарцев и италошвейцарцев, у которых пищевые запреты во время поста соблюдались значительно строже, чем у протестантов.

В «грязный четверг», как и в другие праздники, сельская молодежь, дети ходили по домам, собирая еду, — сало, колбасу и т. д. для общего ужина, который устраивала каждая возрастная группа отдельно. Нередко этот обычай превращался в попрошайничество, что неоднократно вызывало его запреты. Местами сохранялась старая традиция не собирать, а красть еду, после чего пустые сковороды и горшки набивали всяким старьем и развешивали их на изгороди и на деревьях [3].

Масленица — веселый и шумный народный праздник. Во многих районах 6 января на улицах появлялись толпы ряженых или, вернее, продолжались их шествия. По словам швейцарского этнографа Рихарда Вейсса, «масленица без ряженых все равно, что дом без крыши» [4]. Однако распространение этого обычая в разных местах было неодинаковым и большей частью совпадало с конфессиональной принадлежностью швейцарцев. В Миттельланде маски надевали все — мужчины, женщины, дети; в альпийских областях — лишь парни; в некоторых областях Валлиса и Граубюндена — взрослые мужчины; у протестантов франкошвейцарцев обычай ряжения почти неизвестен.

Карнавал сложился из разновременных элементов. У германошвейцарцев католиков в каждом кантоне, в каждом городе и деревне имелись свои особенности, бережно сохранявшиеся. Часть этих традиций уходила в далекое прошлое. Шествия ряженых в протестантских районах отличались большей простотой



Ряженый — вегетативный демон. Традиционный образ в весенней обрядности

и нередко были более позднего происхождения. Со временем масленичные праздники стали вырождаться в костюмированные шествия, хотя и с участием традиционных персонажей, привлекавших большое число зрителей. Это часто превращалось в доходную статью для местного населения. В курортных местечках это были балы-маскарады с призами за костюмы, выборами короля и королевы [5].

В сельских местностях еще недавно сохранялись маски, происхождение которых было связано с древними верованиями. Это прежде всего устрашающие маски, известные в кантонах Валлисе и Граубюндене. К их числу относятся «Roitschäggätta» (Rauch — дым, gescheckten — в народном толковании — «пестрые», «лохматые» или «вышедшие из дымохода»; в поверьях через дымоход проникали духи). Деревянные, размалеванные маски с оскаленными зубами и клочками шерсти и меха производили жуткое впечатление. Их появлению на улицах предшествовал звон колокольчиков, висевших на поясах. При криках «Tschäggätta идет!» все прятались по домам. Ряженые держали в руках палки с прикрепленными к ним мешочками золы и сажи, которыми «угощали» зазевавшихся и любопытных. Звуки, издававшиеся ими, походили на рев или ворчанье. Близки к ним и сурсельвские штопферы (кантон Граубюнден), чье название происходило от «stopfen» — «стучать», т. е. будить стуком плодородие земли. Подобно австрийским перхтам они бегали по полям, прыгая и ударяя палками по земле [6]. По мнению швейцарских этнографов Р. Вейсса, К. Ханземанна, К. Мейли, эти маски служили в древности воплощением умерших, были связаны с культом предков и были принадлежностью мужских союзов Валлиса и Граубюндена. Еще недавно в кантоне Граубюндене в них могли рядиться только мужчины старше 20 лет. Сохранились данные и о том, что сурсельвские штопферы появлялись на масленицу с оружием в руках. Известно также, что во время военных столкновений в XV—XVI вв. часть валисских воинов была замаскирована.

Возможно, что подобное происхождение имели и Röllenbutzen (Рейнталь), получившие свое название от колокольчиков и трещоток (Rollen), нашитых на их пестрые одежды. Однако они почти утратили в это время свои устрашающие черты. Они также мазали встречных сажей или обливали водой — действия, соединяемые в прошлом с магией плодородия.

В горных районах ходили ряженые в рваных одеждах *зеннов* — альпийских пастухов. Их называли «Joheen». Они разбрасывали куски хлеба, что связыва-

лось в народе с воспоминаниями о неурожайных годах в прошлом. Но, возможно, что эти действия имели когда-то то же значение, что и мазанье сажей и обливание водой.

В городских карнавалах большинство масок — средневекового происхождения. Так, ряженые в костюмах прежних цеховых объединений со своими атрибутами, гербами, знаменами были главными участниками шествий в Цюрихе, Базеле, Люцерне. Наряду с уличными шествиями у горожан практиковались также костюмированные балы, вечера, устраиваемые общественными организациями и в домашнем кругу [7].

Среди традиционных масок большое место занимали маски, представляющие супружескую пару или жениха и невесту, а также действия, имитирующие свадебный обряд. Эти брачные мотивы, характерные для магии плодородия, типичны для весенней обрядности и других народов. Особое значение придавали участию в карнавале молодоженов, которые должны были кропить «святой» водой поля или зажигать масленичные костры. Возвращаясь с карнавала, ряженые стучали в окна к молодоженам, показывая им куклу.

С этими же представлениями был связан и игровой обычай — «поездка на болото» (Moosfahrt), известный в кантонах Ааргау и Люцерне еще в 1920-е годы. Деревенские парни ходили по деревням с тележкой, на которую сажали девушек, еще не вышедших замуж (чаще их заменяли парни, переодетые в женские платья), чтобы свезти их за деревню на дальнее бесплодное болото и «чтоб они не повредили посевам». Нередко девушки заранее откупались от парней сластями, колбасой и др. Местами устраивался «суд» над незамужними, на котором одна из них выступала в качестве «адвоката» и «обвинителя» мужской молодежи. Все это нередко сопровождалось грубыми и фривольными шутками.

Отдельные известия сообщают об обычае «опахивания» полей плугом или бороной. Еще в начале XX в. парни и девушки (или только девушки) ночью тащили плуг вокруг полей. Возможно, что здесь магия плодородия соединялась с апотропеическим значением как этих действий (магический круг), так и самого плуга [8].

К элементам земледельческой обрядности нужно отнести и появление на масленицу ряженых, закутанных в солому, сено или зеленые ветки. В прошлом были известны такие игры, как «охота на дикого человека» или на «животных» — медведя, лису, — ряженых в зелень или солому. Как те, так и другие игры связаны с древними верованиями о духах полей или растительности [9].

В ряде мест в один из дней масленицы в деревне ставили большое дерево — сосну (Block). Дерево срубали в лесу, по традиции ночью, и незаметно доставляли в деревню. На следующий день дерево торжественно водружалось на площади, все жители украшали его лентами, цветами, плодами. В некоторых деревнях Бернского Оберланда община дарила дерево молодежи, а затем оно «продавалось», вернее собирались деньги на пирушку. В последний день праздника его распиливали на щепки как символическое окончание масленицы [10].

От дохристианского праздника проводов зимы в масленичных шествиях сохранились традиционные маски лета или весны и зимы. Соответственно ряженые были либо в зелени, либо в белой теплой одежде; их сопровождала свита, несшая цветы, фрукты, вилы, косы и т. д. Нередко сами эти персонажи трансформировались в символы добра и зла или поста и масленицы в черных и белых одеждах. Иногда на их месте выступали «проповедник» и Бахус в сопровождении семи смертных грехов. В кантонах Цюрих, Санкт-Галлен и

Ааргау носили двух кукол — одну светлую, другую темную, укрепленных на подвижном колесе, возможно, — это символизировало когда-то год с его делением на зиму и лето.

Для Швейцарии характерно включение в масленичную обрядность игровых действий с изгнанием или сожжением соломенных чучел зимы или смерти. Нередко они были приурочены к иным датам весны (от февраля до апреля включительно): в католических кантонах чаще к первому дню поста — среде, в протестантских кантонах заключительные акты праздника связывались с воскресеньем или понедельником «крестьянской масленицы». В протестантской части кантона Граубюндене в понедельник распиливали толстое бревно — «старика», или соломенное чучело — «старуху», в Люцерне в этот день сжигали куклу — «ведьму», а в Ааргау — «соломенного человека» — длинную жердь, обернутую соломой. В первое воскресенье после весеннего равноденствия в промышленном центре Швейцарии — городе Цюрихе при большом стечении народа ежегодно сжигают соломенного болвана (Böögg). По интенсивности горения костра, по тому, как падало чучело, в старину гадали о будущей погоде.

Местные вариации этих кукол, или чучел, необыкновенно многочисленны, с течением времени они трансформировались в комические фигуры, например в люцернского Фритцши (свое имя он, по-видимому, случайно заимствовал от святого Фридолина, чья память приходилась на соседнюю дату) [11].

В бóльшей части Швейцарии, особенно в предальпийских районах, почти во всем Миттельланде, в кантонах Женеве, Невшателе, Золотурне, Тессине, был распространен обычай зажигания огней на масленицу. Чаще это были костры, которые зажигали в первое воскресенье поста на высоких холмах. В некоторых местах для них складывались специальные срубы в виде высоких пирамид, вершины которых увенчивались кустом или деревцем.

В других районах бросали горящие деревянные шайбы. Готовили их во множестве и всегда заранее. Нанизанные на бичеву в виде ожерелья, они представляли гордость деревенских мальчишек. Чаще шайбы бросали в честь кого-нибудь, называя имя девушки или уважаемого лица. Зажигали также факелы, сохранились известия и о горящих колесах, которые катили с гор. Название этих огней варьировали по областям. Так, среди германошвейцарцев их называли «искрами» (Funken), у франкошвейцарцев и италошвейцарцев — «факелами», «соломенными жгутами» (brandon, feu des failles, pairo, fallo).

В зависимости от вида огней называли и сам день, например, «воскресенье с искрами» («Funkensonntag»), «воскресенье с факелами» («la fête des brandons»), «день соломенных жгутов» («jour des failles»).

Через костры прыгали парами и в одиночку. Высокий прыжок связывали с будущим благополучием. В Юре вокруг костров скакали на лошадях, чтобы, как говорили, была выше конопля. Особое обрядовое печенье выпекали на огне Küchle (отсюда одно из названий этого дня — Küchlesonntag). В печенье (кантон Во) нередко запекали ленту, кольцо, а иногда, ради шутки, — паклю.

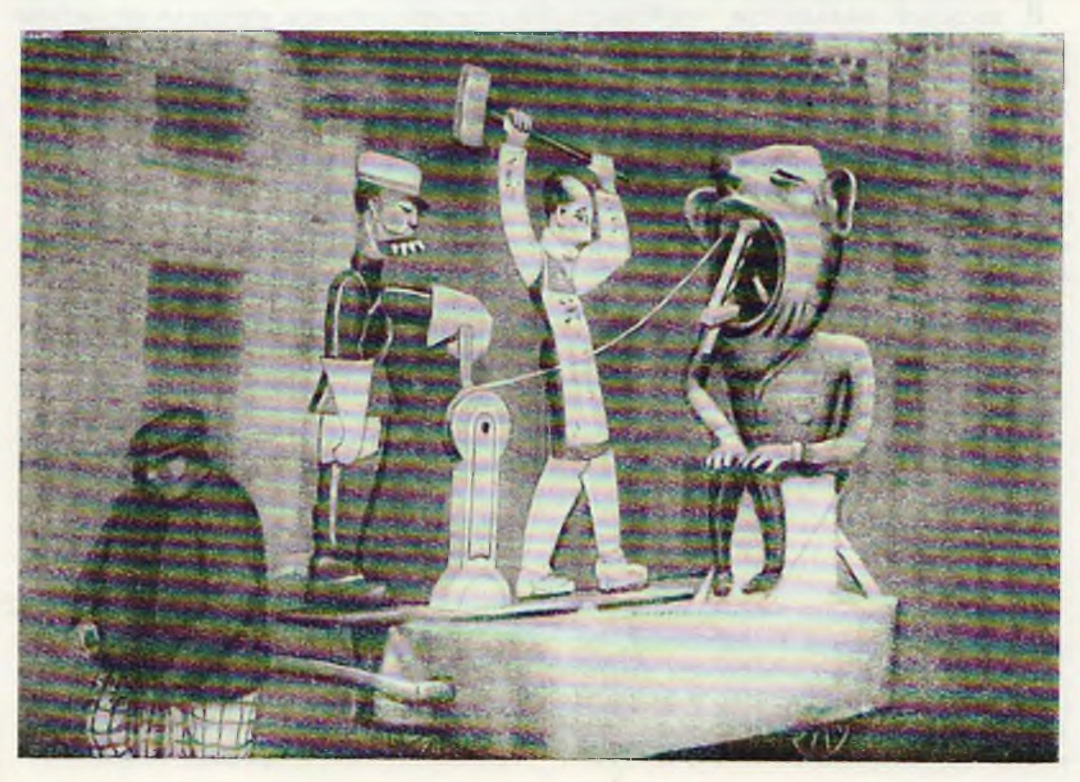
В итальянской Швейцарии на кострах варили сладкую *поленту* — густую кашу из кукурузы. Ей, как и печенью, приписывали магические свойства, поэтому все присутствующие должны были попробовать эти блюда, чтобы, как говорили, не болеть и быть счастливыми. Крошки бросали на поля, подбавляли в корм скоту. Сам огонь, угли и зола от костра также наделялись силой оберега или плодородия. В кантоне Тургау парни бегали по улицам и лугам с зажженными факелами, описывая ими в воздухе огненные круги. Возможно, что фигура огненного круга в древности сим-

волизировала солнце. Этот обычай, как и бросание горящих шайб и катание колес, неоднократно запрещались местными властями из-за опасностей пожаров. Позднее их стали заменять фейерверками [12].

Масленичные празднества не прекращались и позднее. В городе Базеле веселились и в первую неделю поста — в понедельник и во вторник «крестьянской масленицы». Участники шествий были членами различных объединений, так называемых *клик*. Герои дня — барабанщики — принадлежали к клике, известной еще в XV в. Барабанный бой, предшествующий появлению ряженых, поднимал жителей города еще на рассвете. Этот обычай, считают этнографы, сохранился как традиция, в память об обходах в средние века городской стражи. Следовавшие за барабанщиками ряженые несли светящиеся транспоранты, карикатурные изображения, нередко представляющие острую сатиру политического, общественного или антиклерикального содержания. Обязательны также были «чертова мельница», омолаживающая старух и стариков, и «тяжелый жернов» для злых языков. Свою сатирическую направленность городские масленичные шествия унаследовали от средневековья. С XIX в. многие транспоранты стали делаться мастерами-декораторами.

В масленичных празднованиях Базеля центральную роль играли ряженые, изображавшие почетные знаки трех основных цехов средневекового Базеля, «лев», «грифон», «дикий человек». Последний,

Шествие студентов на масленицу (г. Базель). Шуточная сценка — «в зубоврачебной клинике»



одетый в зеленые ветки, в сопровождении нескольких барабанщиков и шута переплывал на плоту Рейн. Каждая из этих трех масок исполняла свой особый ритмический танец, состоящий из прыжков. Вечером все ряженые соединялись вместе, и веселье продолжалось до утра.

В ряде мест празднование масленицы заканчивалось ее символическими похоронами с произнесением положенных речей, жалобных криков[13].

После «крестьянской масленицы» и здесь наступал пост. Однако, несмотря на запреты, и в это время были известны народные обычаи, связанные с приходом весны. Так, в сельском Базеле, на четвертое воскресенье поста сжигали куклу из тряпок; в Эттингене ходили по селу, собирали яйца, соль, муку для коллективной трапезы, на которой обязательным блюдом была яичница, считающаяся символом солнца.

В весенней обрядности швейцарцев сохранились следы магических действий, направленных на пробуждение природы.

Так, в ретороманских районах кантона Граубюндена 1 марта дети ходили (раньше взрослые), обвешанные бубенцами и колокольчиками, чтоб их звоном «будить траву», усилить ее рост. При этом они пели:

Chalanda Mars, Chalanda Avrig!
Lasche las vachas our d'uigl,
Cha l'erba crescha.
E la naiv svanescha! [14]

Первое марта, первое апреля!
Пусть коровы выйдут из стойл,
На траву, что взойдет.
Пусть снег исчезнет!

Сам этот праздник, как и его название «Chalanda Mars», по-видимому, уходит своими корнями к римским мартовским календам. В Поскьяво к этому же дню было приурочено сожжение соломенного чучела, причем солому для него, по традиции, крали. Обычай «будить траву» был известен и в других районах Швейцарии, но был соединен с иными днями. Так, у германошвейцарцев эти выходы на луга слились со сравнительно поздними по происхождению шествиями школьников, устраиваемыми 12 марта в день св. Григория (римского папы Григория VII), считавшегося в Швейцарии патроном учителей и школьников. Дети несли зеленые ветки, которыми они ударяли прохожих, — действия, связанные в прошлом с верой в магическую живительную силу новой зелени, якобы переходившую при ударе и на людей. Иногда среди детей были ряженые, в том числе «зима» и «лето».

К марту был приурочен местами и обычай «будить пчел», стуком в улья им «объявляли» о наступлении тепла, патроном пчел считали св. Иосифа, чей день приходился на 18 марта. В обрядности этого месяца находило отражение и дальнейшее прибавление дня; одной из первых вех работы при дневном свете было 18 марта. Символическим выражением этого служил обычай пускать вечером в реку зажженные свечи, укрепленные на плотах или в долбленых тыквах[15]. Подобные традиции были связаны и с днем 2 февраля.

Первое апреля как день веселых шуток и обманов получил известность во всей Швейцарии.

Во второй половине апреля во многих районах Швейцарии выгоняли скот на пастбища. Сроки выгона значительно варьировали в зависимости от географических условий. Бо́льшей частью выгон приурочивали к ближайшим религиозным праздникам. Самым частым днем выгона скота было 23 апреля — день св. Георга. Как народный покровитель скота, особенно лошадей, он пользовался в Швейцарии особой популярностью. В католических районах в этот день рано утром сгоняли скот на площадь перед церковью, служили молебен, благословляли скот и кропили «святой» во-

дой. В Среднем Валлисе, в одном из центров коневодства, устраивались скачки на лошадях.

В других областях страны существуют иные сроки выгона скота: 1 мая или первое воскресенье мая, второй день пасхи, духов день и троица. Пастухи в праздничных одеждах проходили вместе со скотом через всю деревню. Шествие сопровождалось звоном колокольчиков и бубенцов. Впереди вели пестро украшенных коров-победительниц в коровьих боях, устраиваемых в конце лета[16].

Участники карнавала в г. Базеле. Главные ряженые изображают символы средневековых цехов — льва, грифона, «дикого человека»

Ряд дохристианских обычаев, связанных с древними весенними празднествами, вошел и в пасхальный цикл, несмотря на его церковный характер. Так, католические процессии на вербное воскресенье, возможно, развились из древних хождений с зелеными ветками. Эти ветки вербы, бука, сосны, ореха и т. д. известны в большей части немецкой Швейцарии как «пальмы» (Palmen), в итальянской Швейцарии — «оливы» (Olive). Отсюда и сам этот день называли «пальмовым» или «оливковым» воскресеньем (Palmsonntag, domenica d'oliv). Католики франкошвейцарцы особенно украшали ветки или деревца яблоками, сластями и лентами. Эти ветки освящали в церкви, после чего их бе-



режно хранили в сараях, домах, в саду, приписывая им свойства оберега, силу исцеления или плодородия. При первой пахоте их кусочки закапывали в землю, чтобы, как говорили, не водились мыши [17].

В последние дни поста в Швейцарии был известен обычай «обновления огня». В страстную пятницу или субботу примитивным способом — путем трения — от этого «нового» огня возобновляли огни домашних очагов [18].

На рассвете первого дня пасхи поднимались в горы, чтобы увидеть, как солнце «танцует» или делает три прыжка. Пришедший с опозданием получал насмешливое прозвище «пальмового осла».

Традиционный обычай 1 марта у ретороманцев. Группы мальчиков идут «будить» шумом и звоном растительность (Граубюнден)

Большое значение придавалось обрядовой еде пасхального дня. Основные блюда из мяса, творога, а также сыр, яйца и обрядовый хлеб, украшенные молодой зеленью, освящались в церкви.

Обрядовый хлеб пекли большей частью круглой формы, иногда фигурный — в виде ягненка, зайца, птицы. По традиции каждый член семьи, а также скот должны были получить свою долю от каждого блюда.

Особая роль в пасхальной обрядности отводилась яйцам. За несколько дней до пасхи их красили, чаще в красный цвет; нередко яйца покрывали многоцветными узорами. В некоторых местах обычай крашения яиц был неизвестен, хотя они и сохраняли обрядовое значение. В первый день пасхи родные, знакомые, девушки и парни при поздравлениях обменивались яйцами.



Известно множество различных игр и состязаний, связанных с пасхальными яйцами, нередко требовавших значительной ловкости от их участников; главной областью распространения игр была французская Швейцария. Нередко участники скакали на лошадях или (в горах) бежали на лыжах. В немецкой Швейцарии яйца рано утром прятали в траве, а маленькие дети потом их искали. Почти неизвестен этот обычай в горных районах, где в это время еще лежит снег.

Согласно легендам пасхальные яйца приносили церковные колокола, летавшие в Рим (франкошвейцарцы), кукушка или чаще заяц (германошвейцарцы).

Представление о пасхальном зайце, несущем яйца, появилось в Швейцарии, как считают, под немецким влиянием в начале XX в. Позднее и сравнительно медленно оно стало распространяться и среди романского населения, прежде всего у горожан [19].

В майской обрядности отразилось стремление повлиять на погоду, чтобы обезопасить будущий урожай. До середины мая еще опасались заморозков, поэтому в народный календарь виноградаря, как и в соседней Австрии, входили дни «ледяных святых» — Бонифация, Панкрация, Сервация [20].

Для обрядности этого времени характерны также выходы и выезды на поля. В католических районах — это большей частью религиозные процессии со священниками во главе, молебствиями, окроплением «святой» водой, заменившие более древние магические действия, направленные на вызывание дождя, против засухи и града. Наиболее часто их приурочивали к религиозному празднику вознесения (сороковой день после пасхи). У германошвейцарцев этот день, как четверг, по народным приметам, был грозовым, поэтому именно на него считали дождь нежелательным.

В Валлисе ко дню вознесения был приурочен и обычай иного происхождения. Во время выезда в поле всадники объезжали все владения, у каждого пограничного знака втыкали в землю зеленые ветки или кусочки пасхальных «пальм» как оберег. Иногда приносили и обрядовое деревце. Первоначально смысл этих выездов, вероятно, заключался в периодической проверке пограничных межей.

Во французской Швейцарии к этому дню были приурочены соревнования пожарных команд и стрелковых обществ [21].

Во время праздничных выходов в горы собирали молодую зелень и цветы. Возможно, что этот обычай послужил основой для современных праздников цветов — нарциссов (г. Монтре), камелий (Лозанна), роз (Женева), включавших красочные процессии и театрализованные представления.

В обрядности весеннего времени, времени расцвета природы, часто сохраняются следы древних поверий о вегетативных духах природы. Особенно характерно это для обычаев французской Швейцарии, а также соседних с ней районов. Так, 1 мая или в первое воскресенье мая устраивался «праздник зелени» (la fête du feuille). Молодежь ходила по улицам с зелеными ветками, собирая гостинцы для общего пиршества. В кантонах Женева и Невшатель в эти дни дети выбирали майских жениха и невесту или майских короля и королеву, украшали их зеленью и цветами и возили по улицам. Широкую известность получили исполнявшиеся в это время песни «Majentze», обычно заканчивавшиеся просьбой об угощении:

Mai, mai, mois de mai!
Les mayintees vout pas la
Du beurre de la vachette,
de oeufs del la poulette,
de l'argent de la boursette,
tout ce que vois plaira [22].

Май, май, месяц май!
Майские невесты ходят
За яйцами кур,
За молоком коров,
За деньгами,
За тем, что им понравится.

В некоторых местах участники шли с колокольчиками «вызванивать май». В городах их шествия сопровождались колокольным звоном. В городских парках и на площадях устраивались театральные представления, сюжеты которых были заимствованы из народных легенд и сказок [23].

У германошвейцарцев (Санкт-Галлен) 1 мая или в первое воскресенье месяца деревенские парни ставили, по традиции, перед домом любимой девушки обрядовое дерево, березку — *майю*, украшенную бантами, сладостями. Перед окнами тех, кому не симпатизировали, укрепляли соломенное чучело.

Элементы весенней дохристианской обрядности стали и частью церковных праздников мая и июня — пятидесятницы, духова дня, троицы и др. Так, в эти дни после мессы молодежь и дети играли в «охоту на дикого человека» (вегетативного демона). Мальчика или парня, закутанного в зеленые ветки, прятали в лесу. Его поиски и ловля сопровождались веселыми криками и шутками участвующих. Во Фриктале ряженого в зелень везли из леса на коне, около источника его «крестили», т. е. погружали в корыто или в источник или пруд. После этого вся кавалькада возвращалась в деревню, по пути обливая водой встречных, особенно женщин. В других местах в корыто окунали ста-

Шествие с «майским медведем» — мальчиком, спрятанным в зелени (г. Рагац)



тую св. Урбана, возможно, заменившего здесь духа растительности. В Зарганзерланде этот обычай был связан с народным культом святого — покровителя виноградарства. Крестьяне приносили ему дары, но за плохую погоду бросали его статую в воду.

Традиционным персонажем в кантоне Женева и в Рагаце был «майский медведь» — ряженый, одетый в зелень, и с маской зверя на лице, или мальчик, скрывавшийся внутри высокой подставки в виде пирамиды, плотно закрытой зелеными ветками. Для получения сладостей мальчик высовывал из пирамиды руки. Этот обычай, по-видимому, свидетельствовал и о существовании как антропоморфных, так и зооморфных образов в прошлом, характерных для древних верований в вегетативных духов или духов поля.

Обход ряжеными вокруг источников, украшение их зеленью, купание и обливание водой, как можно предполагать, представляют следы культа воды, жертвоприношений ей или веры в ее очистительную и оплодотворяющую силу, связанными с этим временем года.

Эти давние представления вошли и в церковный католический ритуал. Так, на пятидесятницу и троицу освящали воду и зелень, украшали ветками церкви. Во время торжественных процессий на троицу и в день тела господня верующие несли майи — ветки бука, сосны или березы, которыми потом украшали свои дома, дворы, часто их ставили и около «священных» источников [24].

По характеру своей обрядности эти праздники как бы заключают весенний цикл, а часть связанных с ними обычаев примыкает к летнему циклу.

1 *Moser-Gossweiler F.* Volksbräuche der Schweiz. Zürich, 1947, S. 17; Atlas der Schweizerischen Volkskunde. Basel, 2 Teil, 2 Lieferung, S. 94; *Hoffmann-Krayer E.* Feste und Bräuche des Schweizervolkes. Zürich, 1913, S. 123—124; *Gugitz G.* Fest- und Brauchtumskalender für Österreich, Süddeutschland und die Schweiz. Wien, 1955, S. 14—16.

2 См. статьи сборника: «Немцы», «Французы», «Итальянцы».

3 Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2, S. 95—96, 98—99, 102—103; *Moser-Gossweiler F.* Op. cit., p. 17.

4 *Hoffmann-Krayer E.* Feste und Bräuche des Schweizervolkes, S. 125; Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2, S. 96, 111, 115.

5 Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Leiferung 2, S. 99—100; *Weiss R.* Die viersprachige Schweiz. Sprachleben der Schweiz. Bern, 1963, S. 9; *R. Weiss.* Sprachgrenzen und Konfessionsgrenzen als Kulturgrenzen. Laos, T. 1, 1951, S. 106.

6 Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973, с. 176—177.

7 Schweizer Volksleben, hrsg. H. Brockmann-Jerosch. Zürich, 1928, Bd. II, S. 104—109; *Weiss R.* Volkskunde der Schweiz. Erlenbach-Zürich, 1946, S. 165, 167; Dietschy S. H. Der Umzug der Stopfer — ein alter Maskenbrauch des Bündner Oberlandes. — Archives Suisses des traditions des populaires, t. XXXVII, 1939, S. 34—40; *Meuli K.* Schweizer Masken. Zürich, 1942, S. 76; *Hansmann C.* Masken, Schemen, Larven. Volksmasken der Alpenländer. München, 1959, S. 3—5, 7, 29; *Moser-Gossweiler F.* Op. cit., p. 5—6.

8 Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2, S. 248; *Weiss R.* Volkskunde der Schweiz, S. 201; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VII. Berlin, S. 6.

9 Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Bd. II, S. 125.

10 Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. IV, S. 122.

11 Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2, S. 216—217; *Hoffmann-Krayer E.* Feste und Bräuche des Schweizervolkes, S. 123.

12 Schweizer Volkskunde, Bd. II, S. 126—127; Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2, S. 192—196, 205, 215, 217, 221.

13 *Dürst H.* Das Cliquenwesen und die Basler Fastnacht. Schweizerisches Archiv für Vokskunde, 1969, Hf. 1/2, S. 26; *Gantner Th.* Die Katholiker und die Basler Fastnacht. Schweizerisches Archiv für Volkskunde, 1969, Hf. 1/2, S. 130—134.

14 Schweizer Volkskunde, Bd. I, S. 53; *Andree-Eysn M.* Volkskundliches. Aus dem bayrisch-österreichischen Alpengebiet. Braunschweig, 1910, S. 182—183.

[15] *Hoffmann-Krayer E.* Feste und Bräuche des Schweizervolkes, S. 138, 140; *Hoffmann-Krayer E.* Früchtbarkeitsriten im Schweizer—Volksbrauch. Schweizerisches Archiv für Volkskunde, 1907—1908, Hf. 3—4, S. 244.

[16] Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2; Schweizer Volksleben, Bd. 2, S. 73.

[17] Schweizer Volskleben. Bd. I, S. 35—36; Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 2, S. 135—136.

[18] *Hoffmann-Krayer E.* Früchtbarkeitsriten im Schweizer Volksbrauch. Schweizerisches Archiv für Volkskunde, S. 245—246.

[19] *Weiss R.* Die viersprachige Schweiz, S. 10—11; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VI, S. 1325, 1329.

[20] *Moser-Gossweiler F.* Op. cit., p. 17.

[21] Atlas der Schweizerischen Volkskunde, Teil 2, Lieferung 3, S. 177—179.

[22] Ibid., p. 255.

[23] *Weiss R.* Volkskunde der Schweiz, S. 168; *Moser-Gossweiler F.* Op. cit., p. 21.

[24] *Hoffmann-Krayer E.* Feste und Volksbräuche des Schweizervolkes, S. 157, 161, 162, 163; Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens, Bd. VI, S. 1691, 1702; Schweizer Volksleben, Bd. 2, S. 16, 97; *Weiss R.* Volkskunde der Schweiz, S. 169.

ВЕНГРЫ

* * * * * * * * * * * *

Т. Дёмётёр

Как и у других народов Европы, у венгров календарные обычаи и обряды, их приурочивание и содержание находились в непосредственной зависимости как от географических условий, так и от хозяйственной деятельности населения в различных местностях. Народные обычаи венгров со времени их переселения из восточноевропейских степей на Дунай (конец IX в.) значительно трансформировались. В процессе взаимовлияния старой культуры мадьярских племен и культур соседних народов венгры заимствовали и ряд новых обрядов, зачастую, однако, изменив их форму и содержание.

Когда венгры пришли на дунайскую низменность, они были уже знакомы с земледелием, но главным их занятием было скотоводство, особенно коневодство.

До своего прибытия на новую родину венгры, финно-угорский по языку народ, жили в основном среди тюркских народов, одно время они входили в состав Хазарского каганата[1]. Исторические источники того времени отождествляли венгров с тюркскими кочевыми народами, с которыми они сходны были по образу жизни, хотя и отличались от них по языку.

На основании этого можно предположить, что календарь и обычаи древних венгров могли значительно отличаться от календаря и обычаев оседлых народов Дунайской равнины, главным занятием которых было земледелие. Но, к сожалению, существующие в нашем распоряжении исторические источники почти ничего не сообщают о календаре и обычаях венгров в первые века после их прихода на территорию современной Венгрии. Такие данные появляются лишь с XV в., когда календарные праздники венгров во многом становятся сходными с обычаями восточно- и центральноевропейских народов.

Нет никаких данных и о том, какое летоисчисление было у прибывших в Паннонию мадьяр. Возможно, что они, как и родственные им народы, пользовались лунным календарем, хотя вполне вероятно также, что во время своего переселения они познакомились с летоисчислением и по солнечному году[2].

Бесследно исчезли старые венгерские названия месяцев, это заметил еще в начале XIX в. Я. Гримм. Одной из причин этого явления могло быть то, что старые венгерские названия месяцев были связаны с географической средой, окружавшей их до переселения на Дунай, и с их хозяйственной деятельностью, в частности с коневодством.

После прибытия мадьяр на новую родину, с изменением их образа жизни старые названия месяцев утратили свое значение и были забыты[3].

Возможно, впрочем, что венгры в то время, когда жили в составе Хазарского халифата, употребляли хазарское летоисчисление и хазарские названия месяцев, и эти названия после обращения

венгров в христианство были постепенно оставлены и заменены новыми.

У древних венгров, по-видимому, начало года приходилось на весну или осень; во всяком случае, следы такого древнего начала года сохраняются в современных весенних и осенних праздниках. Эти периоды имели особенно большое значение в жизни кочевых народов, так как именно в это время происходили их переселения на летние и зимние места жительства. Арабские и персидские источники IX в. писали, что зимой венгры жили возле рек, занимаясь рыболовством. О перекочевках венгров встречаются упоминания еще и в XII в. Так, в хронике Анонима есть интересное сообщение о том, что один из вождей венгров из династии Арпадов находился на летних пастбищах на острове Чепель с апреля по октябрь месяц[4].

Оседлые венгры в начале XI в. были обращены в христианство и примкнули к западной, римско-католической церкви, хотя вплоть до XII в. было еще довольно значительно и влияние восточной церкви: в некоторой степени память об этом сохранилась и в календарных обрядах венгров.

В XVI в. значительная часть венгров приняла протестантское вероучение, главным образом кальвинизм, но в XVII—XVIII вв. некоторые протестанты вновь возвратились в католическую церковь. Эта разность в религиозной принадлежности венгров отразилась и на формировании их календарей обрядности: в западных областях Венгрии, где преобладал католицизм, цикл народных праздников и обрядов был гораздо красочнее и богаче, чем в восточной Венгрии, в которой преобладало протестантское население. Но по всей стране главные праздники календарного цикла носят католические названия. Протестантское население католические праздники почти никогда не справляло и, если католические названия еще сохраняются и у протестантов, их религиозный смысл был забыт уже давно. К церковным праздникам приурочено обычно начало тех или иных сельскохозяйственных работ.

Подчас трудно разделить церковные ритуалы и народные обычаи; ведь сама католическая церковь подстраивается под народные обычаи и практикует, например, освящение пшеницы или магический обход молодых всходов, целью которого является защита посевов от стихийных бедствий и нечистой силы. С другой стороны, некоторые из народных обычаев до XVI в. были частью церковной литургии и, исключенные из официальной религиозной службы, продолжали жить дальше как суеверно-магические обряды народа.

Существовали и такие обычаи, которые не были связаны непосредственно с сельскими работами. К ним относятся, например, драматические игры, народные развлечения, из которых развилось впоследствии театральное искусство.

В период, предшествующий весенним полевым работам, сложилось много примет о погоде, о будущем урожае и вообще о благоприятных или неблагоприятных условиях ведения сельского хозяйства в данном году[5]. Эти приметы, как и обряды, отражают ход коллективного мышления, основанного на совместном многолетнем опыте. Обычно привязывают приметы о погоде к дням определенных святых католической церкви. Так, например, по народным приметам со дня св. Фабиана и св. Себастьяна (20 января) деревья начинают наливаться соком. Если в день св. Винце (22 января) оттепель, то винные погреба будут полны; если 22 февраля (день св. Петра) — туман, то будет плохой урожай пшеницы. А день св. Матиаша (24 февраля) в народе называют «ледокольный Матиаш», так как обычно в это время начинает таять лед на реках.

Надо сказать, что, хотя большинство примет о погоде и отражает многовеко-

вой народный опыт, часть их, однако, стала известна народу из старых печатных календарей, в которых наряду с другими сведениями давались и прогнозы погоды.

Большим церковным праздником в феврале у венгров, как и у других европейских народов, было сретение — 2 февраля (по-венгерски: Mária üпрер — праздник св. Марии).

В средние века в этот день в сельских домах повсюду гасили огонь и зажигали его вновь от освященной в церкви свечи. С этим днем связано много примет о погоде. Например, если на сретение медведь, выглянув из берлоги, увидит свою тень (т. е. день будет солнечный), то он снова ложится спать, и зима еще долго продлится.

Некоторые обычаи этого праздника смешались с обычаями следующего дня, 3 февраля, посвященного св. Балужу, одному из покровителей детей. По народным верованиям, он также исцелял болезни горла. Поэтому католики освященные в этот день свечи и яблоки употребляли затем для лечения болезней горла.

В прошлом во многих местах 3 февраля школьники группами ходили по домам, выпрашивая подарки. Часть собранных припасов (яиц, сала) они отдавали учителю, а оставшееся использовали для приготовления угощения на своей вечеринке. Сходный обычай был и в день св. Григория — 12 марта.

Самый ранний и большой весенний праздник венгров — масленица.

Хотя весь масленичный период у венгров длится очень долго (с крещения — 6 января и до заговенья — вторник перед великом постом), наиболее важные масленичные обычаи и обряды приурочены к последним его дням.

Об этом празднике мы располагаем многими подробными историческими сведениями [6]. В Венгрии существует два названия масленицы. Одно из них — Farsang — было заимствовано из немецкого языка, другие — венгерские наименования — Hushagyòhétfő понедельник заговенья; Hushagyò—Kedd (вторник заговенья), Hushagyò vàsàrnap (воскресенье) также встречаются в средневековых записях.

В обычаях масленичного цикла не сохранилось следов обрядов древних венгров. Эти обычаи укрепились среди венгерского народа только в средние века и уже в XV в. лишь немногим отличались от современных масленичных обычаев.

И католическое, и протестантское духовенство в Венгрии считали масленицу дьявольским праздником, когда села и города страны были переполнены светскими песнями и танцами. Много сведений дают церковные документы о маскарадном обмене платьем между мужчинами и женщинами.

Еще проповедник XII в. Пельбарт Темешвари говорил о том, что в его время в Задунайском крае, на реке Копош, в этот праздник «...молодые женщины, в мужское платье и другого рода одежду переодеваясь, разными маскарадными играми, развлечениями занимаются».

В XV в. королю Матиашу I его итальянские родственники прислали в подарок художественно выполненные маски. Из исторических источников нам известно также, что вплоть до поражения венгерской армии в битве с турками при Мохаче (1526) при дворе венгерских королей ежегодно происходили большие гулянья. О короле Лайоше II, погибшем в Мохачском сражении, его историограф писал так: «Он начиная с детских лет ко злу был приучен. В каждый год в конце масленицы злых духов тешил, дурные поступки совершал, в разврат вовлекал женщин» [7]. В уста короля историограф Дьёрдь вкладывает такие, обличающие его слова: «Сверх того, меня, короля, дурачили. Каждый год в заговенье на голову Люцифера воловьи рога приделывали, воловьи

ноги устраивали, и с головой аиста, и со змеиным хвостом (ходили), что против господа было и против всех святых»[8].

Есть сведения от XV—XVI вв. и о праздновании масленицы в городах. Для городского праздника были также характерны различные маски, маскарадные костюмы. Издавна также существовало драматическое представление поединка между масленицей и постом.

В XVII в. в последний вторник перед постом все общественные классы Венгрии развлекались одинаково: носили маски, маскарадные костюмы, танцевали, устраивали различные игры.

Главное празднество сельской масленицы начинается в четверг перед масленичным воскресеньем и продолжается до следующего четверга поста. Масленичное воскресенье в некоторых местностях называют «воскресеньем зятьев» (Vö-vàsàrnap), потому что в этот день молодые супружеские пары ходили в гости к родителям молодой жены. В конце масленицы всюду много ели. На это указывают и названия некоторых дней: «жирный четверг», «обжорный четверг». Традиционными блюдами на масленицу в некоторых областях были пончики, студень.

Как и у других европейских народов, наиболее характерным моментом масленицы у венгров являются процессии ряженых. Но в то время, как у большинства европейских народов такие маскарадные шествия носили массовый характер, в Венгрии группы ряженых были небольшими. В наши дни массовые маскарадные процессии на масленицу имеют место у живущих возле

Ряженые на масленицу



Мохача южных славян, при этом многие участники таких маскарадов носят деревянные маски. Среди самих же венгров деревянные маски употребляются редко. Они есть только у этнической группы чанго, живущей в Трансильвании; но зато маски из кожи, меха можно встретить довольно часто.

Археологические и исторические источники указывают на то, что древние венгры до прихода в нынешнюю Венгрию употребляли при похоронах маски, сделанные из меха: такие маски можно и сейчас встретить у секеев (Трансильвания).

В исторических материалах почти совсем отсутствуют сведения о зооморфных масках у венгров, между тем как у соседних славянских народов они были очень распространены еще в средние века. Зооморфные маски у венгров появились позже: особенно популярными стали маски и маскарадные костюмы медведя, лошади, аиста. Маски же козы, быка встречались гораздо реже; иногда и само название указывает на их более позднее распространение у венгров. Так, человек, переодетый в козу, называется турком (turka)[9]. Наряду с танцами, подражающими обычно движениям животных, участники праздничных шествий нередко исполняли также разговорные сценки. Например, хозяин лошади, козы «продавал» их на базаре; во время шуточного торга «животное» падало, притворяясь мертвым, а затем под звуки музыки вновь «воскресало». В процессиях, кроме животных, участвовали и другие персонажи, чаще всего бетяры (разбойники), «цыганки», «невеста» и «жених», «старик» и «старуха» с грудным ребенком.

Во время масленицы в Венгрии часто исполнялись и очень популярные игры — похороны и свадьба.

О своеобразной венгерской похоронной игре — смерть и воскресение — с участием зооморфных масок уже с XVII в. пишут иностранные путешественники, посетившие Венгрию. Был также распространен обычай «хоронить» или выносить масленицу, изображать борьбу масленицы и поста — с куклами или с живыми действующими лицами. Эти игры знает и современное венгерское население.

В Собольч-Сатмаре еще несколько лет назад женщины и девушки во время масленицы собирались с пряжей на посиделки, а группы парней в маскарадных костюмах ходили от одного дома к другому, где происходили посиделки, представляли небольшие сценки, танцевали и при этом тщательно следили за тем, чтобы их не узнали.

Издавна характерной чертой масленичных развлечений были насмешки над девушками, еще не вышедшими замуж. На западе Задунайского края они, например, должны были непременно участвовать в обряде, называемом волочение бревна (rönkhazás)[10], который совершали во вторник перед началом поста. Мужчины сваливали высокое дерево, а пары, составленные из девушек и парней, тащили его на веревках в деревню. В этом шествии с бревном принимали участие десятки костюмированных масок, среди них были «жених», «невеста», свадебные гости, черти, «цыгане», «ремесленники», клоуны. По пути останавливались и разыгрывали шуточную сцену венчания. Теперь обычай этот исполняется лишь в том случае, если в предыдущем году в деревне не было свадеб.

Существовали другие способы высмеивания незамужних девушек. Так, в Сатмаре под окнами девушек парни устраивали звон, ударяя палками по железным предметам и выкрикивая при этом насмешливые стишки. Или же в среду первой недели поста к дверям дома девушки бросали глиняный горшок, наполненный мусором.

В некоторых местах у венгров был обычай во время масленицы катить по склону холма огненный обруч (sajbozas),

но этот обычай, по-видимому, не очень старый, так как название его происходит от немецкого слова Scheibe — диск, круг.

Главным временем совместных сборищ, игр в селе был период от конца масленицы («жирный четверг») до поста (вторник первой недели поста). В эти дни собирались отдельно на вечеринки: женатые мужчины, женщины, молодежь. Молодежь также часто собиралась в весенние воскресенья на улицах села, играли в мяч, пели, танцевали. Во время танцев женщины старались прыгать как можно выше, чтобы «выше росла конопля».

Изредка и в наши дни еще устраиваются особые женские карнавалы и балы, на которых мужчины не имеют права присутствовать [11].

Обычай хождения по домам с поздравлениями и выпрашиванием подарков, возможно, венгерский народ заимствовал от соседних народов. В весенние праздники с поздравлениями обычно ходили дети. У венгров Словакии, например, мальчики ходили в масленичное воскресенье от дома к дому, поздравляя всех с праздником. Они пели при этом так:

Пусть придет Шардо
И принесет тепло.
Какое тепло?
Летнее тепло.
Пусть овес наливается в зернах,
А пшеница пусть будет кустистой.

В других областях в этот же день ходили с поздравлениями и собирали подношения девочки.

Масленичный период праздников заканчивался в среду первой недели великого поста. С этим днем связано много поверий и магических действий, варьирующих по областям. Так, запрещались всякие полевые работы, нельзя было в эту среду запрягать скотину. А сельские жители комитата Солнок считали, что срубленное в этот день дерево не портит червяк, и т. д.

После масленицы у католиков начинался длинный пост, когда танцы, веселье, всякие развлечения были запрещены. Хотя протестанты пост не соблюдали, все же и у них свадьбы в это время не устраивались. Пост в Венгрии был временем наиболее интенсивных весенних сельскохозяйственных работ. На время поста приходился день св. Григория (12 марта) — преимущественно детский праздник. Во многих местах школьники устраивали процессии, они шли по улицам строем, а иногда и ехали верхом на лошадях. За поздравление с праздником получали от хозяйки что-нибудь из съестного, и обычно все собранное отдавали своему учителю.

Много примет о погоде было присоединено к христианскому церковному празднику благовещения — 25 марта. В сельских местностях он считался благоприятным днем для высадки рассады.

К вербному воскресенью у венгров был приурочен один интересный обычай — «изгнание кисы» (kisze hajtás). Этот обычай, по-видимому, был заимствован венграми у соседних народов, у которых, однако, он исполнялся не в вербное воскресенье, а в одно из других воскресений поста [12]. Обряд заключался в том, что одетое в женское платье соломенное чучело носили по всей деревне, а затем выходили с ним за околицу и сжигали или топили его. У других народов это чучело было олицетворением зимы или смерти. У венгров ритуал обряда был такой же, но сопровождающая его песня носила скорее шутливый оттенок и сообщала о том, что наступает конец поста, когда выносятся постные кушанья и вносят жирную, вкусную пищу:

Haj ki, kisze, haj!
Yōjj be, sodar, jōjj!

Уходи, киса, уходи,
Входи, окорок, входи!

В местности Нитра (Словакия) в венгерских селах после уничтожения kisze девушки ломали ветки вербы, украшали их лентами и, возвратившись с ними в деревню, ходили по домам с поздравлениями. Связанные с этим обрядом красивые народные песни в художественной обработке композитора Золтана Кодая теперь известны по всей стране. Обход домов с зелеными ветками в вербное воскресенье был обычен также на юге Задунайского края. Сочетание этих двух обычаев указывает на обряды проводов зимы и встречи весны.

В вербное воскресенье и в следующую за ним страстную неделю исполняется много обычаев, в основе которых лежат магические народные действия. Так, было принято в этот день освящать в церкви вербу или какую-либо другую зеленую ветвь. Такую освященную вербу сохраняли на случай болезни, ее также привязывали к чердачной двери, «чтобы к дому не приблизились змеи и лягушки».

В прошлом верба была частью церковного ритуала, затем ей стали приписывать магическую силу, и она начала играть значительную роль в весенних народных обрядах.

Упоминание о зеленой ветви встречается часто в весенних песенно-танцевальных играх девушек, которые обычно исполнялись в течение всей весны. В комитате Зала, например, устраивалась игра, сходная с русской игрой «в ручеек»: девушки шли по улице парами, высоко подняв сцепленные руки, в которых были зажаты ветки вербы, и под этой живой аркой проходили все участницы игры, начиная с первой пары. Таким образом шли через все село, от конца до конца. Игра сопровождалась песней, начинавшейся словами: «Bujj-bujj, zöld ag» («Бей, бей, зеленая ветка»). С течением времени эта и другие ритуальные девичьи игры стали детскими играми, без всякого приурочивания к каким-либо определенным дням.

Среди церковных обычаев страстной недели и пасхи особенно были известны обряды освящения огня, воды и пищи. Освящение огня в страстную субботу описано уже в венгерских церковных книгах XII в. Возможно, на основе церковного обряда сложилась народная форма обычая «сожжения Иуды» или «Сожжения Пилата». Он заключался в том, что в один из дней страстной недели дети таскали по улицам ящики, бочки, стучали в них палками, а затем складывали их в кучу и сжигали. Магическое значение имело и распространенное по всей стране купание или утреннее умывание в страстную пятницу. Старались искупать в этот день и весь домашний скот.

К страстной неделе и пасхе примыкает ряд хозяйственных предписаний и запретов. На страстной неделе считалось хорошо сажать лук, картофель, брюкву, но запрещались всякие домашние работы, нельзя было запрягать животных, женщины не должны были причесываться. Перед пасхой делали большую уборку в доме и, по возможности, заново белили стены дома.

В католических селах в страстной четверг прекращали звонить колокола в церквах (по народному выражению, они «в Рим улетали») и лишь в субботу их звон снова раздавался над селом. Во время этого субботнего звона старались начать посев, «чтобы получить хороший урожай», трясли фруктовые деревья, чтобы «уродилось больше фруктов», и т. д.

Запреты и предписания, касающиеся пищи, особенно соблюдались среди католиков. Необходимыми блюдами пасхального стола были калач, ветчина, яйца. Католики несли на пасху в церковь калач, окорок, яйца — для их освящения. С освященной пищей было также связано много суеверий: тот, кто поест такие кушанья, не заблудится в лесу; кость от освященного окорока предохраняет дом от пожара.

И католикам, и протестантам известны пасхальные обходы полей с целью магической защиты молодых всходов.

Среди пасхальных обычаев наиболее характерны и еще сегодня повсеместно практикуются обычаи окраски яиц и обливание водой. Крашеные яйца известны во всех странах Европы. В Венгрии при археологических раскопках аварских курганов не раз находили раскрашенную яичную скорлупу. И связанные с пасхальными яйцами игры у венгров известны очень давно. Так, в одном источнике 1380 г. упоминается «день битья яиц» (dies concussionis ovorum).

Окраской и росписью яиц занимаются обычно женщины и девушки. Орнамент росписи варьирует по областям, чаще встречаются геометрические или стилизованные мотивы. Элементы узора носят, например, названия «лягушачья лапка», «тыквенное семечко» и пр. Для окрашивания употребляют кожуру лука, скорлупу зеленого ореха, кожицу дикого яблока или груши, чернильный орешек и пр. Чтобы сделать узор, жидким воском наносят на скорлупу трафарет и, когда воск застынет, кладут яйцо в краску, а с окрашенного яйца воск удаляют. Узоры наносят на яйцо часто также острой иглой, спицей.

Обычай обливания в понедельник пасхальной недели был распространен по всей стране со времен средневековья. В некоторых селах под влиянием словаков наряду с обливанием или вместо него встречается обычай хлестания кнутом. Оба обычая в прошлом имели, несомненно, один и тот же магический смысл — оплодотворяющего и очистительного обряда, но теперь уже носят только игровой, развлекательный характер. В наше время дети в эти праздничные дни обливают прохожих водой.

Среди игр в пасхальный период особенно популярна была «стрельба в петуха» (kakaslöves), которая еще недавно устраивалась в некоторых венгерских селах Трансильвании. По свидетельству исторических источников, в прошлом стреляли из лука в живого петуха, теперь же обычно мальчики стреляют в мишень, изображающую петуха. Стрельба в цель сопровождалась шутливыми стихами: произносили, например, прощальную речь петуха. Игра считалась законченной, когда стрела точно попадала в сердце петуха.

В Будапеште издавна на пасху устраивалось ежегодно большое народное празднество на горе Геллерт.

Следующее воскресенье после пасхи называется у венгров «белым воскресеньем» (Fehérvásárnap). К этому дню был приурочен обычай кумления, он назывался komatál küldes — взаимный обмен «мисками кумовьев». В настоящее время этот обычай еще встречается в Задунайском крае (главным образом в комитатах Шомодь и Зала) и у палоцей. Обмениваются такими подарками обычно молодые девушки, но случается, что и девушка посылает парню «миску кума» или парни посылают их друг другу. Обменявшиеся такими подарками считаются сестрами или братом и сестрой, связанными узами дружбы. Содержание вложенного в миску подарка варьирует по областям, но там обязательно должны быть яйцо, калач и небольшая бутылка вина. Получивший подарок вынимает из миски одно крашеное яйцо и вместо него кладет туда два других. Или вообще посылает в обмен другую миску со своим подарком. Иногда этот обычай приурочивался и к другому весеннему празднику — к периоду от белого воскресенья до дня св. Иоанна (24 июня). В некоторых областях, как, например, в комитате Баранья, девушки посылают друг другу не миску, а разукрашенное деревце. Обычай этот известен также у многих славянских и романских народов. В Венгрии он существовал еще в средние века.

Период от пасхи до троицы в Венгрии является временем всхода посевов и пышного расцвета всей природы.

В праздничных обрядах этого времени сохраняются еще, правда, в измененной форме, следы календарных весенних праздников древних венгров.

Древнее занятие венгров — пастушество, со всеми его заботами и трудами, нашло отражение в сложной синкретической обрядности дня св. Георгия (по-венгерски Дьёрдь) — 24 апреля. В обрядах, приуроченных к этому дню, можно обнаружить элементы старых венгерских обычаев. Таковы, например, скачки на лошадях, различные игры-соревнования, которыми издавна отмечали свой переход с зимних на летние пастбища древние венгры. Но в праздновании дня св. Георгия хорошо прослеживаются и черты восточноевропейской обрядности. 24 апреля совершался первый выгон скота на пастбище. Даже если погода еще не благоприятствовала, старались выгнать скот на пастбище, хотя бы на короткое время. Выгон сопровождался различными магическими действиями. Так, в селах, расположенных вдоль р. Зала, обычно при выгоне скота у порога стойла с внутренней стороны клали цепь, а снаружи — яйцо. Считалось, что если скот через это перешагнет при выходе, то у него будет такая же сила, как у цепи, «таким же круглым он станет, как яйцо»[13].

Во многих селах в георгиев день нанимали на работу пастухов. На рассвете этого дня купали скот — для охраны здоровья. По венгерским верованиям в этот день особенно опасной становилась нечистая сила. Так, в протоколах судебных процессов над ведьмами от XVI—XVIII вв. говорится, что именно в георгиев день особенно вредной была «деятельность ведьм»: они, мол, заговаривают травы, отнимают у коров молоко. По данным судебного процесса XVIII в., в Сегеде «одна из ведьм в этот день продала дождь, и в том году в той области была сильная засуха». Некоторые поверья о ведьмах, о нечистой силе сохранялись вплоть до на-



Обливание водой на пасху

шего века. Во многих местах накануне 24 апреля шли вдоль забора, окружающего усадьбу, с колючими ветками в руках, «чтобы зло не проникло в дом». То же самое назначение имели воткнутые в забор ветки березы. Следующий день, 25 апреля, день св. Марка, также считался пастушеским праздником. Хозяйки пекли в этот день особое слоеное тесто для раздачи пастухам.

В католических церквах освящали пшеницу, которая затем использовалась как магическое средство; во время бури или грозы, например, ее бросали в огонь.

Много различных обычаев было приурочено к 1 мая. Дома украшали зелеными ветками, листвою. Об этой традиции уже в XV в. упоминал католический писатель Пельбарт Темешвари.

По всей Венгрии издавна известен также обычай установки майского дерева. Его называли на венгерском языке Májusfa (майское дерево), Yakabfa (дерево св. Якоба), а также hajnalfa (де-



Установка майского дерева у Матьо

рево рассвета). Уже в XVIII в. известны официальные запрещения установления майского дерева из-за происходивших при этом беспорядков, шума, так как часто вырубали ценные фруктовые деревья. В XX в. молодые люди ставили обычно майское деревце перед домом своих девушек.

В Ясшаге майским деревцем большей частью были береза или тополь; его украшали креповой бумагой, лентами, на ветки вешали бутылку вина и другие подарки. У палоцей же молодой человек только ставил дерево перед домом девушки, а украшала его девушка и ее мать. Если девушка нравилась не только одному парню, то за право поставить ей дерево часто вспыхивали ссоры и драки, и поставленное дерево надо было охранять от соперников.

Во многих местах на троицу или в конце мая во время танцев последнего вечера праздника майские деревья сваливали и убирали под звуки музыки. Тема установки майского дерева часто звучала в песнях и стихах венгерского народа.

В наши дни майские деревья устанавливают не только девушкам, но и популярным на селе лицам, например учителю или председателю сельского совета.

Поздней трансформацией обычая майского дерева является распространенный сейчас обычай посылать девушкам букеты цветов. Молодые люди посылают девушкам, за которыми они ухаживают, красиво украшенные горшки с цветами. Нарядный цветочный горшок на окошке дома девушки точно так же извещает всех о серьезных намерениях парня, как и майское дерево в прошлом.

В XVI в., судя по историческим данным, 1 мая при королевском дворе устраивались скачки. Можно предположить, что этот обычай средневекового происхождения. Скачки происходили вплоть до турецкого завоевания. Последние скачки состоялись в 1526 г., в них участвовали королевские беговые лошади и беговые лошади из Польши.

1 мая обычно устраивались также прогулки, праздничные пиры, развлечения и игры (бег в мешках, лазание по шесту, соревнования по борьбе). В таких развлечениях принимали участие и городские жители еще в XIX в.

Уже с конца XIX в. день 1 мая стал праздноваться венгерскими рабочими как День международной солидарности трудящихся. В одном из первых номеров журнала «Этнография» дано описание первомайской демонстрации 1890 г., многие участники которой шли в красочных народных костюмах; люди разных профессий прикалывали к одежде какой-либо знак своего ремесла [14]. Эти традиции первых первомайских демонстраций дожили и до наших дней. На участниках многих современных первомайских демонстраций и в городе, и в деревне можно часто увидеть живописный венгерский народный костюм; пред-

ставители различных специальностей выходят на демонстрацию в характерных для них профессиональных костюмах.

16 мая был днем св. Яноша, который считался патроном дунайских речников, рыбаков, мельников. Вплоть до второй мировой войны дунайские речники устраивали в этот день процессии на лодках с фейерверком.

Древнейшие магические приемы с целью обеспечить урожай были включены в позднейшую церковную обрядность, например, крестный ход, который организовывали католические священники в понедельник, вторник или среду на пятой неделе после пасхи.

Много различных предсказаний погоды и урожая, суеверных обрядов было приурочено ко дню вознесения (Aldozócsütörto). В этот день запрещались всякие женские работы.

Издавна одним из самых значительных праздников у венгров была троица (Pünkös). Хотя самые ранние описания этого праздника относятся к XV в., когда он имел уже совсем европейский характер, все же можно высказать предположение, что обычаи троицына дня с их состязаниями, скачками, избранием троицына короля заняли место старых венгерских военных обычаев. В венгерских хрониках часто встречаются упоминания о весенних играх-состязаниях древних венгров: фехтовании на копьях, стрельбе из лука и пр.

Несомненно, что в XVI в., а может быть, и еще раньше троица была наиболее любимым праздником у венгерских солдат. Поэт венгерского ренессанса Балинт Балаши во многих своих песнях воспевает красивое празднование троицы; и даже боровшиеся против турок венгерские солдаты урывали время на его празднование.

В одном из решений лютеранского синода в 1591 г. сказано: «Запрещается в дни троицы по старому обычаю короля выбирать, танцевать и играть



Обряд волочения бревна на масленицу

в различные игры». Об обычае выбора троицына короля есть много данных и от XVII—XVIII вв. Так, известно, что в конце XVII—начале XVIII в. в гусарских полках по ротам выбирали «майских королей», которым все солдаты роты должны были повиноваться. Эти выборные короли устанавливали законы, судили провинившихся и следили за тем, чтобы гусары во время танцев и развлечений не нарушали правил приличия. Особенно с большой роскошью и многочисленными обрядами выбирали троицыного короля в восточных комитатах Венгрии, не занятых турками. Так, Бартоломейдеш Ласло описывал выборы троицына короля в селах комитата Гемер. Этот выборный «король» облачался в особый парадный костюм и считался верховным правителем села на все время праздника[15]. Мор Йокай — романтический писатель XIX в. — в ро-

манс «Венгерский набоб» описывает выборы троицына короля в Надькунмадараше. Королем обычно выбирался победивший на скачках или же в травле дикого быка. Выбранному королю надевали на голову большой венок из вербы, цветов, листьев. Скачки на лошадях в день троицы были известны и многим другим народам — словакам, чехам, немцам и т. д.

Йокай пишет также и о других видах соревнований, в которых должны были принимать участие все кандидаты на роль троицына короля: например, в южной части Трансильвании в горшок сажали петуха, и нужно было с завязанными глазами попасть дубинкой в этот горшок. В других местах поперек улицы протягивали канат, в середине которого за лапы подвешивали живого гуся. Парни на корточках проходили под этим гусем и на ходу старались оторвать ему шею.

В селениях, расположенных по течению р. Ньярад, короля на три дня праздников избирали мальчики, он организовывал игры, пение. Королем также становился победитель игр-соревнований или драки. Такой способ выбора короля был распространен и в XX в., вплоть до второй мировой войны, но в наши дни этот обычай постепенно отмирает.

Во многих областях выбранный путем соревнований король троицы был предводителем молодых людей в течение всего года, их судьей, авторитетным лицом, которого приглашали на все свадьбы и которому все парни повиновались.

В западной части Задунайского края, в комитатах Шопрон и Ваш троицына короля, обильно украшенного цветами и ветками, водили в процессии по деревне.

Возможно, за «европейской» формой избрания королей скрываются какие-то следы старых венгерских институтов. Наряду с весенними молодежными играми-соревнованиями, о которых уже говорилось выше, возникает также мысль о том, что обычай сохранил память о древнем периодическом избрании короля и его ритуальном убийстве.

По единодушному мнению венгерских археологов, историков и этнографов, у венгров перед их приходом на Дунай, существовал институт двух королей; из них один король считался святым, жизнь его заканчивалась ритуальным умерщвлением. К сожалению, пока эта интересная гипотеза недостаточно аргументирована.

Исторические данные о выборе королевы троицы более скудные. В селах западной Венгрии маленькие девочки выбирали из своей среды «королеву троицы». Ее одевали, как невесту, во все белое, на голове у нее поверх вуали был венок из цветов. Королева шла под балдахином — укрепленным на четырех палках большой шалью. Такая процессия девочек проходила по всему селу, останавливаясь перед каждым домом. Они пели песни, в которых поздравляли с праздником хозяев и желали им хорошего урожая. В одной из таких песен королева троицы отождествляется с розой.

Не от матери я родилась
Выросла на розовом кусте,
В красный день троицы
На рассвете я родилась.

Венгерские этнографы в своих исследованиях неоднократно ставили вопрос о том, являются ли выборы короля и королевы троицы вариантом одного и того же обряда или же это два различных обряда? Вероятнее всего, выбираемый путем соревнования король и королева, предводительствующая группой девочек, которые ходили на троицу с поздравлениями, — это два независимых друг от друга обычая. Возможно, поздравительные обходы домов на троицу были связаны с магией плодородия [16].

В венгерском фольклоре встречается много указаний на большую роль зелени, особенно розы (см. приведенную выше песню) в обрядах, приуроченных к троице. Лучшее украшение венгерских садов — роза — почти всегда распускалась к троице, поэтому вполне естественно, что она стала одним из главных мотивов венгерских песен на троицу[17].

В отличие от других народов Европы к циклу праздников 1 мая — троица не было приурочено никаких поверий и обрядов, связанных с изгнанием нечистой силы, с предотвращением вредных действий колдунов, ведьм, нет следов в этих обрядах и культа мертвых.

В некоторых областях Венгрии на троицу исполнялись обряды, связанные с водой. Так, в деревнях, расположенных на берегу Дуная, было в обычае на троицу кататься на лодках, украшенных зелеными ветками и цветами.

В наши дни многие весенние народные обычаи уже исчезли. Конец масленицы отмечается еще всегда вечеринками. Пасха все более принимает характер детского праздника. Так, в шуточном обычае обливания уже участвуют преимущественно дети. Кое-где еще парни устанавливают своим девушкам майские деревья.

Но и для сельской молодежи теперь связный порядок и смысл весенних обычаев и обрядов уже почти непонятен; часто сельские дети только по радио и по телевидению узнают о тех народных обычаях, которые еще 20—30 лет назад были обязательными для всех.

[1] Из обширной литературы по древней истории венгров можно назвать следующие работы: *I. Dienes István.* A honfoglaló magyarok. Budapest, 1974; Középkori kutfőink kritikus kérdései (szerk. Horváth János, Székely György). Budapest, 1974; *Györffy György.* Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Budapest, 1959; *Czeglédy Károly.* A szakrális királyság a steppei népeknél (a kazároknál és a magyaroknál). — In: Magyar nyelv. 1974, LXX évf., s. 11—17.

[2] О венгерском летоисчислении перед христианством см.: *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszás. Budapest, 1964, l. 46—51.

[3] *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszás; *Martin P. Nilsson.* Primitive Time-Reckoning. London, 1920, l. 282.

[4] *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszás, l. 49—50.

[5] *Szendrey Ákos.* Szokások. — In: A magyarság Néprajza IV. Budapest, 1937.

[6] О масленичных обычаях см.: *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszás; *она же.* Ungarische Volskbräuche. Budapest, 1972.

[7] *Szerémi György.* A mohácsi vész kora (Magyarra ford. Erdélyi László). Szeged, 1941.

[8] Ibid., l. 78.

[9] О масленичных масках см.: *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszas; *Ferenczi Imre.* Ujváry Zoltán: Farsangi dramatikus játékok Szatmárban. Budapest, 1962.

[10] Об этом обычае подробнее см.: *Dömötör Tekla:* A népszokások költészete. Budapest, 1974; *она же.* Das Blochziehen in Rábatótfalu. Festschrift Heilfurth. Göttingen. 1969.

[11] *Dömötör Tekla.* Ungarische Volskbräuche, l. 32.

[12] Об обычае «изгнание кисы» см.: *Magda János.* Ünnepek szokások az Ipoly mentén; *Dömötör Tekla.* A magyarországi «kiszehajtás» történeti rétegei. — In: A Magyar Tudományos Akadémia I. Oszt. Közl, 1969, l. 113.

[13] *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjatszás; *Szendrey Ákos.* A napforduló és a mágikus állatvédés összehasonlitásának kérdése. — In: Ethnographia. 1959, l. 313—343.

[14] *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszás, l. 111; *она же.* A népszokások költészete. passim.

[15] *Bartholomaeides L.* Inclyti Superioris Ungariae Comitatus Gömöriensis Notitia Historico-Geographico Statistica. 1806—1808. Lőcse, l. 443—444.

[16] О выборе короля и королевы троицы см.: *Dömötör Tekla.* Naptári ünnepek-népi szinjátszás; *она же.* Whitsun Mummers in Hungary. Festschrift für Robert Wildhaber. Basel, 1973, s. 63—71.

[17] *Csillèry Klára.* Pünkösdi leányevező Szeremléről. Néprayzi értesitő. 1961, l. 17.

ПОЛЯКИ

* * * * * * * * * * * * *

О. А. Ганцкая

Время от праздника трех королей (7 января) до «пепельной среды», попельца (środa popielcowa, popielec — в прошлом начало поста), поляки называют *запустами, менсопустами, карнавалом* (zapusty, mięsopusty, karnawał). В некоторых районах Польши так называют не все это время, а лишь последнюю неделю перед попельцем, которая соответствует восточнославянской масленице.

Запусты считались в народе временем противоборства зимы с весной, и это нашло отражение во всей карнавальной обрядности. В старину думали, что магические карнавальные действа могут помочь природе возродиться, принесут хороший урожай и плодовитость скота, от чего зависело материальное благополучие крестьянской семьи. Некоторым обрядам приписывалось влияние на деторождение, и недаром время карнавала считалось лучшей порой для свадеб. Другие обряды были связаны, по-видимому, с поминовением умерших.

Карнавал справлялся весело, зачастую даже буйно, и не только в деревне, но и в городе. По времени празднования он относился и к зимнему и к весеннему циклам календарных обрядов. Так же, как на рождество, новый год и праздник трех королей, ходили по улицам и домам ряженые *иродами*, Юзефом, дедами, цыганами, евреями, ангелами, пастухами, солдатами, королями, *дробами* (мужчины в женской одежде, женщины в мужской). В Мазовше рядились венграми, словаками-*олейкажами* (olejkarz — словак — продавец масла и чудодейственных лекарств)[1].

В Олькушском повяте Краковского воеводства парни рядились на запусты татарами: в белых полотняных рубахах они молча скакали на лошадях по улицам деревни[2]. В окрестностях Кракова ходили (и ходят до сих пор) *спертяжи* (sperciarze — от sperka — сало) — парни и мальчики от 8 до 20 лет. На них были вывернутые кожухи, подойдя к дому, они кричали:

Zapusty, zapusty!
Wyciągajcie spyrą z kapusty.
Запусты, запусты!
Вытаскивайте сало из капусты.

Войдя в дом, они говорили:

Przysli my tu po zapuście,
I no nas tu nie opóście.
Parę jaj nam podarzyjcie,
Kolacyka nie żalyjcie[3].

Мы пришли сюда на запусты,
Нас отсюда не отпустят.
Подарите нам пару яиц,
Не пожалейте калачика.

Как и в рождественско-новогодние праздники, в карнавальные дни водили туроня и козу. В обрядах с этими масками явно выступает аграрная магия. Они сопровождались словами: «Где турonь (или коза) ходит, там рожь родит, где его следы, там будут копны».

«Gdzie turoń (koza) chodzi tam się żytko rodzi, gdzie jego stopy, tam będą kopy»)[4].

В окрестностях Сувалок (Белостокское воеводство) по домам пастухи носили тряпичную козу и пели обрядовые песни, в которых говорилось, что, если хозяева не откупятся от них *волочебным* (wołoczebne — подарок), коровы будут мало давать молока[5].

В масленичных представлениях очень часто выступал конь (краковские деревни, Мазовия, район Курпей, Вармия, Мазуры, Ополье). Это был или ряженый мальчик или деревянная фигурка, изображающая коня. Хозяева давали коню выкуп овсом. Водили также *бочана* (аист — Мазуры, Вармия, северные районы Польши), медведя (Куявия, познаньские деревни, Полевое и Лесное Мазовше, Мазурские и Курпевские районы, Ополье, Мазовше на Нареве), реже волка (Старое Мазовше, Западная Мазовия, Поморье, Силезия).

Был обычай во вторник перед постом носить или возить *курка* (kurek, kura) — деревянного петушка. В Полевом Мазовше парни вносили его в дома, где есть девушки, и приглашали их танцевать на *когутка* (петушка). Девушки давали парням за это сыр, масло, колбасу[6]. В познаньских деревнях петушка возили мальчики. Из подарков они устраивали вечером угощение — *подкурек* (podkurek)[7]. На масленицу мальчики возили также *сироток* (sierotki) — соломенных кукол, изображавших мальчика и девочку. Для этого на санках укрепляли колесо с куклами и, когда его крутили, куклы как бы танцевали (Лесное Мазовше)[8].

В Мазовше на Нареве такие же куклы назывались дедом и бабой, их возили на санках или на тележке[9].

В запусты несколько дней отмечаются более празднично, чем остальные. Это так называемый жирный четверг (tłusty czwartek), старозапустное воскресенье, *остатки* (ostatki) — понедельник и вторник перед постом. Часто к остаткам относят и последнее масленичное воскресенье. С остатками всей своей обрядностью связана «пепельная среда», которая еще называется и «вступительной» (środa wstępna). Некоторые обряды в одних районах выполнялись «на остатки», в других — в «попелец».

«Жирный четверг» — это последний четверг перед постом. Следующие за ним пятница и суббота были постными, а в воскресенье, понедельник и вторник ели скоромную пищу. Хотя посты сейчас обычно не соблюдают, в четверг по-прежнему готовят обильную еду, с большим количеством мяса, на свином сале пекут традиционные пончики (pączki), оладьи, пышки, хворост (pampuchy, racuchy, chrust). В городах в «жирный четверг» пончики продают и в магазинах и на лотках прямо на улицах.

В Олькушском повяте хозяйки в старину брали пончики и оладьи в корчму и там веселились, танцевали под музыку, стараясь подскакивать как можно выше, так как считалось, что от этого конопля будет высокой[10].

В Познанском воеводстве в четверг девушки устраивали для парней *цумбер, цумпер* (cumber, cumper), угощали их, поили водкой за то, что они приходили к ним на попрядухи. Известен был так называемый *бабский цомпер* (babski comper) — увеселение краковских уличных торговок. Ряженые торговки из предместья Пяски волокли на Рынок (центральную площадь Кракова) соломенную куклу, танцевали вокруг *суконниц* (*sukiennice* — торговые ряды), бегали по улицам, приставали к мужчинам, заставляли их плясать, если они не откупались деньгами. Особенно доставалось холостякам. В кульминационный момент женщины раздирали соломенную куклу. По описанию Китовича, торговки приносили много всякой еды и пировали в складчину, угощая мужчин, танцевавших с ними[11]. Подобно этому справляли бабский цомбер в Севеже около Ченстохова. Женщины ходили и танцевали по

улицам и площадям, хватали людей, втягивая их в веселье. Это называлось *цомбжичь, цембжичь* (combrzyć, cembrzyć)[12]. Известен был цомбер и в центральных районах Польши.

Старозапустное воскресенье (последнее перед постом) — праздник передвижной так же, как «жирный четверг» и остатки. Интересный обычай наблюдался в этот день в Мазовше на Нареве. Девушки и парни собирались у кого-нибудь в доме и пели:

Wyjdzij, wyjdzij gospodarzu,
Bóg sie serzy w twem podworzu:
Krowki ci sie pocielili,
Wszystko byski porodzili,
Ze śrebrznemy nozeckamy,
Ze złotemy kopytkami.

Выйди, выйди, хозяин,
Бог на твоем дворе (подворье).
Коровки у тебя отелились,
Все бычки родились,
С серебряными ножками,
С золотыми копытцами.

Затем молодежь играла в *матку*. Маткой, т. е. матерью выбирали кого-нибудь из девушек. Две девушки наряжались женихами, остальные девушки — дочери матки — по очереди «выходили за них замуж». Под конец пели, что матку выдадут за старика, а она не соглашалась; тогда пели, что выдадут за молодого парня, — она соглашалась. После этого гасили свет, и девушки таскали хлопцев за волосы в наказание за то, что они не женились в прошедший карнавал[13].

Взаимные шуточные наказания парней и девушек за то, что они не вступали в брак, были очень распространены по всей Польше в попелец. Девушкам на спину незаметно прицепляли небольшие завернутые в тряпки деревянные куколки, селедочные головки, кости, скорлупки яиц. *Клоцки* (kłocek — кусочек дерева) и селедку вешали также на спину холостякам. Девушек били соломенными жгутами. В Старом Мазовше в попелец впрягали девушек в сани, они возили по деревне скрипача и доставляли его в корчму. Там скрипача «сжигали» (поджигали соломенные жгуты, которыми он был обвязан, он их сбрасывал) или «вешали» (накидывали жгут на шею, но оставляли стул под его ногами).

В повяте Вадовице парни ходили с *клоцем* (kloc — бревно) по домам, где были девушки. Один из парней рядился женщиной, другой—трубочистом. Придя в дом, они хватали девушку, обвязывали цепью и закрывали замок на цепи. Это называлось *браньем до клоца* (branie do kloca) за то, что не вышла замуж. Девушка откупалась деньгами или угощеньем[14].

В келецких деревнях в попелец ходили мужчины, ряженые дедом и бабой. Девушки и парни давали им выкуп, чтобы те не били их соломенными жгутами. На собранные деньги «дед» и «баба» пировали в корчме[15].

В XIX в. в ленчицких, куявских, калишских, познаньских деревнях выполнялся своеобразный танцевальный обряд — *подкозёлок* (podkoziołek). В последний перед постом вторник в корчме около скрипача ставили стол, а на него миску с *козёлком* — деревянной фигуркой козлика или с куклой. Присутствующие подшучивали над холостяками. Скрипач делал вид, что сердится на девушек за то, что они не вышли замуж. Парни уговаривали его не сердиться, обещали девушек выкупить. Начинался «торг» девушек. Один из парней спрашивал у скрипача, указывая на свою избранницу, сколько он хочет получить за эту «скотинку»? Скрипач начинал восхвалять ее, а парень перечислять ее недостатки. Договорившись со скрипачом, парень клал деньги под козелка (отсюда название — podkoziołek) и танцевал с девушкой. Около полуночи, когда уже наступала «пепельная среда», в корчму входил «старик» с палкой,

к которой был подвешен мешочек с пеплом (в некоторых районах этот ряженый старик назывался «запустом»), он тряс мешочек над невыкупленными плачущими девушками. Сжалившись над ними, их выкупал кто-нибудь из родственников. В куявских деревнях оставшиеся девушки могли сами «купить» парней, заплатив скрипачу за танец [16]. В познаньских же деревнях деньги за танец всегда платили не парни, а девушки [17].

В окрестностях Калиша парни во вторник возили на тележке деревце, украшенное разноцветными бумажками, цветочками. Они останавливались перед каждым домом, где есть девушка, и объявляли, сколько она стоит. Кто-нибудь из парней нередко говорил, что «и снопка пустой соломы не дал бы за нее», тогда поклонники девушки и она сама давали выкуп деньгами [18].

В Польше известны масленичный обряд и персонаж масленицы под названием *бахус*, *бахунки*, *бахуски* (bachus, bachunki, bachuski), что указывает на связь польской обрядности с античной. У мазуров Подлясья *бахусы* — это последние три дня карнавала [19]. В радомских деревнях обряд с бахусом совершался в пепельную среду. Здесь бахус — это кукла, которую парни и девушки носили по всем домам деревни. У бахуса была «подруга» — мужчина, ряженый женщиной. С ними ходили войт и другие ряженые. Войт говорил хозяину дома, что забирает девушку, от этого откупались. Если же выкуп не давали, пришедшие мазали девушку сажей [20]. В Иорданове (Подгалье) в попелец парни возили на санях или телеге бочку, на которой сидел их товарищ, изображавший бахуса. Они забирали в корчму вдов, не вышедших в прошедший год замуж. Их впрягали в сани или телегу с бахусом, и они везли его в корчму, где давали выкуп [21]. В краковских деревнях бахусками называли ряженых, которые ходили по деревне с запустом (см. ниже), смешили взрослых и пугали детей [22].

Если девушки и вдовы, не вступившие в брак за истекший год, должны были, по народному обычаю, оплатить эту свою «вину», то молодухи должны были заплатить за приобщение к замужним женщинам. Когда-то, например, в калишских, познанских деревнях, в Мазовше на Нареве старшие из замужних женщин привозили на санях или телеге в корчму молодух, вышедших замуж в период от прошлого до данного попельца. Там молодухи их угощали [23]. В северных областях Великой Польши (Познанское воеводство) бывало, что выкуп платил за молодую жену ее муж [24]. В Поморье в попелец молодуху везли в корчму четверо мужчин, впрягшихся в саночки, и она давала выкуп им, а не женщинам. Молодые мужчины, вступившие в брак в прошедшем году, давали выкуп замужним женщинам [25]. Возможно, что обычай этот является отголоском древнего права на невесту всех мужчин, на жениха всех женщин какой-то социальной (родовой, племенной, общинной) организации.

В обычаях остатков и попельца очень явственно выступает аграрная магия. В большинстве районов Польши женщины собирались в корчме в «пепельную среду», в некоторых же — накануне ее (Вармия, Мазуры) [26]. Как уже говорилось, там они танцевали, подскакивая как можно выше, «чтобы высокими росли лен и конопля» [27]. В Мазовше над Наревой женщины скакали при этом через пень или лавку. В старину они зажигали солому на току (земляном полу) корчмы, а потом заливали ее водой. Танец «на лен» и «на коноплю» был танцем женщин, что и понятно, ведь они убирали эти культуры, сушили, трепали, пряли и ткали из их волокон.

Другой обрядовый танец — «на овес» — был мужским. В понедельник на остатки мужчины, танцуя, тоже подскакивали, чтобы высоким вырос овес — ос-



Запуст — персонаж масленичной обрядности

новной корм для лошадей, с которыми они управлялись в хозяйстве. Не случайно и танец «на овес» считался мужским танцем. В Вармии и на Мазурах, чтобы хлеб уродился, танцевали в воскресенье, а «на картофель» — в понедельник. В восточных Мазурах, чтобы хорошо лен рос, в воскресенье катались на новых санях [28].

По традиции в «пепельную среду» крали друг у друга вещи, а потом владельцы выкупали их в корчме.

Распространенным мифологическим персонажем масленицы у поляков был *запуст* (zapust). Ряженые отец и мать запусты ходили в повяте Выжиском Познанского воеводства [29]. У курпей вечером в пепелец в избы въезжал запуст — парень на деревянном коне. Он скакал по дому и обсыпал всех пеплом [30]. В краковских деревнях запустом считался один из ряженых, ходивший в остатки. Он был в вывернутом кожухе, подпоясанном соломенным перевяслом, на голове у него была высокая шапка с лентами. Его сопровождали другие ряженые — бохуски (см. выше). В своих орациях они именовали запуста князем [31].

В северных районах Великой Польши своеобразную роль запуста исполнял скрипач в корчме. В последний карнавальный вторник он становился в корчме на колени, вырывал из скрипки все струны. Каждый из присутствующих при этом надевал ему свою шапку, так что на голове у него образовывалась пирамида шапок. Тогда старший из мужчин сбивал эти шапки палкой, как бы срубал голову запусту. Когда скрипач вставал, все посыпали себя пеплом (золой), били в грудь и расходились по домам. Обсыпание пеплом в попелец было обязательным, от этого обычая произошли названия первой среды после карнавала — «попелец», «пепельная среда».

Над порогом входа в корчму или в избу вешали сито с пеплом и обсыпали им всех входящих. Посыпали пеплом друг друга и дома [32].

Обычаи «отрубать» голову запусту-скрипачу, «вешать» скрипача по своему смыслу связаны, вероятно, с так называемым судом и обезглавливанием запуста, менсопуста — смерти, а также с масленичными обычаями наряжать куклы, топить их или жечь. В Кракове зрелище суда и обезглавливания смерти устраивали в карнавал студенты Краковской академии. Сохранились сведения о том, что обычай этот справлялся еще в 1860 г. в Радомском повяте. Смерть изображал высокий мужчина, он накрывался простыней, прикреплял искусственную голову, ложился в кустах и притворялся спящим. Его находили, будили, для чего дьяволы-ряженые били

в колотушки. Затем «палач» отрубал голову запусту, из нее сыпался на всех пепел [33].

В краковских и мазурских деревнях наряжали куклу менсопуста, *несапуста*, заковывали ее в кандалы. В попелец менсопуста судили и обезглавливали [34]. В любельских деревнях топили или жгли в попелец смерть — соломенное чучело, которое весь карнавал возили по улицам [35]. У мазуров в этот день возили по деревням соломенное чучело в рост человека, потом срывали с него одежду, топили или сжигали, прыгая через огонь. Все это заканчивалось обильным угощением [36]. Топили чучело в келецких и свентокжижских деревнях [37].

Можно предположить, что во всех этих обычаях запуст-менсопуст был мифологическим существом, олицетворяющим зиму. Его провожали (можно сравнить это с проводами зимы на масленицу у восточных славян) и уничтожали, очищая путь весне. Для того, чтобы воскресить природу от подобного смерти зимнего сна, сжигали, топили или обезглавливали чучело смерти.

В Поморье у рыбаков некоторые обычаи карнавала были связаны с профессией. Так, по обыкновению, члены каждой из рыболовецких артелей — *машоперий* (maszoperyja) приходили к своему шкиперу, чтобы собрать невод. Сделав это, они привязывали сеть к потолку и качались в ней, что, по их мнению, должно было хорошо повлиять на улов лосося. Вокруг невода танцевали. Среди рыбаков был распространен также обычай во время карнавальных увеселений договариваться о том, кто с кем будет ловить рыбу на одной лодке. Договорившиеся выбирали *машопа* (maszop) — предводителя [38].

2 февраля повсеместно в Польше отмечали праздник божьей матери громничей. Само название праздника говорит об ожидании весны с ее первыми грозами. В этот день в костелах светили свечи — *громницы*. Во время грозы такую свечу зажигали и ставили на окно. Детям, а в старину и взрослым, подпаливали ею волосы, чтобы не боялись грома. Детям прижигали волосы и для того, чтобы не боялись волков. Свечу, обвязанную пасмой льна, святили, считая, что от этого будет хороший урожай льна. Приметы на этот день, связанные с будущим урожаем, были такие: «Если на громницу ясно, в стодолах будет тесно» («Jak na gromnice jasno, w stodołach ciasno»); пасмурная погода предвещала хороший урожай меда. Дымом от громничей свечи изображали на дверях избы или на балке крест, чтобы зло не имело доступа в дом [39]. Громницу давали в руки умирающему, это должно было облегчить кончину и отогнать злых духов.

3 февраля в день св. Блазея, кроме больших свечей, святили в костеле еще маленькие — *блазейки* (błazejka). Когда у кого-нибудь болело горло, блазейки обвивали льном или коноплей и прикладывали к горлу. 5 февраля на св. Агату освящали яблоки (тоже от боли в горле), хлеб, чтобы он весь год не переводился, соль, которую бросали в огонь во время пожара, в колодец, чтобы чистой была вода, давали заболевшей корове [40]. Народная пословица гласила: «Хлеб и соль святой Агаты охраняют от огня хаты» («Chleb i sól świętej Agaty broni od ognia chaty») [41].

В мазовецких деревнях по р. Нареве сохранялись интересные обычаи с яркой аграрно-магической окраской. Например, в день св. Валента, 14 февраля, некоторые крестьяне сеяли на своем дворе понемногу каждого из злаков для птиц и мышей, «чтобы они не уничтожали их урожай в поле». Перед восходом и заходом солнца обсевали золой поле, чтобы святой Валент отгонял воробьев. Примечали также, на какой день недели приходился этот праздник, в этот день недели начинали сеять яровые хлеба [42].

По давнему обычаю поляки отмечали середину поста — *пулпосте* (półpoście). Говорили: «Половина поста прошла, надо вешать *жур*» (żur — постная похлебка)[43]. Этот обычай носил также название «выбивание половины поста» («wybijanie półpościa»)[44]. Для этого наполняли золой старые горшки, миски и другую посуду, а затем разбивали их о двери домов. Парень бросал горшок с золой перед девушкой, девушка перед парнем[45]. Жур приготавливали из капустного рассола, сваренного с картофелем и мукой. Парень влезал на дерево, вешал на ветку горшок с журом и внезапно выливал его на головы стоящих под деревом[46]. В Краковском воеводстве горшок с журом носили по деревне.

Воскресенье за две недели до пасхи называли *сродопостным* (środopostna niedziela). В Силезии было распространено и другое его название — *мажанна* (marzanna). По традиции в силезских деревнях в каждом доме на окне ставили деревце с маленькой куклой — *мажанкой* (marzanka). Кроме того, мастерили большую куклу в рост человека — *мажоук* (marzouk) и ставили ее в сарае или в другой хозяйственной постройке. В руках у нее была бутылка. Такие куклы ставили и перед домами пьяниц.

Девушки еще мастерили большую межанну (wielka marzanna) из соломы и тряпья. Они ходили с куклой по деревне, распевая песни, приветствуя весну. В понедельник куклу приносили к реке, раздевали и топили или сжигали, или зажженную бросали в реку. В народе известны несколько объяснений этого обычая.

Одни считали, что кукла олицетворяет зиму и, когда ее топят в реке, топят зиму, чтобы пришла весна[47]. Другие, сжигая куклу, говорили, что сжигают колдунью[48]. По третьей версии — топили смерть. Раздевая и бросая мажанну в реку, девушки пели:

Wynieślismy mór ze wsi,
Latorośl niesem do wsi.

Мы вынесли мор из деревни,
Внесли побеги.

Вербное воскресенье именуется у поляков *кветним*, *бялым*, *пальмовым* (kwietnia, biała, palmowa niedziela). Хотя обрядность этого дня тесно связана с церковным ритуалом, в ней до сих пор прослеживаются элементы языческой магии (плодородия, оберега и др.), есть бытовые сценки. «Пальмы» для освящения в костеле бывают разных видов: обычные пучки вербы, огромные жерди или тростник до 1,5—6 м, украшенные вербой, ветками деревьев и кустарника (Карпаты, Рабка, Краковский, Освенцимский, Хшанувский повяты), олеандры, искусственные маленькие цветочки (Мазовия). Маленькие вербы обычно несут девушки, женщины и дети. В предгорьях и горах большие «пальмы» делают пастухи, заранее заготовив для этого тростник и ветки вербы. Если одну «пальму» сделали несколько пастухов, они несут ее в костел по очереди. «Пальмы» связывают *батогом* (batog) из конопли или льна и прутиками. Батогам этим приписывается магическая сила, ими пастухи гонят скот в первый день выпаса, пахари погоняют волов при первой пахоте[49].

В сондецких деревнях хозяин обходил с освященной «пальмой» хлев и сад. В некоторых селениях он ударял ею малоплодоносящие деревья[50]. «Пальмы» для охраны от молнии зажигали во время грозы, клали их на окно, вешали в хлевах и других хозяйственных помещениях. Верили, что молния ударяет туда, где сидела ведьма, а ведьма там, где есть «пальма», сидеть не может[51]. В хлевах помещали «пальмы» и для того, «чтобы скот хорошо водился»[52]. Кусочек «пальмы» примешивали к картофелю и овсу при посадке, «чтобы уродились», окуривали ими коня при пер-

вой пахоте[53]. При освящении в костеле «пальмы» поднимали как можно выше, веря, что тогда «овес вырастет высоким и даст хороший урожай». Повсеместно в Польше из веточек от «пальм» вязали крестики и втыкали их в землю на полях для охраны от насекомых, от кротов, и чтобы год был урожайным. Вербе приписывали лечебные свойства: глотали пушки от нее, «чтобы горло не болело весь год», в краковских деревнях одну почку вербы глотали «от лихорадки» и т. п.[54]

Молодежь в вербное воскресенье хлестала друг друга «пальмами». В некоторых районах в этот праздник девушки били парней, которые им платили тем же на второй день пасхи. Так, в Подлясье на Мазовше девушки на рассвете вербного воскресенья приходили в помещение, где спали парни, и били их, причитая: «не я бью, верба бьет», а затем поздравляли их с праздником, желали здоровья, счастья[55].

В Кракове на вербное воскресенье инсценировали въезд Христа в Иерусалим, о чем еще в XVI в. писал Миколай Рей. Фигурку Христа везли на деревянном ослике с колесами. Потом фигурку снимали, а на ослике катались дети. Интересно отметить, что и этот религиозный по своему смыслу обряд сопровождался мирскими шутками. В XVIII в., например, участники процессии кричали:

Jedzie, Jezus, jedzie,
Weźmie żur i śledzie,
Kiełbasy zostawi
I pobłogosławi.

Едет Христос, едет,
Возьмет жур и селедку,
Оставит колбасу
И благословит нас.

Процессия эта была запрещена в Кракове в 1780 г.[56]

В окрестностях Кракова и в деревнях Верхней Силезии в вербное воскресенье топили или жгли чучело, олицетворяющее зиму. В Карпатах и их предгорьях по деревням ходили девушки с соломенными куклами, пели под окнами, за что получали подарки[57]. В Лесном Мазовше по деревне ходили мальчики в вывернутых кожухах. Войдя в дом, один из них стучал палкой или молотком об пол, а другой декламировал:

Uderzam babę o piec,
J-aż wyskoczył z baby
malowany chłopiec.
Z tego chłopca
baran i owca.
A z tego barana
mleko i śmietana.
A z tej śmietany
kościoł murowany.
A w tym kosciele
ludzi bardzo wiele[58].

Стукну бабу о печь,
Аж выскочит из бабы
Расписной хлопец.
Из этого хлопца
баран и овца.
А из этого барана
молоко и сметана.
А из этой сметаны
Каменный костел.
А в этом костеле
очень много людей.

В Краковском воеводстве подобные стихи еще и сейчас, как и в прошлые времена, произносят так называемые *пуэри*, *пухероки*, *пухеры*, *жаки* (pueri, pucheroki, puchery, żaki). Известно, что еще в XVIII в. после богослужения в костеле в вербное воскресенье школьники — *жаки* — становились в два ряда и повествовали в шуточной форме о своем житье-бытье, о бедах своих и тяжестях поста. Прихожане давали им лепешки и другую снедь. В 1870 г. этот обычай при костелах был запрещен, но жаки, пухеры стали ходить по домам.

Они надевали конусообразные соломенные шапки, повязывались соломенными жгутами, чернили лица сажей. Ряженые пухероки ходят в краковских деревнях и сейчас. Они так же наряжены, как и в прошлые времена, в руках у них пухерские посохи (pucherskie laski) в виде молотков, топорцов с длинными рукоятками. Они стучат посохами по полу в ритм произносимым стихам. Эти стихи являются соединением отрывков из старинных песен — *коленд* (kolenda) с шуточными диалогами. В них есть упоминание о каменном или расписном костеле [59].

В прошлом мальчики ходили по домам в вербное воскресенье и в других районах: в Мазовше Степном, в Верхней Силезии и др. В радомских деревнях в стихах, которые они произносили, говорится о турках и татарах:

Jestem żołnierz zbrojny,
Przyechałem nidawno z wojny,
Zbiłem turków seść tusięcy,
A tatarów jesce więcy.

Я вооруженный солдат,
Недавно приехал с войны,
Убил турок шесть тысяч,
А татар еще больше [60].

Ряженые получают яйца, лепешки, другую снедь. Сейчас полученные дары не делят, а обычно устраивают совместное пиршество. Иначе было в старину, когда пухероки были главным образом из бедных семей; они стремились собрать побольше всякой еды, делили ее между собой, а затем отдавали родителям.

Неделя перед пасхой называется великой, и такие дни, как среда, четверг, пятница, суббота, также называются великими. Многие обычаи, выполняемые в эти дни, имеют только внешнюю религиозную окраску. Любопытна трансформация некоторых из этих обычаев. Так, во многих районах куклу, олицетворяющую зиму, которую топили или жгли, заменило чучело или сооружение из досок и веток, называемое Иудой. Его бросали с колокольни, топили или сжигали [61]. В окрестностях Нового Тарга, например, Иуду делали из украденных загодя досок, их ставили крест-накрест. Его приносили к костелу, ломали и разжигали костер, от огня которого все зажигали хубу (гриб, растущий на деревьях). Ксендз освящал огонь и кусочки хубы. Народ брал головешки от костра и хубу домой. Там хубу зажигали и окуривали ею коров, «чтобы колдуны и колдуньи не могли отобрать молоко» [62].

В четверг парни носили когутка (kogutek) — петушка от дома к дому и пели [63]. С четверга до субботы не звонили в колокол. По деревне бегали мальчики с трещотками и колотушками, созывая людей в костел [64]. Как и в других календарных обрядах, в пасхальных прослеживаются магические действия охраны полей от молний, града, кротов, насекомых, от злых сил. Так, например, в эти дни из веток «пальм», оставшихся от вербного воскресенья, крестьяне делали крестики и втыкали их на полях, где посеяны рожь и пшеница. В Краковском повяте это делал сам хозяин и его взрослый сын [65]. В Тынце под Краковом в ночь с четверга на пятницу все шли на свои поля под раздававшийся в деревне треск колотушек. На каждом поле крестьяне втыкали по три крестика. Утром затыкали крестик за стреху — «от грозы» [66]. В других местах Польши также считали, что крестик на крыше охранит от молнии, бури, града, ветра.

Магическое значение придавалось проточной воде. В пятницу перед восходом солнца все шли к реке, ручью, роднику, чтобы умыться и выпить воды. Это должно было предохранить на весь год от чирьев и глазных болезней, от боли в желудке. Старикам, больным и маленьким детям приносили воду до-

мой[67]. Крестьяне не только сами умывались или обливались, но и купали пригнанных лошадей, от чего, по народным поверьям, они должны быть здоровыми и ладными[68]. В Подгалье в пятницу клеймили овец[69].

В ознаменование окончания поста о двери и окна разбивали горшки с журом. Били также горшки, наполненные золой и навозом (Куявия)[70]. Нередко уговаривали кого-нибудь из прохожих понести жур и внезапно разбивали горшок. Жур выносили также на границу деревни, звали первую попавшуюся девушку, вешали ей жур на спину и били по горшку. Жур выносили и в поле. В куявских деревнях жур «вешали»: натягивали веревку от трубы печи одного дома до трубы другого, подвешивали горшок и разбивали над прохожими[71].

В субботу служка разжигал около костела костер из хвороста и терна. Ксендз освящал огонь и принесенные хубы (см. выше). Прихожане растаскивали головешки и обгоревшие ветви, из которых делали, как и из «пальм», крестики, чтобы воткнуть на полях для охраны от молнии. Хубу давали заболевшей корове[72]. От щепки или огарка в доме зажигали огонь. Освященную в костеле воду лили в колодец, кропили ею избу, скот от сглаза[73].

Пасха называлась в Польше — *вельканоц* (wielkanoc). В костеле или у когонибудь в доме ксендз святил к этому празднику яйца, колбасу, хлеб, горох, картофель, соль, разные виды злаков. Освященные злаки добавляли к посевному зерну[74]. В Подгалье кусок освященного хлеба бросали при пахоте под первый пласт[75]. К пасхе красили в луковичной шелухе яйца, расписывали их или выскабливали на них узоры. Выпекали обрядовый *колач* (kołacz) — овальный по форме хлеб, печенье в виде птичек и зверей[76]. Пасхальной обрядовой пищей были также свиная голова, колбасы, горох.

Пасхальные дни, чтимые в католической церкви и называемые «великими» днями, в народе еще со времен язычества считались днями особенно успешных деяний колдунов и колдуний — *чаровниц*, отнимавших у коров молоко[77]. Чтобы охранить скот от чар, его окуривали, кропили «святой» водой, давали ему хлеб с крестиками из головешек от священного костра.

В пасхальное воскресенье все спешили из костела домой, так как считалось, что тому, кто придет первым, повезет — уродятся хлеба, хорошо будет водиться скот. Разговлялись освященной пищей и прежде всего яйцами. Освященной пище придавали магическое значение — скорлупки от яиц разбрасывали по углам дома от насекомых, жаб, мышей, крыс. Для того чтобы уничтожить чертополох на полях, нужно было перед первой весенней пахотой намазать плуг жиром от пасхальной ветчины. Думали также, что кость от освященного мяса, положенная на стропила, охраняла от молний. Её же давали собаке от бешенства[78].

В народе было распространено много примет, связанных с пасхой. В первый ее день, например, хозяйка не должна была ложиться спать, иначе лен бы полег, а хозяин не ложился, чтобы не полегла пшеница[79]. Чтобы хорошо неслись куры, хозяйка садилась на мужскую шапку[80].

Под вечер в пасхальное воскресенье и в понедельник так же, как в карнавальные дни, ходили группы молодежи, чтобы получить от хозяев выкуп — *волочебне* (wołoczebne). Называлось это «ходить по волочебным». В Тыкоцинском повяте (Мазовше над Наревой) хождение молодежи называлось также «ходить с конопелькой» — от песни, которую тогда пели. Она начиналась словами: «Cienka, mała konopielka. . .».

Волочебники носили на жерди куклу. В доме, где была девушка, пели «Конопельку», сравнивая ее со стройной девушкой. Парни сцепляли руки, чтобы

сделать «стульчик», сажали девушку и качали ее во время пения. В доме, где был неженатый парень, пели не «Конопельку», а «Буйный овес» («Bujny owies»). Обычай ходить с «Конопелькой» и петь «Буйный овес» был распространен в восточных районах Польши так же, как и в соседней Белоруссии (в восточном Мазовше встречался в Тыкоцинском повяте, его справляли и в северном Подлясье)[81]. В Вармии и на Мазурах уже в воскресенье вечером и весь понедельник ходили так называемые *выкупники* (wykupnik) с веткой вербы или можжевельника. Они пели песни с пожеланиями, чтобы все на полях, огородах и в садах росло, и за это получали подарки[82].

В пасхальные дни возили или носили «садик», возок, деревянного барашка, деревянную фигуру Христа, прикрепленную к палке, украшенной цветами[83]. Так, например, в повяте Бохня (Краковское воеводство) с возком ходили четыре мальчика или парня (от 10 до 16 лет). Трое из них были в высоких картонных шапках и панцирях, четвертый — в белой рубашке. Возок был деревянный, на двух колесиках. На его дышле помещали фигурку пильщика (tracz) с пилой, соединенной с колесиками, их вращение приводило в движение пилу, и пильщик «работал». Мальчики спрашивали разрешения войти в дом. Если их пускали, один из них двигал возок, и все вместе пели, прося «калач и кусочек сала, чтобы смазать пилу»[84]. Возили также курка, когутка на возочке с одним или двумя колесиками. Его окружали разные фигурки и в их числе пильщик[85]. Девушки носили по деревне *гаек* (gajek) — украшенное лентами деревце или ветку. Так же, как парни или мальчики, они пели песни, желали хозяевам дома здоровья, счастья и благодарили за подарки (Старое Мазовше, Мазуры Подлясья, Радомские деревни и др.)[86].

В повятах Освенцим (Краковское воеводство) и Хшанув (Люблинское воеводство) в пасхальный понедельник по деревням разгуливали ряженые — *смигустники* (śmigustnik). В повяте Вадовице (Краковское воеводство) группа ряженых, насчитывающая 8—10 человек (цыган, дед, баба и др.), затаскивала на крышу телеги, молотила под окнами цепами до тех пор, пока что-нибудь не получала[87]. В повяте Олькуш (Краковское воеводство) на так называемый *смигус* (śmigus — второй день пасхи) в старину рядились медведем (окручивались стеблями гороха). Его вел «поводырь» в вывернутом кожухе, их сопровождала «баба» (ряженый мужчина), за пазухой у нее была фляга с водкой. Поводырь говорил:

Idziemy tu po śmiguście,
I no nos tu nie opuście,
Pare jajek podarujcie
I kolaca nie żałujcie.

Идем сюда на смигус,
Нас отсюда не отпускайте,
Пару яиц подарите
И не пожалейте калача.

Затем медведь притворялся больным, его поливали водой, он вскакивал, бегал за девушками, тащил их к воде, чтобы облить или выкупать[88].

В Краковском воеводстве около г. Величка и сейчас еще ходит так называемая *Сюда баба* (Śiuda baba). Дети кричат на нее:

Siuda, ruda, popielata,
Kominy wymiata

Сюда, рыжая, пепельная,
Трубы выметает.

Обычно сюды ходят парой — один парень с вымазанным сажей лицом наряжен бабой, в руках или на спине у него ребенок; другой («цыган», «черт») тоже вымазан сажей, на шее у него

четки из картофелин. Ряженые пугают детей, хватают девушек, чтобы потанцевать, обнять и поцеловать, испачкав сажей. Когда ряженые заходят в дом, их обливают водой — «дают им мокрый смигус», а затем «дают сухой смигус» — кусок калача, яйца. Сюды обливают девушек и женщин[89].

Пасхальный понедельник назывался в Польше *ляным* (lany), *обливаемым*. Во многих деревнях еще на рассвете парни забирались в дома и обливали водой девушек прямо в постели, нередко стегая их розгами. Девушки делали вид, что убегают, но на самом деле были довольны, так как обливание означало, что эта девушка нравится кому-то из парней. Парни приносили водку, девушка, к которой они пришли, угощала их, давала выкуп. Утром и днем обливались у колодцев из ведер; бывало, что девушек затаскивали в пруд или в реку. Во вторник девушки в свою очередь обливали водой парней. Этот обычай можно до сих пор наблюдать не только в деревнях, но и в городах, уже сильно модернизированным (например, в Кракове обливаются из резиновых груш, флаконов из-под духов и не только водой, но и одеколоном). Обычай обливания во многих районах Польши называется *смигус*, *мокрый смигус* или *дынгус* (dyngus). Другое значение дынгуса — дар, выкуп[90].

В пасхальные дни отчетливо прослеживаются магические действия, связанные с огнем и водой и направленные на повышение урожая озимых. В одних районах Польши в пасхальное воскресенье, в других — в понедельник собирались на полях и кропили озимые освященной водой, жгли костры, которые должны были способствовать их росту, а дым охранять от спорыньи; втыкали в землю крестики[91]. Обычай обливания — пережиток древней магии вызывания дождя, необходимого для посевов. Известно, что магия дождя свойственна аграрным празднествам многих народов.

Весь пасхальный период от пасхального понедельника *до зеленых свёнтек* (zielone świątki) — пятидесятый день после пасхи — был временем встречи весны. Об этом говорит приуроченный к этому времени обычай петь *веснянки* (bujny owies), качание на качелях, которое должно было вызвать рост хлебов и овощей (считалось также, что качание на качелях может предохранить от головной боли на весь год). Качание девушек парнями на руках сопровождалось пением веснянки «Тонкая, белая конопелька». Магические функции имели в старину катание крашеных яиц, *битки* (bitki): двое били яйца и смотрели, чье разобьется. Считали, что яйцо обладает магическим свойством влиять на урожай, на увеличение приплода домашних животных и птицы, на деторождение.

Польский ученый Двораковский отмечает задушковый (в память об умерших) характер пасхальных обычаев (например, одаривать нищих — «дедов» у костела в пасхальный понедельник и др.)[92]. О каком-то древнем магическом значении пасхальных обычаев свидетельствуют игрушки, которые продавались в понедельник на *эмаусе* — праздничном ярмарочном гулянье. Это глиняные колокольчики архаической формы, деревянные топорики с таинственными знаками, фантастические птицы и др. Такое народное гулянье до сих пор по традиции устраивается в Кракове. Особенно характерно для него катание на каруселях и качелях. На площади Звежинец за Дембицким мостом строят палатки и лотки, идет бойкая торговля игрушками, значение которых в древности было, видимо, магическим (фантастические птицы, петушки, лошади, свистки, пищалки и пр.), галантереей, сладостями (особенно охотно покупают и дети и взрослые сахарную вату). Мальчишки стараются опрыскать водой своих сверстников, а из озорства и взрослых.

К пасхальному вторнику в Кракове издавна приурочен старинный праздник ренкавка (rękawka). В этот день на кургане Кракуса (легендарного основателя Кракова), что на правом берегу Вислы, ставят палатки и лотки, карусели, приборы для определения силы и ловкости, тир для стрельбы (при метком попадании стрелок получает сбитую вещь — яркую птицу или цветок, сделанные из перьев, и т. п.) [93].

По одной версии название праздника ренкавка произошло от того, что курган Кракуса будто бы насыпали люди, принесшие землю в горстях (т. е. руками, рука — ręka). Согласно другой гипотезе, ренкавка происходит от чешского rakew — могила, или сербского рака — гроб. Жива легенда о том, что тело Кракуса было сожжено, а прах выброшен под холм. В старину ренкавкой называли также и обряды, совершаемые во время этого праздника: разжигание задушковых (в память об умерших) костров, посадка деревьев и кустов — убежища для душ умерших, воплотившихся в птиц, бросание яиц, хлеба и другой пищи с кургана, игрища и увеселения. В 1836 г. австрийское правительство запретило задушковые обряды на могиле Кракуса, но тогда народ стал бросать хлеб и яйца с горы Ласота, и только в 1897 г. властями и этому был положен конец [94].

В настоящее время ренкавка — это одно из любимых праздничных гуляний краковян, на которое приходят и дети и взрослые люди. И в этот день, как и на эмаус, катаются на каруселях, покупают игрушки. Многие польские ученые подчеркивают, что ренкавка — главным образом праздник поминовения умерших. Однако обычаи этого праздника не только задушковые, они связаны также с весенним оживанием природы, которой приносится в дар хлеб и яйца (символы плодородия).

Первое после пасхи воскресенье называлось в Польше *недзеля пшеводня* (niedziela przewodnia — от przewody — проводы). Дети в этот день получали от крестных матерей и родственников *писанки* (расписные яйца), девушки дарили писанки парням. Молодежь качалась на качелях, обливаясь водой [95].

Большинство весенних праздников, по народным обычаям, было связано с основными занятиями поляков — земледелием и скотоводством. Так, например, в Мазовше над Наревой в день св. Войцеха (23 апреля) впервые выгоняли скот на пастбище, в тот же день хозяева обходили свои поля [96]. В Степном Мазовше была примета, что если гром гремит в день св. Войцеха — «земледельцам растет утешенье». Полагалось выгонять в этот день в первый раз лошадей на свежую траву. Говорили, что «на св. Войцеха кобыле отрада» («na święty Wojciech kobyli pociech»); «та пшеница обычно бывает урожайной, какая к этому дню покрывает уже перепелку» («taka przenica zwykle urodzajna bywa, która na święty Wojciech przepiórkę pokrywa») [97].

Покровителем пахарей и пастухов считался св. Ежи (Георгий, Юрий — 24 апреля). В этот день скот при выгоне окуривали, сжигая венки, освященные в прошлом году на праздник божьего тела, гнали его «пальмами», освященными в вербное воскресенье [98].

Св. Марк (25 апреля) был, по народным представлениям, опекуном земли. Об этом говорили пословицы: «Св. Марк вложил в землю огарок» («Sw. Marek włożył do ziemi ogarek») [99]; «на св. Марка поздний посев овса, а ранняя гречиха» («na świętego Marka, późny siew owsa, a wczesna tatarka»); «св. Марк пошел на фольварк посмотреть рожь — вся ли взошла» («święty Marek poszedł na folwarek oglądać żytko — czy zeszło wszystko») [100]. В день св. Марка нельзя было печь хлеб, тогда был бы засушливый год. В Мазовше над Наревой этот праздник называли «воловьим праздником», на него не пахали, иначе

«волы бы зачахли». Пословица гласила: «На св. Марка солонина из горшка». В «жертву» Марку хозяйки несли в костел солонину и яйца [101].

Первый выпас скота на весенние пастбища, на какой бы праздник он ни приходился, всегда сопровождался магическими действиями. Скот гнали, как уже говорилось, освященными «пальмами», окуривали его от дьявола, прогоняли через цепь, т. е. заковывали, чтобы не терялся [102]. Пастуху давали крутые яйца, которыми он гладил коров, чтобы они были круглыми, как яйца, т. е. тельными. Гладили коров по хребту лопатой, на которой сажали хлеба в печь, под порог хлева клали топор и закрытый замок, чтобы скот был крепким [103]. Кроме яиц, пастуху давали хлеб и сыр. Он должен был все время есть, тогда и скот будет хорошо есть. Когда пастух возвращался с пастбища, ему брызгали в глаза водой, чтобы он не просыпал по утрам [104].

Особенно богатой была обрядность зеленых свентек. В ней прослеживаются обряды-заклинания, обеспечивающие, по народным поверьям, будущий урожай; скотоводческая магия; весенние обряды, связанные с ухаживанием, будущим вступлением в брак; пережитки культа предков. Народ верил, что зелень должна охранить от колдовства, она воспринималась так же, как символ пробуждающейся природы. И сейчас в этот праздник повсеместно в Польше украшают зеленью внутри и снаружи дома и хозяйственные постройки.

По традиции каждый парень в субботу накануне зеленых свентек строил на пути к дому своей избранницы «ворота» из деревьев и веток, называемые *майна брама* (majna brama), ставил деревце или высокий столб с украшенным лентами деревцем на верхушке — *май, мой, моик, гоик*. В воскресенье парни приходили к каждому дому, у которого поставлен май. Перед домом играли музыканты, ухаживающий парень танцевал с девушкой. Девушки давали парням выкуп — деньги, угощенье. На полученные от девушек дары парни устраивали пиршество (Силезия) [105]. Бывало и так, что девушки сами заказывали в корчме угощенье для парней.



Майское дерево

Обычай ставить май повторялся на 1 мая, но в этот день и девушки ставили май своим возлюбленным. Как бы на посмешище, «на злость» девушке ставили «деда» (dziad), парню «старуху» (dziaduwka) — чучела из тряпья и соломы. Девушка делала вид, что обижается, а сама радовалась, так как поставленный «дед» предвещал близкое замужество. Говорили:

Jak był dziad,
To będzies pił i jadł
(będzie wesele) [106].

Если был дед,
Будешь пить и есть
(т. е. будет свадьба).

На зеленые свентки молодежь последний раз качалась на качелях и обливалась водой. В Силезии, Краковском во-

еводстве, в восточных областях Польши в этот праздник и накануне в субботу жгли и жгут костры — *собутки* (sobótki). Этот обычай называется также *палиноцка, купалноцка* (palinocka, kupałnocka). В других районах Польши костры жгут в ночь на св. Яна. Польский ученый Витольд Клингер полагает, что в древности разжигание костров было именно в субботу под зеленые свентки, и обычай этот поэтому получил название sobótka [107]. Суббота же — это день поминовения усопших, с чем и были, по мнению Клингера, связаны в старину субботние костры. Интересна информация Длугоша о том, что, «хотя полякам 500 лет (во времена Длугоша) известно христианство, у них ежегодно бывает в день зеленых свентек языческое игрище, называемое стадо».

В Краковском воеводстве (например в Подгалье) костры жгут и сейчас. Этот обычай, как и многие другие, потерял прежний магический смысл, но сохранил характер праздничного увеселения. В субботу с наступлением сумерек на пригорках, в горах и на полях начинают светиться огни. Около селения Гдов (близ Велички) этот старый обычай *собутек* называется опаливанием хлеба (opalenie zboża). Собутки здесь зажигает каждый хозяин на меже около своего поля, на пастбище, около леса. Совершают этот обряд и мужчины, и женщины, и дети. Для этого в течение всего года собирают старые метлы. Их набивают на жерди. Жердь с прикрепленной сверху облитой смолой соломой так же, как и костер, называется собуткой. Костер разжигают из сухих веток, в старину с помощью кресала. Около костра собирается народ, играют музыканты. Молодежь прыгает через костер, танцует. От костра зажигают метлы — собутки, и мальчишки или парни обегают с ними поля: в субботу — ржаное, в воскресенье — пшеничное. При этом каждый из них кричит: «To łoj się żytko!» («наливайся, рожь!»). Это и называется опаливанием хлеба, чтобы он скорее «запалился», т. е. дозрел. После сжигания собутек на полях молодежь собирается у кого-нибудь в доме, танцует и пьет пиво. Это увеселение тоже называется собуткой. В деревнях повята Величко в прошлом молодежь после сжигания собутек нередко уходила в хлеба. Духовенство считало, что ни один обряд не давал столько возможностей для «любовного греха», как собутка [108].

В юго-западных и центральных частях Высоко-Мазовецкого повята жгли костры также на первый и второй дни зеленых свентек. Обычай этот здесь назывался *палиноцка, копельноцка*. Если костер зажигали от соломы, то старались взять ее с длинными стеблями, так как, по народным поверьям, от этого зависела высота льна. Парни прыгали через огонь, били горящей соломой по босым ногам девушек и молодых женщин, чтобы они скакали. Духовенство боролось с этим обычаем, и в начале XX в. его перестали исполнять [109].

В Подгалье из старых метел плели большое колесо. Облитое смолой и зажженное колесо пускали с горы вниз. Мальчики бегали по хлебным полям и вокруг домов с горящими факелами и выкрикивали заклинания [110]. В повяте Хшанув, например, мальчики, бегая вокруг своих полей, кричали: «Убегайте, медведи!» Если их родители были с соседями в ссоре, то дети кричали около поля соседей: «Убегайте, медведи, в соседский картофель». Так же, как заклинания звучали выкрики:

Opolojcie, sobótki,
Bo dziś, zielone swięta,
Uciekoj, zarazo, z żyta
Bo ci tam goni wielka sobota [111].

Опаляйтесь, собутки,
Ибо сегодня зеленые свента,
Убегай, зараза со ржи,
Ибо тебя гонит великая суббота.

Обряд разжигания костров в некоторых районах Польши справляется и в настоящее время как праздничное развлечение. Так, например, в 1970 г. в дер. Тынец Краковского воеводства костры жгла молодежь, девушки и парни танцевали, прыгали через костер, мальчишки бегали с зажженными факелами. То же самое наблюдалось и во многих деревнях Краковского воеводства (окрестности Велички, Подгалье, район Живца и др.) [112]. В Силезии это весеннее празднество по-прежнему называется собуткой, но его магический смысл сохранился только в памяти пожилых людей.

К земледельческой обрядности празднования зеленых свентек относится обычай обходить поля с «королевой» [113]. В Подлясье королевой выбирали самую красивую девочку, наряжали ее в лучшие одежды, приставляли к ней свиту — 6—8 *маршалок* (marszalki) — девочек постарше. Королева со своей свитой шла по границам полей. Сопровождающие её пели:

Gdzie królewna chodzi,
Tam przeniczka rodzi.

Где ходит королева,
Там родит пшеничка.

В Мазовше над Наревой на второй день зеленых свентек шли в поле девушки, одетые в сермяги. Они разжигали костер, плели венок и тоже выбирали королеву. Ее наряжали в белое или голубое платье, на голову надевали корону — сплетенный венок, покрывали белым полотном и трижды обводили вокруг костра. Затем королева в сопровождении 6—12 маршалок шла по границам полей. В это время пели ту же песню, что и в Подлясье. После этого королеву вели в деревню, заходили в несколько домов, где угощались. В доме королевы ее мать давала за нее выкуп. На собранные дары девушки уже вместе с парнями веселились в корчме [114].

Часть обрядов зеленых свентек была связана с другой важной и древней отраслью хозяйства поляков — с животноводством. Так, например, в Лесном Мазовше около Седлец мальчишки в этот праздник гоняли по деревне быка с привязанным к нему чучелом, набитым соломой. При этом они кричали: «Rodus, rodus!» [115]. В повяте Хшанув во время собутки скот прогоняли через огонь, «чтобы не хромал» [116]. В повяте Освенцим девушки во время пастьбы коров жарили яичницу. В деревнях около Вроцлава в XIX в. парни, пасущие лошадей, в первый день зеленых свентек организовывали скачки. Прискакавший первым становился «королем».

В Куявии королем признавали пастуха, первым пригнавшего в деревню стадо, а королевой — пастушку. Пастухи украшали рога коров зеленью, а на выкуп, который им давали крестьяне, они устраивали пиршество. Король во время пира выбирал маршала, ел с королевой из одной миски. Вечером на пастбище оставляли только одного быка, покрывали его попоной, украшали рога цветами. В деревню шли очень торжественно: впереди маршал, за ним двенадцать пастухов, первая песенница, двенадцать девушек с цветами, музыканты, королева с двумя подругами, король с двумя старшими пастухами, двенадцать пастушков, гнавших быка. Навстречу процессии сбегался народ, гадал, чей это бык. Наконец, быка подгоняли к хозяину, который в качестве выкупа ставил в корчме пастухам выпивку и закуску [117].

В Тыкоцинском районе Мазовше над Наревой пастухи покрывали самого красивого быка старой сетью, украшали цветами и ветками, на рога вешали венок из березовых веток. Этого быка гнали впереди стада, хозяин его выкупал. Пастухи пировали в полдень прямо на пастбище. В окрестностях Тыкоцина и Бельска справляли так называемую

воловью свадьбу (wołowe wesele). На быка сажали рыцаря-чучело из коры ольхи. Испуганный бык бегал по деревне. После того как он сбрасывал рыцаря, парни угощались. Около Злоторыи (Быдгощское воеводство) известен был аналогичный обычай, но с конем, он назывался «лошадиной свадьбой» (końskie wesele).

Последний значительный праздник весеннего цикла календарных обрядов поляков — праздник божьего тела. Этот праздник сравнительно недавнего происхождения. Однако он оброс разными магическими действиями, цель которых повысить урожай, плодовитость скота и птицы, охранить себя от болезней, свои поля и постройки от стихийных бедствий, все хозяйство от колдовства. В старину в польских городах в этот праздник шли процессии купцов, цеховых ремесленников со знаменами цехов, других горожан. И в городах, и в деревнях по дороге к костелу ставили алтари, украшенные ветками и цветами. Ветки от зелени, украшавшие алтарь, затыкали за стреху дома, ставили на полях в качестве оберегов от грозы и града. Освященные ветки жгли и дымом окуривали скот. Травы из венков давали заболевшим коровам и другим домашним животным, что имело часто положительный результат, так как травы для венков собирали лечебные [118].

В современном быту поляков сохраняются многие праздники весеннего календарного цикла. Однако лишь небольшая часть их имеет прежнее значение в неизменном виде, у остальных или усилился игровой, развлекательный акцент или же изменилась сама суть. Ярким примером может служить праздник весны — 1 мая. В настоящее время этот праздник в Польше повсеместно отмечается как День интернациональной солидарности трудящихся. Революционные традиции первомайских торжеств восходят еще ко временам борьбы за свободу и независимость, против экономического угнетения и политического бесправия трудового народа.

[1] *Dworakowski St.* Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią, cz. 1. Białystok, 1964, s. 69.
[2] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, Wieś Niesułowice, powiat Olkusz.
[3] Ibid., N 108.
[4] *Seweryn T.* Tradycje i zwyczaje krakowskie. Kraków, 1961, s. 9.
[5] *Kolberg O.* Dzieła wszystkie, t. 28. Wrocław—Poznań, 1964, s. 79.
[6] Ibid., t. 24, p. 121.
[7] Ibid., t. 11, p. 144.
[8] Ibid., t. 26, p. 73.
[9] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 71.
[10] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, Wieś Niesułowice, powiat Olkusz.
[11] *Seweryn T.* Op. cit., p. 11.
[12] *Kolberg O.* Op. cit., t. 18, p. 46.
[13] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 64, 65.
[14] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, N 471.
[15] *Kolberg O.* Op. cit., t. 18, p. 47.
[16] Ibid., t. 3, p. 210—211.
[17] Ibid., t. 9, p. 123.
[18] Ibid., t. 23, p. 73.
[19] Ibid., t. 28, p. 78.
[20] Ibid., t. 20, p. 92.
[21] Ibid., t. 44, p. 90.
[22] Ibid., t. 5, p. 263.
[23] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 73; *Kolberg O.* Op. cit., t. 9, p. 126; t. 26, p. 74.
[24] *Kolberg O.* Op. cit., t. 11, p. 144.
[25] Ibid., t. 39, p. 65, 66.
[26] *Szyfer A.* Zwyczaje, obrzędy i wierzenia mazurów i warmiaków. Olsztyn, 1968, s. 48.
[27] *Kolberg O.* Op. cit., t. 3, p. 213; t. 9, p. 126; t. 16, p. 114; t. 20, p. 95; t. 23, p. 73; Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian, Archiwum Rękopisów, N 1774 a, 1775 a; Muzeum Etnograficzny w Krakowie, Archiwum Rękopisów, N 1299/175.
[28] *Szyfer A.* Op. cit, p. 50.
[29] *Kolberg O.* Op. cit., t. 11, p. 144.
[30] Ibid., t. 27, p. 124.
[31] Ibid., t. 5, p. 263.
[32] *Stelmachowska B.* Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń, 1933, s. 99, 100.
[33] *Seweryn T.* Op. cit., p. 13.
[34] *Kolberg O.* Op. cit., t. 5, p. 269; t. 24, p. 122.
[35] Ibid., t. 16, p. 114.
[36] Ibid., t. 33, p. 132, 133.

[37] Ibid., t. 18, p. 47.
[38] *Stelmachowska B.* Op. cit., p. 99, 100.
[39] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 63.
[40] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. Powiat Oświęcim, Powiat Wadowice.
[41] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 63.
[42] Ibid., p. 64.
[43] *Uniwersytet* Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1775 a.
[44] *Kolberg O.* Op. cit., t. 24, p. 124.
[45] Ibid., t. 5, p. 272.
[46] Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1775 a.
[47] Ibid., N 1893.
[48] Ibid., N 1898.
[49] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, 120, teka IV, 126/II; Uniwersytet Jagielloński, Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1783.
[50] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, 120, teka IV.
[51] Ibid., 126/VII, teka. I.
[52] Uniwersytet Jagielloński, Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1897.
[53] Ibid., N 1783.
[54] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, 119, teka IV.
[55] *Kolberg O.* Op. cit., t. 28, p. 82; *Dworakowski St.* Op. cit., p. 75.
[56] *Seweryn T.* Op. cit., p. 19.
[57] *Kolberg O.* Op. cit., t. 5, p. 273; t. 43, p. 19.
[58] Ibid., t. 26, p. 75, 76.
[59] *Seweryn T.* Op. cit., p. 19.
[60] *Kolberg O.* Op. cit., t. 20, p. 100, 104.
[61] *Kolberg O.* Op. cit., t. 44, p. 93; Uniwersytet Jagielloński, Katedra Etnografii Słowian, Archiwum Rękopisów, N 1887.
[62] Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1773, 1783, 1785.
[63] *Klinger W.* Doroczne święta ludowe a tradycje grecko-rzymskie. Kraków, 1931, s. 14.
[64] *Kolberg O.* Op. cit., t. 24, p. 139; Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, powiat Oświęcim; powiat Chzanów, 126/II.
[65] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, N 40, N 1142.
[66] Архив Института этнографии АН СССР (далее: Архив ИЭ), ф. 26, д. 13, запись 10/IV 1970.
[67] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, powiat Chrzanów; powiat Wadowice.
[68] *Kolberg O.* Op., cit., t. 10, p. 198.
[69] Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisow, N 1773.
[70] *Kolberg O.* Op. cit., t. 24, p. 132; t. 3, p. 214.
[71] Ibid., t. 3, p. 214.
[72] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. Powiat Wadowice, N 1299/152.
[73] Ibid., 126/II; 120, teka IV.
[74] Ibid. Powiat Oświęcim.
[75] Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1774 a.
[76] Ibid., N 1887.
[77] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. Powiat Chrzanów; N 1299/152; N 1299/III.
[78] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 81.
[79] Ibid, p. 86.
[80] *Szyfer A.* Op. cit., p. 58.
[81] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 86, 90, 93.
[82] *Szyfer A.* Op. cit., p. 56, 57.
[83] *Seweryn T.* Op. cit., p. 42, 47.
[84] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, N 607.
[85] *Kolberg O.* Op. cit., t. 27, p. 127, 128.
[86] Ibid., t. 20, p. 105; t. 26, p. 81; t. 27, p. 127, 128; t. 28, p. 84.
[87] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, Powiat Oświęcim; N 1299/75; 1299/152; 1299/III и др.
[88] Ibid., N 1175.
[89] Архив ИЭ, ф. 26, д. 13. (Запись 30.III.1970 г., д. Лендница.)
[90] Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1175-a, 1845, 1887, 1891, 1895, 1897, 1898; Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. N 1179, teka VI; 121, teka IV; 126/VII, teka I.
[91] Muzeum Etnograficzny w Krakówie, Archiwum Rękopisów, 122/IV, teka IV; 120, teka IV.
[92] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 94.
[93] Архив ИЭ, ф. 26, д. 13.
[94] *Seweryn T.* Op. cit., p. 51—56.
[95] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 95.
[96] Ibid., p. 96.
[97] *Kolberg O.* Op. cit., t. 24, p. 154, 155.
[98] *Klinger W.* Op. cit., p. 25.
[99] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, N 1299/205.
[100] *Kolberg O.* Op. cit., t. 24, p. 155, 156; *Stelmachowska B.* Op. cit., p. 150.
[101] *Dworakowski St.* Op. cit., p. 97.
[102] Uniwersytet Jagielloński w Krakowie. Archiwum Rękopisów, N 1778.
[103] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. Powiat Chrzanów.
[104] Ibid., N 287.
[105] *Kolberg O.* Op. cit., t. 43, p. 25; Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. N 1774 a, 1775 a, 1778, 1782, 1783, 1897.
[106] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, Powiat Oświęcim powiat Chrzanów.
[107] *Klinger W.* Op. cit., p. 35.
[108] Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, N 111/I.

109 *Dworakowski St.* Op. cit., p. 107.
110 *Kolberg O.* Op. cit., t. 4, p. 94, 95.
111 Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. Powiat Chrzanów.
112 Архив ИЭ, ф. 26, д. 13. Запись 10.IV 1970 г.
113 *Kolberg O.* Op. cit., t. 28, p. 87.
114 *Dworakowski St.* Op. cit., p. 102—104; *Kolberg O.* Op. cit., t. 28, p. 87.
115 *Kolberg O.* Op. cit., t. 26, p. 82.
116 Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów. Powiat Chrzanów.
117 *Kolberg O.*, Op. cit., t. 3, p. 241—243.
118 *Dworakowski St.* Op. cit., p. 108; *Szyfer A.* Op. cit., p. 64; *Kolberg O.* Op. cit., t. 24, p. 162; t. 27, p. 132; Uniwersytet Jagielloński. Katedra Etnografii Słowian. Archiwum Rękopisów, N 1448, 1772, 1778, 1897; Muzeum Etnograficzny w Krakowie. Archiwum Rękopisów, Powiat Chrzanów, N 599; Архив ИЭ, ф. 26, д. 13, запись 10.IV 1970.

ЧЕХИ И СЛОВАКИ

Н. Н. Грацианская

В январе у чехов и словаков наступает масленица. Этот праздник сопровождался буйным весельем, маскарадами, песнями и танцами. Он длился от 6 января (день трех королей) и до начала поста. Самое большое масленичное веселье приходится на последние три дня перед постом — воскресенье, понедельник и вторник. И весь масленичный период, и эти последние три дня называются *масопустом* или *фашиангом* (masopust, fašank — чешск.; fašiang — словацк.). Этим же именем называется и главная фигура масленичного маскарада. Кроме того, последние дни имеют специальное наименование — *остатки*, или *кончины* (ostatky, končiny).

Праздник масопуста появился, по-видимому, еще в дохристианский период, и в нем можно проследить напластования, сложившиеся под влиянием славянского язычества, культа Диониса и Бахуса, христианской религии.

Масленица была повсюду праздником общественным, она праздновалась всеми жителями деревни, местечка или целого квартала большого города сообща. Масленица у чехов и словаков считается праздником зимнего календарного цикла, однако в ее обрядах явно чувствуется приближение земледельческих работ, близкое наступление весны.

В день св. Гаты (5 февраля) пытались предугадать погоду: если погода была хорошей, это предвещало долгую зиму, мало корма для скота. По народным поверьям, в этот день нельзя было прясть, подметать пол, застилать постель. В противном случае в избу могли заползти змеи[1]. Словаки о будущем лете судили по погоде в день св. Павла (25 января).

Праздник громнице (hromnice — 2 февраля) у чехов и словаков связан с традицией святить в костеле свечи (hromničky). День этот называется и праздником свечей (svátek svíček — чешск.). Воск, накапавший со свечей — громничек, собирали и смешивали с семенами льна для того, чтобы посевы не пострадали от бури. Освященные в этот день свечи зажигали во время грозы, чтобы предотвратить удары молнии и грома, их же давали в руки умирающему и т. д. Словаки в этот день святили и соль.

По чешским народным приметам в день громниц начиналось потепление: «На громницы должен жаворонок пискнуть, даже если должен будет замерзнуть»[2] («Na hromnice musí skřivan vrznout, i kdyby měl zmrznout»).

В день св. Дороты (6 февраля) сначала в Чехии, а позднее и в Словакии было распространено народное драматическое представление о Дороте. По домам ходили девушка и пять—шесть юношей, изображавших короля, рыцарей и палача. Они пели о жизни и мученической смерти красавицы Дороты, посвятившей себя Христу и отказавшейся стать женой короля: «Была св. Дорота жизни набожной»[3] («Byla svatá Dorota nabožného života»).

Еще в начале нашего века народная драма о св. Дороте была любимым представлением в чешской и словацкой деревне. Существует несколько вариантов записей этой народной драмы с развивающимся действием и нарастающим конфликтом. В словацком варианте пьесы очень глубок ее антифеодальный смысл. Идея такова: слабый противостоит сильному (Дорота—король), подданный — господину. Побеждает сила и власть, но справедливость в конце концов торжествует.

В последние десятилетия драма о св. Дороте сохраняется в очень упрощенном и сокращенном варианте во время колядования детей. Стихи поют на самые различные мелодии. В некоторых деревнях восточной Моравии их еще недавно пели на мотив широкоизвестной рождественской коляды: «Пасли овец валахи»[4] («Pasli ovce valaši»). В Чехии и Словакии во время масленицы исполнялась также народная драма «Salička», деревенский вариант городской драмы начала XVIII в. «Пойманная неверность» («Polapená nevěra»). Это эротического содержания пьеса о неверной жене, которую внезапно возвратившийся крестьянин-муж застал с возлюбленным — залетным паном.

Популярна была в свое время в Чехии специфически масленичная драма «Ссора Масопуста с Постом» («Hádka Masopusta s Postem»), в которой строгий Пост побеждал веселого Масопуста. Записи этой драмы известны еще с XVIII в.[5]

Последним днем зимы считался день св. Матея (24 февраля). Чешская поговорка «Св. Матей бросает плуги с поднебесья» («Svatý Matej hazí pluhy z puněbí») говорит о приготовлениях к весеннему севу. Словаки считают, что «Матей ломает лед» («Matej l'ady láme»)[6].

У чехов в конце XIX в. сохранялся в этот день в форме детской игры очень старый обряд, с помощью которого пытались повлиять на будущий урожай. Еще до восхода солнца дети в районе Вышкова выбегали босиком в сад, залезали на фруктовые деревья и пели:

A ty, svatý Matejí,
Máme k tobě nadejí,
Abys nám dál úrodu
Na tu naši zahradu.

И ты, святой Матей,
Надеемся на тебя,
Что ты дашь нам урожай
В этом нашем саду.

Далее дети перечисляли все фрукты, которые они хотели бы попробовать. При этом верили, что чем дольше они поют, тем обильнее будет урожай[7].

Началом полевых работ чехи и словаки считали день св. Грегоржа (чешск.), или Грегора (словацк.) 12 марта: «На Грегоржа глуп тот крестьянин, который не пашет» («Na sv. Řehoře hloupy (šelma) sedlák, kteřy neoře»)[8].

В день св. Грегоржа так же, как и в день св. Блажея (3 февраля), ходили по домам с колядами ученики, собирая продукты в пользу учителя школы.

Vedl'a obyčaja na den na Gregora
Vyslaní sme, žiaci, od pana rechtora,
Pohl'adet' do vašho domu a do dvora,
Že či sa v ňom žiaci a plná komora,
By ste vašich žiakov, žiačky odmenili,
Na razeň slaniny kuštik udelili,
Sotva sme halušky čím omastit mali,
A tak se úfame, že nám nahradite tu stratu,
Ked' žiakov svojich odmenite[9].

По обычаю в день Грегора
Послал нас, учеников, пан ректор,
Посмотреть в вашем доме и во дворе,
Есть ли в нем ученики и полна ли комора,
Чтобы ваших учеников и учениц наградили,
На вертел кусочек солонины дайте,
Чтобы мы смогли хотя бы галушки помаслить,
И надеемся, что вы нам восполните эту затрату,
Когда своих учеников одарите.

Позднее в день св. Грегоржа проходили рекрутские шествия. Несмотря на то что колядование в эти дни было введено в средневековье под влиянием города, на празднике зачитывались рифмы из народных масленичных коляд с традиционным пожеланием урожая и здоровья.

Период масленицы — прямое продолжение рождественского цикла календарных праздников; масленичные маски и колядование мало отличались от рождественских; для этого периода также были характерны народные драматические представления. Масленичные шествия и карнавалы были очень популярны и в крупных городах. О них свидетельствуют многочисленные трактаты средневековых проповедников, осуждавших переодевание в зверей, танцы и излишние угощения с обильной выпивкой в масленичный период.

Масленичные шествия ряженых были тесно связаны с колядованием: маски ходили от дома к дому с пожеланием счастья хозяину и всей его семье, коляды эти сопровождались веселыми шутками и танцами. В последние дни масленицы в маскарадном шествии и танцах участвовали почти все жители деревни или улицы города.

В каждой области Чехии, Моравии и Словакии встречались разные маски, что зависело от местной традиции, ее силы и живучести [10]. Центральной фигурой масленичных ряженых был бог веселья Бахус, называемый масленичным королем или масопустом. Иногда его место занимал медведь — обязательная зооморфная маска в составе ряженых. Первоначально — это был мужчина в медвежьей шкуре, а позднее — в вывернутом мехом наружу полушубке. Уже в XVIII в. и шуба была заменена стеблями гороха, напоминающими своими космами шкуру зверя. Сзади прикреплялся хвост из перевясла, на голову надевалась остроконечная шапка из соломы. Медведь ходил с поводырем, державшим его на цепи. В современной Моравии ряженый в гороховые стебли называется *гребенарж* (hřebenář) [11]. Он ездит на кочерге по деревне и кричит: «Старые бабы — на гребень, молодые — на вертел» («Staré baby — na hřebeň, mladý ženy — na rožeň»). Женщины мстят ему, поливая водой. В руках он держит цеп, сплетенный из соломы, и бьет им прохожих. Происхождение и значение этой маски неясно [12].

В Словакии одной из самых распространенных масленичных масок был *турОнь* (turoň). Его представляли двое мужчин, стоявших друг за другом, второй держал руки на плечах первого. Оба они были закрыты грубой холстиной, к которой впереди была пришита голова вола с колокольчиком. Туронь в сопровождении двух других юношей ходил от дома к дому и валялся на навозной куче, что якобы способствовало хорошему урожаю, а затем один из сопровождающих туроня его убивал.

В Чехии еще в конце XIX в. была распространена маска кобылы (klibny, bruny) — один из вариантов страшной Перехты, которой на рождество пугали детей. Сильный мужчина держал в руке длинный шест, на котором была прикреплена деревянная голова, обтянутая овечьей кожей с козьими или бараньими рогами. Нижняя челюсть головы двигалась со страшным скрипом. В открытой пасти был виден красный суконный язык. Сверху была накинута белая полотняная плахта или вывороченный тулуп [13].

Наиболее пышными были масленичные колядования в южной Чехии, стоявшие на грани обряда и драматического представления. Центральной фигурой здесь, кроме масопуста (которого называли также мамой), был так называемый *рыбникарж* (rybnikář). Это была фигура, ряженая в пестрое платье, на ее голове была плетеная корзина, напоминавшая рыболовную снасть — вершу, или же петушиная голова. Игра сопро-

вождалась рифмованным текстом и танцами, хозяевам желали счастья и урожая, один из колядующих что-то крал, его преследовали, судили, наказывали, выкупали и т. д.[14]

Кроме этих масок, в шествиях участвовало много других: черти, бородатые евреи-торговцы, трубочисты, разные звери, дамы и господа в городских костюмах, глашатаи, цыганки, палач и смерть, переодетый женщиной мужчина, женщина с ребенком и др.

Во время колядования исполнялись обрядовые танцы, носящие следы магии плодородия, — прыжки «на лен и коноплю», танцы с мечами, веселый kotek и словацкий kačer.

У чехов и словаков на масленицу повсюду пели песню «Это будет на коноплю, это будет на лен» («Toto bude na konope, toto bude na len»), исполнители ее старались подпрыгнуть как можно выше, «чтобы лен и конопля выросли большими». Танцевали даже старухи. Важно было протанцевать этот танец с «медведем», каждая хозяйка пыталась это сделать, так как медведь был символом плодовитости и силы. При этом она старалась оторвать кусок от его одежды из гороховых стеблей, чтобы положить его в птичник.

В горной Словакии женщины, собравшись у одной из своих подруг, выпивали «за большой лен». При этом они дергали за волосы ту из присутствующих, у которой волосы были гуще и длиннее [15].

Боевые танцы с саблями (обычно это были просто украшенные палицы или деревянные топорики — валашки) также характерны для масленичного колядования. У чехов и словаков они имеют такие названия: mečové (южная Чехия), podšable (моравско-словацкое Пограничье), babkovnící (Моравское Словацко), paličkový (Словакия). Танцевали kotek и kačer, взявшись за руки, длинной цепочкой бежали «мочить коноплю» («máčet konope») к ближайшей реке и там разрывали цепь, толкая друг друга в воду [16].

Чисто земледельческий символический характер носили и масленичные обряды voráček (от слова orati — пахать). По улице тащили плуг. За ним шли крестьянин-пахарь и крестьянка-сеятельница, а за ними погонщик, волочивший борону по снегу или болоту. Их сопровождала группа масок: медведь, жирафы, обезьяны и маска, напоминающая конскую голову, называемая клибна. Во время масленицы в южной Чехии часто voráčkami называли любое колядование. В районе Крумлева (южная Чехия) на масленичное воскресенье выбирали сильного мужчину — масопуста. Он в свою очередь выбирал девять гетманов и в сопровождении многих масок обходил дом за домом с колядой. В старый плуг запрягали несколько молодых людей, они тащили его по деревне, пахал же сам масопуст. Плуг после этой забавы разламывали на части, при этом масопуст оказывался «раненым» и его отвозили в трактир [17].

Масленица проходила перед началом весенних полевых работ. Устраивались свадьбы, молодежь принимала в свои ряды юношей-подростков. Когда-то это был сложный обряд, но уже в XIX в. он превратился в простую веселую выпивку в трактире.

Словацкая и чешская молодежь (chasa) в конце масленицы выбирала на следующий год своего старосту и надсмотрщика (dráb). Иногда выбирали двух или четырех старост (stárek), они в свою очередь присматривали себе девушек-старост (stárka — старка). У моравских ганаков на время самого буйного масленичного веселья — остатки — выбирали комитет, который строго должен был следить за порядком. В некоторых районах такому молодежному комитету на три последних дня масленицы передавалась официально вся власть в деревне. Внешним атрибутом такой власти, переданной масленичному комитету, были

ее символы — *право* (právo) и *ферула* (ferula). Право означал меч, украшенный разноцветными лентами и платочками. Ферула была похожа на поварешку, расширялась наверху и сильно трещала при ударе. Она передавалась *драбу* — надсмотрщику.

В период масленицы совершался ряд девичьих обрядов. Праздновалось окончание посиделок (rozchodnice). Девушки пекли калачи и жарили в масле пончики (koblihy) из лучшей муки. В XIX в., когда стало обычаем пить кофе, варили и его. Девушки из более богатых семей приносили из дома сверх того еще какие-либо припасы. На ужин приглашались те парни, которые в этом году ходили на посиделки. Они приносили пиво и водку и приводили музыкантов. В ожидании прихода парней девушки гадали: одна из них садилась на пол и перебрасывала через голову туфлю, если она падала пяткой к двери, значило, что вечер удастся. Девушки при этом приговаривали: «Сверху, снизу, с середины, от Адама, от деда, из Моравии и со всех сторон приходите парни скорее к нам» («Shůry, zdůly, z prostředka, od Adama, od dědka, z Moravy a ze všech stran, přijd'te, hoši, brzy k nám»)[18].

В центральной Чехии (р-н Градца) еще в конце XIX в. окончание прядок (посиделок) отмечали по-своему. Женщины и девушки украшали и приглашали всех молодых женщин села на ужин, при этом каждая давала деньги и продукты. Пекли калачи. Прялку, украшенную лентами, укладывали на телегу, вокруг садились женщины и ехали по деревне в сопровождении разных масленичных ряженых. Останавливались у трактира, вносили прялку и ставили ее на стол. Здесь прялку «продавали» (устраивали аукцион), мужчины клали деньги на тарелку. Собранные деньги отдавали музыкантам. Вечером во время ужина «продавались» и испеченные накануне женщинами калачи. На вырученные деньги женщины покупали пиво и водку и устраивали угощение, танцевали до самого утра.

Девичий праздник, устраиваемый в день окончания прядок, в районе Болеслава назывался šedivek. Перед началом праздника три девушки ходили по деревне и приглашали всех на праздник от имени пана и пани Шедивых (т. е. пожилых, седых). Из собранных продуктов они готовили ужин, на который приглашали и холостых парней. Одного из них одевали паном Шедивым, девушку — пани Шедивой. Все надевали традиционные костюмы[19].

Такого же характера был чешский девичий šplochan, т. е. пиршество. Девушки устраивали угощение, пекли красиво украшенные калачи, стараясь их приготовить как можно лучше. День кончался танцами в трактире[20].

В Словакии и восточной Моравии известно масленичное «хождение с клатиками». Парни, часто с обмазанными сажей лицами, под музыку обходили всю деревню и возили за собой украшенный деревянный брусок — *клатик* (klatík). Войдя в дом, где жили девушки, они вешали клатик каждой из них на шею или привязывали его к ноге или руке. Девушка должна была откупиться — обычно она давала красивое «перо» на шляпу парню. Потом с девушкой танцевали, высоко подпрыгивая «на лен и коноплю»[21].

В Моравии под конец масленицы, в воскресенье, молодежь собиралась в трактире около 10 час. вечера. Старек танцевал со старкой, потом сажал ее за стол, остальные парни усаживали рядом своих девушек. Перед каждой ставили пустые тарелки, старка первая должна была положить на свою тарелку деньги, за ней и другие девушки. Иногда парни добавляли свои деньги старке, чтобы она положила побольше денег, а ее примеру последовали бы и другие. Когда девушки заплатили, парни приносили калачи, пиво и водку. Все танцевали до полуночи. Если какая-нибудь

из девушек не платила, ее ловили и возили по деревне, а если она убегала, то вместо нее возили чучело из соломы, одетое в женское платье, а затем чучело топили или бросали перед домом девушки[22].

В районе г. Непомука во время масленичного веселья и молодежных танцев несколько парней садились на стулья посредине зала трактира. Один держал тарелку для сбора денег, а другой — бутылку водки. Под звуки музыки танцующие парни подводили к ним по очереди своих девушек. Каждая из них должна была положить деньги на тарелку, затем ей и ее партнеру по танцу предлагалось выпить водки. Танцы продолжались, собранные с девушек деньги отдавали музыкантам.

Известный чешский этнограф Антонин Ваплавик, долгое время занимавшийся исследованием славянских календарных обрядов, считал, что в период масленицы сохранялись пережитки древних обрядов инициаций. Масленичные девичьи обряды он считал пережитком девичьих базаров[23].

В период масленицы часто имитируются обычаи из свадебной обрядности. У чехов северо-восточной Моравии в период масленицы обязательно пародируется свадебный обряд. Невестой наряжается самый высокий юноша, «свадьба» оглашается по радио. Свадебная дружина состоит из соответственно одетых шаферов и дружек. Выполняется весь свадебный обряд с благословением мнимых родителей и с обильным угощением. Танцуются и обрядовые свадебные танцы. Все это говорит о старой традиции переплетения масленичных и свадебных обрядов, что, возможно, объясняется тем, что свадьбы праздновались чаще всего во время масленицы[24].

Масленичные шествия, карнавалы, угощения устраивались и в чешских и словацких городах. Многочисленные средневековые моралисты выступали против ношения звериных масок, против нескончаемых танцев, пения, пьянства[25]. В городах в период средневековья обязательны были хождения с колядой нуждавшихся студентов, которые получали таким путем провизию и деньги[26].

Как уже говорилось, вершиной масленичного веселья была последняя ее неделя, начиная с «жирного четверга» (tučného), в ней же особенно отмечались (и считались собственно масопустом) три последних — «сумасшедших» дня (bláznivé, končiny, ostatky).

Обрядным масленичным блюдом были жареные в большом количестве масла пончики — (koblihy, šišky). Праздновать масопуст значило «есть коблиги». В остатки их пекли все без исключения хозяйки. В Моравском Словацке очень интересен был обычай жарить особые «колобки для кротов». Они были меньшего размера, чем обычные пышки, их относили в поле в конце масленицы, «чтобы поле не разрывал крот». Некоторые исследователи видят в этом пережиток жертвоприношения умершим.

Последнее масленичное веселье начиналось в воскресенье после обеда и не прекращалось вплоть до «пепельной среды». Вся деревня (а в прошлом и город) от мала до велика находилась в одном непрерывном хороводе. Дары, собираемые во время коляды, частично продавались. На вырученные деньги устраивалось угощение в трактире. Три дня молодежь веселилась без перерыва, почти никто не ложился спать[27].

Только похороны масопуста, бахуса, басы приводили в норму чрезмерно развеселившуюся молодежь: «Празднуем масопуст, совсем не ссоримся, да и зачем нам ругаться, если мы теперь снова все встретились? Мы хорошо сошлись, с удовольствием были вместе! Прежде, чем разойдемся, еще выпьем за общее здоровье».

(«Masopust držíme, nic se nevadíme, pospolu i proč bychom se hádali, když jsme tak shledali poznovu? V dobrem jsme sešli,

radi jsme se našli pospolu! Dříve než se rozejdem, ještě sobě připijem poznovu»), — так звучит прощальная масленичная песня из р-на Плзня [28].

Празднование остатков — трех последних дней масленицы — до сих пор сохраняется в деревнях Чехии и Словакии. У чешских ходов, в Моравском Словацке и собственно Словакии молодежь надевает национальный костюм. Молодые парни, правда, иногда колядуют и в городском костюме (особенно, если приезжают в родное село из города), но на голову надевают традиционный головной убор с большим праздничным пером или букетом. Масленичные шествия в настоящее время утратили свое первоначальное обрядовое значение. Старые традиционные маски медведя, коня, туроня, цыгана, еврея сохраняются повсюду, но распространены и новые маски карнавального типа, представители каких-либо профессий (почтальон, трубочист, пожарник, полицейский и др.), цирковые артисты (клоун), экзотические звери (жираф, слон, крокодил, верблюд), маски, скрывающие лицо, и др.[29]

Самым любимым развлечением во время масленицы остается ее заключительный этап — похороны масопуста, бахуса или контрабаса (basy) — Барборы. Обряд этот имеет множество вариантов, сам похоронный ритуал тесно связан с сегодняшним днем, но можно думать, что первоначальная его суть — проводы зимы и масленичных забав перед наступающим постом и началом новых полевых работ — очень древнего происхождения.

В Моравском Словацке похороны контрабаса — басы — одно из самых больших событий года. Это целое представление, пародирующее похоронный обряд, а с ним нравы местных жителей. Главные действующие лица — баса, т. е. мужчина, завернутый в большую простыню, которого вносят на носилках, священник (farář) и пономарь (kostelník). Остальные зрители тоже живо участвуют в представлении: плачут, подают реплики, повторяют: «Sbohem, baso» («С богом, контрабас»). Как и в любом народном театре, здесь нет грани между зрителями и актерами. Священник одет в рясу, из-под которой видно гражданское платье, костельник — в черном костюме. Священник речитативом и жестами передразнивает настоящего священника при похоронах. Комично само противоречие между серьезностью и важностью его поведения и содержанием его речи: латинские слова произносятся вперемежку с чешскими, часто получается настоящая тарабарщина: «Tedeus laudamus, ve Španělsku je ramus, tedeus domini, rektor, kde noviny» [30]. Архаический стиль библейских текстов чередуется с самыми модными современными словечками.

Критика местных порядков, которую с нетерпением каждый год ждут зрители, содержится в «завещании» басы. Высмеиваются чаще всего старые холостяки, сплетницы, постоянные посетители местного трактира, мужья, находящиеся «под башмаком» у жен, измены. В настоящее время критикуются неполадки в правлении кооператива, случаи разгильдяйства на работе, недостаток каких-то товаров в магазине и т. д.

В конце обряда вместе с контрабасом «закапывают в яму» и другие музыкальные инструменты — скрипки, трубы и т. д. Мужчина, изображающий контрабас, в последний момент выпрыгивает из ямы.

Очень похожий масленичный ритуал наблюдается ежегодно в западной Чехии у ходов. Но там в присутствии жителей деревни произносят приговор и сжигают соломенное чучело в мужском костюме, олицетворяющее масопуста [31]. Прежде же и здесь масопуста хоронили в яме, закапывая вместе с ним трубы и скрипки.

Наступает «пепельная среда» (popeleční, bláznivá, škaredá, křivá, smetná středa). Масопуст сменяется постом:

«В скаредную среду не люблю прясть, люблю спать, вижу во сне все хорошее» («Skaredou středu nerada předu, rada spím, co je dobrého, všecko sním»), — говорят всюду в Чехии женщины. В Словакии в этот день ходил по селению своеобразный *ряженый* — slameník — парень, обмотанный соломой, со снопиком на голове, напоминающий гржебенаржа и медведя [32]. У чехов в районе Холтец утром ходили женщины с горшком, где было разведенное мыло, они щетками мазали проходящих мужчин. Тот, кто не хотел быть обмазан мылом, должен был откупиться. Обычай этот назывался «стирать фартуки».

После пепельной среды начинался период сорокадневного поста. Должны были прекратиться всякие забавы и танцы, парни уже не могли ходить на «беседы» к своим девушкам.

По-видимому в период масленицы чехи и словаки когда-то выполняли и обряды поминания умерших. Об этом говорит множество устрашающих масленичных масок, целью которых было отпугивание злых сил, да и само название первого дня поста — пепельная, или черная среда. У словаков сохранились сведения о том, что еще в начале XX в. в некоторых деревнях по верхнему течению Грона женщины в этот день мазались сажей. Мазали девушек сажей и юноши, расставаясь на время поста, но первоначальный смысл этого обрядового действия был совершенно забыт: девушки считали, что их мажут для того, чтобы иметь предлог выкупать в пасхальный понедельник [33].

В *смертное* воскресенье (предпоследнее воскресенье перед пасхой) (smrtná neděle) или в следующее за ней *кветное* воскресенье (kvetná nedele) чехи и словаки совершали обряд выноса смерти — символа зимы. Смерть называлась здесь smrt', smrtka, smrtnica, smrtonoška, mořena, mařena (чешск.); mamuriena, morena, kyselica (слов.). Названия эти, видимо, не были локально разграничены, и те и

Вынесение чучела морены в южной Чехии, конец XIX в.



другие могли встречаться в одной местности[34]. Обряд этот был приурочен к определенному дню, смертному воскресенью, получившему, видимо, от него и свое название.

У чехов и словаков обряд «выноса смерти» имел множество вариантов. Центральная фигура обряда была одета в женское или мужское платье, ее делали из соломы, чаще всего из привязанного к перекрещенным палкам снопа. «Смерть» имела две разновидности: она могла быть одета в старые лохмотья или же, наоборот, в праздничное платье, иногда даже в наряд невесты. От этого зависело и отношение к ней. В песнях, сопровождающих этот обряд, нарядную морену называли mařeno, krasná (маржена прекрасная), mámilá mařeno (маржена моя милая) и т. д.[35] Солому от нее разбрасывали по полям, что должно было способствовать будущему хорошему урожаю.

Девушки в праздничных нарядах шли с фигурой «смерти» по деревне, а затем бросали ее в воду, сжигали или разрывали в клочья.

В центральной Моравии чешские холостые парни одевали такое же соломенное чучело (маржака, смртяка) в рваное мужское платье. Они подбегали к девушкам, несущим женскую фигуру *маржены*, и старались свалить ее своим чучелом, а потом тоже бросали его в воду[36].

В Словакии был известен обычай хождения с дедком в то же самое время. Группа мальчиков несла соломенное чучело, одетое в мужское платье. Время от времени они останавливались и били его палкой, затем его раздевали, солому разрывали и бросали ее скоту[37]. Обряд выноса смерти известен не только всем славянам, но и другим европейским народам[38]. У чехов и словаков он бытовал до недавнего времени, а сейчас сохраняется в форме детской игры с песней: «Смерть несем из деревни, новое лето в деревню» («Smrt nesem ze vsi, nové leto do vsí»). Пожилые женщины в северной Словакии (пос. Завадка) объясняют обычай выноса морены необходимостью изгнания зимы. Они даже вспоминают, что когда в одну из весен не выполнили этого обряда, наступило такое холодное лето, что пришлось вынести торжественно морену уже летом[39].

О древности этого обряда свидетельствует строгое его запрещение чешским синодом еще в 1366 г., которое было еще раз повторено и в 1384 г. Несмотря на это, в самой Праге молодежь торжественно выносила «смерть» даже в XVII в.[40] По-видимому, это был старый языческий обряд, совершавшийся в близкий к весеннему равноденствию период. А возможно также, что морена была когда-то живой жертвой, приносимой зиме и весенним водам. В старых обрядовых песнях, сохраняющихся в некоторых областях и сейчас, часто повторяется, что морена «за кого-то» умерла. Они состоят из вопросов к морене и ее ответов, где называются лица или группа людей, за которых морена была принесена в жертву:

Morena, morena,
za kohos umrela?
— Za hrozenské dzievky,
Za pekne panenky.

Морена, морена, за кого ты умерла? —
За грозенковских девушек,
За прекрасных паненок[41].
(Старый Грозенков, северо-восточная
Моравия)

В Моравии шире всего был распространен текст обрядовой песни, в которой говорится о поджаренной в масле маржене, будь это женская или мужская фигура:

Nesem, nesem Mařaka,
Na oleji, smažáka,
Déte mu másla,
Aby se mu jeho hlava třasla.

Несем, несем маржака,
На масле поджаренного,
Дайте ему масла,
Чтобы у него затряслась голова [42].
(Гана, центральная Моравия)

С обычаем «выноса смерти» у чехов и словаков был связан и другой обряд, бытовавший в тот же день или же в следующее вербное (květná) воскресенье. Это было ношение символа весны — украшенной ветки ели, вербы, ивы, фисташка (léto, letečko, jedlička, máj, lesola).

Лето приносила группа девушек-подростков. А в тех местах, где выносили парадную марену, в ее платье одевалась молодая женщина, вышедшая замуж последней. Она должна была идти впереди всего шествия. Девушки с летом ходили по домам с коледами, танцевали, водили хороводы и пели:

Smrtná neděla,
Kde sa poděla
Poděla se, poděla

Смертное воскресенье,
Куда ты пропало,
Я была, была

U sv. Jiří.
Svaty Jiří jede k nám
Odemyká zemi,
Aby trava rostla
trava zelená, fiala modrá.

У св. Юрия.
Св. Юрий едет к нам
Отпереть землю,
Чтобы трава росла,
Трава зеленая, фиалка синяя [43].

Собрав во всех домах подарки, девушки устраивали общее угощение. Обычай хождения с летом очень стоек, во многих областях он сохраняется и сейчас, даже там, где давно забыто об обряде выноса смерти.

Центральным праздником весеннего календарного цикла обрядов была пасха (velikonoce). От вербного воскресенья до пасхи продолжается страстная неделя (pašijový tyden). В это время совершались церковные обряды. Многие магические действия, совершаемые в этот период, — освящение в костеле воды, хлеба, зеленых веток, крашение яиц — были вызваны церковным ритуалом. Считалось, что зеленые ветки (ratolest), освященные в вербное воскресенье, имели особую магическую силу в продолжении всего года. Это были ветки ивы, липы, ясеня, калины, тиса, ели, ореха, и др. Их часто связывали по нескольку штук вместе, длина их должна была достигать 3—10 м. После возвращения из костела зеленые ветки несли прежде всего в хлев и осеняли ими скот, «чтобы сохранить ему здоровье». Затем ветки вносили в дом (в районе Чешских Будеевиц только через окно) и ставили на почетное место в передний угол. Несколько веток втыкали в крышу дома, засовывали за потолок в доме, в хлеве, стодоле. В Словакии их клали под порог нового жилища. Зеленые ветки якобы спасали от бури, огня, болезней. Их кидали на дорогу перед первым выгоном скота, делали из них кресты, а затем бросали в колодцы, закапывали на поле и т. д.[44]

В зеленый четверг в Словакии по традиции в первый раз выгоняли скот на пастбище, в Чешских областях и Словакии прекращали звонить колокола (улетевшие, по поверью, в Рим), и дети (главным образом мальчики) ходили с трещотками, заменявшими колокола, получая за это вознаграждение: «Благовест мы отстучали, дайте крашеное яичко» («Klekání jsme odklepali, dejte vajíčko malovaný») [45].

В белую субботу колокола опять звонили, в Моравии и южной Чехии все бросались в сад и трясли деревья, чтобы уродилось много фруктов. Иногда в деревья бросали горсти гороха [45].

Широкое распространение получил обычай умываться в проточной воде перед рассветом в великую пятницу. Верили, что она принесет здоровье. Еще в конце XIX в. в реке купались обнаженными. Воде в великую пятницу приписывалась очистительная сила. Хозяйки несли к воде всю кухонную утварь и сельскохозяйственные орудия, купали и скот. Верили, что в этот день вода превращается в вино. В белую субботу воду святили и кропили ею дом, хозяйственные постройки и двор, чтобы предохранить свое имущество от злых сил.

Великая пятница, по народным представлениям, была днем, когда особенно опасна нечистая сила. Верили, что только после того, как колокола начинали звонить вновь, ее нечего было бояться. В горных областях Моравии и Словакии в великую пятницу метили овец. Считалось, что в этот день любая рана гораздо быстрее заживает.

Большое место в пасхальных обычаях занимал огонь. В белую субботу разводили костры у восточной стены костела и сжигали освященные ивовые ветки, соль и все, что хранилось от праздника трех королей. Каждый старался взять себе огарок, которому приписывалась охранная сила. Угли эти выносились даже в поле. Костер должен был быть зажжен холодным огнем, т. е. при помощи двух камней.

В пасхальное воскресенье святили воду, хлеб, крашеные яйца (kraslice), сережки вербы. После посещения утренней пасхальной службы каждый получал яйцо и кусок пасхального хлеба — mazanec, baba (чешск.), paska (вост. слов.).

Крашение яиц в Моравской Словакии



Пасхальные яйца раскрашивали накануне. Их цвет и орнамент, техника изготовления в отдельных областях Чехии и Словакии были различными. Во многих районах эта традиция еще жива. Раньше предпочитали природные краски (луковая шелуха, шафран, кофе, капустный рассол с железом). Для получения «мраморных» яиц в раствор краски добавляли растительное масло. Орнамент был геометрическим и растительным, украшением служили и надписи. Один из самых распространенных способов раскрашивания яиц у чехов и словаков — нанесение орнамента теплым воском (или парафином) перед погружением в краску. После удаления воска на окрашенном яйце остается белый рисунок. Иногда это повторяют несколько раз с несколькими красками. Яйца раскрашивали и цветным воском — желтым, черным, красным, зеленым, синим. В некоторых районах Словакии, а также в восточной Моравии на окрашенных в интенсивный цвет яйцах выскребали очень тонкий и сложный узор с помощью острого ножа. Кроме того, известны крашенки с орнаментами, сделанными из налепленной соломы, травы и т. д. Все эти способы нередко комбинируются [47].

В воскресенье и понедельник до сих пор у чехов, а в некоторых областях и у словаков сохраняется очень популярный обычай (теперь уже шуточный) хлестания девушек и женщин особым образом сплетенными ивовыми прутьями — помлазка, мрскачка, шлягачка, шибачка (pomlázka, mrskačka, чешск.; šlahačka, слов.). Слово «помлазка» имеет, как и «коледа», несколько значений: так называется сам обычай, хлысты из сплетенных прутьев, которыми бьют, а также дары, получаемые от девушки за внимание. Прутья — корбаче, шибаки, татары (pomlázka, korbáče, tatary, чешск.; šibáky, слов.) плелись заблаговременно [48]. Само слово «помлазка» (pomlázka: omladiti) — омолаживать объясняет значение этого обычая: каждый, кого били прутьями, будет здоров и свеж. В руках колядующих парней вербовые прутья должны находиться в постоянном движении. Во вторник девушки стегали прутьями парней. После пасхи прутья-помлазки забрасывали на крыши через головы, чтобы они там сгнили.

В восточных областях Чехословакии — в Моравии и Словакии — помлазка (шибачка) сопровождается и обливанием водой — купачка, облевачка, шмигуст (kúpacka, oblievačka, šmigust). У словаков шибачка известна лишь в западных областях. Гораздо более для них характерно обливание водой.

К пасхе каждый должен был приготовить какую-либо обнову. Кроме того, накануне праздника всегда устраивалась генеральная уборка в доме. Заново белили стены, украшали их орнаментом там, где это было принято. Для пасхальной недели вообще были характерны обряды очистительного свойства, связанные с началом нового года.

Еще в XIX в. у чехов были широко распространены во время пасхи игры с крашеными яйцами, правда, чаще всего уже только детские. Было известно несколько вариантов таких игр. Дети парами становились друг против друга с крашенками в руках, ударяя их широким или узким концом. Выигрывал тот, чье яйцо оставалось невредимым. В городах, а позднее и в деревнях часто бросали монету в яйцо, стараясь в него попасть с расстояния около четырех шагов. Яйцо при этом кто-то должен был держать в руке между указательным и большим пальцами или же положить на землю [49].

Крашенками играла и молодежь во время помлазки. Вареные крашеные яйца, полученные от девушек в подарок, бросали вверх, иногда через крышу дома в траву и смотрели, разобьется ли оно. Целое яйцо было свидетельством постоянства девушки. Крашенки, кроме

того, катали с холмов, и тот, чье яйцо откатывалось дальше других, выигрывал[50].

Древнее значение краслиц как символа жизни и плодородия совершенно забыто. В период пасхальных праздников крашеные яйца дарят девушки юношам, выражая этим свое расположение, обмениваются краслицами близкие знакомые и родственники даже в городах. Обычай этот сохраняют как национальную традицию, а краслице ценят как произведение искусства.

В день св. Юрия (24 апреля), по народным преданиям, открывалась земля и выпускала змей и все растения, которые зимовали в ней.

У чехов и словаков с днем св. Юрия были связаны легенды о змеях и драконах, открывающихся кладах и т. д. По-видимому, это сказывалось влияние легенды о герое, освободившем принцессу от пут дракона. Верили, что якобы в этот день снова становилась опасной нечистая сила, особенно для скота. Ворота хлевов подпирали бороной зубьями наружу для того, чтобы ведьмы не имели доступа к скоту. Для отпугивания нечистой силы служили и юрские огни — костры, зажигаемые и сейчас в вечер накануне Юрьева дня.

Молодежь встречала лето у этих огней и пела:

Sväty jur ide, leto nam nese.
Leto, leto nam, poctivým pannam.
Sväty juričko, maje srdečko,
Prindzi, prindzi k nám, dones
nam teplé letečko.

Св. Юрий идет, лето нам несет.
Лето, лето нам, достойным девушкам.
Св. Юричко, мое сердечко,
Приди, приди к нам, принеси нам теплое
лето[51].

Молодежь, возвращаясь домой парами, обязательно должна была поваляться по озимым для того, чтобы хлеб вырос высоким.

В конце апреля в ночь на Филиппа и Якуба зажигаются костры. Они, по народным поверьям, тоже ослабляют силу чародейства, охраняя урожай и скот.

В эту ночь перед первым маем юноши ставят первые деревца — май (máj). Это высокая тонкая пихта или ель, тщательно очищенная от коры с оставленной верхней кроной (věnik). Верхушку мая украшают пестрыми лентами, красными платками, мелкими калачиками. Ниже кроны подвешивают широкий венок из весенних цветов. В каждом поселке ставят несколько майских деревцев, самое высокое из них — на площади для всей деревни (сейчас у местного национального совета). Кроме того, каждый юноша ставит деревце (чаще всего березку) перед домом своей милой.

Это очень старый обычай. По свидетельству средневековых источников, поставленный девушке май когда-то означал определенную форму брачного предложения. Например, по решению суда пражской консистории от 1422 г. в спорном случае, согласно старому обычаю, такой брак был признан действительным[52].

Под главным маем устраивалась первая молодежная «музыка» на открытом воздухе. Юноши с маленьким деревом ходили по домам с колядой и приглашали девушек на танцы. Девушки должны были одарить юношей за это приглашение.

Сейчас обычай «ставить май» переносится на первомайские праздники; таким образом, этот традиционный весенний праздник получил новое содержание. В городах же чешские и словацкие рабочие уже с конца XIX в. отмечали День международной солидарности трудящихся.

Церковный праздник вознесения в народе особо не отмечался. Но в этот день, например, словаки в горных областях считали необходимым охранять свое хозяйство от нечистой силы. В некоторых деревнях дают скоту чеснок, а вечером,

закрывая двери хлевов, рисуют на них чесноком крест[53].

Спустя десять дней после вознесения, чехи и словаки праздновали летнице (letnice), у словаков называшиеся также турице (turice), русадла (rusadla). Цикл этих обрядов был связан с христианским праздником св. духа (пятидесятница). Это был зеленый праздник, все дома украшались ветками деревьев, молодежь продолжала веселиться под маем.

Майское дерево торжественно убирали в понедельник после духова дня. У чехов в Моравии во время этой церемонии собирались ряженые в самых разных масках: старухи, жених с невестой, цыгане, торговцы, дровосеки, трубочисты, пожарники и т. д. Дерево пытались продать, затем спилить деревянной пилой и, наконец, валили его на землю. Праздник кончался танцами и обильным угощением в трактире[54].

Неделя после дня св. духа перед троицей у чехов называлась королевской, ходили с колядой ряженые король и королева со свитой — взрослая молодежь села. Шествия эти кончались веселой вечеринкой.

С колядами ходили и девочки 7—13 лет с деревцем маем, ряженые королевнами (králóvničky). Девочки танцевали, пели хороводные песни, иногда те же самые, что и при пасхальном обряде с летом после «выноса морены»[55]:

Mé miue leto, cos nam prineslo?
Všcho dobrého, kvit'a modrého,
Aby trava rústua, travička zelená,
Ružička červená.

Мое милое лето, что ты нам принесло?
Все хорошее, цветы синие,
Чтобы трава росла, трава зеленая,
розочка красная[56].

Королевские игры имели множество вариантов и были известны большинству европейских народов. В центральной Чехии юношу в королевской короне топили в воде, в южной Чехии после колядования устраивали суд над королем, и после вынесения приговора палач «рубил» ему голову, увенчанную золотой бумажной короной[57].

В чешских городах уже с XIII в. были популярными стрелковые состязания на св. духа. Стреляли в деревянных птиц, прикрепленных к высоким жердям. Победитель объявлялся «птичьим королем», ему оказывались королевские почести. Церковные моралисты в своих проповедях неоднократно осуждали эти забавы, считая их кощунством по отношению к св. духу, которого якобы олицетворял голубь. Однако стрелецкие состязания во время летниц устраивались еще и в конце XIX в.

У чехов в Моравии существовала особая форма королевских игр с конными процессиями. По мнению многих исследователей, королевские игры здесь переплелись со старым обрядом обхода полей, имевшим магический смысл охраны урожая. Обычай этот со временем превратился в церковную процессию объезда межей, совершавшуюся уже в XVI столетии на конях во главе со священником, молившимся о хорошем урожае[58].

Один из поздних вариантов конных королевских процессий — обычай поезд королей (jízda králů) на духов день, сохраняющийся в некоторых деревнях южной части Моравии.

В этот день молодежь села выбирала, собравшись в трактире, из числа наиболее уважаемых юношей короля (прежде им был чаще всего сын самого богатого крестьянина). Король в свою очередь выбирал себе двух пажей, кроме того, избирались три посла, три глашатая и три сборщика. На следующий день составлялась конная процессия из 20—30 переодетых в праздничные женские костюмы парней. Украшались цветными лентами и лошади. Для короля подбирали белого коня, вместо седла на него

стелили красный платок. На голову короля, также переодетого в женский праздничный костюм, надевался венок из цветов, лицо его было закрыто тремя разноцветными бумажными лентами. Под белым фартуком у каждого наездника висела сабля. Во главе процессии двигались послы, за ними глашатаи, сборщики. Затем ехали все остальные тесным конным строем по три человека. В центре между ними двигался король со своими пажами.

Процессия объезжала сначала свою деревню, а затем и несколько соседних деревень. Перед каждой из них король останавливался и посылал послов просить разрешения «искать короля» в деревне. Получив разрешение у старосты, вся процессия въезжала в деревню. Глашатаи останавливались у каждого дома и просили дары для короля, повторяя в разных вариантах текст об его ограблении и прежнем величии:

Na krála, pani matko, na krála
Máme krále chudobného,
Přitom velmi poctivého
Okradli ho na horach.

Для короля, мама, для короля,
Король у нас бедный,
Но достойнейший,
Обобрали его в горах.

Сборщики подходили к дверям с корзиной и брали все то, что давали для короля и его дружины хозяйки: сало, ветчину, деньги и т. д. К вечеру король возвращался в деревню, где устраивался большой пир в трактире с музыкой и танцами.

Раньше в том случае, если две процессии королей из разных деревень встречались в одном месте, случалось настоящее побоище. Однако это бывало редко, так как в каждом поселке было строго определено традицией время выезда, посещения определенных деревень и возвращения домой. Молодежь соседних деревень знала это время и старалась не встречаться со своими соседями [59].

В начале XX в. поезд королей наблюдался только в двух районах Моравского Словацка — Градиштском и Бродском.

Сейчас этот обычай стал театральным представлением, он соблюдается только у чехов Моравии в поселке Влчнов и Глук. На это красочное зрелище в Влчнов приезжают не только жители соседних деревень и городов, но даже и иностранные туристы. Вероятнее всего, именно благодаря такой большой своей популярности он здесь и сохраняется. Происхождение королевских игр на духов день совершенно забыто. У чехов сохраняется только их увеселительная игровая сторона. Однако известный чешский ученый Ченек Зибрт, изучавший генезис народных обычаев, считал дерево — май и маски королей в период летниц перед троицей символами весны, пробуждающейся и расцветающей природы, а потопление и казнь короля, сваливание майского дерева — обрядом похорон весны, аналогичным обряду уничтожения морены [60].

Королевские игры в Словакии совершенно исчезли. Однако прежде они были хорошо известны и словакам. Обычай этот преследовался церковью, первые запрещения «по старому обычаю на русадельные праздники выбирать королей, танцевать, наряжаться в вывернутые овчины и веселиться до упаду и т. д. ...» церковного синода в Штитнике относятся к 1585 и 1591 гг.[61] Позднее запрещения эти много раз повторялись, нарушители же строго наказывались. Все это говорит о древнем дохристианском происхождении народных обрядов во время летниц, приуроченных позднее к христианскому празднику дня св. духа.

В некоторых областях у чехов и словаков долгое время сохранялись обряды, связанные с первым выгоном скота на пастбище. Чаще всего они совершались

во время праздника св. духа. Били бичом, стреляли из ружей, зажигали костры и не тушили их всю неделю. Хозяйки пекли лепешки скоту, мазали их медом, каждая коза, корова, овца получала по куску этой лепешки [62]. Скот поливали водой, стегали оставшимися от пасхального праздника прутьями — *помлазками*, гладили пасхальными яйцами, украшали красными лентами. Устраивалось первое угощение пастухов на пастбище вскладчину из подаренных каждой хозяйкой продуктов, главным блюдом при этом была яичница.

В горных областях у чехов и словаков, где было развито отгонное овцеводство, в день св. духа также было традицией коллективное угощение на высокогорных пастбищах, несмотря на то, что овец выгоняли на полонины уже в юрьев день [63]. Пастухи в первый раз могли спускаться к своим семьям в деревню только на янов день (24 июня).

Весенний период календарных праздников кончался праздником летниц, начинался новый цикл летних праздников.

[1] Horňácko. Život a kultura lidu na moravsko-slovenském pomezi v oblasti Bilých Karpat. Brno, 1966, s. 295.
[2] Československá Vlastivěda. díl III. — «Lidová kultura». Praha, 1968, s. 241.
[3] *Bogatyriov P.* L'udové divadlo české a slovenské. Bratislava. 1973, s. 186—196.
[4] Horňácko..., s. 295.
[5] *Zíbrt C.* Veselé chvíle v životě lidu českého. Praha, 1950, s. 157.
[6] Československá Vlastivěda, díl III, s. 243.
[7] *Bartoš F.* Naše děti. Brno, 1888, s. 279.
[8] *Zíbrt C.* Veselé chvíle..., s. 190.
[9] *Horvathová E.* Duchovná kultura. — In: Horehronie, díl. II. Bratislava, 1973, S. 36.
[10] О народных масках чехов и словаков и их роли в календарных обрядах см. подробно: *Jeřábek R.* Masken und Maskenbrauchtum in der tchechischen Ländern. — «Schweizerisches Archiv für Volkskunde». Basel, 1968, Heft 1—2, S. 114—135; *Horvathová E.* Maskenbrauchtum in der Slowakei. — «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», S. 135—141.
[11] *Jeřábek R.* Masopustní maska «pohřebenáře» v mezinarodním kontextu. — «Národopisné aktuality», 1968, č. 2, s. 89; *Tomeš J.* Přispevek k problematice masek «hřebenářu» v masopustních obyčejích na Moravě. — «Slovácko», 1964, s. 53.
[12] По этому поводу существует несколько мнений. Советский исследователь Н. Н. Велецкая, например, связывает эту маску с древним обычаем проводов стариков в другой мир (*Велецкая Н. Н.* Из истории славянской весенней обрядности. — «Македонски фолклор», год. VI. Скопје, 1973).
[13] *Bednarik R.* Duchovná kultura slovenského lidu. — «Slovenská Vlastivěda». Martin, 1942, s. 74; *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1969, с. 35.
[14] *Laudová H.* Lidový tanec a lidové divadlo. — «Český lid», 1964, č. 5—6; *Vančík F.* Kalendarní obyčeje z jihočeského Soběnova. — «Opera ethnologica», 4. Praha, 1969, s. 19.
[15] *Horvathová E.* Duchovná kultura, s. 166.
[16] *Bonuš F.* Mezi dvěma slunovraty. Gottwaldov, 1959, s. 18.
[17] *Zíbrt Č.* Veselé chvíle..., s. 145.
[18] Ibid., s. 38.
[19] Ibid., s. 30.
[20] Ibid., s. 135, 138.
[21] *Tomeš J.* Masopustní, jarní a letní obyčeje na Valašsku. Stražnice, 1972, s. 32.
[22] *Zíbrt C.* Veselé chvíle..., s. 140.
[23] *Vaclavík A.* Vyroční obyčeje a lidové umění. Praha, 1959, s. 108.
[24] *Tomeš J.* Masopustní, jarní a letní obyčeje na Valašsku, s. 18.
[25] *Zíbrt Č.* Staročeské vyroční obyčeje, pověry, slavnosti a zábavy prostonarodní. Praha, 1889, s. 31.
[26] *Bonuš J.* Mezi dvěma slunovraty. Gottwaldov, 1959, s. 17.
[27] Horňácko..., s. 295.
[28] *Zíbrt Č.* Veselé chvíle..., s. 143.
[29] *Mišurec Z.* Velický fašanek. — «Český lid», 1969, N 2, s. 342—347.
[30] *Večerková Eva.* Současné, vyrocní obyčeje na Uhersko-Hradištském Dolňácku. — «Národopisné aktuality», 1970, N 2.
[31] *Oborský S.* Konec chodského masopustu. — «Rudé právo», 20.II.1969.
[32] *Horvathová E.* Maskenbrauchtum in der Slowakei, s. 139.
[33] *Horvathová E.* Duchovná kultura, s. 166.
[34] *Zíbrt C.* Veselé chvíle..., s. 222.
[35] *Tomeš J.* Vynášení Smrti na vychodní Moravě a ve Slezku. — «Acta ethnologica Slovaca», 1. Bratislava, 1974, s. 242.
[36] *Vyhlidal J.* Rok na Hané. Olomouc, 1906, s. 31.
[37] *Horvathová E.* Duchovná kultura, s. 206.

[38] *Sieber F.* Deutsch- westslawische Beziehungen im frühlingsbrauchen. Berlin, 1968, S. 232—250.
[39] *Horvathová E.* Die volkstümliche Heilkunst. — In: «Die slowakische Volkskultur. Die materielle und geistige Kultur». Bratislava, 1973, S. 270.
[40] *Zíbrt Č.* Staročeské vyroční obyčeje a pověry slovanské, s. 59—62.
[41] *Tomeš Y.* Vynášeni Smrti..., s. 257.
[42] *Zíbrt Č.* Veselě chvíle..., s. 229.
[43] *Vyhlídal J.* Op. cit., s. 31.
[44] *Vaclavík A.* Op. cit., p. 206—208.
[45] *Bonuš F.* Op. cit., p. 22.
[46] *Vančík F.* Kalendarní obyčeje z jihočeského Soběnova. Praha, 1969, s. 32.
[47] *Hasalová V.* O barvení, malovaní a zdobení kraslic. — In: «Tvořivost českého lídu v tradiční umelecké výrobě». Praha, 1953, s. 58.
[48] *Vaclavík A.* Op. cit., p. 231; *Vančík F.* Op. cit., p. 33.
[49] *Zíbrt Č.* Veselé chvíle..., s. 265—269; *Vyhlídal J.* Op. cit., p. 47—48.
[50] *Zíbrt Č.* Veselé chvíle..., s. 268.
[51] Československá Vlastivěda, díl III, s. 579.
[52] *Zíbrt C.* Veselé chvíle..., s. 282.
[53] *Horvathová E.* Duchovná kultura, s. 284.
[54] *Zíbrt C.* Veselé chvíle..., s. 320.
[55] *Грациaнская Н. Н.* Этнографические группы Моравии. М., 1975, с. 74.
[56] *Horňacko...*, s. 298.
[57] *Zíbrt Č.* Veselé chvíle..., p. 371.
[58] Československá vlastivěda, díl III, s. 246.
[59] Moravské Slovensko, díl I, sv. 2—3, s. 766; *Klvaňa J.* Jízda králu na Moravském Slováčku. — «Světozor», 1891, s. 31—34; *Tomeš J.* Masky v lidových obyčejích na Horňácku. — «Slovácko», 1959, s. 12.
[60] *Zíbrt Č.* Veselé chvíle..., s. 282.
[61] *Niederle Z.* Život starých Slovánů. Oddil kulturni, díl I, s. 56.
[62] *Bartoš F.* Moravský lid. Telč, 1892, s. 206.
[63] *Tomeš J.* Másopustní, jarní a letní obyčeje..., s. 90.

ЛУЖИЧАНЕ

* * * * * * * * * * *

С. А. Токарев

Весенние народные праздники лужичан и связанные с ними обряды во многом похожи на такие же праздники чехов, словаков, поляков, а также немцев. Как и в других странах, здесь народные обычаи сплелись с церковными ритуалами. Церковный праздник сретения (swěčkowa Marija) 2 февраля только потому может считаться первым весенним праздником, что с ним связаны некоторые народные приметы о погоде и урожае: если этот день ясный и солнечный, то будет плохой урожай и мало корма скоту. У католиков (в Верхн. Лужице) есть обычай святить в этот день свечи и устраивать крестный ход вокруг церкви [1].

Народные же обычаи встречи весны были приурочены скорее к зимнему дню св. Петра (Petra stol) 22 февраля: в этот день делали соломенное чучело зимы и сжигали его [2].

Такие же народные обычаи, и довольно разнообразные, связываются с масленой неделей, предшествующей великому посту. Эти дни называются в Верхней Лужице póstnicy, в Нижней — zapust. Еще в XVII в. описывался весенний праздник молодежи, которая собиралась группами по 20—30 человек и устраивала торжественное шествие с зелеными ветками, украсив их пестрыми лентами; с музыкой и плясками обходили дома, выпрашивая колбасу, яйца, деньги. Теперь в Нижней Лужице масленичные пиры продолжаются три дня, с воскресенья до вторника. Девушки собираются в том доме, где они обычно сходятся прясть (нем. Spinnstube), приглашают туда парней, которые приходят с музыкой. Каждый парень выбирает себе девушку, и они идут парами в деревенский трактир, там вечером танцуют. В понедельник холостые парни устраивают маскарад — ходят в масках по домам, танцуют с хозяевами, даже с пожилыми женщинами, получают угощение и совместно его съедают. Во вторник — очередь женатых мужчин, которые устраивают такое же маскарадное хождение по домам с танцами. В шествии участвует всадник на искусственном или на настоящем коне, и это называется «koña wózyś», а также медведь, которого изображает человек в вывороченной наизнанку овчине, — это называется «bara wózyś». Еще один комический персонаж — «мертвый возит живого». К животу человека привязано соломенное чучело, ноги которого висят сзади; это чудище прыгает, пляшет и выглядит очень страшно. В маскарадной процессии участвуют также ряженые: «трубочист», «почтальон», «цыган», «клоуны», «солдаты», «матросы». Участники шествия выкидывают разные шутки, забрасывают на крышу плуги, бороны, снимают колеса с телеги и пр.

В этих маскарадных танцах налицо и магический элемент: считается, что надо танцевать бойко, прыгать высоко, чтобы лен уродился высокий; для этой же цели девушка старается протанцевать с высоким парнем [3].

В течение всей масленичной недели женщины не должны прясть.

Накануне великого поста, в воскресенье, девушки собираются на площадь посередине деревни, садятся на скамейки и поют религиозные гимны. По другим сообщениям, такое обрядовое пение девушек на деревенской площади происходило каждую неделю по субботам и воскресеньям от начала поста и вплоть до пасхи и даже позже.

Праздник благовещения — 25 марта (Marije wozjewenje, или připowědanje, wipowedanje, zelena Marja) чаще всего приходится на время великого поста. По старинной примете, в этот день надо сеять лен [4]. Следует вспомнить по этому поводу, что у восточных славян считалось, наоборот, грехом выполнять на благовещение какую-либо работу.

В воскресенье четвертой недели поста раньше исполнялся (как и у других западных славян и у немцев) интересный обряд изгнания и уничтожения смерти: смерть изображалась в виде куклы, которую выносили из деревни и сжигали, либо бросали в воду. Самый день поэтому назывался «smjertnica». Характерная деталь: куклу одевали в рубаху человека, умершего последним, и подпоясывали поясом последней вышедшей замуж девушки. Но уже в XIX в. этот обряд, запрещенный властями, перестал исполняться [5].

На вербное воскресенье у верхних (bowońca, bovońčka) и нижних лужичан (balabnica) устраиваются процессии с зелеными ветками. Интересен магический обряд, исполнявшийся в этот день: по полям таскали деревянного осла для охраны посевов. Протестантское духовенство запретило еще в XVI в. этот обычай, но у католиков он сохранился до наших дней.

Четверг на страстной неделе называется, как и у немцев, «зеленым» (Верхн. Лужице — Zeleny štwórtk; Нижн. Лужице — stwórtk), он связан в народных представлениях с зеленью: если сажать в этот день капусту, цветы, сеять лен, они хорошо уродятся. В этот день едят зелень и мед. У нижних лужичан есть обычай в «зеленый четверг» чертить кресты на углах поля. Дети ходят по домам, выпрашивая угощение.

Страстная пятница называется «wulky pjatk», «ćichi», «suchi», «pokutny pjatk», «šichi pjetk». В этот день считается грехом работать; особенно строг этот запрет у протестантов. У католиков в этот день не играет церковный орган, не звенят колокола. Чисто магическое народное поверье, связанное со страстной пятницей: если до восхода солнца срезать кусок коры с дерева, растущего на границе деревенской земли, — она помогает от зубной боли. Ветка ольхи, сломленная в этот день, спасает от пожара [6].

Множество разнообразных обычаев и поверий, церковных и народных, приурочивается к пасхальной ночи и к пасхальной неделе; они в большинстве очень сходны с обычаями и поверьями соседних и других европейских народов. Немецкое влияние сказалось в самом названии праздника: верхн. лужичане — jutry, swjäte, jutry (нем. Morgen); нижн. лужичане — jastry (нем. Ostern).

Еще перед наступлением пасхи красят и расписывают вареные яйца (верхн. лужичане — jutrowne jejko; нижние лужичане — jatšowne jajko), их дарят детям; по яркости и разнообразию они, впрочем, уступают крашенкам у словаков, украинцев, южных славян. Есть обычай катать яйца (walkać, walkować), это катание раньше имело какой-то магический смысл. Пасхальные яйца вешают на майское дерево, раньше их зарывали в землю на полях, всовывали в первый сноп. Скорлупу от съеденных яиц разбрасывали по полю, засеянному льном. Все эти обычаи означают, что пасхальным яйцам придавалась магическая сила плодородия [7].

Другие поверья и обычаи связаны с пасхальной водой. Воде, зачерпнутой в пасхальную ночь или перед восходом



Дети в карнавальных костюмах

солнца (ее надо черпать в полной тишине, не издавая ни звука), приписывается целебная сила; верят, что эта вода делает человека красивым; ею умываются, обрызгивают друг друга, капустную рассаду, поят скот; верят, что вода эта не портится. У католиков воду освящают в церкви [8].

Есть и обычаи, связанные с огнем. На пасху разводили на берегу реки костер, прыгали через него; на костре сжигали старые метлы.

Всю пасхальную ночь молодежь развлекается: девушки возвращаются из церкви под звон колоколов, с песнями, парни шумят, стреляют из ружей. Есть поверье, что утром первого дня пасхи солнце при восходе три раза подпрыгивает. Был и обычай обходить или объезжать поля: шествие начиналось с полуночи и сопровождалось пением пасхальных гимнов. У католиков пасхальный объезд полей (Křižerjo) известен и сейчас [9].

К пасхе же приурочены некоторые поверья о нечистой силе. С одной стороны, применялись разные магические средства защиты от ведьм. С другой стороны, как это ни странно, именно в пасхальную ночь можно, по поверью, вступить в союз с чертом: для этого надо только положить в башмак нижнюю корку хлеба, тогда явится злой дух и спросит, что хочешь получить от *кобольда* — хлеб, деньги и пр. [10]

В старину существовал церковный обычай, засвидетельствованный около 1700 г.: пастор во время пасхальной проповеди старался рассмешить прихожан веселыми анекдотами; этому пасхальному смеху придавалось какое-то особое значение [11].

Через две недели после пасхального воскресенья — конец пасхи (běla njedźela).

Первое апреля считается несчастливым днем; несчастлив будет тот, кто родился в этот день. Перенося это поверье на церковнохристианскую традицию, лужичане верили, что именно 1 апреля сатана был свергнут с неба, что 1 апреля родился Иуда-предатель. Есть обычай в этот день подшучивать над друзьями и поговорка (послать с апрелем) (z aprilom pósłaš) [12].

Майский праздник — 1 мая — имеет глубокие корни в обычаях всех европейских народов, в том числе и лужичан. У них к этому дню приурочено два ряда обычаев и поверий: связанные с майским деревом и с верой в ведьм.

Обычай водружать майское дерево — общий у лужичан и немцев; его и теперь соблюдают и в городах, и в деревнях. Накануне 1 мая парни срубают в лесу высокую сосну или ель, приносят ночью в село (в город), очищают от сучьев, верхушку украшают венком, пестрыми лентами, деревянным крестом и водружают на площади — все это делают до восхода солнца. Под этим май-

ским деревом (meja, majštanga) устраивается праздник, танцы. Один из парней — тот, кто сумел схватиться за верхушку дерева, когда его рубили, считается майским королем [13].

Другие первомайские обычаи связаны с верой в ведьм. Как и немцы, лужичане верили, что в ночь под праздник св. Вальпургии (1 мая) ведьмы (верхн. луж. — khodota, khodojta; нижн. луж. — chodota) слетаются на свой шабаш. В это время они особенно опасны. Для защиты от *ходойт* применялись разные меры: рисовали кресты на дверях, клали метлу на пороге, вешали зеленые ветки, били камнями по металлу, окуривали хлев; старались не оставлять наружи молоко, утварь. Был обычай «жечь ведьм» (khodojty palić): парни с горящими метлами в руках бежали в поле, бросали метлы в воздух [14].

Практиковались и другие очистительные обряды: хозяйка выметала сор из жилья, выносила его за околицу деревни или подкидывала соседу — этим как будто перегоняла к нему паразитов из жилища. Ночью приносили воду, брызгали ею в четыре угла жилья. Первый майский дождь считался целительным: люди старались вымокнуть под этим дождем [15].

Из последующих праздничных дат весеннего времени только немногие отмечены народными обычаями. Так, в церковный праздник вознесения (верхн. луж. — stupjenje do njebjes, bože spěče; нижн. луж. — stupny, swězenstupny stwórtk (40-й день после пасхи) соблюдался запрет шить или делать иную домашнюю работу; верили, что за нарушение запрета человека может убить молния [16].

Только троицын день (верхн. луж. — swjatki; нижн. луж. — swětki) сопровождается народными развлечениями. Дома и церковь украшают зелеными березовыми ветками, устраивают конные скачки; раньше был обычай зажигать вечером костры. Очень интересен шуточный обычай неясного происхождения: изготовляли куклу девушки, одетую в народный костюм, на груди ее рисовали сердце, и парни старались с завязанными глазами уколоть это сердце саблей; тот, кому это удавалось, получал в награду платок [17]. Здесь можно видеть какой-то отдаленный отголосок любовной магии.

Вообще у лужичан сохранилось немало следов древних магических обрядов и поверий. Некоторые из них связаны были с весенними, а также и с летними полевыми работами, в особенности с посевом и посадкой растений. Например, при посеве льна исполнялся такой обычай: сеятель брал в руки яйцо и бросал его вверх как можно выше, приговаривая при этом: «Пусть такой же высокий вырастет лен». По другому сообщению, хозяин, выходивший сеять лен, брал с собой в карман два куриных яйца и съедал их на поле. Бытовал и такой магический обряд: того, кто выезжал на поле пахать под посев льна, обливали водой.

Местами вплоть до середины XIX в. соблюдался глубоко архаичный обычай: девушка-полольщица, закончив прополку льна, должна была трижды обежать, раздевшись донага, льняное поле и при этом произнести заклинание: «Лен, лен, друг, вырасти до моих бедер, до моей груди, и тут и остановись!» [18]

Магические обряды применялись и при посадке капусты. Ее сажали иногда вместе с репой, и по этому случаю наблюдали примету: если лен и репа всходили вместе, это было знаком, что любящие друг друга парень и девушка поженятся. В этой примете опять проявляется связь любовной магии с магией плодородия [19].

[1] *Schneeweis E.* Feste und Volksbräuche der Sorben. Berlin, 1953, S. 118.
[2] Ibid., p. 118—119.
[3] Ibid., p. 121—123; *Von Schulenburg W.* Wendisches Volkstum in Sage, Brauch und Sitte. Leipzig, 1934; S. 207—215; *Срезневский И. И.* Сербо-лужицкий народный календарь. — «Живая старина», вып. 2, 1890, с. 55.
[4] *Schneeweis E.* Op. cit., p. 123.
[5] Ibid., p. 123; *Zibrt Č.* Vynášeni «smrti» ... Praha, 1893, S. 20.
[6] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 126—128; *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 214—215.
[7] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 130—131; *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 216.
[8] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 129—130; *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 217—218; Volkslieder der Sorben in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von Leop. Haupt und Joh. E. Schmaler. Berlin, 1953, II, S. 223.
[9] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 128, 130—132.
[10] Ibid., S. 134.
[11] Ibidem.
[12] Ibid; *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 214.
[13] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 136—137.
[14] Ibid., S. 135.
[15] Ibid., p. 136; Volkslieder der Sorben..., II, S. 261.
[16] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 139; *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 220; Volkslieder der Sorben..., II, S. 259.
[17] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 140—141; Volkslieder der Sorben..., II, S. 271.
[18] *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 175.
[19] *Schneeweis E.* Op. cit., S. 155—156; *Von Schulenburg W.* Op. cit., S. 174—175.

НАРОДЫ ЮГОСЛАВИИ

* * * * * * * * * * *

М. С. Кашуба

В календарной обрядности народов Югославии [1] прослеживается много общих черт, восходящих к временам язычества. Влияние церкви на календарную обрядность было неодинаковым у народов Югославии, это зависело от различий их вероисповедания. Как справедливо отметил один из крупнейших югославских этнографов проф. М. Филипович, характеризуя население одной из областей Югославии, ни католики, ни православные, ни мусульмане славянского происхождения не придерживаются учения и предписаний только своей официальной религии — каждой из этих групп присущи различные древние дохристианские верования, сохранившиеся как общеюгославское наследие. Мусульмане, кроме того, сохранили или заимствовали некоторые обряды, выполняемые христианами; имело место, хотя и в меньшей степени, и обратное явление [2].

Четко выделить праздники, с которых начинался весенний цикл календарных обрядов, трудно. В народных понятиях начало весны связывалось с разными днями церковного календаря, со сретением [3] — 15 февраля (у части сербов), с днем св. Иосифа — 19 марта (у части хорватов и словенцев), с днем 40 мучеников — 22 марта (у части македонцев), с благовещением — 25 марта (у части сербов) и т. д.[4]

Среди югославских ученых по этому вопросу существуют также разные точки зрения: согласно одной из них, не только масленица, но даже часть пасхального поста относится к зимнему циклу [5]. Наиболее убедительным нам представляется мнение тех авторов, которые считают масленицу связующим звеном между зимним и летним полугодиями и по смыслу обычаев относят ее к весенним праздникам [6].

Мясоед (месојеђе, меснице, мрсовеђе, фашанке — сербы, черногорцы; мисници — македонцы; fašnik fašnjak — хорваты, fašenk, fajnšček — словенцы) и особенно завершающая его масленая неделя — самое веселое время года, время свадеб.

Анализ обычаев и обрядов этого времени года, совпадающего с периодом пробуждения и оживления природы (а некогда и календарным началом года), раскрывает их первоначальный смысл, давно уже почти забытый — стремление оградить себя, своих близких и свое имущество от злых сил и обеспечить благосостояние своей семьи и продолжение рода.

Масленичная обрядность народов Югославии очень разнообразна и ярка. Наиболее характерные черты масленицы (*бела, сирна, загонетна недеља, сирнице, проштене покладе* — сербы, черногорцы; *сирната, сирупосна, бела, проштена недела, сирница* — македонцы; pust, mesopust — хорваты; pust и др. — словенцы) — это ее общенародный характер, праздничное веселье, шествия ряженых и одаривание их, театрализованные представления, обильная коллек-



Масленичная маска у ряженых звончари (Хорватия)

тивная трапеза и приурочение к ней магических действий защитно-предохранительного и вегетационного характера.

Непременная часть масленичной обрядности народов Югославии — шествия ряженых. Ряженые (*машкаре, мачкаре, оле, олалиjа, чароjице* — сербы, черногорцы; zvončari, maškare, maškuri, mačkare, čorjaci, bušari, fašingari, orači, didi, baukari, gukari — хорваты; koranti, kurenti, maškari, maškori, pusti, pustjaki, fašenki, šeme, orači — словенцы) ходили по селам в течение всего мясоеда; особенно в конце масленичной недели.

Шествия ряженых были широко распространены еще в первой половине XX в., а в отдельных областях страны, особенно в Словении (окрестности Птуя, Доленско и др.) и Хорватии (Конавле и др.), они сохранились и в наши дни. У католиков Югославии маскарадные, карнавальные элементы в масленичной обрядности представлены ярче и многообразнее, чем у православных. М. Гавацци указывал, что сначала карнавальные празднества справлялись горожанами и уже из города распространились в село.

Крестьяне, как правило, охотно принимали ряженых, так как считали, что они приносят благополучие. Им дарили подарки, иногда немного денег, а чаще вино и съестное. Если же случалось, что ряженых встречали негостеприимно, то те публично срамили хозяев и даже желали им всяческих несчастий. Некоторые югославские ученые, например П. Петрович, видят в обычае одаривания стремление умилостивить демонов через посредство ряженых, которые своим необычным видом и вольным поведением как бы демонстрировали свою причастность к нечистой силе.

Оглушительный шум — музыка, перезвон колокольчиков и вериг, громкие выкрики — возвещали о начале маскарадного шествия. Ряженые задевали прохожих, норовили измазать их сажей и обсыпать пеплом и т. д. В с. Доня

Врбава (Чачак, Сербия), например, трое ряженых мужчин (*мачкаре*), один из которых изображал невесту, а двое других — сватов, вели беседы эротического содержания. После обхода села и сбора даров мачкаре, а также замужние женщины и женатые мужчины собирались в определенном месте села и устраивали различные эротические игры.

Маскарадные процессии — в селе их бывало и несколько — обычно насчитывали до 10, а иногда до 40 человек. В некоторых же селах ряженые ходили по одному, как, например, *дедо* в Маевице (Босния и Герцеговина), *Пехтра* (*Перхта*) в Корошке (словенцы). Пехтру обычно изображал мальчик, лицо которого было закрыто темным сукном с прорезями для глаз и носа. Он молча входил в дом, принимал дары и уходил. В обычае был обход ряжеными соседних сел. Если в селе или на дороге встречались две или более группы ряженых, то нередко они затевали между собой драки. Первоначально в процессии ряженых участвовали мальчики, юноши и молодые мужчины, а впоследствии и девочки и даже молодые женщины. В ряде областей, особенно в последнее время, в шествии ряженых принимают участие главным образом мальчики.

Участие в карнавальных шествиях считалось делом почетным, к ним тщательно готовились. Характерным для масленичного ряжения было переодевание мужчин в женскую одежду; бывало и наоборот, как, например, в Конавле. Как правило, надевали старую, рваную одежду, специально вымазанную сажей, дегтем и т. д. Было принято также рядиться в различные одежды из овчины, надетые мехом наружу. Маскарадные костюмы были «украшены» колючими

Ряженые мачкаре (Сербия)





Сербские масленичные маски

ветками, хвостами животных, пестрой бумагой, колокольчиками; подпоясывались чаще всего цепями.

Маскарадных персонажей в масленичных процессиях было много, чаще всего их образы заимствовались из реальной жизни. Это были священнослужители, судейские чиновники, врачи, жандармы, сборщики налогов, разбойники, коробейники, турки, солдаты, цыгане и др. Особенно распространенными были фигуры деда и горбатой бабы с метлой, нередко с куклой-ребенком в руках. Значительно реже в масленичных процессиях встречались ряженые, изображающие дьяволов, фей, злую бабу Перхту, смерть и т. д. Самодельные или покупные маски ряженых были самые разнообразные — от простейших, сделанных из густой вуали, платков, лент или раскрашенной бумаги, до сложных раскрашенных масок из дерева, нередко с искусной резьбой, или из кожи и даже железа. Среди зооморфных масок особое распространение получили маски с рогами.

Самыми распространенными масленичными ряжеными в Словении (Штайерско), шествия которых наблюдаются и в наши дни, были *коренты* или *куренты*. Куренты — мальчики и юноши, подскакивая, вертясь и звеня колокольчиками, движутся по деревне и заходят в дома. Они одеты в вывернутые мехом наружу овчины, пестрые шерстяные носки; в руках — палка (*ježevko*), с прикрепленной на конце шкуркой ежа. Главный элемент костюма курента и его гордость — шапка-маска, которая так же, как и колокольчики, переходила от отца к сыну. Считалось, что сверхъестественная сила курента заключена в шапке; потерять ее или допустить, чтобы ее сняли с головы, — позор для курента. Верхняя часть шапки — из лохматого меха, с вороньими или индюшачьими перьями и двумя коровьими рогами, или двумя палочками, украшенными пучками перьев и лентами. Нижняя часть шапки, собственно маска, сделана из дубленой раскрашенной кожи. Нарисованы рот и глаза, выкрашенные яркой краской, изо рта высовывается длинный красный язык; так же ярко раскрашен и длинный кожаный нос; искусно нанизанные нитки фасоли имитируют зубы, а пучки сухих растений, например мяты, — усы. В процессии курентов обычно находился «черт»—ряженый во все черное или красное. Отдельные ряженые в маскарадных процессиях изображали животных: ре-

альных — лошадь, осла, медведя, волка, тура, верблюда и фантастических.

Особое место в масленичных обрядах в Хорватии, главным образом в ее западных областях, и Словении занимает образ собственно карнавала (karneval, krnjo, krnješe — Далмация; pokladna baba — Славония; pust, korent, korant, kurent, slamnik, slamnati mož и т. д. — Словения, Истрия, Приморье). Это была большая, иногда в рост человека кукла, набитая соломой и тряпьем, с головой из большой тыквы (Славония), или глиняного горшка (Словения), или дерева (Словенская Истрия) и т. д. В последний день масленицы ряженые обычно вносили чучело в дома, и хозяева лили в рот карнавала вино, которое попадало в сосуд, помещенный внутри него. Во вторник, а в ряде областей Хорватии и Словении (например, в Истрии, Славонии, Каставщине, Корошке, Доленско и т. д.) в среду устраивали расправу над пустом. Этот обычай кое-где, например в Конавле, сохраняется и в наши дни. Известно несколько вариантов похорон пуста: так, в Словении его закапывали, топили в реке, расстреливали, сжигали. К месту похорон пуста собиралось множество народу, играли музыканты, молодежь пела, танцевала. На похоронах пуста присутствовал «врач», если пуста считали больным, или «адвокат», если он представлялся преступником, и его «жена» или «родители», безуспешно умоляющие о пощаде. Расправа над пустом — пережиток язычества, символизирующий, как предполагают, победу лета над зимой. Одновременно, как совершенно правильно подчеркивает югославский этнограф Н. Курет, этот обычай был как бы проявлением общественной критики, правом масленичных масок вершить суд над действиями общины в истекшем году. Особенно ярко это раскрывалось в стихотворных театрализованных сценах суда над карнавалом, предшествующих его похоронам.

Почти всегда на масленицу ряженые изображали свадьбу и свадебный поезд (мачкаре, оле, олалиjа, *дивља свадба* — сербы, черногорцы; svati, svatove — хорваты; svatovski prevoz, borovo gostüvanje — словенцы). С веселыми шутками, музыкой, песнями и плясками они ходили или ездили верхом на ослах, лошадях или в повозках по селу, собирали дары. В лесу у срубленного дерева, очищенного от сучьев и красиво украшенного лентами, «поп» совершал шуточный обряд венчания. В заключение устраивалось коллективное пиршество. Особенно торжественно шуточные свадьбы проводились в Словении (Прекмурье) в те годы, когда в деревне не было настоящих свадеб.

Наряду с такими развлекательными действиями иногда разыгрывались унизительные, жестокие сцены. В Словении и Хорватии до недавнего времени публично высмеивали парней и девушек, достигших брачного возраста, но не вступивших в брак. Их сажали в свиное корыто и волокли его по деревне или они сами тащили корыто, бревно или солому; в других случаях клали бревно у их дома или ставили на крышу фигуру соломенного деда и пр. В литературе высказывается мнение о связи масленичных свадебных игрищ с божеством плодородия.

Отчетливо прослеживается в различных масленичных обычаях и обрядах отражение земледельческого культа — особенно в обычаях имитации пахоты и сева. Такие обычаи бытовали среди хорватов (например, в Славонии и Междумурье) и словенцев (Штайерско, Доленско, Нотраньско и др.) вплоть до второй мировой войны. Из числа ряженых выделялась группа пахарей (orač, plužar) в 3—8 человек. С плугом и бороной они обходили село, как бы опахивая его, заходили во дворы, где мужчины проводили борозду, а женщины совершали символический посев репы, кукурузы, проса и т. д. (обычно сеяли

пепел, мякину или песок), за что получали дары — съестное. Плуг волокли сами ряженые, изображающие лошадей, или, как это было еще в первой четверти XX в. в Нотраньско, волы или лошади. При этом пели, шутили и желали хорошего урожая.

Прежде на масленицу (например, в Славонии, в Лепенице — Босния и Герцеговина) ряженые, изображающие волков (vukove) ходили цепочкой, держась друг за друга. К их одежде были прикреплены хвосты животных. Как и другие ряженые, они ходили по домам, где их одаривали, а в последнем доме устраивалась коллективная трапеза.

Обычай масленичного ряжения был широко распространен в Югославии еще перед второй мировой войной; в наши дни он забывается и исчезает. В некоторых областях этот обычай трансформировался; при сохранении старой формы в него вкладывалось новое содержание. Так, в Словении (Бочна) после второй мировой войны на масленицу по селам ходила процессия ряженых и как бы нарекала имена всем вновь построенным домам[7].

Коллективные трапезы с обильной едой были характерны для масленицы и особенно для ее последних дней, когда все ели и пили как можно больше. В Словении (окрестности Целье) считали, что, если на масленицу кто-либо, человек или скотина, будет голоден, то он будет страдать весь год. Было в обычае собираться всей семьей или несколькими родственными семьями (например в Македонии) за обедом или ужином. Устраивались и коллективные общесельские трапезы.

В последние дни масленицы православные прежде ели главным образом молочные продукты, а католики готовили жирную пищу из свинины; свиная голова была у них ритуальным масленичным блюдом. Недаром эти дни словенцы называли mastna nedelja или debelnica (masten — жирный; debel — толстый). У сербов Срема, Бачки, Лесковацкой Моравы было принято на масленицу есть кур. Ели вареные яйца, яичницу, жарили гренки в яйце. Чтобы весь год быть здоровым, утром ели хрен (хорваты — Иванец и др.).

В некоторых областях символически кормили диких животных и силы природы. В Македонии, например, «звали медведя на ужин» и специально для него готовили мамалыгу (*качамак*) или слоеный пирог (*мазник* — в Радовиш); в Струге на обед звали ветер[8].

У сербов, черногорцев и македонцев в последний день масленицы было в обычае мириться друг с другом, просить у членов семьи и общины прощения; в Македонии это называлось *прочка* или *прошка* (прошка — прощение). В Банате ритуал прощения совершался у костров, горевших на улице[9].

В весеннем цикле значительное место занимали обряды, связанные с культом предков. Так, например, у православных в одну из недель мясоеда (*задушна недеља*) поминают усопших. В эти дни читают поминальные молитвы в церкви и на кладбище, посещают кладбища, на могилах зажигают свечи, пьют вино, едят и оставляют пищу, устраивают поминки. Эти обычаи или отдельные их элементы в значительной мере бытуют и в наши дни как в деревне, так и в городе.

В селах Болеваца (Сербия) прежде на масленицу жгли общесельский костер, дрова для которого заготовляли семьи, похоронившие в истекшем году кого-либо из своих близких. Вечером у костра собирались односельчане, приносили с собой питье и еду (молоко, яйца, мед и др.), ели, а потом веселились до зари. В селах северо-восточной Сербии на масленицу, также у костра, устраивали коллективные поминки (*привег*) по людям, умершим семь лет назад.

В масленичном цикле хорватов и словенцев прослеживается лишь косвенная

связь с культом предков. Некоторые ученые, например Ш. Кулишич, считают, что с образом бабы и разыгрыванием свадьбы связано божество плодородия и пережитки культа предков. С культом предков связывают и шествия ряженых волков, в которых, по народным верованиям, могли воплотиться души умерших. Высказывается также мнение, что вообще шествия масленичных ряженых аналогичны зимнему колядованию и что те и другие связаны с культом предков (С. Зечевич) [10].

Немалое место среди обрядов масленичного цикла занимали различные магические действия, направленные на плодородие земли и скота, здоровье людей и защиту от действий злых сил.

В Сербии, Черногории и Македонии после масленичного ужина, когда вся семья собиралась вместе, подвешивали над столом на бечевке вареное яйцо и раскачивали его по кругу: каждый из присутствующих, либо только дети (например, в Гевгелии — Македония), стремился прикоснуться к нему губами или зубами. Верили, что этот обычай (он называется *ламкане, хамкане, амкајне, клоцање*) способствует хорошему урожаю, увеличению поголовья скота и птицы и т. п. Было распространено поверье, что, если так же, как яйцо, подвесить тлеющий уголек и подуть на него, то это принесет здоровье людям и скоту.

В Ново-Винодолском было в обычае на руку соломенной куклы, изображающей мясопуста, вешать большой калач, куски которого бросали в толпу. Считалось, что этот калач приносит счастье и благополучие.

В ряде мест Словении посуду, бывшую в употреблении в последний день масленицы, не мыли, а во время сева сеяли из нее — верили, что это принесет богатый урожай. Различные магические действия исполняли и для плодородия деревьев. Их трясли, обвязывали веревкой, неплодоносящее дерево «наказывали», положив на его ветви камни. На масленицу имело место и ритуальное кормление скота и птицы зерном и хлебом, специально хранившимся с рождественского стола.

Особое значение в масленичных обрядах, призванных вызвать плодородие, придавалось различного рода быстрым движениям. Так, в Словении на масленицу все, и стар и млад, должны были плясать и прыгать, чтобы хорошо уродилась репа, причем, чем выше подпрыгивают танцующие, тем обильнее будет урожай. С этой же целью плясали и подпрыгивали ряженые в Междумурье (Хорватия). В Словении было распространено поверье, что катание на санях, коньках и лыжах способствует выращиванию обильных урожаев. Считалось, что качание на качелях, на канатах, сплетенных из растений, или непосредственно на ветвях деревьев также способствует плодородию земли, здоровью людей и борьбе со злой силой. Этот обычай прежде был распространен среди всех народов Югославии в определенные дни — чаще всего на масленицу и юрьев день, а в отдельных областях — на сретение, на пасху и во время предшествующего ей поста, в период от юрьева до петрова дня и на рождество. Качели — на них катались дети и взрослые прежде обычно устраивались во дворах, в огородах, на лугах, на нивах, в домах, на скотных дворах, на перекрестках дорог, в лесу или в местах сельских игрищ и развлечений. Для них выбирали плодоносящее и зеленое дерево. Верили, что зеленая ветвь в руках у качающегося принесет здоровье (Македония). Смысл этого обычая, соблюдающегося в ряде областей и в наши дни, давно забыт; уже с конца XIX в. он стал превращаться в простую забаву, в которой охотно участвует молодежь и люди старшего возраста.

Защитно-предохранительные функции масленичных обрядов тесно связаны с магией плодородия. Примером такого

синтеза могут служить действия с огнем.

В Сербии, Черногории, Македонии и частично Боснии и Герцеговине значительное место в масленичной обрядности занимал огонь. Жгли факелы и костры (*лила, олала, олеле, олалиjа, рана, букара, ватриште, караваштице, привег, оратница, машала, орта-копе, гулема ора-копа*), у которых собирались и для поминовения умерших родственников и односельчан, и для защиты себя и имущества от возможных козней нечистой силы, и просто повеселиться. Обычай жечь костры почти повсеместно сохранялся до второй мировой войны, а кое-где и до 1950-х годов. Костры раскладывали во дворах домов и на улицах. Вокруг них собирались дети, молодежь и взрослое население. Здесь пели, танцевали, мазали лица сажей или чертили на них угольками крестики, перепрыгивали через затухающий костер, а детей переносили матери, «чтобы были здоровыми».

Среди сербов, черногорцев и частично словенцев (Доленско) было в обычае на масленицу собирать и сжигать мусор, «чтобы изгнать нечистую силу из дома». Для получения хороших урожаев с горящими факелами обходили поля и сады (например, в Алексинацком Поморавье). В Хорватии и Словении действия с огнем сводились обычно к сжиганию мясопуста и сопутствующим этому обычаям. Словенцы Горенско во время сжигания мясопуста зажигали метлы, обмазанные соломой, считая, что, чем выше летят искры, тем выше вырастет лен; хорваты Славонии, возвратясь домой после «суда» над мясопустом, зажигали фонарь, даже если было светло.

Среди народов Югославии было распространено поверье о том, что выполнение или, наоборот, воздержание от отдельных работ на масленицу защитит людей и скот от враждебной сверхъестественной силы и других врагов и может вырастить и собрать хороший урожай. Нередко предписывалось выполнять именно те работы, которые диктовались циклом сельскохозяйственного календаря: вывозить навоз на поля, готовить семена, расчищать сады и т. д.

Особенно много поверий было связано с запретами работ на масленичной неделе. На земле старались не работать, так как, по народным верованиям, земля в это время спит. Женщины не должны были шить, прясть, чтобы уберечь хозяйство от разных напастей.

Функция защиты села и всех его обитателей (людей и животных) от болезней и прочих бед выполнял и описанный выше обряд опахивания села. Апотропеическое значение круга прослеживается и в обычае кормить кур на масленицу, насыпав зерно в обруч (словенцы).

Верили, что железные предметы предохраняют от нечистой силы, и поэтому в двери вонзали ножи, вешали на них цепи (сербы, черногорцы). Защитные функции приписывались разным шумам. Считалось, что чем больше шума и треска на масленицу, тем лучше изгоняется нечистая сила. Вот почему ряженые носили колокольчики, вериги, трещотки и т. д. Было в обычае громко хлопать кнутом (Словения — Птуйско Поле), стрелять из ружей у домов (Сербия, Черногория), с шумом точить и отбивать косы (Словения — Штайерско, Доленско), стучать колотушками (сербы Срема) и т. д.

Подобными же свойствами наделяли ритуальную масленичную еду. Словенцы и хорваты особую силу приписывали жиру и костям свинины, а также воде, в которой она варилась. Этой водой (benediktova voda) кропили поля для защиты их от сорняков, ее хранили и использовали как лекарство (Словения).

Особую роль в борьбе со злой силой сербы и черногорцы отводили чесноку и яичной скорлупе; чеснок ели после ужина, им мазали ноги, руки, грудь, его

и яичную скорлупу носили в карманах или толкли и сжигали.

Еще в конце XIX и начале XX в. в масленичных обрядах прослеживались элементы жертвоприношений. Так, например, у сербов и хорватов было принято на масленицу резать кур, причем часто их резали на пороге дома. Отрубали им лапы и здесь же закапывали (например хорваты Прелога), или отрубали голову и бросали ее в очаг (например, сербы Срема и Бачки), или обходили дом, держа в руках зарезанную курицу, а лапы ее закапывали в саду (например, хорваты окрестностей Карловца) и т. д. Все это происходило у дома, так как крестьяне верили, что этими действиями им удастся задобрить сверхъестественную силу, и она не причинит им бед [11].

На масленицу были в обычае гадания, хотя они не получили такого распространения, как, например, на рождество. Гадали преимущественно девушки о своих суженых, о том, кто из них первой выйдет замуж, и т. п. Были и гадания, связанные с циклом сельскохозяйственных работ [12].

Сразу же после масленицы, с ее весельем и обильной едой, наступал пост (*велики* или *ускршни пост* — сербы, черногорцы; *часни пост* — сербы, черногорцы, хорваты; *баба Коризма* — черногорцы; *велигденски пост* — македонцы; korizma — хорваты; korizem, sredopost — словенцы и т. д.). Пасхальный пост длился семь недель, каждая из которых имела свое название. В народном быту это нашло отражение в обычае вешать в доме семь палочек или лучин, по истечении каждой недели соответствующую ей палочку снимали. Пост перед пасхой отличался не только своей длительностью, но и строгостью — не было слышно песен и музыки, и даже за громкий смех взрослые бранили детей; женщины и девушки, особенно католического вероисповедания, носили одежду темных тонов, без украшений.

Верующие строго постились: в прошлом наиболее набожные весь пост ели только хлеб с водой, не пили вина, в течение всего поста или в определенные дни не курили [13]. Чтобы дети не просили скоромного, их пугали бабой Коризмой, олицетворявшей пост, — черной, худой всезнающей старухой, которая может стать невидимой. Уже в 20—30-х годах XX в. соблюдение пасхального поста, как, впрочем, и других постов, становится менее строгим — их придерживаются лишь старики и женщины, да и те нередко постились только первую и последнюю неделю.

У православных пост начинался в понедельник (*чисти понедељак*), а у католиков — в среду (čista sreda, pepelnica). В первый день поста женщины иногда, как это было принято, например, у паштровичей (Черногория), вместе с молодыми мужчинами убирали дом, стирали белье, купали детей. Было в обычае надевать все чистое. У сербов и черногорцев бытовало поверье, что все работы, начатые в этот день, будут удачны, поэтому ходили на поля и бросали там горсть жита, «чтобы сорняки не засоряли поля», подрезали виноградные лозы, «чтобы хорошо уродился виноград», вывозили на поля навоз, были запреты на те или иные работы. Много запретов касалось пищи. В Сербии и Черногории в этот день не ели ложками, а иногда и ножами и вилками — верили, что в противном случае птицы выклюют посевы.

В этот же день готовили ритуальные блюда, неодинаковые в разных областях. У сербов Болеваца было принято, например, есть вареную крапиву, которую, как и некоторые другие растения, — орех, кизил, верба, липа, дуб, чеснок, валериана, ежевика и т. д., не без основания наделяли чудодейственной силой здоровья и защитными свойствами.

К первому дню поста были приурочены магические действия плодоносного

и апотропеического характера, нередко еще органически связанные с подобными же действиями на масленицу. Было распространено поверье, что будешь весь год чистым и румяным, если вымоешься в первый день поста, соблюдая определенный ритуал.

В первый день поста совершались ритуальные действия с огнем (сербы, черногорцы и македонцы) или пеплом (хорваты и словенцы). У сербов и черногорцев было принято жечь мусор у дома, обходить дом с зажженной тряпкой, чтобы предохранить его от вредных насекомых и пресмыкающихся; разжигать в огороде костер. Католики благословляли пепел в церкви, священнослужитель чертил им крест на лбу прихожан. Пеплом посыпали семена, поля, дома, хозяйственные постройки, закапывали его у порога дома и т. д., считая, что он поможет от многих бед, например, предотвратит пожары, грозы, уничтожит вредителей полей.

Не все забавы масленицы уходили с ее последним днем. В отдельных областях, например у сербов Лесковацкой Моравы, в первый день поста, как и на масленицу, происходило ритуальное катание на качелях. В ряде областей Словении (Прекмурье, Штайерско, Доленско) в этот день было в обычае срамить засидевшихся невест. Высказывалось предположение (Н. Курет), что этот обычай прежде был характерен именно для пепелницы и только позже его перенесли на масленицу. Как уже было указано, в ряде мест Хорватии и Словении именно в первый день поста устраивали веселую церемонию расправы над мясопустом.

В первый день поста обходы ряженых имели место и кое-где в Сербии и Черногории. В Хорватии (в Междумурье) на пепелницу дети совершали обходы села подобно тому, как это делали коледники.

У хорватов и сербов (главным образом в северо-восточной Хорватии и Боснии, например в Маевице) в первый день поста было в обычае принимать первого посетителя (*квочка*, kvocanje, prevnica, premlica и т. д.), обходившего дома с пожеланиями счастья, и одаривать его. Однако подобные обычаи более характерны для периода зимних календарных праздников [14].

Особыми обычаями народы Югославии отмечали середину поста (*средопосна недеља* — сербы, черногорцы; sredpostna, sredopostna nedelja — хорваты, словенцы), и в частности, среду (*средопосница*, *средопосна среда* — сербы, черногорцы; sredopostna sreda — хорваты; praznik, otke, verkovnica — словенцы). На этой неделе у католиков даже несколько смягчался пост и устраивались забавы. Так, например, в Словении был теперь уже исчезнувший обычай baba žagajo: делали женскую фигуру из дерева или соломы, потом ее разрезали или распиливали, а нередко бросали в воду. Этот обычай, очевидно, имеет связь с уничтожением фигуры карнавала на масленицу.

Повсеместно исполнялись обычаи, характерные для магии плодородия. В Словении, например, крестьяне на рассвете шли в поле, бросали в землю лемех, а вечером вытаскивали его. Если на нем появлялась ржавчина, это считалось предвестником хорошего урожая. Этим лемехом, украшенным плющом, начинали первую пахоту. В Сербии было принято пересчитывать припасенные яйца; часть их отделяли для пасхи, другую часть — для будущих наседок, полагая, что эти цыплята будут особенно удачны. В некоторых областях, например в Лесковацкой Мораве, бытовало поверье, что в текущем году будут успешно проведены все работы, если орудиями труда (лемехом, иглой, веретеном и т. д.) прикоснуться к яйцу. В этот день здесь не исполняли тяжелых работ, готовили ритуальную пищу — варили початки кукурузы. В некоторых областях Сербии и Черногории

жарили яичницу, считая, что это способствует хорошему росту цыплят [15].

На время пасхального поста приходилось и несколько праздничных дней: тодорова суббота (1 марта), день 40 мучеников, благовещение, Лазарева суббота, вербное воскресенье. Одни из этих праздников отмечались только по народному календарю (1 марта), другие — и по народному и по церковному.

Сербы, черногорцы, македонцы праздновали субботу первой недели поста — *тодорову, или теодорову субботу* (*тодорица, тудурица, конски велигдан*), по которой и вся неделя иногда называлась тодоровой. Этот день считался праздником скота, особенно лошадей, его даже называли иногда «конской славой» (праздник в честь лошадей известен также хорватам и словенцам, но они отмечали его на второй день рождества, в день св. Степана). Еще до восхода солнца юноши и мужчины, иногда в масках, соревнуясь в силе и ловкости, объезжали вокруг церкви, скакали по селу и его угодьям. Гривы и хвосты их лошадей были заплетены и украшены. Крестьяне одаривали участников этой процессии; вечером они устраивали коллективное застолье. Как правило, в этот день не работали, особенно строго следили за тем, чтобы не работали с лошадьми.

На тодорову субботу пекли ритуальные калачи, готовили специальные блюда, например вареные початки кукурузы и зерна пшеницы; их ели люди и скот, их бросали и на поля (например в Лазарополе — Македония). «Чтобы волы и коровы были здоровы», им мазали шею и грудь вареной кукурузой, фасолью и чесноком. Тодорова суббота отмечалась и как день защиты от змей. По народным представлениям, образ змеи двойствен: добрый или злой. В последнем случае она как бы олицетворяла собой всю нечистую силу, с которой нужно было бороться. С этой целью исполняли много магических действий, приуроченных к различным дням календаря, в том числе и к тодоровой субботе, так как, по поверью, в этот день змеи покидают свои зимние убежища. Чтобы они не приближались к дому, рано утром возле него жгли мусор; окуривали скот дымом тлеющего навоза; бросали камни от порога дома; стучали в металлические предметы; втыкали иглу в полотно или водили ею по камню; женщины не занимались ручными работами и т. д.[16]

Многочисленные обычаи и обряды, связанные с пробуждением и обновлением природы, с надеждами на урожай, на благополучие семьи и дома, приходились на начало марта. Пережитки этих обычаев и сейчас еще сохраняются или сохранялись до недавнего времени у сербов, черногорцев, македонцев и мусульман южнославянского происхождения. Различные действия магического характера (запреты работ, ритуальное умывание, гадание и т. д.) исполнялись 1 марта (по грегорианскому календарю) — *летник, летна, пролетњак, марач, марта, мартеница, прва марта, прваен мартов, змиjин ден* и др. Много обычаев было связано с огнем — орудием борьбы со злыми силами вообще, а в этот день особенно со змеями, мышами и насекомыми. Повсюду, во дворах домов, на улицах села жгли мусор, разводили костры, перепрыгивали через них, окуривали дома различными растениями. У мусульман Титограда еще в 1930-х годах дымом горящего навоза окуривали все комнаты дома и пороги, чтобы не было змей и вредных насекомых.

Магическую силу придавали и некоторым растениям: было в обычае собирать и приносить домой растения, а с веточки кизила съедать почки. Накануне 1 марта двери и окна украшали разными растениями. В Черногорском Приморье, например, молочаем, для увеличения надоя молока у коров. Веточки прикрепляли к изголовьям постелей всех чле-

нов семьи, а те, просыпаясь, дотрагивались до них, что сулило здоровье (македонцы).

Как и на рождество, ходили по домам, поздравляли с наступлением весны и желали счастья. Обычно это делали дети, их называли *летничари*, *летничарке*, а иногда и взрослые (так было у македонцев), за что хозяева одаривали их. Верили, что первый посетитель приносит счастье дому, и старались, чтобы им оказался счастливый человек.

Чтобы защититься от злых сил, а также быть здоровыми и красивыми, в Македонии дети и молодежь носили своего рода амулеты — *мартинка*, *марте*, *монак*, *мрнак* — переплетенные цветные нити: их носили на руках и ногах с летника до тех пор, пока не увидят первую ласточку или аиста. С первым днем марта было связано немало гаданий о погоде, урожае и о счастье людей [17].

День 22 марта (*мученици*, *свети*, *40 маченици*, *40 мученика*, *свети читирийсе*, *младенце*) считался праздничным у сербов, черногорцев и македонцев (его отмечали и мусульмане южнославянского происхождения в Македонии) по народному и церковному календарям. В некоторых областях, например в Скопской Черногории, его считали началом нового года. В каждом доме пекли по 40 маленьких калачей (младенчиħи и кравајчиħи) разной формы, смазанных медом и украшенных изображениями веток кизила, ткацкого челнока. Это печение наделяли чудодейственным свойством влиять на деторождаемость. В некоторых областях, например в Лесковацкой Мораве (Сербия), пекли лепешки для пастухов, часть их давали скоту.

Бытовало поверье, что съеденные в этот день 40 зерен вареной пшеницы, мед, вареная крапива, цветки кизила, чеснок, а также выпитые 40 рюмок водки или вина и посеянные 40 корней принесут здоровье, счастье и хороший урожай. С этой же целью жгли костры, перепрыгивали, а детей переносили через них, мазали лица сажей, окуривали скот.

В Сербии, особенно в ее восточной части, был распространен обычай жечь 22 марта большие общесельские костры — *рана*, *ранило*, у которых веселилась молодежь. На рассвете с песнями все шли за вербой или за кизилом. Девушки украшали себя ветками вербы, опоясывались ими, хлестали друг друга веточками, произнося при этом различные добрые пожелания. На двери домов вешали крапиву (например в Гевгелии). Чтобы посевы были высокими и вырос хороший урожай, молодежь качалась на качелях.

В этом празднике сохранились пережитки семейно-родового культа; молодые невестки посещали родительский дом (Лесковацкая Морава). В некоторых областях, например в Алексинацком Поморавье (Сербия), в 1940-х годах распространился обычай дарить подарки молодым, вступившим в брак в истекшем году. По мнению югославского исследователя Д. Антониевича, этот обычай характерен для горожан и уже от них был заимствован крестьянами [18].

И католики, и православные, и славяне-мусульмане отмечали праздник благовещения (*благовести* — сербы, черногорцы; *благовец* — македонцы; blagovest, blagovijest, svečica, sadovnica, marčenica — хорваты; marijino oznanjenje — словенцы). По церковному календарю этот день посвящен деве Марии, а по народному — борьбе со змеями. Многие обычаи благовещения сходны или даже повторяют обычаи, имеющие место в день *младенце*, — таковы запреты определенных работ, обычаи с огнем, катание молодежи на качелях. Особенно строго этих обычаев придерживались женщины. Для защиты от змей в Сербии и Черногории многие до восхода солнца шли к реке или источнику, где умывались, соблюдая определенные церемонии. Освященной в церкви водой

кропили дом, хозяйственные постройки, землю (например словенцы в Нотраньском).

На благовещение выполнялись некоторые виды сельскохозяйственных работ: подготовка семян к севу, прививка фруктовых деревьев и т. д. В Сербии и Черногории для того, чтобы лучше роились пчелы, в ульи или между ними клали череп вола или лошади. Чтобы спасти скот от укусов змей, губы и вымя коров мазали остатками масленичной трапезы; в Герцеговине накануне скоту давали чеснок с солью. Сербы и черногорцы прогоняли скот между двумя кострами или свечами, зажженными от высеченного из кремня огня (*жива ватра*), верили, что в течение года скот не будет погибать от эпизоотии; в некоторых областях, например в Темниче (Сербия), при этом скот перекрещивали палкой, испачканной сажей от этого костра. Верили, что целебной силой обладает пепел от костров; так, например, в Лесковацкой Мораве его хранили и мазали им детей, когда они заболевали.

Магическую силу приписывали и растениям — женщины украшали ими себя (Лепеница и другие области), втыкали веточки лавра на поля (мусульмане Черногорского Приморья), натирали крапивой вымя коров и овец (сербы, например, в Алексинацком Поморавье).

С благовещением были связаны различные приметы о погоде и урожае. Считалось, что при определенных условиях в этот день люди получали дар понимать язык животных и видеть зарытые в земле клады. Верили, что на благовещение можно опознать всех ведьм села [19].

Сербы, черногорцы и македонцы отмечали субботу перед вербным воскресеньем (*лазарева субота, цветна субота, врбица*). Большинство обычаев этого дня повторяли обычаи младенце и благовещения. Его также считали днем защиты от змей; совершались различные магические действия — запрещалось работать, зажигали ритуальные огни, ходили вокруг домов, стучали в металлические предметы. В этот день готовились к вербному воскресенью. Дети ходили в леса и луга за цветами и ветками, особенно популярны были ветки вербы и кизила. Растения относили домой, в школу и церковь.

У сербов и македонцев в лазареву субботу и вербное воскресенье, подобно тому, как зимой это делали коледники, по домам ходили группы (3—11 человек) девушек или девочек — лазарицы (*лазарице, лазарке*, лазарħе, лазарките). С середины XIX в. участниками таких процессий становятся по большей части цыганки. В день праздника девушки надевали нарядные платья, нередко белые, украшали их красивыми платками, полотенцами, дукатами, цветами, зеленью, иногда подпоясывались ветками вербы. Украшались корзины для сбора даров, большие ножи, сабли или пестро раскрашенные палочки.

Лазарицы обходили все дома села, иногда минуя те, которые были в трауре, перед каждым из них останавливались, танцевали, пели ритуальные песни о счастье, плодородии. Главные действующие лица процессии — *лазар* и *лазарица* — исполняли ритуальный танец, скрещивая при этом сабли. Хозяева одаривали девушек. В некоторых областях, например в Струге, лазарицы, одна из которых была одета в костюм невесты, собирались также на перекрестках улиц и *лазуровали* всем прохожим, за что также получали дары. Здесь процессии лазариц ходили три дня, начиная с пятницы. После исполнения обряда они устраивали коллективную трапезу или все собранное делили между собой. Изредка (например в Голо Брдо — Македония) лазуровали мальчики, исполнявшие мужские и женские роли.

Эти обычаи распространены довольно широко еще в начале XX в.; после второй мировой войны они почти исчезли, хотя в некоторых селах Сер-

бии, например в Алексинацком Поморавье, Воеводины (Срема) и Македонии, они сохраняются и в наши дни [20].

Важнейшие обряды, приуроченные к вербному воскресенью (*цвети*, *цвиjети*, *цветна недеља* — сербы, черногорцы; *цветници*, *врбница* — македонцы; cvetnica, cvetnica, cvitnica, cvetna nedelja cvjetna nedilja, maslinica, uličnica, palmine — хорваты, словенцы), которые прежде широко отмечали и православные и католики, связаны с растительным миром, что вообще было характерно для весенних праздников. Чтобы защитить дом со всеми его обитателями, скот, посевы и прочее имущество, например от грома, молодую зелень вносили в дом и в хозяйственные постройки, вешали на окна, двери, колодцы, относили на поля, в сады и т. д. В Герцеговине пастухи украшали травой хлевы и загоны для скота, чтобы было больше молока. Был распространен обычай украшать себя цветами и другими растениями, например крапивой, опоясываться ветками вербы, съедать листик или почку маслины, кизила или иного растения. Считалось, что это избавит от болезней, принесет здоровье, а девушкам еще и скорое замужество. В Приморье девушки украшали цветами также своих родственников, а если они были помолвлены, то и будущего шафера. У сербов и черногорцев в этот день парни и девушки собирались вместе и дарили друг другу цветы; у хорватов Адриатики, например на острове Чиово, парни приносили цветы к дому девушек. В Славонии девушки в сопровождении мужчины обходили село, заходили во дворы парней, которых они хотели бы видеть в роли женихов, украшали цветами колодцы.

Чудодейственные свойства приписывались и ритуальному умыванию водой, в которую клали различные цветы и растения, а также крашеные яйца, монеты, кольца и другие предметы из серебра (сербы, черногорцы). В вербное воскресенье священнослужители благословляли принесенные прихожанами растения, которые после этого якобы приобретали еще большую способность защищать от злых сил и приносить благосостояние и здоровье. Это могли быть отдельные ветви (сербы, черногорцы, хорваты Адриатики) или украшенные цветами, пестрой бумагой и лентами венки (например, хорваты острова Паг), ветви, сплетенные в виде корзин (западная Хорватия), крестики из украшенной розмарином лозы (Черногорское Приморье и др.), большие охапки ветвей или сложные конструкции из ветвей, сплетенные наподобие арки или свода (словенцы). Освященную в церкви зелень хранили в течение всего года и прибегали к ее помощи в случае различных несчастий — болезней людей и скота, стихийных бедствий. Зелень или кресты из нее втыкали в первую борозду (Нотраньско, Белая Крайна), выгоняли ею скот на первый выпас (Прекмурье, Доленско, Штайерско и др.), клали у порога выстроенного (Корошка) или в фундамент строящегося дома (Нотраньско), брали с собой, идя к венцу (Корошка), и т. д.

В этот день крестьяне пытались предугадать судьбу будущего урожая. Считали, что ясная погода предвещает хорошее лето (хорваты Лобора) и урожайный год (словенцы Штайерско). Словенцы Прекмурья верили, что если в этот день не замерзает вывешенная на улице мокрая тряпка, то будет хороший урожай льна [21].

Первое апреля считается днем шутки, когда все беспрепятственно могут обманывать друг друга.

Обряды, относящиеся к последней неделе пасхального поста (*велика*, *глува*, *глуха*, *страсна*, *страсна недеља* — сербы, черногорцы; *страсна*, *велика*, *вела недела* — македонцы; veliki tjeden, velika sedmica, vela nedilja — хорваты, словенцы), так же, как и к другим дням весеннего цикла, были направлены на благосостояние и здоровье людей, плодородие земли и скота. Сербы четверг этой недели на-



Масленичная маска. Словения (Югославия)

зывали *ратарски* (земледельческий) *пир*. В эти дни пост соблюдался особенно строго. Все были заняты подготовкой к пасхе, женщины тщательно убирали дома, готовили припасы для праздничной трапезы.

На страстной неделе, особенно в ее первой половине, выполняли некоторые сельскохозяйственные работы, например перекапывали сад, обрезали виноград, сажали цветы, картофель, корнеплоды и т. д.; считалось, что все эти работы будут удачны. Вместе с тем существовало и множество запретов на работы. Они распространялись и на четверги последующих недель, вплоть до спасова, или духова, дня или до начала жатвы. В великий четверг не умывались и не причесывались. В этот день было принято есть крапиву, чтобы быть здоровыми. Этот обычай иногда связывают с церковной легендой о трапезе Христа, но, вероятно, он имеет более глубокие корни в древнейшем культе растений. Определенные виды трав, иногда с солью, добавляли в корм животным.

У сербов и черногорцев в великий четверг выполнялись обычаи, связанные с культом предков. В Неготинской Крайне, например, на могилах жгли бурьян, поливали их водой. Интересен обычай, в упрощенном виде бытующий в северо-восточной Сербии и в наши дни как день памяти об умерших (*пуштање*, или *изливање, воде мртвима за душу*). Подготовка к нему начиналась за 40 дней до великого четверга. В этот день женщины наполняли водой из реки сосуд и выливали ее обратно, при этом называли имя каждого покойника, которому она предназначалась; потом зажигали прикрепленную к палочке свечу, воткнутую в калач, и пускали ее по течению реки. Считалось, что чем дальше проплывет горящая свеча, тем больше воды получат покойные. Примечательно, что, воздав память всем умершим из данной семьи (по три сосуда каждому), воду лили богу, солнцу, луне и т. д., как бы принося им жертву и прося их при этом о здоровье и счастье для живых. После выполнения обряда, здесь же на берегу устраивалась коллективная трапеза.

Важнейшим действием в четверг, субботу, а чаще всего в пятницу было крашение пасхальных яиц (*шарена јаја, бројке, перашке* — сербы, черногорцы; pisanice, pisanci, šarena jaja — хорваты; pirhi, pisanice, pisanke, remenke — словенцы). Крашеные яйца народы Югославии ели не только на пасху, но и в последующие дни, вплоть до троицы. Их красили один раз во время страстной недели и хранили или несколько раз; так, например, в Македонии (Голо Брдо) яйца красили и в пасхальные дни.

Крашение яиц было распространено у всех народов Югославии, включая мусульман, которые или сами красили яйца, как, например, в Черногорском Приморье, или охотно принимали их на пасху в дар от христиан. Если в семьях был траур, то яйца не красили (например в Босанской Посавине) или же красили их в черный (например в Боке Которской) или темные цвета (например сербы в Лепенице). Яйцо считалось источником и символом жизни и плодородия, а пасхальное яйцо, особенно окрашенное первым, наделялось еще и апотропеическими свойствами, о чем свидетельствуют и их названия: *чувар, чувар кућа, стражар, стража, страшник*, что значит «сторож», «сторож дома». Согласно поверью такое яйцо защищает дом и его обитателей от болезни и зла, и поэтому его хранили дома целый год; обмазывали порог тестом с добавлением скорлупы крашеных яиц (Сербия-Левач и Темнич), яйцом терли лица детей; гадали на нем, пытаясь узнать вора в случае кражи (Болевац и др.). Считали, что крашеные яйца способствуют хорошим урожаям, защищают их от града, поэтому их клали на деревья, на землю, в пчельники и т. д. Целебные свойства

приписывали и воде, в которой красили яйца. Этой водой мыли детей (македонцы), обтирали губы молодому скоту, на ней замешивали калач с добавлением одного или двух яиц со скорлупой, который давали скоту как лекарство во время болезней (Болевац). Магические свойства приписывали и скорлупе крашеных, особенно в красный цвет, яиц.

Обычно яйца красили женщины, хотя в отдельных районах, например в Прекмурье, с 30-х годов нашего столетия этим стали заниматься и мужчины. Раньше яйца красили растительными красками, в последнее время все чаще применяют анилиновые красители. Наиболее распространенными цветами были красный, желтый, зеленый, коричневый. Было в обычае не только красить яйца, но и искусно их расписывать, применяя при этом различные материалы и технику: батик, гравировка, протравливание, приклеивание, рельефные украшения и т. д. Яйца расписывали геометрическим и растительным орнаментом; иногда изображали картинки из реальной жизни, писали имена и добрые пожелания. Часто рисовали по три одинаковых предмета, например, три ветви. Техника росписи и орнамент различались не только по отдельным народам, но и по этническим группам внутри него. В наши дни обычай расписывать яйца в значительной мере забыт, обычно их просто красят, лишь иногда прилепляя к ним листья (петрушки, трилистника и т. д.), отпечатки которых видны после окрашивания.

В Словении (Горенско, Нотраньско и т. д.) было распространено верование, что если в четверг или в субботу набрать из источника или реки воду и умыться ею, то станешь красивым и избавишься от кожных болезней. Сербы, например, в Неготинской Крайне собирали цветы, плели из них венки и бросали их в воду, как бы жертвуя их ей.

В православных церквах и монастырях в этот день зажигали большую свечу, называемую свечой пахаря (*орачка свијећа* — в Подринье), или земледельческой славой (*орачка* или *тежачка слава* — окрестности Сараева). У православных же бытовало поверье о том, что будет больше молочных продуктов, если не выносить из дому огонь от великого четверга до вознесения. В этих же целях скот доили до восхода солнца (православное население Боснии и Герцеговины).

В хорватских и словенских селах дети ходили с трещотками и колотушками, чтобы изгнать злую силу. Около домов громко хлопали пастушьим бичом, веря, что чем дальше разносится этот звук, тем дальше всякая нечисть уйдет от дома (Словения); стреляли, ударяли по железным предметам, громко произносили заклинания в доме и хлеву.

В великий четверг, а кое-где в пятницу крестьяне по погоде пытались предугадать судьбу будущего урожая. Были и приметы, связанные со здоровьем и благополучием людей.

Великая пятница (*велики, распети,* или *распорети, петак* — сербы, черногорцы, македонцы; veliki petek, petak — хорваты, словенцы) считалась в народе большим праздником, и обычаи этого дня соблюдались строго. Запреты работ, имевшие место уже в четверг, распространялись почти повсюду и на пятницу, а кроме того, появлялись и новые, запрещалось, например, брать в руки гвозди и иглы. Не работали в поле и мусульмане. Например, в Смоле (Босния) в этот день хозяйки готовили пасхальную трапезу.

Пятница на страстной неделе была днем строгого поста. Старые люди ели только один раз. Существовали определенные ритуальные блюда, которые ели в эту пятницу, различавшиеся по областям. В этот день совершались различные магические действия, направленные на охрану здоровья.

Для среды, четверга и пятницы последней недели поста или одного из этих

дней было характерно ритуальное хлестание ветками. В Славонии (Хорватия) в эти дни по вечерам дома обходили дети с ореховым прутиком — им они изгоняли пост — *коризму*. Почти повсеместно был распространен обычай трясти фруктовые деревья, стрелять около них, громко произносить угрозу срубить дерево, если на нем не будет плодов (подобные обычаи были в Словении и в великую субботу).

В пятницу совершали магическое кормление птиц и свиней в кругу (обруче), «чтобы они не потерялись в течение года» (словенцы); чтобы куры лучше неслись, их кормили различными зернами злаковых, сваренных вместе с перцем (Гевгелия).

Словенцы и хорваты в пятницу приносили к церкви различную деревянную ненужную утварь и дрова, с треском ее ломали, рубили и сжигали. В этот день также существовали определенные приметы, связанные как с плодородием земли, так и с благополучием людей. Так, например, приход в дом чужого человека сулил несчастье обитателям дома (Корошка).

В великую субботу (*велика* или *црвена субота* — сербы, черногорцы, македонцы; vela subota, bila, bijela subota — хорваты, словенцы) не работали, и только женщины были заняты последними приготовлениями к празднику — готовили пасхальную трапезу, пекли ритуальные калачи, а кое-где (Срем, Босния и Герцеговина) и красили яйца. Больше всего магических действий в этот день совершали хорваты и словенцы. Они придавали большое значение освящению пищи, которое совершалось в субботу или рано утром в воскресенье. Освящали хлеб, калачи, яйца, сыр, мясо, хрен, яблоки и другую пищу, в некоторых областях семена зерновых, картофеля и овощей, а также корм для скота и птицы. Предметом гордости хозяек были затейливо украшенные корзины, в которые складывались эти припасы.

В Словении было распространено и освящение воды. Ею кропили домочадцев, постройки, деревья, землю. Верили, что вода предохраняет от болезней и всяческих несчастий, и поэтому ее хранили целый год. В некоторых районах, в окрестностях Бохиня, например, обычаи с водой пережиточно сохраняются и в наши дни. Считалось, что если в этот день умыться проточной или колодезной водой во время звона колоколов (словенцы) или положить накануне в нее различные растения (сербы, черногорцы) и окрашенное яйцо (македонцы), то будешь здоровым и красивым.

Особенно большое место в обычаях великой субботы занимали магические действия с огнем, являющиеся, очевидно, пережитком языческих обрядов, частично вошедших в ритуал христианской церкви. Обычно мальчики или юноши собирались у храмов, где священнослужители разжигали костры, а иногда высекали огонь. От этого огня они зажигали труты или угли, которые в горшочках относили домой, где хозяйка ими разжигала новый огонь в вычищенном очаге или реже бросала их в уже горящий огонь. Бывало, что освящали кремни и зажигалки (в более позднее время). Как и при освящении еды, старались как можно быстрее вернуться домой, соревнуясь друг с другом в быстроте и ловкости; по народным поверьям, победа в этом соревновании предвещала быстрое проведение покоса и жатвы. Такому огню приписывались чудодейственные свойства против пожара, грозы и т. д., и поэтому им окуривали дом, хозяйственные постройки, поля и прочее имущество. Огонь, зажженный в этот день в очаге, не должен был затухать в течение определенного времени (до троицы или до вознесения). Угасание предвещало дому несчастье, и поэтому за очагом внимательно следили днем и ночью.

Апотропеическими свойствами наделяли также костры (vuzmenke, vuzem-

nice, vuzmice, vuzemlici, vazmenke), которые было принято жечь на берегах рек, полях, на холмах с субботнего вечера до пасхального понедельника (северо-западная Хорватия, северо-восточная Словения). Зажигали большой костер (его часто выкладывали крестообразно), достигающий в высоту 6—7 м, а иногда — один большой и 12 маленьких (Прекмурье). Вокруг них собирались крестьяне, пели песни религиозного содержания, а молодежь веселилась. В Словении (Савинская долина и Птуйско-Поле) прежде было принято жечь костры у каждого дома или группы домов. На Корошке парни и мужчины обходили поля с большими факелами, а потом уже шли к общему костру. Зажигая пасхальные огни, старались, чтобы было больше дыма, так как верили, что дым отгоняет ведьм, болезни, морозы. Магию плодородия и защиты приписывали и пепелищу костров: через них перепрыгивали, проводили скот, погасшие угли относили на поля.

В средней Хорватии в пасхальную ночь по селам ходили процессии мальчиков или девочек (križari, križičari, križarice). Стрельба из ружей (католики это делали вечером в субботу, православные — в пасхальную ночь), щелканье бичей, звон церковных колоколов, шум возвещали о наступлении пасхи[22].

Пасха (*ускрс*, *васкрс*, *васкресење*, *великдан*, *велигден* — сербы, черногорцы, македонцы; uskrs, vazam, vuzem, vüzem, velika noć — хорваты, словенцы) — один из важнейших церковных праздников, к которому, впрочем, как и к другим праздникам, были приурочены древние магические действия.

Празднование пасхи прежде длилось два—три дня; следующее воскресенье после пасхи называлось *млади ускрс* или *мали ускрс*.

После церковной службы начиналось праздничное веселье — люди собирались большими группами, пели, танцевали, качались на качелях. Однако во многих областях, особенно у католиков, настоящее веселье наступало с понедельника. В Македонии (например в Порече) на второй, а в некоторых областях Сербии (Лесковацкая Морава) на третий день пасхи ряженые разыгрывали свадебный обряд.

Придавалось большое значение пасхальной трапезе, хотя она и не была такой обильной, как на рождество. По народным обычаям, католики разговлялись освященной едой: словенцы прежде всего ели хрен (Горишка, Зильская долина), облатки (Нотраньско, Горенско), мясо ягненка (Белая Крайна), сваренную особым способом и высушенную кожуру репы (Доленско); в некоторых местах ели лист лавра, хранившийся с вербного воскресенья (например, в Истрии). Православные чаще всего начинали трапезу с просфоры или с яиц, или с сыра, или со смесей (вино, хлеб, крапива — сев.-вост. Сербия; или хлеб, яйцо, крапива, цвет кизила — Болевац), или с почки орехового дерева, или с вареной крапивы. Обязательно ели яйца. Только пастухи (православные) в первый день пасхи (а иногда и в последующие два дня, например, в Шумадии) не ели и даже не прикасались к яйцам — верили, что нарушение этого запрета повлечет за собой болезнь скота. У всех народов Югославии было в обычае печь к пасхе ритуальное печение из пресного или кислого теста (*буздован*, *витица*, *ускршњак* — сербы; *пашке* — черногорцы; *велигденик* — македонцы; pletenica, sirnice, garitule — хорваты; kolač, potlica, šartelj, tićce, kroflić — словенцы). Это могли быть хлебы, лепешки, булочки, куличи и пироги различной формы, нередко плетеные и с разными начинками. Помимо больших пирогов или калачей, на всю семью пекли и маленькие для каждого члена семьи, и в том числе и для отсутствующих (например, у паштровичей), или для детей и юношей (Доленско, Нотраньско и другие области Словении,

остров Паг — Хорватия). В пасхальные калачи часто запекали вареные в скорлупе окрашенные в разные цвета яйца — по одному, три, пять, семь штук. Чтобы «защитить семью от злых сил», женщины, замешивая тесто, клали за ухо василек; в этих же целях им украшали мясные блюда (сербы). На пасху так же, как и на рождество, совершалось ритуальное кормление скота пасхальным печеньем, яйцами или всем тем, что освящено в церкви.

Остатки пасхальной трапезы — крошки, яичную скорлупу, кости хранили как лекарство для людей и скота, высыпали в поле, сады. В обычае кидать остатки пасхальной трапезы в огонь, на землю, в воду проявляются, быть может, пережитки обычаев жертвоприношений для умилостивления природы. Более ярко эти пережитки сохранились в ряде мест Корошки, где во время обеда бросали четыре кусочка мяса, предназначая их огню, воде, воздуху и земле.

Немало обычаев и забав у всех народов Югославии было связано с крашеными яйцами. Повсеместно был распространен обычай одаривать ими всех посетивших дом в пасхальные дни родственников и соседей, иногда прибавляя и небольшие калачики с запеченным яйцом. Дети и молодежь во время пасхи устраивали различные игры с яйцами: их катали по земле с горки, ударяли их друг о друга, бросали в них мелкие монеты и т. д.

«Чтобы быть здоровым и красивым», в пасхальные дни умывались свежей водой, в которую было положено красное яйцо, василек и герань (сербы, черногорцы) или яйцо и лист розы (македонцы). На второй и третий день пасхи в Воеводине имело место ритуальное обливание водой. У большинства католиков в эти дни прежде было принято ходить на поля и виноградники и кропить их «святой» водой. Ритуальные обходы владений села, нередко со священником, совершались и у православных, например в Македонии.

В пасхальных обычаях отмечаются элементы культа предков. В первый или второй день пасхи женщины идут на могилы своих близких, приносят туда еду, приготовленную к пасхе, крашеные яйца — черные (в Черногории — у кучей), красные (в Среме — Оролик, Македонии и т. д.). В некоторых селах западной Словении во время пасхальной трапезы в огонь бросали кусочек мяса, предназначая его душам покойных [23].

Подобные обычаи, но уже в упрощенной форме и нередко просто по традиции, бытуют и в наши дни: во второй понедельник после пасхи — *побушени*, или *побусани* или *бусани* (от слова — *бусати* — обкладывать дерном), *понедељак*, *понеделник*, *дружичало*, *ружичало* (два последних названия некоторые ученые, например Ш. Кулишич, связывают с римскими rosalia). В этот день посещают кладбища, поправляют могилы, приносят с собой вино, различную еду и обязательно яйца, которые красят специально для этого дня. Было в обычае приносить на могилы столько яиц, сколько помнят умерших членов семьи, независимо от того, где они были похоронены. На могилах едят, выпивают и поливают их вином темного цвета. В наши дни в Банате, например, могилы поливают не только вином, но и фруктовыми соками и даже кока-колой.

В некоторых областях Сербии (Неготин, Ршава, Ярменовци, Тимок и др.) в этот день парни заключали на год союзы побратимства, а девушки — посестримства. Аналогичные обычаи раньше были и в Хорватии (в Междумурье и Подравине) в первое воскресенье после пасхи — bela (bijela) nedelja [24].

Большим весенним праздником народов Югославии как по разнообразию обрядов, так и по их функциям являлся юрьев день — 23 или 24 апреля (*Ђурђев дан*, *Ђурђево*, *сточна слава*, *сточни велигдан* — сербы, черногорцы; *гургов*

ден, ѓерѓев ден — македонцы; sv. Jurja, jurjevo, jurjevo, pastirski svetac — хорваты; jurjevo — словенцы). По народным представлениям, именно юрьев день делил год на зиму и лето; у мусульман (окрестности Сараева) даже существует поговорка: «Нет лета без юрьева дня».

Немаловажную роль играл и экономический фактор — прежде это был день первого выгона скота, первой дойки молодняка и уплаты налогов, найма и расчета прислуги, аренды пастбищ, обновления межи. Много обычаев этого дня, особенно в скотоводческих областях, было связано именно со скотом — это отразилось и в названии самого праздника. Для обычаев юрьева дня характерны черты коллективизма — сбор трав, купанье, развлечения, приготовление обрядовых кушаний и общая трапеза. Юрьев день был насыщен магическими действиями апотропеического характера и магии плодородия, корни которых уходят в далекое прошлое. У югославских исследователей нет единого мнения о происхождении обрядов юрьева дня — их ведут от римских палилий (Б. Дробнякович, М. Гавацци и др.), от культов языческих богов Лады (Ф. Ледич), Ярилы (Н. Курет), демона или божества леса (Ш. Кулишич). Некоторые языческие обряды вошли в ритуал христианского праздника.

Обряды юрьева дня фактически начинались в предшествующую ему пятницу (*биљани, биљарни петак*). Еще до восхода солнца в белани петак или перед юрьевым днем молодежь и пожилые люди (это могли быть только женщины, так, например, в Неготинской Крайне, в Славонии, или мужчины и женщины, например, в Алексинацком Поморавье, Лесковацкой Мораве и других областях Сербии) со смехом и шутками шли в леса, луга и горы за растениями. Характерно, что при сборе трав в некоторых областях, например в северо-восточной Сербии, прослеживаются пережитки обычая жертвоприношений: начиная собирать траву, в землю закапывают кусок калача и немного соли. Набрав трав, обычно устраивали у реки или у источника, а иногда в клети, как это было, например, в Славонии, коллективную трапезу. После этого веселились, танцевали и с песнями возвращались домой. В некоторых местах, например в с. Црковнице (Лесковацкая Морава), после сбора трав и в наши дни соблюдается обычай символического приема в члены общины женщин, в истекшем году вышедших замуж в это село. Они приносят еду сборщикам трав, целуют руки всем присутствующим, даже детям, участвуют в общем танце женщин и девушек. В мусульманских селах вместе собирались мужчины; в обычное время такие собрания (*теферичи*) бывали по пятницам, а также в праздники, например на байрам.

Собранными травами украшали себя, скот, строения, заборы, сосуды для молока и воды и т. д., а часть их относили на поля и домой, сушили и использовали как лекарство. В юрьев день был широко распространен обычай плести венки, в которые иногда вплетали дольки чеснока. Венками украшали себя, ведра, подойники, дома; их надевали на овец. Еще в 1930-х годах в северо-западной Хорватии пастухи плели венок для одной овцы из стада, которое пригоняли с пастбища; за это хозяйки одаривали пастухов яйцами и салом. Эти венки хранили весь год и им также приписывались чудодейственные свойства защиты скота от злых сил. У сербов и черногорцев было в обычае бросать венки в воду, а также хранить их на чердаке, «чтобы ведьмы не проникли в дом», или кормить ими скот, «чтобы было больше молока» (восточная Сербия). Бросание венков в воду, иногда вместе с пищей (например в Неготинской Крайне), вероятно, пережиток жертвоприношений.

В юрьев день было принято делать крестики из ветвей растений (католики

брали ветви, освященные в храмах в вербное воскресенье), и относить их на поля, в огороды, сады и виноградники, дома и хлевы — по народным представлениям эти крестики могли повлиять благоприятно на плодородие, защитить от града.

Как уже указывалось, среди народов Югославии было широко распространено поверье о возможности перенести на человека и скот силу и жизнеспособность растений. Выгоняя впервые скот на пастбище, его ударяли веточками, чаще всего вербы или кизила, произносили при этом различные пожелания, например: «Будь здорова, как кизил, и расти, как верба» (Алексинацкое Поморавье). Дубовой веточкой легонько били детей (паштровичи), на молодые фруктовые деревья вешали детскую одежду (Сретечка Жупа — Сербия), больных детей относили под кизиловое дерево и перепоясывали их ветвями (Копаоник — Сербия) и т. д. Прежде был обычай валяться по пшеничному полю, преимущественно это делала молодежь, а девушки причесывались там, «чтобы выросли длинные косы».

И христиане, и мусульмане в юрьев день не выполняли никаких работ, кроме тех, которые были связаны со скотом. Все они сопровождались многочисленными магическими действиями, призванными защитить скот от всяких напастей, в частности от волков, и способствовать его плодородию. Одним из центральных моментов праздника была первая дойка овец — *премлаз* или *промуз*. Обычаи, сопровождающие ее, в значительной мере сохраняются и в наше время, особенно в горных районах, хотя первоначальный смысл их почти забыт. Первая дойка проводилась в загоне для овец, украшенном зеленью и полотенцами. При этом немалое место занимали пережитки солярного культа — доили обязательно через магический круг — венок из растений, серебряный перстень или обручальное кольцо, камень с круглым отверстием в середине, кольцеобразный калач. На подойник клали также бёрдо, челнок, гребень, а под него небольшой калач, яйцо и соль (Алексинацкое Поморавье). Первой доили раньше всех окотившуюся овцу, ей надевали на шею венок, а о лоб нередко разбивали яйцо. После дойки часть молока сразу же квасили.

Закончив дойку овец, в стадо пускали ягнят, о чем каждый хозяин оповещал село выстрелами. В юрьев день было принято стрелять из ружей и трубить в трубы, сделанные из коры. В этот же день клеймили молодняк, что также сопровождалось магическими действиями. Каждый хозяин делал это по своим меткам, отрезая кусочки уха, которые тщательно собирали и закапывали в муравейник, приговаривая: «Сколько муравьев, столько голов скота» (Алексинацкое Поморавье).

Магическими действиями сопровождалась стрижка овец, во время которой стригалей обмахивали мокрой крапивой (Сретечка Жупа и др.), и первый выгон скота на пастбище. Каждый пастух стремился как можно раньше пригнать свою отару на пастбище, что, по народным представлениям, должно было содействовать плодовитости скота. В некоторых областях Сербии было распространено поверье, что, если скот сыт в юрьев день, то он будет сыт весь год, поэтому его иногда пускали даже на засеянные поля.

Важное место в обычаях юрьева дня как православных, так и мусульман отводилось ритуальному закланию ягненка — *ђурђевско јагње*, *ђурђево*, *ђурђевило*, *ђурђевче*. В этом обычае также четко прослеживаются пережитки жертвоприношений. Заклание ягнят обставлялось довольно торжественно — в Шумадии, например, оно совершалось в присутствии всех членов семьи, после прочтения ими молитвы, зажжения свечи, которая прилеплялась к рогу жертвенного животного, и окуривания его;

глава дома кровью этого ягненка рисовал крест на лбу и щеках каждого члена семьи. В Македонии (Радовиш, например) ягненка колол глава семьи на пороге дома, а кровью домочадцам ставили точки на лбу.

В той же Македонии (Малешево) обязательным было церковное освящение уже приготовленного жаркого из ягненка, по кусочку от которого должен был съесть каждый односельчанин здесь же у церкви. В Восточной Сербии еще в XIX в. был обычай торжественного освящения в церкви ягнят, предназначенных к закланию. Как правило, ягнят жарили целиком на вертеле: это делалось коллективно — несколько хозяев собирались в одном месте, например на перекрестке улиц. Каждый член семьи должен был обязательно съесть кусочек этого мяса, а также выпить молока, что служило как бы разговением, так как до этого дня нельзя было употреблять в пищу мясо ягнят, овечье молоко и кушанья из него. Тщательно следили, чтобы во время трапезы не ломали кости из жаркого: согласно поверью овцы могут сломать ноги; кости нередко закапывали в муравейник, «чтобы овцы плодились, как муравьи».

К юрьеву дню пекли ритуальные калачи, нередко кольцеобразные — *летургиjа, киселица* и т. д.; им приписывали магическую силу плодородия, поэтому их ели все члены семьи, давали пастухам и скоту, через них доили овец, хранили как лекарство для людей и скота.

В юрьев день устраивались обязательно трапезы: после завершения сбора трав на обед или ужин собирались всей семьей в доме, на пастбище или в загонах для овец. В Сербии еще в XIX в., а в отдельных краях ее восточной части и в начале XX в. часть еды выделялась душам мертвых.

Повсеместно был распространен обычай ритуального кормления скота измельченными растениями, собранными на рассвете или накануне. Нередко к этим растениям добавляли крошки от рождественской трапезы и калачей, калачи, испеченные для этой цели в игнатьев и юрьев дни, соль и пасхальное яйцо.

В обычаях юрьева дня, особенно среди православных и мусульман, значительное место отводилось воде, которая, по народным верованиям, могла принести счастье и здоровье людям, плодородие земле и скоту, оградить их от действия злых духов. Чтобы умилостивить воду, ей даже приносили жертвы. В некоторых областях Сербии пережитки этих обычаев, сейчас нередко имеющих просто игровой характер, наблюдаются и в наши дни — это бросание в воду растений и венки из них, пищу и т. д. В прошлом в Сербии с шутками и смехом толкали девушек в воду, что, очевидно, также является пережитком жертвоприношений. В некоторых областях Сербии по обычаю, теперь почти забытому, наряду с ягненком резали петуха или курицу, причем кое-где, в Сретечкой Жупе, в Банате, это делали на берегу реки.

Верили, что до юрьева дня в воде живет дьявол, поэтому купаться можно только начиная с этого дня. Считали также, что купание до восхода солнца приносит счастье, здоровье и красоту. Особая сила приписывалась росе, воде, взятой из-под мельничного колеса, а также воде, в которую были накануне положены растения, собранные в этот день, и пасхальное яйцо, особенно окрашенное первым. Чтобы излечиться от болезни, рубашку больного пускали по реке или трижды опускали ее туда. Специальные обычаи с водой исполнялись для увеличения надоев, чтобы, как говорили в народе, «молоко текло, как вода». В этих целях пастухов, пригнавших стадо, а также всех, кто пил молоко и ел мясо, обрызгивали водой, опускали в реку молочные цедилки, поили коров водой, взятой из-под мельничного колеса, прогоняли их через проточную воду. В Алексинацком Поморавье, на-

пример, ведро с молоком ставили на специально приготовленный дерн, а на следующий день этот дерн, венок, которым было украшено ведро, и сыворотку бросали в воду, как бы жертвуя ей все это, и при этом говорили: «Как течет эта вода, так пусть течет к нам и молоко в этом году». Чтобы обезопасить скот, поля, сады от действий злых сил, католики и православные кропили их освященной в церкви или взятой у мельничного колеса водой.

В юрьев день были и обычаи с огнем, особенно распространенные среди католиков. В северо-западной Хорватии у костров (*kresovi*) собиралась молодежь; они пели, танцевали, а также перепрыгивали через огонь, веря, что это избавит их от болезней на целый год (последний обычай был распространен и в других местах Хорватии, например на острове Хвар). В некоторых районах Словении, собираясь у костров, громко хлопали бичами, «чтобы изгнать нечистую силу». Православные лишь сжигали мусор, также с апотропеическими целями. «Чтобы предохранить скот от всякой нечисти», его прогоняли через пепелище или между зажженными свечами, сыпали пепел у загона для овец, окуривали молочную посуду. Для «защиты от злых сил» в Сербии и Македонии еще в 30-х годах нашего века проводили борозду вокруг села, окапывали или очерчивали лемехом круг у ульев. Среди православных, католиков и мусульман был обычай в этот день качаться на качелях.

Этим же целям были подчинены и шествия в юрьев день. Так, например, у мусульман (западная Босния) по селам ходили процессии парней и мужчин и громко трубили в трубы, сделанные из коры вербы или ореха. Закончив обход села, они ударяли друг друга трубами до тех пор, пока последние не разламывались. Прежде в Сербии (например, в Валевской Подгорине) в этот день ходили группы людей и носили



Зеленый Юрай

с собой цыпленка; в месте встречи двух таких групп устраивалась коллективная трапеза. Вплоть до второй мировой войны в Алексинацком Поморавье по селам с песнями ходили группы девушек — *краљица* (обычай, характерный для троицы). Среди шествий юрьева дня наибольшую известность получили так называемые юрьевские обходы (jurjevski ophodi, jurjaši, jurjašice, jurevčani, đurđari, Đure, Zeleni Jurji, jurjaki — хорваты; jurjevanje, jurači — словенцы), распространенные в Хорватии (главным образом северо-западная ее часть) и в Словении (Белая Крайна, Штайерско, Корушка). По мнению югославского ученого Н. Курета, в прежние времена эти шествия были распространены по

всей Словении, но уже в XIX в. они стали исчезать. Впоследствии этот обычай возрождался под влиянием местных учителей. Так было, например, в Лашко (Штайерско), где он появился вновь перед второй мировой войной и бытовал еще в 1960-х годах. В Хорватии и Словении было несколько вариантов этих шествий, различающихся по отдельным деталям. Смысловое же содержание обряда, сформулированное М. Гавацци, было единым повсюду: оповещение о приходе весны, апотропеические функции и магия плодородия. В юрьев день или за несколько дней до него по селам ходили группы парней и девушек — совместно или раздельно (в последнее время обычно это были школьники или цыгане). Из числа участников процессии выбирали главное действующее лицо (zeleni или sveti juraj, zeleni jura, zeleni Đuraj — хорваты; zeleni juri, vesnik — словенцы) — им становился самый ловкий, рослый и красивый человек. Зеленый Юрай — вестник весны обязательно был украшен зеленью. Во время обхода домов зеленый Юрай обычно молча подпрыгивал, и чем выше он это делал, тем выше, по народным представлениям, вырастал лен; бывало, что он вместе со всеми пел песни с добрыми пожеланиями, плясал. По окончании обряда хозяевам оставляли зеленую веточку, которой приписывалась чудодейственная сила плодородия, поэтому ее носили в поле, сады, хлевы, клали в семена и т. п. Как правило, в каждом доме участникам процессии давали что-нибудь из еды, а нередко и мелкие деньги; если же ничего не дарили, то они желали дому всяческих несчастий. В прежние времена из собранного устраивали коллективное пиршество, а позднее все чаще стали делить дары между собой или продавать их и делить деньги.

На юрьев день было множество примет, связанных со здоровьем и счастьем человека, а также хозяйственных — об урожае и особенно о скоте. Во всех скотоводческих районах было распространено поверье, что колдуньи могут испортить скот и отнять у него молоко. Большое место в юрьев день занимала любовная магия, к которой охотно прибегали и христианки и мусульманки [25].

В начале мая также имели место различные обычаи и обряды, призванные содействовать благополучию человека и его хозяйства. Эти обычаи и сопровождающие их магические действия были приурочены главным образом к дням Филиппа, Якова и Флориана у католиков, Еремея у православных, а также к 1 мая.

Словенцы считали Филиппа, Якова и Флориана покровителями крестьянства (последнему святому приписывались и функции защиты от пожаров). В день Филиппа и Якова (1 мая, впоследствии был перенесен на 11 мая) вообще запрещалось работать, а в день Флориана (4 мая) только выполнять кузнечные работы, топить печи, печь хлеб, зажигать огонь. Верили, что если таким образом умилостивить этих святых, то они помогут людям и скоту прокормиться до нового урожая и будут способствовать получению хороших урожаев. По этим дням гадали о погоде на год и о судьбе будущего урожая.

Главную роль в эти дни играли обычаи, связанные с растениями и как бы продолжавшие аналогичные обычаи юрьева дня. Украшали зеленью дома и сельские улицы. Центральное место занимали обычаи с так называемым майским деревом (maj, mlaj, majsko drevo, majenca — словенцы; maj, majuš, maž, filipovčica — хорваты), распространенные среди словенцев и хорватов (исключая население Боснии и Герцеговины) еще в недавнее время, а кое-где, например в Доленско, эти обычаи живы и сейчас.

В самом начале мая — чаще всего к его первому дню или воскресенью приносили в села стволы больших деревьев, обычно без кроны, и устанавливали их

где-нибудь на сельской площади, улице, у дома красивой девушки или уважаемого человека. Забота о майском дереве — его выбор, порубка или покупка (деньги на приобретение заранее собирались в селе), доставка, украшение, охрана, а также украшение улиц села зеленью — были делом молодежи.

В связи с майским деревом в Словении и в некоторых районах Хорватии сохранились интересные обычаи, очевидно, пережитки мужских союзов. Принять участие в обычаях, связанных с майским деревом, мог каждый парень — член своего рода объединения парней — fantovščina (букв. мальчишник). Для вступления в него было необходимо достижение определенного возраста (в Доленско, например, 16 лет) и уплата «вступительного взноса», т. е. угощение всех парней куревом и спиртными напитками. В наши дни осталось очень мало мест, где сохраняются подобного рода «фантовские обычаи».

Бывало, что в селе устанавливалось три дерева — одно большое и два маленьких — их стволы украшали зеленью, цветами, фруктами, флагами, пестрой бумагой, к макушке подвешивали сосуд с вином. Дерево охраняли, так как украденное, сожженное или поваленное дерево навлекало позор на село. В прежние времена эти деревья иногда стояли до конца мая. Около них собирались односельчане и гости из соседних сел, здесь устраивались общесельские развлечения. Значительное распространение среди словенцев и хорватов получил обычай приносить к домам, где жили девушки, зеленые ветки и украшенные стволы деревьев; тем, кого не любили или мстили за что-нибудь, — терновый куст. Этот обычай в некоторых местах живет в наши дни.

Как и в юрьев день, у хорватов (Славония, Срем) и словенцев (Словенске Горице, Подуне) накануне 1 мая или в начале месяца устраивались ритуальные шествия детей и молодежи. Празднично одетые группы детей и девушек (filipovčica, drvce и др.) обходили дома с добрыми пожеланиями и получали за это подарки.

В праздновании Дня международной солидарности трудящихся — 1 Мая мы видим некоторые элементы календарных весенних праздников, наполненных новым содержанием. В этот день на улицах много зелени — она украшает колонны демонстрантов, транспорт, дома и т. д. Устраиваются гуляния, нередко у костров, где поют песни и танцуют, вспоминают о борьбе с фашизмом, организуют коллективное застолье.

Все обычаи еремеева дня — 14 мая (св. Јеремија, Еремијин дан, Еремиа, Ирмија) были подчинены одной цели — изгнанию змей, олицетворяющих нечистую силу. В этот день не выполняли никаких ручных работ, ничего не тащили волоком, а кое-где избегали и полевых работ, хотя коноплю сеять разрешалось и даже рекомендовалось. Повсеместно еще в первой половине XX в. было распространено поверье — чем больше шума в селах в этот день, тем меньше будет змей. До восхода солнца с шумом и звоном люди начинали обходить свои усадьбы, выкрикивая при этом заклинания, направленные против змей. Прежде было в обычае коллективное изгнание змей — молодежь в ночь на еремеев день шла изгонять змей из владений села, за что односельчане угощали их вином, дарили что-нибудь из съестного, а иногда мелкие деньги [26].

Праздник вознесения (*спасовдан, спасовден* — сербы, черногорцы, македонцы; spasovo, križevo, križ, senca, sensova — хорваты; vnebohod, veliko telovo, križevo, križi, križni cetrtek, afrten — словенцы), который отмечали все народы Югославии, сопровождался многочисленными магическими действиями, направленными прежде всего на процветание скотоводства (его даже иногда называли «праздником пастухов») и земледелия. Обычаи его как бы продолжали юрьев

день. Многие обычаи спасова и юрьева дня совпадали по форме и содержанию: запреты на некоторые виды работ; коллективные гуляния и общая трапеза; характерный для пастухов обычай резать ягненка; обычай относить веточки и кресты из них на нивы, в сады. В некоторых областях именно на спасов день (а не на юрьев, как у большинства) начинали употреблять в пищу молоко, плести венки, которыми украшали людей (Будва — Черногория) или же надевали их на коров (Босния и Герцеговина), клеймили молодняк. В Славонии и Белой Крайне впервые выгоняли скот на пастбище. Вместе с тем в праздновании спасова дня были обычаи, специфические для него. Так, например, во многих областях в зажиточных семьях резали не только ягненка, но и поросенка; у словенцев почти повсеместно именно свинина была ритуальной пищей. Для этого дня пекли специальный пирог (*спасовница*, *спасовњача* — сербы, черногорцы). Среди других обрядовых блюд можно назвать также яичницу и ветчину (пастухи Словении), *цицвару* — кушанье из муки, масла и сыра (пастухи-сербы из Боснийской Крайны), молоко, каймак. У сербов, черногорцев и мусульман, особенно среди пастухов, по традиции и сейчас накануне спасова дня жгут факелы и обходят с ними помещения для скота. В мусульманских селах дети с горящими факелами обходят дома, за что получают угощение. Следует отметить, что для всех народов Югославии были характерны ритуальные шествия с крестом в спасов день. Крестьяне обходили владения села, а дома в селах посещали пастухи или группы мальчиков и девочек (križari, križarice, križi, krstari — хорваты — Славония, Срем, Далмация; *крстоноше*, *крстари*, *крижари* — сербы — Срем). Участники процессии получали от хозяев дома дары и устраивали коллективные трапезы — последнее было особенно принято у пастухов.

Широко был распространен обычай обрызгивания молоком — друг друга брызгали домочадцы и пастухи, родители — детей. Все это так же, как и пастуший обычай кропить овец вином (например, о-ва Чиово и Сегет), было направлено на сохранение здоровья скота. Со спасовым днем так же, как и с другими праздничными днями весеннего цикла, были связаны приметы и гадания, главным образом сельскохозяйственные, а также любовные [27].

В праздновании церковной троицы (*духове, тројице, тројичин дан, русаље, русаљи, пресвета* [28] — сербы, черногорцы; *дуовден, светатроица* — македонцы; duhovi, trojaki, rusalije, rusalju — хорваты; binkošti, trjaki, risali, risalski svetki — словенцы) народы Югославии сохранили много пережитков дохристианских верований. В связи с этим высказывается мнение (югославские ученые С. Зечевич, Н. Курет), что этот праздник заменил собой какой-то языческий праздник *русалии*, справлявшийся в это же время, что подтверждается дожившими до наших дней названиями самой троицы, а также недели, ей предшествующей или последующей, — *русална*, *русалијска* или *русана недеља* (сербы, черногорцы).

Анализ обычаев троицы показывает, что их цель — плодородие скота и земли, причем в значительной части они повторяли обычаи юрьева и спасова дней. Вместе с тем у православных в обычаях троицы большое место занимали магические действия, связанные с культом предков, что также, по народным верованиям, способствовало плодородию.

Суббота перед троицей (*духовска, русана, мртва* или *пресветска субота*) считалась одним из годовых поминальных дней — *задушнице*. Было принято посещать кладбища, украшать могилы цветами, служить молебны в церкви, устраивать поминальные трапезы. Она различалась по областям: у сербов, например в Лесковацкой Мораве, и у ма-

кедонцев, например в Гевгелии, — это была вареная пшеница; у черногорцев (паштровичи) — калач из пшеничной муки — *русаница* и т. д. По народным верованиям, в этот день открываются могилы, и с умершими людьми можно разговаривать. На троицу запрещалось выполнять некоторые работы, например женские, сельскохозяйственные.

В этот день немалое место, особенно у словенцев и хорватов, занимали обычаи со скотом, аналогичные обычаям юрьева и спасова дня: ранний выгон скота на пастбище и чествование пастуха, первым пригнавшего туда стадо; одаривание пастухов; украшение и ритуальное кормление скота растениями и пр. Много общего было и в магических действиях с растениями (у католиков и православных): сбор трав, украшение домов растениями и венками и т. д. Однако на троицу особая сила приписывалась растениям, освященным в церкви. Хорваты и словенцы благословляли в церкви огонь, свечи (о-ва Чиово и Сигет) и воду — ею кропили угодья, пили и пр. У этих же народов, как и на юрьев день, было в обычае жечь костры — *kresove*. С юрьевым и спасовым днем троицу сближали и другие верования и обычаи — вера в возможность в этот день отнять молоко у коров (хорваты, словенцы); повсеместно распространенные обычаи раннего вставания и запреты спать днем; ритуальное умывание росой (например, словенцы); коллективные увеселения, особенно характерные для молодежи [29] и пастухов; стрельба и хлопанье бичами (словенцы и др.); гадания об урожае по погоде; любовные гадания; ритуальные процессии — ношение креста по угодьям села и обходы села девушками, а впоследствии чаще девочками (северо-восток Югославии — хорваты — Славония, Срем, Баранья; сербы — Воеводина и область от Колубары до Тимока). Эти обходы начали исчезать уже во второй половине XIX в., чему способствовало не только социально-экономическое развитие югославской деревни, но и запреты церковных и светских властей. Однако в некоторых селах, например в селе Далу (Славония), они сохранялись почти до наших дней. Эти шествия (kraljice, kraljevi, kralji, kraljičari, lelje — хорваты; *краљице*, *русаље*, *ру́салка* — сербы), как и другие, подобные им, имели целью не только борьбу с нечистой силой, но и благополучие крестьянских семей, плодородие земли и скота.

Группы девушек или девочек (от 8 до 20 и более человек) обходили село. Из их числа выбирались главные действующие лица — *краљ* (их могло быть и несколько), *краљица*, знаменосец, служанка, сноха, деверь, сборщик даров, певицы. На исполнительницах мужских ролей были надеты мужские костюмы. Кралицы в нарядных одеждах, украшенных цветами, большими платками и полотенцами, шли по селу в сопровождении одного или нескольких музыкантов. Разукрашенные бумагой и цветами железные и деревянные сабли и знамена были непременной принадлежностью кралиц. Они заходили в крестьянские дворы и славили домочадцев, желая им всяческого благополучия. При этом они танцевали, иногда просто переступая с ноги на ногу, но все время находились в движении, так как иначе, по народным верованиям, остановятся облака на небе и жизнь на земле. В каждом доме для них были заранее подготовлены дары, которые вручались по завершении обряда. Если даров не было, то разгневанные кралицы призывали на дом всякие несчастья, например град.

Обычно кралицы совершали обходы в первый день троицы; в этот же день, или на второй, или третий день все кралицы собирались в каком-либо доме, где из собранных даров готовили ужин, веселились. В последнее время они все чаще собирались в сельских харчевнях.

Обычно по селу ходила одна группа девушек, но бывали случаи, когда в каждом конце села создавались свои группы или они приходили из других сел, — встреча двух таких групп обычно кончалась дракой, а в прежние времена, возможно, и гибелью отдельных ее участниц. В Югославии даже кладбища у дорог называют русалийскими и из поколения в поколение передают предания о гибели на этом месте участников ритуальных шествий [30].

Анализ весенних календарных праздников показывает, что они как бы впитали в себя черты разных, большей частью еще дохристианских магических культов, связанных с благоденствием человека, его здоровьем и благополучием, плодородием земли, скота, птицы, их защиты от действий злой силы. В основе их лежал в той или иной мере трудовой опыт древнего скотовода и пахаря, и почти все обряды прямо или косвенно касаются благосостояния хозяйства и здоровья людей. Что касается христианских черт, то они, несомненно, представляют более позднее наслоение — чаще всего древние языческие обряды просто приурочивались к датам церковного календаря, а на христианских святых переносили функции языческих богов-покровителей.

В настоящее время многие из традиционных обычаев и обрядов основательно забыты. Те же, которые сохранились, утратили свое религиозно-магическое значение и превратились в народные развлечения, стали поводом для встреч и совместного проведения досуга.

[1] В данной работе речь идет о сербах, черногорцах, македонцах, исповедующих в большинстве православие, хорватах, словенцах, по преимуществу католиках, и о славянском населении, исповедующем ислам.

[2] «Lepenica». Sarajevo, 1963, s. 342.

[3] На сретение (сретење, обретење — сербы, черногорцы; сретение — македонцы; svečnica — хорваты, словенцы), по народным представлениям сербов, например, встречается зима и лето. В этот день повсеместно распространены различные гадания о погоде, а также о здоровье, о женихах. Было в обычае освящение свечей, например у словенцев. Этим свечам приписывали защитные свойства от различных бед.

[4] *Вукмановић Ј.* Пролећни обичаји. — В кн.: «Рад IX-ог Конгреса Савеза фолклориста Југославије». Сарајево, 1963 (далее Рад. IX), с. 260; *Милојевић М.* Песме и обичаји укупног народа србског, књ I. Београд, 1869, с. 87; *Gavazzi M.* Godina dana hrvatskih narodnih običaja, 1. Od poklada do jeseni. Zagreb, 1939, s. 24.

[5] *Ђорђевић Др.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Morави. — «Српски етнографски зборник» (далее: СЕЗб.), књ. LXX. Београд, 1958 с. 373; «Неготинска Крајина». — «Гласник Етнографског музеја у Београду» (далее: ГЕМ), књ. 31—32. Београд, 1969, с. 378—382.

[6] *Антонијевић Д.* Алексиначко Поморавље. — СЕЗб., књ. LXXXIII. Београд, 1971, с. 180; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 11—12; *Kuret N.* Praznično leto slovencev. Prvi deo, Pomlad. Celje, 1965.

[7] *Добњаковић Б.* Етнологија народа Југославије. Београд, 1960;

Караџић В. Живот и обичаји народа српскога. Београд, 1957, с. 22—23; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Српски митолошки рјечник. Београд, 1974, с. 10, 21; *Benc-Bošković K.* Neki pokladni običaji i drvene maske u Međimurju. — «Narodna umjetnost», kn. 1. Zagreb, 1962; *Bonifačić-Rozin N.* Pokladne maske u Konavlima. — «Narodna umjetnost», kn. 4. Zagreb, 1966; он же. Žitak ili pokladno suđenje. — In: «Rad XI-og Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom 1964». Zagreb, 1966, s. 83—88; Etnološka i folkloristička ispitivanja u Livanjskom Polju. — «Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. Etnologija» (далее: GZM), sv. XV—XVI. Sarajevo, 1961, s. 229; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 11—18; *Ilič L.* Narodni slavonski običaji. Zagreb, 1946, s. 115—116; *Kuret N.* Op. cit., p. 21—70; «Lepenica», s. 353—354; *Mikac J.* Godišnji običaji (Brest u Istri). — Zbornik za narodni život i običaji južnih slavena (далее: Zbornik...), kn. XXIX, sv. 1. Zagreb, 1933, s. 218; *Milićević J.* Narodni običaji i verovanja u Sinjskoj Krajini. — «Narodna umjetnost». kn. 5—6. Zagreb, 1967—1968, s. 472—473; *Schneeweis E.* Serbokroatische Volkskunde. t. 1. Berlin, 1961, S. 127—128; *Širola B.* Zvončari. — In: Etnografska istraživanja i građa. Zagreb, 1934, s. 15—17.

[8] *Кавасв Ф.* Пролстни обичаи од Струга. — В кн.: «Македонски фолклор». Скопје, 1973, бр. 12, с. 219; *Тановић С.* Српски народни обичаји у *Ђевђелијској* кази. — СЕЗб., књ. 40. Београд, 1927, с. 34—35; *Филиповић М.* Голо Брдо. Скопље, 1940, с. 80; *он же.* Različita etnološka grada iz Vojvodine. — In: «Prilozi i grada», 1. Novi Sad, 1962, s. 21, 43; *Horvath F.* Običaji u Ivancu. — In: Arhiv Odbora za narodni život i običaje JAZU (далее: Arhiv...); *Kuret N.* Op. cit., p. 13—14, 38; *Mikac J.* Op. cit., p. 219.

[9] *Дробнаковић Б.* Указ. соч., с. 193; *Тановић С.* Указ. соч., с. 34—35; *Filipović M.* Različita etnološka grada iz Vojvodine, s. 94.

[10] *Барјактаровић М.* О народним обичајима у северо-источној Србији. — В кн.: «Рад Конгреса фолклориста у Зајечару и Неготину 1958». Београд, 1960, с. 23; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 197—198; *Караџић В.* Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1935, с. 181; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 10, 83, 132—133; *Zečevic S.* Elementi naše mitologije u narodnim obredima uz igru. Zenica, 1973, s. 29.

[11] *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 194; *Делиниколова З.* Обичаи сврзани со поедини празници и недели дни во Радовиш. — «Гласник на Етнолошкиот музеј», I. Скопје, 1960, с. 150—151; *Илијин М.* Обредно љуљање у пролеће. — В кн.: Рад IX, с. 273—275; *Караџић В.* Живот и обичаји..., с. 25; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 10, 21, 22, 236—237; *Станојевић М.* Обичаји и веровања на Тимоку. — ГЕМ, књ. 4. Београд, 1929, с. 44; *Тановић С.* Указ. соч., с. 36; *Филиповић М.* Голо Брдо, с. 80; *Benc-Bošković K.* Op. cit., p. 5; *Filipović M.* Različita etnološka grada iz Vojvodine, s. 21, 43, 94; *Horvath F.* Op. cit.; *Ilič L.* Op. cit., p. 117, 119; *Kotarski J.* Lobor. Zbornik..., kn. XXI, sv. 2. Zagreb, 1917, s. 196; *Kuret. N.* Op. cit., p. 15—62; *Sajfert-Pokupska M.* Hrnelić (kraj Karlovca). Narodni život i običaji. — In: Arhiv..., (s. z.), 29; *Schneeweis E.* Op. cit., p. 129

[12] *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 237; *Kuret N.* Op. cit., p. 17.

[13] *Благојевић О.* Пива. Београд, 1971, с. 482; *Делиниколова З.* Указ. соч., с. 153; *Kuret N* Op. cit., p. 85—86.

[14] *Вукмановић Ј.* Паштровићи. Цетиње, 1960, с. 291; *он же.* Прољећни обичаји, с. 263; *Караџић В.* Српски рјечник..., с. 9; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 306—307; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 21; *Kuret N.* Op. cit., p. 74—82; *Sajfert-Pokupska M.* Op. cit.; *Strola B.* Novalja na Pagu. — Zbornik..., kn. XXXI, sv. 2. Zagreb, 1938, s. 129.

[15] *Ђорђевић Др.* Живот и обичаји..., с. 374; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ соч., с. 273; *Kuret N.* Op. cit., s. 97—103.

[16] *Антонијевић Д.* Указ. соч., с. 183—184; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 197; *Ђорђевић Др.* Указ. соч., с. 371—372; *Кнежевић С.* Лик змије у народној уметности и традицији југословена. — ГЕМ, књ 22—23. Београд, 1960; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 22, 48, 283—284; *Zečević S.* Zmaj u narodnom verovanju severoistočne Srbije. — «Македонски фолклор», год. II, бр. 3—4. Скопје, 1969, с. 361—362; Неготинска Крајина, с. 380—381; *Чајкановић В.* Босиљак. — ГЕМ, т. X. Београд, 1935, с. 5.

[17] *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 198; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 89, 194; Миладиновци. Зборник. 1861—1961. Скопје, 1962, с. 474; *Наметак А.* Неки народни обичаји и локалне традиције муслимана у Подгорици (Титограду). — «Гласник Етнографског музеја на Цетињу», књ. II. Цетиње, 1962, с. 196; *Тановић С.* Указ. соч., с. 42—43; *Филиповић М.* Голо Брдо, с. 79; *Хаџи-Пецова М.* Први дан пролећа у македонским обичајима. — В кн.: Рад, IX, с. 315—320.

[18] *Антонијевић Д.* Указ. соч., с. 184—185; *Барјактаровић М.* Указ соч., с. 24—25; *Вукмановић Ј.* Прољећне обичаји, с. 262—263; *Делиниколова З.* Указ. соч., с. 154; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 197—198; *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји..., с. 373—374; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 206; *Милићевић М.* Живот срба-сељака. Београд, 1894, с. 95; Неготинска Крајина, с. 382; *Тановић С.* Указ. соч., с. 45; *Filipović M.* Majevica. Sarajevo, 1969, s. 182.

[19] *Вукмановић Ј.* Прољећне обичаји, с. 264; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 198; *Ђорђевић Т.* Преисламски остатци међу југословенскими муслиманима. — «Наш народни живот», књ. 6. Београд, 1932, с. 31; *Караџић В.* Српски рјечник..., с. 30; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 24—25, 48; Неготинска Крајина, с. 382—383; *Duić A.* Vjera u osobita bića (Gorski Kotor u Hrvatskoj). — In: Arhiv... (s. z.), 9; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 22; *Ilič L.* Op. cit., p. 124; *Kuret N.* Op. cit., p. 98; *Schneeweis E.* Op. cit., p. 131; *Vukanović T.* Selo kao društvena zajednica kod Srba. Priština, 1965, s. 105.

[20] *Вукмановић Ј.* Прољећни обичаји, с. 265; *Делиниколова З.* Указ. соч., с. 156; *Ђорђе-*

вић Др. Обичаји, обредне и друге песме и здравице. — «Лесковачки зборник», VIII. Лесковац, 1968, с. 106; *Кавaев Ф.* Указ. соч., с. 220; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 191, 299; Миладиновци, с. 473, 475; Неготинска Крајина, с. 383—384; *Филиповић М.* Голо Брдо, с. 80; Etnološko-folkloristička istraživanja u Imljanima. — GZM, sv. XVII. Sarajevo, 1962, s. 148; *Zečević S.* Elementi naše mitologije…, s. 65—90.

21 *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 199—200; *Duić A.* Op. cit.; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 24—26; *Kuret N.* Op. cit., p. 115—130, 133—147; «Lepenica», s. 354; *Njikos J.* Op. cit., p. 15—16; *Sajfert-Pokupska M.* Op. cit.; *Sirola B.* Novalja na Pagu, s. 129; *Skoda K., Držić M.* Godišnji običaji na otoku Čiovu i u Segetu. — «Etnografska istraživanja i građa», III. Zagreb, 1941, s. 74.

22 *Барјактаровић М.* Указ. соч., с. 25; *Вукмановић Ј.* Прољећни обичаји, с. 265—266; *Делиниколова Э.*, Указ. соч., с. 153—162; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 200—203; *Ђорђевић Т.* Природа у веровању и предању нашего народа. — СЕЗб. књ. LXXII. Београд, 1958, с. 85—88; *Кличкова В.* Велигденски обичаи во Пореч. — «Гласник». Скопје, 1957, № 11, с. 154—162; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 58, 275—279, 292, 305; Неготинска Крајина, с. 384—386; *Томић П.* Бојење и шаране jaja. — ГЕМ, књ. XX. Београд, 1957, с. 8—9; *она же.* Шарана jaja. — «Народно ликовно изражаване у Србији». Београд, 1970, № 10, с. 105—109; *Филиповић М.* Голо Брдо, с. 81; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 26—37; *Kolarski J.* Op. cit., p. 197; *Kuret N.* Op. cit., p. 121—219; *Škoda K., Držić M.* Op. cit., p. 75.

23 *Вукмановић Ј.* Паштровићи, с. 291; *Ђорђевић Т.* Природа у веровању и предању…, с. 86—87; *Караџић В.* Живот и обичаји…, с. 30; *он же.* Српски рјечник…, с. 56; *Кличкова В.* Указ. соч., с. 162—176; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 292—293; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 37—40; *Ilić L.* Op. cit., p. 122—123; *Kuret N.* Op. cit., p. 163, 216—242; *Miličević J.* Običaji i verovanja uz gospodarske radove u srednjoj Istri. — «Narodna umjetnost», kn. 4. Zagreb, 1966, s. 197; *Sajfert-Pokupska M.* Op. cit.

24 *Караџић В.* Живот и обичаји…, с. 31; *Blažeka M. J.* Op. cit., p. 71; *Filipović M.* Različita etnološka grada iz Vojvodine, s. 21, 56; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 38.

25 *Антонијевић Д.* Указ. соч., с. 187—191; *Бошковић-Матић М.* О Ђурђевданским обичајима у источној Србије. — В кн.: Рад. IX, с. 357—362; *Вукмановић Ј.* Прољећни обичаји, с. 261—269; *Делиниколова Э.* Указ. соч., с. 163—167; *Ђорђевић Др.* Живот и обичаји…, с. 378—384; *Ђорђевић Т.* Природа у веровању…, с. 84, 91, 223—224; *Караџић В.* Српски рјечник, с. 156—157; *Кнежевић С., Јовановић М.* Јармеяовци. СЕЗб, књ. LXXIII. Београд, 1958, с. 113—114; *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 22, 40—41, 48, 59, 74—75, 93, 119, 124, 147; *Мијатовић С.* Левач и Темнић. — СЕЗб, књ. VII. Београд, 1907, с. 102—107; Миладиновци, с. 474—475; *Милићевић М.* Указ. соч., с. 115—122; Неготинска Крајина, с. 387—388; *Николић В.* Природа у веровањима и обичајима у Сретечкој Жупи. — «Гласник Етнографског института САНУ», књ. IX—X. Београд, 1961, с. 130—133; *Оровић С.* Ђурђевдански обичаји. — В кн.: Рад IX, с. 371—372; Etnološko-folkloristička istraživanja u Žepi. — GZM, sv. XIX. Sarajevo, 1964, s. 203—205; *Fučić B.* Sveti Juraj i Zeleni Juraj. — Zbornik, kn. 40. Zagreb, 1962, s. 129—135; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 35—56; *Huzjak V.* Zeleni Juraj. Zagreb, 1957, s. 1—41; *Ilić L.* Op. cit., p. 126—129; *Kreševljaković H.* Običaji kod muslimana o Jurjevu (Sarajevo u Bosni). — In: «Arhiv…», s. z. 257; *Kuret N.* Op. cit., p. 266—289; *Ledić F.* Mitologija slavena. Zagreb, 1969, s. 165—167; *Nedeljković D.* Đurđevsko jagnje i «kravaj» u Maleševu kao partipacioni relikt primitivnog kolektivnog mentaliteta. — «Vjesnik etnografskog muzeja u Zagrebu», kn. 4. Zagreb, 1938, s. 1—5; *Skoda K., Držić M.* Op. cit., p. 75.

26 *Антонијевић Д.* Указ. соч., с. 208—210; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 210; *Мијатовић Б.* Указ. соч., с. 108; Миладиновци, с. 474, 476; *Филиповић М.* Голо Брдо, с. 81; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 56—60; *Ilić L.* Op. cit., p. 131—132; *Kuret N.* Op. cit., p. 271—317; *Skoda K., Držić M.* Op. cit., p. 75; *Vukanović T.* Op. cit., p. 105—106.

27 *Кулишић Ш., Петровић П., Пантелић Н.* Указ. соч., с. 59, 271—272; *Филиповић М.* Белешке о народном животу и обичајима на Гласницу. — ГЗМ. Историја и етнографија, св. X. Сарајево, 1955, с. 126—127; *он же.* Различита етнолошка грађа из Црне Горе и Санџака, с. 193; Etnološko-folkloristička istraživanja u Žepi, s. 205; *Filipović M.* Majevica, s. 183; *он же.* Različita etnološka građa iz Vojvodine, s. 21; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 61—69; *Ilić L.* Op. cit., p. 137—143; *Kuret N.* Op. cit., t. II. «Poletje», Celje, 1967, p. 7—18.

28 В селах Пирота (Македония) пресвета имела место через неделю после троицы.

29 На юго-востоке Македонии, например, молодые мужчины с саблями в руках испол-

няли сложные хореографические композиции, за что зрители одаривали их деньгами, которые обычно тратились на общесельские нужды.

30 *Делиниколова З.* Указ. соч., с. 168; *Дробњаковић Б.* Указ. соч., с. 216—219; *Зечевић С.* Неке елементи генезе власотиначких краљица. — «Лесковачки зборник» VI. Лесковац, 1966, с. 137—138; *он же.* Предања о русалиским гробљима у источној Србији. — «Народно стваралаштво», св. 3—4. Београд, 1962, с. 235—243; *Караџић В.* Живот и обичаји..., с. 38—39; *Кулишић Ш.*, *Петровић П.*, *Пантелић Н.* Указ. соч., с. 113, 172—174; *Filipović M.* Različita etnološka građa iz Vojvodine, s. 21; *Gavazzi M.* Op. cit., p. 69—81; *Gušić M.* Običaj lejlja kao historijski spomenik. — In: Narodni običaj lejlje-kraljice (Gorjani—Đakovština) kao historijski spomenik. Zagreb, 1967, s. 23—40; Ilić L. Op. cit., p. 145—153; *Kuret N.* Op. cit., t. II, p. 19—46; *Lechner Z.* Lejlje ili kraljice. Opis običaja. — In: Narodni običaj ljelje-kraljice..., s. 11—21; *она же.* Običaj kraljice u Dalju. — «Osiječki zbornik», br. VII. Osijek, 1960, s. 177—185.

БОЛГАРЫ

* * * * * * * * * * *

Т. А. Колева

По народным понятиям болгар весна и лето объединяются в один сезон, что, вероятно, связано с древней скотоводческой традицией Балканского полуострова. Поэтому в Болгарии повсеместно распространено представление, что лето начинается с георгиева дня (23 апреля/6 мая).

В весеннем цикле календарных праздников, как и в зимнем, ясно просматривается производственно-магическая основа. Они связаны, с одной стороны, с пробуждением и развитием природы, с другой — с определенными сторонами личной жизни человека. Отсюда — тесная связь и взаимозависимость одной и другой функции. Одни и те же обрядовые действия повторяются в разных обычаях этого цикла. Магические действа, которые являются частью различных по смыслу обрядов, можно подразделить на две основные группы: предохранительные и продуцирующие.

Имея в виду относительность границ весеннего цикла праздников и обычаев, рассмотрим их в трех последовательных группах: 1) обычаи и обряды переходного периода от зимы к весне, а именно: от начала февраля до великого поста; 2) типичные весенние обычаи — от великопостных заговен до дня св. Константина и Елены; 3) обычаи и обряды переходного периода от весны к лету — от вознесения до дня летнего солнцестояния. Такое деление обусловлено и некоторыми другими компонентами весеннего цикла — обрядовыми песнями, обрядовыми танцами, которые народ делит на зимние и летние. Переломным моментом здесь служит великий пост, перед началом которого танцуют последние зимние хороводы и поют последние зимние песни [1].

Первый период весеннего цикла начинался с праздника, посвященного виноградникам, покровителям которых считался святой Трифон (1 февраля по юлианскому календарю). В некоторых местах южной Болгарии он отмечался и как день садоводов и корчмарей. Народные наименования этого праздника неодинаковы в разных областях Болгарии: *Тр́ифун Зарев́ан Тр́ифоновден, св. Тр́ифон, Тр́ифун Зарез́ой, Трифон пи́яница, Трифон ч́ипият* (курносый).

Подрезание виноградной лозы — исключительно мужской обычай. Подготовка к празднику начиналась еще с вечера. Рано утром все хозяева шли на виноградники, чтобы совершить символическое подрезание. Первое подрезание производили на каком-либо краю виноградника и в его середине. Обыкновенно срезались одна или три лозы от одного корня или же по одной лозе от трех корней. После совершения обрядового действия хозяин поливал корень вином или «святой» водой, а в некоторых районах посыпал и золой. В юго-западной Болгарии подрезание совершали два человека, сопровождая действие словесной магической формулой в форме диалога, чтобы получить хороший урожай на винограднике.

Второй важный момент праздника — веселье и избрание «царя виноградника» (северо-восточная, южная и юго-западная Болгария). Избрание совершалось на каком-нибудь винограднике или же на определенном месте у общего праздничного стола. По традиции «царем» избирался самый лучший в селе виноградарь, на голову ему надевали «корону», сделанную из виноградных лоз. Из части отрезанных прутьев плели венки, которые потом хозяева вешали на амбары, чтобы «оставить плодородие в доме». В северо-восточной Болгарии новоизбранного «царя» везли на передке телеги, в который впрягались мужчины, или же несли его на плечах до села. Группа мужчин с «царем» во главе обходили каждый дом в селе, где их угощали вином. При этом «царя» обязательно поливали вином, что, по народным верованиям, приносит много винограда и вина. Вечером «царь» устраивал угощение для мужчин в своем доме. Празднество завершалось хороводом на сельской площади [2].

Специфический характер праздника Трифон Зарезан дает право считать, что в его основе лежат пережитки культа фригийско-фракийского бога плодородия и природы Сабазия (Диониса), распространенного по всему Балканскому полуострову [3]. Этот праздник вошел составной частью в систему обычаев пришедших сюда южных славян, познакомившихся здесь с виноградарством.

В настоящее время праздник приобрел национальное значение и называется «днем виноградаря». Устраиваются большие народные торжества, общие трапезы. В кооперативных хозяйствах награждаются лучшие виноградари. Во многих районах происходят народные гулянья, выступают участники художественной самодеятельности, исполняющие народные песни и показывающие сцены из традиционной обрядности праздника.

Празднование дня сретения (2 февраля) сопровождалось также народными обрядами. Кое-где в южной Болгарии в этот день делали прогнозы погоды на целый год, а также старались предугадать урожай [4].

Для западной Болгарии характерно празднование первых трех дней февраля, называемых *трифунцами*. По народным верованиям, в эти дни бесятся волки, и поэтому их называют еще «волчьими праздниками». В народе возникло много запретов: волк табуирован, имя его не произносится, чтобы он не наделал вреда. Женщины 1 февраля пекли *колач* (вид хлеба), часть которого разносили по соседям, а другую крошили в корм домашним животным, «чтобы на них не напал волк».

«Волчьи праздники» праздновались и осенью, в начале рождественского поста. Запреты здесь такие же, как и в переходный весенний период.

Можно предполагать, что эти праздники связаны с определенной скотоводческой традицией и с почитанием некоторых диких животных, опасных как для человека, так и для домашнего скота. Мнение некоторых авторов, что у праболгар был культ этих животных, кажется маловероятным [5].

Другим праздником с предохранительно-магической функцией был день св. Харалампия (10 февраля), известный в народе как *Харалан-бей*, *Аралан-бей*, *Харалампов ден*. Когда-то он связывался с опасностью чумы, поэтому встречается его название *чумин ден*. Праздник этот более распространен в восточных пределах страны, на западе отмечается реже, а местами и вовсе неизвестен. Самым характерным в нем было приготовление обрядовых хлебов (*питы*), обычно трех. Старшая в доме женщина раздавала их во здравие людей и животных. Хлеб подавали также и «во здравие чумы», чтобы тем самым ее умилостивить, олицетворенной в народных представлениях в виде женщины. Чума тоже табуирована, ее на-

зывали *леля* (тетя), *блàгата и мèдената* (благая и медовая). В народных верованиях св. Харалампий предстает сторожем этой болезни, выпускающим ее, когда люди много грешат. Женщины в этот день не работали, «чтобы не рассердить болезнь»[6].

Волам, работавшим в упряжи, посвящен следующий по порядку праздник — день св. Власия (11 февраля), называемый *власов ден, свети Влас, власин ден.* Народная этимология связывает название праздника с болезнью волов — *влас.*

В восточной Болгарии хозяйка рано утром, перед выводом волов на водопой, украшала их рога караваем хлеба. В западной Болгарии принято часть обрядового колача накрошить в корм волам — «для здоровья». В юго-восточной Болгарии обрядовые питы приготовляли молодухи. Каждая стремилась первой выйти на улицу и раздать хлеб «во здравие волов». Старшая женщина перед этим окуривала хлеб ладаном.

В центральной части страны в этот день не работали, чтобы «влас не схватил нивы», т. е., чтобы хлеба не выпускали стебли без колосьев. Празднования власова дня имело явную связь с трудовой деятельностью крестьянина. Есть предположение, что св. Влас унаследовал функции древнеславянского бога Волоса, покровителя домашних животных[7].

Второй период весенних праздников начинается с заговен, датировка которых меняется в зависимости от датировки пасхи и приходится на февраль или март. Различаются мясные и сырные заговены. Первый праздник не сопровождался какими-либо особенными

Масленичные огни



обычаями и обрядами. По церковным правилам лишь не едят мяса.

Другой же праздник, известный как *си̂рни по̀клади, ора̀та* (западная Болгария), *ора̀дие* (Родопская область), *си̂рна запо̀шка, запостяване* (юго-западная Болгария), *си̂рни заговѐлки, си̂рни за̀гозни, сирница* (северо-восточная и юго-восточная Болгария), был богато насыщен обычаями и обрядами. В западной Болгарии этот день именуется еще и *прошча̀ни покла̀ди, про̀чка*, потому что, по обычаю, полагалось в этот день навещать старших родственников, кума и куму (посаженых или крестных отца и мать) и просить у них прощения, целуя руки и преподнося подарки — чаще всего *баницу* (пресный слоеный пирог), вино и водку [8].

Наиболее существенными элементами праздника были огни, возжигаемые в различной форме, метание огненных стрел, обрядовая трапеза с сопровождающими ее обычаями и обрядовый хоровод.

Вечером в субботу, накануне сырных заговен в каждом доме готовили традиционные обрядовые блюда: баницу, рыбу, рыбник, вареные яйца. Ужин связан с обычаем *ха̀мкане, ла̀мкане*. Над столом на белой нитке подвешивали крутое яйцо, или кусок белой халвы, или уголь, придавали им вращательное движение, а сидящие старались откусить их без помощи рук. Яйцо и уголь после этого сохраняли как лекарство. Затем поджигали нитку, отгадывая по ее горению, каков будет урожай и приплод скота, женитьба молодых и здоровье.

Самый существенный элемент праздника — возжигание огней. В научной литературе высказывались различные предположения относительно происхождения этих огней, о перемещении их датировки с лета на весну [9]. Но сама сущность огней, зажигаемых на заговены, раскрывает их очистительное и предохранительное значение, отличное от функции летних огней, и поэтому едва ли верно, что эти огни перенесены с лета на весну.

Различаются два вида огней: костры и факелы. Костры — копны соломы, хвои, сучьев — разжигали вне села на высоких местах — это *о̀ратници, олела̀и, самоди̂вски огън, лампади̂я, ку̀рник, си̂рница, га̀ро (га̀ре), курко̀вник*. Первые два названия встречаются в западной Болгарии, остальные — в восточной, южной и юго-западной. Около них собирались дети, девушки и парни, позднее приходили и люди, старшие по возрасту. Каждый перепрыгивал через пламя. Верили, что это предохранит летом от блох и других насекомых. Согласно примете парень, выше всех подпрыгнувший над огнем, женится в этом году. По этим огням еще предсказывали плодородие: куда шел дым, в той стороне летом не упадет град.

Другой вид огней — различной формы факелы, с которыми дети и парни бегали по селу или обегали с ними вокруг больших костров. В отдельных областях Болгарии факелы носили разные наименования: *катра̀лник, ору̀глица, лапърди, ру̀кли пълели̂я, ойлали̂я, о̀врътник, о̀ратник*.

Первый вид огней связан и еще с одним обычаем, характерным для южной и юго-восточной Болгарии — обрядовым хороводом вокруг костра. Это буйные хороводы, сопровождающиеся притоптыванием, подниманием высоко ног, — «чтобы высокими росли конопля и хлеба». В юго-восточной Болгарии они назывались *кава̀ле* — (кавал род свирели, под которую танцевали), слово это означает и само веселье около огня. Кава̀ле плясали всю неделю; это были последние зимние хороводы — на пасху начинались уже летние хороводы [10].

Для юго-западной, восточной и юго-восточной Болгарии характерно сочетание этих огней с метанием парнями огненных стрел (*чи̂лкане, туи̂кане*) после того, как они перепрыгнут большой костер. Стрелы также носили различные

названия: *ча̀вга, пѐрница, луга̀чка.* В юго-западной Болгарии ими стреляли из лука. Верили, что чем дальше залетит стрела, тем больше будет плодородия в этом году.

В западных землях Болгарии на сырной неделе качались на качелях, что, по поверью, приносило здоровье. В юго-западной Болгарии во время качания девушки пели песни любовного содержания. В восточной Болгарии качались чаще всего на пасху или в георгиев день.

На этой неделе девушки, подросшие для замужества (*подѐвки*), играли в «свадьбу». Разделялись на две группы, одна из которых изображала дом парня, а другая — дом девушки. Между двумя группами разыгрывался диалог, повторяющий некоторые эпизоды народного свадебного обряда [11].

Один из интересных обычаев в западной и в особенности в юго-восточной Болгарии — *зора̀* (заря) или *гора* (лес). В течение всей сырной недели парни и девушки затемно выходили за село, садились на какое-нибудь ровное место, повернувшись к востоку, и пели песни. Затем водили незамкнутый хоровод и продолжали петь песни любовного содержания. Народное объяснение обычая — «для плодородия и здоровья» [12]. По всей вероятности, эти обычаи связаны по значению с девичьими весенними обычаями.

Одним из наиболее колоритных обычаев сырной недели, содержащих драматическое действие, являются *ку̀кери.* Этот обычай распространен в восточной Болгарии, а наиболее богат и разнообразен по обрядности он в пределах исторической области Фракии. Чаще всего обычай совершался в *сырный, чистый, песий* понедельник — после сырных заговен. Участники его — молодые мужчины и парни, переодетые в кукеров. Во Фракии и северо-восточных пределах страны участники карнавала носили чаще всего название *ку̀кери,* иногда *ара̀пи, джама̀ли,* а в области Сре́дна гора̀ — ку̀кери, *старци, маскарѝ, бабу̀рци.* Обрядовый персонаж представлен «царем», «старцем», «бабой», куками, главным кукером, местами встречались «жених», «невеста», «молодуха», «телохранители». В юго-восточной Болгарии еще участвовали «кукерска бабка», «цыганка», «стрелец», «дракуси», «монахи», «молодуха-обманщица» [13].

В различных районах восточной и южной Болгарии одежда кукеров различна. Без сомнения, этот костюм, имеющий обрядово-магический смысл, претерпел с течением времени много изменений; наиболее старой является видимо, одежда из шкур шерстью наружу и меховые маски, представляющие козу, барана или другое животное. «Царь» во Фракии привязывал себе длинную белую бороду и обыкновенно оставался в местной мужской одежде. Мужчины, исполняющие женские роли, не закрывали лицо маской, но одеты были в местную женскую одежду. Кукеры вооружены деревянными саблями, деревянными молотами (*топуз*). В Средногории — *пѐметами* на длинной палке (в быту приспособление для выметания золы в хлебной печи), в северо-восточной Болгарии носили *клюнки* (искривленные палки). Во Фракии атрибутом одного из кукеров бывает *кросно* (часть ткацкого стана), имитирующее ружье, которым символически убивали «царя». В качестве обрядового реквизита во Фракии встречалось и яйцо: это символ плодородия, которое приносили кукеры. Особенно характерен для кукерских игр во Фракии деревянный фаллос — обыкновенно атрибут главного кукера. Важным элементом обрядового костюма кукеров являлись различной величины медные бубенцы, привязанные вокруг талии.

Кукерский праздник состоял из двух основных моментов: а) обход села — кукеры совершают ритуальные действия, желают благополучия и плодородия, со-

бирают подарки; б) ритуальная пахота и посев на сельской площади.

Праздник начинался сбором кукеров на сельской площади. Переодетые мужчины высоко подпрыгивали, далеко разносился звон их бубенцов. С пометами они гонялись за собравшимися на площади людьми, стараясь осыпать их золой. Изображали сцены умыкания «молодухи», «ребенка». Совершали символическое убийство главного кукера, которого воскрешала кукерская молодуха. После этого обходили село и собирали подарки — обычно пшеницу, масло, мясо. По народным понятиям, кукеры «приносили плодородие и прогоняли злые силы». Во многих местах Фракии при обходе домов или на сельской площади главный кукер дотрагивался деревянным фаллосом до бездетных женщин; совершались и другие эротические обряды с целью «оплодотворить» женщин. В некоторых местах восточной Болгарии (в Бургасской, Варненской, Казанлыкской околии) во время обхода кукерами села женщины тайком отрывали кусочки от их одежды и привязывали их к плодовым деревьям — для плодородия. В этих же районах после завершения кукерских игр кукеры купались в реке [14].

Вторая часть праздника состояла в ритуальных запашке и посеве на сельской площади. Главным действующим лицом в этой части обрядов был «царь», которого привозили кукеры на передке телеги. Проведение борозды деревянным ралом совершали главный кукер и несколько других кукеров, а посев — дело «царя». Когда «царь» замахивался, чтобы бросить семена, кукеры высоко подпрыгивали и звонили бубенцами. Верили, что чем выше они подпрыгнут, тем больше будет урожай в текущем году. Во время посева «царь» произносил магические формулы, которые должны были дать желанное плодородие полям, животным. В конце сева кукеры внезапно нападали на «царя» и



Кукер из Сливенского округа

«убивали» его или же три раза валили его на землю. Реже вместо «царя» кукеры валили на землю «молодуху». Затем «царь» воскресал и начиналось бурное веселье среди кукеров и зрителей.

В Родопах обход села *старцами* сопровождался пожеланиями плодородия и приплода [15].

Местами исполнялась также игра *камила* (верблюд), чисто развлекательного характера: верблюда изображали два человека, несущие деревянный остов, покрытый одеялом (туловище верблюда) с приделанной головой; камила смешила публику, кривляясь и подпры-

гивая, она «умирала» и «воскресала»; камилу вел «поводырь».

В отличие от многих других народных праздников кукерские игры и в настоящее время имеют большую популярность. Они приобретают все более выраженный характер народного театра. В драматическом действии появляются новые персонажи, как, например, «доктор», «фотограф», «офицер» и т. д., и новые сцены, как «сбор налогов». Современное развитие кукерских игр характерно и тем, что они распространяются также в районах, где прежде кукеров не было. Устраиваются фестивали кукерских игр. Их участники соревнуются в создании различных масок и в развитии нового драматического действия. Современные кукерские игры сохраняют главные моменты традиционного обряда, но вера в магическое воздействие отпала. Массовое их распространение — пример современного преобразования народной традиции.

Вопросом о происхождении кукерских обрядовых игр в Болгарии занимались многие ученые; одни считают их древнегреческим обычаем [16], другие — фракийским [17]. Несомненно, в основе кукерских игр лежит культ фракийского бога Диониса, олицетворения сил природы и связанных с ним представлений о плодородии земли. Возможно, что, например, «царь» идентичен руководителю фракийского праздника в честь Диониса. Представление об умирающей и воскресающей природе, характерное для культа Диониса, в обряде выражается в «убийстве» и «воскресении» царя кукеров.

Группа кукеров из с. Маламир Ямбольского округа



Этот момент повторяется два раза: в начале обряда и после завершения сева. Элементы фаллического культа в кукерской обрядности занимали важное место в древнегреческих дионисиях, а также были известны фракийцам.

Однако сложная структура кукерских обрядовых игр и некоторые их элементы раскрывают пережитки еще более древних верований, лежащих в основе культа божеств, которые перевоплощаются (позднее — умирают и рождаются снова). Очень вероятно, что в основе обрядности кукерских игр лежит эта древнейшая идея о перевоплощении.

Некоторые особенности кукерских игр, костюмы участников напоминают новогодних сурвакаров.

Богата обычаями и обрядами и неделя после сырных заговен, называемая *тодоровой, черной*. Несколько ее дней — понедельник, вторник, среда, четверг и суббота отмечены рядом запретов. Понедельник известен чаще всего как песий (*пъ̀си, пѐси*), чистый (*чист*), *рогач* в восточной Фракии — *кукеров день*. Наиболее характерным для него обычаем, особенно во Фракии, было качание собак на веревке. Местами в северной Болгарии вместо этого собак гоняли по селу с привязанной к хвосту тыквочкой, наполненной золой, или жестянкой. Эти обычаи предохраняли по народному верованию собак от заболеваний.

Профилактическую функцию имел и ряд других обычаев, приуроченных к этому дню. Например, выкидывали на улицу скорлупу яиц, сваренных к сырным заговенам, чтобы «изгнать из дому блох». Водой, в которой варились эти яйца, женщины рано утром умывались, так как есть поверье, что это предохраняет от ранений об ость во время жатвы. В юго-восточной Болгарии рано утром в чистый понедельник старшая в доме женщина пекла специальный обрядовый хлеб, чаще называемый *змиурка*, так как он похож на змею. Каждому давали по кусочку, «чтобы змеи не напали летом во время полевых работ»[18].

Вторник тодоровой недели открывал ряд «дурных вторников»: в эти дни остерегались начинать какое-либо дело; верили, что родившийся в этот день будет неудачником. Вторник тодоровой недели имеет различные наименования: *чѐрен, църн, сух* (считается, что он наводит засуху), *усувски* (встречается лишь в средней части северной Болгарии — в Плевенской околии). Согласно местному поверью, домашним животным в этот день грозила болезнь — сухотка ног, «усов». Следующий день — «безумная среда» отмечен запретом работать из-за опасности сойти с ума. В юго-восточной Болгарии среда эта называлась *тримиро*. Это конец трехдневного строгого поста, во время которого пожилые люди ничего не ели (*тримирили*). Четверг тодоровой недели в народе прозван *въртогла̀в, въртолома*, и особые запреты в этот день исполнялись для того, чтобы люди и мелкий домашний скот не «заболели бы головокружением». Запреты более всего затрагивали работы, связанные с овцами. Женщины пекли обрядовый хлеб, часть которого раздавали людям, а другую клали в корм овцам. Этот четверг — первый из двенадцати праздничных четвергов, канонизированных церковью[19].

Последний день тодоровой недели — суббота — один из самых больших весенних праздников в Болгарии. Различные его названия — *то́доров ден, то́дорица, то́дорова събота*; название *ко́нски велѝкден* (лошадиная пасха) говорят о его торжественности и о почитании коней, отраженном в легенде о св. Тодоре, считающемся покровителем этих животных.

Наиболее существенными моментами праздника были: раздача обрядовых хлебов «на здоровье» коням и другому скоту и конные состязания, в западной Болгарии называемые *ту̀дорица, то̀дорица*, а в восточной — *кушѝя, домлѐ*.

Хлебы выпекали перед восходом солнца (названия их — *копйто, кòнче* — лошадка; *кýкла, колáк, светй Тóдор*); они имели часто подковообразную форму и украшались фигурками лошадок из теста, кукурузными зернами, орехами, дольками чеснока. Во время раздачи хлеба обыкновенно подскакивали три раза, приговаривая: «Чтобы кобылы жеребились все самочками». Куски этих хлебов клали в корм коням «для здоровья», а фигурки сохраняли, чтобы «лечить ими лошадей». В восточной половине Болгарии эти хлебы относили на церковный двор, где накрывалась длинная общая трапеза, которую благословлял священник.

За раздачей хлебов следовал второй момент праздника — конные состязания. Все молодые мужчины, празднично одетые, выводили коней на сельскую площадь, откуда начинались скачки. Победитель награждался подарком — чаще всего рубахой или поясом, а на его коня надевали венок. Затем отличившийся ездок обходил село, и в каждом доме девушка или молодая женщина подносила его коню ведро с «неначатой» (не питой никем) водой или вином. В доме победителя устраивался хоровод.

Тодоров день также считался праздником молодух, вышедших замуж в истекшем году. Обычай больше распространен в восточной части страны. Молодые жены получали в подарок от кумы и от родственников караваи. Дарение происходило на церковном дворе после службы, где собирались все молодухи села, одетые в свадебные наряды. Под конец молодухи становились в круг и брыкались — «для здоровья лошадей» [20].

Обычаи тодорова дня, посвященные более всего лошадям, известны на Балканах у болгар, сербов и румын. Происхождение их пытались выяснить многие ученые; некоторые из них связывают их с культом «фракийского всадника» (Хероса), особенно распространенным некогда на территории Болгарии [21]. Специфика этого праздника и его относительная географическая ограниченность дают повод предположить, что в его основу легли некоторые обрядовые действия, составлявшие часть праздничной системы дославянского населения — фракийцев и даков. Исторические свидетельства говорят, что они были лучшими коневодами на Балканском полуострове и создали, вероятно, культ этого животного [22].

В некоторых местах в Болгарии женщины шли на кладбище, зажигали на могилах свечи. Изредка в южных районах страны и конные скачки происходили около кладбища. Эта связь с поминовением мертвых очень интересна.

Начало марта во многих местах Болгарии, по народным представлениям, считается началом лета. Совершались разнообразные обряды, которые имели прежде всего предохранительное значение. В западной Болгарии первая неделя марта называется *мартина неделя*.

Первого марта женщины вытряхивали все домашние вещи, «чтобы блохи убежали», чистили трубы. На дворе зажигали мусор, и все перепрыгивали через огонь, веря, что летом не укусят змеи. Дети перед восходом солнца три раза обегали дом и двор, ударяя о жестянки и выкрикивая: «Убегайте, змеи и ящерицы, бабушка Марта идет!»

Рано утром женщины выносили красную одежду и красные платки и развешивали их на стрехах крыши, «чтобы бабушка Марта рассмеялась». Красное висело до праздника сорока мучеников.

Повсюду в Болгарии 1 марта принято делать *мàртеницы* (*мàрта, мàртичка, кичйлка*) [23]. Это ссученные из двух ниток шнурочки (чаще из красных, реже из красного и белого), обычно шерстяных, иногда из конопляных или хлопчатобумажных. Приготовление мартениц сопровождалось известными обрядовыми действиями. Их ссучивала в доме старшая женщина, которая должна быть «чистой» (без месячных). Она не при-

касалась к огню: иначе мартеница потеряет свою магическую силу. Приготовив мартеницы, женщина перепрыгивала через костер, разложенный во дворе, и затем привязывала мартеницы «на здоровье» домочадцам. Детям их завязывали на правую руку или на шею, на правый палец ноги, девушкам и молодухам — на шею или же вплетали в косы. Мартеницы завязывали также и молодым животным, и на фруктовые деревья — для плодородия. Их полагалось носить, пока не увидишь первую ласточку или аиста, и после этого — снять и положить под камень. Через несколько дней смотрели, что́ под камнем: если муравьи, — народится много ягнят, если черви, — удачен будет приплод у лошадей, если же божья коровка, — размножатся коровы. А девушки по тому, что найдут под камнем, гадали о замужестве. Например, когда под камнем муравьи, — это означало, что девушка выйдет замуж за пастуха. Кроме того, мартеницы сохраняли как «средство против сглаза», в этом случае привязывали их чаще всего малым детям.

Праздник, приуроченный ко дню сорока мучеников (9 марта), в восточной Болгарии известен, как *свето̀ чети̇̀ресе*, *сто̀ чети̇̀ресе*, *свето̀ четиредестѐ*, а в западной — как *младенцы*. Младенцы праздновались «в честь» ветряной оспы. Выпекали сорок обрядовых продолговатых хлебцев, называемых *младенцами*, и раздавали их родным и соседям. В первый год после замужества молодые женщины носили младенцы куме, деверю (род шафера) и матери. Этот обычай известен и в северной Болгарии (Плевенский округ). В западной Болгарии этот день праздновался также и во здравие волов. По народным представлениям волы опоясаны сорока поясами, придающими им силу, а в этот день волы их сбрасывали, поэтому нельзя было их впрягать — иначе они умрут [24].

С днем сорока мучеников связаны еще два обычая. Первый из них посвящен змеям, которые якобы в этот день выползали из своих зимних нор. Змею в день сорока мучеников (как и в некоторые другие, посвященные ей дни), не следовало, по поверью, называть «змеей» (т. е. она была табуирована), но как-то иначе, — например, «гадиной». Различные обрядовые запреты в эти дни направлены к одной цели — охранить человека от встречи со змеей.

Второй интересный обычай — это выход девушек, достигших брачного возраста, перед восходом солнца в лес или в поле. Этот обычай распространен в Болгарии повсеместно и связан, с одной стороны, с сырными заговенами и молодежными забавами, а с другой — с лазарованием (см. ниже). В северо-западной Болгарии к девушкам присоединялись и парни. В наиболее развернутой форме обычай засвидетельствован в юго-восточной Болгарии (Хасковский округ). В нем участвовали только девушки, достигшие уже брачного возраста, которым предстоит лазаровать. Одеты они празднично. С ними и девушка-воевода, избранная главой лазарок в минувшем году. Разделившись на группы соответственно возрасту, они начинали петь. Обойдя поле, направлялись к сельской мельнице, где мельничиха уже приготовила для них обрядовой хлеб (питу) с запеченной в него серебряной монетой. Она разламывала хлеб девушкам, и та, которой попадалась монета, становилась воеводой на следующем лазаровании. Затем направлялись к реке, где встречались с парнями и с ними плясали в хороводе, и, наконец, возвращались в село [25].

Праздник благовещения (25 марта) известен по всей Болгарии. В западных ее пределах встречается его название *бла̀говец*, в южных — *бла̀говец*, *благощенѐ*, а в восточных — *благовѐщение*. Обрядовые действия, исполняемые в этот день, имели прежде всего очистительную и предохранительную функцию. Главный обряд — изгнание змей — по форме

идентичен с аналогичными действиями, выполняемыми 1 марта и в день сорока мучеников. Зажигали также костры с очистительно-предохранительной целью. Верили, что в этот день змеи не кусаются. Голова убитой в благовещение змеи считалась целебной.

Во многих местах в этот день метили ягнят и козлят.

Есть поверье, что самодивы приходили на этот праздник и заводили свои хороводы на своих привычных местах. Верили также, что на благовещение прилетают кукушки и другие птицы, которые приносят весну [26].

Пожалуй, из всех весенних праздников наиболее богаты обрядовыми действиями и наиболее сложны по структуре и функциям девичьи обычаи, исполнявшиеся на великий пост, в лазареву субботу, вербное воскресенье (*цвѐтницу*) и на пасху. Обычаи эти известны по всей стране. В северо-восточной Болгарии они засвидетельствованы в трех разновидностях: *ла̀зарки*, *боѐнец* и *да̀нец*, но специфичны для этой области *буенек* и *данец*. Эти обрядовые игры исполнялись в разные дни в период от дня сорока мучеников или же от воскресенья крестопоклонной недели и до цветницы. Участницами были девушки трех возрастных групп. Они танцевали обрядовый танец — *буенек*, а самые старшие из них, которым предстояло выйти замуж, плясали *данец*. Девушки носили одежду молодухи или некоторые его элементы — рубаху, платок, украшения. Самая старшая из девушек, которая уже «играла» в прошлом году, избиралась женихом или буенеком. Она одета в мужскую рубаху, мужскую меховую шапку, волосы распущены, в правой руке — деревянная сабля или топорик (секира), а в левой — белый платок. Шапка украшена венком и монетами. На талии — пояс с приколотыми к нему белыми и пестрыми платками. Избиралась еще маленькая — не старше 10 лет — девочка, которая играла роль молодухи (*бу̀лка*). На ней — девичья одежда, а лицо закрыто красным свадебным платком (*бу̀ло*).

Девушки собирались в доме буенека, оттуда шли за булкой с песнями на сельскую площадь, где перед деревенскими жителями начиналась обрядовая игра. Двумя рядами, взявшись за руки, девушки становились друг против друга, а между ними танцевал буенек и булка, сходясь и расходясь. В конце буенек набрасывал белый платок на правое плечо нескольких зрителей, которые завязывали в него мелкие деньги.

В данеце девушки образовывали незамкнутую хороводную цепь, выстраиваясь по росту [27]. По народным представлениям, буенок и данец исполнялись для здоровья и плодородия.

Другая разновидность весенних девичьих обычаев — *лазарование* (*лазару̀ване*) или *лазарица* была характерна для западной Болгарии, Фракии и области Родопских гор. «Хождение на Лазаря» происходило в лазарову субботу. За несколько дней до праздника все девушки собирались в доме какой-нибудь пожилой женщины и разучивали там песни и обрядовые хороводы. В некоторых местах западной Болгарии девушки перед лазарованием ночевали в этом же доме. Женщина утром выводила их в село. Среди лазарок были девушки, переодетые молодухами, с красным свадебным покрывалом, которых звали *лазаровы булки*. Красочны обрядовые украшения их костюма; в Софийской околии, например, на головах лазарок венки из ковыля.

Лазарки обходили все дома и пели подходящую для каждого члена семьи песню (как это делали в рождественско-новогодние праздники коледары). Затем шли на поля, исполняя песни, где говорилось о большом урожае; считалось, что слова песни могут вызвать плодородие [28].

В юго-восточной Болгарии одновременно бытовали и буенек и лазарки. Ха-

рактерным обрядовым персонажем в них являлась «воевода» (*войвода*). Изображавшая его девушка была одета, как молодуха, тогда как в костюме лазарок имелись элементы наряда невесты [29].

Лазарские игры завершались в вербное воскресенье обычаем кумления (*кумичене*). Интересно развитие кумления в западной Болгарии. Накануне девушки, которые лазаровали, ночевали в доме старой *кумицы* (избранной в минувшем году), а если она вышла замуж, то у новой. Кумица должна непременно в течение года выйти замуж. Пекли хлеб, от которого каждая лазарка брала по куску и метила его. Рано утром пожилая женщина выводила девушек к реке, и они пускали по воде на дощечках ломти хлеба. Девушка, чей кусок плыл впереди, выбиралась кумицей. В других местах западной Болгарии лазарки приготовляли обрядовые хлебцы, называемые *куклами*, с которыми кумились описанным способом на реке. С подобными же куклами совершалось кумление и в некоторых местах Фракии. По возвращении с реки девушки делали в доме кумицы обрядовое кушанье из хлеба. После еды танцевали в круговом хороводе и пели песни эротического содержания, напоминающие песни буенека.

В восточной Болгарии во время кумления чаще всего пускали по воде веночки из вербы. Для юго-восточной Болгарии характерно, что девичий хоровод после кумления вытягивал с речки парень, обычно возлюбленный кумицы. В знак почтения девушки «говели»

Танец лазарок (с. Бусманцы Софийского округа)



(молчали) перед кумицей до пасхи, т. е. первыми не заговаривали с нею (такой запрет соблюдался после свадьбы по отношению к куме — посаженой матери). А на пасху шли к кумице в гости, целовали ей руку, подавали каравай, крашеные яйца и тогда уже начинали с ней разговаривать. Кумица угощала девушек и подносила им маленькие подарки.

Вечером на сельской площади в последний раз танцевали лазарский танец, к лазаркам впервые присоединялись все девушки и парни, и хоровод замыкался в круг. Кумление связано с очень древним поверьем, что девушек, которые лазаровались и кумились, не сможет похитить змей [30].

В весенних девичьих обычаях имеются и элементы погребального культа и культа предков. Например, лазерки шли на кладбище и раздавали там обрядовый хлеб и яйца; в некоторых местах они надевали траурные одежды; появлялась мифическая фигура «умершего и воскресшего Лазаря»; пелись песни об умерших девушках и парнях.

В науке установилось мнение, что лазарские обычаи по происхождению — любовно-брачные [31]. Такое понимание представляется слишком узким и не раскрывает генезиса обычая.

Изучение элементов этих обычаев показывает, что они возникли в глубокой древности и отражают определенные общественные отношения и нормы поведения в человеческом коллективе. Лазарование, буенец и кумление — последовательные этапы весенних девичьих обычаев. В основе их лежат обряды посвящения, восходящие к эпохе первобытнообщинного строя, с характерным для него половозрастным делением членов коллектива. Женские инициации освящали переход девочек, достигнувших половой зрелости, в группу девушек, которые получали после обряда право на вступление в брак [32].

Весенние девичьи обычаи и обряды находят аналогию в зимних мужских обычаях колядования. Основной смысл обеих групп обрядов состоял, очевидно, в переводе подростков в возрастную группу, имеющую право на брачную жизнь.

Вербное воскресенье (*връбница, цветница*), — сравнительно бедно обычаями. Люди посещали церковь, освящали там ветки вербы и украшали ими дома и хозяйственные постройки для здоровья и плодовитости.

На страстной неделе (*страстна неделя*) особенно соблюдали среду, четверг и пятницу. В страстной четверг перед восходом солнца начинали красить пасхальные яйца. Первым окрашенным и еще не высохшим яйцом женщины мазали лбы и щеки детям, «чтобы были здоровы и красны». Первое пасхальное яйцо якобы обладало магической силой, и потому его сохраняли в доме, чтобы «помогать при болезнях и отгонять град». Начинала красить яйца обыкновенно старшая женщина в доме, в пятницу к ней присоединялись молодухи и девушки.

Яйца красили и расписывали различными способами. Особенно красивы они в западной Болгарии (*перашки, писани яйца, шарени яйца*).

Мотивы узоров — растительные, зооморфные, геометрические — женщины заимствовали из окружающей природы.

В страстной четверг исполнялся обычай обновления («омоложения») хлебной закваски, которой затем пользовались весь год. При этом нередко клали в тесто целебные травы и часть его оставляли как лекарство или как средство от колдовства.

Обрядовые хлебы выпекали в четверг и пятницу. Подобно рождественским, они богато украшены. Иногда они и назывались как рождественские, но чаще по-своему: *великденски кравай, великденски колак, великденска кукла, кукленици*. Эти хлебы ставили на праздничный стол, носили в качестве пасхальных подарков крестным, кумам и родствен-

никам [33]. Страстной четверг — первый в ряду четвергов до спасова дня, которые отмечали из опасения градобития.

Пасха (*великден*) праздновалась три дня. Это большой весенний праздник, насыщенный множеством обычаев и обрядов. Он осознавался как религиозный праздник воскресения Христа, но содержание обычаев и обрядов, которые его сопровождали, показывает, что в его основе лежат древние языческие религиозные верования. Христианская сторона праздника отразилась в посещении церкви. Свечу, которую зажигали в церкви, приносили домой и клали за икону. В некоторых районах Болгарии ее зажигали на правом рожке жертвенного ягненка в день св. Георгия. После службы каждый стукал своим яйцом о яйцо другого человека, и тот, у кого яйцо не разбилось, радовался, что будет здоров. Во многих районах Болгарии пасхальная трапеза не убиралась со стола три дня, и всякого, кто входил в дом, угощали.

Женщины, вышедшие замуж в текущем году, надевали свадебные наряды, посещали своих кумовьев с пасхальными караваями и красными яйцами — это называется «носить поклон». Кума, со своей стороны, возвращала *поклон* молодухе [34].

Аналогичный обряд, как уже говорилось, исполняли девушки — участницы кумления, по отношению к своей кумице. Девушки одевались в новые платья, сшитые специально для пасхи. Это наряд «законченной девушки» (*свършена мома̀*), т. е. такой, которая могла выходить замуж. Угостив девушек, кумица выводила их за село, где они качались на качелях. По народным верованиям, это предотвращало от похищения девушек змеем и вилами (самодивы). Змей в болгарских верованиях — мифическое существо, получеловек, полузмей, который может превращаться и в парня и похищать девушек. Качание также якобы предохраняло от тяжелых заболеваний, и потому вслед за девушками на качели садились молодые женщины и дети. Во время качания пели особые «пасхальные» песни, среди которых преобладают мифологические и баллады [35].

Другой важный элемент пасхальной обрядности — это хороводы, продолжавшиеся три дня. Для этих хороводов девушки, которые играли буенец и лазаровали, еще с зимы шили и вышивали новую одежду. Пасхальные хороводы относились к роду летних, в которых танцующие первые после сырных заговен образовывали замкнутый круг. Функция хоровода и песенные мотивы взаимосвязаны, они имеют предохранительно-магическое значение. В песнях поется о мифических существах — юдах, самодивах, змеях, которые похищают девушек и молодых женщин. Вообще пасхальные качели, хороводы и песни не имеют связи с христианской стороной праздника. Генетически и функционально они относятся к группе весенних девичьих обычаев, являясь их завершением.

Понедельник фоминой недели (*то̀мина недѐля*), наступающей непосредственно после пасхи, называется *разту̀рни понѐделник* (букв. рассыпанный, разоренный). В этот день девушки и парни выходили за село и играли в разные игры. В западной Болгарии устраивали обрядовый хоровод — *ла̀дино хоро̀*. Вероятно, это название связано с припевом каждой хороводной песни «Ла̀дола» [36]. Односельчане собирались на площади, чтобы полюбоваться на пляски девушек и юношей. В хороводе девушки становились по возрасту, во главе с теми, которые могли выйти замуж в этом году (*до̀дни мома̀*). К ним присоединялись и парни. Танцоры образовывали круг, называемый здесь *ко̀ло*. Две замужние женщины становились внутри и снаружи круга, держа платок, под которым должны пройти все танцующие. Затем женщины опускали платок, рассекая круг и начиналось незамкнутое *во̀дено*

хорò. Так повторяли три раза, после чего образовывалось три замкнутых хоровода.

В Болгарии хорошо известен общеевропейский шуточный обычай 1 апреля, когда каждый старается обмануть другого. Он распространен и в городах, и в селах.

Самый большой весенний праздник — это георгиев день (23 апреля). По народным представлениям, он важнее пасхи, что нашло выражение в песнях: «Хороша пасха, но еще краше георгиев день». В обычаях георгиева дня, приуроченных к поздней весне, яснее, чем во многих других, выявляется связь с трудовой практикой людей, с возрождением природы и жизни.

Георгиевские обычаи можно подразделить на несколько групп, которые раскрывают многослойный характер праздника. Ядро праздника — скотоводческие обычаи, связанные с летним выпасом овечьих стад, с первым доением и приготовлением молочных продуктов, с увеличением приплода. В обрядности прослеживаются корни древней скотоводческой культуры, распространенной в Балкано-Карпатской области и генетически связанной с дославянским населением. Важнейшие элементы этого первичного ядра следующие: обрядовый выгон стада на пастбище; украшение кошар и других хозяйственных построек зеленью (различной в разных районах); приготовление венка для овцы, которую первой будут доить; обрядовое украшение сосудов для молока и молочных продуктов с целью магического воздействия на увеличение удоя; обрядовое начало доения сквозь предметы, которым приписывается магическая предохранительная сила (кольцо, браслет, каравай, бердо ткацкого стана); закапывание красного пасхального яйца под сосуд с молоком; заклание первого в стаде ягненка в качестве жертвы св. Георгию, который считается покровителем пастухов и овечьих стад. К первичному ядру относятся и следующие элементы, имеющие распространение не по всей Болгарии: похлопывание куском брынзы молодух; обрядовая трапеза, поверья о снятии с неба месяца, превращении его в корову и доение этой «коровы» женщинами-колдуньями (*магьосници*, *вражалйци*, *знахàрки*)[37].

Для жертвоприношения (*курбàн*) почти повсюду выбирали среди родившихся первыми белого ягненка (очень редко черного). Подготовка к жертвоприношению и само заклание сопровождалось обрядовыми действиями. На голову барашка надевали венок, на правый рожок ставили зажженную свечу (часто пасхальную), давали ему поесть отрубей, зеленой травы, соли и поили водой. Старший в доме мужчина окуривал барашка ладаном и закалывал.

Место, на котором совершался обряд, в разных местах Болгарии выбирали различное. Во Фракии это делали под фруктовым деревом, при этом кровь закапывали под ним или же выбрасывали в реку. В северо-западной Болгарии и в средней области северной Болгарии ягненка кололи у очага или у восточной стены дома. В западной Болгарии встречались обе обрядовые практики.

Кровью мазали лбы детям, «чтобы были красны и здоровы». В западной Болгарии существовала практика колоть ягнят на особом месте церковного двора. Кровь их, якобы обладающая магической силой, собиралась и употреблялась как лекарство. Барашков съедали на общесельской трапезе, кости их закапывали в муравейник, «чтобы овцы плодились, как муравьи». Закапывание костей — очень древняя практика, связанная с верованием, что животное после этого возрождается и размножается. Это нашло отражение и в народных сказках. Древняя практика коллективного съедания первого убитого на охоте животного впоследствии перешла на домашнее, чтобы обеспечить ему размножение, позднее она видоизменилась в

преподнесение жертвы божеству-покровителю[38]; наконец, она же нашла отражение в христианской легенде об авраамовой жертве. Этот мотив содержится и в песнях, связанных с георгиевым днем.

Следующая группа обычаев и обрядов выражает аграрную функцию праздника. Это прежде всего обычаи, сопровождающие замешивание обрядовых хлебов. В северо-восточной и юго-восточной Болгарии хлеб замешивали на «немой воде» (*мълча̀на вода̀*), которую молча набирали в одном, трех или в девяти источниках или колодцах и молча же приносили. Такая вода, по поверью, обладала магической силой, передающейся и хлебу. В других районах страны хлеб замешивали на «цветочной воде», настоенной на разных целебных травах и цветах. Хлеб замешивала старшая в доме женщина или же молодуха. Самые распространенные названия георгиевских хлебов — *коша̀ра*, *овча̀рник*, *светѝ Гео̀рги*; встречались также и названия, повторяющие наименования рождественских хлебов: *бого̀вица*, *крава̀й*, *кола̀к*.

К той же группе обычаев относится валяние по росе. В западной Болгарии при этом обнажали нижнюю часть тела; чаще всего это делали бесплодные женщины. Обычай отражает древнее верование в оплодотворяющую силу земли, действующую при непосредственном с ней соприкосновении.

Практиковалось купание и умывание в реках и источниках. Оно постепенно также трансформируется в идею о здоровье, но в некоторых районах страны сохранились при этом и реликты древних верований[39].

Третья группа обычаев исполнялась во имя счастливого брака. К ним принадлежит прежде всего «напевание колец», аналогичное новогоднему ладованию. Гадали также по луку, нарекая подрезанные его перья именами возможных женихов, и затем смотрели, какое перо вырастет выше. Бытовал обычай гуляния девушек и парней за селом, где они жгли костры, танцевали. Имеются сведения о свободном поведении молодежи, выходящем за рамки принятых норм. По-видимому, в этом можно усмотреть пережиток некогда широко распространенного поверья о магическом влиянии оплодотворения людей на приплод скота и плодородие полей[40].



Зажигание свечи на рожке барашка перед его закланием в георгиев день (г. Копривштица)

Помимо перечисленных обычаев, в праздник георгиева дня включены и другие, как, например, качание на качелях, взвешивание на весах, обрядовый хоровод, повязывание по-женски платка молодухам, поиски зарытых кладов.

Христианская легенда о воине и мученике Георгии нашла своеобразное отражение в фольклоре: например св. Георгий убивает дракона, стерегущего плодородие, освобождает рабов, царскую дочь.

В своей основе праздник св. Георгия связан со скотоводческим бытом пред-

ков болгар, и прежде всего с овцеводством. Не случайно и у других народов Балкано-Карпатской культурно-исторической области (у сербов, румын, албанцев) встречаются обычаи, аналогичные основному ядру болгарских обычаев георгиева дня: первый надой молока, начало летнего выпаса овец, принесение в жертву молодого животного и др. Связь праздника со св. Георгием — вторичная, так как его культ распространился здесь позднее, с принятием христианства.

В настоящее время георгиев день — официальный профессиональный праздник животноводства, который широко отмечается в сельских кооперативах. Запеченный барашек стал теперь и характерным праздничным блюдом к 1 мая.

За георгиевым днем следует праздник *ранополия* (24 апреля), известный под таким названием в западной Болгарии, в средней он называется *храни́-полѐ, поле́-ра́ни, на́пус*, в восточной — *ра́спус*. В этот день расторгались договоры между хозяевами, пастухами и батраками, что отражено в двух последних названиях праздника (букв. «уход», «роспуск»). В народных представлениях праздник ранополия персонифицировался в сестру св. Георгия.

День св. Еремия (1 мая) называется в народе еще *ирима, иримия* (западная Болгария), *ерма, ирмин ден* (восточная), *еремия, зъмски ден* (змеиный день) — в некоторых частях центральной Болгарии. Отмечался он «в честь» змей и ящериц; накануне вечером происходило изгнание змей так же, как и на благовещение, в день сорока мучеников и первого марта; только гремели также и около очага. По погоде этого дня делали прогнозы на весь год.

В западной и в некоторых местах восточной Болгарии (Хасковская околия) в этот день пожилые женщины изготавливали глиняные блюда для печения хлеба (*по̀дници, чирѐпни*)[41]. Другие женщины и девушки старались потоптать глину, «чтобы змея их не укусила».

Типично весенним праздником является день св. Константина и Елены (21 мая). В некоторых районах в этот день молодежь качалась на качелях, а в Родопах выгоняли стада на летние пастбища.

В юго-восточной Болгарии — между горами Странджа и Черным морем ко дню Константина и Елены был приурочен интересный обычай — *нестина́рство* или *игра поогън* — бегание босиком по раскаленным углям. В этом районе до недавнего времени жили болгары и греки, и обычай известен тем и другим. Впервые он был описан в XIX в., но основательно его изучением занимались болгарские ученые XX в., более всего Михаил Арнаудов и Росица Ангелова[42]. Считается, что хождение по горячим углям связано с огнепоклонством, распространенным в Азии. Нестинарство было, вероятно, принесено на Балканы сирийцами и армянами-манихеями, переселенными из малоазийских владений Византии в район между Странджей и Черным морем. От этих переселенцев обычай постепенно восприняли сначала греки, а от последних — живущие по соседству болгары. В других районах страны день св. Константина и св. Елены был только церковным праздником.

Праздник вознесения открывает переходный от весны к лету период. У болгар он называется *спасовден* или *свети спас*. Один из наиболее интересных обычаев, исполняемых в этот день, — *хождение по росен*, распространенный в северной и центральной Болгарии. Росен — это цветок, которым, по преданиям, любят украшать себя самодивы. Накануне праздника больные «самодивской» болезнью шли «на росен», проводили ночь в лесу или в лугу, где растет этот цветок, совершая магические манипуляции в надежде на выздоровление.

В юго-восточной Болгарии на спас рано утром женщины приносили в церковь листья грецкого ореха, которые там освящали. Эти листья потом употребляли против моли [43].

Дни между спасовым днем и пятидесятницей (троицей) назывались у болгар *русальской неделей, русàля*. В эти дни строго соблюдали ряд запретов, предохраняющих от «самодѝвской болезни».

Из обычаев русальской недели наиболее интересно — это хождение *русальцев*, или *калушаров* (последний термин — румынский). Он известен только в северной Болгарии, притом не у болгар, а у румын (влахов), которые живут по побережью Дуная. Члены русальских дружин соблюдали определенные запреты и правила изоляции. Во главе стоял *вàтаф, ватàфин*, должность которого передавалась от отца к сыну. Обрядовые русальские танцы и действа, исполняемые в состоянии экстаза под особую мелодию, якобы исцеляли больных «самодивской» болезнью.

Русальская неделя у всех балканских народов считалась временем, наиболее подходящим для лечения. Генезис этого обычая нужно искать в древних культах, связанных с местными божествами. Эту гипотезу подтверждает сходство основных элементов русальских обычаев и обрядов у балканских народов, таких, как купанье в освященных источниках, поливание отваром целебных трав, почитание самодивских ключей [44].

Последний день русальской недели — воскресенье — совпадает с церковным праздником пятидесятницы (троицы) — 50-й день после пасхи. В церковь люди шли с листьями грецкого ореха. Устраивались общесельские и монастырские «соборы», на которых приготовляли «курбан» ради здоровья и плодородия. В понедельник — день святого духа или *духов день*, по народным поверьям, души умерших, которых выпустили на свободу в страстной четверг, снова возвращались в потусторонний мир. С этим верованием связана и троицкая *задушница* (день поминовения мертвых), когда на кладбище совершалось обрядовое кормление мертвых [45].

*

В весенних обычаях и обрядах болгар объединены разнородные элементы, часть которых повторяется в нескольких праздниках.

Как показывает изложенный материал, в период пробуждения и развития природы сосредоточено много обычаев, в основе которых лежит производственно-магическая практика, зародившаяся в самые древние времена. Эта практика, приуроченная к началу хозяйственного года, призвана принести изобилие и исполнить желания, загаданные еще в зимних обрядах. Во многих весенних обрядах просматриваются следы древних культов природы и плодородия. Раскрываются также элементы культа предков, тесно связанные с культом плодородия. Отсюда и присутствие идеи умирания и возрождения природы, которая особенно ярко проявляется в таких обрядах, как кукерские игры и пасха.

Обычаи переходного периода от зимы к весне имеют прежде всего предохранительно-магическую функцию по отношению к домашним животным и людям. В некоторых праздниках открываются также следы продуцирующей магии, как, например, в Трифоне Зарезане. Праздники, приуроченные к переходному сезону года, не отличаются богатой обрядностью, так как в это время происходят еще незначительные изменения в природе, не имеющие существенного значения для хозяйства.

Наибольшее число обычаев и обрядов падает на период оживления и расцвета природы и начало хозяйственного года. В обычаях и обрядах преобладают магические элементы, в основе которых ле-

жит апотропейная и предохранительная магия с примесью очистительной. В истинно весенних обычаях присутствуют элементы продуцирующей магии, связанные с заботой о плодородии полей и приплоде животных. Элементы эти сосредоточены главным образом в обрядовых хороводах, исполняемых на сырные заговены, на пасху, и в георгиев день, т. е. кульминационные моменты весенней обрядности.

Очень существенными элементами обычаев этой части праздничного цикла являются обряды, направленные на изгнание змей, которые однотипны и повторяются в нескольких последовательных праздниках: 1 марта, в день сорока мучеников, благовещение, на Еремию.

Важное место в весенней обрядности занимают действия, совершаемые с целью отогнать зло: привязывание красных мартениц, увешивание домов красными платками, фартуками, тканями и шерстяной пряжей.

К этому же периоду приурочены обычаи и обряды, которые, по всей вероятности, восходят к древнеславянским молодежным забавам и развлечениям, начинавшимся с наступлением весны. Это обычаи *гора* (лес), *зора* (заря), выход девушек и парней за село накануне дня сорока мучеников, на георгиев день, на спасов день. Здесь ясно выражена брачная магия, по поверьям, влияющая на плодородие и плодовитость животных. Недаром именно в период весенних праздников исполнялись обычаи и обряды, имевшие смысл инициаций.

К группе весенних праздников переходного от весны к лету периода относятся обычаи и обряды, направленные на охрану посевов от града и других природных бедствий. Существенны в них различные запреты типа табу.

Интересны обычаи русальской недели. Верования и легенды о самодивах носят следы взаимопроникновения древнеславянских и античных представлений о женских мифических существах.

Описанные традиционные весенние праздники болгар с течением времени претерпели глубокие изменения, что привело к их трансформации и наконец к исчезновению многих из них. Лишенные своей естественной социально-бытовой среды, они постепенно распадаются и исчезают, но часть их, насыщенная новым содержанием, продолжает существовать в качестве народных праздников. Как уже было сказано, кукерские игры переживают новую фазу развития, обогащаясь новыми по содержанию элементами и превращаясь в истинно народный театр. В этом отношении очень помогают фестивали кукерских игр. Праздники Трифон Зарезан и георгиев день также переосмыслены: первый стал праздником виноградарей, а второй — официальным праздником пастухов-овцеводов. От традиционной их обрядности остались только подрезание виноградной лозы и торжественная трапеза овцеводов. Новые элементы в них — это награждение лучших работников сельскохозяйственных кооперативов (ТКЗХ) и устройство общесельских народных гуляний.

1 марта — один из любимых весенних праздников, когда во всех селах и городах продаются мартеницы и люди с удовольствием покупают их, чтобы поздравить друзей и близких с наступлением весны и пожелать им здоровья. Устраиваемые во многих местах Болгарии соревнования на изготовление лучших мартениц, в котором участвуют и дети, способствуют развитию этого чудесного народного обычая.

Многие из весенних праздников изменяют свою традиционную функцию и превращаются в семейные торжества, на которые собираются родные и близкие на общую трапезу. Таковы, например, пасха, георгиев день и пр.

Обычаи, превратившиеся ныне в народные праздники с новым содержанием, продолжают выполнять очень важную роль, характерную и для традицион-

ного быта, а именно: объединять людей в рамках семейного и общественного коллектива. Различные верования, связанные с народными обычаями, теперь забыты, обычаи продолжают существовать как развлечение, как народное веселье, игры и танцы.

[1] Архив на Етнографския институт и музей (далее: АЕИМ), № 697-II, с. 13; № 698-II, с. 12.

[2] *Маринов Д.* Народна вяра и религиозни народни обичаи. — В кн.: «Сборник за народни умотворения и народопис (далее: СбНУ). София, 1914, кн. 28, с. 356—357; *Арнаудов М.* Български народни празднпци. София, 1943, с. 54—56; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи. София, 1943, с. 23—24; *Младенов Х., Кодов Ст. и Вакарелски Хр.* Бит и език на тракийските и малоазийските българи, ч. I; *Вакарелски Х.* Бит. София. 1935, с. 421—422.

[3] *Марр Н. Я.* Фрако-армянский Sabadios ot vat и сванское божество охоты. — «Известия Академии наук». СПб. 1912, кн. 72, с. 827—830.

[4] *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 359; *Вакарелски Х.* Бит, с. 422.

[5] *Маринов Д.* Жива старина, кн. I. Русе, 1891, с. 107—109; *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 55; *Бешевлиев В.* Религията на прабългарите. — «Българска историческа библиотека». София, 1930, год III, кн. 2, с. 35.

[6] *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 360; *он же*, Жива старина, кн. 1, с. 110—113; *Захариев Й.* Кюстендилско крайще. — СбНУ, кн. 32, с. 173.

[7] *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 360—362; *Мартинов А.* Народописни материали от Граово. — СбНУ, кн. 49, с. 730; *Шишманов И.* Принос към българската народна етимология. — СбНУ, кн. 9, с. 528—534. АЕИМ, № 697-II, с. 12; № 698-II, с. 11; № 700-11, с. 7, 120; *Живанчивић Вл.* Волос-Велес, словенско божанство терноморфног порекла. — «Гласник Етнографског музеја». Београд, 1963, кн. 26, с. 43.

[8] *Вакарелски Хр.* Бит, с. 432; *он же.* Етнография на България. София, 1974, с. 605—606; *Арнаудов М.* Фолклорни приноси от Родопско. — СбНУ, 1930, кн. 38, с. 9—10; *Русакиев С.* Народни песни и приказки от Нови Пазар и с. Еньово, Новопазарско. — СбНУ, 1956, кн. 47, с. 460—461; *Примовски Вл.* Родопски празнични обичаи от гр. Устово. — СбНУ, 1963, кн. 50, с. 239—240; *Захариев Й.* Пиянец. — СбНУ, 1949, кн. 45, с. 183—184; *Молерови Д. и К.* Народописни материали от Разложко. — СбНУ, 1954, кн. 48, с. 392; *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 362—363.

[9] *Арнаудов М.* Очерци по българския фолклор, т. 2, София, 1969, с. 204—218; Mannhardt W. Wald- und Feldkulte. Wien, 1877, 11, s. 309, passim.

[10] *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 363—369; *Арнаудов М.* Очерци..., т. 2, с. 204—212; *Вакарелски Хр.* Етнография на България, с. 605—606; *Молерови Д. и К.* Указ. соч., с. 392; *Арнаудов М.* Фолклорни приноси от Родопско, с. 8, 9—10; АЕИМ, № 697-II, 12, 93; № 700-II, с. 8.

[11] *Молерови Д. и К.* Указ. соч., с. 393; Българско народно творчество, т. 5. София, 1962, с. 308—309; *Мартинов Ал.* Указ. соч., стр. 731.

[12] *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 369—372.

[13] *Арнаудов М.* Студии върху българските обреди и легенди, т. II. София, 1972, с. 14—51; *Вакарелски Х.* Бит, с. 427—432; *Маринов Д.* Кукови или кукери. — «Известия на народния етнографски музей в София (далее: ИНЕМ). София, 1907, кн. 1, с. 26; *Попконстантинов Х.* Разни обичаи през годината от Ахъ-Челебнйско (с. Петково). — СбНУ, 1896, кн. 13, с. 22—23.

[14] *Арнаудов М.* Студии..., т. II, с. 18; *Вакарелски Х.* Етнография на България, с. 606; АЕИМ, № 701-II, с. 78; *Кацарова Р.* Кукери в село Вресово (Айтоско) и в село Аспарухово (Провадийско); Сборник изследования в чест на Михаил Арнаудов (далее Сб. Арнаудов). София, 1970, с. 451.

[15] Българско народно творчество, с. 310.

[16] *Арнаудов М.* Студии..., т. II, с. 80—127.

[17] *Петров П. А.* Кукери и сурвакари. — Известия на Българското историческо дружество, т. 28. София, 1972, с. 267—284; *он же.* Кукери в с. Пъдарево, Бургаско. — СбНУ, 1963, кн. 50, с. 345—368; *Тъпкова-Заимова В.* Сведения за средновековни кукерски игри в Силистренско. — Сб. Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски (далее: Сб. Романски). София, 1960, с. 705—708; *Златковская Т. Д.* О происхождении некоторых элементов кукерского обряда у болгар. — «Советская этнография», 1967, № 3, с. 31—46.

[18] *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 380—383; *Примовски Вл.* Родопски празнични обичаи от гр. Устово, с. 240; *Мартинов А.* Указ соч. с. 732—733. *Попконстантинов Х.* Указ. соч., с. 23—24; *Стамболиев С.* Материали по народната медицина в България. Праз-

ннчни обичаи от Берковско. — СбНУ, 1905, кн. 21, с. 44; АЕИМ, № 697-II, с. 12; № 698-II, с. 12; 701-II, с. 136.

19 *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 378—380; *он же.* Жива старина, кн. I, с. 121—122; АЕИМ, № 697-II, с. 13; № 698-II, с. 95.

20 *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 58—59; *он же.* Фолклор от Еленско. — СбНУ, 1913, кн. 27, с. 348; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 44—46; *Маринов Д.* Жива старина, кн. I, с. 122—123; *он же.* Народна вяра..., с. 380—383; *Захариев Й.* Пиянец, с. 184.

21 *Филиповић М.* Основни характер и структура народног веровања у источном делу Југославије. — Зборник Матице српске, серия друш. наука, т. 6. Нови Сад, с. 59—68.

22 *Кацаров Г.* Тракия в Омировия епос. — Известия на Историческото дружество. София, 1932, кн. XI—XII, с. 25.

23 *Мартинов А.* Указ. соч., с. 730; Българско народно творчество, т. 5, с. 318—319; *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 75—76; *он же.* Фолклор от Еленско, с. 347; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 28—29; *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 383; *Ватйов.* Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания от Софийско и други места. — СбНУ, 1896, кн. 13, с. 166; *Даскалов Х.* Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания от Трявна. — СбНУ, 1891, кн. 6, с. 91.

24 *Маринов Д.* Жива старина, кн. 1, с. 124—125; *он же.* Народна вяра..., с. 384—387; *Мартинов А.* Указ. соч., с. 733.

25 *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 31—32; АЕИМ, № 698-II, с. 14—15.

26 *Маринов Д.* Жива старина, кн. 1, с. 125—129; *он же.* Народна вяра..., с. 387—389; *Мартинов А.* Указ. соч., с. 735; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 33—35; *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 78—80.

27 *Ангелова Р.* Лазаруване в с. Бояново. — Сб. Романски, с. 709—730; Българско народно творчество, т. 5, с. 329—334; *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 83—84; *Вакарелски Х.* Етнография на България, с. 607—609; *он же.* Лазарици в Софийско. — ИНЕМ, 1932, кн. X—XI, с. 176—187; Лазар и Боянец от Преславско. — СбНУ, 1895, кн. 12, с. 14; *Маринов Д.* Боенец. — ИНЕМ, 1907, кн. 1, с. 6—11; *он же.* Народна вяра..., с. 403—412.

28 АЕИМ, № 698-II, с. 18, 21, 98—99; *Ангелова Р.* Лазаруване в с. Бояново, с. 711; *Йорданова Л.* За обичая лазаруване в България. — Известия на Етнографския институт и музей, 1966, кн. 9, с. 107—162; *Попконстантинов Х.* Песни периодически и религиозни-лазарски от Вакарел. — СбНУ, 1891, кн. 4, с. 14—15.

29 *Маринов Д.* Жива старина, кн. 1, с. 130—138; *он же.* Народна вяра..., с. 389—399; Българско народно творчество, т. 5, с. 329—330; *Захариев Й.* Лазаруване в Каменица (Кюстендилско). — ИНЕМ, 1932, кн. X—XI, с. 187—202.

30 *Маринов Д.* Жива старина, кн. 1, с. 138—141; *он же.* Народна вяра..., с. 399—401; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 53—55; *Арнаудов М.* Очерци..., т. 2, с. 343—365.

31 *Стоин Е.* Лазаруване в с. Негушево, Елинпелинско. — Известия на института за музика, София, 1955, кн. 2—3; с. 189—209; *Маринов Д.* Боенец, с. 6—11; *Динеков П.* Български фолкор. София, 1959, с. 292—303; *Ангелова Р.* Лазаруване в с. Бояново, с. 710—717; *Йорданова Л.* За обичая лазаруване в България, с. 107—162; *Арнаудов М.* Очерци..., т. 2, с. 343—371; *Chr. Vakarelski.* Jeux et coutumes théâtrales cher les Bulgares. — «Ethnologia Slavica», t. 1, Bratislava, 1970, p. 121—142.

32 *Колева Т. А.* За произхода на пролетните momински обичаи (лазаруване, кумичене и буенец). Проблеми на българския фолклор. София, 1972, с. 367—372; *она же.* Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов. — «Советская этнография», 1974, № 5; *она же.* Vestiges de rites d'initiation dans les coutumes de printemps des jeunes filles bulgares. — «Etudes balkaniques», 1974, 1, p. 67—85; *Gennep A. V.* Les rites de passage. Paris, 1909, p. 182—203; *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964, с. 213—234.

33 *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 412—425; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 58—60; он же. Етнография на България, с. 606; *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 88—89.

34 Българско народно творчество, т. 5, с. 438—439; *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 90—91; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 55—58; *он же.* Етнография на България, с. 606.

35 *Динеков П.* Български фолклор, с. 305—306; *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 430—433; Българско народно творчество, т. 5, с. 439.

36 *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 436—437.

37 *Балевска Р.* Овцевъдство. София, 1965, с. 177—180; *Петров П. А.* Към въпроса за основите на балкано-карпатското овцевъдство. — ИЕИМ, кн. 13, 1971, с. 41—48; *Георгиева И.* За произхода на един народен празник. — Сб. Арнаудов, с. 423—

432; *Колева Т. А.* Типология на гергьовденските обичаи. — В кн.: Първи конгрес на Българското историческо дружество. София, 1972, с. 193—197; *Захариев Й.* Каменица. — СбНУ, 1935, кн. 40, с. 223—224; *он же.* Кюстендилско крайще, с. 157; *он же.* Пиянец, с. 185—186; *Мартинов А.* Указ. соч., с. 737.

38 *Пропп В. Я.* К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле). — «Советская этнография», 1934, № 1—2, с. 139; Извори за старата история на Тракия и Македония. София, 1949, с. 75.

39 *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 442—449; *Костов Ст. Л.* Изображението на св. Георги в българския народен накит. — «Сборник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1912, с. 197; *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. М., 1861, с. 214; *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 489.

40 АЕИМ, № 367-II, с. 347; № 394-II, с. 50.

41 *Арнаудов М.* Български народни празници, с. 101, 102; *Вакарелски Х.* Българските празнични обичаи, с. 73—74; *Маринов Д.* Жива старина, кн. I, с. 154—159; *он же.* Народна вяра..., с. 566—567; *Мартинов А.* Указ. соч., с. 738; *Захариев Й.* Кюстендилско крайще, с. 157—158; Българско народно творчество, т. 5, с. 465—466.

42 *Иречек К.* Княжество България. Пловдив, 1899, ч. I, с. 112; *Ангелова Р.* Игра по огън. София, 1955, с. 231; *Арнаудов М.* Студии..., т. I, ч. I. София, 1971, с. 17—161; *Шаранков Е.* Нестинарство. София, 1947.

43 *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 471—475; *он же.* Жива старина, кн. I, с. 159—162; *Арнаудов М.* Студии..., т. II, с. 187—190; *Вакарелски Х.* Бит, с. 440.

44 *Арнаудов М.* Студии..., т. II, с. 128—214; *Рыбаков Б. А.* Русалии и бог Симаргл-Переплут. — «Советская археология», 1967, № 2, с. 91—116.

45 *Вакарелски Х.* Бит, с. 440; *он же.* Българските празнични обичаи, с. 71; *Маринов Д.* Народна вяра..., с. 487.

РУМЫНЫ

* * * * * * * * * * * *

М. Я. Салманович

Весна — время года, посвященное наиболее трудоемким сельскохозяйственным процессам — пахоте и посеву у земледельцев и отгону скота на летние пастбища — у животноводов. Поэтому с весенним циклом праздников у румын было связано наибольшее количество различных народных обрядов, поверий, примет, призванных обеспечить благополучие человека и его семьи.

1 февраля отмечался день св. Трифона (безумного Трифона — sfîntul Trifon, sfîntul Trif, Trif cel nebun, Trif nebunul). Празднуя этот день, люди стремились обезопасить себя и свой скот от волков и других хищников, так как в большей части страны св. Трифон считался покровителем волков. В некоторых районах его рассматривали и как покровителя различных сельскохозяйственных вредителей. В этот день «святой» водой, смешанной с маслом, обмазывали плодовые деревья, оберегая их от вредителей. В холмистых винодельческих районах страны священники окропляли водой виноградники и сады, в Молдове кропили и скот. В этот день не работали[1].

Много примет о погоде и урожае было приурочено к празднику сретения (Intîmpinarea domnului, Stretenie). Если в этот день (2 февраля) было тепло и влажно, то, полагали, лето будет жарким и плодородным, а если холодно и снежно, то — холодным и неурожайным. Ясный день предвещал, что хорошо уродится пшеница и гречиха, а пасмурный — говорил о том, что этих культур надо сеять меньше. Полагали, что если на сретение реки освободились ото льда, то это признак близкого снегопада и холодного лета.

На сретение отмечали также «медвежий день» (Ziua ursului). В Буковине говорили, что если в этот день медведь вылезет из берлоги и не уйдет в нее обратно, то близка весна, а если опять спрячется в берлогу, то зима продлится еще шесть недель. В канун сретения и на второй день после него отмечали мартынов и филиппов зимних (Martinii si Flilipii de erna). Полагали, что, придерживаясь этого обычая, сберегут людей и домашних животных от нападения хищников. Пастухи даже постились в эти дни и не выгоняли скот из загонов.

На февраль падали и несколько переходящих праздников: «нечистый или неупомянутый четверг» (joi necurate, joi nepomenita), отмечаемый в четверг «сырной недели» (săptămâna brînzei), или, как еще ее называют, «белой недели» (săptămâna alba), соответствующей русской масленице. Четверг этой недели, а в Банате — четверг, пятницу и субботу, отмечали как дни защиты полей от сельскохозяйственных вредителей.

В некоторых районах Мунтении вся эта неделя называлась «неделей безумных» (săptămâna nebunilor). Тех, кто справлял свадьбу в течение «сырной недели», или, вступив в брачный возраст, еще не подыскал себе пары, осмеи-

вали в частушках. В первый день этой недели неженившихся парней даже избивали бурдюками, выкликали их имена и всячески глумились над ними, а девушек высмеивали. Зато всеобщее одобрение встречали вдовцы и вдовы, пожелавшие в эту неделю вторично вступить в брак [2].

Перед началом великого поста, а в некоторых районах перед началом «сырной недели» (обычно в субботу) поминали всех умерших в роду. Эти поминки назывались «зимние предки» (moşii de erna). В этот день родным и соседям, особенно бедным, посылали *поману* (pomana), состоящую из холодной пищи (холодца, холодного мяса, брынзы и т. д.).

В Трансильвании пекли специальное печение — *пупь* (pupi). Если поману посылали перед постом, то она чаще всего состояла из кислого молока. В Трансильвании девушки доставали кувшинами воду из холодного источника и в поминальную субботу включали ее в поману, чтобы на том свете у предков был бы такой же источник. В некоторых селах такую воду посылали в течение всей недели.

Великий пост (postul mare) длился семь недель — до пасхи. В канун поста — *лэсатул секулуй* (lăsatul secului) молодежь старалась как следует навеселиться и налакомиться. Поэтому в Трансильвании и Буковине, например, женщины в субботу после обеда готовили обильное угощение не только для своей семьи, но и для гостей. Наиболее распространенными блюдами в канун поста были всевозможные слоеные пироги (placinte), подслащенное молоко, лапша с брынзой и сметаной. Каждый должен был отведать от всех блюд, подаваемых на стол, чтобы до пасхи к ним уже не прикасаться. В заключение подавались яйца, и все сидящие за столом съедали по одному яйцу, чтобы пост показался мал и легок, как яичко, чтобы как яйцо, быть крепким и здоровым. При этом приговаривали: «Яичко, яичко, пусть покажется мне пост легким!»

В Мунтении в этот день, как и у восточных славян, родственники и соседи просили прощения друг у друга, чтобы к началу поста очиститься от грехов. Как уже отмечалось, молодежь старалась весело провести этот день. Развлекались компаниями в определенных домах, иногда всю ночь, но чаще — до первых петухов. Парни заботились о выпивке и приглашении музыкантов, а девушки готовили угощение. Такие развлечения назывались *верджел, референе*ле (vergel, referenele). Танцевали здесь те же танцы и играли в те же игры, что и обычно, но для этого дня существовали специальные частушки — *стригэтуриле* (strigăturile), в которых вышучивались молодые люди, не вступившие до поста в брак. В этих частушках высмеивали также мужчин-перестарков и старых дев.

С кануном великого поста у румын в большинстве областей страны был связан и обычай — *алиморь* (alimori), *привегиу* (privegiu), *хадайцэ* (hadaiţă), *ходайзе* (hodaize) или *опайц* (opaiţi), как его называли в разных частях страны. В одном или нескольких местах села зажигали костры, для которых каждый участник приносил с собой дрова, хворост, солому и др. Сами огни назывались *привегиу*. В то время как они горели, все участники обряда пели, плясали, кричали и поздравляли друг друга. В таких сборищах принимали участие все жители села, без различия возраста. В перерыве между развлечениями молодежь выхватывала из костров горящие головешки и поджигала ими специально приготовленные пучки соломы, которыми выкладывали вокруг себя огненный круг. Пока такой круг выкладывался, все присутствующие кричали: «Алиморь, Алиморь!» (непереводимо). В других местах из прутьев сплетали круг или брали для этой цели колесо от плуга, оборачивали его соломой, свя-

занной пучками, поджигали и пускали вниз с холма с криком: «Алиморь!» Иногда сжигали антропоморфную соломенную фигуру. Возможно, это были пережитки солярных культов [3], но в народной памяти сохранилось их очистительное значение. Недаром эти огни назывались еще «радостными огнями» (focul de bucurie). Участию в этих собраниях придавалось столь важное значение, что если кто-нибудь отсутствовал, то на следующий день у него требовали объяснения [4].

Однако не всем можно было веселиться и лакомиться в канун великого поста. Девушки на выданье, но еще не просватанные, весь этот день постились, надеясь, что после пасхи они найдут жениха. Этот пост продолжался до вечерней звезды, когда девушки собирались в определенном месте, угощались, пели песни, оплакивая свою судьбу. Если среди них находилась обманутая, то она проклинала парня, покинувшего ее. Потом девушки начинали высмеивать парней. Продолжалось все это до полуночи. Этот девичий пост назывался «черным постом» (postul negru) [5].

У румын Добруджи и в жудеце Яломица, где живут и болгары, был распространен обычай *кучи* (cuci), видимо, воспринятый от болгар [6].

С кануном великого поста в некоторых районах, преимущественно в Трансильвании, был связан и обычай «повязания зерна» (legarea grânilor). Его целью была защита хлебных злаков от птиц. В этот день не возили зерно на мельницу, ничего не давали из дома. Когда стемнеет, брали в рот зерна различных злаков и, закрыв глаза, трижды выходили из дома, выплевывали зерно на землю, говоря при этом: «Как я теперь ничего не вижу, пусть также ни одна птица не увидит моего поля!»

В некоторых районах Трансильвании и Мунтении для защиты хлебных злаков от птиц собирали в скатерть остатки субботнего угощения, а в понедельник поста их выбрасывали во дворе по направлению к востоку, говоря: «Птицы небесные, я даю вам пищу с моего стола, достаточную для вас, не трогайте только моих полей!» При этом пели ритуальные песенки и произносились проклятья [7].

Ночь накануне великого поста посвящалась гаданиям. Девушки, желавшие узнать своего суженого, шли с зажженной свечой к проточным водам, бросали туда чеснок и бобовое зерно и при свете свечи пытались разглядеть в воде, кто будет их мужем. Ворожили и на ветке орешника, которую относили к дому любимого, полагая, что это заставит парня полюбить девушку. На бобах гадали и парни. Нарисовав углем на земле небольшой круг, около которого стояла девушка, парень пытался забросить в него десять зерен. По числу зерен, попавших или непопавших в круг, предсказывали: счастливая или несчастливая будет любовь. Такие гадания назывались *бобий* (bobii).

Отдельные дни поста сопровождались также специфическими обычаями. Так, в «чистый понедельник» (lunia curata) на первой неделе поста запрещалось работать во дворе, но в доме женщины должны были навести порядок и перемыть всю посуду. В Буковине и Молдове родственники и соседи (особенно женщины) собирались вместе, чтобы сообща съесть «пустой борщ» (borş holteiu) без всяких овощей, заправленный только хлебом и малаем (просяной или кукурузный хлеб). Необходимо было «очистить рот и горло от остатков скоромной пищи». Отсюда, видимо, и название обычая — *спалакание* (spălare — промывание). Впоследствии этот обычай выродился в обыкновенную пирушку: женщины стали собираться в корчме или в чьем-либо доме и «промывать» себе рот и горло спиртными напитками. Они говорили: «Чем больше выпьешь, тем больше будет расти конопля».

В Банате же этот день отмечали и как «пастушеский понедельник» (lunia păstăritorilor). Матери утром пекли лепешку и, обращаясь к св. Марии, просили ее охранять (буквально: пасти) их детей, умножить стадо, сберечь тех и других от нападения хищных зверей. Затем хозяин отдавал эту лепешку пастухам овец. Женщинам, имевшим детей, запрещалось в течение дня работать, «чтобы на детей не напали звери или змеи, не съели бы весь посев в поле»[8].

В народе считалось, что в день 11 февраля (св. Власий) птицы садятся на гнезда и начинают петь. В этот день запрещалось работать, чтобы птицы не склевали посев.

Стойко держался обычай отмечать 24 февраля *драгобеты* (dragobetele от draga — дорогая, любимая). По всей стране, а особенно в Мунтении, полагали, что в этот день птицы и животные собираются в пары. Поэтому и человеку надобно найти себе пару. Молодежь наряжалась и, если день был погожий, уходила со своими родными в лес или поле, а если плохой, то собиралась у кого-нибудь в доме. Существовало поверье, что если в этот день никто не полюбит девушку, то весь год ее никто не будет любить. Поэтому мо-

В этот день женщинам запрещалось прясть, шить, приготовлять щелок для стирки. Каждый должен был пойти в церковь с поманой на помин души умерших родственников. Полагали, что несоблюдавших эти предписания ждала кара: могла отсохнуть рука, его могли убить «лошади св. Федора». Особенно опасным считалось не почтить святого девушкам; в этом случае он посылал к ним своих коней в виде прекрасных юношей, которые похищали девиц. Спастись от коней св. Федора можно было только, вбежав в дом и перевернув там всю посуду вверх дном. Поэтому в этот день девушки неохотно выходили из дома. Не выгоняли в этот день и лошадей из сараев. В Буковине в день св. Федора не варили пищи, так как считали, что он портит вареную пищу, и весь день питались всухомятку. Повсеместно, как и во все субботы великого поста, в федоровскую субботу поминали умерших. Ее иногда и называли «субботой мертвых» (sambăta morţilor)[9]. Возможно, почитание Федора является реминисценцией мифа о кентаврах.

Из множества других обычаев, связанных с этим днем, можно отметить обычай побратимства и посестримства (înfratire, însuratire), распространенный

в Трансильвании, Банате и у румын Венгрии. Называли таких побратавшихся или посестрившихся — «братья или сестры по кресту» (frații или surori de cruce). В союз вступали как мужчина с мужчиной, женщина с женщиной, так и мужчина с женщиной. Девизом для побратившихся или посестрившихся является «любовь до смерти». Такой брат или сестра почитались больше, чем кровные родственники. Потомство побратимов не могло вступать в брак между собой. Союз заключался в детском или юношеском возрасте (10—16 лет), и только смерть одного из них могла расторгнуть его. Заключался он «на хлебе и соли» с произнесением сакраментальной формулы: «Даю тебе хлеб с солью, а ты дай мне свой!» После этого вступающие в союз подавали друг другу руки, и он считался заключенным. В некоторых местах побратимство заключали «на крови». Вступающие в него надрезали себе кончики мизинцев и смешивали выступающую кровь. Так заключали посестримство и женщины. И в том, и в другом случае, после заключения побратимства участники его, обращаясь друг к другу, говорили: «Măi frate! или: Măi fortate!» (брат мой) или: «Tu sora!», «Surata!» (ты сестра). Были и другие формы заключения побратимства. Обычай этот был распространен и в других частях страны, но там его не обязательно связывали с днем св. Федора. Подлинное значение этого, несомненно, древнего обычая, связанного, по-видимому, с обычаями родового строя, уже забылось [10].

Чтобы было больше меда, в Банате в этот день каждому взрослому члену семьи хозяйки давали по нескольку кукурузных лепешек, смазанных медом, которые съедали утром натощак. Здесь же пекли ритуальные калачи в форме лошадиной подковы в честь лошадей св. Федора. Девушкам смазывали медом лоб, грудь, руки и колени, чтобы «они были сладки для парней». В этот день гадали о суженом.

1 марта повсеместно в стране отмечали день «бабы Докии» (baba Dochia) или, как называли ее в некоторых районах Мунтении, «бабы Марты». Легенда о бабе Докии была распространена в различных вариантах. Согласно одним — это красивая девушка, которая, уйдя в горы пасти овец, надела на себя 12 кожушков. Каждый день она сбрасывала по одному из них, и становилось теплее. Когда же она сбросила все, ударил мороз. Девушка замерзла и возроптала на бога, за что он превратил ее вместе с овцами в камни (по другим вариантам — в чистый источник). Согласно более распространенным версиям, баба Докия была злой свекровью, желавшей извести свою невестку, за что и была наказана богом, превратившим ее вместе со стадом овец в камни. Сам день «бабы Докии» называется еще и «головой весны» (capul de primavară). Если он ясный, то считали, что весна и лето будут хорошими. В этот день запрещалось работать по дому, чтобы не испортить погоды, но можно было созвать клаку для помощи в прядении. Повсеместно был распространен обычай, сохранившийся и в наши дни, дарить друг другу, а особенно детям, *мэрцишор* (mărțișor) — просверленную серебряную монету, подвешенную на переплетенных красной и белой шелковых или шерстяных, иногда золотых или серебряных нитях (теперь часто дарят маленькую металлическую куколку). Такой подарок должен был принести счастье. Его надевали детям 1 марта до восхода солнца. Одни носили его 12 дней, а потом подвешивали на ветки молодого дерева, другие носили до тех пор, пока не увидят расцветшего дерева, на ветки которого его и вешали. Мэрцишор также бросали вслед пролетевшему аисту или носили до тех пор, пока впервые не закукует кукушка. Верили, что если хорошо будет плодоносить дерево, на

которое человек повесил свой мэрцишор, то и ему будет хорошо, а птицам бросали его вслед, чтобы быть легким, как птица. Теперь мэрцишоры дарят, поздравляя с наступающей весной.

С днем «бабы Докии» были связаны еще 9—12 «бабьих дней» (zilele babei). Это переходящие дни, отмечавшиеся или перед 1 марта или после него. Если они наступали до 1 марта, считали, что весна будет хорошая и люди сумеют все вовремя посеять, если же после, то не к добру. Каждый из «бабьих дней» носил название какой-нибудь птицы: «день дрозда», «аиста», «кукушки» и т. д., т. е. имя той птицы, которая, по народным представлениям, в этот день возвращалась из теплых стран[11]. Но, несмотря на такие очевидные признаки весны, как прилет птиц, все же народ считал, что «бабы» — злые, чаще приносящие холод и непогоду.

9 марта — день сорока мучеников. Иногда их называли «старцами» (moşii). Они всегда добрые, приносящие тепло, и в народе о них существует множество легенд, связанных с началом пахоты и посева.

В день сорока мучеников, чтобы обезопасить себя от болезней, не полагалось, особенно женщинам, выполнять тяжелых работ. Однако считали, что надо посеять в этот день чеснок и лук, высадить капустную рассаду, полагая, что тогда они уродятся сам-шёст, или даже сам-сорок и не будут гнить. Их защитят «мученики», которые в этот день бьют колотушками землю, «выпуская из нее холод и давая дорогу теплу». Перед началом посадки женщины били 40 поклонов, пекли 40 калачиков и печенье — *сфынцишорь* (sfinţişori), имеющее антропоморфную форму или форму голубя, пчелы. На каждое из них ставили по свече и раздавали как помяну. Чтобы обезопасить фруктовые деревья от вредителей, их в этот день обертывали соломой или посыпали золой из очага. В Мунтении собирали весь мусор и сжигали его посреди двора или на специальной площадке перед ним. Пастухи прыгали через этот костер, стараясь, чтобы дым от него окурил их одежду. В этот же день чистили ульи. Смотрели, какая погода будет в канун этого дня. Если изморозь, то осень будет хорошей и можно не опасаться за урожай кукурузы. Если изморози не будет, то кукурузу следует посеять раньше, чтобы успеть собрать до осенней непогоды. Считали, что какая погода будет 9 марта, такие же будут и последующие 40 дней. Если в этот день ударит гром, то лето будет плодородным, а если он ударит накануне, то неурожайным и грозовым.

В Мунтении в день сорока мучеников зажигали тряпку и окуривали дом и все хозяйственные помещения, чтобы защитить людей и животных от змей, которые, по поверью, в эти дни пробуждались от зимней спячки.

На второй или третий день после дня сорока мучеников крестьяне Буковины исполняли обычай — *порниря плугулуй* (pornirea plugului), т. е. приведение плуга в действие. Для этого заранее готовили плуг к пахоте, точили лемех и обжигали их, так как грешно начинать пахать «нечистым» лемехом. Готовили все, что необходимо для пахоты и посева, и производили первую вспашку, полагая, что от этого действия земля больше не замерзнет и даст лучший урожай. Перед выездом в поле плуг, повозку с зерном и провизией для пахарей останавливали посреди двора, имитируя пахоту. Некоторые хозяева после уезжали в поле, а другие — в сад или огород, где проводили первую борозду, а затем, выпрягши волов и дав им корм, сами принимались за совместную трапезу, полагая, что если не поешь, земля не родит. Кусок земли из первой борозды женщины брали для различных гаданий. Сеяльщикам, которые впервые выходили в поле, весь этот день запрещалось разговаривать.

17 марта румыны отмечали день св. Алексия, который у них назывался: «Алексий» (Alexiile), «Алексиу», «Алекса» (Alexiu, Alxa), «Алексий теплый» (Alexa cel cald), «божий человек» (omul lui dumnezeu), «божий человек теплый» (omul lui dumnezeu cel cald). Об Алексии существовало много легенд, чаще литературного происхождения, а также стихотворных текстов, которые читали в его день на открытом воздухе. «Теплым» его называли потому, что полагали: земля в этот день окончательно согревается и готова для пахоты. По народным представлениям, в этот день просыпались все насекомые и пресмыкающиеся.

Св. Алексий был весьма почитаем в народе, особенно у женщин. В его день запрещалось закалывать скот, чтобы оставшихся животных не укусили змеи и вредные насекомые. Необходимо было также хорошо очистить дом и двор, а мусор и навоз отбросить далеко от дома. Нельзя было в день Алексия ни думать, ни говорить о насекомых, иначе они будут кусать весь год. Если же в разговоре без этого не обойтись, то нужно было насекомое мужского рода называть «господин» (domn), а женского рода — «госпожа» (doamnă или cucona).

Пчеловоды в этот день вытаскивали ульи наружу, так как считалось, что вредные насекомые боятся пчел. Рыболовы в день св. Алексея строго постились, чтобы получать в течение года хороший улов, для этого же некоторые из них ловили рыбку и съедали ее живьем. Чтобы избавиться от нашествий вредителей, повсеместно в алексеев день окуривали людей, дома, сады и огороды. Для охраны садов от вредителей в них зажигали костры из соломы и старых листьев. В некоторых местах в этот день хозяйки обмазывали фруктовые деревья тестом, а хозяева шли за ними следом и окуривали [12].

Большим праздником считалось благовещение (Bunavestire, Blagoveştenie — 25 марта). Большинство румын Буковины полагали, что этот праздник столь же большой, как и пасха. Считалось большим грехом работать в этот день. В день благовещения птицу не сажали на яйца, не спаривали скот, так как, по народным понятиям, от этого могли родиться чудовища. Большим грехом считалось поссориться с кем-нибудь.

Существует много примет об урожае, связанных с погодой в благовещение. Пастухи в этот день собирались около села и, вооружившись топорами или языками от льномялок, «окончательно изгоняли зиму», чтобы скорее зазеленели травы. Впервые выгоняли скот на пастбища около села и, чтобы скорее пришло весеннее тепло, пили воду с листьев лопуха, окуривали дома, зажигали костры из старых фруктовых деревьев, «чтобы остальные родили лучше». В Трансильвании хозяин шел в сад и замахивался топором на дерево, которое стало хуже плодоносить, говоря при этом: «Если не родишь, я тебя срублю!»

По повериям большинства румын, именно в день благовещения «развязываются птичьи языки», и они начинают петь. Первое птичье пение нужно было встретить, имея в кармане хоть немного денег, иначе весь год будешь ходить голодным, сердитым и неимущим. Существовало поверье, что нехорошо впервые увидеть одинокую ласточку — весь год будешь одиноким. В день благовещения, хотя он и приходится на великий пост, предписывалось приготовить и съесть рыбное блюдо, чтобы весь год быть здоровым [13].

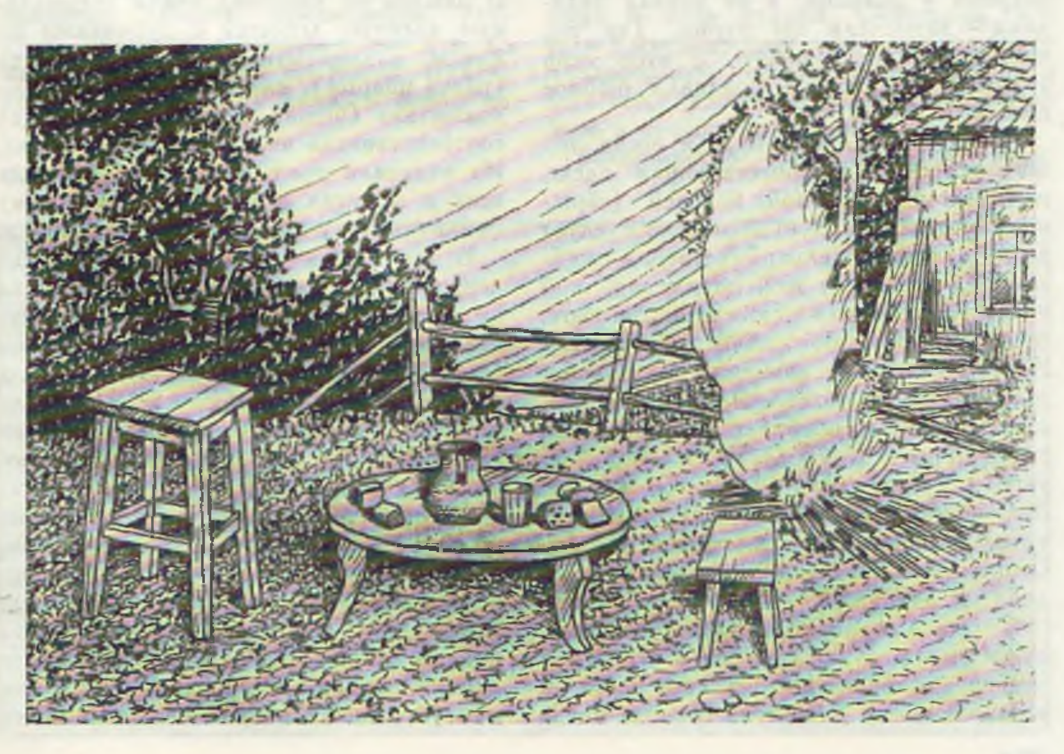
Последняя суббота накануне вербного воскресенья называется лазарской субботой (Sîmbăta lui Lazar). Женщины пекли различные печения, особенно слоеные пироги. Их раздавали бедным в качестве поманы. В лазарскую субботу работать не грешно, нехорошо было только прясть, «чтобы не ослепли мертвые, стоящие в этот день у врат рая». Женщины уходили в лес и собирали

там особую траву, которую давали коровам, «чтобы получить от них больше молока». Девушки субботним вечером гадали о суженом, а днем сажали цветы. Никаких других посевов в вербную неделю не делали. В Мунтении в лазарскую субботу церковь устраивала детские процессии. В некоторых районах этой области дети ходили из дома в дом, распевая монотонную песню о смерти бедного Лазаря. Обычай этот и называется *Лазэрэл* или *Лэзэрикэ*, а само действие — хождением с Лазарицей или невестой. Одна из маленьких девочек надевала на себя наряд невесты (белое платье с блестками, на голове — померанцевые цветы с тонкой фатой или вышитым платком). Остальные участники были в обыденной одежде. Их принимали в домах, где они разыгрывали представления, активным, но безмолвным участником которых была сама Лэзэрицэ, а остальные сопровождали ее действия пением. За это детей одаривали яйцами и мелкими деньгами.

Примечательно, что лазарская суббота отмечалась преимущественно в Мунтении, т. е. в области, непосредственно граничащей с Болгарией. На юге Мунтении сравнительно компактной массой живет и болгарское население. Празднование лазарской субботы у болгар широко распространено, возможно, что румынское население этой области восприняло этот обычай от болгар.

Повсеместно праздновали вербное воскресенье (Duminica florilor, буквально — цветочное воскресенье). Освящали в церкви ветки вербы, приносили туда много цветов. Однако в дом освященные ветки не вносили, чтобы кто-нибудь в нем не умер. Обычно их закрепляли снаружи над дверью или под стрехой крыши. Почки с этих веток в течение

Стол с обрядовой пищей и ритуальный огонь



года употребляли как лекарство от многих болезней; их клали на ульи в надежде получить больше меда, разбрасывали в саду и огороде, «чтобы вредители не погубили урожай», и т. д. По народным представлениям, освященные вербные ветки служили также защитой от града, бури, грома и молний. Во время большой грозы или бурана их бросали в огонь, полагая, что дым от них отгоняет беду. Считали, что такая ветка помогает и при продаже скота. Стоило ею ударить перед уходом на базар то животное, которое хочешь продать, и «от покупателей не будет отбоя» [14].

В канун вербного воскресенья с могилы молодой девушки крали нити погребального знамени, которые вместе с ветками базилики бросали в воду и кипятили. В вербное воскресенье этой водой девушки мыли голову, чтобы волосы были густыми и блестящими, как бахрома у знамени, а от запаха базилики — захмелели бы парни. Так же, как и на благовещение, в этот день к столу повсеместно подавали рыбное блюдо.

Последняя седьмая неделя поста, непосредственно предшествующая пасхе, называется страстной неделей (săptămâna patimelor). В этой неделе следует особо отметить великий четверг — *жоймареле, жой-маре, жой патимелор, жой негру, жоймэрикэ* (joimarele, joi-mare, joi patimelor, joi negru, joimărică). К этому четвергу женщины и девушки должны были спрясть всю заготовленную шерсть и коноплю и сшить себе праздничные рубахи. Ту, которая не успела этого сделать, строго накажет Жоймэрикэ, представлявшаяся народу в виде грозного существа женского пола. С этим же днем были связаны и определенные гадания.

Согласно народным представлениям, души умерших каждый год в страстной четверг возвращались в свои дома и оставались там до кануна троицы, когда уходили обратно в могилы. Некоторые считали, что души мертвых находились в сенях за дверью или в кладовке, и все это время особенно тщательно убирали эти места и расстилали там белое полотно. Другие полагали, что души сидели на стрехе крыши или в других местах. Чтобы они не замерзли, утром и вечером в четверг во дворе или в особом месте перед ним разводили костер и ставили там зажженную свечу. Огонь чаще всего разводили из орехового дерева, которое накануне в лесу выдирали из земли руками. До зажжения костра дерево нельзя было опускать на землю, поэтому его чаще всего хранили на заборе. Около зажженного огня ставили скамьи, покрытые домашними ковриками, окуривали их и лили около них на землю воду. Коврики клали и прямо на землю у огня. По народным представлениям, здесь собирались души умерших, отогревались и пили воду. В память об умерших пекли специальные хлебцы: лепешку с зубчиками по краям, называемую «хлебом забытых» (pânea uitaţilor), или в форме лопаты — «забытая» (uitata). Количество хлебцев соответствовало числу умерших в семье. Их отдавали тому, кто вставал раньше всех и зажигал огонь, или же ребенку (мальчику), и они их тут же съедали.

В этот день каждая женщина или девушка должна была принести по шесть ведер воды и полить траву. Это делалось как для того, чтобы душам было чем напиться, так и для того, чтобы год был плодородным. Поливали и могилы, «чтобы мертвым было чем умыться в первый пасхальный день». Не зажечь в этот день «огня мертвых» и не дать поманы в их честь считалось грехом. В различных районах страны в страстной четверг ходили на кладбище и, выкликая по имени умерших, просили их: «Поднимайтесь! Поднимайтесь и пойдем домой!» В Трансильвании в этот день в церковных дворах из приношений устраивали общественные поминки.

Недаром страстной четверг в Румынии часто называется «днем мертвых» (ziua morţilor) [15].

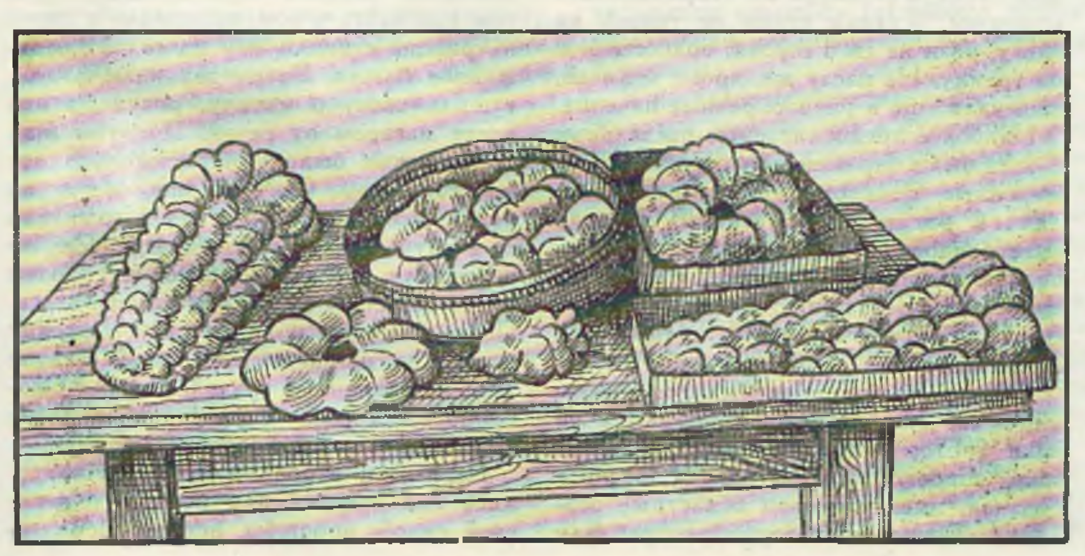
Во многих районах соком прокипяченных лесных растений и древесных листьев в этот день красили яйца для пасхи. Считалось, что покрашенные в великий четверг, они не испортятся в течение всего года.

Следует отметить еще один интересный обычай — «перекличка через село» (strigarea peste sat), исполнявшийся трижды: в конце вербной недели — в страстной четверг и в страстную субботу. Две группы парней и подростков собирались где-нибудь на двух возвышенностях около села. Они пускали с холма зажженные колеса и кричали друг другу: «Ауре-маура!» (непереводимо). Другая группа отвечала: «Что тебе?» Тогда первые начинали в своих восклицаниях — *стригатуриле* (strigăturile) — высмеивать чьи-нибудь пороки: пьянство, леность, высокомерие, глупость, скупость, ростовщичество и т. д., называя обличаемого по имени. Критиковали, невзирая на лица, и никто не был вправе обижаться. Такие выкрики выражали общественное мнение села о человеке. Особенно их боялись девушки; если их трижды громко высмеивали, они теряли надежду выйти в текущем году замуж. Поэтому во время поста они старались прилежно работать. С этим обычаем серьезную борьбу вела администрация сел, потому что ее часто критиковали больше всех. Тогда этот обычай стали справлять тайно поздней ночью. Но следует сказать, что социальное звучание обычай переклички приобрел довольно поздно. Его более древний смысл состоял в шуме, который поднимали парни и подростки: народ верил, что он отгонял от села нечистую силу [16].

В страстную пятницу большинство румын соблюдали строгий «черный пост» — *постул негру* (*postul* negru). В этот день были запрещены почти всякие работы, разрешалось только красить яйца и печь куличи. Считалось, что если в пятницу идет дождь, то год будет плодородным. Чтобы быть здоровым весь год, надо было искупаться в этот день в проточных водах.

Большинство из описанных выше

Обрядовые хлебцы



праздников падало на время великого поста, когда были запрещены не только скоромная пища, но и всякие развлечения. Однако церковные предписания вступали здесь в противоречие с народными обычаями и не соблюдались столь строго.

Самым значительным праздником была пасха — *пасчиле* (Pascile), *сэрбэторя пасчилор* (sărbătorea pascilor), *ынвиеря домнулуй* (învierea domnului).

Начиная со страстного четверга и до конца пасхи прекращались все полевые работы. В последние предпасхальные дни на усадьбе и в доме шла большая уборка. Перед праздником кололи скот, запасали вино. Все приготовления заканчивались к субботнему вечеру. Куличи — *паска, пэскуца* (pasca, păscuţa) даже самые бедные пекли из чистой пшеничной муки в виде лепешек, орнаментированных по краям плетением из теста, звездами, с крестом посредине. Пекли куличи и без крестного знака, с зубчиками по краям. Скорлупу от яиц, которые шли на приготовление куличей, собирали в какой-нибудь сосуд и выбрасывали в проточную воду, «чтобы на том свете стало известно, что пришла пасха, и ее могли бы отпраздновать усопшие». Куличи пекли не только на пасху, но и на св. Георгия, вознесение и на троицу. На пасху же, кроме куличей, выпекали еще и разнообразные печения.

Наиболее предпочитаемые пасхальные блюда были барашек или поросенок, зажаренные целиком. Поросенку вставляли в рот кусочек хрена. В городах вместо жареного барашка на стол иногда подавали фигурку барашка, сделанную из масла. Все приготовленные блюда еще в субботу вечером расставлялись на столе в горнице.

В какой бы цвет ни были окрашены яйца, все они у румын называются *ой рошь* (oi roşi — красные яйца). В стране была широко распространена роспись писанок, имеющая свои областные различия. Тряпочки, которые употребляли при раскраске яиц, не выбрасывали, а освящали их вместе с куличами в церкви и по мере надобности зажигали и окуривали ими заболевших людей и скот.

Во многих областях Румынии существовал обычай в ночь с субботы на воскресенье зажигать около церкви большой костер и всю ночь проводить около него. В эту ночь огни зажигались и на холмах около села и домов.

На заре в воскресенье молодые люди в глубокой тайне должны были совершить обряд омовения в проточных водах, чтобы встретить праздник духовно и телесно чистыми.

В полночь с субботы на воскресенье, когда запоет петух, один из стоявших у костра выстрелами из ружья оповещал о начале пасхи. Заслышав выстрелы, все вставали, умывались свежей водой, в которой лежало крашеное яйцо, несколько золотых и серебряных монеток и веточка базилики, надевали на себя праздничные одежды и с блюдом куличей и других кушаний шли в церковь. После службы целовались друг с другом (мужчина с мужчиной, а женщина с женщиной) и с освященными блюдами и зажженными свечами шли домой. Перед тем, как зайти в дом, проходили к скоту и трижды ставили ему на голову освященное блюдо. Затем заходили в дом, тушили свечу о матицу, рисуя на ней крест нагаром от свечи. По этим крестам можно было узнать, сколько лет простоял дом. Свечу, принесенную из церкви, сохраняли весь год и зажигали ее в случае какой-либо напасти. Ею же окуривали заболевшую скотину. Затем семья садилась за стол и разговлялась. После угощения молодежь шла к церкви и там на площади проводила остаток дня в различных развлечениях. Особенно было распространено качание на качелях и катание крашеных яиц.

Первый и второй день пасхи считались наилучшими для борьбы с нечистой силой, ворожбы, всякого рода га-

даний и предсказаний. В Банате в первый пасхальный день давали поману, состоящую из калачей, жареной баранины, крашеных яиц и другой еды в честь предков — *мошии де пасчь* (moşii de pasci). В Мунтении такая помана состояла из крашеного яйца, которое подавали через могилу близкого человека, произнося имя покойника. Девушки в эти дни носили воду соседям в качестве поманы мертвым.

В первые три дня пасхи молодые парни и девушки забирались на церковную звонницу и непрестанно звонили в колокол (кроме часов вечерней службы), желая предохранить себя от огня и непогоды (древнее представление о шуме, отгоняющем зло).

Вечером первого дня пасхи отмечался обычай — *бричелатул* (bricelatul): собирались парни, которые в текущем году впервые вышли на самостоятельную пахоту, выбирали из своей среды короля (crai), имевшего право наказывать тех, кто в дни поста совершил какой-либо неблаговидный поступок. Этот обычай был преимущественно распространен в равнинных районах Трансильвании и схож с обычаем «переклички через село». Разница состояла лишь в том, что не только выкликали имя провинившегося, но и наказывали его: подводили к церкви, валили на землю и, ударяя дубинкой по пяткам, говорили при этом:

Nu te bate bricela,
Că te bate vina ta.
Asta ti de la mine,
Asta ti se vine.
Sute, mia, na!
Să nu faci alt'dat'aşa!

Не дубинка тебя бьет,
А твоя вина.
Это тебе от меня,
Это еще будет.
Сто и тысячу раз на!
Чтобы в другой раз так
не поступал!

После наказания всех провинившихся правые и виноватые шли в дом к королю, приглашали девушек и проводили там остаток вечера и последующие два дня за угощением и развлечениями. Часто на такие собрания приходили и родители девушек. Но так как этот обычай был связан с большими затратами для парня-короля, то уже к началу XX в. он почти совершенно исчез.

Возможно, более древняя форма этого обычая наблюдалась в Олтении, где он носил название *плугарул* (plugarul). Здесь ловили парня, впервые вышедшего пахать, ставили его на борону и в сопровождении музыкантов несли к реке или ручью, стараясь искупать его в одежде. Новый пахарь был одет в повседневную рабочую одежду и опоясан зеленью. Его шляпу также украшала зелень. При попытках искупать парня часто возникали ожесточенные драки. После купания его опять ставили на борону, а затем уносили домой. Здесь нового пахаря поздравляли и садились за стол с угощениями. В других районах Олтении плугарю на шляпу надевали калач, а к ее верхушке прикрепляли крашеное яичко. В г. Брашове в эти дни отмечался специальный «праздник юношей» (sărbătorea junilor), со сложной церемонией и праздничным шествием.

В пасхальные понедельник и вторник женатые пары ходили с куличами и крашеными яйцами к своим родственникам: младшие шли к старшим. Нарушение этого обычая рассматривалось как непочтительность к старшим и осуждалось. Придя в дом к родителям, дедам и крестным, целовали им руку. Братьям и сестрам руку просто подавали. После угощения хозяйка дома забирала дары и давала свои, но меньшие. Если дары пришлись не по вкусу, их возвращали, и это считалось большим позором.

Первое воскресенье после пасхи — фомино воскресенье (Duminica Tomei); в некоторых районах Трансильвании

его даже называли «малой пасхой» (Pascile mici). В Молдове для этого праздника еще в пасхальную пятницу пекли куличи и красили яйца. В субботу их относили на кладбище и клали на могилы родственников, устраивая «радость мертвым». Вообще по всей стране фомино воскресенье отмечалось как память по умершим. В этот день во многих районах в церковных дворах устраивались общественные трапезы.

Интересным обычаем румын была «пасха рокманов, или блаженных» (Pascile rocmanilor, blajenilor). Этот обычай охватывал большую часть Буковины, Северную Молдову, Марамуреш и Нэсэуд в Трансильвании, т. е. по существу всю северную часть страны. Его отмечали, кроме румын, и гуцулы. За пределами страны он встречался у гуцулов Закарпатья и русских. В южных районах Румынии представления о рокманах неизвестны.

В легенде о них рассказывается следующее: рокманы, или блаженные, — христианский народ, живущий в какой-то стране «за большими водами» на юго-востоке от Румынии. Живет этот народ праведной жизнью не в домах, а под сенью деревьев, люди там ходят обнаженными и питаются дарами природы. Они мягки в обращении. Мужчины и женщины у них живут раздельно и могут сходиться друг с другом только раз в год во время пасхи. Но так как рокманы живут изолированно от остального мира, они узнают о наступлении праздника только по той шелухе крашеных яиц, которые выбрасываются в канун пасхи в проточные воды. Дойдя до них, шелуха опять превращается в целые яйца. Согласно народным представлениям, эта яичная шелуха доходит до рокманов не единовременно. Одни отмечали «пасху блаженных» в фомино воскресенье, другие — на второй неделе после пасхи, третьи — на третьей и даже четвертой неделе, но всегда в среду. В Буковине же ее отмечали в понедельник после фомина воскресенья, когда с пасхальными угощениями и вином мужчины и женщины устраивались на лужайках в лесу, ели и развлекались. Считалось благочестивым признаком, если остатки еды и вина падали на землю, так как, по народным представлениям, они шли на угощение погибшим насильственной смертью. В городах пасха блаженных часто отмечалась в домах. Представления о рокманах, или блаженных, скорее всего книжного происхождения, возникшие у разных народов.

С пасхальными днями связан еще один интересный обычай — *мэткэлэул* (mătcălăul). По поверьям румын Баната, мэткэлэул — прекрасный юноша, который невидимо бродит по миру. Его почитали как младшего брата пасхи и иногда также называли «малой пасхой». Большинство румын Баната отмечало его день в понедельник или вторник после фомина воскресенья. В этот день строго запрещалось работать. Для банатской молодежи он был еще и днем побратимства и посестримства. В каком-либо месте раздельно собирались парни и девушки, чтобы подобрать себе «братьев» и «сестер». Количество избранных могло быть: 3, 5, 7. «Крестным братом» парня могла быть и женщина, а «сестрой» — только девушка.

Посестримство иногда устраивалось на дому, где пекли по этому случаю лепешку из пшеничной муки. Все располагались вокруг стола, и специально приглашенный мужчина, хорошо знающий обряд и почитаемый впоследствии как духовный отец — *татэ суфлетеск* (tată sufletesc), на лепешке, лежащей на столе, обозначал солью знак креста и клал на нее ложку. Затем духовный отец ложкой заботливо собирал соль с лепешки и капал на ее место столько капель вина, сколько девушек вступало в посестримство. После этого серебряной монетой разрезал лепешку на столько же кусков. Каждая девушка съедала

по кусочку лепешки, выпивала по стакану вина и, целуясь друг с другом, обращалась с ритуальными словами к мэткэлэулу. Монетку, которой резали лепешку, также разрезали, и каждая девушка, получив кусок, хранила его всю жизнь; ей его клали на грудь, когда она лежала в гробу. После завершения обряда девушки вместе с приглашенными родителями угощались, и с этих пор каждый год в этот день они навещали друг друга и устраивали праздник.

В других частях Баната этот обряд, называвшийся еще и *мэткуцаря* (mătcuțarea), проходил на открытом воздухе. Таким же образом братались взрослые парни и дети. Этот обряд отмечался и в г. Северине в Мунтении. В других районах страны он был неизвестен [17].

Одним из наиболее почитаемых святых в народе был Георгий (sfîntul Gorge), день которого отмечался 23 апреля. Собственно св. Георгий и св. Димитрий (26 октября) в народном представлении определяли время года. Первый открывал теплое время, а второй — холодное. Согласно легенде, ключи времени эти святые постоянно носили у себя на поясе и строго их оберегали. В народе всякие сделки заключались от одного праздника (23 апреля) до другого (26 октября): брали аренду, снимали помещение, брали взаймы деньги, нанимали пастухов и т. д.

В канун дня св. Георгия дома (снаружи и изнутри), столбы ворот и калиток украшались кусками зеленого дерна, посреди которых вставляли ветки ежевики или вербы. Зеленью украшали и помещения для скота. Этот дерн и зеленые ветки некоторые сохраняли весь год, используя их от лихорадки и в качестве оберега молочного скота и домашней птицы от нечистой силы. Канун дня св. Георгия в народном представлении был опасным временем, ибо, как только стемнеет и до пения первого петуха, по дворам бродили злые силы и забирали *ману* (mana) у молочного скота. В понятие маны народ включал и жизненную силу животного и молоко. Особенно опасным это время было для молочных коров.

Желая обезопасить свой скот от нечистой силы, люди шли на ближайшие пастбища, сами кормили там скотину и пригоняли домой, ибо животное, у которого удалось забрать ману, быстро слабело, его шерсть сбивалась, и через месяц-два оно погибало. Ману у скота могла отнять и колдунья. Таким образом, по народным понятиям, в канун св. Георгия скот нуждался в особой защите и охране.

В ночь на св. Георгия бесчинствовали и особые колдуньи — *соломонии* (Solomonii), которые крали плодородие почвы. Это поверье было особенно распространено в Мунтении; там против соломоний применялись специальные заговоры.

В канун св. Георгия зажигали так называемый живой огонь (focul viu). Принесенные на определенное место в тайне от других дрова поджигали; огонь добывали путем трения куска дерева о другой. Вокруг костра собирались парни, устраивали различные игры и прыгали через костер. Когда костер прогорал, каждый из участников брал из него горящие головешки, бежал домой и окуривал скот. В Буковине через такой костер заставляли прыгать и скотину, а если пламя было слишком высоким, то ее прогоняли сквозь дым от костра. Прыгали через огонь и пастухи, полагая, что тем самым очищаются от скверны. Особенно широко такое очищение пастухов было распространено в Банате.

В канун и в день св. Георгия отмечался и праздник румынских пастухов — *алесул* (Alesul), к которому начинали готовиться еще с 21 апреля. На пастбищах устанавливались места дойки овец, загоны для скота и сыроварни, а также временные хижины для пасту-

хов. Собственно алесул является началом весенне-летнего овцеводческого сезона, когда овец впервые доили на ближних пастбищах и отделяли ягнят от овец и козлят от коз. Это действие и дало название празднику (a alesa — отделять). До захода солнца надо было особым способом произвести смазку вымени у скота. После захода солнца этого делать было нельзя, так как наступало время колдовства. Чтобы злые силы не отняли молоко у овец, их нужно было успеть до вечера подоить. Всю эту ночь пастухи не спали, охраняя скот. Они играли на различных пастушеских музыкальных инструментах и пели, отгоняя злую силу.

Рано на заре 22 апреля старший пастух украшал ворота и забор загона ветками вербы, бука или ежевики, а остальные пастухи выгоняли скот на пастбище и загоняли его обратно только перед дойкой. Эту дойку производили сами хозяева овец, приходившие для этого из дому. Они доили в посуду, украшенную зелеными ветками, с прикрепленной к ее ушку овечьей смазкой и серебряной монеткой, которую в день св. Георгия бросали в колодец, говоря: «Пусть будет столько молока в овечьем вымени, сколько воды в колодце!»

Приходили на пастбище и женщины, которые готовили посуду для дойки и еду для пастухов. Сначала пекли большой калач из пшеничной муки, замешанный только на воде с солью. Его смазывали яичным белком и надевали на посуду для дойки — *голету* (goletă). Назывался такой калач «овечьим калачом» (colacul oilor), а женщины, готовившие его и мывшие посуду, — *голетэрясами* (goletăreasă). Когда пастухи возвращались со стадом, голетэрясы окропляли их вместе с животными «святой» водой от сглаза. Один из пастухов вонзал нож в землю и двери помещения для дойки и говорил: «Пусть у овец остается молоко, никем не взятое!» После дойки над голетами с молоком пастух и хозяин овец разламывали калач, принесенный из дому, отведывали от него по три кусочка и угощались принесенными припасами.

Если Алесул падал на постный день, нельзя было есть скоромную пищу. В этом случае угощались только рыбой с малаем. Если же день был не постным, устраивалось подлинное пиршество. Ели жареное и копченое мясо, яйца, поджаренные в жире, и т. д. Все это запивалось вином, и каждый тост состоял из одного только пожелания: «За здоровье овец и пастухов!» Иногда здесь же устраивались танцы под музыку. В этот день и пастухи, и те, кто к ним приходил, одевались в праздничные одежды. Вечером хозяева скота и голетэрясы уходили домой, а пастухи опять всю ночь развлекались, пели, играли на музыкальных инструментах.

23 апреля в день св. Георгия голетэрясы возвращались на пастбище с угощением. Старший пастух выстрелом из пистолета убивал ягненка, говоря при этом: «Пусть только так случается среди овец!» (т. е. пусть они гибнут только от руки человека). Ягненка зажаривали целиком и подавали к обеду. Приходили хозяева овец с приглашенными родней и знакомыми. Они угощались вместе с пастухами и устраивали после обеда танцы. В этот день танцевали специальный мужской пастушеский танец — *кэлучень* (călucenі).

С днем св. Георгия, вернее с его кануном, был связан еще один интересный обычай — отыскание кладов. Вообще их искали пять раз в году: в канун пасхи, св. Георгия, вознесения, троицы и иванова дня. Считалось, что в эти дни клады «загораются», указывая тем самым место своего захоронения. Существовало много «способов отыскания кладов», но обязательным было одно: как только откопаешь сокровище, надо «закрыть» то место, где оно лежало, т. е. оставить там несколько монет или других ценных предметов, чтобы кладоиска-

теля не убила *штима*» (ştima) — злая сила, охраняющая сокровища.

С днем св. Георгия было связано еще много обычаев. Как и во многие другие праздники, раздавали поману в честь мертвых. Она состояла из новой крынки, полной молока или творога, калача и свечей или же из овечьего молока и омлета. Пока не раздадут поману, никто ничего не ел [18].

В праздновании дня св. Георгия у румын отчетливо видна скотоводческая традиция, как видна она и в празднике воловьего Марка (Marcu boilor) — 25 апреля. Этот праздник был посвящен рогатому скоту, особенно волам. В день Марка нельзя было пахать на волах, чтобы они не заболели, и их не задрали бы хищники. Пахали на лошадях. Но, если обстоятельства все же вынуждали в этот день использовать волов, то женщины должны были воздерживаться от всяких тяжелых работ, чтобы не причинить вред рабочему скоту. В день Марка мыли кадки, которые со дня св. Георгия стояли у ручьев и колодцев, наполненные водой. Тогда в кадках в течение года не переведутся молоко и брынза [19].

1 мая повсеместно отмечался день пророка Иеремии — *арминденул, армендин, арминдин, арминдер, бэуну* или *пэуну* (Armindenul, Armendin, Armindin, Armender, Băunu, Păunu). В канун этого праздника окна, двери домов и скотные сараи украшались зелеными ветками. Ими же украшали ярмо для волов. Из леса приносили ветки или целые деревца дуба, бука, вербы и других деревьев, называемые *арминден*, или майское дерево (pom de mai), которые устанавливали у ворот дома. Листья у таких деревцев оставляли только на верхушке. Деревца пытались сохранить до первого помола новой пшеницы, чтобы развести на них огонь в очаге и испечь хлеб из семян нового урожая. Считалось большой честью, если парень, желая почтить любимую девушку, поставит перед ее домом арминден. Хотя это совершалось в глубокой тайне, девушка должна была отыскать почтившего ее парня и угостить вином.

В день 1 мая женщины воздерживались от полевых и домашних работ, чтобы град или буря не побили посевы.

В Буковине, Молдове и Мунтении в этот день зажаривали ягненка, шли на лесную поляну и там его съедали, запивая полынной водкой или вином, в которое клали зеленую полынь. Иногда приводили с собой музыкантов и развлекались в лесу до вечера, а затем с песнями, украшенные сиренью и полынью, возвращались домой.

В земледельческих работах день этот считался лучшим для посева фасоли и посадки огуречной рассады [20].

Как видим, весенний календарный цикл у румын чрезвычайно богат. Здесь отмечены лишь наиболее широко бытующие обычаи, обряды и поверья. Как и в зимней календарной обрядности, в них отчетливо выделяются дохристианские представления, связанные с основными сельскохозяйственными занятиями народа: земледелием и животноводством. Кульминацией земледельческого цикла является пасха, а животноводческого — день св. Георгия. Прослеживаются и связи с обычаями и обрядами соседних народов, особенно с южными и восточными славянами, дающие богатый материал для постановки проблемы этнического развития румын.

Трудно дать однозначный ответ на вопрос о степени бытования этих обычаев и представлений в наши дни. Можно сказать лишь, что затухание или возрождение народных праздников и обычаев — процесс далеко не прямолинейный. Его не всегда удается непосредственно связать ни с ростом экономического благосостояния народа, ни даже с ростом его культурного уровня, как это еще часто полагают. Культурное развитие может влиять лишь на исчез-

новение наиболее отсталых представлений или обычаев, связанных с тем или иным праздником, но сам праздник продолжает бытовать, даже если прежнее его осмысление забыто. У румын, например, строгое соблюдение поста осталось теперь только у людей весьма почтенного возраста; забываются всевозможные гадания, борьба с нечистой силой, кладоискательство. Широкое развитие демократии и возможность выразить свое мнение на открытых собраниях привело к исчезновению обычая «переклички через село». Сами обычаи приобретают все больше развлекательный характер.

[1] *Marian Sim. Fl.* Sărbătorile la români, t. I. Bucureşti, 1898, p. 239—246.
[2] Ibid., p. 255—258.
[3] *Pârvan V.* Dacia, Civilizaţiile stravechi din regiunele carpato-danubiene. Bucureşti, 1937, p. 18; *Petrescu Paul.* Folclorul şi arta populara românească. Bucureşti, 1968, p. 30.
[4] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., p. 271—276; *Vrabie Gheorghe.* Folclorul, obiect-principii-metoda-categorii, Bucureşti, 1970, p. 187—190.
[5] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., t. I, p. 276—278.
[6] Описание этого обряда см. в главе «Болгары» (кукери).
[7] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., p. 284—286.
[8] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., t. II, p. 9—13.
[9] Ibid., t. II, p. 31—40.
[10] Ibid., t. II, p. 84—87.
[11] Ibid., t. II, p. 94—143.
[12] *Marian Sim. Fl.* Ibid., t. II, p. 201—210; *Vrabie Gheorghe.* Op. cit., p. 189.
[13] *Vrabie Gheorghe.* Op. cit., p. 231—236.
[14] Ibid., p. 237—266.
[15] Ibid., p. 270—279.
[16] Ibid., p. 286—292.
[17] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., t. III, p. 1—196; *Vrabie Gheorghe.* Op. cit., p. 165—167.
[18] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., p. 197—285.
[19] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., p. 286—287; *Vrabie Gheorghe.* Op. cit., p. 168.
[20] *Marian Sim. Fl.* Op. cit., p. 288—295.

АЛБАНЦЫ

* * * * * * * * * * * * * *

Ю. В. Иванова

Особенность религиозной жизни албанцев заключалась в разнообразии вероисповеданий. В средние века Албания находилась между двумя мощными очагами религиозно-философской мысли того времени: Византийской империей — главным оплотом православия и католическим миром итальянских государств. Влияние Византии, а в последующие времена Греции привело к распространению православия на юге, юго-востоке Албании и на побережье Адриатического моря к югу от г. Люшни. Накануне образования Народной Республики Албании примерно 20% ее населения исповедовало православие. Католицизм простирал свое влияние на север и на северо-запад страны, куда были направлены в свое время политические интересы Венецианской республики, а позже интересы Италии и Австрии. Католицизма придерживались главным образом горцы Северной Албании и население города Шкодры и его окрестностей (примерно 10% населения).

В конце XV в. турки-османы захватили албанские земли. С XVI, а особенно с XVII в., они жесткими мерами насаждали ислам. В результате системы политических и экономических санкций постепенно большинство албанцев (около 70%) было исламизировано. Но и исламизация сама по себе была не однородна: бо́льшая часть албанцев исповедовала мусульманство суннитского толка, другие были приверженцами шиитской секты бекташей.

Насильственное внедрение ислама путем экономического давления, социального и юридического неравноправия мусульман и инаковерующих и тому подобных мер привело, хотя и к массовой, но довольно поверхностной исламизации албанского народа, особенно крестьян. В то время как религиозная вражда разъедала городскую среду и сельскую аристократию, в селах долин и особенно гор царила большая веротерпимость, и порою люди, официально считавшиеся мусульманами, тайно в домашнем кругу продолжали придерживаться старых христианских обычаев. Мировоззрение ислама не проникло глубоко в крестьянские массы, поэтому отдельные семьи и целые группы населения сравнительно легко переходили из одного вероисповедания в другое, подталкиваемые иногда случайными причинами[1].

Своеобразие религиозной жизни Албании ярко проявляется в календарных обрядах.

Древнейшие народные верования албанцев были связаны с обожествлением сил природы и с верой в духов — хозяев местности — гор, долин, рощ, источников. В весеннем цикле календарных праздников этот древний слой оставил бо́льший след, чем в праздниках других сезонов. В определенные дни года совершалось паломничество к священным местам. С течением времени дни языческих праздников стали посвящать христианским святым, дни памяти кото-

рых по календарю оказывались близкими к датам старинных празднеств. Ныне в Албании бывшие священные места стали местами традиционных народных гуляний, сейчас уже утерявших религиозное значение. Следы обожествления сил природы проглядывают ныне только в некоторых устойчивых словесных формулах — клятвах, поговорках и т. п.

Как и у многих других народов, народный албанский календарь делит год лишь на два сезона — лето и зиму. Понятие весны и осени вошло в народный быт позднее. Год начинается в день св. Георгия (23 апреля по старому стилю или 6 мая по новому); с этой даты и до дня св. Дмитрия (26 октября или 9 ноября) длилось лето, с 26 октября до 23 апреля — зима. Протяженность года исчислялась в 360 дней, а оставшиеся пять дней распределялись между двумя главными праздниками в году: в честь св. Георгия праздновали три дня, а праздник св. Дмитрия длился два дня.

Что касается даты начала года и начала зимы, албанский народный календарь не стоит особняком, эти же дни служат существенными календарными датами и у других народов. Самое примечательное, что они приняты как основые вехи отсчета времени и у турецких крестьян, для которых мусульманский лунный календарь оказался неудобным в практической жизни. Длительное время живя бок о бок в одинаковых климатических условиях и ведя одинаковое хозяйство с автохтонным населением Восточного Средиземноморья, турецкие труженики переняли более удобный для хозяйственной деятельности солнечный календарь. День *хызыр Ильяс* или *хыдреллез* (23 апреля) начинает их год и открывает летний период (*яз*), а день *касым* (26 октября) заканчивает летний и открывает зимний период (*кыш*)[2]. Таким образом, во время господства турок на Балканах для албанских крестьян не возникало препятствий в пользовании старинным календарем.

Своеобразный календарь существовал в прошлом в местности Люма (сев.-вост. Албания)[3]. Согласно ему зима и лето делятся в свою очередь на две равные половины, получается четыре сезона года по 90 дней каждый. Рубежи между сезонами отмечались традиционными праздниками. Девяностодневные сезоны в свою очередь делятся пополам по 45 дней. Между этими 45-дневными отрезками, возникшими, по всей вероятности, позднее основного деления года в целях практического удобства, распределялись хозяйственные заботы албанских крестьян — земледельцев и скотоводов, в меньшей степени — виноградарей и садоводов.

Нас в данном случае интересует отрезок времени от начала подготовки к весенним крестьянским работам до окончания этих работ. Несмотря на чрезвычайное разнообразие климатических условий Албании, вызванных горным рельефом, этот отрезок можно определить для всех албанских областей примерно с января до мая месяца. В традиционном календаре, о котором шла речь выше, этому периоду соответствуют вторая половина «зимы» и первая четверть «лета». С конца января до первых чисел марта земледельцы проверяли и чинили сельскохозяйственный инвентарь, готовясь к весенним полевым работам. У пастухов наступал период больших забот: происходил окот овец. Садоводы были заняты подстриганием и прививкой фруктовых деревьев. Характерно, что именно на это время, столь важное для крестьянского хозяйства, приходятся важнейшие календарные праздники.

Пока остается невыясненным, распространялся ли старинный календарь, обнаруженный в Люме, на всю албанскую этническую территорию и насколько он был известен в долинах, где всегда преобладало землепашество. Во всяком слу-

чае даты народных праздников указывают на то, что не только рубежи между девяностодневными «сезонами» являлись в старину знаменательными календарными вехами. Сложный генезис албанских народных верований привел к значительной разнохарактерности обрядов и поверий, которые дошли до нас в качестве традиционных празднеств.

В начале марта все население Албании, независимо от вероисповедания, шумно и весело праздновало приход весны. Возможно, в этом празднике сказывались отголоски римского календаря, согласно которому новый год начинался 1 марта. Разница в счислении между юлианским стилем (который в Албании называют турецким) и григорианским (о котором говорят: «считаем по-французски», т. е. по-европейски) привела к тому, что праздник весны отмечают или 1 или 14 марта.

В Люме этот праздник называли «день лета» (dita e verës) и отмечали за 45 дней до георгиева дня, на рубеже двух малых 45-дневных календарных отрезков. В его наименовании явно заметна известная условность в обозначении принятого в народе праздника. В Люме он сохранялся до недавнего времени в особенно полной и интересной форме.

На рассвете, до восхода солнца все жители от мала до велика натощак шли к ручью, умывались и наполняли сосуды свежей водой. Затем возвращались в дома, завтракали (обычно на завтрак подавали вареную тыкву и кофе) и поздравляли друг друга с праздником. Все это надо было успеть до восхода солнца. Затем мужчины закалывали жертвенное животное — *курбан* (kurban); в зависимости от достатка и многолюдности семьи резали быка, одного или нескольких баранов, коз, в крайнем случае могли зарезать петуха, однако жертва была обязательна. Остаться на праздник без курбана считалось для горцев величайшим несчастьем. Жертвенное животное жарили на вертеле на очаге. Это считалось более изысканным и традиционным угощением, чем вареное мясо.

Дети, не промолвив ни с кем ни слова, отправлялись на поля искать в земле, под снегом, который еще покрывал горные склоны, знаки оживающей природы: цветок или зеленую травинку, насекомое или червяка, выползающего из-под снега. Затем они также молча возвращались домой и, остановившись перед дверью, восклицали: «О, мама!» Хозяйка из-за двери: «Кто там?» Дети говорили: «Козлята, ягнята, мальчики». Хозяйка подходила к двери и восклицала: «Уходи, черная судьба! Приходи, белая судьба!» После этого дети входили в дом и клали посередине комнаты свои находки. Люди весело поздравляли друг друга с приходом весны, а детей оделяли орехами, сухими фруктами и т. п.

Затем садились за обед. После него ходили друг к другу в гости, шло взаимное веселое угощение. Вечером все собирались на поляне на танцы [4].

Проводы плохой судьбы и встреча хорошей, доброй доли, возникшие, возможно, в связи с празднованием нового года, известны и в других областях страны. В местности Опар, например, зло «отдавали» источнику, ключу: выпекали пирог («калач ключа»), который, очевидно, когда-то бросали в воду, а позже стали съедать на берегу водоема, приговаривая: «Здравствуй, ключ! Я отдал плохое, взял хорошее» [5]. Так суеверные люди при проводах старого года старались путем магических манипуляций заставить зло, несчастье покинуть их.

В области Мати праздник длился три дня: 12, 13 и 14 марта. Оригинальный местный обычай заключался в том, что дети сооружали из сухих палок, хвороста нечто вроде больших венков или колес, связывая ветки диким вьюнком; их называют *дайлины* (dajlinat). Вече-

ром дети подымались на вершины холмов, поджигали венки и, вращая их, приговаривали: «Дайлины весенние, заберите лихорадку от всего лета!». В этот день женщины воздерживались от работы [6].

В горах в марте еще лежит снег, а в долинах уже начинается весенний сев, здесь март — время пышного расцвета природы.

В южных областях Албании в праздник весны, как и на многих других праздниках, группы молодежи ходили по дворам с песнями-поздравлениями, в которых пожелание добра хозяевам дома сопровождалось просьбами угостить поющих. В окрестностях Гьирокастры и в местности Загори дети пели:

Moj zonje e uruar,
Fle, apo je zgjuar?
Hiqi, llozn derēs,
Sē erdh dit'e verēs.
Ngreu nusē hap qilar,
Te gostiç kēta beqare,
Qe vine duke kēnduar,
Duke i rēne tamburase.

О, наша благословенная хозяйка,
Спишь или проснулась?
Иди, открой дверь,
Потому что пришел день лета.
Иди, невестка, открой кладовку,
Угости молодых людей,
Которые пришли с песнями,
Играя на тамбурине.

Традиционные угощения, раздаваемые детям, были яйца, орехи, фрукты и другие сладости [7].

Дома в этот день украшали цветами, ветками рано зеленеющих деревьев (олива, кизил) или кусками свежего дерна. На мешки с мукой клали оливковую ветвь.

В южных албанских областях был обычай ударять людей и скот кизиловыми ветками, которые считались символом силы и здоровья [8].

Албанцы-мусульмане, живущие в Югославии, называют праздник 1 марта славянским словом «летник». К этому дню приурочены различные приметы (как это вообще характерно для всех важных дат календаря): хорошая погода 1 марта сулит столь же хорошую погоду в течение последующего года; если рано утром увидят птицу, значит, в доме будет новорожденный мальчик [9].

По народным приметам, ласточки, прилетающие в начале марта «приносят из-за моря красное лето». По этому поводу народ сложил красивые песни, которые поются на празднике весны.

Во многих местностях Албании, а особенно в окрестностях Эльбасана и Гирокастры, 14 марта до сих пор является днем массовых гуляний на лоне природы. Первоначальный религиозный смысл праздника уже забылся, старинные обычаи превратились в привычные развлечения, в детские забавы. Дети и молодежь повязывают на шеи, на запястья скрученные красные и белые нитки (как это делают в Греции, Болгарии и Румынии). Магический смысл этих оберегов стерся в народной памяти, их воспринимают как традиционное украшение, преподносят друг другу в подарок в знак весеннего праздника.

После дня лета начинались, согласно традиционному календарю, полевые работы в горах, посев яровых. Женщины запасались свежей закваской для изготовления сыра. Для высокогорья наступал самый скудный период в году, когда подходили к концу прошлогодние припасы, а новых молочных продуктов еще не было.

25 марта по православному календарю — благовещение (vangjelizmoj), по католическому — день св. Анунциаты, близкий к дате весеннего равноденствия. Нет сомнения, что в древности день равноденствия был важной календарной вехой, поэтому ближайший к нему христианский праздник также считается праздником лета. В день ве-

сеннего равноденствия (22 марта) мусульмане-шииты отмечают новый год — *невроз*, осмысляя его как праздник пробуждающейся природы, праздник весны, цветов, радости и веселья. Для албанского народа древние представления, связанные с круговоротом солнца, христианский день благовещения и мусульманский новый год слились в единый синкретический комплекс.

В этот день в южных областях страны дети обходили поля, сады, виноградники, звонили в бубенцы, которые обычно висят на шее у домашнего скота, ударяли палками о куски жести. Шумом, громом, специальными песнями-заклинаниями они прогоняли змею, которая считается символом несчастья, как бы предохраняя тем самым скот и посевы от бед [10].

Этот обычай еще требует изучения и научного объяснения, ибо он обнаруживает противоречие с образом змеи — хранительницы домашнего очага. По народному поверью, каждый албанский дом имел своего стража в образе большой пестрой змеи. Полагали, что если в доме умирали все мужчины, т. е. прекращался род по мужской линии, змея покидала этот дом навсегда. В окрестностях Тираны змеиная кожа считалась лекарством [11].

Одна из наиболее важных дат албанского народного календаря — день св. Георгия (Shen-Gjergji или сокращенно Shnjergji). В Люме этот день называют также «начало года» (krye e motmotit) или «праздник лета» (festa e verës).

В весенних празднествах марта преобладают обряды встречи весны, расцветающей природы, распускающейся зелени. В обрядах георгиева дня внимание сосредоточено на обеспечении удачи в новом хозяйственном сезоне.

По всей вероятности, отнесение начала годичного цикла ко второй половине апреля связано с периодичностью скотоводческого хозяйства: это наиболее подходящее время для выгона скота на летние пастбища. Традиции албанского народа складывались в эпоху существенного преобладания отгонного скотоводства над земледелием, поэтому и весь старинный календарь оказался подчиненным скотоводческому циклу. Впрочем, посев кукурузы — главной продовольственной культуры — начинается в горах также в апреле. Таким образом, для горцев ритм земледельческих работ совпадает со скотоводческим.

В албанских горах со дня св. Георгия начинают доить скот, приступают к весенней стрижке овец. Начинается подготовка к перегону скота на высокогорные альпийские луга: отделяют ягнят и маток от баранов, формируют отары. Этот день среди жителей гор приобрел яркую эмоциональную окраску: прожит самый трудный сезон, наступает весна, а с нею и сытость (возобновляется потребление молочных продуктов), впереди теплое лето. Возможно, поэтому в Албании не было праздника более популярного, в котором принимал бы участие весь народ от мала до велика без различия вероисповеданий.

В народе день св. Георгия почитался более, чем мусульманский байрам или христианская пасха.

В каждой местности с течением времени выработались свои формы обрядности, оснащенные оригинальными деталями. В Люме приготовления к празднику начинались за месяц до него: намечали животное для жертвы (курбан), чаще всего это был барашек или ягненок, его забирали из стада и старательно откармливали. Хозяин дома, глава семьи покупал новую одежду, головные уборы, обувь и другие обновы для всех домочадцев. Девушки и женщины шили наряды для себя и своих семей. За неделю до праздника женщины выносили из дома все вещи, обмазывали дома свежей глиной снаружи и изнутри, мыли и чистили посуду, утварь, приводили в порядок двор и усадьбу, уничтожали все следы зимы. Праздник св. Георгия

длился три дня; на это время прекращались все работы.

В первый день праздника до восхода солнца все жители выходили за пределы села собирать цветы и зелень. Ею украшали себя, скот, двери и окна домов, затем происходило заклание жертвенного животного. Готовили курбан. После веселой сытной трапезы ходили друг к другу в гости, поздравляли с праздником, желая благополучно дожить до следующего георгиева дня.

Если в каком-либо доме в течение истекшего года был покойник, семья эта не жарила курбан и не делала визитов родным и друзьям. Соседи и близкие присылали им жареное мясо и другую еду, приходили к ним, чтобы выразить соболезнование. Эти посещения, вопреки обычно принятому этикету, оставались без ответных визитов.

На второй день праздника тоже выходили из домов до восхода солнца. На этот раз шли в определенное место, захватив с собой еду, встречать восход солнца. В каждом селе или квартале было такое традиционное место — это или вершина горы, или холма, или скала, откуда можно было наблюдать восход солнца. Начинались песни и пляски, игры и различные состязания. Весь день проходил в веселье. На третий день праздник выходил за пределы села: собирались жители нескольких сел, целой округи для совместных развлечений [12].

В других местностях Албании празднование георгиева дня проходило примерно так же, отличаясь деталями, но основная суть обряда оставалась неизменной. В нем нетрудно разглядеть несколько основных элементов. Прежде всего — поклонение солнцу как главному подателю жизни. Кроме того, это праздник сугубо скотоводческий, где совершенно необходима была жертва барана (отары овец — главное обеспечение жизни албанских скотоводов). В этот день впервые доят овец, первый раз в наступившем году пьют молоко и едят брынзу [13].

Следующая группа ритуальных действий связана со свежей растительностью. Повсеместно в этот день и мусульмане, и христиане украшали себя, а также свое жилье и скот цветами, листьями; в некоторых местностях принято было покрывать голову листьями и ветвями, смоченными в воде; в других скот обливали водой [14].

Вода и зелень — символы здоровых жизненных сил. В местности Мати старики говаривали: «В этот праздник люди спешат от зимней пищи перейти к свежей, а скот — к молодой траве». В Мати в георгиев день тоже вставали до зари и отправлялись к источнику, ключу, где мыли глаза смоченными в воде листьями грецких орехов, «чтобы не заболеть летом лихорадкой». Домой возвращались с охапками веток грецкого ореха, которыми украшали свои дома. Вечером глава семьи с некоторой торжественностью варил каштаны, и вся семья ела их и грецкие орехи. Очевидно, эти плоды воспринимались как символ изобилия. Такая же символика заключена в следующем обычае жителей Мати: зажать в кулак несколько мух и бросить их на скот, чтобы он «плодился как мухи». Вечером, когда жарили на вертеле ягненка, детям дарили в честь св. Георгия крашеные яйца, которые также можно принять за символ жизни, плодородия [15].

Среди игр, характерных для праздника св. Георгия, примечательно качание девушек на качелях. Оно сопровождается специальными песнями [16]. Судя по обрядам других европейских народов, в этом качании можно усмотреть некую связь с семейно-брачной магией. Почти у всех народов, у которых принято качание девушек на качелях, это происходит преимущественно на пасху, реже — в другие праздники; в Албании, очевидно, самым важным днем, в который пытались обеспечить благополучие лю-

дей во всех жизненных ситуациях, считался день св. Георгия.

В некоторых областях Албании, главным образом на севере, зажигали специальный костер как символ очищения от всяких болезней и зла, в других албанских местностях костры жгли в день благовещения или в день лета [17]. К этому же кругу религиозно-магических представлений можно отнести обычай, зафиксированный в местности Мати, зажигать свечи на могилах (после того, как их приведут в порядок). Но, может быть, в этом действии отразилось обычное стремление приобщить предков и недавно умерших родственников к празднику живых (что связано, по всей вероятности, с культом предков, который у европейских народов прослеживается в весенней обрядности). Здесь же уместно вспомнить о том, что в день св. Георгия суеверные люди прислушивались к крику кукушки, стараясь предугадать будущее [18]. Кукушка же в албанских народных преданиях и поверьях связана с миром мертвых, является посредником в общении между мертвыми и живыми [19].

Как уже сказано, этот веселый всеобщий шумный праздник был главной вехой года. К нему приурочивались важные дела: нанимали пастухов на год или на полгода (до дмитрова дня), отсюда, наверное, возникло правило в этот день нанимать и других работников — батраков, подмастерьев, слуг и т. д. — также на год или полгода. В этот день оформляли разного рода договора, например на аренду дома. В городе Шкодре празднование продолжалось целую неделю: веселье перекатывалось из одного квартала города в другой, тут же заключались различные торговые сделки. Это время считалось самым благоприятным для помолвки [20].

В течение XX в. описанные обряды значительно сократились, а в наши дни почти исчезли. Однако сама традиция этого праздника осталась еще в памяти даже тех групп населения, которые не знакомы с ее религиозной сущностью. Местами удерживаются еще старинные привычки, в частности угощение в этот день в кругу родных и друзей жареным барашком. В языке сохранились некоторые специфические выражения, например, кое-где не говорят: «Мне столько-то лет», а скажут: «Я пережил столько-то георгиевых дней» [21].

В ряду весенних праздников, смысл которых заключается в поклонении пробудившейся природе, у албанцев, как и у многих других народов Европы, отмечали день 1 мая. Рано утром люди отправлялись на холмы, лужайки, пили там кофе, гуляли на лоне природы, собирали цветы и возвращались домой с зеленью и букетами цветов. Традиционная еда в этот день — чеснок [22]. Как это характерно и для других весенних праздников, эти обрядовые походы за цветами давали людям возможность выразить радостное настроение, погулять и повеселиться на свежем воздухе. Со временем они превратились в традиционные загородные прогулки горожан.

Таковы весенние обряды, отразившие древний слой религиозных представлений албанского народа. Позже к ним присоединились праздники церковные.

Естественно, что, кроме упомянутого уже невруза — нового года шиитов, скользящие праздники лунного мусульманского календаря не могут быть включены в годичный цикл. Кроме того, они не имеют четко выраженной связи ни с хозяйственной деятельностью населения, ни с временем года. В прошлом для мусульманской страны весенний период был характерен лишь тем, что оказывался наиболее благоприятным временем (между зимними холодами и летним зноем) для отправления в свои вечные путешествия членов бродячих сект дервишей.

Среди дат христианского календаря отмечали сретение (2 февраля) (festa e

Zojës së qiravet — праздник богоматери со свечами), его праздновали преимущественно католики северных областей страны [23].

На весенний период приходится главный праздник православных и католиков — пасха. Ей предшествовал пост, который называли të lidhuna или të lidhura, подразумевалось, что в это время «завязывали» (me lidhë), т. е. не употребляли мяса, сыра, не курили табак [24].

В прошлом на последней неделе поста было принято устраивать карнавальные шествия. Маски, участвовавшие в карнавале, были традиционны: *палячо* (paliaço), одетый в длинную до пят белую рубаху, колпак с кисточкой, на лице — маска с длинным носом; «арап» в черной одежде с колокольчиком на шее; «старик», закутанный в овечью или козью шкуру, с бородой и усами, с бубенцом и палкой в руках; «капитан», одетый в фустанеллу (мужской традиционный костюм в южной Албании) и с хлыстом в руке; «невеста» в местном традиционном костюме; «доктор» с медицинской сумкой и лекарствами. Еще четыре—пять человек изображали родню жениха. Такие маленькие труппы ходили по улицам и дворам своего села и соседних, разыгрывали комические сценки на тему свадьбы и на другие бытовые сюжеты. Пели специально для этого случая сложенные песни. Ряженых угощали вином, кофе и одаривали деньгами [25].

В субботу вербной недели в день св. Лазаря еще лет 50 назад в православных селах южной Албании группы детей, распевая специальные обрядовые песни (llazore), ходили по домам односельчан, где им дарили вареные некрашеные яйца. Позже этот обычай превратился в традиционное собирание милостыни: группы женщин из бедных семей ходили не по своим, а по соседним селам, пели традиционные лазаревские песни за небольшое подаяние [26].

Вербное воскресенье в Албании называется «воскресеньем цветов» (djela e lulevet) или «лавровым воскресеньем» (djela e larit, djela e dafinavet) [27].

Пасха (pashkë) в прошлом праздновалась с большой торжественностью. Праздничные церемонии начинались с полудня субботы. Каждая семья православных албанцев освящала в церкви кулич, которым разговлялась, возвратившись утром в воскресенье после богослужения. На праздничный стол подавали обычные для христианского ритуала вареные яйца, окрашенные в красный цвет.

В местности Девол молодежь на пасху устраивала качели. В течение нескольких недель длилось веселье. Мальчики и парни, собравшись группами по двоетрое, промышляли тем, что раскачивали по очереди желавших повеселиться и за это получали от каждого по красному яйцу [28]. На сороковой день после пасхи отмечали вознесение (te shelbuemit).

В Народной Республике Албании религиозные предрассудки довольно быстро забываются. Сохраняются те традиции, которые несут в себе не столько религиозные, сколько эстетические и эмоциональные элементы, такие, как праздник весны в марте, майские прогулки. Они превратились в традиционные развлечения. Главным весенним праздником стал ныне День международной солидарности трудящихся — 1 Мая. На праздничных гуляниях самодеятельные артисты, одетые в национальные костюмы, исполняют народные песни и танцы, бережно сохраняя лучшие эстетические традиции народа.

[1] *Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965, с. 42—44; Албанский узел. М., 1925, с. 137 и др.; *Трифуноски J.* Урвач и Јеловајне. Два торбшка села у Полог. — «Гласник Етнографског Института САН», т. I. Београд, 1952, № 1—2, с. 417, 418; *Mathieu H.* La Turquie et ces differents peuples, t. II. Paris, 1875, p. 125—126; *Bartl P.* Die albanischen Muslime zur Zeit der nationalen Unabhangi-

gkeitsbewegung. Wiesbaden, 1968; *Busch-Zantner R.* Albanien. Leipzig, 1939, S. 38—42.

2 *Гордлевский В. А.* Материалы для османского народного календаря. — Избр. соч., т. IV. М., 1968, с. 89; *он же.* Силуэты Турции. — Избр. соч., т. III. М., 1962, с. 58. *Pllana Sh.* Kangët e motmotit ndër Shqiptarë. — «Gjurmime albanologjike». Prishtinë, 1965, № 2, f. 267—283.

3 *Zojzi Rr.* Gjurmimët e nji kalendari primitiv në popullin t'one. — «Buletin i Institutit të shkencavet». Tiranë, 1949, N 1, f. 85—112.

4 Ibid., p. 87, 106—107.

5 Historia e letersisë shqipe, v. I. Tiranë, 1959, f. 27.

6 *Ulqini K.* Doke, veshje, zeje e besime në Mat. — «Buletin i Universitetit shteteror të Tinanës. Seria shkencat shoqerore», 1960, N 4, f. 239.

7 *Sako Z.* Folklori shqiptar. Tiranë, 1960, f. 11; *Fico A.* Kerkime folklorike në krahinen e Zagorisë — «Buletin i Universitetit te Tiranës. Seria shkencat shoqerore», 1961, N 2, f. 137.

8 *Чабеј Е.* Живот и обичаји Арбанаса. — В кн.: Книга о Балкану, I. Београд, 1936, с. 315.

9 *Трифуноски J.* Указ. соч., с. 418.

10 Historia e letersisë shqipe, f. 27; *Fico A.* Op. cit., p. 137.

11 *Чабеј Е.* Указ соч., с. 312.

12 *Zojzi Rr.* Op. cit., p. 87, 92—94.

13 *Ulqini K.* Op. cit., p. 239.

14 Historia e letersisë shqipe, f. 28.

15 *Ulqini K.* Op. cit., p. 239—240.

16 *Zojzi Rr.* Op. cit., p. 94; Il Milione. Enciclopedia di geografie, usi e costumi, belle arti, storio, cultura, v. IV. Novara, 1960, p. 498.

17 Historia e letersisë shqipe, f. 28.

18 *Ulqini K.* Op. cit., p. 240.

19 Kënge popullore legjendare. Tiranë, 1955, f. 77—80, 292—296, 298—299.

20 *Трифуноски J.* Указ. соч., с. 417;

21 *Zojzi Rr.* Op. cit., p. 94.

22 *Fico A.* Op. cit., p. 138; *Sako S.* Op. cit., p. 10.

23 *Tagliavini C.* Storia di parole pagane e cristiane attraverso i tempi. Brescia, 1963, p. 198.

24 Ibid., p. 211.

25 *Fico A.* Op. cit., p. 137; Il Milione. Enciclopedia di geografia. . ., p. 499.

26 *Xhaçka V.* Disa zakone në festa kalendarike popullore në Devoll. — «Buletin i Unversitetit Shteteror», 1959, N 3, f. 269.

27 *Tagliavini C.* Op. cit., p. 229.

28 *Xhaçka V.* Op. cit., p. 269.

ГРЕКИ

* * * * * * * * * * * *

Ю. В. Иванова

В Греции подготовка к новому сельскохозяйственному году начинается с самого начала календарного года. Уже в январе подрезают виноградные лозы и фруктовые деревья и зорко следят за изменениями погоды, столь важными для земледельца. Поэтому возникли различные способы предугадывания погоды. На острове Родос полагают, что погода в день богоявления, или эпифании (6 января), определяет погоду на весь январь. Погода, которая установилась на сретение (ἡ Ὑπαπαντή — встреча), будет продолжаться последующие 40 дней и т. д. Святого Трифона (его день празднуют 1 февраля) считают покровителем виноградников и полей, на иконах он изображается с ножом для подрезания деревьев; вода, освященная в церкви в этот день, используется для обрызгивания виноградников и огородов [1].

В феврале отмечают несколько второстепенных праздников, в частности день св. Власия (11 февраля), оберегающего якобы от волков, шакалов и других диких животных. В эти дни суеверные люди произносят заклинания и производят магические действия [2].

Центральное место в весеннем цикле календарных обрядов занимает пасха и подготовка к ней — великий пост. Посту же предшествует заговение — масленица, или карнавал.

Масленица (ἡ Ἀποκρηά, ἡ Ἀπόκρεως), что значит буквально «прекращенное» (т. е. прекращали есть скоромную пищу), продолжается в Греции три недели. Первая из них называется «объявление», так как в древности о начале масленицы провозглашали во всеуслышание; вторая неделя еды, или мясоед (ὁ Κρεοφάγος), когда съедали заколотых специально по этому случаю свиней (в других странах Европы — «жирная неделя»), третья неделя называется «сырной» (ὁ Τυροφάγος), так как в течение нее запрещается есть мясо, а угощение состоит из сыра, молока, яиц. Основные черты масленицы: обильная еда (заговение перед постом), совместная трапеза родственников и поминание мертвых, всевозможные развлечения, главное из которых — ряжение, носящее буйный, несколько фривольный характер и сопровождающееся мимическими театрализованными представлениями.

Из ритуальных блюд масленичных угощений основное — свинина — блюдо, которое считается обязательным и для святочных обрядов. Последняя трапеза масленичного цикла — в воскресенье «сырной недели» — заканчивается крашеными красными яйцами. Каждый участник обеда должен съесть такое яйцо. Им заговляются с тем, чтобы через семь недель в день пасхи им же начать трапезу разговения [3].

Сбор родственников за общим праздничным столом обычно бывает в субботу и в воскресенье «жирной недели», а на Кипре — в «сырное воскресенье». Так же как и на святки, живые не оставляют без внимания умерших род-

ственников: их могилы посещают в дни всех душ — *психосаватон* (ὁ ψυχοσάββατον), в субботу мясоеда, в субботу «сырной недели», в первую субботу поста, приносят им *коливо* (τὸ κόλλυβο) — подслащенную кашу из пшеничных зерен и другие угощения [4].

Самым примечательным элементом масленицы является обычай ряжения — карнавал (τὸ Καρναβάλι). Ношение масок и маскарадных костюмов от самых простых до изощренных, от традиционных, имеющих магический смысл, до чисто развлекательных, юмористических чрезвычайно принято и ныне по всей Греции. На протяжении трех недель масленицы повсюду видны группы ряженых, слышна музыка и песни, танцы и театрализованные представления веселой чередой сменяют друг друга. Этой всеобщностью и живучестью традиции масленичный карнавал отличается от ряжения в период святочных обрядов (от рождества до крещения), которое более традиционно, имеет больше смыслового магического значения, чем развлекательного, и которое постепенно отмирает в современной Греции, сохраняясь в полной мере лишь в некоторых провинциях (например в Фессалии).

Наиболее древние, традиционные сюжеты карнавальных театрализованных действий — имитация брака, рождения, умирания, воскрешения, пахоты, посева. Нетрудно заметить в этих сюжетах их древний магический смысл — они призваны ускорить приближение весны и усилить плодородие земли. Недаром в наиболее чистом виде эти действа сохранились в селах земледельческих районов. Сатирические элементы, вольные шутки, которые характерны для масленичных игр, особенно на «сырной неделе», также возникли в глубокой древности и имеют магический исходный смысл.

Очень характерно карнавальное представление, разыгрывавшееся в конце XIX в. в с. Визия (Фракия) [5]. Главные действующие лица его — «невесты», одетые в традиционные костюмы своей местности, «монахи» — *калогеры* (ὁ καλόγερος — монах) в причудливых костюмах: на головах шапки из шкуры волка или лисицы с хвостом, прикрепленным к макушке; шкура косули или козла, пришитая к шапке, образует капюшон, закрывающий лицо, шею, плечи; в капюшоне проделаны прорези для глаз и рта. На кожаном поясе калогеры носят колокольцы, которые обычно вешают на шею скотине. У первого калогера в руках лук, из которого он «стреляет» золой. Второй калогер держит жезл в виде фаллоса. Еще один женский персонаж — «старуха», уродливая, горбатая, одетая в лохмотья. Она носит в корзинке ребенка, плод тайной связи, которого «родила» от страха семимесячным, время от времени пеленает и укачивает его (обычно ребенка заменяет кусок дерева, обернутый тряпками). К этой компании присоединяются также «цыгане», «полицейские», иногда и другие персонажи.

Утром в понедельник «сырной недели» эта процессия шествует по улицам села под звуки барабанов и волынок. Они заходят во двор каждого дома, чтобы посмотреть, находится ли на местах сельскохозяйственный инвентарь. Если заметят беспорядок, забирают с собой вещь, которая оказалась не на месте, и отдают ее только после того, как хозяин даст им вина. Немного танцуют во дворе, получают от хозяина деньги на нужды сельской школы или церкви и идут в следующий двор. По дороге ряженые-полисмены «арестовывают» прохожих и не отпускают их без «выкупа». Путь кончается на сельской площади перед церковью, куда уже собрались все жители села. Здесь начинается главное представление. «Цыгане» «раздувают» огонь, «куют» из железа детали плуга. «Старуха» нянчит дитя, жалуется на его прожорливость, на то, что он растет слишком быстро, кричит и требует себе жену. Калогер с жезлом изображает



Карнавальная маска калогер

этого выросшего ребенка, калогер с луком начинает искать ему невесту. «Невесты» прячутся в толпе, но их находят и начинается пародия свадебного обряда. Внезапно калогер с луком «стреляет» клубом пепла и «убивает» калогера-жениха. Четыре мужчины готовы унести «мертвеца», но в последний момент он «оживает». Начинается вторая часть представления: ряженые-цыгане вручают старосте села плуг (его приносят заранее к церкви), делая вид, что они его заново сейчас выковали. Молодой юноша приносит и присоединяет к плугу новое ярмо, украшенное цветами. Калогеры изображают волов и влекут плуг по кругу (в других вариантах волов изображают «невесты» и один из калогеров). Староста разбрасывает по площади горсти зерна. Когда «волы» завершат полный круг по площади, все восклицают: «Боже! Дай пищу беднякам! Дай изобилие людям!» В заключение все собравшиеся танцуют. Два-три первых круга хороводного танца ведут калогеры.

Символика этого карнавального представления ясна. Осмотр сельскохозяйственного инвентаря, «выковывание» нового плуга, имитация пахоты и посева — все это приемы магии земледелия. К ним присоединяются магические приемы несколько более косвенного свойства — имитация человеческого плодородия (похищение женщины, свадебные обряды, рождение ребенка и т. п.). Сила природы, на которую древние земледельцы пытались влиять магическими действиями, была персонифицирована в религии древних греков в боге Дионисе. Реминисценции дионисий, очевидно, проглядывают в описанной маскарадной игре: согласно одному из вариантов мифа Диониса мать положила его в корзину (так же поступает «старуха» со своим младенцем!). Молодой бог был убит и воскрес. Смерть — необходимое условие для возрождения природы весной. Так древние греки вслед за финикийцами и другими народами Древнего Востока олицетворяли годичный кругооборот природы.

В сопровождении шумной свиты козлоподобных существ (их наследниками, по всей вероятности, являются калогеры), буйных необузданных менад, под звуки флейт и гимнов шествовал по земле воскресший Дионис. Чернение лица, обмазывание его золой — это распространенный прием ряжения, в то же время он имеет некий очистительный смысл. Вот почему в калогера «стреляют» золой. В других вариантах того же театрализованного действа один из персонажей носит пепел в мешочке и посыпает им зрителей. От древнегреческих

дионисий через скоморошьи игры византийской эпохи дошли до наших времен основные элементы магии плодородия: «Византийские скоморохи чернят свои лица сажей как древние фаллофоры, надевают звериные хари; вакхический фаллус становится атрибутом мима», — писал по этому поводу А. Н. Веселовский [6].

Театрализованные мимические сценки греческого карнавала имеют множество вариантов. В некоторых селах калогеры едут в двухколесных колясках в сопровождении маленьких мальчиков, что еще больше напоминает дионисии. Сюжет свадьбы дал повод появлению персонажей «жениха», «старика и старухи», к разыгрыванию «цыганской свадьбы» (о-в Эвбея). Мотив рождения заставил включить маску «доктора», вместо смерти и воскрешения разыгрывают сцену суда, приговор к смерти и помилование (Пелопоннес) или же «похороны несчастья». Иногда калогер с выпачканным сажей лицом превращался в «мавра», «арапа», охраняющего свадебную группу, а его жезл осмыслялся просто как палка или меч.

Маска калогера близка к болгарскому кукеру [7] (не случайно описанные карнавальные сцены разыгрывались в северо-восточной Греции, в области Фракии). Подобные маски известны и в других местностях: в Македонии под местным названием *бабар* (что значит «грязнуля», «неряха»), на острове Скирос

Калогер производит символическую вспашку во время сырной недели карнавала



под названием *герос* (ὁ γέρος) — старик старейшина [8] и т. д.

В отличие от святочного ряжения в карнавальные сценки привносились многие бытовые сюжеты, сатира на местные темы. Постепенно эти сценки или пантомимы превращались в подлинный народный театр. Например, были созданы сцены на сюжеты критского эпоса XVII в., а в с. Сохос вблизи Салоник разыгрывается представление на сюжет легенды о св. Федоре, который в войне с идолопоклонниками перехитрил врагов, одев своих воинов в овечьи шкуры и выведя их тайно из окружения [9].

Из ряжения, связанного с магическими обрядами, с заклинанием, карнавал превратился в зрелище, в общее развлечение. Еще сто лет назад европейские путешественники сообщали, что во время карнавала в Афинах толпы людей в масках заполняли улицы, пели, танцевали и играли во всевозможные игры, в частности катались на сооружении, подобном «гигантским шагам» [10].

Наиболее ранний прием ряжения — переодевание мужчин в женщин и женщин в мужчин, наиболее древние маски — маски животных (медведь с поводырем, верблюд, осел и т. п.). От переодевания в костюм противоположного пола, использования подручных средств, от собирания добровольных пожертвований для заключительной совместной пирушки народ перешел к шествиям замысловато наряженных участников карнавала. Используются покупные маски — кустарные, а в последнее время и фабричные, сделанные из картона, пластика и других материалов; они в огромном количестве продаются в больших и малых городах. Кроме зооморфных масок, смысловое значение которых почти никому уже не понятно, в карнавале участвуют самые разнообразные персонажи. Индустрия туризма наложила свой неизбежный отпечаток на народные обычаи. Функции участников карнавала разделились, особенно в Афинах и других больших городах: толпы жителей из непосредственных участников карнавального веселья превратились в пассивных зрителей, созерцающих на улицах карнавальное шествие как хорошо поставленный спектакль [11]. Многие программы международных туристических агентств предусматривают посещение карнавала в городе Патры. В последний день масленицы на улицах этого города на протяжении многих километров устанавливают трибуны, откуда сотни тысяч зрителей, стекающихся из многих стран мира, могут любоваться шествием «короля смеха» и его веселой свиты; вечером на центральной площади при свете прожекторов и бенгальских огней Карнавал весело прощается с толпою и сгорает [12]. Чучело Карнавала сжигали и на о-ве Керкира.

Карнавал, танцы, фривольные шутки, изобилие еды достигают апогея в последнюю неделю масленицы. В северной Греции, особенно в областях Македония и Эпир, а также на Ионических островах в ночь на «сырное воскресенье» принято жечь костры на деревенских улицах. Вокруг костров танцуют, а иногда прыгают через них [13].

Вечерняя трапеза в этот день состоит из «сырного хлеба» — *тироспсуми* (τό τυροψωμί, додеканесский говор), он приготавливается из сушеных диких трав, смешанных с брынзой. Кроме того, подают макароны, яйца, молоко. Собираются все родственники. Очевидно, в прошлом трапеза совершалась сообща большими коллективами, может быть, всем селом. Ужин «сырной недели» сопровождается всевозможными гаданиями и магическими приемами, направленными на получение всяческого благополучия и изобилия, танцами, играми, появлением ряженых. Обращает на себя внимание обязательный, как бы ритуальный смех: в Аркадии после того как семья, собравшись вокруг стола,

сотворит молитву и в глубокой тишине съест по три полные ложки сыра, все разражаются смехом.

К утру стихает шум, выстрелы петард, гаснут бенгальские огни, прекращаются танцы. Звонят колокола, и верующие медленно и чинно направляются к церкви. Во время первого богослужения, открывающего пост, происходит взаимное отпущение грехов. Но от масленичного веселья не так-то легко отказаться. В этот первый понедельник поста, так называемый «чистый понедельник» (ἡ καθαρὴ Δευτέρα), танцы, угощения происходят на лоне природы, за городом или в садах. Характерная черта этого дня — запускание воздушных змеев. Угощение состоит из рыбных блюд, овощных салатов, специально испеченных к этому случаю плоских овальных хлебцев.

Кое-где продолжаются карнавальные сценки: «свадьбы», «похороны». Зачастую хоронят «Карнавал», «короля карнавала», «сырного короля», «поедателя сыра» и т. п. На Крите имитация похорон заключается в том, что в землю закапывают глиняные горшки с пищей — макаронами, мясом, сыром, произносят при этом заклинания [14].

Великий пост — *мегали саракости* (ἡ Μεγάλη τεσσαρακοστὴ или ἡ Σαρακοστὴ буквально большое сорокадневье) — длится семь недель. Верующими он соблюдается очень строго: воздержание в пище, ночные молитвы в церкви, строгое серьезное поведение [15]. Строгость постов, характерная в прошлом для верующих греков, скудость их рациона еще сто лет назад вызывали удивление у европейских путешественников [16]. Но, может быть, дело было не только в религиозном рвении, но и в бедности населения?! Медленно тянувшееся грустное время крестьяне отмечали на примитивных календарях: вырезали из бумаги фигуру монахини без рта (символ голода) со скрещенными в молитве руками и с семью ногами: по прошествии каждой недели поста отрывали по одной ноге. В Понте в прошлом втыкали семь гусиных перьев в луковицу или картофелину, подвешенную к потолку; каждую неделю выдергивали по одному перу.

В первую субботу поста, так же как и в субботы карнавала, поминают умерших, несут на могилы коливо и цветы. В церквах устанавливают большое блюдо колива для тех покойников, у которых нет потомков, для погибших на войне, или умерших за границей (это очень характерно для современной Греции, где велика эмиграция трудящихся, отправляющихся на заработки).

По нашему мнению, поминание мертвых в первую и все последующие субботы поста, так же как и в предшествовавшие субботы масленицы, связано генетически с религиозными представлениями древнейших земледельцев, объединявших покойников, ушедших в землю, с хтоническими божествами, с годичным круговоротом природы.

Дни поминания душ по времени совпадают с месяцем антестерион (Ἀνθεστηριών, Ἀνθεστήρια, Ἀνθεστηρία) аттического календаря (между 7 февраля и 8 марта н. ст.), когда, по народным поверьям, в день Хитрой (третий день антестерий) открывается подземный мир, и души покойников подымаются наверх в мир живых. Душам преподносили сухие зерна, вино, растительное масло, мед. Главным угощением была *панспермия* (ἡ πανσπερμία) — каша из всех злаковых и бобовых, произрастающих в данной местности, сваренных вместе. Вот почему коливо, или кутья из пшеничных зерен, — прямая наследница древней панспермии — стала обязательным блюдом поминальных обедов, следующих непосредственно за похоронами и в традиционные дни поминания [17]. Кутью не едят те, кто ее готовят, а раздают другим (как это делают и у других народов по отношению к жертвенной еде). Женщины приносят подносы с кашей к утренней церковной

службе. После обедни и чтения священником поминальных списков начинается взаимная раздача кутьи. Особенно много сладкой каши достается детям. При этом возникает своеобразное соперничество: у кого каша сварена лучше, вкуснее, приправлена ванилью, корицей, красивее украшена зернами граната разных цветов, конфетами, кто выложил замысловатые узоры или слова молитвы. Антестерион — начало аттического года, праздник цветов, поэтому и в современной Греции в поминальные субботы кладут на могилы особенно много цветов.

На время великого поста приходится месяц март — примечательный этап греческого календарного цикла. До принятия юлианского календаря (I в. до н. э.) им открывался год. Обряды, связанные со встречей нового года и одновременно расцвета, возрождения природы, до сих пор удерживаются в среде греческого народа. Позже они были сдублированы при встрече нового года 1 января. Характерен обычай гасить огонь накануне 1 марта и возобновлять его на следующий день. Из всех имеющихся в доме сосудов выливают воду, их наполняют свежей водой рано поутру 1 марта. В прошлые времена хозяйки обрызгивали ранним утром своих домочадцев пучками травы, смоченными в только что принесенной свежей воде (так называемая «молчаливая вода» — τό αμίλητο νερό, набранная и принесенная в полном молчании), приговаривая: «Как только ты, март, придешь, здоровье придет с тобою!», и другие подобные пожелания благополучия.

В г. Мегаре (область Аттика) ранним утром увлажняют росой руки и лица: это должно принести здоровье. Несколько стебельков пшеницы, еще влажных от росы, вешают над входной дверью в дом, чтобы они сохранили весь год прохладу и свежесть. Украшение домашнего скота цветами, как это делают на Крите, свежей зеленью (о-в Кос, архипелаг Южные Спорады) относится к тому же кругу символов: свежая зелень — влага — здоровье — всякое благополучие. В день современного нового года 1 января тоже приносят в дом пучок свежих цветов, смоченных в воде.

Домашние хозяйки по всей Греции убирают дома, выбрасывают мусор, ненужную ветошь со словами: «Плохой год — вон, хороший год — сюда!» Кое-где устраивают шуточные процессии: дети выпроваживают «февраль», которого изображают как увечного мужчину верхом на осле, и припевают: «Уходи прочь, увечный февраль! Первое марта, приходи к нам с радостью и цветами!» Все эти обычаи, магические приемы, превратившиеся в шутки, в привычки, связаны с наступлением нового года и в значительной степени повторяются при приближении 1 января [18].

Из мартовских обычаев, не имеющих аналогии в январе, интересно повязывание на руку около запястья или на палец на руке, или же вокруг большого пальца ноги сплетенных между собою красных и белых (или же золотых) нитей. Они считаются защитой от «опасного» мартовского солнца. Ныне такие нитки обычно повязывают детям. Их надо было носить до пасхального воскресенья. На островах Кикладского архипелага вместо ниток детям надевают на пальцы кольца или бусы из стекла и коралла [19].

По поверью, три первых, три средних и три последних дня марта опасны для людей: они могли подвергнуться нападению со стороны дримий (Δρύμιαις, Δρύμαις, Δρύμναις) — мифических существ в образе женщин, которые живут в воде. В эти дни не рекомендуется мыть волосы, а если необходимо стирать, следует положить в водоем металлический предмет, так как железо обладает свойствами оберега [20].

Самое приметное событие марта — встреча прилетающих ласточек. В одних

местностях считают, что эти птицы появляются и начинают вить гнезда 1 марта, в других относят это событие на 25 марта (день благовещения). На островах архипелагов Каклады, Додеканес и других, в северной материковой Греции сохраняются обряды встречи ласточек — *хелидонисма* (τὸ Χελιδόνισμα от ἡ χελιδών, ἡ χελιδόνα, τὸ χελιδόνι — ласточка). Группы детей ходят по домам с изображениями ласточек, прикрепленными к шесту или помещенными в клетку, и поют песни:

'Ηλθ, ἦλθε χελιδών,
Καλὰς ὥρας ἄγουσα,
Καλοὺς ἐνιαυτούς!

Прилетела ласточка,
Принесла хорошее время года,
Хороший год!

Подобные песни на о-ве Родос называются «мартовские каляды» (κάλαντα τοῦ Μάρτη). Так же как и под новый год, в песнях содержится просьба к хозяевами дома дать что-либо съестное в подарок и в благодарность произносится пожелание здоровья. Во Фракии мальчики носят на палке с изображением ласточки корзиночку с зелеными ветками плюща — символа зеленой растительности. Несколько листочков плюща хозяйки кладут в гнезда к наседкам. Главное угощение детям — яйца.

25 марта — день благовещения (ὁ εὐαγγελισμὸς τῆς Θεοτόκου) — служил радостной передышкой посредине унылого поста. Кроме праздника прилета ласточек (в некоторых местах в этот день снимают с пальцев «мартовские нитки» и вешают их на деревья), происходит первый выгон скота на горные пастбища (на Крите) [21].

25 марта не только религиозный, но и главный гражданский праздник Греции: в этот день в 1821 г. началось восстание греков за независимость против Османской империи.

В апреле великий пост подходит к концу. Наступает его последняя неделя — «пальмовая», или «страстная» (ἡ ἑβδομάς παθητική). Основные народные обряды этой недели связаны с благословением зелени; с ними причудливо соединился церковный рассказ воскрешения Лазаря. Группы детей с песнями о воскрешении Лазаря носят его изображение, украшенное цветами (валек для стирки белья, прялку или куклу, закутанную в яркие тряпочки, изображающую спеленатого младенца). Дети получают угощение, в том числе специальные булочки, украшенные смородиной, коринкой, миндалем (на о-ве Лесбос они называются *лазарос*). Интересно, что на острове Нисир (архипелаг Додеканес) лазарские песни сочетаются с обрядом встречи ласточек: в деревянную клетку, на которой укреплено изображение ласточки, помещают человеческую фигурку, которую называют то Лазарем, то Христом. Так слились воедино представления о приходе весны в день прилета ласточек, о смерти и воскрешении Лазаря, Христа, неясные отзвуки празднования древними греками месяца таргелиона (ὁ Θαργηλιών), когда украшали цветами изображения богов [22].

В «пальмовое воскресенье» (ἡ Κυριακὴ τοῦ βαΐου) освящают в церкви зелень. Обычай этот, введенный христианской церковью в IX в., быстро прижился среди греческого народа, отвечая, видимо, духу древних весенних обрядов. Церкви украшают свежей зеленью, цветами, ветвями лимонных и апельсиновых деревьев. Женщины связывают пучки свежей зелени — *вайя* (τὰ βάϊα, τὸ βάϊον — букв. «пальма»; часто роль пальмы в Греции выполняет лавр). Их носят в церковь для освящения, а потом благословляют ими дом, скот, виноградники, все хозяйство. Вайю относили и на могилы. В Эпире в день св. Лазаря молодые женщины, вышедшие замуж в минувшем году, одетые в зеленые платья, с вайей в руках отправля-

лись в сопровождении родственниц за город. Среди только что собранной свежей зелени устраивалась женская пирушка, танцы. После этого каждая новобрачная приносила свежую зелень в свою приходскую церковь. Обычай этот от новобрачных перешел на всех женщин. В Лаконии верят, что вайя приносит легкие роды. В прошлые годы в области Румелия девушки собирались на общественный ток и из вайя, полученных от священника, плели венки, вплетая в них красную нить, и бросали их в воду [23].

Вся страстная неделя проходит в усердном посещении церкви и в подготовке к пасхальному празднику. В предпасхальные дни все хозяйки проводят генеральную уборку, чистят и стирают одежду, постельные принадлежности. Улицы городов и сел тоже приводят в порядок. По возможности стараются, чтобы к пасхальному празднику у всех, особенно у девушек на выданье, была новая одежда.

В страстную неделю красят яйца. Традиционный цвет — красный. На Родосе еще на благовещение, 25 марта, развешивают на балконах красные платки и красят яйца. Красные тряпочки на окнах (Месимврия), красные одеяла, платки и шарфы на балконах (Кастория) — все это говорит об особой магической силе красного цвета [24].

В страстной четверг посещают могилы родных.

В страстную пятницу — особенно строгий пост и усердные молитвы. Ночью — крестный ход. В больших городах процессия сопровождается оркестром, исполняющим похоронные марши. В Афинах в процессии участвуют архиепископ, представители правительства (в прошлом — представитель короля). Участие официальных властей в религиозных церемониях вообще характерно для современной Греции. Во многих областях материковой Греции и на островах существует обычай зажигать костры на улицах по ходу процессии. Через такие костры не прыгают.

Навстречу крестному ходу женщины выходят из домов, держа в руках тарелки с молодыми побегами чечевицы, которые они специально для этого случая вырастили. Эти молодые побеги назывались «сады Адониса», они были посвящены древнему финикийскому богу, одному из так называемых «страждущих» (умерщвляемых и воскресших) богов, — легенда о котором исторически предшествовала образу Христа. На островах Китнос, Аморгос и других (архипелаг Киклады) дети снова ходят по домам и поют о Лазаре. Таким образом, смешиваются воедино различные мифологические персонажи, для которых общее — смерть и воскрешение: умирание и пробуждение живой природы [25].

В субботу режут барашка для праздничной трапезы (в старину предварительно освящали его в церкви). Во всем пасхальном ритуале, превратившемся в Греции, как и среди других христиан, в земледельческий обряд возрождения природы, пожалуй, только заклание жертвенного барана напоминает о происхождении пасхи как ритуала древних скотоводов, совершавшегося в сезон весеннего окота овец. Предпочитают заколоть для пиршественного стола белого ягненка-самца.

Пасха — важнейший праздник православной церкви. Она называется «сияющий, блестящий день» или «сияющее воскресенье» (ἡ Λαμπρή ἡμέρα, ἡ Λαμπρά κυριακή), «великий день» (ἡ Μεγάλη ἡμέρα); отсюда сокращенно ἡ Λαμπρά, ἡ Λαμπρή; другое наименование «воскресенье, воскрешение» (ἡ Ἀνάστασις, ἡ Ἀνάσταση). Основные черты обряда, влившиеся в него от более древних религиозных представлений, предшествовавших православию, — приношение цветов, ритуальная трапеза.

В Древней Греции возложение венков — традиционная жертва божеству; венок «проникает во все уголки религи-

озной, общественной и семейной жизни Греции»[26]. Церкви на пасху убирают именно венками из цветов.

В полночь в церквах зажигаются огни. От главной свечи храма все прихожане зажигают свои свечи. Их стараются принести домой горящими, чтобы передать своему дому таинственную силу нового огня. Во многих местностях (Афины, Кастория, Крит и др.) принято прежде, чем войти в дом, совершить крестное знамение зажженной свечой перед дверью, окном, окрестить скот, хозяйство. На Кипре, вернувшись из церкви, обращаются с традиционным пасхальным приветствием к фруктовым деревьям. На Карпатосе хозяин трижды стучит топором по стволу орехового дерева, не приносящего плодов, и говорит: «Или ты будешь плодоносить, или я тебя срублю!» На острове Идра бесплодные деревья, срубленные и предназначенные к уничтожению, поджигали пасхальной свечой.

Праздничные столы зачастую накрывают на свежем воздухе. Ритуальная еда состоит из жареного барашка, красных яиц. К ним прибавляется множество разнообразных изделий местной кухни, так как утренняя пасхальная еда является не только ритуальной торжественной трапезой, но веселым разговением после длительного унылого поста. В некоторых областях со стола не убирают в течение последующих трех дней. Хлебные крошки со стола разбрасывают на виноградниках, чтобы получить хороший урожай. Кое-где (например в Лакедемонии) несут на могилы хлеб, красные яйца, чтобы поделиться с покойниками (эту еду раздают детям и нищим). Вдовы (в Короне) посылают «долю» своего мужа на праздничном пиршестве бедным соседям. Иногда ограничиваются возжиганием ладана на могилах[27].

Пасхальная неделя называется «великая неделя» (ἡ Μεγάλη ἑβδομάς) или «неделя обновления» (ἡ Νέα ἑβδομάς, ἡ 'εβδομάς τῆς διακαινησίμου). Она заполнена праздничным весельем.

Начиная с полночи воскресенья на улицах селений, больших и малых городов царит оживление, звонят колокола, стреляют пушки, звучит музыка, взрываются петарды, горят бенгальские огни. Особенно молодежь изощряется в различных способах вызвать побольше шума. В некоторых местностях выкидывают из окон старую посуду (говорят: «выбрасывают пост за окно»). В старину мужчины затевали стрельбу на улицах в воздух, а когда власти пытались это запретить, стреляли во дворах, из окон домов, в каминную трубу, приводя в крайнее замешательство иностранных путешественников[28].

Праздничное веселье и обильное пиршество сопровождаются неизменными танцами. Танцы (всегда групповые, многие из них хороводные) не только излюбленное праздничное времяпрепровождение греков, некоторые из них имеют ритуальный смысл и являются необходимой частью того или иного обряда.

Среди различных пасхальных развлечений, игр, спортивных состязаний, скачек и т. п. существует интереснейший обычай — качаться на качелях. Качели — обязательное развлечение в пасхальные дни во всей Греции и на Кипре. Но, кроме этих дней, они сооружаются иногда и в другое время — в георгиев день (23 апреля), в день благовещения (25 марта). На Кипре в некоторых местностях их устанавливают на второй день после рождества и качаются на них каждое воскресенье вплоть до окончания пасхальной недели. В других районах качание устраивают с начала поста. А в отдельных селах принято ставить качели в доме молодоженов в первое воскресенье после свадьбы.

В подавляющем большинстве случаев качели — это забава неженатой молодежи, наделенная определенным сексуальным смыслом: в песнях, сопровож-

дающих качания, заключены лирические мотивы, свадебные сюжеты. В деревнях, где царят особенно строгие правила общественного этикета, качаются только девушки, а мужчинам запрещено даже подсматривать за ними. Иногда качаются по очереди — то девушки, то парни. Парни, взлетая вверх, громко произносят имена своих возлюбленных. В селах с более современными общественными порядками ныне возможно совместное качание парня и девушки [29].

На апрель приходится одна из самых значительных дат народного календаря — день св. Георгия (23 апреля), который празднуется по всей стране [30]. Этот день считался границей между зимним и летним сезоном. Поэтому он служил началом многих работ, в некоторых местностях в этот день заключают различные контракты, возвращают долги. Для многих районов Греции и в прошлом, и в наше время характерен отъезд молодых мужчин на заработки. По традиции в путь трогались в день св. Георгия. Поэтому много грустных песен о разлуке звучит в этот день. В районе города Гравена (северная Греция) св. Георгия именуют «разделяющим семью» (σκορποφαμελίτης). Отходники возвращались через полгода ко дню св. Дмитрия, которого называли «собирающим семью» (μαζοφαμελίτης), в честь него исполнялись веселые песни [31].

Особенное значение праздник св. Георгия имел для скотоводов — в этот день начинался во многих местах выгон скота на летние пастбища, весенняя стрижка овец [32].

До сих пор сохранился обычай приносить в жертву ягненка белого цвета и устраивать коллективную трапезу для всех без исключения, прибывающих на праздник. В прежние времена жертвенных животных заставляли трижды обегать вокруг церкви, после чего животному отрезали ухо и окропляли кровью все четыре угла церкви. Мясо, которое в древности сжигалось на алтаре, позже стали съедать сами люди (святому достаточно символического окропления!), но жертвенная трапеза отличается от простого пира тем, что мясо ее раздается всем поровну [33].

Во многих греческих селах есть церкви св. Георгия. В его день там происходят атлетические соревнования, которые характерны для всякого храмового праздника. В с. Арахова (ном Фокида) в первый день соревнования самые старые жители деревни состязаются в беге по крутому склону босиком; на вершине холма победителя ждет приз — ягненок. Во второй день праздника соревнуются в прыжках, в третий день — в поднятии тяжестей и борьбе. В Аркадии, Мессинии, на о-ве Лемнос в соревнования включаются конные скачки, цель их — схватить каравай хлеба. Победитель делит его между всеми участниками. Возможно, что каравай заменил в данном случае жертвенное животное и именно поэтому должен быть разделен между всеми поровну.

Праздник этого популярного в Греции святого вобрал в себя представления первобытной религии и христианские легенды. Один из местных культов Малой Азии был основан на поклонении юноше-воину из знатной фамилии, христианского мученика, казненного 23 апреля 303 г. Культ св. Георгия распространился в византийское время. Миф о победе его над драконом и освобождении девушки, принесенной в жертву дракону, связал его образ со стихией воды («дракон запирает воду, не дает ее людям»), с образом коня (конь также связан по древнейшим представлениям с водой). Иконография преподносила св. Георгия как победителя, молодого воина в полном вооружении на белом коне. В средние века его изображение бывало помещено на знаменах византийских императоров. И в современной Греции этот святой фигурирует на полковых знаменах, считаясь покровителем этих воинских подразделений [34].

Месяц май снова возвращает нас к земледельческой обрядности греческого народа. 1 мая отмечается по всей стране как праздник весны, причем многие черты этого праздника повторяют обряды 1 марта и пасхальной недели. Школьники, свободные в этот день от занятий, и взрослые по окончании рабочего дня устремляются за город, устраивают пикники (по традиции жарят на вертеле барашков), собирают цветы, плетут венки и гирлянды. Повсюду царит веселье, звучат песни. Вот пример майской песни из Эпира:

Встречайте май, золотой май!
Вновь разукрашенный пришел май,
Май дождливый, в белых одеждах...

В больших городах торговцы на улицах продают венки.

По обычаю, венки вешают перед парадной дверью дома на палке, вбитой горизонтально над дверью; там венок должен оставаться весь год, пока его не сменит следующий в день 1 мая. Это очень древний обычай. В классической Греции он назывался иресиони (ἡ εἰρεσιώνη) и заключался в сплетении венков из цветов, листьев и плодов. Эти венки, положенные перед домом, должны были отгонять болезни. Возможно также, что мы имеем дело с отзвуками праздника богини Деметры.

Древнейшее магическое содержание майского праздника растительности сохранилось в обычаях некоторых сельских местностей, где для венков использовали злаки и ветки фруктовых деревьев: пучки пшеницы, проса, ветку фигового дерева с висящими плодами, веточку миндаля или граната, сюда же прибавляли чеснок («оберег от дурного глаза»), татарник («защита от врагов»), растение, обладающее «приворотными чарами». Гирлянда или венок из всех этих растений защищала обитателей дома, перед которым висела в течение года (в некоторых местностях только до 24 июня — дня св. Иоанна).

Свежей зеленью и цветами украшают и окна домов, балконы, сооружают из них всевозможные композиции.

1 мая устраивают процессии. Ныне этим занимаются чаще всего дети: увенчанные цветами, иногда с ветвями апельсинового дерева в руках, они ходят из дома в дом и поют песни, за что получают лакомства (о-в Родос, архипелаг Киклады, Эпир и другие области):

Разрешите войти к вам маю месяцу,
Маю месяцу с его розами,
Апрелю с его цветами.

На острове Керкира носят майский шест. Он сделан из молодого кипариса, на верхушке которого оставляют ветки, на них укреплен венок из диких цветов, фруктов и зеленых овощей. Группа молодых людей, украшенные крест-накрест гирляндами цветов, называемых майскими (в других местностях — пасхальными), носят шест по городу и поют специальные майские песни под аккомпанемент бубна и других народных инструментов [35].

В некоторых местностях май олицетворяет мальчик, увенчанный цветами. Его с пением и танцами сопровождает группа молодежи, а иногда и взрослых мужчин. Им дают деньги или провизию для проведения вечеринки.

В Эпире сохраняется обряд пробуждения природы: мальчик ложится на землю, изображая мертвого. Девушки украшают его цветами и травами, садятся вокруг и оплакивают кончину красивого юноши, рассказывают о пробуждении и расцвете природы и под конец просят юношу проснуться. Он «просыпается» и встает. Подобный же обряд имеется на Пелопоннесе, где называется *фускодендрия* (φουσκοδενδρία) — распускание почек.

Идентичны мартовским и представления о мае, как о начале новой жизни не только природы, но и человека. Есть обычай опоражнивать сосуды для воды

накануне и набирать рано утром свежую воду. Кувшины для воды смазывают маслом, украшают цветами и наполняют свежей водой из колодцев, тоже украшенных цветами (так делают, например, на Эвбее). Этой водой обрызгивают маслобойки. В приморских районах на рассвете приносят морскую воду и, опустив в нее ветку оливы, обрызгивают ею весь дом. Так же поступают в новогодние праздники. По всей вероятности, на январские новогодние празднества были перенесены ритуалы встречи новой жизни весной при обновлении природы.

Странным может показаться то обстоятельство, что месяц май считается неблагоприятным для многих жизненных начинаний: не рекомендуется жениться в мае, пускаться в путешествие, рассаживать цветы, даже кроить материю для одежды [36].

21 мая — день св. Константина и Елены. Эти святые популярны в Греции, им посвящено много церквей, поэтому во многих населенных пунктах происходят празднества в честь святых. Храмовые праздники греков всегда сопровождаются общественной трапезой, для которой закалывают жертвенное животное, а также спортивными состязаниями и танцами.

На май обычно приходится вознесение — *аналипсис* (ἡ Ἀνάληψις). В приморских селениях в этот день весело отмечают открытие нового купального сезона. И стар и млад входят в воду, купаются впервые в наступившем году. Днем на морском берегу устраивают пикники, вечером веселье продолжается в кофейнях (о-ва Икария). Женщины, как правило, не купаются, они набирают воду от сорока волн, несут ее домой, говоря при этом определенные ритуальные слова. Морская вода хранится весь год и используется как лекарство против укуса змеи, опухоли и травм (о-в Лесбос), или как средство от сглаза. Морской камень, вынутый в эту ночь из воды, девушки кладут себе под кровать, ожидая увидеть во сне своего суженого.

В горных районах Греции день вознесения — праздник пастухов и хозяев овечьих отар. Пастухи Этолии, например, считают этот день своим самым большим праздником в году. Они приглашают священника благословить стада. Собираются на пир родственники и друзья. Угощение состоит из молока, сыра, йогурта (род кислого молока). Все молоко, надоенное в этот день, должно пойти на приготовление угощения, а оставшееся — вылито. Такова природа жертвоприношения: все, что приносится в жертву, должно быть отдано (в данном случае — другим людям). Празднество продолжается до поздней ночи и кончается качанием на качелях. Если вспомнить, что на Кипре качание бывает после свадьбы, то возможно заключить, что в этом акте есть какие-то моменты, связанные с продолжением рода людей и плодородием скота. Эта связь может быть очень опосредствованна, неосознанна. Однако в ритуалах не может быть неоправданных случайностей.

В день вознесения женщины собирают целебные травы, которые должны удалить все несчастья от дома, глину для очищения жилища. Этот обычай связан с толкованием самого слова вознесение (аналипсис означает «начинание», «предприятие», «принятие на себя», «выздоровление») [37]. Здесь проявление своего рода народной этимологии.

Древние греки, как и римляне, верили, что души умерших в определенное время возвращаются в мир живых. Наиболее важными датами такого возвращения были 9, 11, 13 мая. Пятидесятый день после пасхи — праздник пятидесятницы — *пендикостос* (ἡ Πεντηκοστή), посвящен памяти умерших. Он называется «суббота душ» (τὸ Ψυχοσάββατο), «день всех душ», «майский день души», «суббота розалия» (это последнее название связано с латинским rosaria). Связь его с пасхальным циклом весьма формальна, а по существу он является наследием

римского времени. В субботу пятидесятницы пища, предназначенная для мертвых, — традиционное коливо, сладкие хлебцы и др., — освящается в церкви, а затем ее несут на кладбище, где раздают беднякам. Иногда могилы поливают вином. Есть поверье что души, начиная с пасхи и до троицына дня, сидят на деревьях и виноградных лозах (поэтому в этот период лозы не подрезают), а также на паутине в домах (поэтому и пыль не сметают!).

В отличие от славян греки праздник троицы (ἡ Ἁγία Τριάς) не связывают с освящением свежей зелени или какими-либо другими действиями, относящимися к ней. В южных областях Европы зелень в это время года далеко уже не свежая. В греческих церквах в этот день идет служба об успокоении мертвых[38].

Итак, весенний цикл календарных обрядов длится в Греции с февраля по май. В этот период шла подготовка к полевым работам, обработка полей, а к концу этого периода в некоторых областях, например в Аттике, уже принимались за уборку зерновых. Основной смысл большинства обрядов связан с земледелием, виноградарством и садоводством. На привлечение удачи в этих основных хозяйственных делах направлены многие магические приемы, заклинания и обряды древних и поздних религий. Малоазийский бог Адонис, фракийский Дионис, христианский Христос — все эти мифологические образы различных эпох символизировали умирающую и воскресающую растительность. Более ранние из них остались жить в смутных, порою совсем не объясняемых самим народом обрядах и верованиях, а последний по времени — христианский культ — создал разветвленный масленично-пасхальный цикл обрядов, очень сложный и разнообразный по времени возникновения и смысловой нагрузке его составных частей. Скотоводство, главным образом овцеводство, нашло гораздо меньшее отражение в весенних обрядах греческого народа.

Начало календарного года, приходившееся в прошлом на весну, ясно отразилось в ритуалах весенних праздников, основной их смысл — способствовать весеннему пробуждению природы и приветствовать его. Главные ритуалы встречи нового года были позже, с переносом начала года на январь, сдублированы в зимнем цикле.

1 *Megas G.* Greek calendar cusoms. Athens, 1958, p. 55, 56; *Durell L.* Reflections on a Marine Venus. Acompanion to he landscape of Rodos. London (s. a.), p. 185, 186; Λουκάτου Δ. Ἀργίαι και ἅγιοι τιμωροι, ἐν Ἀθήναις, 1969, σ. 63—66.

2 *Megas G.* Op. cit., p. 55—57.

3 Ibid., p. 59, 60, 71.

4 Ibid., p. 60, 68, 69, 77; Ἀνθία Τ. Ἡ δωντανή Κύπρος. London, 1963, σ. 35, 36.

5 *Megas G.* Op. cit., p. 63—67; Подробное описание см.: «Thracian Annual», 1897; Journal of Hellenic Studies», 1906, N 6, p. 191—206.

6 *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. — «Сб. Отделения русского языка и словесности». СПб., 1883, т. 32, с. 132.

7 *Арнаудов М.* Кукеры и русалии. — «Сборник за народни умотворения, наука и книжник», 1920, кн. XXIV.

8 *Иванова Ю. В.* Полевая тетрадь, 1974 (Ташкент). Архив Института этнографии АН СССР, № 1259 (далее: АИЭ, № 1259), с.231; Παροικου Ν. Κ. Οἱ Ρίζες τῆς Κωμώδιας. — «Ἄνθρωπος», τ. I, 1974, τεῦ. 1., σ. 89—103.

9 *Megas G.* Op. cit., p. 66—62, 66—67; *Lukatos D.* Masques et des guisements populaires en Grec. — «Schweizarisches Archiv für Volkskunde». Basel, 1967, B. 63, H 3/4, S. 178—180.

10 *About E.* La Grèce contemporaine. Paris, 1860, p. 245, 246.

11 *Megas G.* Op. cit., p. 62; *Lukatos D.* Op. cit., p. 181—183; АИЭ, № 1259, с. 169, 230, 249, 271, 285, 289, 293; ('Ανθία Τ. Στό ἴδιο, σ. 37, 38

12 'Ημερολόγο 1967. Πανελλαδική ἕνωση Γυναικῶν s. a.), σ. 29, 30

13 АИЭ, № 1259, с. 169, 249, 289.

14 *About E.* Op. cit., p. 246; *Megas G.* Op. cit., p. 69—75; 'Ανθία Τ. Στό ἴδιο, σ. 38.

15 *Megas G.* Op. cit., p. 75—79; *About E.* Op. cit., p. 246, 254.

16 *Mattieu H.* La Turquie et ces differents peuples, t. II. Paris, 1875, p. 102.

17 *Кагаров Е. Г.* Религия древних славян. М., 1918, с. 63, 64; *Schneeweis E. Die* Weihnachtsbräuche der Serbokroaten. Wien, 1925, S. 209, 210; Καςάβη Ι. Οἱ Δωδεκανισιοί. Νεα-Υορκη, 1950, σ. 42—43

18 *Megas G.* Op. cit., p. 79—82.

19 Ibid., p. 80, 81; *Durell L.* Op. cit., p. 186; *Bent J.* Aegean islands. The Ciclades. Chicago, 1966, p. 435.

20 *Schmidt B.* Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterhum. Leipzig, 1871, S. 130, 131; *Megas G.* Op. cit., p. 81.

21 *Durell L.* Op. cit., p. 186; *Bent J.* Op. cit., p. 129, 434; *Megas G.* Op. cit., p. 82, 84; Καςάβη Ι. Στό ἴδιο, σ. 44, 45. *Λουκάτου Δ.* 'Αργίαι, σ. 70—71.

22 *Megas G.* Op. cit., p. 87, 88; Καζάβη Ι. Στό ἴδιο, σ. 45, 46

23 *Megas G.* Op. cit., p. 89—92; АИЭ, № 1259, с. 250, 251, 275.

24 *Megas G.* Op. cit., p. 94—96; *Durell L.* Op. cit., p. 187. (В семье, которая находится в трауре, яйца окрашивали в черный цвет).

25 *Megas G.* Op. cit., p. 99—103; *Bent J.* Op. cit., p. 435, 473.

26 *Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913, с. 190.

27 *Megas G.* Op. cit., p. 103—110; *Durell L.* Op. cit., p. 187; 'Ανθία Τ. Στο ἴδιο, σ. 39—41; Λουκάτου Δ. 'Αργίαι, σ. 73—75.

28 *Забелло О.* Рассказы о Греции и греках. М., 1900, с. 165; *About E.* Op. cit., p. 248, 249; *Mathieu H.* Op. cit., p. 102; *Loucatos D.* Religion populaire a Cèphalonie. Athènes, 1951, p. 203—211; АИЭ, № 1259, с. 173, 275.

29 'Ανθία Τ. Στό ἴδιο, σ. 42—44. АИЭ, № 1259, с. 96, 175, 275.

30 Λουκάτου Δ. 'Αργίαι, σ. 75, 76.

31 АИЭ, № 1259, с. 97, 98, 175.

32 *Durell L.* Op. cit., p. 188.

33 АИЭ, № 1259, с. 17—19.

34 *Megas G.* Op. cit., p. 113—116.

35 Ibid., p. 116—117; *Durell L.* Op. cit., p. 188; *Bent J.* Op. cit., p. 129, 435; *Mathien H* Op. cit., p. 103; Καζάβη Ι. Στό ἴδιο. σ. 46; АИЭ, № 1259 с. 151—153, 209, 247, 265—267, 285, 293.

36 *Megas G.* Op. cit., p. 116—122.

37 *Megas G.* Op. cit., p. 126, 127; Λουκατου Δ. 'Αργίαι, σ. 80—81.

38 *Megas G.* Op. cit., p. 128—130; АИЭ. № 1259, с. 175—177.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

* * * * * * * * * * * * *

И. Н. Гроздова, С. А. Токарев

Исходным пунктом возникновения каждого календарного обычая или обряда служили реальные условия быта человека и прежде всего его хозяйственная деятельность. Сам народный календарь представлял собой чередование сроков сельскохозяйственных работ, к узловым точкам которых и приурочивались традиционные обычаи и обряды.

Но нельзя рассматривать обряды только в статике. На протяжении многих веков в процессе своего развития они претерпевали различные изменения и взаимовлияния, меняя подчас не только форму, но и смысл тех или иных магических действий и превращаясь в конце концов в простую игру, развлечение. В таком трансформированном виде часть из них сохранилась до наших дней.

При исследовании народных календарных обычаев в странах зарубежной Европы необходимо прежде всего отметить тесную преемственную связь между зимним и весенним циклами праздников. Общие с зимними типы обрядов (обходы-поздравления, в которых и в рождественский цикл нередко звучат весенние мотивы, обычай ряжения, драматические игры, обильная еда и пр.) обусловлены одинаковым смыслом религиозных действий: в них сказывается стремление земледельца предугадать будущее, создать максимально благоприятные условия для проведения весенних сельскохозяйственных работ, получить урожай и связанное с этим благополучие всей семьи. Сходство с зимним циклом еще более усиливалось перенесением (XVI в.) гражданского нового года с весеннего месяца марта на январь, в связи с чем и многие обряды были приурочены к зимним праздникам.

Однако в весенней обрядности можно найти и существенные отличия от зимней и выделить черты, свойственные только весенним праздникам. Различия эти понятны: ведь зимние обряды не связаны так непосредственно с сельскохозяйственными работами, как весенние. В зимние праздники, в период перерыва в сельскохозяйственной деятельности, совершается лишь ритуально-магическая подготовка к трудовым процессам весеннего периода. Отсюда большее число различных гаданий в зимней обрядности. Весной же гадания отступают на задний план, но зато намного больше становится примет о погоде, об урожае, а также аграрно-магических действий. Приступая к первой пахоте и посеву, земледелец более внимательно приглядывался к окружающей его среде; ему было очень важно узнать, в каких условиях будут расти и созревать посеянные им культуры, он пытался непосредственно повлиять на них и разумными, и магическими средствами.

Очень характерны в этом смысле обычаи ритуальной запашки — прямая имитация земледельческих процессов, отмечаемые у многих народов и приурочиваемые к предвесеннему сезону — к дням карнавала. Разнообразные игровые обы-

чаи с пасхальными яйцами имеют тоже аграрный оттенок: яйцо — символ новой зарождающейся жизни, и оно должно вызывать прилив растительных сил.

Проанализировав обряды и обычаи весеннего цикла, можно установить следующую закономерность: чем больше места в хозяйстве страны занимало земледелие и скотоводство, близкие по способу ведения к натуральному хозяйству (например, в Юго-Восточной Европе), тем больше сохранялось в сельских местностях примет и особенно различных магических ритуалов, направленных на повышение урожая. И наоборот в странах с высокоразвитым уровнем сельского хозяйства (например Великобритания), где зависимость судьбы урожая от стихийных природных условий во много раз уменьшается, становится гораздо меньше и соответствующих обрядов и примет; сохранившиеся же частично теряют свой первоначальный магический смысл и трансформируются в простые народные развлечения, игры.

Своеобразие весенним обрядам придают и эстетический и эмоционально-психологический факторы. Красота весеннего пробуждения природы, радостно-приподнятое настроение являются поводом для создания во время весенних праздников непосредственного веселья, множества разнообразных игровых и развлекательных моментов, далеких подчас от утилитарной основы возникновения обрядов. И в этом отношении особенно характерен праздник карнавала у романских народов — с его необычайной массовостью, безудержным весельем, а иногда и буйным разгулом. Эти же черты отличают и светский по своему характеру праздник 1 мая.

Эстетическое восприятие весны народом нашло свое выражение в очень поэтических мифах и легендах о природе весны, ее различных олицетворениях, а также во множестве весенних песен, которыми раньше приветствовали приход весны (славянские веснянки, волочебные, русальские и другие песни; английские песни-приветствия мая; кельтские гимны солнцу и пр.).

Все эти черты создают своеобразие рассматриваемых в данной книге весенних народных праздников различных народов.

По существу все многообразие весеннего цикла народных обычаев можно, хотя и грубо, разделить на два периода: первый отмечает самое начало весны, первые признаки оживления природы после зимнего застоя; кульминационной точкой этого периода является чисто светский праздник масленицы-карнавала, с его веселым разгулом, а отчасти — пасха с ее церковной перелицовкой древнего культа умирающего и воскресающего божества. Второй период связан с празднованием торжества весеннего обновления природы, ее полного расцвета; важнейшие праздники этого цикла — 1 мая и троица, чьи обряды очень сходны между собой. Впрочем, резкой грани между этими двумя периодами нет: ту же пасху и связанные с нею предпасхальные дни можно относить и к первому и ко второму периоду.

Быть может, самое интересное явление во всей весенней обрядовой традиции представляет праздник проводов зимы и встречи весны, праздник, знакомый всем народам Европы, но под разными названиями. У романских народов — это карнавал, у германских народов — Fastnacht, у западных славян — *масопуст, фашинг, запусты*, у южных — *бела, сирна неделя* и пр. Различна и длительность и сроки проведения праздника. В отличие от русской масленицы, длящейся всегда одну неделю (от понедельника до воскресенья перед великим постом), в странах зарубежной Европы и начало и конец праздника — различны. У подавляющего большинства романских, германских, западнославянских народов началом карнавала считается последний день зимних святок — день

трех королей (6 или 7 января); но настоящий разгар празднества — последние три дня перед постом — «жирные», «тучные» воскресенье, понедельник и вторник. У некоторых народов — в Нидерландах, в Скандинавских странах — только эти последних три дня считаются праздничными. В Англии и Финляндии — только один день: вторник перед постом. Почти у всех европейских народов началом великого поста, следующего за масленицей, считается пепельная среда — в отличие от «чистого понедельника» в странах восточной православной церкви.

Но если сроки и длительность проведения весеннего праздника карнавала-масленицы как-то сообразовывались с церковным календарем, то само содержание праздника не имело и не имеет ничего общего с христианской религией. Для церкви это только «сыропустная (сырная) неделя», т. е. начало пищевых ограничений, подготовка к посту. Обычаи же, обряды и поверья, связанные с днями карнавала, — чисто народные, самобытные, чуждые всякой церковности.

Поражает обилие и разнообразие этих обычаев, обрядов и поверий. При этом очень трудно сказать, что составляет собственно основу масленичных ритуальных обычаев, а что — второстепенные, добавочные их элементы.

Некоторые ученые считают (Бахтин), что главное в карнавале — это веселый, даже буйный и разгульный его характер. Тут снимаются как бы все запреты, забываются ходячие нормы морали и приличия. Вышучиваются все авторитеты, даже церковь с ее строгими и обязательными церемониями; все осмеивается, пародируется. Такой характер приняли карнавальные празднества в католических странах Европы со времени Возрождения, и в этом можно видеть стихийный демократический протест против феодально-церковного средневекового порядка [1].

Но почему этот праздничный разгул приурочивается именно к началу весны? Ответить трудно, хотя надо вспомнить, что такое же, может быть, в меньшей мере шумное веселье присуще и летним праздникам — иванову дню и др., и зимним святкам.

Весной, однако, как считают, сама пробуждающаяся природа как бы призывает человека веселиться и праздновать. Вероятно, это так и есть. Но нельзя забывать также, что, во-первых, даже последние дни карнавала приходятся в большинстве случаев на февраль, когда только в южных странах Европы чувствуется приближение или наступление весны, а в большей части стран еще царствует зима; начинается же карнавал еще раньше — чуть ли не с начала января, в самый разгар зимы. А во-вторых, надо помнить, и это весьма осложняет поставленный вопрос, что подавляющему большинству европейского крестьянства наступление весны, хотя и подавало надежду на сытость и благополучие, но само-то по себе благополучия еще не несло: весна — самое голодное время для малоимущего крестьянина. Правда, коровы начинали доиться, куры нестись, но это почти единственные признаки предстоящего более сытого сезона. Веселиться и радоваться, казалось бы, еще рано.

Как бы то ни было, праздничное карнавальное веселье принимало самые разные формы: гуляния, танцы, песни, игры молодежи, процессии, маскарады, качание на качелях, обильная еда (хоть на несколько дней перед голодным постом). Большая часть этих праздничных действий выполняет простую функцию психологической разрядки, развлечения, удовлетворения эстетической, художественной, игровой потребности человека. Недаром самые активные их участники — молодежь либо дети. И не нужно думать, что эту развлекательную функцию карнавал начал выполнять только в наши дни. Конечно, нет. Потребность

в психологической разрядке, в удовольствиях, пусть самых примитивных, грубых, и просто во временном отвлечении от будничного труда была свойственна человеку во все времена. Но к этой развлекательной функции присоединялась раньше другая: действия эти представляли собой в какой-то мере и магические, колдовские обряды, цели которых были весьма прозаические: забота об урожае и общем хозяйственном благополучии.

Пережитки этой магической, обрядовой стороны праздников отчетливо видны. Они сохраняются и в сознании самих участников, хотя порой принимают вид шутки. Танцуя, надо как можно выше подпрыгивать, чтобы лен и конопля росли выше. Качание на качелях — обычай очень широко распространенный — имело целью ускорить рост посеянных культур, повысить плодородие земли. Той же цели служила и обрядовая запашка в дни карнавала, и шуточный обычай хлестать друг друга прутьями, и многое другое.

Особую трудность для понимания представляет обрядовое ношение масок. Это не просто развлечение: здесь явно налицо пережиток какого-то древнего ритуала. Но какого? Одни исследователи видели в этих масках, в частности в звериных, отголосок древнего тотемизма, другие — мифологическое олицетворение небесных туч и прочих атмосферных явлений; третьи связывали эти маски с культом умерших, либо с магией плодородия, либо с мужскими тайными союзами. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что дружины ряженых чаще бывают однополые — это преимущественно мужская молодежь. Как бы параллелью к этому служит южнославянский (болгары, сербы) обычай *лазарок*, *кралиц* — девичий весенний праздник, лишь частично связанный с карнавалом [2].

В числе прочих, весьма разнообразных масленично-карнавальных обычаев особое место занимают обрядовые действия, связанные с брачно-половыми отношениями молодежи. Карнавал или вообще время перед постом — излюбленное время свадеб. Помимо настоящих свадеб, устраивались шуточные пародии на свадебный ритуал (Югославия, Чехословакия и др.). Некоторые масленичные обряды рассматривались как средство против бесплодия женщин. Иные действия и песни содержали в себе эротические намеки.

В этих обычаях выражалась, хотя бы и в пародийно-шуточных формах, очень существенная сторона быта крестьянской земледельческой общины: весь крестьянский мир заинтересован в сохранении и росте численности своего людского состава. Брак, свадьба, дети — не личное дело человека, это дело общины.

В этом, вероятно, лежит объяснение особой категории масленичных обычаев, описанных не раз почти у всех европейских народов, — обычаев по меньшей мере неприятных. Речь идет о ритуальном, зачастую шуточном, но иногда очень чувствительном наказании девушек, не вышедших замуж в истекшем году. Формы этого наказания различны — от шуточного штрафа до унизительных и жестоких приемов публичного осмеяния. Подобным наказаниям подвергали и девушек, заслуживших чем-либо неприязнь мужской молодежи, а также, но в более редких случаях, и молодых парней, не женившихся в прошедшем году. Такое бесцеремонное вмешательство коллектива в личную жизнь человека порождено, как уже было сказано, самими условиями жизни традиционной сельской общины, что не мешает этим обычаям быть пережитком дикого и жестокого средневековья.

Одно из самых колоритных зрелищ всего ранневесеннего цикла — это финальный обряд карнавала, который совершается обычно в последний день карнавала или позже и принимает весьма

разнообразные формы. Но при всем разнообразии деталей везде и всюду повторяется один и тот же по существу ритуал, в настоящее время по большей части игровой и шуточный, а когда-то вполне серьезный: это обрядовое изгнание или уничтожение чего-то дурного, опасного, вредного, причем опасного и вредного для всех, для всей общины, а потому и сам обряд выполняется всегда коллективно, всем миром.

Естественно, что такой своеобразный, экзотический обычай, всегда приурочиваемый к весеннему сезону, давно уже интересует исследователей и породил много попыток объяснения. Предложено, например, объяснение в духе мифологической символики: изгоняемый или уничтожаемый предмет — чучело, кукла, маска — это символ зимы; а сожжение, утопление или выбрасывание его — это смена зимы весной или летом. Такое толкование (его давала старая мифологическая школа Гримма, и оно до сих пор удовлетворяет многих), казалось бы, опирается на очевидные факты, вернее на один непреложный факт: обряд совершается именно весной. Само население также иногда (например, в Польше) воспринимает уничтожаемое чучело как символ ухода зимы. Вместо него в село приносят *лето* — так говорится в обрядовых песнях чехов и словаков [3].

Но перед нами обычай, несомненно более сложного происхождения, в него влились разные элементы. Прежде всего в обрядах сожжения карнавала (или как бы его ни называли) всегда отчетливо видна идея уничтожения или изгнания чего-то нечистого, опасного, значит, в основе его лежит идея очищения. Но что же это за зло, от которого хотят избавиться?

Джемс Фрэзер попытался разрешить этот вопрос, поставив европейские карнавальные обычаи в связь с более широким кругом обычаев, распространенных чуть ли не по всему свету, — обычаев публичного очищения от зла, от нечисти, от греха. Во многих случаях это делалось в такой форме, что накопившиеся грехи, болезни, неудачи и пр. переносились на голову живого существа, животного или человека, которого в прошлом убивали или изгоняли как искупительную и очистительную жертву, как «козла отпущения». Такие очистительные обряды совершались не обязательно весной, но и в другие времена года. Фрэзер считал также, что вещественный или живой символ изгоняемого зла может быть одновременно и воплощением божества — духа растительности, которого убивают и хоронят, чтобы он вновь возродился, и, кроме того, воплощением смерти, которую стараются отогнать. У народов Европы подобные обычаи получили смягченную форму: «козлом отпущения» стало уже не живое существо, человек или животное, а их символическое подобие, соломенное чучело или кукла [4].

В пользу этого мнения Фрэзера говорит тот факт, что у многих народов Европы обряд изгнания карнавала окрашен как бы моральным оттенком: чучело Карнавала перед его уничтожением или изгнанием подвергается шуточному суду, его обвиняют в разных совершенных им преступлениях и присуждают к смерти.

Французский этнограф Арнольд ван-Геннеп, соглашаясь отчасти с теорией «козла отпущения», рассматривал весенние очистительные обряды в свете своей общей концепции, согласно которой все магические, религиозные и прочие обряды всегда сопровождают какой-то п е р е х о д от одного состояния к другому, переход, который внушал древним людям беспокойство и опасение; в данном случае — это переход от одного сезона к другому [5].

По-видимому, истоки этого распространенного почти у всех европейских народов финального обряда карнавала следует искать в очень отдаленном времени: сходные по форме и смыслу ритуалы

совершались еще в древнем Риме во время праздников сатурналий и встречи весны.

В период средневековья в большинстве стран Европы обряд сожжения соломенного чучела стал исполняться дважды: в заключительные дни масленицы и во время пасхального поста. На этот последний обычай и на одно из наиболее распространенных его названий — «вынос смерти» обратил внимание немецкий исследователь Фридрих Зибер (ГДР). В своей книге «Немецко-западнославянские отношения в весенней обрядности» он приводит много исторических свидетельств о бытовании подобного обычая в центральной Европе [6].

Самые ранние о нем упоминания восходят к XIV в. (1366 г.) и происходят из Чехии, из Праги: это синодальное запрещение низшему духовенству принимать участие в «постыдном обычае» носить по улицам города изображение «смерти» (mors). На основании этого Зибер предполагает, что эта обрядово-магическая борьба со смертью вошла в обычай в XIV в., после «черной смерти» — чумы, поразившей ужасом Европу в середине этого столетия. Подобные запреты повторялись и позже, значит, обычай изгнания «смерти» продолжал исполняться. В XV в. есть известия о бытовании того же ритуала у поляков, у немцев. Видимо, обычай этот распространялся, переходя от одного народа к другому.

Но, хотя обычай «вынесения смерти» сложился как некое целое лишь в середине XIV в., отдельные его элементы существовали гораздо раньше: ношение масок, шествия и процессии, боязнь духов болезней и пр. Эти «доструктурные», как их называет Зибер, элементы бытовали у разных народов, они были «этнически неспецифичны». Образование же из них некоего «структурного единства» можно, как уже сказано, датировать исторически и географически довольно точно: Чехия, середина XIV в. При этом основной осью, вокруг которой «структурировался» обычай, был все же, вероятно, суеверный страх перед смертью, точнее перед чумной эпидемией. Гипотеза немецкого ученого представляет несомненный интерес для объяснения этих распространенных народных обычаев. Можно предположить, что в дальнейшем развитии обряда смерть в народном осмыслении стала отождествляться с зимой и поэтому в некоторых местах обряд «выноса смерти» превратился в обряд проводов зимы и встречи лета.

У многих европейских народов в весенних ритуалах часто звучит мотив космической борьбы между зимой и летом. Эта борьба инсценируется в обряде в виде символического состояния каких-то двух партий. Иногда — это драматическая игра — поединок между «сторонниками лета» и «сторонниками зимы» (немцы). Возможно, отголосками таких народных представлений были непременные элементы того или иного рода борьбы, приуроченные к тем или иным весенним праздничным дням: кулачные бои на востоке Европы, в Великобритании, или же различные состязания, соревнования между двумя группами. Вполне вероятно, что подобное же происхождение (имитация весеннего обряда борьбы лета с зимой) имели и средневековые футбольные матчи в Великобритании в масленичные дни. Конечно, с течением времени смысловое значение всех этих игр было забыто, и они продолжали бытовать среди народа лишь как виды праздничных развлечений.

Заключительные эпизоды весеннего цикла праздников приходятся на время полного расцвета природы, когда весна переходит в лето. Кое-какие обряды этой группы падают на пасху (и предпасхальные дни), но большая их часть — на 1 мая и на троицу. Разграничить строго эти обычаи и обряды по группам, распределить их по срокам —

невозможно. Трудно и объединить одной общей идеей столь разнообразные обычаи. Такой общей идеей надо считать, быть может, представление земледельческого народа о годовом круговороте природы, о весеннем возрождении растительности, умершей в зимнее время. На этой же основе вырос в древности культ умирающего и воскресающего божества растительного мира — культ, который, как известно повлиял и на возникновение христианского ритуала и христианского вероучения. Кульминационной точкой христианского культа является пасха. Этот праздник, принесенный некогда на европейскую почву, совпал здесь с аналогичными ритуалами и верованиями, с местными аграрными культами, и одно с другим тесно сплелось.

Самые разнообразные обычаи, магические обряды, местные поверья окрасились одним тоном — радости по поводу оживления природы, обновления жизни. В пасхально-троицкие и майские дни устраивались всевозможные игры и забавы, гуляния, песни, танцы. Конечно, и здесь к развлекательным и игровым действиям примешивались магические обряды, поверья о сверхъестественных силах, умилостивительные ритуалы, суеверные запреты. Вера в магические свойства зелени, деревьев (майское дерево), разных трав, в очистительную силу огня, в целебные свойства воды (не всякой, а «чистой», пасхальной, троицкой), обряды в честь живительного солнца сочетались в то же время с верой в нечистую силу, со страхом перед ведьмами и колдунами. Сюда же влились и элементы заупокойного культа, поминки по умершим и, конечно, эротические обряды, фривольные игры молодежи, сватовство и помолвки. Впрочем, заключение браков в мае у большинства народов почему-то противопоказано (быть может, потому, что поздняя весна — все-таки еще голодное время года).

Наряду с общими, свойственными всем европейским народам элементами весенней обрядности, у каждого народа есть и свои специфические обряды или отдельные мотивы их, существование которых обусловлено разными причинами: различными географическими условиями, направлением хозяйства, религиозной принадлежностью или особенностями исторического развития. Такие различия можно наблюдать между крупными областями Европы. Примером этому может служить граница празднования карнавала в Европе в том его классическом виде, в каком он известен в романоязычных странах.

Различиями в географических условиях можно объяснить разное приурочивание одного из основных праздников этого цикла — встречи весны, полного расцвета всей природы. В некоторых странах (Греция, Албания, Италия, Югославия, Болгария, Румыния) он справлялся 1 марта, в остальных — 1 мая.

Можно привести и еще один пример различий в весенних обрядах и обычаях в отдельных историко-культурных областях Европы, обусловленных разным направлением их сельского хозяйства. У ряда народов южной и юго-восточной Европы (болгары, сербы, македонцы, албанцы, румыны), в хозяйстве которых издавна большую роль играло скотоводство, одним из самых популярных весенних праздников стал день св. Георгия — 23 апреля. В своей основе этот праздник был связан со скотоводческим бытом древнего населения Балкан, особенно с овцеводством. У всех перечисленных народов св. Георгий считался покровителем скота, и к его дню обычно были приурочены и первый выгон скота в поля, и множество скотоводческих обрядов и поверий. В странах, расположенных к западу и северу от этой историко-культурной области, постепенно культ св. Георгия и связь дня 23 апреля со скотоводческим хозяйством на-

тухает (слабые его отголоски еще сохранялись долгое время у венгров, поляков, немцев и др.). В западной и северной Европе (Скандинавия, Великобритания, Франция, Бельгия, юг Нидерландов) никаких обрядов, связанных со скотоводством, к дню св. Георгия приурочено не было[7].

Часто одинаковые по смыслу обряды, выполнение которых преследует одну и ту же цель, значительно различались по своей форме. Например, несколько форм имели весенние очистительные обряды с водой: умывание росой (Венгрия, Польша), проточной водой (Италия), валяние по росе (Болгария), обливания на пасху или на троицу (во всех славянских странах, у немцев, в Венгрии, Румынии). Иногда такие очистительные обряды с водой принимали форму шествий к почитаемым источникам и украшения их цветами, праздничными арками.

Обычаю качаться на качелях на пасху или вознесение, распространенному во многих континентальных странах Европы, соответствует по смыслу и целям английский обряд подкидывания вверх на стуле женщин мужчинами в пасхальный понедельник и мужчин женщинами во вторник этой же недели.

Своеобразный оттенок некоторым бытующим в разных странах обрядам придают соединившиеся с ними пережитки древних языческих верований, свойственных древним славянам, древним германцам или древним кельтам. У германских народов, например, сохраняются в некоторых обрядах следы культа древних германских богов. Яркий пример этому — поверья о неистовом разгуле нечистой силы в ночь перед 1 мая (так называемая Вальпургиева ночь) были распространены только у германоязычных народов (немцы, австрийцы, народы Скандинавии). Очевидно, корни этих поверий и связанных с ними обычаев нужно искать в верованиях древних германцев.

Анализ таких обрядов в их историко-сравнительном аспекте, несомненно, может дать и некоторые выводы для проблемы этногенеза отдельных народов.

Сложные процессы этнической истории, например, отражаются в обрядности майских праздников среди шотландцев. В горных районах Шотландии, у гэлов-хайлендеров 1 мая отмечался как скотоводческий праздник древний кельтский праздник Бельтана, связанный с культом солнца. И в наши дни сохраняются еще его древнекельтские черты: разжигание огромных костров на вершинах холмов, молитвенное обращение к солнцу, пережитки древних жертвоприношений богам. В англицизированной же равнинной Шотландии (Лоуланд) праздник принял общеевропейские черты: «майское дерево», «майская зелень», выбор «майской королевы». И все же в некоторых селах Лоуланда и в наши дни можно еще наблюдать некоторые отголоски древней обрядности кельтского праздника Бельтана.

Другой пример — уже упоминавшаяся выше история распространения обычая «изгнания смерти». Обычай этот отмечен впервые в Чехии, в Праге, в середине XIV в. В это время Чехия была центральной провинцией обширной империи, а Прага — ее столицей. Оттуда этот обычай несколько позже (в XV в.?) перешел к полякам и немцам, подвергшись среди этих народов, а потом и среди других различным изменениям, приобретя особую этническую, национальную окраску у каждого из них.

Корни многих весенних календарных обычаев уходят в глубокую древность. Но в новейшее время можно проследить вполне закономерные изменения в этих традициях. Изменения идут в таких направлениях:

1) переосмысление и перетолкование старинных ритуальных действий, ставших непонятными для самих же исполнителей;

2) ценностное снижение традиции; исполнителями обряда становятся дети, сам обряд превращается в детскую игру;

3) присоединение к комплексу традиционных обрядов инсценировок, воспроизводящих исторические события или местные происшествия;

4) возникновение новых традиций, сплетающихся со старыми.

Большие изменения произошли, например, в распространенном по всей Европе празднике — карнавале (масленице). Карнавальные шествия, в которых наряду со старыми ритуальными масками появляется и много новых (часто актуальных, сатирического характера), в некоторых городах и странах привлекают массы зрителей. Часто поэтому такие уличные карнавалы подготовляются и проводятся специальными комитетами по заранее разработанному сценарию.

Изготовление карнавальных масок, ритуальных фигурок животных, роспись пасхальных яиц становятся настоящими произведениями народного прикладного искусства, карнавальные сценки превращаются в подлинный народный театр. Все это говорит о том, что к народным календарным обрядам надо относиться внимательно, уметь отделять черты, имеющие большое значение для развития народной культуры, от ненужных, а подчас и вредных пережитков.

В социалистических странах Европы создаются все условия для сохранения и развития традиционных весенних обычаев, народных праздников. Так, во многих странах устраиваются конкурсы, соревнования по созданию лучших карнавальных масок, на исполнение обрядовых песен, драматических сценок.

Старые народные традиции весеннего праздника 1 мая придают и особые, специфические для каждой страны черты и большому общественно-политическому празднику нашего времени Дню солидарности трудящихся всех стран, отмечаемому в этот же день — 1 Мая.

Таким образом, народные праздники продолжают выполнять важную социальную функцию — объединение, сплочение людей того или иного коллектива, селения. Свойственные им народные гуляния, ярмарки с традиционными народными забавами — качелями, каруселями, спортивными состязаниями сохраняются во многих странах и сейчас.

[1] *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

[2] *Колева Т.* Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов. — СЭ, 1974, № 5.

[3] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу, т. 3. СПб., 1869, с. 683—688.

[4] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1928, вып. III, с. 30—38, вып. IV, с. 94—110.

[5] *Van Gennep A.* Les rites de passage. Paris, 1909, p. 254—259.

[6] *Sieber Fr.* Deutsch-Westslawische Beziehungen in Frülingsbräuchen. Berlin, 1968.

[7] Разнообразные народные поверья и обычаи, связанные со св. Георгием (Юрий, Егорий, Герги) и с церковными легендами о нем, подробно рассмотрены А. И. Кирпичниковым в его книге: «Св. Георгий и Егорий Храбрый» (СПб., 1879). По его предположению, прототипом образа Георгия (Юрия) послужил древнеиранский солнечный бог Митра, на которого позже наслоились фольклорные и церковно-христианские элементы. См. также: *Шаповалова Г. Г.* Егорьевский цикл весенних календарных обрядов у славянских народов и связанный с ним фольклор. — В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

RESUME

* * * * * * * * * * * *

Le présent volume fait suite du livre «Fêtes hibernales» (Moscou, 1973); il est consacré au cycle printanier des coutumes et rites dits «de calendrier» des peuples de l'Europe hors l'U. R. S. S. De même que dans le livre susmentionné, des rites et croyances y sont décrits formant un ensemble très compliqué des coutumes dont les sources historiques remontent dans la nuit des temps quoique nombre de coutumes en question soient appliquées à de fêtes chrétiennes et aux dates du calendrier ecclésiastique. Le cycle des fêtes printanières englobe l'epoque du réveil annuel de la nature, celle où les principaux travaux agricoles sont effectués, tels le labourage, les sémailles, la pâture printanière du bétail.

Le début du printemps et le passage de celui-ci à l'été varient selon les pays: leurs dates respectives dépendent des conditions climatiques. Tout cela devint plus compliqué encore du fait que la fête chrétienne la plus importante, à savoir, celle de Pâques, et les jours du carême et des festivités en rapport avec celle-là sont fixés sur base du calendrier lunaire, et non pas du calendrier solaire. C'est pourquoi ils sont célébrés non seulement aux jours différents, mais aussi aux mois variés du printemps. Par conséquent, ces fêtes «intermittentes» sont réunies d'une facon variable avec celles dites «stables», ce qui augmente la variété des coutumes et rites traditionnels.

La corrélation entre les éléments ecclésiastiques (chrétiens) et populaires («païens») varie sensiblement d'une fête à l'autre. Par exemple, l'Ascension, qui étant célébrée 40 jours plus tard que Pâques, est, au fond, une fête Ecclésiastique et peu de coutumes populaires y sont liées. Par contre, le Carnaval («Mardi gras») est une fête purement populaire que l'Eglise n'avait pas pu mettre en rapport avec n'importe quelle date chrétienne. Le Saint-Georges (le 23 avril), lui aussi, est marqué par des coutumes purement populaires. La fête ecclésiastique de la Pentecôte et la date entièrement laïque du 1er mai sont très proches l'une de l'autre en ce qui concerne le contenu des rites mais c'est l'élément «païen» qui y prédomine. De même facon, dans certaines coutumes de fête, l'influence de la tradition antique est à relever.

Coutumes populaires coïncidant avec les dates du calendrier printanier ressemblent visiblement chez presque tous les peuples de l'Europe. Ce sont: l'allumage des feux rituels (bûchers et, cela plus rarement, torches, cierges); croyance à la force purificatrice et fécondatrice de l'eau; mise en scène rituelle du bannissement et de l'annihilation de quelque chose du méchant (de la mort? de l'hiver?) sous forme d'un mannequin en paille et en chiffons; jeux divers, masquerades, plaisanteries et fourberies aux jours de carnaval; l'emploi rituel de la verdure; mets rituels (y compris les oeufs de Pâques), et beaucoup d'autres. L'idée commune de toutes ces coutumes c'est le symbolisme de la nature vivifiée au printemps, de la fertilité de la terre, de l'emprise magique sur la nature. L'élément érotique occupe, lui aussi, une place considérable dans les rites: assiduités, magie de la procréation.

De même, peut-on relever une certaine addition des éléments du culte des ancêtres et de celui des morts, aussi bien que des rites protégeant de l'esprit malin.

A côté des traits communs, des différences sont à noter dans les croyances et dans le rituel des populations diverses. Celles-là dépendent des conditions naturelles, des traditions historiques et confessionnelles. C'est, par exemple, la somptuosité spécifique de la célébration du Carnaval dans les pays romanophones qu'on peut observer; ou l'importance du Saint-Georges dans l'Europe du Sud-Est; ou l'ascendant plus marqué de l'Eglise catholique en Espagne, en Italie, au Portugal, etc.

Ces derniers temps, l'ancien contenu des rites et coutumes «de calendrier» commence à être oublié, leur caractère ecclésiastique devient de plus en plus faible. Les fêtes populaires printanières ne gardent leur importance qu'en tant que divertissements traditionnels. En partie, elles se fondent avec les fêtes purement civiles et laïques, et cela surtout avec le 1er mai, la fête internationale du travail.

*

This volume is a continuation of the earlier book «Winter Holidays» (Moscow, 1973) and is devoted to the spring cycle of calendar rites among the peoples of the Western Europe. Both books describe folk rituals and beliefs, the historical roots of which can be traced back to the ancient times though many of them are celebrated in the frames of the Christian holidays and dates of the Church Calendar. The Spring Cycle embraces a period of annual awakening of nature — the time of main agricultural works: tillage, sowing, first spring cattle pasture.

Spring does not come to different countries at one and the same time. The same is true of the transitional period from spring to summer the time of which is conditioned by climate. This becomes still more complicated by the fact that the most important Christian Holiday — the Easter — and connected with it days of fast and holidays are determined by the Moon and not the Sun Calendar and are celebrated depending on the year in different days and months of Spring; consequently these «transitional» holidays are combined in different ways with «non-transitional» ones, adding to the variety of traditional customs and rituals. The proportion of Christian (church) and folk (heathen) elements in different holidays and customs is not equal. For example, the Ascension which comes forty days later the Easter in ist essence Christian holidays and very few folk customs are connested with this day; on the contrary Carnival (Bannocks Day) is a pure folk festival which in no way could be connected by church with a Christian date; «George Day» (April, 23) is also marked with pure folk customs.

Christian Trinity and a purely secular holiday — the first of May — are very much similar by the meaning of custom but the heathen element prevails. In some holiday customs the influence of antique tradition is rather distinct.

Folk customs of almost all peoples of Europe celebrated along with the data of Spring Calendar are very much similar: setting of ritual fires (bonfires, seldom torches, candles) beliefs in cleaning and fertility qualities of water; ritual scene of destroying and doing away with something evil (death, winter) in the appearance of a straw doll; various games, disguise and jokes during carnival days; ritual usage of greens, ritual meals (including Easter eggs) and many other. The common idea of these customs is to symbolize spring awakening of nature, fertility of soil, magic influence upon nature. Erotic element takes an important place in the rituals: courtship, magic of child-bearing. Some elements of cult of dead and ancestor worship and of customs preserving from evil are also traced here.

Together with common traces one notices some peculiarities in customs and beliefs of different peoples, which depend upon environment, historical traditions and con-

fessional affiliation. As, for example, in Roman — speaking countries Carnival is celebrated more spectacularly; in countries of south east Europe George Day is more important than in the West Europe; strong influence of the catholic church in Spain, Portugal and Italy is evident.

During recent years the old contents of calendar customs has been largely forgotten, their Christian meaning becomes weaker. Spring folk holidays preserve their importance only as traditional entertainments. Partly they coincide with civil secular holidays, as it is particularly in case with the International Labour Day — the 1st of May.

*

Der vorliegende Band ist eine Fortsetzung des Buches «Die Winterfeste» (Moskau 1973) und ist dem Frühjahrszyklus der Volksbräuche und- Rite von Auslandeuropa gewidmet. Genau so, wie in jenem Buche, werden hier Volksbräuche und Claubensvorstellungen beschrieben, welche einen sehr komplizierten Brauchtumskomplex darstellen, dessen historische Wurzeln in tiefe Urzeit zurückreichen, obgleich manche davon an christliche Festtage und kirchliche Denktage geknüpft sind. Der Zyklus der «Frühlingsfeste» umfasst den Zeitraum des jährlichen Erwachens der Natur, die Zeit, wo die wichtigsten Landwirtschaftsarbeiten durchgeführt werden: Pflügen, Aussaat, Austrieb des Viehes usw.

Der Anfang des Frühjahrs und der Übergang vom Frühjahr zum Sommer finden nicht gleichzeitig in allen Ländern statt, bedingt durch das Klima. Dazu kommt noch, daß das christliche Ostern und die daran gebundenen Kirchenfeste und Fasttage nicht vom Sonnen—, sondern vom Mondkalender bestimmt werden; sie werden deshalb an verschiedenen Tagen und Monaten gefeiert. Diese «beweglichen» Festtage werden folglich verschiedentlich mit den «unbeweglichen» vereint. Dadurch wird die Mannigfaltigkeit der traditionellen Volksbräuche noch vermehrt.

Das Verhältniss der Kirchen- (christlichen) und der Volks-(Heiden-) Elemente in einzelnen Festen und Riten ist sehr verschieden. Z. B. ist die 40 Tage nach Ostern gefeierte «Himmelfahrt» wesentlich Kirchenfest, und nur wenige Volksbräuche sind damit verbunden; ganz umgekehrt, ist der Fasching (Karneval) eine rein volkstümliche Feier, und es ist der Kirche nicht gelungen, sie an irgendein christliches Datum anzuknüpfen. Ebenso ist der Georgen-tag (23/24 Apr.) durch rein volkstümliche Bräuche vermerkt. Das Kirchenfest Pfingsten (50 Tage nach Ostern) und die rein weltliche I-Mai-Feierlichkeit sind ihrem Inhalt nach untereinander sehr ähnlich, aber das «Heiden»-Element ist hier vorherrschend. An einigen Festbräuchen ist auch er Einfluß der antiken Tradition sichtbar.

Die an die Tage des Frühlingskalenders angeknüpften Volksbräuche sind bei fast allen Völkern Europas sehr ähnlich: Anzünden eines Ritualfeuers (Scheiterhaufen, seltener Fakeln, Kerzen); der Glaube an die reinigende und befruchtende Kraft des Wassers; rituelle Inszenierung des Austreibens und des Vernichtung von etwas Bösem (Tod? Winter?), durch Stroh- und Lumpenpuppe dargestellt; verschiedene Spiele, Tänze, Maskerade, Scherze und Kniffe während des Karnevals; der rituelle Gebrauch des Grünen; rituelle Kost (u. a. Ostereier), u. s. w. Die allgemeine Idee aller dieser Bräuche bildet die Symbolik des Frühlingswiederlebens der Natur, der Fruchtbarkeit der Erde, die magische Einwirkung auf die Natur.

Einen nicht geringen Platz nimmt hier das erotische Element ein: Hofmachen, Zeugungszauber. Eine Beimischung des Toten- und Ahnenkultus ist auch nicht zu leugnen, wie auch der Glaube an «unreine Wesen» (Hexenwelt) und die Vorsichtsmassnahmen gegen die letzten.

Neben den gemeinsamen Zügen, sind auch Unterschiede in den Riten und Glaubensvorstellungen bei einzelnen Völkern und Völkergruppen zu merken. Sie hängen

von den Naturbesonderheiten, von der historischen Tradition, von den Konfessionen u. a. ab. So, z. B. ist eine besondere Pracht des Karnevals in den romanischen Ländern sichtbar; eine besondere Wichtigkeit des Georgentages in dem S.-O. Europa; ein stärkerer Einfluss der Katolischen Kirche in Spanien, Portugal, Italien u. s. w.

In der letzten Zeit ist der althergebrachte Inhalt und die traditionelle Bedeutung der Kalenderbräuche und Riten in Vergessenheit geraten. Ihre kirchliche Färbung ist schwächer geworden. Die Frühlingsvolksfeste bewahren ihre Bedeutung nur als eine traditionelle Zerstreuung und ein Vergnügen besonders für Kinder und Jugendliche. Teilweise fliessen sie mit den weltlichen, Bürgerfesten, namentlich mit dem Internationalen Arbeiterfest I Mai zusammen.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

* * * * * * * * * * * * * * * * * * *

УКАЗАТЕЛЬ *

* Указатель включает в себя важнейшие предметы и термины, упоминаемые в тексте: названия праздников, обычаев; предметы, употребляемые при обрядах, мифологические персонажи, народные поверья и пр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ
В СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
АН СССР

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художник *А. Ф. Серебряков*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректор *Л. И. Харитонова*

Сдано в набор 30/VI 1976 г. Подписано к печати 3/XI 1976 г.
Формат 70×90[1]/[16]. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 26,75. Уч.-изд. л. 30,0. Тираж 27500. Т-16571. Тип. зак. 1358.

Цена 2 р. 23 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9-я линия, д. 12